

С. М. Толстая

Морфонология
в структуре
славянских
языков

Москва
1998

Российская академия наук
Институт славяноведения

Российская академия наук
Институт славяноведения

С. М. Толстая

Морфонология
в структуре
славянских
ЯЗЫКОВ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1998

Книга издана при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта 95-06-18700)

Морфонология в структуре славянских языков. — М.: Издательство
«Индрик», 1998. — 320 с.
ISBN-5-85759-077-9

В монографии обсуждаются теоретические вопросы славянской морфонологии, анализируются кардинальные для этой дисциплины понятия: морфонема, чередование, альтернативный ряд, морфонологическая позиция и др.; определяется место морфонологических явлений в структуре языка, соотношение морфонологии с другими лингвистическими дисциплинами — фонологией, морфологией, морфемикой. Автор критически оценивает идеи и методы, предложенные разными исследователями славянской морфонологии за полвека развития этой дисциплины, подчеркивая, что морфонологическое представление языка зависит от общей теории грамматики и принимаемых автором подходов — статического или динамического, аналитического или синтетического, реляционного или операционного. Во второй части работы предлагается опыт описания польской морфонологии: субстантивного и глагольного словоизменения и словообразования, парадигматики и деривации прилагательных и наречий. Описание основывается на исчерпывающем лексическом материале современного польского языка; анализируются колебания литературной нормы, касающиеся морфонологии. Книга адресована специалистам по славянскому и общему языкознанию, а также преподавателям и студентам филологических факультетов.

ISBN-5-85759-077-9

© С. М. Толстая, 1998
© Институт славяноведения
РАН, 1998

Оглавление

Введение

Славянская морфонология после Трубецкого	9
--	---

Часть первая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ ...	14
---	----

Глава 1

Морфонология и другие уровни языка	14
--	----

1. 1. Системность морфонологии и ее статус	14
--	----

1. 2. Морфонология и фонология	18
--------------------------------------	----

1. 3. Морфонология и грамматика (морфология)	25
--	----

1. 3. 1. Грамматическая роль морфонологических явлений и зона морфонологического в грамматике	26
--	----

1. 3. 2. Зависимость морфонологических интерпретаций от грамматических	30
---	----

1. 4. Морфонология и морфемика	34
--------------------------------------	----

1. 5. Акцентологические вопросы морфонологии	40
--	----

Глава 2

Принципы морфонологического описания	42
--	----

2. 1. Тип грамматики	42
----------------------------	----

2. 2. «Направленная» и «ненаправленная» морфонология	47
--	----

2. 3. Парадигматика или синтагматика	48
--	----

2. 4. Выбор или преобразование	49
--------------------------------------	----

Глава 3

Морфонологические единицы	51
---------------------------------	----

3. 1. Уровни в морфонологии	51
-----------------------------------	----

3. 2. Морфонологические корреляты фонемы: морфонема, альтернант, морфонемный (альтернационный) ряд	52
---	----

3. 3. Морфонологические корреляты морфемы	57
---	----

3. 4. Понятие основы	61
----------------------------	----

Глава 4**Морфонологические средства морфемного варьирования 70**

- 4. 1. Линейные преобразования основы 70
- 4. 2. Чередования 71
 - 4. 2. 1. Элементарное (индивидуальное) чередование.
 - Отождествление чередований 71
 - 4. 2. 2. Направление чередований. Исходная форма морфемы 73
 - 4. 2. 3. Обусловленность чередований 77
 - 4. 2. 4. Типы чередований 79
 - 4. 2. 5. Функции чередований 80
 - 4. 2. 6. Система чередований 80

Глава 5**Морфонологическая позиция 82****Часть вторая****ОЧЕРК ПОЛЬСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ 91****Глава 1****Морфонология субстантивного словоизменения 95**

- 1. 1. Субстантивная основа 95
- 1. 2. Позиции и условия чередований в субстантивных парадигмах 97
- 1. 3. Морфонологические типы субстантивных парадигм 105

Глава 2**Морфонология субстантивного словообразования.****Суффиксальные модели 116****Глава 3****Морфонология глагольного словоизменения 151**

- 3. 1. Структура глагольной парадигмы 152
- 3. 2. Система глагольных основ 153
- 3. 3. Типы глагольных основ 155
- 3. 4. Структура глагольной словоформы 160
- 3. 5. Инвентарь глагольных аффиксов 162
- 3. 6. Правила выбора альтернативных аффиксов 162
- 3. 7. Соотношение между правилами выбора
 - и правилами чередования 165

3. 8. Сочетаемость глагольных морфов в словоформе.....	167
3. 9. Чередования в глагольной парадигме.....	173
3. 9. 1. Чередование согласных в исходе глагольной основы (корня)....	173
3. 9. 2. Чередование согласных в аффиксах.....	179
3. 9. 3. Чередование гласных в исходе глагольной основы	180
3. 9. 4. Чередование <i>o</i> → <i>u</i> в корне	182
3. 9. 5. Чередование <i>ε</i> → <i>q</i>	189
3. 9. 6. Чередование <i>o</i> → <i>e</i> в глагольных корнях	191
3. 9. 8. Чередование гласных с нулем в корнях глаголов	191
3. 9. 9. Чередование гласных с нулем на морфемных границах (вокализация морфемных стыков).....	193
3. 9. 10. Чередование гласных в аффиксах.....	193
3. 10. Морфонологические типы глагольных парадигм.....	193
Глава 4	
Морфонология глагольного словообразования	204
4. 1. Первичные и вторичные глаголы. Словообразовательные глагольные аффиксы	204
4. 2. Имперфективные суффиксы	204
4. 3. Суффикс однократного действия <i>nq</i>	208
4. 4. Первичные глагольные суффиксы.....	208
4. 5. Глагольная префиксация.....	212
Глава 5	
Морфонологическая характеристика прилагательных и наречий	219
5. 1. Словоизменение прилагательных	219
5. 2. Степени сравнения прилагательных (синтетические формы)	220
5. 3. Словообразование прилагательных. Суффиксальные модели	221
5. 4. Морфонология наречных суффиксальных образований	239
5. 5. Степени сравнения наречий	243
Глава 6	
Морфонологические модели словообразования (в сопоставлении с моделями словоизменения).....	245
6. 1. Особенности словообразовательной морфонологии	245
6. 2. Понятие морфонологической модели	247
6. 3. Морфонологические корреляции и морфонологические классы согласных	248
6. 4. Состав консонантных чередований.....	252

6. 5. Стандартные модели консонантных чередований.....	253
6. 5. 1. Модели палатализации.....	254
6. 5. 2. Модели диспалатализации.....	260
6. 5. 3. Смешанная (палатализационно-диспалатализационная) модель.....	262
6. 5. 4. Йотация.....	262
6. 5. 5. Амбивалентная (нулевая) модель.....	263
 Вместо заключения.....	 264
 Приложения	 266
Приложение 1. Морфонологические корреляции согласных в русском языке.....	266
Приложение 2. К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на <i>*-eъje</i>	277
Приложение 3. К морфонологии польского субстантивного словоизменения.....	287
1. Чередование гласных с нулем.....	287
2. Чередование согласных внутри основы.....	303
 Литература	 311
 Значения используемых символов	 319

Введение

Славянская морфонология после Трубецкого

Основателем морфонологии как отдельной лингвистической дисциплины по праву считается Н. С. Трубецкой, которому принадлежит не только разработка теоретических понятий и методов морфонологии [Трубецкой 1929 и 1931/1967], но и первые опыты их практического применения к конкретному материалу славянских языков — полабского [Трубецкой 1930], русского [Трубецкой 1934/1987] и старославянского [Трубецкой 1954/1968]. И хотя до Трубецкого явления грамматически значимых альтернатив уже привлекали к себе внимание и были выделены из общих морфологических описаний славянского словоизменения и словообразования (И. А. Бодуэн де Куртене, С. Крушевский, Х. Улашин), именно в работах Трубецкого они получили систематическое освещение и осмысление на теоретической базе пражской лингвистики, см.: [Станкевич 1964, 1966, 1976]. Морфонология Трубецкого явилась естественным продолжением пражской фонологии с ее принципом функциональности звуковых единиц. Не случайно, что именно славянские языки стали базой теоретической морфонологии, ибо роль фонологических модификаций морфем в грамматике славянских языков чрезвычайно велика.

После пионерских работ Трубецкого наступил значительный перерыв в разработке проблем славянской морфонологии. Интерес к ним возобновился по существу лишь в 60-е годы и стал особенно интенсивным в 70-е годы, отмеченные плодотворными дискуссиями по теоретическим вопросам морфонологии и появлением обстоятельных конкретных описаний морфонологии болгарского, русского, польского языков. Хотя большинство исследователей после Трубецкого декларативно исходили из его определения задач морфонологии, практически предмет морфонологии, с одной стороны, расширился за счет нескольких не предусмотренных Трубецким разделов, с другой стороны — не вся проблематика, намеченная им, разрабатывалась с одинаковой интенсивностью.

Выделенные Трубецким разделы морфонологии — 1) теория фонологической структуры морфем, 2) теория комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, 3) теория звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию, — соответствующие естественной последовательности лингвистического анализа и как бы продолжающие друг друга (структура морфем → допустимые и возможные модификации этой структуры → основные регулярные механизмы этой модификации), — сохраняют в то же время известную автономность, и каждый из разделов допускает свое особое развитие в сторону удаления от той общей линии, которая их связывает.

Так, описание фонологической структуры морфем (теперь было бы привычней говорить о морфонологической структуре, ибо само ограничение морфемными рамками противоречит «всеобщей», независимой от грамматики, природе фо-

нологии) предполагает выделенными сами морфемы, подлежащие описанию, между тем проблема морфемного членения слова (или текста) представляет собой самостоятельную область, непосредственно предшествующую морфонологии в смысле Трубецкого и вполне вписывающуюся в логику его определения. Именно такое расширение границ морфонологии, даже если оно осуществляется в рамках традиционного морфологического или словообразовательного исследования, закономерно появляется в работах последних десятилетий (ср. [Кубрякова 1974; Поливанова 1976; Лопатин 1977; Лясковский 1973₁]).

Столь же естественно включение в морфонологию проблематики отождествления (идентификации) морфем, являющейся оборотной стороной выделенного Трубецким вопроса о модификации морфем: у Трубецкого ставится задача выявления всех контекстных вариантов одной морфемы (сама морфема считается заданной), здесь, наоборот, ставится задача отождествления выделенных на предыдущих этапах исследования контекстных вариантов в качестве представителей одной морфемы, см. [Кубрякова 1974, гл. 3].

Наконец, и третий раздел морфонологии (по Трубецкому) становится основой целой развитой области, включающей не только предусмотренную Трубецким характеристику чередований в зависимости от условий и по их грамматическим функциям, но и такие ответвления этой проблемы, как структура альтернативных рядов в словоизменении и словообразовании, морфонологическая структура именных и глагольных парадигм, система морфонологических единиц (морфем), морфонологические корреляции согласных и т. п. См. [Бромлей 1974; Попова 1975; Толстая 1976; 1981₂; Славянская морфонология 19874].

Вместе с тем, морфонологическая концепция Н. С. Трубецкого не является единственным идейным импульсом современной морфонологии. Другим мощным импульсом, быть может, интуитивно значимым и для Трубецкого, стала эксплицированная в наше время потребность в единстве (непротиворечивости, согласованности) описания языка на всех его уровнях, особенно последовательно выраженная в некоторых направлениях современной лингвистики (в частности, в направлениях генеративного толка). В рамках такого рода представлений морфонология оказывается необходимой ступенью перехода от фонологического уровня к морфологическому (при анализе) и от морфемного представления к фонемному (при синтезе). Такое понимание морфонологии характерно, например, для Т. В. Булыгиной: «Необходимость и целесообразность системного описания морфонологии (т. е. включение морфонологического компонента в описание соответствий между морфолемным представлением словоформ и их фонетической репрезентацией) связана с двумя обстоятельствами: 1) с хорошо известным фактом звукового варьирования морфем (отсюда недостаточность установления словаря морфем, в котором каждая была бы представлена единственной фонетической конфигурацией), и 2) с наличием определенных закономерностей этого варьирования (делающих излишним представление каждой морфемы в виде совокупности различных „алломорфов“» [Булыгина 1977, 209].

Взгляд на морфонологию как на систему соответствий между фонологией и морфологией порождает потребность в таком определении ее границ, которое не оставляло бы «зияний» при переходе от одного уровня к другому. Отсюда и

проистекает широкое понимание морфонологии, включающее, кроме определенных Трубецким вопросов, и вопросы членимости слова, его морфемной структуры, и правила выбора морфов (при синтезе словоформ или основ) или их распределения (при анализе), т. е. вопросы, которые традиционно относились к морфологии (словоизменению и словообразованию). Можно, вероятно, сказать, что к морфонологии, понимаемой столь широко, относится исследование организации (структуры) всего плана выражения морфонологии. Ср.: «Целью формального аспекта морфологического исследования (который здесь условно называется морфонологическим. — С. Т.) можно считать разграничение всего того, что заслуживает быть разграниченным, — в первую очередь функционально значимых и „незначимых“ чередований, а также регулярных и нерегулярных явлений морфемного варьирования, различных типов их обусловленности и т. п.» [Булыгина 1977, 207].

Расширение области морфонологии на весь формальный план морфологии (включая словообразование) делает понятным тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что чем более самостоятельной становится морфонология как особая лингвистическая дисциплина, чем более автономный статус она приобретает, тем более очевидной становится зависимость морфонологии от результатов морфологического и словообразовательного анализа, тем более «морфологический» или «словообразовательный» вид принимают некоторые претендующие на полноту морфонологические описания «аналитического» направления (ср. [Аронсон 1968; Попова 1975; Лопатин 1977]). Напротив, морфонологические работы, ориентированные на «синтез», остаются относительно независимыми от описания двусторонних морфологических единиц (подробнее об этом ниже).

Как самостоятельный раздел морфонология представлена лишь в новейших грамматиках славянских языков, в частности, русского [Грамматика 1970, 1979, 1982], польского [1984], чешского [1986]. Эти разделы весьма существенно отличаются друг от друга и по объему обобщаемых в них фактов, и по подходу к ним. В одних грамматиках морфонология предстает как органическая часть формальной морфологии, в других — скорее как функциональная фонология морфем. В первом случае дается по возможности исчерпывающий обзор грамматических функций (контекстов), характерных для каждого морфонологического явления (чередования), во втором — делается акцент на парадигматике чередований, их систематизации и типологии. Неотработанность «жанра» подобных разделов является, безусловно, следствием разного представления (или отсутствия четкого представления) о границах и структуре самой морфонологии, что в свою очередь объясняется недостаточной изученностью морфонологических явлений в отдельных славянских языках.

Тем не менее в последние десятилетия появилось немало исследований, посвященных конкретным вопросам славянской морфонологии, — как теоретического, так и практического характера. К наиболее полным описаниям морфонологии отдельных славянских языков относятся монографии Г. Аронсона по болгарскому словоизменению [1968/1974], В. Г. Чургановой — по русской именной и глагольной морфонологии [1973], Т. В. Поповой — по диалектной болгарской глагольной морфонологии словоизменения [1975], Р. Ляскового [1975], Б. Дуная [1979] и К. Ковалик [1997] — по польской морфонологии,

В. В. Лопатина [1977] — по русской словообразовательной глагольной морфемике, Н. Е. Ильиной — по морфонологии глагола в русском языке [1980], В. П. Русак — по морфонологии белорусского глагола [1990], С. Г. Гаджиевой по морфонологии старославянского глагольного словоизменения [1992]. Обилие монографий по славянской глагольной морфонологии, как и множество статей на эту тему, инспирировано знаменитой работой Р. О. Якобсона о русском спряжении [Якобсон 1948]. См. [Шенкео 1954ж Ван Схонефелдъ 1959; Халле 1963; Гладжней 1963; Исаченко 1964; Кржижкова 1964; Лайтнер 1965, 1966; Ленчек 1966; Ван Кэмпен 1968; Ворт 1970; Миклезен 1972; Телин 1973; Скоумалова 1978; Панцер 1978; Лефельд 1978, 1985; Янко-Триницкая 1971].

Историческим аспектам морфонологии посвящены монографии С. Б. Бернштейна [1974], З. Скоумаловой [1976], Ж. Ж. Варбот [1984]; см. также [Аванесов 1968]. К этому направлению может быть также отнесена большая серия работ по славянской акцентологии [Дыбо 1981, Дыбо 1982–1987, Основы 1990, Станкевич 1979, Зализняк 1985 и др.]. См. также обзор публикаций по этой теме [Дундайте 1975].

Начало сопоставительному и типологическому изучению славянской морфонологии положили работы Э. Станкевича шестидесятых годов [Станкевич 1960, 1962₁, 1962₂, 1963, 1966, 1967], где были приведены яркие примеры, демонстрирующие типологическую значимость морфонологических показателей. В дальнейшем этот аспект славянской морфонологии почти не разрабатывался. Заметным исключением является интересный опыт типологии флективных основ, предложенный Л. Дюровичем [1973], статьи С. Б. Бернштейна по сопоставительной морфонологии презентных глагольных форм [Бернштейн 1970], попытка сопоставления морфонологических систем субстантивного словоизменения славянских языков [Славянская морфонология 1987] и работа А. А. Зализняка, посвященная типологии морфонологических моделей *Луць — Луцинь* и *Лукъ — Лукинь* [Зализняк 1991]; см. также [Толстая 1994, 1996].

В области теоретических и методических вопросов славянской морфонологии наибольший резонанс получили работы Т. В. Булыгиной, Д. Ворты, А. В. Исаченко, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, В. Б. Касевича, Е. С. Кубряковой, Р. Лясковского, Ю. С. Маслова, М. В. Панова, Э. Станкевича.

* * *

Книга включает работы, писавшиеся и частично публиковавшиеся (см. литературу) в разное время, с большими перерывами, на протяжении двадцати с лишним лет. Постепенно они сложились в некоторый связный текст, излагающий взгляды автора на основные понятия, аспекты и методы современной славянской морфонологии. Попытки разобраться в наиболее дискуссионных вопросах этой дисциплины почти всегда приводили к выводу, что существующие между исследователями разногласия отражают не столько взаимоисключающие подходы к морфонологии, сколько ее разные аспекты — не альтернативные, а взаимно дополняющие, каждый из которых занимает свое необходимое место в общем морфонологическом представлении языка. Интерес к тео-

ретическим вопросам поддерживался и питался опытами анализа конкретных морфонологических явлений славянских языков — русского, сербскохорватского и особенно польского. Вторая часть книги представляет собой попытку целостного описания польской морфонологии сквозь призму грамматики и выявления на его основе инвентаря наиболее регулярных морфонологических моделей. При подготовке настоящего издания тексты подверглись некоторой редакционной унификации, однако полностью устранить имевшиеся несогласованности между отдельными частями, к сожалению, не удалось.

На разных этапах работы мне пришлось обсуждать вопросы славянской морфонологии со многими московскими и польскими коллегами. С книгой в той или иной степени ознакомились и высказали свои соображения и критические замечания Н. Е. Ананьева, Т. В. Булыгина, Ж. Ж. Варбот, Е. А. Земская, М. И. Ермакова, Е. С. Кубрякова, Т. В. Попова, В. З. Санников, Т. С. Тихомирова, В. Н. Топоров, В. В. Усачева. Главы польской части обсуждались с известными специалистами по польской морфонологии и грамматике Романом Лясковским (Краков — Гетеборг) и Зигмунтом Салони (Варшава). Неоценимую помощь оказала мне Эва Зофья Рудник-Карватова (Варшава), просмотревшая весь польский материал и сделавшая ряд важных уточнений и поправок. Основной труд по компьютерному набору книги взяла на себя М. Н. Толстая. Всем названным лицам я приношу искреннюю благодарность. С особым чувством почтения и признательности я вспоминаю С. Б. Бернштейна, неизменно поддерживавшего мои занятия морфонологией.

Часть первая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ

Глава 1

Морфонология и другие уровни языка

1.1. Системность морфонологии и ее статус

В лингвистике до сих пор нет единого, общепризнанного понимания морфонологии, ее предмета, задач, ее статуса в кругу лингвистических дисциплин. Объективной основой отрицания самостоятельности морфонологии является сложность, неоднородность самого предмета, который, с одной стороны, пересекается с традиционной областью фонологических фактов (позиционно обусловленные чередования, фонемный состав морфем), а с другой стороны — захватывает явления, имеющие явно иную природу (морфологические, или традиционные чередования). Объединение же этих разнородных отделов в рамках одной дисциплины достаточно убедительно мотивируется тем, что как одни (условно «фонологические»), так и другие (условно «морфологические») факты характеризуют фонемную структуру морфемы и возможности ее варьирования в словоизменении и в словообразовании, и с этой точки зрения отличаются друг от друга лишь степенью и типом обусловленности.

Из трех возможных решений, предусмотренных уже Н.С. Трубецким, а именно: 1) морфонология — часть фонологии слова, 2) морфонология — раздел грамматики и 3) морфонология — связующее звено между морфологией и фонологией, — в работах последних десятилетий наименее популярно первое, т.е. как раз то, которое предпочитал сам Трубецкой. А.А. Реформатский, признавая важность изучения пограничных между фонологией и грамматикой явлений («морфонология, что бы в нее ни включать, на мой взгляд, абсолютно необходимый для лингвистики уровень языковой онтологии и необходимый раздел лингвистики, где получают структурную связь два основных яруса языка, а тем самым и два раздела лингвистики: фонология и морфология» [Реформатский 1975, 99]), отказывает морфонологии в статусе самостоятельного уровня языка на том основании, что она не имеет собственной единицы: «Как „небазисный“ уровень морфонология (в тексте ошибочно: морфология. — С.Т.) не имеет своей единицы, а опирается, с одной стороны, на „базисный“ уровень (точнее: ярус) — фонологию, с другой сто-

роны, на „базисный“ уровень (точнее: ярус) — морфологию, оперируя единицами этих уровней (точнее: ярусов) — фонемой и морфемой. Никакой „морфонемы“ нет и быть не может» [там же, 116]. Решительное отрицание А.А.Реформатским морфонемы (по крайней мере морфонемы в смысле Улашина; об этом см. раздел 3.2) естественно вытекает из фонологической концепции Московской фонологической школы (МФШ), к которой принадлежал А.А.Реформатский. Другие точки зрения на этот вопрос будут разобраны ниже.

Вместе с тем, А.А.Реформатский настойчиво отстаивает автономность морфонологии по отношению к фонологии и морфологии: «морфонология — и не фонология, и не морфология, а „мостик“ между ними!» [там же, 109]. Морфонологические закономерности, по мнению А.А.Реформатского, относятся не столько к системе языка, сколько к норме: «Морфонология, поскольку это факты языка, конечно не чужда системы и системности, но из всех языковых фактов — факты морфонологии больше касаются нормы, а не системы; морфонология не глобальна, а „штучна“» [там же, 118].

Подобная точка зрения, отрицающая или ставящая под сомнение регулярность и системность морфонологических явлений в противоположность явлениям фонологии и морфологии, отнюдь не является общепринятой. Ей противостоит мнение о достаточно высокой регулярности морфонологии и стремление разграничить в пределах морфонологии явления разной степени регулярности. Так, Т.В.Булыгина считает, что «регулярность явлений формального варьирования морфем представляет собой необходимое условие системного описания морфологии» [Булыгина 1977, 213]. «Одна из задач морфонологии, — пишет Т.В.Булыгина, — состоит, по нашему мнению, в том, чтобы описать явления морфемного варьирования более рациональным (или — если угодно — более экономным) образом, чем просто путем перечисления всех алломорфов каждой морфемы в отдельности, и — опять-таки индивидуальных для каждого алломорфа — указаний относительно условий его употребления... Ясно, что названная задача выполнима постольку, поскольку законы морфемных модификаций относятся не к индивидуальным единицам, а к целым классам единиц, т.е. поскольку речь идет о повторяемости, об одинаковости морфонологического поведения единиц одного класса в однотипных позициях. Обнаружение регулярности такого рода — достаточно сложная задача, если, конечно, не сводить ее к чисто констатирующему составлению списков альтернантов» [там же, 210]. Наряду с действительно нерегулярным; «традиционным» варьированием звукового облика морфемы, как в русск. *сосед* — *соседи*, *ухо* — *уши*, *друг* — *друзья*, существуют явления, регулярность которых приближается к регулярности фонетических правил. «Именно эти регулярные, подчиняющиеся вполне определенным правилам явления, очевидно, и составляют центральный объект морфонологии, обеспечивая ее относительную самостоятельность внутри морфологии. Если бы никаких морфонологических закономерностей не было, морфонология перестала бы существовать в качестве особого раздела лингвистики — как не существует, например, „супплетивология“» [там же, 213].

То, что морфонологические явления не индивидуальные, а системны, регулярны, предсказуемы, легко показать на примере консонантных чередований. Они обнаруживают по крайней мере две систематических закономерности.

сти: 1) каждый согласный чередуется не со всяким другим согласным, а лишь с одним или несколькими определенными согласными (например, в русском языке *r* чередуется только с *r'*, *g* — только с *ž*, *m* — либо с *m'*, либо с *ml'*); 2) в каждой конкретной позиции (словоизменительной форме, словообразовательном типе) чередованию подвержен не один какой-нибудь согласный, а, как правило, целый ряд согласных, выступающих в исходе соответствующих основ (морфем), т. е. каждая такая позиция характеризуется определенным альтернативным рядом (например, в парадигме настоящего времени глаголов на *-ить* чередуются не только *m' ~ ml'*: *кормит* — *кормлю*, но и *v'-vl'*: *ловит* — *ловлю*, *p' ~ pl'*: *топит* — *топлю*, *b' ~ bl'*: *рубит* — *рублю*, *t' ~ č'*: *свтит* — *свечу*, *d' ~ ž'*: *ходит* — *хожу*, *s' ~ š'*: *просит* — *прошу*, *z' ~ ž'*: *возит* — *вожу*). Более того, подобные соотносительные ряды представлены не только в этой одной позиции, но и во многих других позициях (ср. *носить* — *ноша*, *ловить* — *ловля*, *купить* — *купля* и т. д.), а число таких разных позиций, вызывающих разные типы чередований, ограничено.

Можно говорить, таким образом, о регулярности парадигматической, относящейся к варьированию фонемного состава индивидуальных морфем, и регулярности синтагматической, характеризующей модификацию морфем разных типов в каждой отдельной позиции.

Регулярность морфонологических явлений, прежде всего чередований, может быть оценена с помощью нескольких формальных критериев. Парадигматическая регулярность в морфонологии может быть измерена количеством морфем, подверженных тому или иному виду модификации, по отношению ко всем морфемам, удовлетворяющим условиям такой модификации, или же вообще числом морфем, имеющих тождественные модели морфонологических «парадигм» (например, {*xod* — *xod'* — *xož* — *xožd'*} и {*vod* — *vod'* — *vož* — *vožd'*} или {*molod* — *molod'* — *molož*} и {*glad* — *glad'* — *glaž*}). Синтагматическая регулярность предполагает, что морфы одной и той же формальной структуры (например, морфы с одинаковыми консонантными исходами при общности грамматических характеристик) в одних и тех же морфонологических позициях должны иметь тождественный тип модификации, например, одну и ту же ступень чередования, см.: [Толстая 1975, 104–105], а также Приложение 1.

Степень регулярности чередований зависит от характера их обусловленности. Наибольшей регулярностью отличаются фонологически обусловленные чередования, наименьшей — необусловленные чередования, появление которых в данной грамматической позиции необязательно. От регулярности (обязательности при данных условиях) следует отличать сферу действия чередования, его лексический объем, измеряемый числом морфем (основ), подверженных чередованию. Абсолютно регулярные чередования могут отличаться малой сферой действия из-за ограниченности круга основ, удовлетворяющих условиям чередования, или малой мощности соответствующих аффиксов.

Для морфонологии, имеющей дело с явлениями, несравненно менее регулярными, чем фонологические и грамматические, особенно важен этот аспект, т. е. ее отношение к словарю. По существу морфонологические правила формулируются для классов лексем (основ) определенной фонологической струк-

туры (например, для основ, оканчивающихся на заднеязычный согласный) и определенных грамматических категорий — те же основы на заднеязычные имеют разные морфонологические свойства у глаголов, существительных и прилагательных, у существительных мужского и женского рода, у существительных мужского рода одушевленных и неодушевленных, личных и неличных (как в польском) и т. д. Но есть в области морфонологии и собственно лексические ограничения, не связанные с какими-либо грамматическими категориями, а объясняемые, например, неупотребительностью отдельных грамматических форм для некоторых лексем или специфическими грамматическими показателями (например, *oko* — *очи*, *drug* — *друзья* и т. п.).

Морфонологически релевантными, т. е. определяющими наличие/отсутствие или характер чередования, могут быть не только фонологические и грамматические признаки основ (морфем), но и их лексические, семантические и даже стилистические характеристики. Так, могут существенно расходиться в своих морфонологических свойствах исконные и заимствованные слова. Подобно тому, как в фонетике последние составляют периферию, которой не достигают действительные для всей исконной лексики закономерности (в том числе такие фундаментальные, как, например, русское аканье или смягчение согласных перед [e]), в морфонологии иноязычные лексемы и морфемы отмечены особым морфонологическим поведением, особыми, нестандартными типами чередований, усечений [Лопатин 1977], отсутствием регулярных акцентных чередований, которые нередко «восстанавливаются» по мере освоения слова [Зализняк 1977]. В польском склонении существительных лично-мужского рода формы Им. падежа мн. числа с чередованием и без него противопоставляются как нейтральные и пренебрежительно-пейоративные или иронические (например, *stynni aktorzy* и *jakieś aktory*); в экспрессивных целях используются нестандартные чередования в словообразовании, например, *s - x* в *włos* — *włochaty*, *nos* — *nochaty*, *nochal* [SJPD 5, 337] и т. п. Все эти примеры зависимости морфонологии от лексики, наличия индивидуальных явлений для отдельных слов или групп слов, все же не позволяют считать морфонологию «штучной», по выражению А. А. Реформатского. Они заставляют лишь более внимательно отнестись к формулировке морфонологических правил и признать необходимость строгого определения сферы действия каждого правила и характерных для него ограничений.

Вопрос о формальном статусе морфонологии как науки и как компонента языковой системы (раздел фонологии, раздел грамматики, самостоятельный уровень, промежуточный уровень и т. п.) в последнее время явно утратил свою остроту, что связано, по всей вероятности, с общим усилением позиции грамматического или вообще функционального подхода, который определенно преобладает и в исследованиях по морфонологии, причем некоторые, условно говоря, «фонологические» аспекты морфонологии, интересовавшие Трубецкого, почти не разрабатываются в последние годы (в частности, отошла на второй план и теория чередований).

«Место морфонологических данных в общем описании языка еще недостаточно ясно, — считает Е. С. Кубрякова. — Не вызывает, однако, сомнения, что сведения морфонологического характера играют гораздо большую роль, чем

им до сих пор отводилась. Это стало особенно очевидным с развитием теории порождающих грамматик, выдвинувшей задачу ориентировать морфологическое описание не на готовые словоформы, а на процесс их построения в языке» [Кубрякова 1974, 104]. См. также [Макаев, Кубрякова 1969].

Т. В. Булыгина справедливо предостерегает против отождествления морфологической концепции исследователей и принятой в рамках той или иной традиции терминологии: «Мнения о необходимости включения морфологических явлений в компетенцию грамматики придерживаются многие лингвисты <...> независимо от того, как они называют соответствующий раздел лингвистики: морфонология, морфология, как Мартине, „системная фонология“ или просто фонология, как трансформационалисты» [Булыгина 1977, 206].

1.2. Морфонология и фонология

Пограничное положение, занимаемое морфонологией, создает сложную зависимость морфологических интерпретаций от результатов фонологического и морфологического анализа. С фонологией морфонологию связывает не только общий объект (звуковая субстанция языка), но и общий в значительной степени понятийный аппарат, поэтому можно говорить о связи этих двух дисциплин и на уровне фактов языка, и на уровне метаязыка.

В первом случае, когда речь идет о фактах языка, вопрос сводится к установлению границы между областью фонологических явлений и областью морфологических явлений, которая проводится по-разному в зависимости от принимаемой исследователем концепции фонемы. Достаточно очевидно, что морфонология, базирующаяся, например, на фонологической концепции московской школы, должна по своему содержанию отличаться от морфонологии, исходящей из ленинградской концепции фонемы. Эти две концепции в принципе сходны в том, что касается смыслоразличительной функции фонемы, и, более того, они в общем согласуются в своих выводах об инвентаре русских фонем, если не считать известных отличий, связанных с трактовкой безударных гласных или *i* и *y*, которые отнюдь не являются прямым следствием их принципиальных расхождений. Принципиальное расхождение следует, как кажется, видеть в том, как трактуется в каждой из школ проблема отождествления реальных единиц текста с предварительно выделенными (совсем иной процедурой; скажем, на основе минимальных пар) фонемами¹.

Нужно сказать, что при этом затрагивается более общая проблема лингвистики — необходимость различать между способом выделения парадигматических единиц (для чего достаточно одного единственного противопоставления,

¹ В данном случае мы не имеем в виду той версии московской концепции фонологии, которая принадлежит М. В. Панову. В его книге «Русская фонетика» (М., 1967) указанное различие, хотя и совсем иначе трактуемое, лежит в основе противопоставления синтагмофонетики и парадигмофонетики. С нашей точки зрения, содержание этой книги не только не исчерпывается фонетикой, но оно не исчерпывается также и фонологией, а содержит, помимо них, еще и добрую часть морфонологии (по существу, морфонологией является вся парадигмофонетика).

т. е. — в другой терминологии — одной сильной позиции) и способом отождествления реальных единиц текста с уже выделенными элементами системы. Что эти способы могут быть разными при одном и том же инвентаре элементов, легко показать на примере идентификации фонем по различительным признакам.

Так, выделение признака глухости — звонкости, допустим, на основе оппозиции *t ~ d* никак не предопределяет результата идентификации русской фонемы *c*. Точно так же, как в данном случае возможна трактовка этого признака как релевантного для фонемы *c*, исходя из того, что этот признак фонологически релевантен для системы в целом, т. е. хотя бы для одной пары ее членов, и физически (артикуляторно-акустически) приемлем для *c*, — точно так же в ленинградской интерпретации одна фонема (в иной терминологии — «слабая») отождествляется с другой («сильной»), фонологически значимой в системе, на основании физического сходства. Совершенно иной принцип идентификации в московской школе. Иначе говоря, одно дело установление инвентаря фонем (здесь отличия московской и ленинградской школ не столь велики), и совсем другое дело — определение фонемного состава реальных морфем, или, точнее, отождествление каждой конкретной единицы морфемы с уже известными фонемами. Именно в этом втором кроется коренное различие московской и ленинградской теории, во всяком случае с точки зрения морфонологии.

Если в морфеме *пруд* последнюю фонему отождествить с *t*, как сделали бы ленинградцы, то придется, анализируя фонемный состав этой морфемы в других словоформах (Род. ед. *пруда* и т. д.), признать в ней наличие чередования *t ~ d*, зависящего от окружения. Если же в духе московской теории идентифицировать последнюю фонему как звонкую *d*, то, строго говоря, ни о каком чередовании не может быть речи. Точно так же мена твердых и мягких согласных в парадигме существительных (*стол — на столе, вода — в воде* и т. п.) будет в одном случае считаться фонемным чередованием, а в другом — позиционным фонетическим варьированием. На это обстоятельство обратил внимание и З. Оливериус: «Если смотреть с точки зрения фонетических школ одного типа, то в словах *сад — сада, слово — слова* мы найдем чередование, а в словах *книга — книге, дух — духе* никакого чередования не обнаружим; но если придерживаться взглядов других фонологов, то дело обстоит совсем наоборот» [Оливериус 1970, 50].

Разумеется, что общая фонологическая позиция исследователя сказывается и на принимаемых им частных морфонологических решениях. Так, признание *i* и *y* в русском языке одной фонемой неизбежно влечет за собой признание непозиционного чередования твердых и мягких согласных перед этой фонемой (ср. *стол — столы, но стал — стали; сосуд — сосуды, но сосед — соседи* и т. п.), тогда как противоположная трактовка — т. е. признание за каждым из звуков фонологической самостоятельности — приводит к интерпретации этого чередования как в полной мере обусловленного позиционно.

Таким образом, приверженность к московской трактовке фонемы не позволяет признать позиционные фонологические чередования особым разделом, отторжимым от фонологии, поскольку сама фонологическая концепция исхо-

дит из морфемы и всего ряда ее позиционных вариантов (не говоря уже о той ее версии, в которой формулируется понятие фонемного ряда). Тем более очевидна недопустимость в рамках московской теории понятия «морфонема», которое по существу уже содержится в понятии фонемы. Напротив, ленинградская теория не должна, по-видимому, исключать возможности признания морфемы как обобщения позиционно чередующихся в составе морфемы фонем. Что же касается чередования, то это понятие прямо вытекает из ленинградской концепции.

Действительно, в работах по морфологии русского и других славянских языков, ориентированных на концепцию московской фонологической школы, проводится резкое разграничение «обусловленных» и «необусловленных» (т. е. морфологических) чередований, причем первые безоговорочно исключаются из морфологии, ср.: «Необходимой предпосылкой морфологического описания представляется нам строгое отграничение морфологических явлений от фонологико-фонетических как явлений другого языкового уровня. С нашей точки зрения, нельзя считать позиционные видоизменения одной и той же фонемы объектом морфологического анализа» [Лопатин 1977, 124, ср. также Попова 1975, 15 и др.).

Столь же безоговорочно исследователи, придерживающиеся других фонологических концепций, включают автоматические чередования в морфологию, ср.: «...то, что для морфологии существенны не только так называемые грамматические, или морфологические, чередования (типа англ. *goose — geese, evident — evidence*), принадлежность которых к морфологии, кажется, никто не оспаривает, но и так называемые автоматические чередования (типа русск. *нога — но[к], ра[п] — раба* или *стена — сте[н']е*), сомнению, по-видимому, не подлежит» [Булыгина 1977, 205]. Уместно в связи с этим вспомнить, что Бодуэн де Куртене объединял термином «альтернация» все разновидности звуковых модификаций морфемы, как обусловленные позиционно, так и необусловленные [Бодуэн де Куртене 1963]. Точно так же морфология Трубецкого содержит оба этих раздела [Трубецкой 1934/1987], и это прямо вытекает из его определения объема и задач морфологии².

Однако непримиримость столь полярно сформулированных точек зрения в значительной мере кажущаяся. Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что «автоматические» чередования представляют собой один из видов модификации, варьирования звукового состава морфем и в качестве такового должны рассматриваться в одном ряду с другими видами варьирования, обусловленными грамматически. Разумеется, они же остаются в ведении фонологии, однако в рамках фонологии закономерности этого типа не формулируются в терминах чередований и вообще безотносительны к звуковому составу морфем. Таким образом, можно сказать, что так называемые автоматические чередования, будучи рассмотрены по отношению к морфеме, ее фонем-

² Совсем иначе следует понимать объединение автоматических и неавтоматических чередований в работах генеративного направления, для которого характерно стремление охватить фонологической терминологией (и, в частности, «признаковой» записью) любые преобразования исходных репрезентаций по направлению к поверхностному, фонетическому представлению.

ному составу, должны принадлежать морфонологии, а лежащие в их основе закономерности фонологической системы, формулируемые в терминах синтагматических ограничений, сильных и слабых фонем и т. п., останутся в ведении фонологии. В таком раздвоении объекта нет ничего удивительного, как не удивительно то, что слово является объектом и морфологии, и словообразования, и синтаксиса.

Наконец, не всегда удается однозначно определить то или иное чередование как фонологическое или морфонологическое. Так, например, в чередовании твердых и мягких согласных в исходе глагольной основы перед суффиксами *-ну*, *-ник*, *-чик*, *-щик*, *-ств(о)*, *-ск* и т. п. В. В. Лопатин видит чисто фонологическое чередование сильных и слабых фонем («во всех этих позициях фонетически возможна только парно-твердая или парно-мягкая согласная») и на этом основании исключает его из морфонологического описания [Лопатин 1977, 125–126]. Между тем привлечение соотносительных чередований, имеющих место в тех же позициях, и, в частности, чередований шипящих с заднеязычными, приводит к выводу, что, например, позиция перед *-ну* не может быть исключена из числа морфонологически значимых позиций, поскольку в ней представлено регулярное чередование типа *кричать* — *крикнуть*, *дрожать* — *дрогнуть*, которое никак не может быть объяснено фонологически. Таким образом, квалификация данной позиции как морфонологической (вызывающей нейтрализацию морфонологической «палатальности») позволяет единообразно объяснить большее количество фактов (и чередования переднеязычных, и чередования шипящих), тогда как фонологическая интерпретация действительна лишь для переднеязычных (и губных, которые здесь не рассматривались), а для шипящих требуется особое правило. Это еще один пример того, что одни и те же явления (чередования переднеязычных) могут иметь и фонологическую, и морфонологическую интерпретацию, поэтому нет оснований исключать их из морфонологического описания — они должны быть учтены в их морфонологическом статусе и объяснении, при том, что фонологическая их трактовка остается бесспорной и актуальной в другом контексте.

Еще одним важным для разграничения морфонологии и фонологии вопросом является соотношение их основных единиц. Поскольку морфонология представляет собой некоторую «надстройку» над фонологией и если не следующий, верхний по отношению к ней уровень, то во всяком случае «прослойку» («мостик», по Реформатскому) между фонологией и морфологией, то, по-видимому, единицы морфонологии должны составлять по отношению к фонологическим единицам следующую, более высокую ступень абстракции (в данном случае речь идет о морфонологических единицах низшего, сегментного уровня, соотносительных с фонемой, в отличие от единиц высшего уровня, соотносительных с морфемой, — о единицах морфонологии обоих уровней подробнее см. ниже).

Хотя физически морфонологические единицы, как правило, совпадают с фонемами, в функциональном отношении они не тождественны им, подобно тому, как неравнозначны по своему знаковому статусу физически тождественные звуки и фонемы. В отличие от фонем, имеющих смысловоразличительную функцию, минимальная единица морфонологии (ее называют по-разному: морфонемой, морфофонемой, альтернантом или — чаще всего — просто фонемой)

обладает, помимо смысловоразличительной, еще и грамматической функцией, будучи элементом структуры морфем.

Нетождественность фонемы и морфонологической сегментной единицы отмечается многими исследователями славянской морфологии, указывающими случаи неизоморфности системы фонем и системы морфем. Так, в польском языке фонеме [ż] соответствуют разные морфемы: {ż₁}, чередующаяся с *g* (*mogę — możesz*), {ż₂}, чередующаяся с *r* (*morze — morski*), и {ż₃}, не вступающая в альтернативные отношения (*życ*). Или, при другом понимании морфемы: фонема [ż] может быть репрезентантом трех морфем: {ż}, {g} и {ř} (или в другой записи {ř}). В последнем случае морфема {ř} вообще не имеет физического соответствия на фонологическом уровне [Лясковский 1973, 135]. Точно так же описание морфологии не может обойтись без введения нулевой морфемы (#). Не имея физических (акустических и артикуляторных) характеристик, эта морфема обладает структурными признаками зависимости от позиции: в одних позициях она приобретает статус гласных [o] или [e], в других — остается нулем звука. Столь же необходимым оказывается для славянской морфологии признание элементарными морфонологическими единицами бифонемных сочетаний типа русск. [bɫ'], [vɫ'], [pɫ'] и т. п., нередко также и сочетаний [st], [zd], [sk], [zg] и т. п. С другой стороны, морфонологическую самостоятельность могут приобретать звуковые единицы, не достигающие статуса фонем. Так, Т. В. Булыгина обращает внимание на целесообразность трактовать аллофоны *y* и *i*, которые в рамках МФШ относятся к одной фонеме, как две самостоятельные морфемы, причем такая трактовка позволяет единообразно и экономно описать несколько различных явлений: поведение конечных согласных субстантивной основы перед флексией *-ы/-и* Род. ед. и И. мн.; суффиксами *-их(a)*, *-ин(a)*, *-иц(a)*, *-ищ(e)*, *-ин(ый)*, *-инк(a)*, *-ив-*, *-им-* и др. Аналогично этому в интересах более строгого и экономного описания консонантных чередований в русском языке мягкие аллофоны заднеязычных (*k'*, *g'*, *x'*), не имеющие, согласно принятой фонологической интерпретации, фонемного статуса, следовало бы трактовать как самостоятельные морфонологические единицы (ступени так называемого неперегородного смягчения), ибо они выступают в некоторых альтернативных рядах параллельно с другими, полноценными морфемами, ср. *веду — веди*, *несу — неси = пеку — пеки*, *берегу — береги или мама — мамин*, *папа — папин = тетка — теткин*, *Ольга — ольгин* и т. п. В противном случае в подобных примерах пришлось бы признать отсутствие чередований в серии заднеязычных и трактовать *k'*, *g'*, *x'* вместе с *k*, *g*, *x* как единицы нулевой ступени чередования. Можно возразить, что в данном случае речь идет не столько о фактах языка, сколько о способе их интерпретации, и что предлагаемый способ условен. Однако, как справедливо замечает Т. В. Булыгина, он условен «не в большей степени, чем отождествление *и* и *ы* на (автономно-) фонологическом уровне репрезентации» [Булыгина 1977, 226]. См. [Толстая 1977].

По всей вероятности, чем больше будет выявлено и проанализировано пограничных между фонологией и морфонологией явлений, допускающих альтернативную трактовку, тем более разрешимой окажется задача строгого разграничения этих двух областей.

Как бы ни была условна граница между фонологией и морфонологией, как бы ни была сильна зависимость морфологии от фонологии, несомненным ос-

тается то, что морфонологические закономерности действуют в тех сферах языка, которые не охватываются фонетическими (фонологическими) законами. Т. е. морфонология и теоретически, и практически начинается после того, как «кончится» (будет полностью описана) фонология, и строится на базе фонологии или даже в известной мере в отталкивании от нее. Так, для отграничения морфонологических модификаций морфем от фонологических мы постоянно сверяем их с законами позиционного фонологического варьирования, с инвентарем допустимых в языке сочетаний звуков, с правилами дистрибуции фонем и т. п.

От теоретического определения статуса морфонологических единиц следует отличать способ представления (записи) формы морфем, применяемый в конкретных морфонологических описаниях, который может быть различным: морфемным, фонемным, аллофоническим, «признаковым», орфографическим. Н. С. Трубецкой в описании морфонологической системы русского языка пользовался фонологической записью морфем (с обозначением позиционных вариантов фонем и архифонем), однако при обозначении чередований и морфемным фонологические признаки, не релевантные для морфологии, устранялись; например, чередование *o ~ u* в корнях относится как к примерам с ударными гласными типа *glux (глух) ~ glòxnyT' (глохнуть)*, так и к примерам с безударными гласными типа *ǎsnǐju (осную) ~ ǎsnòvǎnj (основанный)* [Трубецкой 1987, 101]. Из этого следует, что фонологическая транскрипция для целей морфонологического описания не является, строго говоря, необходимой, а ее использование Трубецким, по-видимому, объясняется и оправдывается двумя существенными соображениями: во-первых, желанием построить единую теорию и соблюсти единую систему записи звуковой структуры морфем и ее модификации в соответствии со своим пониманием задач морфонологии и, во-вторых, подчиненностью морфонологического описания русского языка общему замыслу принятого Пражским лингвистическим кружком полного фонологического описания русского языка, в котором раздел морфонологии должен был следовать за собственно фонологическим разделом [Трубецкой 1987, 421].

Не только инвентарь основных единиц, но и их парадигматическая организация в фонологии и морфонологии различны. Не все признаки, релевантные для идентификации, противопоставления и классификации фонологических единиц, существенны для морфонологической системы. Так, из ряда различительных признаков, организующих систему консонантизма в русском языке, наибольшее значение для морфонологии имеет признак палатальности (противопоставление по тембру), тогда как, например, корреляция по глухости/звонкости, столь значимая для фонологии, морфонологически нерелевантна: чередования глухих и звонких во всех случаях обусловлены фонологической позицией — глухостью/звонкостью следующего согласного (единственное исключение: корень *сват-/свад-*, выступающий в двух вариантах в позиции различения согласных по этому признаку, т. е. перед гласным: *сватать, свата — свадеб, свадебный*). В отличие от русского, в сербскохорватском языке корреляция по звонкости/глухости может использоваться в морфонологических целях, ср. *приметити — примедба, примедоба*.

Однако подобные случаи совпадения релевантных различительных признаков в фонологии и в морфонологии не должны затемнять их принципиальной

нетождественности. Содержание этих признаков в обоих случаях различно. Если в фонологическом плане звонкость/глухость релевантна лишь для так называемых парных шумных ($b - p$, $v - f$, $d - t$ и т. д.) и означает наличие противопоставления по этому признаку (в отличие от фонетического значения этого признака — физического наличия или отсутствия голоса), то на морфонологическом уровне звонкость и глухость означают принадлежность единицы к одному из двух классов единиц, способных сочетаться только друг с другом (т. е. внутри своего класса), а безразличие (нуль) по этому признаку — способность сочетаться как со звонкими, так и с глухими.

Еще менее сходны фонологическая и морфонологическая палатальность. Фонемы, составляющие фонологическую корреляцию по палатальности, на уровне морфологии могут сохранять коррелятивность (например, сербскохорв. $l - l'$, $n - n'$), а могут утрачивать ее (например, фонологическая корреляция $\check{c} - \acute{c}$, $\check{z} - \acute{z}$ в сербскохорватском и в польском морфонологически нерелевантна, т. е. не используется для различения контекстных вариантов морфемы). Напротив, единицы, не образующие фонологической корреляции по палатальности, могут быть связаны отношением морфонологической корреляции. Таковы, например, сербскохорв. и польск. пары $t - \acute{c}$, $d - \acute{z}$, польск. $t (\underline{t}) - l$, $r - \acute{z}$, сербскохорв. $l - o$, макед. $t - k'$ и т. п.

Понятие морфонологической палатальности нередко распространяется и на явления, представляющие собой продукт исторических процессов палатализации и йотации согласных. При этом к морфонологической палатализации относят как замену парного твердого согласного на мягкий (например, $r \rightarrow r'$), так и замену твердого согласного на твердый (например, $g \rightarrow \acute{z}$) и даже мягкого на твердый ($d' \rightarrow \acute{z}$). В данном случае корреляция по палатальности имеет сугубо морфонологический (а не исторический) смысл, обозначая определенный тип морфонологически обусловленных соответствий; сохранение же терминов «палатальность» и «палатализация» оправдано не столько ассоциацией с лежащими в основе этих чередований историческими процессами, сколько тем, что каждое из таких чередований может входить в один альтернативный ряд (ряд соотносительных чередований) с такими согласными, для которых оппозиция по палатальности актуальна и на современном фонологическом уровне.

Если в отношении самого объекта изучения морфонология и фонология не всегда четко и однозначно разграничены, то и в отношении методов и метаязыка зависимость морфонологии от фонологии оказывается очень сильной. И в этом нет ничего удивительного, поскольку единицы морфонологии — это те же звуковые единицы, на которые наложены более сильные ограничения и которые подчиняются менее абсолютным закономерностям. Особенно сильно влияние фонологических понятий и фонологической терминологии в теории морфонологических чередований. Так, в ней используется понятие морфонологической позиции, разграничиваются сильные и слабые позиции по аналогии с сильной и слабой позицией фонем, вводится понятие нейтрализации, морфонемного ряда (по аналогии с фонемным рядом), гиперморфемы (по аналогии с гиперфонемой), используется фонологический термин «палатализация» (или «смягчение») и др. Наконец, само понятие морфемы, как бы оно ни определялось, обнару-

живает прямую зависимость от определения фонологических единиц, причем, как будет показано ниже, в большинстве случаев разные понимания морфонологических единиц и отношений между ними являются прямым продолжением различных фонологических позиций исследователей.

Однако, как верно отметил В. Б. Смиренский [1975₂], понятиями фонологического толка, такими как позиция, позиционное варьирование, нейтрализация, могут быть охвачены не все закономерности морфонологического уровня, а лишь те, которые носят характер регрессивных правил сочетаемости морфем. За их пределами остаются в морфонологии правила выбора, зависящие от характера предшествующих морфем и не имеющие прямой аналогии в фонологии.

Несомненно, что существует и обратное влияние морфонологии на фонологию, т. е. зависимость фонологической трактовки звуковых единиц от их морфонологических функций и отношений. Так, устойчивое мнение о неразличении твердых и мягких согласных перед *e* в русском языке (вопреки употребительности твердых не только в иностранных словах, но и, например, в названиях многих букв русского алфавита и производных от них буквенных сокращениях и индексах) объясняется не только и не столько слабостью парадигматического противопоставления согласных в этой позиции, сколько абсолютной регулярностью «морфонологического» смягчения перед *e* (на морфемных границах). Регулярность морфонологических корреляций между согласными нередко влияет на выбор одного из альтернативных фонологических решений. В польском твердые переднеязычные *t, d, s, z* морфонологически коррелируют с серией среднеязычных палатальных *ć, ź, ś, ź* и чередуются с ними в тех же условиях, где губные и *r, ł, n* чередуются со своими мягкими коррелятами. Это обстоятельство определяет трактовку этих двух серий согласных как коррелирующих по палатальности, хотя чередование в данных условиях носит сугубо морфонологический характер, а физическая природа оппозиции типа *t - ć* не соответствует обычным нормам мягкостной корреляции. Фонологически равно возможная и фонетически допустимая корреляция серии *ć, ź, ś, ź* с серией шипящих *ć, ź, ś, ź* отвергается прежде всего потому, что она никак не поддерживается морфонологическими отношениями. То же самое, по-видимому, относится и к интерпретации белорусских оппозиций *t - ć* и *c - ć* (*d - ź* и *z - ź*), сербскохорв. *t - ć, d - ź* и *ć - ć, ź - ź* и т. п. [Толстая 1977]. См. также [Исаченко 1975; Курилович 1967; Шапиро 1974].

1.3. Морфонология и грамматика (морфология)

Вопрос об отношении морфонологии к грамматике связан не только с альтернативой «фонология или грамматика» при определении статуса морфонологии в языке и в лингвистике (уже не раз отмечалось, что после Трубецкого морфонология развивалась в сторону большей грамматичности), но и с трактовкой самого характера этого отношения — как на уровне фактов языка, так и на уровне их интерпретации. В первом случае речь идет об определении грамматической роли морфонологических средств и установлении всего корпуса грамматических явлений, имеющих морфонологическую природу, т. е. обнаруживающих зави-

симось от фонологической структуры морфем. Во втором — об определении степени зависимости морфонологического описания и морфонологических интерпретаций от грамматического (морфологического) представления языка. В общем, теоретическом смысле решение этого вопроса предопределяет понимание морфологии либо как самостоятельного уровня языка (и самостоятельной дисциплины), либо как буферного механизма, регулирующего фонологическое оформление морфологического (морфемного) представления языка и устраняющего несоответствия и неувязки на стыках морфем (и, следовательно, как раздела формальной морфологии).

1. 3. 1. Грамматическая роль морфонологических явлений и зона морфонологического в грамматике

Если фонология предоставляет морфологии «материал» (варьирование фонемного состава морфем), то грамматика составляет область ее функций. И хотя эти функции еще более опосредованно соотносятся с планом содержания, чем функции грамматических морфем, несомненно, что они также принадлежат к сфере грамматических отношений и грамматических значений, ср.: [Кубрякова, Панкрац 1983, Лясковский 1980, Комарек 1964].

На том основании, что морфонологические чередования за редкими исключениями (так называемая внутренняя флексия) не выражают грамматического значения сами по себе, а лишь «сопровождают» собственно грамматические морфемы, их функции часто определяют как вспомогательные. И это определение справедливо, если иметь в виду грамматическую семантику. Между тем чередования имеют и вполне самостоятельные грамматические функции, которые, однако, лежат не в плоскости семантики, а в плоскости структуры, структурной организации морфологии. Морфонология соотносит определенным, регулярным образом грамматические структуры с корпусом морфем, маркируя, с одной стороны, определенные типы морфем, с другой — определенные грамматические формы, словоизменительные парадигмы, словообразовательные модели, основным показателем которых остаются специальные грамматические морфемы (аффиксы).

По мнению В. Б. Смиренского, одна из важнейших функций морфонологических средств в словоизменении (кроме выражения грамматических значений) состоит в том, что они «классифицируют парадигмы, маркируя определенные словоизменительные типы». Действительно, как хорошо известно, для разных языков, в том числе и славянских, характерно выражение одних и тех же содержательных категорий с помощью разных средств плана выражения. Так, существуют, благодаря полиморфемности (или синонимии) флексий, различным типам чередований и акцентных кривых, различные образцы склонения и спряжения, по принадлежности к которым вся именная и глагольная лексика распределяется по нескольким классам (или типам склонения, типам спряжения, типам «основ» и т. п.), представляющим собой не что иное как морфонологические классы. «Слова с одинаковыми морфонологическими условиями образования парадигмы, и следовательно, имеющие одинаковые парадигмы, характеризуются наличием единого морфонологического класса основ» [Смирен-

ский 1975₁, 170]. То же самое в полной мере (но с меньшей регулярностью) характерно и для словообразования, где разные «основы» в пределах одного словообразовательного типа имеют разные морфонологические преобразования: «Если в словоизменении морфонологические средства разнообразят и классифицируют образцы парадигм, то в словообразовании они играют аналогичную роль в оформлении словообразовательных моделей внутри одного и того же словообразовательного типа, отличающегося, как известно, единым (но допускающим в свою очередь алломорфное варьирование) формантом с единым общим значением» [Смиренский 1975₁, 172].

Р. Лясковский определяет грамматическую («семантическую») функцию чередований термином *индексация* и различает два вида этой функции — индексацию структурную (*indeksowa funkcja strukturalna*), при которой алломорф (альтернант) морфемы сигнализирует определенные признаки (морфонологические, морфологические, синтаксические, семантические) соседней морфемы, и индексацию категориальную (*indeksowa funkcja kategorialna*), при которой алломорф (альтернант) сигнализирует определенные грамматические признаки самой морфемы, подверженной чередованию [Лясковский 1980].

В той версии морфонологии, которая ограничивает ее задачи изучением чередований (выявлением, систематизацией и установлением их грамматических ролей), — а такое понимание, восходящее к Трубецкому, наиболее распространено, — в поле зрения исследователей оказываются лишь морфемы, способные видоизменять свой фонемный облик, тогда как остальные (неизменяемые, «константные») морфемы вовсе исключаются из рассмотрения, ср. [Кубрякова, Панкрац 1983, 18]. Такой подход не может быть принят, ибо он искусственно сужает морфонологию, оставляя за ее пределами целый ряд явлений, имеющих безусловно морфонологическую природу.

Прежде всего, поскольку любая модификация фонемной структуры морфемы (если она не диктуется условиями фонологической позиции) происходит в определенных грамматических условиях, в определенной морфонологической позиции (об этом специально ниже), грамматический (морфемный) контекст, обуславливающий эту модификацию, не может быть исключен из морфонологии. Иначе говоря, объектом морфонологии должны быть не только морфемы, подверженные модификациям, но и морфемы, «вызывающие» модификацию других морфем. Свойство вызывать морфонологические изменения в такой же мере релевантно для морфемы, как и свойство менять свой облик.

Принято считать, что морфонологические свойства морфем, будучи продуктом исторических фонетических процессов, независимы от морфологии. Между тем способность морфемы быть объектом морфонологических изменений или их «субъектом», причиной, оказывается прямо связанной с ее морфологическими свойствами. Действительно, корневые (лексические) морфемы преимущественно проявляют способность к изменению собственного облика, тогда как грамматические морфемы, особенно словоизменятельные аффиксы (флексии), наоборот, почти исключительно функционируют в качестве «позиций», воздействующих на предшествующую морфему. Промежуточное положение между ними занимают словообразовательные и формообразующие (основообразующие) аффиксы, обнаруживающие свою двойственную природу: «слева» от себя (если оста-

ваться на уровне дистрибуции) они действуют как позиция, тогда как «справа» они сами подвержены изменениям, или, что то же самое (на уровне деривации), в составе производной основы в словоизменении они ведут себя подобно корню (т.е. подвержены морфонологическим изменениям), а в «акте» словообразования — подобно флексии (т.е. вызывают изменение предшествующих морфем). Противоположные, «зеркальные» по отношению к суффиксам свойства характерны для префиксов. Отмеченная зависимость морфонологических свойств морфем от их грамматических характеристик обусловлена самим принципом морфонологической структуры слова в славянских языках.

Еще один круг явлений, лежащих за пределами чередований, но по своей природе несомненно относящихся к морфонологии, связан с морфонологическим механизмом выбора морфем из ряда «синонимичных» (т.е. имеющих одно и то же грамматическое значение), если этот выбор осуществляется в зависимости от формальных (фонологических) признаков морфем. При ином подходе — не операционном, а реляционном — этот же механизм предстает как механизм сочетаемости или распределения морфем, но и в этом случае он не связан с формальным варьированием морфем, а только лишь с правилами или предпочтениями сочетаемости «неизменяемых морфем». Таково, например, в русском языке распределение (выбор) параллельных («синонимических») флексий Род. мн. *-ов* и *-ей* (*слонов*, но *коней*) или *-о* и *-ей* (*окон*, но *полей*), зависящее от твердости/мягкости конечного согласного основы, или распределение уменьшительных суффиксов *-ок* и *-ик*, подчиненное морфонологическому принципу, см. [Чурганова 1973].

Неединственность способов формального выражения одного и того же грамматического содержания («синонимичность» грамматических средств), представляющая собой важный принцип морфонологической структуры славянских языков, в определенной степени (но не полностью) является продуктом именно морфонологических (на более раннем этапе — фонетических) приспособлений друг к другу сочетающихся морфем. Другим источником параллелизма грамматических аффиксов могут быть разного рода морфемные переразложения, а также утрата некогда стоявшего за разными морфемами разного содержания. Следствием всех этих процессов в современных морфонологических системах славянских языков оказываются «синонимические ряды» аффиксов, обслуживающих одни и те же грамматические формы.

В той мере, в какой выбор между альтернативными аффиксами (или их сочетаемость с основами) осуществляется исходя из грамматических свойств основы (например, по признаку рода, одушевленности, переходности и т.п.), он относится к ведению морфологии (формальной морфологии); в той же мере, в какой он определяется морфонологическими свойствами основы (ее фонемным составом, слоговой структурой, акцентным типом), он принадлежит морфонологии. Впервые последовательно учтен этот аспект морфонологии в книге В. Г. Чургановой [1973]. См. также [Лясковский 1973₂, Гард 1978].

Если распределение альтернативных грамматических морфем частично подчинено морфонологическому принципу, то и согласованное с ним распределение основ по морфонологическим классам в пределах одной части речи, например, по типам склонения или спряжения, по классам и подклассам глаголов

нередко носит морфонологический характер, т. е. определяется формальным обликом морфемы и возможностями его изменения. Явления такого рода тоже не могут быть отторгнуты от морфонологии.

При столь широком (но, с нашей точки зрения, вполне оправданном) понимании объекта и границ морфонологии может показаться, что морфонология «поглощает» собой весь план выражения морфологии (всю формальную морфологию). Это все-таки не так. В ведении формальной морфологии остаются все механизмы образования словоизменительных форм и словообразовательных дериватов, причем не только те, которые безразличны к морфонологическим свойствам морфем, но и те, которые являются объектом морфонологии. Однако формальную морфологию все эти явления интересуют с другой точки зрения. Грамматические морфемы интересуют ее не как вид морфонологической позиции, накладывающей определенные ограничения на их сочетаемость с основами, но как формальные средства репрезентации грамматических значений (падежа, рода, лица, вида и т. д.). В ведении морфологии остаются и явления омонимии грамматических морфем, и вопросы структуры разного рода парадигм. Вместе с тем любые явления грамматики (словоизменения и словообразования), если они оказываются морфонологически релевантными, т. е. обнаруживают зависимость от формальной (фонологической) структуры морфем или используют модификации морфем для грамматических целей, должны быть предметом морфонологии.

В разных языках соотношение области морфонологических и области морфологических явлений в грамматике различно. В славянских языках «морфонологическая зона» в грамматике, т. е. сфера фактов, имеющих морфонологическую обусловленность (зависимость от фонологической структуры морфемы), очень значительна (по сравнению, например, с германскими языками, ср. [Кубрякова, Панкрац 1983]).

До сих пор речь шла главным образом о «морфонологичности» грамматики. Но заслуживает внимания и противоположное проявление взаимосвязи грамматики и морфонологии, а именно — примеры, демонстрирующие «грамматичность» морфонологии. Неоднократно отмечалось несовпадение или в определенной степени даже противопоставление морфонологических характеристик, относящихся к словоизменению и словообразованию, к именной и глагольной системам.

Разграничение словоизменения и словообразования в морфонологии, имеющее принципиальный, а не только практически целесообразный характер, восходит к Трубецкому, который в своем описании русской морфонологии указал на разную структуру и разные свойства словоизменительных и словообразовательных морфем (флексий и суффиксов) и последовательно отмечал случаи исключительной или предпочтительной закрепленности тех или иных чередований за одной из этих сфер. Специальную работу посвятил этому вопросу Э. Станкевич, показавший на материале славянских языков, что словоизменение и словообразование связаны определенной зависимостью, выявляемой на фоне специфических для каждой из этих областей инвентарей морфонологических средств и механизмов [Станкевич 1962₁].

Этому разграничению соответствуют понятия флективной (словоизменительной) и деривационной (словообразовательной, производящей) основы, широко

используемые в морфонологических описаниях (ср.: [Ворт 1968₁, Ворт 1975, 58–58], подробнее об этом ниже).

С другой стороны, разными свойствами обладают глагольные и именные основы, что также было отмечено уже Трубецким. Первые могут быть открытыми и закрытыми (завершающимися соответственно гласными или согласными), вторые — только закрытыми. Число, типы, продуктивность чередований различны для именных и глагольных основ, причем это различие или даже оппозиция характерны для всех славянских языков, независимо от того, как именно соотносятся именная и глагольная системы [Дюрович 1973]. Так, исторически тождественная флексия мн. числа *-i* у имен и глаголов (старых причастий) имеет морфонологически разный статус в современном языке, ср. *стол* — *столы*, *мал* — *малы*, но *стал* — *стали* (ср. [Дюрович 1973, 240]). Тенденция к «грамматикализации» морфонологических явлений, т. е. подчинению их грамматическим отношениям, проявляется и во многих более частных фрагментах языковой системы. Так, Р. Лясковский указывает на чередование *e* ~ # в польских именных (за исключением асиллабичных) основах, которые в одних и тех же грамматических и фонологических позициях (перед нулевой флексией И. ед. и Род. мн., перед паузой на конце слова) и при одинаковых морфонологических характеристиках основ (наличие в исходе консонантных групп типа *Сń*, *Сć*, *Сv*, *Сс* и др.) имеют или не имеют место в зависимости от грамматического рода существительного, например, муж. род *więzień* — *więźnia*, *stopień* — *stopnia*, *dureń* — *durnia* при жен. роде *przyjaźń*, *baśń*, *darń* и т. п. без чередования [Лясковский 1980].

1. 3. 2. Зависимость морфонологических интерпретаций от грамматических

Хотя, как видно из предыдущего, связь морфонологии с грамматикой является самой кровной, все же предмет морфонологии в пределах грамматики (морфологии) очерчивается достаточно определенно, и это сообщает морфонологии известную автономность. Но обладает ли морфонология автономностью, т. е. независимостью от грамматики, когда речь идет не о предмете, т. е. не о корпусе подлежащих рассмотрению фактов, а об их интерпретации? Может ли и должна ли морфонология абстрагироваться от тех грамматических отношений, которые связывают изучаемые ею явления? Ответы на эти вопросы имеют отнюдь не только абстрактно-теоретическое значение — от них зависит конкретное понимание морфонологических явлений и способ их описания.

Самую сильную зависимость от грамматики и в теоретическом, и в практическом отношении обнаруживает кардинальное для славянской морфонологии понятие чередования. В традиционной грамматике и ориентированной на нее морфонологии чередование всегда понимается как бином, вычленимый из двух контекстных форм морфемы, связанных отношением непосредственной морфологической (словоизменительной или словообразовательной) производности. Так, констатация чередования *k* ~ *ć* в *рука* — *ручка* имплицитно исходит из того, что вторая форма произведена из первой; так же как чередование *d'* ~ *ź* в *ходить* — *хожу* предполагает образование формы 1 ед.

от формы инфинитива. Формы, не связанные отношением непосредственной грамматической производности, никогда не рассматриваются как морфонологически коррелятивные. Например, соотношение $\check{z} \sim d$, наблюдаемое в паре *хожу* — *ходок*, никогда не трактуется как чередование. Чередование понимается как деривационный бином и в тех случаях, когда морфема имеет более двух контекстных форм. Из сопоставления трех алломорфов одной морфемы: *xod* (*ходок*), *xod'* (*ходят*), *xož* (*хожу*), — теоретически могут быть выведены шесть «чередований»: $d \sim d'$, $d \sim \check{z}$, $d' \sim \check{z}$, а с учетом направления чередований еще и $d' \sim d$, $\check{z} \sim d$, $\check{z} \sim d'$, однако из них «настоящими» чередованиями признаются лишь $d' \sim \check{z}$ и $d' \sim d$, поскольку они маркируют формы, связанные отношением грамматической производности.

Зависимость самого состава выделяемых чередований (и их направления) от грамматических отношений сопоставляемых форм особенно очевидна и последовательна в морфонологии словообразования, где чередования рассматриваются как маркеры определенных словообразовательных типов. Не столь очевидна эта зависимость в случае словоизменения, поскольку оно в меньшей степени подчинено идее непосредственной (бинарной) деривации. Если падежные словоформы существительного часто понимаются как производные от словоформы И. ед. («словарной»), то при описании глагольной парадигмы личных форм наст. времени формы 2 и 3 ед. могут считаться образованными от формы 1 ед. (*веду* → *ведешь*, *ведет*), а могут, наоборот, трактоваться как мотивирующие форму 1 ед. (*ходишь*, *ходит* → *хожу*), либо все эти формы могут пониматься как производные от некоторой абстрактной (т. е. не представленной в конкретной словоформе) презентной основы. В словоизменении более релевантной оказывается структура парадигмы, для которой обычно постулируется «абстрактная» основа, а все члены парадигмы считаются ее дериватами. Вместе с тем, реальные отношения между парадигматическими (или словообразовательными) формами могут быть более сложными и иерархически организованными: например, в падежной субстантивной парадигме мн. числа может быть своя, отличная от парадигмы ед. числа, основа, от которой образуются все словоформы мн. числа и которая, в свою очередь, может быть производной от основы ед. числа (ср. парадигмы существительных типа *крестьянин*, *небо*, *время*, *сосед*, *колено* и т. п.).

Ориентация на грамматические отношения при описании чередований, хотя она и не всегда осознается исследователями, безусловно, связана с общей концепцией лингвистического описания и, в частности, с кажущимся «естественным» пониманием самого механизма чередования как явления, сопровождающего акт образования грамматических форм, при котором присоединение грамматических морфем к основе (корню) создает условия и потребность в модификации их фонемной структуры. Вместе с тем, не будучи эксплицирован, этот принцип ориентации на грамматику в морфонологии часто проводится непоследовательно, тем более, что и в самой грамматике не всегда однозначно устанавливаются отношения производности между отдельными формами.

Но даже последовательное соблюдение указанного принципа не избавляет исследователя от некоторых существенных методических трудностей. Главной

из них следует считать то, что вид (вариант, алломорф) морфемы, представленный в грамматически исходной («мотивирующей») форме, может быть не свободным от своего «контекста», он может быть контекстуально обусловленным (как в фонологическом, так и в морфонологическом смысле). Выбор такого варианта в качестве морфонологически исходного приводит к выделению странных, неестественных, нерегулярных, не поддающихся интерпретации чередований. Так, если в парадигме существительного *сон* признать исходной форму И. ед., как это предписывает морфология, то придется констатировать чередование «гласный ~ нуль» в форме косвенных падежей: *сна, сну* и т. д. Условия этого чередования не поддаются формулировке, потому что перед падежными флексиями *-а, -у, -ы* и т. д. морф с гласной (*сон*) вполне допустим (ср. *дом — дома, дому* и т. д.). Между тем наличие этого гласного, отсутствующего в косвенных формах, в форме И. ед. само обусловлено морфонологическим (нулевая флексия) и фонологическим (конец слова) контекстом, и следовательно, форма И. ед. в этом случае не тождественна независимой исходной форме морфемы. Точно так же если в глагольном словоизменении морфология требует исходить из формы инфинитива, то в форме 1 ед. *хожу* должно быть отмечено чередование *d' ~ ž* {*xod'it' → хоžu*}, а в форме *краду* — чередование *s' ~ d* {*kras't' → kradu*}, «неестественность» которого очевидна. Если же учесть вторичный, контекстный характер морфов в морфонологически исходных формах инфинитива, то в первом случае придется говорить о чередовании *d ~ ž*, вполне регулярном для славянской морфологии (именно так обозначает это чередование Трубецкой, ср. также [Исаченко 1976]), а во втором — вообще об отсутствии чередования.

Таким образом, в случаях, когда морфонологически исходная форма содержит контекстуально обусловленный вид морфемы, при установлении и интерпретации чередований следует исходить не из этого контекстного вида, а из независимого от контекста, морфонологически «сильного» вида морфемы, получаемого путем «снятия» контекстно обусловленных наслоений (например, мягкости конечного согласного корня, как в *ходить*).

Однако возникает вопрос: каковы принципы и каковы пределы такого «восстановления» независимого вида морфемы, т. е. освобождения от контекста? Ответ на него достаточно сложен, и он также связан с общим подходом к морфологии и пониманием ее внутренней структуры. Прежде всего следует решить, допустимо ли восстановление (путем освобождения от контекстных признаков) таких форм, которые не представлены в реальных языковых единицах, т. е. абстрактных, условных видов морфем. Обращение к таким условным формам может быть оправдано либо тем, что морфема вообще не имеет реальной независимой формы, т. е. все ее морфы контекстно обусловлены, и она не представлена в сильной морфонологической позиции, либо тем, что условная запись дает возможность объяснить модификацию фонемной структуры морфемы более естественным образом, т. е. регулярными, а не индивидуальными для данной морфемы чередованиями. Так, введение нулевой морфемы (#), обладающей свойствами в одних контекстах манифестироваться нулем звука, а в других — гласным, упрощает описание чередований типа *сон — сна, порядок — порядка, узок — узка* и т. п.

Для того, чтобы корректно восстановить независимую форму морфемы, нужно иметь полное представление о том, какие изменения вызывает в облике морфем каждая конкретная позиция. Понятно, что легче поддаются «снятию» такие контекстно обусловленные признаки, которые являются регулярными. Так, регулярной для русского языка можно считать палатализацию переднеязычных или замещение заднеязычных шипящими, поэтому наличие мягкого или шипящего согласного в исходе морфа всегда может вызвать подозрение о «скрывающемся» за ними твердом или заднеязычном.

Но даже если морфема имеет среди своих репрезентантов морфы и с мягким, и с твердым согласным в исходе, целесообразность «снятия» мягкости не всегда очевидна. Например, глагол *ходить* во всей системе словоизменения представлен морфом *xod'* (наряду с *хоѝ*), тогда как морф с твердым исходом *xod* выступает только в именах (*ход, ходок, ходовой, походка* и т. д.). Само по себе такое распределение показательно, и его нивелирование при едином представлении всех алломорфов морфемы через исходную форму *xod* вряд ли оправдано. Еще один пример. В субстантивном словоизменении противопоставлены основы с твердым исходом, имеющие чередование в некоторых падежных формах (*стол, вода* и т. п.), и основы с «неустранимой» мягкостью, т. е. с мягкостью, сохраняющейся во всей парадигме, например *конь, нить, соль* и т. п. В деривации эти основы могут сохранять, а могут утрачивать эту «неустранимую» мягкость, ср. *конек* (при *коновод*), но *нитка* — *ниток, солонка, засол* и т. п. Должны ли они одинаково быть манифестированы исходной формой без мягкости *kon, n'it, sol*? Последствием такого представления была бы необходимость мотивировать появление мягкости в субстантивной основе, тогда как противоположное решение, т. е. выбор в качестве исходного морфа с мягким согласным, потребовало бы введения чередований диспалатализационного типа: *n' ~ n, t' ~ t, l' ~ l*. Еще труднее признать целесообразность восстановления теоретически возможной исходной формы в таких случаях, когда речь идет о нерегулярных модификациях или возможности альтернативных реконструкций (например, *ѣ* может «восстанавливаться» и как *k*, и как *t*, и как *t'*, и как *c*).

Нетрудно видеть, что при таком подходе, когда исходная форма, диктуемая морфологией, восстанавливается в своем морфонологически независимом виде, освобождается от контекстного наслоения, примат грамматики по существу устраняется. Каждая контекстная репрезентация морфемы, в том числе и морфологически исходная, возводится к морфонологически исходной, независимой от позиции («словарной») форме, которая может совпадать с одной из реальных или быть условной.

Несомненно, что эвристической ценностью обладают оба подхода, поскольку каждый из них соответствует каким-то (разным) свойствам системы языка. «Грамматический» («контекстный») подход дает объемную модель морфонологической системы, представляя ее в виде иерархически организованной структуры, в которой любая морфологически мотивирующая (производная) форма, в том числе и контекстно модифицированная, может быть и продуктом, и исходным пунктом морфонологической деривации, а вся система представляет собой последовательное включение морфем в различные грамматические

сферы, структуры, парадигмы. Такое представление подчеркивает регулярность морфонологических отношений на уровне позиций, диктующих свои условия любым попадающим в них морфам, независимо от их деривационной истории.

Альтернативный этому «словарный» (или глубинный) подход, наоборот, делает акцент на регулярности, стандартности самих морфемных преобразований, исходным членом которых всегда выступает морфонологически исходная «словарная» форма (т.е. независимая от контекста форма, представляющая данную морфему в морфемном словаре). Ясно, что эти подходы приводят к разным результатам: первый описывает форму *хожу* через чередование $d' \sim \dot{z}$, второй — через чередование $d \sim \dot{z}$.

Третий подход, в известной степени примиряющий «грамматический» (контекстный) и «словарный», совмещает в себе преимущества обоих, предлагая при определении чередования исходить из грамматически мотивирующей (морфонологически контекстной) формы, но представленной в ее «восстановленном», т.е. освобожденном от контекста виде. При этом сам акт этого снятия контекстных признаков не выводится за рамки механизма чередования (путем отсылки к словарю), а считается его необходимой составляющей. Такой подход к морфонологии характерен для сторонников генеративного направления, различающих глубинное и поверхностное представление морфемы (Ворт, Исаченко, Лясковский и др., см. подробнее ниже). Таким образом, в соответствии с тремя названными подходами к морфонологии (грамматическим, словарным и генеративным) возможны три разных интерпретации консонантного чередования, наблюдаемого в форме *хожу*: 1) чередование $d' \sim \dot{z}$ {ход'ит' → хоџи}, 2) чередование $d \sim \dot{z}$ {ход + и → хоџи}, 3) чередование $d \sim \dot{z}$, которому предшествует снятие мягкости, т.е. в сущности двухступенчатое чередование $d' \rightarrow d \rightarrow \dot{z}$, однако именно эта «снятая» мягкость может считаться причиной чередования $d \sim \dot{z}$ (ср. отсутствие чередования при тех же условиях у глагола *веду*, где снятия мягкости не было), и потому ее полное устранение в данном случае невозможно.

1.4. Морфонология и морфемика

Трудность установления взаимного отношения этих двух дисциплин объясняется тем, что предмет, границы, задачи и проблематика морфемики, ее место в грамматике еще более неопределенны и различны в толкованиях разных авторов, чем соответствующие понятия морфонологии. В теоретическом отношении кажется вполне оправданным и безусловно целесообразным выделение самостоятельного морфемного уровня, соотносимого с наименьшей значимой единицей языка. Поскольку всякий текст может быть представлен как последовательность морфем (в их контекстных репрезентациях), подобно тому, как он может быть представлен в виде последовательности фонем (аллофонов), слов (словоформ) или предложений, то кажется естественным и необходимым описание языка на уровне морфем (соответственно текста — на уровне морфов). Такое описание должно, очевидно, содержать правила сегментации текста на морфы, правила отождествления морфов одной морфемы, словарь морфем, формальную и функциональную классификацию морфем, пра-

вила их сочетаемости в пределах словоформы и способы их модификации при соединении друг с другом. При таком морфемном (морфном) представлении морфонологические явления (как словоизменения, так и словообразования) окажутся учтенными именно на уровне морфов, т. е. будут представлены через систему морфемных «парадигм» (наборов алломорфов каждой морфемы с правилами распределения). Абстрагирование же собственно чередований в традиционном понимании (т. е. «звуковых», или «фонологических», или «морфонологических» чередований) из морфов при этом способе представления, вообще говоря, не предусматривается.

В книге В. В. Лопатина «Русская словообразовательная морфемика» [1977] проблематика этой дисциплины определяется следующим образом: «а) типология значащих сегментов, меньших, чем слово: морфема, виды морфем, корень и аффиксы, аффиксы словоизменительные и словообразовательные, основа; б) типы значений, выражаемых морфемами: лексическое, грамматическое (морфонологическое) и словообразовательное значения; разновидности грамматических и словообразовательных значений; в) соотношение линейных („синтагматических“) и нелинейных („парадигматических“) языковых единиц морфемного уровня (первые — „текстовые“ репрезентанты вторых): словоформа и слово, основа словоформы и основа слова, морф и морфема; принципы вычленения линейных единиц и правила объединения их в единицы парадигматические; г) морфонологические явления, связанные с сочетаемостью значащих единиц, меньших, чем слово: усечение и наращение основ, чередования; ударение в его морфематической функции (морфонология мыслится, таким образом, как часть морфематики языка); д) типология фонематической структуры морфов (еще один аспект морфонологии) и морфной структуры словоформ» [Лопатин 1977, 4–5].

В польской грамматике [Грамматика 1984] соответствующий круг вопросов распределен между двумя самостоятельными разделами: «Морфонологией», содержащей формальную типологию морфем и обзор их варьирования (модификаций), и «Морфотактикой», содержащей функциональную типологию морфем и описывающей возможные в языке последовательности морфем (на уровне моделей) в пределах слов, относящихся к разным частям речи, т. е. морфемную структуру субстантивных, адъективных, глагольных, наречных основ. К этому второму разделу отнесены и вопросы членимости слова и идентификации морфем. Данная версия морфематики, противопоставляющая ее морфонологии, может быть определена как сугубо грамматическая, ибо она исключает из морфематики все вопросы, связанные с формальной характеристикой морфем, и делает акцент на их грамматической типологии и грамматической сочетаемости. Противоположный подход к морфемике характерен для работ З. Оливерюса, который сосредоточен не на функциональной, а на формальной стороне морфемного представления языка.

Разграничение морфонологии и морфематики может быть проведено не только по признаку формального или функционального подхода, но и на основе противопоставления морфемного и сегментного (фонологического) уровней в самой морфонологии. При этом к морфемному уровню, и тем самым к морфемике, относят такие явления, как линейные модификации морфем (усечения, наращения и т. п.), суперсегментные чередования и все, что связано с прави-

лами выбора морфем в зависимости от их фонологических свойств, а к собственно морфологии — сегментные (фонемные) чередования, альтернативные ряды (соотносительные чередования), морфонологические корреляции сегментов и т. п. Но даже и сегментные чередования не независимы от морфемного уровня, так как условия чередований чаще всего формулируются на уровне морфемной репрезентации. И в этом еще раз проявляется промежуточность морфологии, ее гетерогенность.

Таким образом, морфология и морфемика представляют собой взаимно пересекающиеся области. Морфемика включает ряд разделов, не относящихся к морфологии, в частности все, что связано с функциональной характеристикой и классификацией морфем и их последовательностей. В свою очередь, морфология устанавливает закономерности, относящиеся не только к морфемной, но и к сегментной репрезентации языка, что выходит за рамки морфемики. Однако в принципе все собственно морфонологические (сегментные) правила допускают возможность переформулировки их в правила чередований морфов, в то время как обратное, т. е. описание усечения, акцентных чередований, правил выбора на уровне сегментном, невозможно.

Действительно, всякое сегментное чередование можно представить через соответствующее чередование морфов, т. е., например, чередование *g ~ ž* как серию чередований морфов *друг — друж-, круг — круж-, бег — беж-* и т. д. Очевидно, однако, что сегментное представление чередований не просто экономнее, но и отражает более высокий уровень регулярности, не говоря уже об исторической обусловленности чередований именно фонологическими процессами.

Если морфологию понимать в том объеме, как его очертил Трубецкой, то придется признать, что ни морфемика, ни морфология в узком смысле слова по отдельности не исчерпывают морфонологической проблематики. В то же время альтернатива между этими двумя способами презентации не носит характера противоречия, а предполагает их взаимную дополнительность, хотя специфическим для морфологии остается все же сегментный, а не морфемный уровень, ибо само понятие морфонологической структуры ориентировано прежде всего на внутренний состав морфемы, на ее сегментные компоненты.

Наиболее существенный для морфологии аспект морфемики, от которого полностью зависят результаты морфонологического анализа, — это морфемное членение слова (текста). В зависимости от соотношения формальных и грамматических (содержательных, функциональных) критериев, это членение может быть различным и приводить к разным моделям морфемной структуры слова. Морфемное членение может пониматься либо как формальная процедура, независимая от «смыслового» членения текста, либо как процедура, зависящая от установления отношений морфологической или словообразовательной производности (корреляции) между выделяемыми единицами; соответственно этому морфонологические единицы могут пониматься либо как «двусторонние» (удовлетворяющие и формальному, и семантическому критерию), либо как односторонние (удовлетворяющие только формальному критерию сегментации).

Нужно признать, что первая линия (условно — «двусторонняя»), признающая примат грамматики (т. е. в отношении морфонологических явлений —

примат «смысла» или «функций»), в большей степени связана с русской грамматической традицией. Однако уже в рамках этой традиции было обращено внимание на ряд фактов, не поддающихся «двусторонней» интерпретации, что, естественно, привело к принципиальному разделению так называемого морфемного и словообразовательного анализа и выделению единиц, не достигающих статуса морфем, т.е. не соотносящихся с единицами «смысла» (интерфиксы, унификсы, субморфы).

Хотя, по мнению В.В. Лопатина, «констатация принципиального различия двух видов анализа слова — морфемного (или «морфологического») и словообразовательного анализа — стала в отечественной лингвистике последних двух десятилетий общим местом работ по словообразованию и морфемике» [Лопатин 1977, 25], это не значит, что все исследователи одинаково понимают соотношение этих двух видов анализа и одинаково используют их в конкретных описаниях³.

Разделение словообразовательного и морфемного анализа, восходящее к известному спору о структуре таких слов, как *смородина* или *буженина*, было определено выше как оппозиция формально-семантического (или «двустороннего») и формального подходов. Однако это не совсем так. Более внимательное чтение приводит к выводу, что никто из сторонников этого разграничения или даже сторонников автономности обоих рассматриваемых подходов не понимает морфемный анализ в чисто дистрибутивно-формальном смысле вне какой бы то ни было ориентации на смысловые отношения. По существу в обоих случаях речь идет об анализе или подходе формально-семантическом, т.е. «двустороннем», а различие между «формальным» и «неформальным» направлением сводится к тому, следует ли при морфемном анализе каждого отдельного слова выделять только те морфы, которые подтверждаются словообразовательными связями данного слова, или же членить слово на предельные значимые единицы, выделяемые путем словообразовательного анализа не обязательно данного слова, но и других подобных (т.е. содержащих данный морф) слов. Уже говорилось, что аналогичная проблема и аналогичная альтернатива имеет место в фонологии — в частности, при идентификации фонем по различительным признакам (релевантен ли признак «звонкость» для русской фонемы [x], если он для других согласных непосредственно релевантен, т.е. смыслообразующий) или при отождествлении единиц фонологической сегментации текста с уже известными, выделенными фонемами (отождествить ли последнюю фонему в морфе *сад* с [t] или [d], если для данной морфемы эта позиция нейтрализована, но для системы в целом она релевантна). Речь идет, таким образом, об общем прин-

³ Понимание данных вопросов в изложении разных авторов затруднено использованием ими неоднозначной и подчас противоречивой терминологии. Так, нередко *морфологический* в противопоставлении *словообразовательному* означает «формальный», тогда как в противопоставлении *морфонологическому* означает, наоборот, «содержательный» (точнее — «формально-семантический»), а *морфонологический* в таком случае понимается как «формальный». Такое словоупотребление, практически неудобное, имеет, однако, объективную основу в том, что при необходимости противопоставить формальное членение или формальные единицы (как результат формального членения) «двустороннему» (т.е. формально-содержательному) членению и двусторонним единицам морфология (точнее — морфемика или морфемный уровень) действительно оказывается в известном смысле «формой» по отношению, например, к словообразованию и «содержанием» по отношению к морфонологии.

ципе различия между релевантностью относительно индивидуальных единиц и релевантностью относительно системы в целом.

Исходя из индивидуальных словообразовательных связей слов типа *огурец* или *буженина*, т. е. на почве словообразовательного анализа, трудно обосновать их членимость, но исходя из словообразовательной системы в целом, включающей большую серию слов, для которых суффиксы *-ец* и *-ина* выделяются «индивидуально», т. е. именно на основании сопоставления мотивирующего и мотивируемого слова, системная схема членимости может быть наложена, экстраполирована на индивидуально не членимые единицы (в пределах допустимых семантических расхождений). То, что в данном случае механизм морфемного анализа не тождествен чисто формальному членению, видно хотя бы из отсутствия таких сегментаций, как, скажем, **сп-ина* или **кр-ик*.

Отказ от индивидуальной словообразовательной членимости в пользу групповой, или системной (морфемной), членимости влечет за собой вполне определенные, легко предсказуемые и вытекающие из этого принципа отличия результатов морфемной сегментации от морфологической (словообразовательной). Они касаются 1) числа членимых слов, которых при морфемном анализе больше, чем при морфологическом (словообразовательном), 2) числа слов, включающих в свой состав ту или иную морфему — при морфемном анализе таких слов больше за счет слов со словообразовательно (индивидуально) не подтвержденным членением, а сами морфемы тем самым оказываются лексически более «мощными», 3) состава и структуры морфем — при морфемном анализе, например, меньше аффиксов за счет сведения исторически сложных аффиксов к составляющим их простым. З. Оливериус заметил, что, например, из четырех русских суффиксов *-н-*, *-ик*, *-ник*, *-еник*, выделяемых словообразовательным анализом, на уровне морфемного анализа остаются лишь два: *-н-* и *-ик*, причем правила сочетаемости существенно упрощаются и будут охватывать несравненно большее число случаев. Его вывод: морфемный анализ «резко сокращает количество элементов и упрощает правила сочетаемости, но — с другой стороны — страдает чрезмерной абстрактностью семантических характеристик данных элементов» [Оливериус 1976, 27].

В работах А. К. Поливановой анализ такого типа распространяется и на словообразовательно и даже «морфемно» непроемные основы. Он называется морфонологическим и противопоставляется словообразовательному как более экономный, сокращающий число исходных единиц, упрощающий аппарат описания и позволяющий в ряде случаев «представить языковые факты в более наглядном виде, не искаженном стремлением установить обязательный параллелизм в организации плана выражения и плана содержания» [Поливанова 1976, 5–6]. Хотя морфонологический анализ в смысле Поливановой тоже в определенной степени ориентируется на двустороннюю (словообразовательную) членимость («<...> в качестве основной гипотезы принимается допущение о наличии двусторонней или двойной членимости по крайней мере для некоторой зоны словаря» — [Поливанова 1975₁, 143]), результаты этого анализа сильно отличаются от результатов морфемного анализа в работах В. В. Лопатина или З. Оливериуса в сторону еще большей формальности и независимости от словообразования: членимыми признаются не только *аорист*, *акафист* (по анало-

гии с *идеалист, турист*), *цадик, таджик* (по образцу *химик, логик*), но и *гиг-и-ј-ена, кенг-уру, деж-ур-(ный)* и т. п.

Независимость морфонологической структуры от членимости с точки зрения плана содержания постулируется и в книге В. Г. Чургановой [1973], что с необходимостью приводит к выделению особой единицы, не соотносящейся непосредственно с планом содержания, — субморфа (у Поливановой такая единица называется *форматив*). Значимость такого членения и таких единиц с точки зрения не исторической, а современной системы и современных системных отношений подтверждается их подобием полноценным (двусторонним) морфемам — в правилах распределения, сочетаемости, усечения, чередования и т. д., т. е. тем, что «„реликты“ прежней морфологической организации слова выступают как совершенно живые позиции современной организации слова» [Чурганова 1973, 12].

До тех пор, пока проблема членимости языковых единиц (слов, основ) обсуждалась и решалась в рамках собственно морфологии (включая словообразование), в качестве критериев членимости выступали критерии дистрибутивного порядка — критерии формальной и семантической повторяемости их составных частей в других словах, или, что то же самое, встречаемости в других контекстах. Применительно к этому пониманию членимости Е. С. Кубряковой было сформулировано и обосновано понятие степени членимости: «Зависимость сегментации формы от условий повторяемости или воспроизведения ее частей в других окружениях, а также степени сохранения ясного содержания у такой части при повторении делают возможным определение не только факта членимости отдельной последовательности, но и степени ее членимости» [Кубрякова 1974, 40]. Установленная Е. С. Кубряковой шкала членимости учитывает следующие признаки: 1) способность/неспособность слова выделять отдельные значимые части, повторяющиеся в другом окружении (по этому признаку языковые формы делятся на членимые и нечленимые), 2) способность выделенных в членимых образованиях отрезков встречаться в неуникальном/уникальном окружении (по этому признаку противопоставлены формально членимые и дефектно членимые формы), 3) способность выделенных у формально членимых слов отрезков повторяться в разных окружениях с тем же/не с тем же значением (по этому признаку формально членимые формы делятся на безусловно членимые, или имеющие «живую» членимость, и условно членимые) [Кубрякова 1974, 41–42].

Под эту схему, как кажется, могут быть в принципе подведены все применяемые в русской грамматической литературе подходы к проблеме членимости, за исключением того подхода, который предлагается в работах В. Г. Чургановой и А. К. Поливановой и который связан с введением нового — морфонологического — уровня членимости и новых — морфонологических — критериев членимости. Морфонологический анализ позволяет выделить в составе слова, помимо единиц словообразовательной и морфемной структуры и соответствующих границ, еще и единицы, «отдельность», вычленимость которых подтверждается их подверженностью определенным стандартным модификациям (чередованиям), влиянием на выбор и морфонологический вид окружающих морфем и т. п.

Таким образом, в свете новых подходов, углубивших понятие членимости, к морфологической (словообразовательной) и морфемной членимости добавляется морфонологическая членимость слова. Соответственно структура слова предстает в более сложном виде. Морфологическая (словообразовательная) структура, удовлетворяющая критерию «индивидуальной» (в указанном выше смысле) членимости на основе отношений непосредственной производности, может быть представлена в виде актуальной (бинарной) модели (словоизменительная структура как бином «флективная основа плюс флексия или словоизменительный суффикс», например, *привлекательность-ю*) или в виде генеративно-морфологической многоступенчатой модели — «дерева» или скобочной записи, — отражающей ее иерархический характер, например, *(((((при-влек)а)тель)н)ость)ю)*. Морфемная структура, удовлетворяющая также и критерию «системного» членения, представляется в виде линейной последовательности морфем (морфов): *при-влек-а-тель-н-ость-ю*. И наконец, морфонологическая структура слова, удовлетворяющая критерию морфонологического членения, включает не только полноценные морфемы как двусторонние единицы, но и отрезки, не соотносимые с планом содержания: *коф-ей-н-ый, чех-ол* и т. п.

1.5. Акцентологические вопросы морфонологии

Прогресс в изучении акцентологических вопросов морфонологии стимулируется, с одной стороны, нуждами описательной (и исторической) акцентологии славянских языков, стремящейся выявить все языковые (и экстраязыковые) факторы, влияющие на акцентуацию тех или иных классов слов (в том числе факторы морфонологические), с другой стороны — потребностями собственно морфонологических исследований, стремящихся учесть все морфонологически значимые признаки (в том числе и акцентологические).

Акцентологические модели словоизменения и словообразования, т.е. правила постановки акцента в грамматически производных формах (словоформе или производном слове), составляют особую область плана выражения грамматики. В. Лефельдт выделяет в словоизменительной парадигме глагола три автономных типа подпарадигм: флексийные, т.е. обслуживающие данную парадигму альтернативные наборы флексий, морфонологические, т.е. разные модели морфонологической модификации исходной формы, и акцентные, т.е. характерные для данной парадигмы конфигурации распределения ударения [Лефельдт 1985, 44–51].

Акцентологические характеристики являются объектом морфонологии лишь в той мере, в какой они влияют на выбор альтернативных морфем, и наоборот — в какой акцентный тип слова зависит от морфонологических признаков морфемы (или основы). Так, в русском языке, как показала В. Г. Чурганова [1973], выбор уменьшительных суффиксов *-#к, -'ик, -ч'ик* зависит от 1) согласного исхода основы, 2) акцентного типа производящей основы, 3) слоговой структуры (односложности/многосложности) основы. С другой стороны, выбор схем ударения односложных слов в русском языке, по данным А. А. Зализняка, определяется морфонологическими факторами — числом слогов и местом ударения в

исходной словоформе, характером конечной согласной или вообще конечной части основы, беглостью или небеглостью гласной в основе (наряду с морфологическими, семантическими и прагматическими факторами) [Зализняк 1977, 76].

В современной акцентологической теории все большее значение придается акцентологическим характеристикам морфемы. Согласно новейшим представлениям, именно морфема является носителем акцентологических свойств, в то время как слово оказывается в акцентологическом отношении зависимым от свойств составляющих его морфем, и его акцентный контур может быть выведен из акцентных характеристик морфем.

Принципы морфонологического описания

В современной славянской морфонологии работы, обсуждающие теоретические и методические вопросы, критически анализирующие и оценивающие различные принципы описания и подходы к материалу, явно преобладают над конкретными, систематическими исследованиями морфонологических явлений. Морфонология как научная дисциплина все еще находится в стадии формирования, и ее концептуальный аппарат нуждается в дальнейшем анализе, упорядочении и согласовании с понятийными и терминологическими системами смежных лингвистических дисциплин. Особое внимание к метаязыку и методологии объясняется еще и тем, что формирование морфонологических идей совпало с поисками лингвистических методов, удовлетворяющих критерию единства представления языка на всех его уровнях, и осознанием того, что трактовка любого частного явления зависит от общего подхода к языку, а в случае морфонологического описания — от типа грамматики, в рамках которой такое описание мыслится.

2.1. Тип грамматики

Речь идет прежде всего о выборе между альтернативными моделями лингвистического описания: динамической *versus* статической, операционной *versus* реляционной, предсказывающей *versus* констатирующей, порождающей *versus* дескриптивной, синтезирующей *versus* анализирующей, «глубинной» *versus* «поверхностной». Эти бинарные оппозиции в определенном смысле сводимы к одной, противопоставляющей все правые члены вместе взятые всем левым членам вместе взятым, т. е. к оппозиции «динамическая, операционная, предсказывающая, порождающая, синтезирующая, глубинная модель» *versus* «статическая, реляционная, констатирующая, дескриптивная, анализирующая, поверхностная модель». Но каждая отдельная пара подразумевает свой особый аспект описания языка или особый подход к языковым фактам. Полностью тождественными (синонимичными) могут быть признаны, вероятно, только отдельные единицы, входящие в один и тот же (правый или левый) набор (например, порождающая и синтезирующая), но не оппозиция в целом. Действительно, оппозиции «порождающая» — «дескриптивная» и «синтезирующая» — «анализирующая» не тождественны: первая акцентирует результат (даст ли грамматика описание наблюдаемых, «поверхностных» форм в их соотношении или модель порождения наблюдаемых форм), а вторая — направление динамической модели (от глубинного к поверхностному или наоборот). Аналогично этому «динамический» может быть приравнен к «операционный», но их корреляты «статический» и «реляционный» не равнозначны, и соответственно не тождественны.

вен смысл самих оппозиций. Очевидно, однако, что при всех этих отличиях все левые члены оппозиций имеют нечто общее и во всяком случае могут совмещаться в одной модели только друг с другом, но не с членами противоположного набора, т. е., например, констатирующая модель может быть статической, реляционной, дескриптивной, но не может быть динамической, операционной, предсказывающей. Таким образом, речь все-таки идет о двух противоположных и не совместимых в рамках одного описания подходах, один из которых характеризуется признаками левого набора (динамический и т. д.), а другой — признаками правого набора (статический и т. д.). В дискуссиях на эту тему разные авторы подчеркивают значение то одних, то других признаков, но в целом альтернативность двух указанных позиций осознается всеми. При этом Е. С. Кубрякова и Ю. Г. Панкрац предпочитают говорить о динамике и статике [1983], Д. С. Ворт — о синтезе и анализе [1973], а Р. Лясковский — об операционной и реляционной модели [1981].

В статье Р. Ляковского «Какую морфонологию выбрать?» [1981], содержащей принципиально важные для теории и методики морфонологии положения, соотношение двух альтернативных подходов формулируется следующим образом: «Область варьирования фонологической репрезентации морфем данного языка и факторы, определяющие это варьирование, обусловлены присущими данному языку морфонологическими правилами. Эти последние могут интерпретироваться либо как ненаправленные отношения между элементами словаря (между альтернантами морфемы), либо как направленные операции над единицами словаря. Первая, т. е. „реляционная“ интерпретация морфонологических правил была характерна для американских дескриптивистов, в настоящее время она возрождается в некоторых работах представителей так называемой естественной генеративной фонологии. Вторая, т. е. „операционная“ интерпретация (в основе которой лежит постулирование абстрактной исходной формы морфемы, от которой путем применения определенных морфонологических операций выводятся фонологически различные альтернанты морфемы) нашла выражение в работах Куриловича, Якобсона, Блумфильда, и прежде всего в трудах школы (так называемой стандартной) генеративной фонологии как одна из основ, на которой эта концепция была создана». Имеются в виду работы [Найда 1949, Хоккетт 1961, Веннеманн 1974, Глисон 1955/1959, Курилович 1938/1960/1962, Якобсон 1948, Блумфильд 1939, Хомский–Халле 1968, Постал 1968].

Различие между анализирующим и синтезирующим подходами в морфонологии наиболее определенно было сформулировано Д. Вортом в его известном докладе к варшавскому съезду славистов. Разбирая принципы, положенные в основу раздела «словообразование» в [Грамматике 1970], Д. С. Ворт определяет их как «чисто аналитические»: «она стремится опознать и назвать всякого рода морфонологические единицы и определить их точное распределение. Иными словами, в этой грамматике за первоначальный, заданный материал берутся готовые слова (простые и производные); задача лингвиста — проанализировать эти слова, разделив их на составные морфемы или другие морфонологические единицы („субморфы“, „финали“ и т. п.), и установить точные формальные и смысловые соответствия между ними» [Ворт 1973, 380]. Аналитические исследования отечественных специалистов по русскому словообразо-

ванию восходят к работам Г. О. Винокура и предшествующей русской грамматической традиции. Первой работой синтетического направления, положившей начало большой серии морфонологических исследований русского и славянского глагола, явилась известная статья Р. О. Якобсона о русском спряжении [1948].

«Синтетическая грамматика берет как заданный материал не готовые слова или словоформы, а набор абстрактных исходных морфем и набор правил, соединяющих и видоизменяющих эти морфемы таким образом, чтобы после применения всех правил получились подробные фонетические облики всех существующих словоформ; задача лингвиста — найти наиболее эксплицитный, экономный и естественный набор исходных единиц и морфонологических правил» [Ворт 1973, 381].

Рассматривая параллельно аналитическое и синтетическое толкование одних и тех же фактов русского словообразования (в частности, имен жителей на *-анин, -ане*, образованных от топонимов, типа *Воркута — воркутянин*), Д. С. Ворт убедительно демонстрирует преимущества синтетической интерпретации, дающей не только более экономную, но и более естественную, более регулярную картину чередований. Особенно убедительным свидетельством в пользу синтетического подхода служит, по его мнению, анализ так называемого усечения. В рамках аналитической грамматики деривация типа *ходить* → *ход* трактуется через понятие усечения конечного элемента *i* в основе глагола, природа которого должна быть определена как (морфо)нологическая. Если же исходить из синтетической грамматики, трактующей производящую основу *ходить* как биморфемную структуру {*xod+i*}, то ясно, что отсекается именно морфема. Наконец, если в рамках синтетической грамматики отказаться от направления деривации, то факт усечения вообще должен быть признан несуществующим: как глагольная, так и именная основа оказываются независимыми друг от друга производными от общего глубинного вида морфемы {*XOD*}.

По-разному в грамматике аналитической и синтетической решается вопрос и о так называемом наложении морфем. Если с точки зрения аналитической грамматики понятие наложения морфем вполне оправданно, то в грамматике синтетического типа сама идея «наложенных» друг на друга морфем является бессодержательной и исключается в пользу идеи усечения одной из дублетных морфем. Так же обстоит дело и с явлением диспалатализации, которое закономерно в аналитической грамматике, но в грамматике синтетического типа существует лишь на фонемном уровне, а в «глубинной» морфонологической грамматике оно не находит себе места.

Общий вывод Д. С. Ворты сводится к тому, что все споры о природе тех или иных морфонологических явлений бессодержательны, пока не определены общие принципы грамматического подхода. Приверженность к грамматике порождающего (или предсказывающего) типа определяет и характер конкретных морфонологических работ Д. С. Ворты и других исследователей (Р. О. Якобсона, А. В. Исаченко, Э. Станкевича, Г. Аронсона и др.).

С этим же направлением связана идея глубинного и поверхностного представления в морфонологии [Ворт 1968₃, Исаченко 1969]. Грамматика синтетического типа исходит из некоторого идеального, абстрактного представления морфемы, позволяющего наиболее экономным и регулярным, естественным

образом получить из него все конкретные, поверхностные представления данной морфемы. «При таком предсказывающем подходе и при введении таких абстрактных морфонемных единиц исчезают многие мнимые нерегулярности, снижается число наблюдаемых морфонологических процессов („обратное чередование“ и „восстановление фонем“ оказываются фикциями), упрощается терминология („фонемы“ — „финали“ — „морфы“ — „финали-неморфы“ объединяются в „последний морф производящей основы“), и вообще получается более точное и эксплицитное морфонологическое описание» [Ворт 1975, 63].

Принципиально иную позицию в этих вопросах занимает В. В. Лопатин. Признавая значимость обоих подходов (описательно-аналитического и генеративно-синтетического), он считает вслед за Ю. С. Масловым, что они никак не исключают друг друга, поскольку «порождение реальных форм, их синтез <...> просто невозможен без предварительного (хотя бы и остающегося „за кадром“) анализа» [Маслов 1968, 48]. В. В. Лопатин возражает также против абсолютизации «глубинного» подхода, ссылаясь на большое число трудностей и противоречий, не получающих разрешения и при глубинной репрезентации: «*кричат* — *крик-ун*, *пищат* — *писк-ун*, но *молчат* — *молч-ун*, *ворчат* — *ворч-ун*; *кричат* — *крик-уха*, но *пищат* — *пищ-уха*; *вскричат* — *вскрик-ивать*, но *умолчат* — *умалч-ивать*; *наложит* — *налаг-ать*, но *умножит* — *умнож-ать*; *втащит* — *втаск-ивать*, но *сплющит* — *сплющ-ивать*; *учит* — *не-уч-ø* и *не-ук-ø*. Никакая „глубинная“ интерпретация, выражающаяся в морфонемной записи, не способна передать реальных морфонологических различий в приведенных примерах, где морфонема „заднеязычная — шипящая“ выступает в одной и той же позиции то в заднеязычном, то в шипящем варианте» [Лопатин 1977, 298].

Решающим аргументом против глубинной морфонологии Лопатин считает тот факт, что при ориентации на глубинную (морфонемную) запись морфем «не приходится говорить о чередованиях вообще: так, в прилагательном *ручной* остается „на морфемном уровне“ корень {рук}, а в слове *захаживать* — корень {ход}. Выявление тех или иных морфонологических чередований возможно лишь путем описания фонологической структуры морфов. На „морфонемном“ уровне морфов нет, как нет и чередований; морфема, представленная в ее „основном“ „абстрактном“ виде, неизменна <...> Морфонология — до тех пор, пока она занимается разновидностями морфонем, выступающими в конкретных разновидностях морфем (морфах) — по своей сути „поверхностна“; описывая же инварианты чередующихся элементов морфем (морфонем), она „глубинна“» [там же, 299–300].

Противоречие между аналитическим и синтетическим подходом не представляется, однако, столь непреодолимым, как это выглядит в полемике Д. С. Ворты и В. В. Лопатина, и, главное, оно не связано непосредственно с оппозицией глубинной и поверхностной морфонологии. Аналитический подход является обязательным этапом, предваряющим синтетическое описание (от единой исходной абстрактной формы морфемы к множеству ее контекстных репрезентантов) и необходимым для реконструирования исходных абстрактных форм, освобождения их от контекстных, «поверхностных» признаков, что невозможно без предварительной сегментации текста на морфы (т. е. тоже аналитической

процедуры). Неизбежность анализа вытекает уже из того, что единственной реальной данностью для исследователя является множество текстов в их «поверхностном» виде, из которых он должен реконструировать исходные формы. В принципе задача морфонологического описания может быть одинаково адекватно решена и на пути от поверхностного представления к глубинному, и на пути от глубинного представления к поверхностному. В первом случае морфонологические закономерности будут выявлены на этапе отождествления морфов одной морфемы путем обобщения повторяющихся регулярных соответствий между морфами, а во втором — на этапе развертывания исходных абстрактных форм в поверхностные репрезентации тоже путем обобщения повторяющихся соответствий. Конечной целью аналитического описания должен быть словарь абстрактных видов морфем и реестр правил их получения, целью синтетического описания — правила развертывания абстрактных морфемных записей в поверхностные.

Принципиальная зеркальность аналитического и синтетического описания вовсе не отрицает отмеченной Д. С. Вортом неизоморфности между ними: не только такие явления, как усечение морфем, строго говоря, связаны лишь с идеей синтеза, а наложение морфем — с идеей анализа (как результат двойственного морфемного членения слова), но каждое из них имеет свои особые аспекты, вытекающие из самого подхода — при аналитическом описании возникает проблема дистрибуции морфов относительно друг друга, естественно, отсутствующая в синтетической грамматике, где в свою очередь должна получить освещение проблема выбора морфем (из ряда функционально тождественных) в зависимости от их морфонологических свойств.

Аналитический подход в таком понимании может быть в равной мере и более поверхностным, и более глубинным, как, впрочем, и синтетический, однако их объединяет общая операционная (а не реляционная) природа, т. е. представление о том, что одни формы морфемы «образованы» от других, являются производными от других. Бóльшая «поверхностность» морфонологии в версии Лопатина, как кажется, вытекает не из ее «аналитичности», а из подчиненности морфонологического анализа и морфонологической производности словообразовательному анализу и отношениям непосредственной словообразовательной производности, при которой мотивирующие основы каждый раз признаются как бы непроизводными, исходными не только в словообразовательном, но и в морфонологическом отношении. Так понимаемые отношения словообразовательной производности с морфонологической точки зрения поверхностны, ибо они устанавливают корреляцию между двумя реальными «поверхностными» цепочками морфов. Если же члены такой коррелятивной пары, т. е. производящую и производную основу, представить в глубинном виде, освобожденном от контекстных, поверхностных признаков, то словообразовательная производность не будет противоречить морфонологической производности. Иначе говоря, если глагольная основа {xodi-} будет представлена как бином {xod-i} со снятием контекстной палатальности согласной глагольного корня, то реальное словообразовательное направление производности {xod+i → xod} не будет противоречить морфонологической производности.

И наконец, следует еще заметить, что употребляемый в подобных рассуждениях термин «поверхностный» имеет совсем иной смысл, чем в работах по

генеративной фонологии, откуда он заимствован и где он означает действительную фонетическую репрезентацию морфемы. Здесь же речь идет хотя и о контекстных, но все же морфонологических, а не фонетических репрезентациях. Так, если поверхностно морфонологическая запись основы *ножк(a)* будет выглядеть как {pož-k} при глубинно морфонологической {nog-k}, то поверхностно фонетическая (или фонологическая) запись должна выглядеть как [poš-k].

Подобно тому, как исторические закономерности не могут быть выведены из непосредственного сопоставления форм родственных языков без предварительной внутренней реконструкции исторической праформы в пределах каждого языка, установление структурных (синхронных) соотношений форм на уровне словообразования и морфонологии невозможно без «операционной реконструкции», т. е. последовательного снятия сначала поверхностно-фонетических (не [poš-ka], а {pož-ka}), а затем и поверхностно-морфонологических (не {pož-ka}, а {nog-ka}) наслоений (процессов, преобразований и т. п.).

Совершенно определенно высказывается в пользу глубинного подхода Т. В. Булыгина: «Морфонологический компонент должен, в частности, обеспечивать наиболее простой переход от морфолемного представления словоформ к реальным (текстовым) словоформам в фонетической или орфографической записи. <...> Мы исходим из того, что путь к выполнению этой задачи может лежать через определение единственной абстрактной (т. е. именно морфонологической) репрезентации каждой морфемы (или ряда репрезентаций для супплетивных образований) плюс установление правил, необходимых для выведения всех звуковых вариантов каждой морфемы из этой исходной репрезентации» [Булыгина 1977, 209].

Е. А. Земская, хотя и не пользуется терминами «синтез» и «глубинный подход», убедительно показывает, что центральная для морфонологии проблема чередования связана именно с синтезирующей моделью в ее «глубинной» версии: объектом чередований являются не «поверхностные» морфы (ибо в морфах чередования уже совершились), а «глубинные» морфемы, тогда как на уровне поверхностного описания речь должна идти лишь о правилах дистрибуции (при анализе) и правилах выбора (при синтезе) морфов [Земская 1975, 24–25].

Не во всех работах по морфонологии обсуждаются теоретические основания предлагаемых в них конкретных описаний, но каждый исследователь неизбежно оказывается перед выбором между динамическим или статическим, операционным или реляционным, синтезирующим или анализирующим и т. д. подходом, ибо от этого зависит не только интерпретация конкретных морфонологических явлений (см., например, [Ворт 1972₁, 1976]), но даже и сам состав подлежащих рассмотрению фактов.

2. 2. «Направленная» и «ненаправленная» морфонология

Имеющиеся морфонологические описания славянских языков различаются также тем, в какой степени они ориентированы на грамматику и грамматические отношения между разными контекстными вариантами морфем. Уже говорилось о том, что имплицитно исследователи руководствуются критерием грамматической (словоизменяющей и словообразовательной) деривации при уста-

новлении морфонологических отношений между разными алломорфами одной морфемы. В принципе «грамматичность» является неустранимым и вполне естественным свойством морфонологии, причем она одинаково присуща морфонологии синтетического и аналитического типа, глубинной и поверхностной и т. д. Существенно, однако, то, рассматриваются ли отдельные контекстные формы морфемы как морфонологически производные от каких-то других форм (в соответствии с отношением грамматической производности) или же они считаются независимыми, равноправными формами, каждая из которых закреплена за определенной грамматической позицией.

Д. С. Ворт в морфонологической модели синтетического типа различает две разновидности, которые он называет «направленная» и «ненаправленная» [Ворт 1973]. «Направленная» означает здесь именно грамматически ориентированную модель, формулирующую морфонологические правила для биннома «мотивирующая форма — мотивированная форма». А «ненаправленная» означает, что любая наблюдаемая (контекстная) форма морфемы считается мотивированной не какой-то другой контекстной формой, а абстрактной, глубинной формой морфемы, стоящей за всеми ее контекстными вариантами и представляющей данную морфему в морфемном словаре. В «направленном» описании русское отглагольное *ход* будет представлено как словообразовательный и морфонологический дериват от глагольной основы {*xod*+*i*}, которая в свою очередь производна от словарного вида морфемы {*XOD*}. В «ненаправленном» описании именная основа {*xod*} считается независимой от глагольной {*xod*+*i*}, и обе они рассматриваются как непосредственные дериваты от словарного {*XOD*}.

Аналитическая версия морфонологии также может быть ориентирована на грамматику (в указанном смысле), если она устанавливает бинарные корреляции между алломорфами двух словоформ (или основ), связанных отношением деривации (так, например, строится морфонология словообразования в книге [Лопатин 1977]), но она может быть «независимой» от грамматики («ненаправленной»), если ограничивается (в рамках реляционной модели) описанием позиционной дистрибуции контекстных вариантов морфемы. В первом случае именной алломорф {*xod*} будет рассматриваться как дериват от глагольной основы в ее «поверхностном» виде {*xod*'*i*}, а во втором — будут описаны все алломорфы данной морфемы и их позиционное распределение: {*xod*} выступает перед именными флексиями *-ø*, *-a*, *-u* и т. д. (*ход*, *хода*, *ходы* и т. д.), {*xod*'} — перед глагольными флексиями и суффиксами причастий (*ходит*, *ходят*, *ходящий*, *-ходя* и т. д.), {*xož*} — перед глагольной флексией *-y* (*хожу*), {*xožd*'} — перед именным суффиксом *-ени(е)* (*хождение*) и т. п. Разумеется, независимость от грамматики в этом случае весьма относительна, т. к. дистрибуция морфов (и морфем) грамматически обусловлена.

2.3. Парадигматика или синтагматика

Если морфонология изучает закономерности варьирования фонемного состава морфемы в определенных сочетаниях с другими морфемами (в определенных морфонологических позициях), то совершенно очевидно, что эти закономерности могут быть обнаружены как на уровне парадигматики мор-

фем, т. е. при рассмотрении парадигмы алломорфов каждой отдельной морфемы, закрепленных за отдельными грамматическими позициями, так и на уровне синтагматики морфем, т. е. при анализе поведения разных морфем в одних и тех же позициях. И хотя правила, формулируемые относительно морфемы (например, «морфема М или морфема определенного типа должна претерпеть такие-то преобразования в позиции Р»), с необходимостью будут отличаться от правил, формулируемых относительно позиций (например, «в позиции Р морфемы должны претерпеть такие-то преобразования»), в суммарном виде (для всех морфем, с одной стороны, и для всех позиций, с другой) они должны быть содержательно эквивалентны. Ср. [Земская 1975₂, Ворт 1972₂].

Вместе с тем, эти два ряда правил разнонаправленны: правила морфемной вариативности выявляют регулярность морфонологического поведения морфем со сходным фонемным составом и совпадающими грамматическими характеристиками (например, субстантивных корней с исходом на заднеязычный) и в результате должны дать типологию морфем, тогда как правила позиционной модификации приводят к типологии позиций, группируя их в зависимости от того, как они воздействуют на морфемы разных типов.

К парадигматике морфонологии должны быть отнесены не только закономерности варьирования морфем, но и система, образуемая морфонологическими единицами низшего уровня — морфофонемами, или альтернантами, и морфонемами. Фонологические корреляции, существующие между минимальными компонентами морфем, играют разную роль в фонологии и морфонологии, поэтому морфонологическая классификация согласных или гласных будет существенно отличаться от фонологической (см. Приложение 1).

2.4. Выбор или преобразование

Морфонологические явления могут быть описаны как в терминах преобразования, модификации морфем в тех или иных морфонологических позициях (в рамках операционного подхода), так и в терминах выбора одного из контекстных вариантов морфемы также в зависимости от позиции (в рамках реляционного или дескриптивного подхода), причем эти способы описания содержательно идентичны. Ср. мнение Е. А. Земской: «<...> описание порождения слова может задаваться только правилами выбора морфов. При таком описании дается репертуар основных и аффиксальных морфов каждой морфемы, например: основные морфы *книг-* / *книж-*, *рук-* / *руч-*; суффиксальный морф *-н-*. Указывается, что суффиксальный морф *-н-* выбирает основные морфы *книж-*, *руч-* и под. и не выбирает морфы *книг-*, *рук-*. Никакого взаимоприспособления морфов (т. е. чередований, усечений и т. п.) на морфемном шве не происходит» [Земская 1975₂, 24].

Однако описание в терминах выбора морфов, будучи эквивалентно описанию в терминах модификации морфем, существенно уступает последнему в экономности и даже адекватности отражения свойств морфонологической системы языка, поскольку морфонологические закономерности «относятся не к индивидуальным единицам, а к целым классам единиц, т. е. поскольку речь

идет о повторяемости, об одинаковости морфонологического поведения единиц одного класса в однотипных позициях» [Булыгина 1977, 210]. Иначе говоря, описание в терминах модификаций (в частности, чередований), выявляющее морфонологическую значимость сегментных единиц меньших, чем морфема, имеет большую степень обобщения (и тем самым более экономно), чем описание, ориентированное на уровень морфов.

Не совсем верно, что явления чередований, усечений и т. п. вообще устраняются из описания в терминах выбора. В работе В. Г. Чургановой, выполненной на уровне морфов и в терминах выбора, чередования (и отчасти усечения) присутствуют как факт парадигматики морфем, как механизм морфемного варьирования (ср. «Корни, оканчивающиеся на парные согласные, заднеязычные и с, выступают, как правило, в виде двух вариантов, различие между которыми определяется чередованием конечных согласных корня <...>» [Чурганова 1973, 116]), тогда как описание сочетаемости, действительно, практически обходится лишь правилами выбора.

Таким образом, при одном способе морфонологического представления (условно: статическом, реляционном, дескриптивном, связанном с идеей распределения) чередования и другие виды модификации формы морфем ограничены областью парадигматики, т. е. вариативностью морфем, а сочетаемость морфем описывается в терминах выбора подходящего варианта морфемы; при другом способе (условно: динамическом, операционном, связанном с идеей порождения и преобразования) и парадигматика, и синтагматика морфем описываются в терминах модификации (чередований и т. п.).

Существует, однако, еще одна область выбора, которая должна быть учтена в рамках обоих подходов. Это область выбора морфем (до сих пор речь шла о выборе между морфемами одной морфемы) из ряда функционально тождественных, синонимичных, но имеющих разные морфонологические характеристики. Этот выбор также подчинен морфонологическим закономерностям, ср. выбор между флексией *-ов* и *-ей* в формах Род. мн., определяемый твердостью/мягкостью конечной согласной основы (*пост* — *постов*, но *гость* — *гостей*) или выбор между уменьшительными суффиксами *-чик* и *-щик* (см. [Чурганова 1973, 156]) или суффиксами *-#к*, *-ик*, *-чик*, определяемый целым рядом морфонологических характеристик основы [там же, 158]. Правила выбора морфем, в отличие от правил выбора морфов и правил чередования, носят преимущественно прогрессивный характер, т. е. определяются свойствами предшествующих единиц, см. [Смиренский 1975₂].

Глава 3

Морфонологические единицы

3.1. Уровни в морфонологии

Морфонология в полном комплексе ее задач имеет дело с единицами двух уровней или двух измерений — элементарными, минимальными единицами, являющимися фонемами или соотносимыми с фонемами, и минимальными значимыми единицами, являющимися морфемами или соотносимыми с ними. В фонеме морфонологию, в отличие от фонологии, интересует ее роль в организации структуры морфемы и морфемном варьировании. Морфема интересует морфонологию, в отличие от морфологии, со стороны ее внутренней формальной структуры и закономерностей модификации этой структуры в сочетаниях с другими морфемами. Эти единицы трактуются либо как принадлежащие соответственно фонемному и морфемному (морфологическому) уровням, либо рассматриваются как их морфонологические корреляты, т. е. единицы морфонологического уровня. Можно, таким образом, говорить о двух разных взглядах на характер и иерархию этих единиц. Согласно одному из них, обе единицы имеют свои линейные и парадигматические ипостаси: «Противопоставление морфа и морфемы как соотносительных друг с другом минимальных двусторонних (значащих) единиц, первая из которых является линейной, а вторая — нелинейной (парадигматической), определяет и противопоставление элементарных сегментных единиц языка, соотносимых с морфом и морфемой. Для морфа такой элементарной единицей является фонема как обобщенный ряд звуков (аллофонов), взаимозаменяющих друг друга в разных позициях. Аналогичным образом для морфемы такой единицей является с нашей точки зрения обобщенный ряд линейных сегментов (фонем и их сочетаний), взаимозаменяющих друг друга в разных морфах одной и той же морфемы и, следовательно, обусловленных позицией каждого из этих морфов» [Лопатин 1977, 287–288]. Для обозначения этой последней единицы, соотносимой с морфемой, В. В. Лопатин использует термин *морфонема*. Такое понимание морфонемы как ряда чередующихся фонем, восходящее к Трубецкому, предполагает трактовку морфемы как совокупности (класса) представляющих ее морфов со всеми вытекающими отсюда теоретическими следствиями (ср. аналогичное понимание фонемы как класса аллофонов, слова как совокупности словоформ).

Таким образом, речь идет о четырех единицах:

фонема ————— морф

морфонема ————— морфема,

взаимно противопоставленных по двум признакам: минимальная сегментная единица (фонема, морфонема) — сегментная единица более высокого порядка (морф, морфема) и линейность, контекстность, «поверхностность» (фонема, морф) — парадигматичность, инвариантность, «глубинность» (морфонема, морфема). Из них

специфически морфонологической единицей можно считать лишь морфону, ибо фонема принадлежит иерархически более низкому уровню — фонологическому, а морф и морфема — иерархически более высокому, морфонологическому, уровню. Такая точка зрения хорошо согласуется с представлением о морфонологии как об особом (имеется своя единица), но все же промежуточном уровне языка (специфическая единица является посредником между единицей фонологии и морфологии).

Другой подход связан со стремлением обосновать существование морфонологических аналогов (самостоятельных морфонологических единиц, не тождественных единицам фонологического и морфонологического уровней) для всех четырех названных выше языковых сущностей: фонемы (морфонологический аналог — *морфонема* в смысле Улашина, Чургановой, *альтернант* в смысле Бернштейна, Поповой и др.), морфемы (*морфонема* в смысле Трубецкого, Лопатина и др., *морфонемный ряд*, *альтернационный ряд* в смысле Ляковского), морфа (*вариант морфемы* и *субморф* в смысле Чургановой, *алломорфема* и *алломорфемoid* — [Скоумалова 1978, 91]) и морфемы (морфонологический аналог — *субморф* в смысле Чургановой, ср. также *морфемoid* у Скоумаловой, там же). При таком понимании единиц морфонология оказывается полноценным языковым уровнем, организованным изоморфно другим уровням — ср. в морфологии четырехугольник слово — словоформа // морфема — морф, построенный на тех же осях противопоставления: единицы низшего уровня (морф, морфема) — единицы высшего уровня (словоформа, слово); единицы линейные, контекстные (морф, словоформа) — единицы парадигматические (морфема, слово).

Более сложная система возникает при введении по отношению к единицам высшего уровня еще двух близких по содержанию, но не тождественных признаков противопоставления: 1) единицы формально-семантические (двусторонние) — их внешние оболочки, относящиеся к плану выражения (по Скоумаловой, *морфема*, *алломорфема*, *морфемoid*, *алломорфемoid* versus *морф*, *алломорф*, *морфoid* [Скоумалова 1978, 91]); 2) единицы, являющиеся результатом грамматического членения, т.е. полноценные морфемы и их контекстные репрезентанты — единицы, являющиеся продуктом формального (морфонологического) членения, т.е. неполноценные (односторонние) морфемы и их контекстные репрезентанты (по Скоумаловой, *морфема*, *алломорфема*, *морф*, *алломорф* versus *морфемoid*, *алломорфемoid*, *морфoid*). Этот второй признак лежит в основе понятия *субморф* (см. ниже).

3.2. Морфонологические корреляты фонемы: морфонема, альтернант, морфонемный (альтернационный) ряд

Одним из наиболее противоречивых и неоднозначных понятий в морфонологии является понятие морфемы, применяемое по отношению к минимальным (низшим) сегментным единицам морфонологического уровня. В современной лингвистической литературе продолжают сосуществовать оба взгляда на морфону, восходящие к хорошо известным определениям Г. Улашина [1931] и Н. С. Трубец-

кого [1931/1967]. Первое из них называет морфонемой каждую из чередующихся в составе морфемы фонем, второе — весь ряд чередующихся фонем. Иначе говоря, морфонема Улапина соответствует элементарному составляющему морфа, а морфонема Трубецкого — элементарному составляющему морфемы (ср. выше определение В. В. Лопатина). Тот факт, что в русской лингвистической традиции морфонема в смысле Улапина фактически не получила признания, безусловно, объясняется господством московской концепции фонемы, которая тождественна улапинской морфонеме (ср. мнение А. А. Реформатского: «Следует подчеркнуть, что использование термина «морфонема» в ином смысле по линии Улашин — Трегер — Халле — Оливериус — Ворт для меня также неприемлемо — это травести фонем в московском смысле с ненужной «многоэтажностью» квази-единиц» [Реформатский 1975, 101]). И если все-таки, принимая московскую трактовку фонемы, В. Г. Чурганова «переименовывает» ее в морфонему, то это переименование вызвано и оправдано стремлением разграничить принципиально различные подходы — фонологический и морфонологический — и соблюсти единство морфонологического описания. В этом переименовании подчеркивается другая (морфонологическая) точка зрения на ту же языковую сущность (фонема в ее отнесенности к морфеме) и утверждается морфонологический статус этой единицы.

К морфонеме в этом (улашинском) понимании близок *альтернант* в смысле С. Б. Бернштейна: «Сегментной единицей науки о грамматических чередованиях (морфонологии) является альтернант. Альтернант является минимальной единицей грамматики» [Бернштейн 1974, 8]. Недостаток этого термина в том, что он относится только к чередующимся (варьирующим) элементам морфемы, оставляя без обозначения (и без определенного статуса) остальные, «константные» элементы морфемы.

Иной смысл придается термину *морфонема* в работах генеративного направления, где морфонема противопоставляется фонеме как единица глубинного представления морфемы единице поверхностного (фонетического) уровня. Иначе говоря, морфонема — это не минимальный сегмент морфа и не совокупность взаимозаменяемых в составе морфемы сегментов, а компонент глубинной репрезентации морфемы, т. е. один из знаков ее абстрактной, исходной формы, из которой с помощью системы правил могут быть выведены все ее контекстные формы. Это понимание близко к морфонеме Трубецкого, ибо оно, во-первых, видит в морфонеме парадигматическую единицу, являющуюся компонентом морфемы в ее исходной, словарной форме, а во-вторых, предполагает заданным весь ряд ее контекстных альтернантов. Но в отличие от Трубецкого и его последователей, морфонема генеративного толка обозначается не перечнем чередующихся фонем, а через ее независимую от грамматического контекста или условную, искусственно конструируемую форму.

Еще одна трактовка морфонемы представлена в книге Р. Лясковского, где выделение морфонем базируется на собственно морфонологических критериях: «Основой для установления инвентаря морфонем является анализ выступающих в данном языке альтернативных рядов: наличие <...> альтернативного ряда $s — \acute{s} — \check{s}$ имплицитно морфонему, которую мы условно обозначаем как {s}; альтернативный ряд $\acute{c} — t$ в *kość — kostny* дает основание для принятия морфонемы, являющейся мягким коррелятом к {t} (например, в

kot — *koci*), которую мы условно обозначим как {t'}; альтернативный ряд *š* — *ž* — *r* (например, в *piekarz* — *piekarza* — *piekarški*) имплицитно морфемную {f} и т. д.» [Лясковский 1975, 11]. К этому определению можно сделать то же замечание, что и к понятию альтернанта в смысле С. Б. Бернштейна.

Аналогично понимается морфонема в Грамматике [1984]: «Наименьшей абстрактной единицей формы морфемы, представленной в разных вариантах морфемы чередующимися друг с другом звуками, является морфонема <...> Морфемную мы трактуем, таким образом, как обобщение альтернативного ряда, как абстрактную (морфонологическую) «точку отсчета» для совокупности чередующихся фонем, составляющих данный альтернативный ряд <...> Данный элемент фонологического уровня является репрезентантом столько морфем, во сколько морфонологически разных альтернативных рядов он входит» (с. 61).

Хотя в обоих случаях понятие морфеммы выводится из понятия альтернативного ряда (т. е. здесь — ряда чередующихся фонем), эта единица по своему статусу оказывается не тождественной морфеме Трубецкого. Ведь если в *kot* — *koci* представлены коррелирующие морфемы {t} и {t'}, то ясно, что каждая из них является компонентом морфа, а не морфемы, и лишь обе они соответствуют морфеме Трубецкого. Если {u} в *lóg* и {o} в *loga* являются самостоятельными морфемами (первая обозначается как u_2 в отличие от u_1 , не чередующегося с o), то каждая из них, хотя и отсылает к определенному альтернативному ряду, не тождественна ему.

Анализ этих разных трактовок морфеммы обнаруживает, таким образом, что одни авторы определяют ее как элемент контекстного (синтагматического) представления морфемы, т. е. как элемент морфа (Улашин, Бернштейн, Чурганова), другие — как элемент независимого от контекста (парадигматического, «словарного») представления морфемы (Трубецкой, Панов, Земская, Лопатин, Ворт, Лясковский и др.). Между тем очевидно, что и та, и другая сущность требует своего определения в рамках морфонологии, и одной минимальной единицей сегментного уровня здесь не обойтись.

Сторонники первой точки зрения, соотносящие элементарную сегментную единицу морфонологии (морфемную, альтернант) с морфом, оставляют без определения, без толкования и без практического применения соответствующую ей абстрактную сегментную единицу, являющуюся элементом морфемы. Исследователи, стоящие на второй точке зрения, признают релевантность обеих единиц, но при этом отождествляют сегментную единицу в составе морфа с фонемой, исходя из того, что морф является контекстным («поверхностным») представителем морфемы. При этом, однако, не принимается во внимание, что морф как единица текста имеет двойственную природу, он несет в себе признаки не одного, а двух «контекстов» — фонологического и морфонологического (морфологического), т. е. его «форма» обусловлена и фонологическим, и морфонологическим окружением. Те черты в облике морфа, которые зависят от фонологического окружения, определяют его фонологическую форму [Лясковский 1973₂] и не являются релевантными на морфонологическом уровне. В. Г. Чурганова, анализируя контекстные фонологические виды морфемы *voz*: *vós*, *vlzǐ*, *vúvas*, *p'ar'ievóSka*, объединяет варьирующие элементы морфемы в три ряда фонем: 1) *v*, 2) *o*, *l*, *a*, 3) *z*, *S*, *s*, называя эти ряды морфемами и обозначая каждый ряд

(каждую морфону) сильным вариантом фонемы, т.е. {voz}. Соответственно морфонема определяется как «единица, отражающая единство сильных и слабых фонем одного класса, рассматриваемых в качестве компонента реальной морфемы (морфа)» [Чурганова 1973, 34–35]. Здесь совершенно справедливо подчеркивается морфонологическая, а не фонологическая природа данного элемента, не только потому, что он является компонентом морфемы, но и потому, что он абстрагирован от фонологического контекста (представлен сильными фонемами).

Нетрудно, однако, заметить, что абстрагированный от фонологического контекста «морфонологический» (в смысле Чургановой) вид морфемы {voz} соответствует не всем контекстным репрезентантам этой морфемы, а лишь части их. Так, в формах *возить*, *везти*, *вожу*, *везешь*, *везут*, *вёз*, *возит* и т. д. на уровне фонологического представления выделяются другие разновидности этой морфемы: *vʌz'*, *v'iS'*, *vʌž*, *v'iz'*, *v'ieʒ*, *v'oS*, *voz'*, которые не могут быть сведены к одному морфонологическому виду (одному ряду сильных фонем). Первый компонент морфемы оказывается представленным в виде не одной, а двух сильных фонем (по В. Г. Чургановой — морфонемам) — *v* и *v'* (их различие не обусловлено фонологически, ср. *воз* и *вёз*); второй — морфонемой *o*, третий — тремя морфонемами: *z*, *z'* и *ž* (ср. *возы* и *вози*, *вожу* и *на возу*). Оказывается, что морфема {VOZ} представлена пятью морфемами {voz, voz', v'oz, v'oz', vozž}, каждый из которых не является обусловленным фонологическим контекстом (все признаки, зависящие от фонологического окружения, «сняты»). По отношению к фонологическому контексту они являются независимыми, парадигматическими репрезентациями морфов одной морфемы.

Однако по отношению к морфонологическому (морфонологическому) контексту все эти морфы оказываются в полной мере контекстными (поверхностными) алломорфемами, манифестирующими одну единицу парадигматического уровня — морфему. К ним может быть применена та же самая процедура отождествления их сегментных компонентов, что и процедура, примененная В. Г. Чургановой по отношению к фонологически обусловленным элементам морфа, т.е. они могут быть сведены к трем единицам: 1) *v*, *v'*, 2) *o*, 3) *z*, *z'*, *ž*. Так же как и элементы фонологической формы, альтернативные элементы этого уровня, занимающие одно и то же место в структуре морфемы (т.е. *v* — *v'*, *z* — *z'* — *ž*), дополнительно распределены относительно морфонологических позиций, и потому они могут быть обобщены в единицы высшего уровня. Ясно, что сегментные единицы этого уровня тоже должны быть как-то названы и обозначены. К ним еще более, чем к компонентам морфа, применим термин *морфонема*. Здесь, так же как и в случае с морфом, морфонема может быть обозначена по своему сильному (т.е. независимому от морфонологического контекста) виду. Так, в сущности, и поступают исследователи генеративного направления, вводя глубинное представление морфемы. Элементом такого представления является знак #, объединяющий в себе две контекстные репрезентации: нулевую фонему (которая, естественно, не получает обозначения в записи сильными фонемами) и гласную (ср. {s#n-}: *сна*, *сон*).

Итак, при том понимании уровневой структуры морфонологии, которое было изложено выше, для низшего, «фонемного» (сегментного) уровня морфонологии должны быть признаны релевантными две единицы, соответствующие и морфонемам Улашина, и морфонемам Трубецкого. При этом первая явля-

ется контекстным представителем второй (соответственно тому, что морф является контекстным представителем морфемы)¹.

Статус единиц первого типа (контекстных, компонентов морфа) по отношению к собственно фонологическому уровню был определен В.Г. Чургановой (см. выше): они представляют собой сильные фонемы, независимые от фонологического контекста, а их инвентарь совпадает с инвентарем сильных фонем языка.

Другой подход (Улашин, Бернштейн и др.) акцентирует морфологическую (морфонологическую, функциональную) природу этой единицы, рассматривая ее сквозь призму чередования (альтернативного ряда) как его компонент. Казалось бы, эти два взгляда на одну единицу взаимно дополняют друг друга и не должны вступать в противоречие. Между тем противоречие между ними существует, и выявляется оно в том, как отождествляются друг с другом компоненты разных морфов (принадлежащие разным морфемам) и разных чередований.

В самом деле, взгляд на морф сквозь призму его фонемного состава естественно приводит к выделению в качестве его компонентов фонем (сильных фонем) и позволяет отождествить фонологически тождественные элементы морфов, принадлежащих к разным морфемам, например, отождествить морфонемы {ž} в *хожу*, *дружить*, *скажу*, *вожу*, *моложе*. Взгляд на ту же единицу сквозь призму альтернативного ряда, в который она входит, приводит к совершенно иному результату. В этом случае сегменты ž в разных морфах, будучи фонологически тождественными, оказываются нетождественными друг другу в морфонологическом отношении, ибо они входят в разные ряды чередований. Вместо одной единицы {ž} мы получаем здесь пять разных единиц: {ž₁}, являющуюся членом чередования *d' ~ ž* или *d ~ d' ~ ž* (*ход ~ ходит ~ хожу*), {ž₂} — член чередования *g ~ ž* (*друг ~ дружить*), {ž₃} — член чередования *z ~ ž* (*сказать ~ скажу*), {ž₄} — член чередования *d ~ ž* (*молодой ~ моложе*) и {ž₅} — член чередования *z' ~ ž* (*возить ~ вожу*). Наконец, еще одной, особой единицей должно быть признано {ž₆}, не вступающее в чередование и представленное в таких словах, как *жить*, *желтый*, *кожа*. Понятно, что инвентарь таких единиц (альтернантов) будет значительно большим, чем инвентарь сильных фонем, и окажется равным числу различающихся в данном языке парадигматических единиц — морфоном (или альтернативных рядов).

Таким образом, если первое понимание морфонемы (т.е. элемента морфа) ориентировано «вниз», на фонологическое представление морфа, то второе — ориентировано «наверх», т.е. на морфему и морфологическое представление. Второе (т.е. морфонема-альтернант) служит связующим звеном между фонемой и морфоном в смысле Трубецкого: объединяющий рассмотренные выше элементы разных морфов буквенный символ {ž} соответствует их фонологическому тождеству, а различающие их цифровые индексы соотносят их с разными парадигматическими единицами — морфонами. Такое «раздвоение» минимальной

¹ Для того, чтобы избежать употребления термина «морфонема» в разных значениях, можно было бы пользоваться двумя терминами — морфофонема и морфонема. Первый мог бы использоваться для обозначения элементов морфа (независимо от того, какова степень фонологичности или морфонологичности его понимания), второй — для обозначения элементов морфемы (тоже независимо от того, понимается ли морфема как множество морфов, как их инвариант или их «исходная» форма).

сегментной морфонологической единицы (компонента морфа) отражает двойственную природу самого морфа, являющегося парадигматической единицей по отношению к своим фонологически обусловленным алломорфам и одновременно — контекстным (в морфонологическом смысле) представителем морфемы.

3.3. Морфонологические корреляты морфемы

Три единицы морфемного уровня — морфема, морф, субморф — находятся между собой в разных отношениях: морфема и морф чаще всего противопоставляются друг другу как парадигматическая (инвариантная) единица и ее контекстный репрезентант (вариант), тогда как субморф противопоставлен им обоим как результат морфонологического (формального), а не морфологического (формально-содержательного) членения.

Как уже было сказано, морф, будучи контекстным представителем морфемы, обладает двумя (в равной мере контекстно обусловленными) обликами (формами): фонологическим, обусловленным фонологической позицией (контекстом), и морфонологическим, обусловленным морфологической (морфонологической) позицией (контекстом). Каждое из этих контекстных представлений морфемы нуждается в своем особом обозначении (например, с помощью соответствующей фонологической или морфонологической транскрипции) и определении (для чего можно было бы воспользоваться хотя бы обычно не разграничиваемыми в своем употреблении терминами *алломорф* и *морф*, закрепив первый за фонологическим уровнем репрезентации, а второй — за морфонологическим). Каждому представлению в таком случае должна соответствовать и своя особая сегментная единица низшего уровня, например: фонема (сильная фонема) и морфонема (морфонема в смысле Улашина, Чургановой, альтернант). Морфонологическая форма морфа является более абстрактной и парадигматической, чем его фонологическая форма, но менее абстрактной (более «контекстной»), чем парадигматическая форма морфемы. Так же могли бы соотноситься между собой и соответствующие единицы низшего уровня: фонема (компонент алломорфа) — морфонема (компонент морфа) — морфонема (компонент морфемы).

Из сказанного следует, что морфема как наиболее абстрактная единица может иметь тройную репрезентацию: на уровне морфемом, морфонемом (альтернантов) и фонем (аллофонов). Иначе говоря, вместо изображенного выше четырехугольника единиц (фонема — морф — морфонема — морфема) появляется шестиэлементная схема:

алломорф	—	фонема (аллофон)	фонологический уровень
морф (алломорфема, субморф)	—	морфонема (альтернант)	морфонологический уровень
морфема	—	морфонема (альтернативный ряд)	морфологический уровень

Однако более строгой в свете сказанного представляется иерархическая модель соотношения этих единиц, в соответствии с которой морфема как парадигматическая единица имеет своим контекстным (морфонологическим) представителем морф (соответственно морфонема как компонент морфемы представлена морфофонемой как компонентом морфа), а морф как парадигматическая единица имеет своим контекстным (фонологическим) репрезентантом алломорф (соответственно морфофонема как компонент морфа представлена фонемой как компонентом алломорфа).

Если вернуться теперь к примеру с морфемой {VOZ}, то она представлена пятью своими контекстными (в морфонологическом смысле) репрезентантами — морфами {voz}, {v'oz}, {voz'}, {vož}, {v'oz'}, каждый из которых может иметь по несколько алломорфов: {voz} — [vos] *воз*, [vʌz] *возы*, [vəs] *вывоз*; {v'oz} — [v'os] *вёз*, [v'i'eʒ] *везу*, [v'is'] *везти* и т. д.; {voz'} — [vʌz'] *возить*, [voz'] *возит*, {vož} — [vʌž] *вожу*, {v'oz'} — [vi'eʒ'] *вези*. Соответственно морфонема {V}, {O}, {Z} будут представлены на морфонологическом уровне морфофонемами {V} — {v, v'}, {O} — {o}, {Z} — {z, z', ž}, а на фонологическом уровне — фонемами и аллофонами [v, v'], [o, ʌ, ə, i^e, i], [z, z', s, s', ž].

Из этих трех репрезентаций морфемы морфонологически релевантными являются только две, а фонологическое представление и соответствующие ему единицы — алломорф и фонема — строго говоря, находятся за пределами морфонологии. В «Морфонологической системе русского языка» Н. С. Трубецкого последовательно выдержано фонологическое представление морфем (с обозначением сильных и слабых фонем), и оно не может не восприниматься как избыточное. Еще более избыточным для морфонологической модели следует признать описание на уровне различительных признаков фонем (ср., однако, [Ван Кэмпен 1963, Лясковский 1975]).

Обратимся теперь к понятию субморфа. В концепции В. Г. Чургановой субморф — это морфонологический аналог морфа, результат морфонологического членения слова. На морфонологическом (словообразовательном) уровне ему может соответствовать как полноценный морф, удовлетворяющий критерию и морфологической (формально-содержательной), и морфонологической (формальной) членимости, так и сегмент, не выделяемый на уровне морфемного членения и не являющийся морфом, но удовлетворяющий критерию морфонологической сегментации. Этой точке зрения противостоит мнение, что «для морфонологии релевантны две сегментные единицы — морф и субморф» ([Лопатин 1977, 57], ср. также [Земская 1973]), причем первый имеет и формальную, и семантическую самостоятельность, а второй — только формальную. Различие между этими точками зрения отражает различие между собственно морфонологическим подходом, стремящимся представить морфонологический уровень языка через однородные, имеющие единый, притом морфонологический, статус единицы, и морфонологическим подходом, оценивающим субморф с точки зрения двусторонних единиц морфологического уровня.

Используемое В. Г. Чургановой вслед за Ю. Куриловичем [1938/1960/1962] понятие «субморф» не подчеркивает, а наоборот, устраняет противопоставление двусторонних и односторонних единиц морфемного уровня путем «подтягивания» последних до статуса полноценных морфем (ср. «Единица, выражающая морфо-

нологическое единство регулярно организованных элементов звуковой оболочки слова, не вычленимых на морфологическом уровне, с элементами вычленимыми, и есть субморф» [Чурганова 1973, 38]), хотя сам термин *субморф* как раз акцентирует их морфологическую неполноценность². При этом, однако, субморф не является универсальным морфонологическим аналогом морфемы, ибо морфема, по определению В. Г. Чургановой, может состоять из нескольких субморфов [там же, 39] и, по-видимому, может содержать, кроме субморфов, еще какие-то единицы морфемного уровня (например, простые корни, ср. [там же, 49]). В таком случае субморф оказывается еще одной, промежуточной между низшим и высшим уровнем единицей, чем-то вроде морфонологического слога (ср. морфема может состоять из нескольких слогов, может быть неслоговой), с тем, однако, отличием, что слово (словоформа, текст) безостаточно делится на слоги, но не делится на субморфы (о значении слога в морфонологическом представлении языка см. [Лясковский 1978]).

Понятие субморфа оказывается противоречивым еще в одном отношении. Будучи, подобно морфеме, парадигматической единицей (ибо он имеет свои контекстные варианты, в нем происходит чередование), субморф в то же время состоит из морфем (в смысле Чургановой), которые являются единицами другого уровня абстракции, соотносительными не с парадигматическим, а с контекстным представлением морфемы, т. е. с морфом (подробнее см. выше).

К понятию субморфа в концепции В. Г. Чургановой близко понятие формата в работах А. К. Поливановой. Формативами называются элементарные составляющие формальных структур, причем «каждый форматив задан в виде класса своих дополнительно распределенных контекстных представителей» [Поливанова 1975₂, 136]. Как и субморф в смысле Чургановой, форматив принципиально независим от грамматического (двустороннего) членения и является, в отличие от морфемы, односторонней, формальной единицей, выделяемой в результате формального, морфонологического членения основы: «В морфологии изучаются не столько морфемы, сколько внешние оболочки составляющих их морфов; соответственно рассмотрение двойной членимости фактически заменяется рассмотрением членимости формальной. В результате список объектов морфонологического описания оказывается отличным от списка морфов» [Поливанова 1976, 3]. Поскольку и форматив (по Поливановой), и субморф (по Чургановой) мыслятся как единицы формального уровня, имеющие свои контекстные репрезентации, они должны считаться не морфонологическими анало-

² Субморф в смысле Куриловича тоже представляет собой единицу морфемного уровня, но ее «недостаточность» по сравнению с полноценными морфемами относится скорее к форме, чем к содержанию (функции). Субморф Куриловича не имеет характерной для морфемы линейной (сегментной) фонологической структуры — это чередование фонем или акцентное чередование (при этом их функция может быть полноценно морфологической, а может быть не самостоятельной, соотствующей). Напротив, Чурганова рассматривает прежде всего сегментные субморфы — «определенным образом расположенные (аранжированные) ряды следующих друг за другом морфем» [Чурганова 1973, 39], которые, не отличаясь от полноценных морфем в формальном отношении, обнаруживают недостаточность именно в функционально-семантическом плане. Таким образом, в обоих случаях субморф понимается как «недоморфема» (соответственно внутренней форме слова), но у Куриловича делается акцент на его формальной ущербности, а у Чургановой — на содержательной.

гами морфа, а морфонологическими аналогами морфемы, т. е. абстрактными, а не конкретными единицами формальной структуры слова.

Термин *форматив* употребляется и в работах А. В. Исаченко, где он относится к «односторонним» (неморфемным) расширителям основы, называемым у других авторов интерфиксами [Земская 1975₁]. Исаченко возражает и против термина *интерфикс*, и против его понимания как морфемы: «Форматив автоматически присоединяется к основе в тех случаях, когда фонологическая структура основы по тем или иным причинам не соответствует общим жестким правилам, регулирующим принципы морфемной структуры данного языка <...> Форматив не соотнесен непосредственно с определенным „отрезком значения“ и, следовательно, не может быть включен в класс „морфем“ в классическом толковании этого термина» [Исаченко 1974, 277–278].

Таким образом, различие между разными авторами в подходе к морфонологическим единицам касается следующих основных моментов: 1) способа выделения единиц морфемного уровня — одни считают релевантными только единицы двусторонние, удовлетворяющие принципам морфемного (словообразовательного) членения, другие оперируют на морфонологическом уровне только односторонними единицами, удовлетворяющими условиям формального членения и независимыми от морфонологического членения; третьи признают наличие обоих видов единиц (т. е. наряду с морфами и морфемами выделяют субморфы, формативы и т. п.); 2) понимания парадигматических единиц морфонологии (морфонемы и морфемы) как инвариантов или как классов, 3) понимания морфонологических единиц (аналогов фонемы и аналогов морфемы) как «глубинных» или как «поверхностных».

Следует отметить, что не всегда соблюдается единый уровень «глубины» для коррелятивных единиц. Так, у В. Г. Чургановой морфонема явно более поверхностна, контекстна, чем ее коррелят субморф, которому придается одновременно значение и контекстное, и инвариантное. Система исходных репрезентаций основ, принятая в работах А. К. Поливановой, по ее собственной оценке, «ближе к поверхностному уровню, чем системы, используемые в ряде работ американских исследователей (последовательно реконструирующих *з и *ь, восстанавливающих древнее различие между *e* и *ě* и т. п.)». В то же время она «ближе к глубинному уровню, чем фонологическая система репрезентаций, используемая, например, В. Г. Чургановой, или система морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова» [Поливанова 1976, 13].

Общим для всех исследователей является различие в морфонологии единиц двух измерений (масштабов): соотнесенных с фонемой и соотнесенных с морфемой. Выше уже говорилось о том, что это различие соответствует двум взаимодополняющим аспектам морфонологии: собственно морфонологии, ориентированной на минимальный сегмент, и морфемике в ее формальной части, ориентированной на единицу более высокого ранга. Несмотря на распределенность, дополнительность указанных аспектов, делающую необходимым их сочетание, в конкретных исследованиях по морфонологии нередко доминирует один из них. Так, у В. В. Лопатина морфонология строится как раздел морфемики, в какой-то мере это верно и для работ А. К. Поливановой, а у В. Г. Чургановой и особенно у Р. Ляковского морфонология ориентирована на едини-

цы низшего ранга, соотносимые с фонемой. Последнее верно и для морфологии Н. С. Трубецкого.

3.4. Понятие основы

Понятие основы, широко употребительное в грамматике (при описании словоизменения и словообразования), остается недостаточно определенным как в его реальном языковом содержании, так и по отношению к другим лингвистическим понятиям и единицам, прежде всего по отношению к морфеме и слову. Роль этого понятия в морфологии не может быть установлена без уточнения собственно грамматического статуса соответствующей единицы.

Разное понимание основы в словоизменении (парадигматике) и словообразовании (дериватологии), отмеченное Ю. С. Масловым [1972], вытекает из двойственного характера основы, выступающей то как аналог слова, то как аналог морфемы. В словоизменении основа, определяемая как общая часть словоформ парадигмы, служит репрезентантом слова (основа слова), но одновременно она является компонентом морфологической (словоизменительной) структуры слова, понимаемой как бином «основа + флексия» (или, точнее, ряд, парадигма флексий), и в этом смысле она аналогична морфеме. В словообразовании статус слова имеет основа производного (мотивированного) слова (поскольку она же является его словоизменительной основой), тогда как мотивирующая основа (в смысле Лопатина), будучи компонентом словообразовательной структуры производного слова, аналогична по своему статусу морфеме.

Основа часто тождественна морфеме (корню) по своему морфологическому поведению (например, чередование *k ~ c* в Д. М. ед. в польском происходит независимо от того, завершает ли это *k* корень или суффикс: *nauka* — *nauce* и *strzałka* — *strzałce*). Вместе с тем основа в ранге морфемы, в отличие от обычной морфемы, может сохранять некоторые грамматические, словообразовательные и морфологические признаки (мотивирующего) слова. Основа является объектом действия ряда морфологических преобразований, которым не подвержена морфема: именно с трансформацией основы слова (мотивирующего, производящего) в основу-морфему (мотивирующую морфему производного слова) и оформлением новой основы слова (производного, мотивированного) связаны такие явления, как линейные модификации (усечение, наращение и т. п.) и акцентные чередования.

Подобно морфеме, основа является результатом морфологического членения слова (словоформы) на значимые единицы, но в отличие от морфемы, выделяемой дистрибутивной процедурой (сравнением всех контекстов, в которые данная морфема входит), основа есть результат «актуального» бинарного членения, выделяющего основу и формант (словоизменительный или словообразовательный). Основу можно назвать суперморфемой, т. к. она может состоять и обычно состоит из нескольких морфем (например, корня и суффикса, приставки и корня и т. п.), но может состоять и из одного корня. Точно так же и формант, в отличие от аффиксального (служебного) морфа, может быть назван суперморфемой, ибо он может состоять из нескольких морфем (например, при-

ставки и суффикса, двух суффиксов и т. п.), но чаще представлен одной морфемой (флексией или суффиксом). Основа, таким образом, может быть определена как суперморфема (последовательность морфем), включающая корень (в частном случае один только корень), а формант — как суперморфема, не содержащая корня (в частном случае один аффикс). Дело, однако, не в том, что основа и формант длиннее (или сложнее) морфемы, — они являются единицами принципиально другого типа, продуктом другой операции членения слова на значимые единицы («непосредственно составляющие»). Это единицы операционной модели языка, соответствующие одному («непосредственному», конечному) акту порождения данной словоформы или данного слова, продукты одного деривационного (словоизменительного или словообразовательного) акта.

Как и морфема, основа (суперморфема) может пониматься как абстрактная единица, имеющая свои контекстные морфонологические (а затем и фонетические) репрезентации в виде суперморфов (и далее их фонологических репрезентантов). Именно так, как абстрактные, инвариантные морфонологические единицы, понимаются флективная и деривативная основы слова в работах Д. Ворта [1968₁, 1975]. Контекстными морфонологическими репрезентантами флективной основы в смысле Ворта являются основы отдельных словоформ парадигмы; контекстными репрезентантами деривативной основы — мотивирующие основы отдельных ее дериватов (например, абстрактная деривативная глагольная основа {VERT} 'вертеть' представлена своими контекстными морфонологическими вариантами {vert} (*вертушка*), {vert'} (*круговерть*), {verč} (*верчение*).

Аналогичные единицы (словоизменительная и словообразовательная основы) в работе В. В. Лопатина [1977] трактуются не как инварианты конкретных основ словоформ и мотивирующих основ, а как их множества. Более того, В. В. Лопатин предложил и объединяющее эти две единицы понятие «основы слова в широком смысле», базирующееся также на отношении «множество — его члены»: «В узком смысле основа слова — это <...> совокупность основ его словоформ. В широком смысле основа слова — это совокупность не только основ словоформ данного слова, но и мотивирующих основ всех тех слов, для которых данное слово является мотивирующим» [Лопатин 1977, 109]³. В свете сказанного выше различие основы мотивирующего слова и мотивирующей основы (производного слова), на котором справедливо настаивает В. В. Лопатин, может быть истолковано как оппозиция деривативной основы производящего слова в смысле Ворта, являющейся основой в ранге слова, и ее контекстных (на уровне морфологии) представителей в структуре производного слова, выступающих в ранге морфемы.

В табл. 1 приведены примеры основ разного типа для нескольких глаголов и имен. Как видно из таблицы, деривативная основа нередко совпадает с флективной основой, но это не означает их тождества. Совпадение может касаться и

³ Возражение здесь вызывает сохранение за основой «в широком смысле» термина *основа слова*, ибо полученная «парадигма основы» не может быть соотнесена с одним словом (производящим) и пониматься как его основа. Что же касается абстрактной деривативной основы в смысле Ворта, то к ней это возражение не относится, т. к. она в полной мере «принадлежит» производящему слову. Однако ее контекстные репрезентанты (мотивирующие основы производных слов) уже не подпадают под понятие основы (производящего) слова.

Таблица 1

Слово и его основы
(Дефисом отделены усекаемые элементы основы)

основы слово	флексивная основа	основы словоформ	деривативная основа	мотивирующие основы дериватов
читать	чита-	читај- читал- читал'- читающ- читаем- читан-	чит-а	чита- (читатель, читальня, прочитать) чит- (читка, читака)
писать	пис-а	пиш- писал- писал'- писавш- писан-	пис-а	писа- (писатель, писание, написать) пис- (писака, писчий) пис'- (письмо, писец)
рисовать	рисов-а	рисуј- рисовал- рисовал'- рисовавш- рисован-	рис-ова	рисова- (рисование) рис- (рисунок) рись'- (прорись)
ходить	ход'-и	хож- ход'- ходил- ходил'- ходивш- хожен-	ход-и	ход- (ход, ходуном, ходок, Ходынка) ходи- (приходить) ход'- (ходики) хожд'- (хождение)
солить	сол'-и	сол'- солил- солил'- соливш- солен-	сол-и	сол- (солка, солоно, засол) сол'- (соленый, солушка)
чистый	чист-	чист- чищ- чистейш-	чист-	чист- (чистота, чистоплотный) чист'- (чистенький, чистюля)
рука	рук-	рук-	рук-	рук- (рукоятка, рукопожатие, рукав) руч- (ручной, ручка ручаться, вручить)
земля	зем#л'-	земл'- земел'-	зем-#л'	земл'- (земляк земледелец, земляной) земел'- (земелька, земельный) зем'- (оземь) зем- (земной, чернозем)

формальной, и структурной сторон (ср. *рук-, чист-*), а может ограничиваться только формой, внешним совпадением. Последний случай представлен в глаголах *рисовать, ходить, солить*, где флективная и деривативная основы, совпадая в своем формальном облике, нетождественны по структуре.

В глаголах типа *рисовать, советовать* флективная основа имеет структуру *рисов-а, советов-а* с усекаемым *а* и сопровождающим это усечение чередованием *ов ~ уј*, а деривативная основа имеет другое членение: *рис-ова* (или, возможно, *рис-ов-а*) и *совет-ова* (ср. *советчик*), поскольку в деривации суффикс *-ова-* может усекается, хотя это усечение необязательно (ср. *исследовать — исследование, исследователь*). Йотовые глаголы типа *читать* имеют флективную основу, завершающуюся усекаемым перед консонантными аффиксами йотом (*чита-ј*), тогда как для деривативной основы постулирование этого элемента было бы явно избыточным. Глаголы с суффиксами *-ива-, -ыва-* во флективной основе (ФО) не имеют между этими суффиксами и корнем морфонологической границы, т. к. не устраняют суффикса в словоизменении (ФО *вкладывај, загадывај* и т. п.), но в деривативной основе (ДО) эта граница налицо: ДО *вклад-ыва* (ср. *вкладчик, вклад, вкладка, но вкладывание*).

У глаголов на *-ить* различие между флективной и деривативной основой касается не их внешнего облика и не их внутреннего членения, а морфонологических свойств самой границы, отделяющей усекаемый тематический суффикс *-и-*. Если во флективных основах этого типа усечение тематического *-и-* не влечет за собой устранения вызванной им мягкости предшествующего согласного (*ходит, ходят, солю, солят*), то в деривативной основе усечение *-и-* одновременно устраняет и мягкость предшествующего согласного (*ходок, солка/солок* и т. п.). Точно так же усечение тематического *-а-* в глаголах на *-ать* типа *писать* характерно и для флективной, и для деривативной основы (и та, и другая выглядят как *пис-а*), но в первом случае это усечение сопровождается консонантным чередованием так называемого переходного типа (*писать — пишу, пишет* и т. д., *скакать — скачу, скачет* и т. д.), тогда как в деривативной основе такого чередования при усечении не происходит (ср. *пиसेц, письмо*).

Флективная и деривативная основы существительного *земля* противопоставлены по признаку вычленимости/невычленимости элемента (субморфа) *-л'*: в словоизменении он не вычленяется, а в деривации он оказывается усекаемым и потому морфонологически выделемым (ср. *земной, оземь, поземка, чернозем* и т. д.).

Таким образом, флективная и деривативная основы слова не тождественны друг другу, но между ними существуют определенные, регулярные отношения, которые еще нуждаются в подробном изучении. Они могут пониматься как отношения производности, т. е. такие, при которых одна основа может быть выведена из другой по определенным правилам. Однако исходной при этом может быть признана как флективная, так и деривативная основа. В первом случае, т. е. при выведении деривативной основы из флективной, из последней должно быть устранено то «лишнее», что характеризует ее как основу определенного грамматического класса (части речи) и имеет значение для словоизменения, но незначимо для образования других слов, относящихся к другим классам, которые требуют своих показателей. Так, деривативные основы глаголов во многих случаях утрачивают как излишний для словообразования ос-

новообразующий суффикс (показатель класса глагола: *-а-, -и-, -е-, -ну-, -ова-* и т. п.), составляющий необходимый компонент абстрактной флективной основы. Однако деривативные основы могут и приобретать дополнительные элементы по сравнению с флективной основой, ср. **ФО америк-** при **ДО американ-** (*американский, американец*) или **ФО шоссе-, кофе-** при **ДО шоссеј, кофеј-** (*шоссейный, кофейный, кофейник*)⁴. Такая абстрагированная от признаков грамматического класса деривативная основа затем, в составе производных слов, становясь флективной основой нового слова, с необходимостью вновь получает грамматическую определенность, выражаемую либо самим присоединяемым словообразовательным аффиксом, либо, при его отсутствии, — морфонологически (чередованием, усечением). В равной степени может быть избрана исходной деривативная основа, а флективная трактоваться как ее производная, получаемая прибавлением дополнительных признаков грамматической конкретизации. В пользу второго решения говорит бóльшая абстрактность деривативной основы по сравнению с флективной (ср. [Ворт 1968₁]).

Итак, рассмотренные до сих пор четыре единицы, по отношению к которым применяется термин *основа* — I. флективная (словоизменятельная) основа слова, II. основа словоформы, III. деривативная основа (производящего) слова и IV. мотивирующая (в смысле Лопатина) основа производного слова — противопоставлены друг другу по двум признакам: флективность (I, II) — деривативность (III, IV), т. е. принадлежность к словоизменятельной или словообразовательной структуре слова и соответственно — к операциям словоизменения или словообразования, и абстрактность, парадигматичность (I, III) — конкретность, линейность, контекстность (II, IV).

Такая система единиц, при всей ее стройности и изоморфности морфемному уровню (отношениям между морфемами и морфами), оказывается адекватной лишь для части явлений, относящихся к понятию основы, поскольку она не учитывает в области словоизменения того типа основ, которые связаны с так называемым формообразованием, а в области словообразования — производящих (мотивирующих) основ, образующих «вертикальную» словообразовательную структуру производного слова, которая отражает все последовательные стадии его деривации (не исторические, а синхронно моделируемые).

Вместе со словоизменением в узком смысле слова (образованием словоформ с помощью флексий) формообразование, т. е. производство парадигматических, флективных основ одного слова, от которых образуются флективные словоформы, составляет словоизменение (парадигматику, флексию) в широком смысле слова (ср. [Кубрякова 1974, гл. 5]). Однако по своему механизму формообразование аналогично словообразованию: продуктом его является не словоформа, а основа, средством — не флексия, а суффикс, и потому оно занимает промежуточное положение между собственно словоизменением и словообразованием.

⁴ По мнению А. В. Исаченко [1974], здесь происходит не прибавление *j* к деривативной основе, а, наоборот, его усечение во флективной основе. С этим трудно согласиться: если иноязычные основы при усвоении их русским языком оформлялись с помощью *j* и приобретали вид *шоссеј, кофеј*, то непонятно, почему они не могли в словоизменении сохранить такой вид основы, вполне согласующийся с нормами русского языка (ср. *музей, лицей* и т. п.).

Формообразование характерно не для всех изменяемых слов. Так, существительные в славянских языках, как правило, имеют одну парадигму (падежно-числовую) и одну соответствующую ей морфологическую основу (основу с неизменным морфемным составом). Напротив, в словоизменении глагола формообразование играет очень большую роль. Полная глагольная парадигма состоит из нескольких минимальных парадигм (подпарадигм, субпарадигм), каждая из которых имеет свою особую основу со своим особым морфемным показателем (суффиксом), например, *читал-*, *читающ-*, *читај-* (при этом презентная основа характеризуется нулевым формообразующим суффиксом). Эти основы представляют собой суффиксальные дериваты от общей (единой) глагольной основы [Якобсон 1948].

Каждая морфологическая словоизменяемая (формообразовательная) основа слова маркирует отдельную подпарадигму и противопоставляет ее другим подпарадигмам. В свою очередь словоформы, составляющие минимальную парадигму (подпарадигму) и имеющие общую морфологическую основу (т. е. единую по морфемному составу), также могут различаться по своим основам, но это различие носит уже не морфологический (ибо морфемный состав остается неизменным), а морфонологический характер, например, *хож-* (*хожу*) и *ход'* (*ходит, ходят*), *ходил-* и *ходил'-* (*ходила, ходили*); *друг-* и *друзј-* (*друг, друзья*), *сосед-* и *сосед'-* (*сосед, соседи*), *крестьянин-* и *крестьян-* (*крестьянин, крестьяне*) и т. п.

Различие между формообразовательными (морфологическими) и морфонологическими вариантами («аллоосновами») флективной основы одного слова сводится, таким образом, к тому, что первые связаны с выражением определенного грамматического значения, маркируют определенные минимальные парадигмы и располагают для этого специальным морфологическим средством (суффиксальной морфемой), тогда как вторые обычно не выражают определенного грамматического значения, маркируют отдельные словоформы минимальных парадигм и располагают лишь морфонологическими средствами (чередованием, усечением и т. п.). Кроме того, вторые несопоставимы с первыми по регулярности. Существуют и промежуточные случаи, которые могут быть истолкованы и как морфологические, и как морфонологические варианты одной основы в зависимости от трактовки модифицируемых элементов основы как суффиксов или как морфонологических (односторонних) единиц (ср. *козленок* — *козлята*, *боярин* — *бояре*, где противопоставление основ совпадает с грамматической оппозицией единственного и множественного числа).

Наличие «промежуточных» (по терминологии Ю. С. Маслова [1972] «парциальных») морфологических флективных основ делает невозможным описание порождения конкретных словоформ (или их основ) с помощью единой системы морфонологических правил преобразования исходной флективной основы; модель такого порождения должна с необходимостью включать и морфонологические, и морфологические (деривационные) правила.

Что же в таком случае представляет собой исходная флективная основа? Ясно прежде всего, что это не реальная (контекстная) форма основы, представленная в какой-то конкретной словоформе (хотя она может, в частности, совпадать с одной из конкретных форм), а некий конструкт, абстрактная

форма, которая безусловно «освобождена» от вторичных морфонологических показателей (формообразовательных суффиксов минимальных парадигм) и от тех морфонологических показателей конкретных разновидностей основы, которые обусловлены грамматическим (морфонологическим) контекстом. Так, очевидно, что исходная флективная основа глагола *ходить* не может содержать не только суффикса *-л*, репрезентирующего подпарадигму прош. времени, но и морфемы {ž}, маркирующей словоформу 1 ед. наст. Вместе с тем она должна включать тематический элемент *-i-*, который, хотя и усекается в отдельных словоформах (например, в 1 ед. наст.), является необходимым компонентом исходной основы, определяющим ее морфонологические модификации и морфонологический выбор присоединяемых к ней аффиксов (например, выбор *-ащ-*, а не *-ущ-*, в формах действ. причастий; *-енн-*, а не *-н-* или *-ан-*, в формах страд. причастий; *-ит*, а не *-от*, в 3 ед. наст. и т. д.).

Понятие деривативной основы также подразумевает, в отличие от традиционного понятия производящей основы, не конкретную основу производящего слова, а абстрактную основу, от которой с помощью регулярных морфонологических правил могут быть выведены мотивирующие основы всех словообразовательных дериватов данного слова. Между флективной и деривативной основой, между словоизменяющей и словообразовательной парадигмой и тем самым между морфонологией словоизменения и морфонологией словообразования существует определенный параллелизм и взаимозависимость, выявляемые на фоне специфических для каждой из этих сфер инвентарей морфонологических средств и механизмов [Станкевич 1962₁]. «Если можно предсказать правильную форму отдельной словоформы, исходя из точного описания флективной основы и набора морфонологических (флективных) правил, то кажется разумным предполагать, что можно предсказать правильную форму производной основы, исходя из точного описания производящей основы и набора морфонологических (деривационных) правил» [Ворт 1975, 57–58].

Вопрос о том, какими должны быть правила и техника (процедура) конструирования исходных флективных и деривативных основ, еще нуждается в специальном обсуждении. Пока ясны лишь самые общие принципы: 1) исходная основа «должна содержать достаточную информацию, чтобы предсказать правильные формы всех производных от нее основ» [Ворт 1975, 58] и 2) исходная форма должна предполагать не индивидуальные для каждого случая, а регулярные (тем самым и «естественные») правила ее преобразования в конкретные, реально представленные в языке основы. Это те же самые принципы, которые соблюдаются при установлении исходной условной формы любой морфемы. Различие состоит лишь в том, что в случае основ отношения морфонологической производности между ними задаются отношениями грамматической производности соответствующих словоформ или слов, тогда как исходная форма морфемы абстрагирована от ее грамматических контекстов и определяется исключительно морфонологическими отношениями между ее контекстными вариантами (алломорфемами, или морфами).

Понятие деривативной основы слова, о котором шла речь выше, вытекает из так называемого перспективного подхода к словообразованию [Лопатин 1977], при котором изучаются дериваты, образованные от одного производящего слова

(читать — читатель, читальня, читка и т. д.). При противоположном, ретро-спективном взгляде (от производной основы к производящей) словообразовательная структура слова предстает как иерархическая последовательность производящих основ, отражающая все стадии порождения слова («вертикальная» словообразовательная структура). Каждая из них представляет собой мотивирующую основу одного из производящих слов, имеющую в составе данного слова статус морфемы, причем эти основы размещаются в слове не последовательно (линейно), а по принципу включения. «Так, в состав слова *мужественность* входят пять основ: *муж*, *мужеств*, *мужествен*, *мужественен*, *мужественность*. Основе в обычном понимании здесь соответствует основа слова, т. е. наиболее длинная из основ, входящих в состав этого слова» [Поливанова 1975₂, 137]. Каждая из этих основ, в совокупности отражающих деривационную историю слова, в свою очередь представляет собой бинот мотивирующей основы и форманта, т. е. структуру, актуальную для одного из последовательных этапов порождения слова. Выделение этих основ представляет собой еще один способ внутреннего членения слова (наряду с морфологическим: *мужественность* -ø, морфемным: *муж-еств-ен-н-ость* и словообразовательным: *мужественн-ость*), вскрывающего его глубинную (вертикальную) деривационную структуру: (((*муж*)*еств*)*ен*)*н*)*ость*.

Морфонологическая проблематика, связанная с основой, включает следующий круг вопросов: типы флективных основ, способы модификации флективной основы в словоизменительных парадигмах (система основ словоформ); конфигурации (распределение) морфонологических вариантов основ в грамматических парадигмах; типы деривативных основ, их соотношение с флективными основами; способы модификации деривативной основы в словообразовательных парадигмах; морфонологическая характеристика словообразовательных парадигм. По существу речь идет о выявлении морфонологических закономерностей, обусловленных позицией перед словоизменительными и словообразовательными аффиксами, т. е. практически всего круга фактов, подлежащих ведению морфонологии (за исключением варьирования морфем в целом), но рассматриваемого сквозь призму морфологических парадигм и отношений.

При характеристике основ используются как грамматические, так и морфонологические признаки. Деление основ на флективные (словоизменительные), формообразующие, деривативные (словообразовательные) учитывает их связь с разного рода парадигмами. Различаются глагольные, субстантивные и т. д. основы. В зависимости от структуры выделяются основы первичные, простые, или непродушные; морфологически производные, деривационно производные [Кубрякова 1974, 286]. По морфонологическим свойствам основы характеризуются как неизменяемые или изменяемые, основы той или иной слоговой или фонемной структуры — с исходом на гласный, согласный, согласный определенного класса и т. д.

Таким образом, на уровне морфологии различаются шесть типов основ, соотносимых с одним словом: 1) абстрактная флективная основа, 2) формообразовательные словоизменительные основы, 3) основы словоформ, 4) абстрактная деривативная основа слова, 5) мотивирующие основы дериватов данного слова, 6) «вертикальные» (ретроспективные) словообразовательные основы. С точки зрения морфонологии основа является более важной единицей, чем морфема,

потому что именно граница между основой и формантом обозначает морфонологически релевантную позицию, в которой действует механизм морфонологической модификации и морфонологического выбора; границы между морфемами внутри основы в рамках данного слова не обладают морфонологической релевантностью. Они могут быть релевантны лишь постольку, поскольку на предшествующих уровнях деривации слова или словоформы им соответствовала граница между основой и формантом, т. е. граница актуального морфонологического членения (словоизменительного или словообразовательного). Иначе говоря, морфема становится морфонологической единицей, лишь приобретая статус основы (resp. форманта). В этом можно видеть еще одно проявление зависимости морфонологии от грамматики.

Морфонологические средства морфемного варьирования

4.1. Линейные преобразования основы

Линейные преобразования (усечение, наращение и т. п.) нередко объединяют с чередованиями, считая и те, и другие разновидностями формальной модификации морфем. При этом недостаточно осознается принципиальное отличие линейных преобразований от чередований: чередования принадлежат морфемам и имеют как парадигматический (варьирование морфем), так и синтагматический (сочетаемость морфем) аспект, а усечения и наращения относятся к основам, т. е. по существу к морфонологии слова, будучи средством организации морфемной последовательности (синтагматический план) в рамках основы мотивированного слова. В этом смысле линейные преобразования в большей степени, чем чередования, зависят от грамматики и прежде всего от установления отношений производности между словами и способа морфемного членения. Объектом линейных преобразований являются не морфемы, а единицы более высокого уровня — основы, получающие таким образом свое морфонологическое оформление.

Известная дискуссия об усечении, вызванная статьей А. В. Исаченко [1972], выявила немало важных вопросов, оставшихся в тени, и стимулировала новые обстоятельные исследования этой проблемы. В работе И. С. Улуханова [1975] на большом материале анализируются основные типы усечений и их функции в русском словообразовании.

Справедливо возражая против трактовки всех усекаемых элементов как морфов, И. С. Улуханов, однако, воздерживается от, казалось бы, очевидного в свете его аргументов вывода об их морфонологическом статусе (что, вполне возможно, имел в виду и А. В. Исаченко, используя термин «морфологический» лишь для противопоставления «фонологическому») и указывает, что усекаемые финалы (общий термин) могут быть морфами, субморфами, совокупностями фонем, материально не совпадающими ни с одним из словообразовательных морфов. В зависимости от позиции усекаемого элемента в слове выделяются корневые усечения (в составе корня), посткорневые, постфлексийные, предкорневые. Кроме того, различаются субститутивные (заменяемые) и несубститутивные усечения, т. е. усечения, вызывающие появление на их месте нового морфа или не вызывающие [Улуханов 1975, 99].

И. С. Улуханов отмечает разную степень регулярности разных видов усечения (при том, что все усечения квалифицируются как нерегулярные), и впервые ставит вопрос об условиях, обусловленности и даже «причинах» усекаемости/неусекаемости основ мотивирующих слов, среди которых он называет причины фонологические, морфонологические, семантические. К ним, по-видимому, можно добавить причины собственно словообразовательные, т. е. определенные структурные характеристики основы, в том числе иерархический статус усекаемых элементов (в частности и прежде всего морфов).

В книге В. В. Лопатина [1977] помимо усечений рассматриваются еще два вида линейных преобразований глагольной основы — наращения (консонантизирующие и вокализирующие основу) и мена финалей (отсечение какой-либо финали и последующее наращение усеченной основы за счет какой-либо финали или финалей).

Линейные преобразования в славянских языках в большей степени характерны для глагольной, чем для именной основы, и выступают как в глагольном словоизменении, так и в словообразовании. Они представляют собой механизм согласования, взаимоприспособления мотивирующей основы и словоизменительного или словообразовательного аффикса, обладающих принципиально разными морфонологическими свойствами: глагольная основа двувариантна, она имеет вокалическую и консонантную разновидности, распределенные по позициям, тогда как аффикс принадлежит, как правило, к одному из двух типов (повокальные и поконсонантные аффиксы) и по существу играет роль позиции, определяющей вид основы (ср. деление аффиксов на смягчающие и несмягчающие и наличие или отсутствие чередований в позиции перед ними). В этом смысле линейные преобразования глагольной основы аналогичны чередованиям, в отличие от линейных преобразований именных основ, которые в большей степени суперсегментны.

Нельзя не отметить, что проблематика линейных преобразований в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании явилась закономерным следствием того подхода, который связан с идеей единой (одной) глагольной основы. В области именной деривации место линейных преобразований также в значительной степени зависит от общей концепции описания и представляется тем более существенным, чем сильнее морфонологическая модель ориентирована на непосредственные словообразовательные отношения.

4.2. Чередования

О чередовании уже не раз шла речь в предыдущих разделах, и это понятно, поскольку чередование является одним из кардинальных понятий морфонологии и основным в славянских языках механизмом морфемного варьирования и взаимного приспособления морфем при их сочетании в слове. Ниже будут рассмотрены некоторые общие вопросы теории чередований и способы их описания.

4.2.1. Элементарное (индивидуальное) чередование. Отождествление чередований

Предпосылкой всякого морфонологического описания должно быть полное представление о всех вариациях фонемного состава каждой морфемы. Однако практически невозможно оперировать полными рядами альтернатив, манифестирующими вариативность каждой морфемы, поэтому, как правило, морфонолог имеет дело с минимальными повторяющимися в отдель-

ных рядах звеньями, чаще всего парами фонем, которые и называются чередованиями.

Выделение чередований даже внутри одного ряда сопряжено с известными трудностями, в том числе и теоретического порядка. Так, если в парадигме существительного *вода* можно выделить ряд чередующихся элементов *d*, *d'*, *t*, то, вообще говоря, не очевидно, что элементарными чередованиями должны быть признаны *d ~ d'* и *d ~ t*, но не *d' ~ t*. Точно так же, анализируя парадигму глагола *спать*, обнаруживаем ряд: *p* (*спать*, *спал* и т. д.), *p'* (*спят*, *спит* и т. д.) и *pl'* (*сплю*). Однако элементарными чередованиями могут быть признаны как *p ~ p'* (*спал — спят*) и *p ~ pl'* (*спать — сплю*), так и *p' ~ pl'* (*спят — сплю*), и это зависит от морфологических отношений соответствующих словоформ, к которым принадлежат чередующиеся элементы.

Другая трудность связана с необходимостью отождествления элементарных чередований, принадлежащих разным морфемам. В самом деле, можно ли отождествить чередование *g ~ ž*, наблюдаемое в парадигме глагола *беречь* (*берегу — бережешь*), с тем же чередованием в словообразовательном ряду *берегу — бережный*, т. е. с чередованием, относящимся к той же морфеме, но в составе иной «парадигмы»? С другой стороны, можно ли отождествить это чередование с чередованием в парадигме *стерегу — стережешь*, т. е. в иной морфеме, но идентичной парадигме? Наконец, можно ли отождествить чередование в *берегу — бережешь* с чередованием *g ~ ž*, принадлежащим совсем другой морфеме и совсем иной парадигме: *берег — бережок* или *дорогой — дорожке*?

Почему важно руководствоваться некоторыми принципами отождествления чередований? Дело в том, что одно и то же чередование может иметь в разных категориях случаев разные условия и, следовательно, будет описано разными морфонологическими правилами. Например, в болгарском языке чередование гласного *ъ* с нулем различно по своему характеру в словоформах существительного и прилагательного. Если у прилагательных (речь идет о формах мужского рода) появление гласного обусловлено концом слова, а во всех остальных случаях представлен нуль, то у существительных вокалическая ступень может появляться и в неконечном положении, например, в членной форме: *вятър — вятърът, вятъра — ветрове*.

В таком случае, естественно, встает вопрос о том, что следует считать одним чередованием. Было бы нецелесообразно считать такой единицей элементарное чередование, наблюдаемое в одной конкретной морфеме. С другой стороны, невозможно признать единицей чередования мену одних и тех же альтернантов независимо от условий. По-видимому, одним чередованием разумно считать такие пары чередующихся элементов, тождественные в разных морфемах, которые имеют одинаковые условия и описываются одинаковыми правилами. Следовательно, в морфонологии должны быть сформулированы, во-первых, принципы выделения элементарных чередований, принадлежащих индивидуальным морфемам, а во-вторых, принципы отождествления элементарных чередований разных морфем, характеризующихся тождественными условиями.

4. 2. 2. Направление чередований.

Исходная форма морфемы

Очевидно, что чередование имеет разный смысл в рамках реляционного (дескриптивного) и операционного описания. В первом случае речь может идти о корреляции или дистрибуции определенных формальных элементов морфем в разных морфонологических позициях; во втором — о преобразовании одного сегмента морфемы в другой в определенных условиях.

Чередование как операционное понятие, связанное с идеей преобразования, перехода и т. п., предполагает с необходимостью фиксацию направления чередования, трактовку одного члена чередования как исходного, другого — как производного. Практически в грамматиках и специальных морфонологических работах чередование всегда используется как операционное понятие, независимо от того, в рамках какого подхода (реляционного или операционного) выполнено описание в целом. Однако безусловно подразумеваемое в подобных описаниях направление чередований остается не эксплицированным.

О том, что имплицитно представление о направлении чередования всегда присутствует, свидетельствует, в частности, однозначная квалификация конкретных чередований как позиционных или автоматических, хотя эта квалификация верна лишь при одном направлении чередования. Например, чередование согласных по глухости — звонкости всегда рассматривается как типичный пример автоматического. Однако это верно только при том условии, что исходной избирается форма с согласным в позиции перед гласным. Так, в словоформах польского существительного *bodziec* — *bodźca* чередование \dot{z} - \acute{c} можно признать автоматически обусловленным фонологической позицией только при направлении $\dot{z} \rightarrow \acute{c}$ (перед следующим *c* звонкий согласный невозможен). Противоположное направление $\acute{c} \rightarrow \dot{z}$ придает этому чередованию характер необусловленного, поскольку [*boćes*] фонологически так же допустимо, как и [*bożes*].

Если имплицитно понятие направления используется в морфонологических описаниях, то, естественно, должны существовать и какие-то подразумеваемые правила или критерии выбора направления применительно к каждому элементарному чередованию и к чередованию в более общем смысле.

Чаще всего выбор направления (или, что то же самое, — исходной формы морфемы) ставится в зависимость от внешних по отношению к морфонологии соображений. Так, при описании морфонологии словоизменения исследователи обычно считают исходным тот вид основы, который представлен в словарной словоформе, т. е. для существительных — в И. ед., для глаголов — в инфинитиве и т. д. Однако с морфонологической точки зрения такое решение будет не всегда оправданным. В самом деле, если таким образом избирается исходная форма для русских существительных, в основе которых чередуется гласный с нулем, то ориентация на словарную словоформу приводит к разной характеристике этого чередования в случае существительных женского и среднего рода, с одной стороны, и существительных мужского рода, с другой. Для первых исходной формой будет словоформа с нулевой ступенью,

следовательно, чередование будет направлено от нуля к гласному ($\# \rightarrow o$: *палка* — *палок*, *окно* — *окон*), тогда как исходная форма вторых (т. е. существительных мужского рода) будет содержать гласный, а чередование примет противоположное направление ($o \rightarrow \#$: *сон* — *сна*). Очевидно, что такая двойственная интерпретация одного и того же чередования с абсолютно тождественными условиями появления каждого из членов в морфонологическом отношении несостоятельна. В ряде случаев выбор словарной словоформы в качестве исходной дает менее удовлетворительный результат, чем иное решение, даже при анализе элементарного чередования, характерного для одной морфемы. Например, исходная основа И. ед. польского существительного *gotąb* требует установления чередования $b \rightarrow b'$ (Род. ед. *gotębia*), которое является морфонологическим, т. е. не обусловленным фонологической позицией. В то же время основа косвенных падежей *gotęb'* с мягким губным, избранная в качестве исходной, давала бы автоматическое, фонологически обусловленное чередование с противоположным направлением $b' \rightarrow b$, поскольку мягкие губные на конце слова в польском невозможны.

Тем не менее, несмотря на явные недостатки, такой подход имеет существенные преимущества, так как он позволяет использовать при морфонологическом описании словоизменения имеющиеся словари в качестве корпуса основ, тогда как в любом другом случае потребовался бы специальный словарь, где для каждой основы была бы индивидуально определена исходная форма. Правда, преимущества ориентации на обычный словарь сводятся на нет при описании морфологии словообразования, поскольку каждая словообразовательная морфема представлена в словаре во всех своих вариантах и, следовательно, выбор между ними неизбежен.

Теоретически критерием выбора направления может быть исторический, в соответствии с которым избирается направление, совпадающее с историческими отношениями между членами чередования, которые всегда однонаправлены. Исторически каждый член чередования либо восходит к другому члену чередования, либо сам является источником другого, либо, наконец, оба члена восходят к некоторому третьему. В последнем случае обычно конструируется условная исходная форма, как бы восстанавливающая общий источник чередующихся элементов. Такова, например, роль морфонологического нуля ($\#$), восстанавливающего утраченные славянские еры. Ср. [Исаченко 1970].

Возможны и другие критерии выбора исходной формы и направления при описании чередований, причем они тем более приемлемы, чем они «морфонологичнее». Так, при выборе исходной формы может приниматься во внимание грамматическая или словообразовательная мощность варианта, избираемого исходным (т. е. число реальных словоформ или дериватов, в составе которых выступает этот вариант), причем предпочитаться должен наиболее мощный. Выбор направления может быть поставлен в зависимость от регулярности получаемого чередования, причем в интересах экономности описания при прочих равных условиях должны предпочитаться более регулярные чередования менее регулярным.

Все эти критерии, однако, должны быть признаны вспомогательными, второстепенными. На первое место, несомненно, следует поставить критерий обус-

ловленности чередования (или, точнее, — его производного члена). В соответствии с этим критерием направление должно избираться таким образом, чтобы полученное чередование оказалось в большей степени обусловлено фонологической или грамматической позицией, чем чередование с противоположным направлением. Если речь идет об индивидуальном элементарном чередовании, характеризующем, например, конкретную пару словоформ, то применение этого критерия не сопряжено с какими бы то ни было трудностями. Так, сопоставление словоформы И. ед. *chtop* и словоформы И. мн. *chtopi* (лично-мужская форма) обнаруживает чередование *p* твердого и *p'* мягкого. Поскольку твердость *p* на конце слова фонологически обусловлена, тогда как мягкое *p'* перед *i* не обусловлено (ср. *snop* — *snopy*), если при этом не считать *i* и *y* разными фонемами, то в соответствии с нашим критерием этому чередованию следует придать направление от *p'* мягкого к *p* твердому. Однако анализ других словоформ парадигмы слова *chtop* показывает, что твердое *p* может быть столь же необусловленным, как и *p'* в слове *chtopi*. Тем более возможны несовпадения условий при обобщении индивидуальных чередований, свойственных разным морфемам. Например, в односложных словах с чередованием гласного с нулем типа *день* — *дня* вокалическая ступень позиционно обусловлена перед нулевой флексией, тогда как в других, не односложных словах с таким точно чередованием полная ступень перед нулевой флексией не может считаться обусловленной, например, в форме *палок* (Род. мн. от *палка*), поскольку фонологически возможно, скажем, *полк*. Разумеется, с точки зрения экономии и простоты описания нежелательно расщеплять это чередование на два чередования с разными условиями и, возможно, с разными направлениями, хотя критерий обусловленности этого требует. В таких случаях неизбежны отступления либо от критерия обусловленности, либо от критерия экономии.

Все сказанное выше касается только таких элементарных чередований, которые не сопровождаются другими чередованиями в тех же вариантах морфемы, но в других позициях. В самом деле, если два варианта морфемы отличаются одновременно двумя фонемами, то соответствующие им два элементарных чередования могут требовать разных направлений. В таких случаях каждое чередование оценивается независимо от другого и для каждого в отдельности избирается направление. Например, для вариантов *p'es* и *ps* в парадигме польского существительного *pies* устанавливается сначала два ненаправленных чередования *p ~ p'* и *e ~ #*, затем для первого из них выбирается направление от мягкого к твердому $p' \rightarrow p$, так как оно дает автоматическое чередование (перед согласными мягкие губные в польском невозможны), а противоположное направление его не дает (ср. *rewny*), а для второго — направление от нуля к гласному, так как нуль автоматически замещается гласным в односложном слове перед нулевой флексией. Следовательно, первое чередование требует выбора варианта *p'es* как исходного, а второе чередование исходит из варианта *ps*. В такой противоречивой ситуации конструируется условная форма, не совпадающая ни с одним из реальных видов основы, а отражающая одновременно признаки обеих исходных форм. Таким исходным видом основы оказывается $p' \#s$, не совпадающий ни с реальным

видом *p'es*, ни с реальным видом *ps*, зато переход от этого условного вида к каждому из реальных оказывается автоматическим, т. е. простейшим.

Таким образом, понятие направления чередования предполагает понятие исходной и «производной» формы морфемы, а правила выбора исходной формы могут служить одновременно основанием для выбора направления.

В морфологии, ориентированной на грамматику, т. е. на отношения грамматической производности (словоизменительной или словообразовательной), исходной формой морфемы всегда считается та, которая принадлежит мотивирующей основе. По мнению В. В. Лопатина, «в словообразовании, специфику которого составляют отношения словообразовательной мотивированности, мотивирующее слово всегда исходно, первично (в синхроническом смысле), а мотивированное — производно, вторично, зависимо от него формально и семантически. И если мы ставим перед собой цель описать морфонологические различия мотивированного и мотивирующего слов, не забывая о специфике словообразования, то нас должны интересовать те реальные видоизменения основ мотивирующих слов (как слов грамматически исходных), которые имеют место в словах мотивированных. Таким образом, „отправной точкой описания“, „исходной формой“ следует признать здесь ту, которая выступает в мотивирующем слове» [Лопатин 1977, 295–296].

При таком «конкретно-словообразовательном» подходе к морфологии нередки случаи, когда «направление чередующихся членов морфемы от мотивирующего слова к мотивированному не совпадает с собственно морфонологическим направлением (от члена морфемы, принимаемого чаще всего за основной), противоположно ему» [Лопатин 1977, 296]. Отсюда возникает понятие «обратного чередования», обратного по отношению к морфонологическому направлению.

При абстрактном операционном подходе, свободном от требования избирать в качестве исходной конкретную форму морфемы, такого противоречия удастся избежать [Ворт 1975, 53–68]. Возражения, выдвигаемые против чрезмерной абстрактности такой исходной формы [Лопатин 1977, 297–304], в значительной степени снимаются, если принять определение исходной формы, предложенное Н. А. Янко-Триницкой: «Если морфема может быть представлена больше чем одним морфом, то основным вариантом морфемы следует считать тот, который отличается большей контрастностью и находится в наиболее автономной морфонологической позиции <...>. Для более точного представления о морфонологическом составе слова полезно прибегать к морфематической записи слов, при которой фиксируется не конкретный морф, манифестирующий ту или иную морфему в данном слове, а морфема в ее основном виде, например: *ножка* — {ног-к-а}, *ножик* — {нож-ик}; *лужок* — {луг-к}, *лужица* — {луж-иц-а}, *вершина* — {верх-ин-а}, *вершить* — {верш-и-т'}, *сверхсрочник* — {сверх-срок-ник}, *пересмешиник* — {пере-смех-ник}, *скворечник* — {скворец-ник}, *медвежата* — {медвед'-ат-а} и т. п.» [1975, 90].

Заметим, что исходная форма в таком понимании остается абстрактной по отношению к словообразованию (ибо это не контекстная разновидность морфемы, представленная в мотивирующем слове), но в то же время она сохраняет свою конкретность, ибо это не условная форма, а одна из реальных разновидностей морфемы.

В «глубинной» модели морфонологии для каждой морфемы постулируется одна, единая исходная форма, которая может быть названа «словарной» (поскольку она представляет морфему в морфемном слове). По отношению к ней все контекстные формы морфемы являются «производными». Этот тип производности — не грамматический, а морфонологический, он характеризует не конкретную, индивидуальную грамматическую позицию, а обобщенную морфонологическую позицию, объединяющую все грамматические позиции, в которых выступает данный вариант морфемы (например, все позиции, в которых представлен вариант {ход'-}: *ходит, ходят, ходящий* и т. д., в отличие от позиций, где представлены варианты {хож-} или {ход-}.

Исходная форма может постулироваться и для части грамматических форм. Так, часто в морфологических и морфонологических описаниях используется понятие исходной формы глагольной основы, которая «конструируется» из реальных глагольных форм (обычно — инфинитива) по определенным правилам [Лефельдт 1978, 32–33; 1985, 41–44].

Таким образом, в работах по морфонологии используются следующие понимания исходной формы (перечисляются по убыванию конкретности и нарастанию абстрактности): 1) исходная форма совпадает с формой, представленной в мотивирующем (производящем) слове или словоформе, 2) исходная форма совпадает с наиболее независимой формой данной морфемы и 3) исходная форма не обязательно совпадает с какой-нибудь конкретной репрезентацией морфемы, она может быть условной. Понятно, что инвентарь выделяемых на основании разных исходных форм чередований и их трактовка будут различными во всех трех случаях.

4. 2. 3. Обусловленность чередований

При дескриптивном реляционном подходе под условиями чередования должны пониматься признаки (как фонологические, так и морфологические, семантические и даже стилистические) тех слов или словоформ, в которых фигурирует каждый альтернант. Следовательно, по существу речь должна идти не об условиях чередования как такового, а скорее об условиях функционирования каждого члена чередования. То же самое можно сказать об обусловленности чередования, т. е. о его детерминированности одним или несколькими признаками (условиями). В рамках этого подхода обусловленность характеризует не чередование в целом, а каждый его член в отдельности. При этом альтернант следует считать автоматически обусловленным некоторыми признаками словоформы, основы или вообще морфемного «контекста», если противопоставленный ему альтернант невозможен в окружении морфем с теми же признаками. Так, в случае чередования звонкого и глухого согласного в парадигме слова *труд* глухой согласный следует считать автоматически обусловленным следующей паузой, поскольку этот признак (условие) исключает возможность появления чередующегося с ним звонкого согласного. Но звонкий согласный не будет иметь фонологической обусловленности, поскольку в той же позиции возможен и глухой согласный. То же самое можно наблюдать и в случае морфологической обусловленности: в чередовании *g ~ ž*

(*берегу* — *бережешь*) альтернант \dot{z} обусловлен грамматической формой 2. ед. наст. (то, что он не обусловлен фонологически, очевидно), где g невозможно, тогда как альтернант g вовсе не обусловлен морфологическими признаками своей словоформы, ср. *бережу* (от *бередить*).

В рамках операционного подхода релевантны лишь условия «производного» члена чередования, определяющие саму мену согласных, тогда как условия исходного члена чередования значения не имеют. В нашем примере условиями чередования $g \rightarrow \dot{z}$ следует считать условия, характерные для \dot{z} ; соответственно обусловленность чередования совпадает с обусловленностью альтернанта \dot{z} .

Фонологическая обусловленность — это высшая степень обусловленности, поскольку она распространяется абсолютно на все реальные словоформы с общим признаком и не допускает исключений. Возможны и менее сильные степени обусловленности. Неабсолютная обусловленность, которую можно назвать морфонологической, отличается от фонологической тем, что она ограничена определенными морфологическими категориями. В качестве примера можно привести чередование твердых и мягких согласных перед i в польском языке, но не перед всяким i (это была бы фонологическая обусловленность), а только перед i — флексией И. мн. в лично-мужских формах. В пределах этой категории обусловленность позицией абсолютна. Таким образом, морфонологические условия отличаются от фонологических только тем, что следующая фонема (фонемы) учитывается не во всей совокупности возможных для нее употреблений, а лишь в части их.

Итак, если при чередовании $A \rightarrow B$ альтернант B оказывается в таких фонологических условиях, в которых другой альтернант A невозможен, то чередование $A \rightarrow B$ следует считать фонологически обусловленным, или фонологическим. Например, при чередовании $p' \rightarrow p$ (*pies* — *psa*) альтернант p выступает в положении перед согласным, где другой альтернант p' фонологически недопустим, к какому бы типу морфем он ни принадлежал и какими бы ни были морфологические признаки соответствующих морфем. Если при чередовании $A \rightarrow B$ оказывается, что альтернант B выступает в такой фонологической позиции, где допустимо также и A , то чередование должно быть признано фонологически не обусловленным. Его квалификация в таком случае зависит от того, допустимо ли A наряду с B в морфонологических условиях, характерных для B . Если A возможно в той же фонологической позиции, что и B , но невозможно в той же морфонологической позиции, что и B , то чередование $A \rightarrow B$ следует признать морфонологически обусловленным, или морфонологическим. Примером такого чередования может служить чередование заднеязычных $k, g \rightarrow k', g'$ перед e (*okno* — *okien*; *igta* — *igiet*). Фонологическая позиция перед e не исключает твердых заднеязычных, ср. формы В. ед. жен. рода типа *drogę* или широко распространенные заимствования типа *keks*, *geniusz*, тогда как морфонологическая позиция в данном случае не допускает появления твердых заднеязычных. Как видим, оба рассмотренных случая — фонологически обусловленные и морфонологически обусловленные чередования — определяются соответственно фонологической и морфонологической позицией альтернанта B , и потому их в равной степени можно назвать позиционно обусловленными чередованиями.

Наконец, если А возможно в той же фонологической позиции, что и В, и, кроме того, возможно в той же морфонологической позиции, что и В, то чередование $A \rightarrow B$ следует считать позиционно не обусловленным. Иллюстрацией здесь может служить чередование $v \rightarrow v'$ перед i — флексией Род. ед. (*brew — brwi*). Фонологически v твердое перед i вполне допустимо, ср. *wy*. Морфонологическая позиция В, определяемая положением перед i — флексией Род. ед., тоже не исключает v твердого, ср. *glowy*, следовательно чередование $v \rightarrow v'$ не вызывается позиционными условиями ни фонологического, ни морфонологического характера.

Т. В. Булыгина справедливо считает, что «определение характера обусловленности разных морфонологических чередований представляет собой далеко не тривиальную задачу» [Булыгина 1977, 218]. Ни одна из двух противоположных тенденций — преувеличенный «фонологизм», т. е. стремление свести все типы морфемного варьирования к фонологически обусловленным, и «морфологизм», т. е. обращение преимущественно к морфологической информации, — не дает удовлетворительной картины чередований. Решение этого вопроса связано с трактовкой фонологической, морфонологической и грамматической (морфологической) позиции (см. ниже).

4. 2. 4. Типы чередований

Все сказанное до сих пор касалось выявления индивидуальных, элементарных чередований, относящихся либо к парадигматике (механизм морфемного варьирования), либо к синтагматике (механизм взаимоприспособления морфем в слове) морфонологии. Инвентарь элементарных чередований, полученных парадигматически, совпадает с инвентарем чередований, выявленных синтагматически (например, чередование $k \sim \check{c}$ устанавливается и для морфемных разновидностей {рук-}, {руч-}, и для словообразовательных пар *рука — ручной*, *рука — ручка*, *рука — поручить* и т. д.), однако характеристика парадигматического чередования будет более обобщенной, поскольку она суммирует все контексты (позиции) каждой разновидности морфемы (т. е. {рук-} и в *рука*, и в *поручка*, и в *рукоятка*, соответственно {руч-} и в *ручка*, и в *ручной*, и в *поручить* и т. д.), тогда как синтагматическое чередование относится лишь к одной конкретной грамматической позиции.

Еще более обобщенный характер приобретает чередование, абстрагированное и от конкретной позиции, и от конкретной морфемы и соотносимое со всей совокупностью (или ее организованным подмножеством) морфем определенной морфонологической структуры и с множеством однотипных позиций (например, чередование $k \rightarrow \check{c}$ как морфонологическое свойство всех морфем с конечным $-k$ в позициях «палатализации»). Поскольку задача морфонологического описания — обнаружение регулярных и закономерных явлений морфемного варьирования и морфемной сочетаемости, то именно такие наиболее обобщенные (в пределах возможного) формулировки должны быть его конечным результатом.

Объединение отдельных чередований в типы по формальному признаку (например, чередований $k \sim \check{c}$, $g \sim \check{z}$, $x \sim \check{s}$ в тип «задняяязычная ~ шипящая» или чередований $t \sim t'$, $n \sim n'$, $s \sim s'$ и т. д. в тип С ~ С') представляет собой

еще одну ступень обобщения в описании чередований. В свою очередь и позиции, вызывающие консонантные чередования, объединяются в типы соответственно характеру их воздействия на фонологический состав морфем.

4. 2. 5. Функции чередований

Чередования могут быть систематизированы не только по их формальным (фонологическим) признакам, но и по функциональным признакам, т. е. по тем грамматическим формам, в которых они выступают. Например, чередования заднеязычных с шипящими в русском языке «закреплены» за формами 1 ед. наст. глаголов определенного морфологического класса (*скакать* — *скачу*), формами 2, 3 ед. и 1, 2 мн. глаголов другого морфологического класса (*берегу* — *бережешь*, *бережет*, *бережем*, *бережете*), словообразовательными моделями с суф. *-к-* (*дорожка*, *стожок*), *-н-* (*ручной*, *ножной*) и т. д. К функциональной характеристике чередований относятся также грамматические и морфонологические признаки морфем, подлежащих данному чередованию или типу чередования. См. [Бромлей 1974; Попова 1975].

В рамках реляционной морфологии соответствующие признаки приписываются не чередованию, а каждому альтернанту в отдельности. Корреляция *k ~ č* (например, *рук-* и *руч-*) характеризуется двумя рядами противопоставленных позиций: позиции, в которых выступает *k*, и позиции, в которых выступает *č*. Распределение альтернантов (или морфонологических вариантов основы) в той или иной грамматической парадигме (например, в глагольной парадигме настоящего времени) служит морфонологической характеристикой самой парадигмы. В рамках операционной модели соответственно речь будет идти о механизме преобразования исходной основы в тех или иных «клетках» парадигмы. См. [Толстая 1976; 1981₂; Славянская морфонология 1987].

Чередования, выступающие в одной и той же форме (позиции), т. е. функционально тождественные, называются соотносительными или пропорциональными, а весь ряд чередований, характеризующих данную позицию, называется часто альтернационным рядом. По мнению С. Б. Бернштейна, «основная задача морфонологии — изучение соотносительных и несоотносительных рядов чередований, их структуры, функционирования и истории» [Бернштейн 1974, 21]. Термин «альтернационный ряд» используется и в другом — парадигматическом — смысле для обозначения набора (или цепи) чередований, выступающих в одной морфеме. В этом случае он совпадает с морфемой в смысле Трубецкого (см. выше).

4. 2. 6. Система чередований

Задача морфонологического описания состоит в том, чтобы выявить регулярность чередований и представить их в виде определенной системы и определенного набора морфонологических правил (распределения или преобразования), которые относились бы не к индивидуальным чередованиям и тем более не к индивидуальным морфемам, а к классам чередований, к классам морфем и к классам позиций. Уже говорилось о том, что наиболее ярко ре-

гулярность морфонологических модификаций проявляется в двух планах: 1) в устойчивости морфонологической корреляции и преобразований между строго определенными элементами формальной структуры морфем (k может чередоваться в русском языке, за редкими исключениями, только с \check{c} ; t — только с t' , \check{c} ; m — с m' , ml' и т. д.); 2) в наличии соотносительных рядов чередований в каждой отдельной позиции, что позволяет по одному конкретному чередованию «предсказать» появление других чередований в данной позиции (например, по чередованию $t \sim t'$ предсказать чередования $d \sim d'$, $m \sim m'$, $k \sim \check{c}$ и т. д.). К этому должно быть добавлено еще одно проявление морфонологической регулярности: соотносительные ряды чередований характеризуют не одну какую-то позицию, а целый класс позиций.

Регулярность первого типа, связанная с формальной характеристикой чередований, обычно описывается с помощью схемы распределения альтернатив по так называемым ступеням чередований. Так, в русском языке согласные могут иметь три ступени чередования — таковы губные и переднеязычные $m \sim m' \sim ml'$, $p \sim p' \sim pl'$, $t \sim t' \sim \check{c}$, $s \sim s' \sim \check{s}$ и т. д.; у сонорных и заднеязычных имеются лишь две ступени: $r \sim r'$, $n \sim n'$, $k \sim \check{c}$ и т. д.; а у j — всего одна ступень (подробнее см. в Приложении 1). В польском языке имеется четыре ступени: t может чередоваться с \acute{c} , \check{c} и c .

Регулярность второго типа, связанная с функциональной характеристикой чередований, может быть описана через набор и структуру соотносительных рядов чередований. Трудность, однако, состоит в том, что в каждой отдельной позиции (или типе позиций) не все согласные (точнее, не все классы согласных) выступают на одной и той же ступени чередования (в частности, нередко не соблюдают распределения ступеней заднеязычные согласные).

Наконец, регулярность третьего типа, связанная с характеристикой позиций, описывается через понятия смягчающей, несмягчающей, амбивалентной, йотирующей и т. п. позиций, определяющие характер воздействия данной позиции на предшествующую морфему (в операционном представлении) или характер допустимого в данной позиции вида морфемы (в реляционном представлении).

Глава 5

Морфонологическая позиция

Понятие позиции широко используется в морфонологических описаниях, но в теоретическом отношении оно остается недостаточно ясным¹. Хотя это понятие применимо к языковым единицам любого уровня (фонологии, морфологии, словообразования, синтаксиса), в морфонологии оно обычно считается заимствованным из фонологии и истолковывается сквозь призму фонологической позиции. Так, по аналогии с фонологией говорят о сильных и слабых морфонологических позициях, о позиционном распределении морфов, о позиционной обусловленности морфонологических чередований и т. п. Это объясняется не столько внутренней связью двух дисциплин и их объектов, сколько более детальной теоретической разработанностью понятия позиции в фонологии.

Очевидно, что применительно к каждому языковому уровню содержание понятия «позиция» соответствующим образом трансформируется и конкретизируется, но его логический смысл во всех случаях остается неизменным. Позиция — понятие принципиально синтагматическое, определяющее сочетаемость некоторой единицы с другими единицами того же уровня (фонемы с фонемами, морфемы с морфемами, словоформы со словоформами) в составе единиц следующего, более высокого уровня (фонем в составе морфем, морфем в составе слов и т. д.). Вместе с тем оно предполагает парадигматическую вариативность единиц, т. е. наличие алло-единиц, репрезентирующих данную единицу в разных контекстах (наличие аллофонов у фонем, алломорфов у морфем, словоформ у слова). Роль позиции состоит в том, что она предписывает появление одной из парадигматических вариативных форм (актуализирует ее) и исключает появление других. При этом позиция диктует свои условия не индивидуальным единицам, а целым классам единиц, однородным в отношении какого-нибудь релевантного признака (например, всем шипящим фонемам или всем морфам с конечным заднеязычным согласным).

Все исследователи согласны в том, что морфонологическая позиция отличается от фонологической большей сложностью, т. е. большим числом релевантных признаков, относящихся как к фонологическому составу, так и к грамматическим функциям морфем. Например, фонологическая позиция перед гласным [i] допускает и твердые, и мягкие согласные (*пусты* и *пусти*, *суды* и *суди*), тогда как характеристика морфонологической позиции перед {i} зависит от того, к какой морфеме относится этот гласный. Перед {i} — субстантивной флексией Род. ед. или И. мн. возможны как твердые, так и мягкие согласные (*Риты* и *Кати*, *углы* и *угли*), а перед {i} — глагольной морфемой (аффиксом императива, тематической гласной, личными флексиями 2 спря-

¹ См. подробнее [Панов 1959; Реформатский 1974/1987; Земская 1975₂; Смиренский 1975₂; Булыгина 1975; Лопатин 1977; Толстая 1982].

жения) возможны только мягкие согласные (ср. *сиди, неси, вези; крутит, гудит, возит; ходить, просить* и т. д.).

В трактовке морфонологической позиции разными исследователями отражаются различия в общем подходе к морфонологическому описанию и прежде всего различие между реляционным (дескриптивно-дистрибутивным, статическим) и операционным (порождающим, предсказывающим, динамическим) подходом. В описаниях дескриптивно-дистрибутивного типа позиция понимается как контекст, окружение, в котором выступает та или иная единица (класс единиц). В описаниях операционного (порождающего) типа позиция понимается как модель (механизм) выбора окружения и преобразования (модификации) единицы в соответствии с выбранным окружением.

Дистрибутивная позиция имеет дело с единицами одноплановыми, принадлежащими одному уровню мотивации, а именно — «мотивированному контексту», т. е. мотивированной (производной) единице более высокого уровня (производному слову или «производной», т. е. уже готовой словоформе), в которой выбор и взаимоприспособление единиц низшего уровня (морфем) уже совершились. Например, дистрибутивный анализ словоформ *хожу* и *ходит* устанавливает в позиции перед флексией 1 ед. наст. {u} наличие морфа {xоʒ}, а в позиции перед флексией 3 ед. наст. {it} — морфа {xod'}. Такая позиция лишь «констатирует» наличие или отсутствие определенных единиц или классов единиц, но она не определяет отношений зависимости между ними. Дистрибутивная позиция ненаправленна, выступающие в ней единицы равноправны.

Операционная позиция имеет дело с единицами разных уровней мотивации — один ее член принадлежит мотивированному контексту (производному слову, словоформе), другой — мотивирующему контексту (производящему слову или словоформе). Эти единицы неравноправны — одна из них определяет, обуславливает выбор или модификацию другой; одна является активным членом, «субъектом» позиции, вызывающим, диктующим поведение другой, а другая — пассивным членом, «объектом» позиции, испытывающим действие «субъекта». В рамках операционной модели взятые для примера словоформы *хожу, ходит* должны быть представлены как дериваты (словоизменительные) от некоторой исходной (мотивирующей, производящей) формы, в данном случае от общей глагольной основы {xod'i}, имеющей перед вокалическими и неприкрытыми аффиксами вид {xod'}. Форма *хожу* должна быть записана в этом случае как {xod' + u}, а *ходит* — как {xod' + it}, где аффиксальные морфы {u} и {it}, принадлежащие мотивированному, производному контексту, являются активным членом, «субъектом» позиции, а морф глагольной основы (корня), принадлежащий мотивирующему, производящему контексту, — пассивным членом, «объектом» позиции. Механизм действия позиции заключается в том, что активный член (аффикс) воздействует на пассивный член, вызывая в нем в одном случае (перед {u}) чередование *d' ~ ʒ* (*хожу*), в другом — оставляя основу без изменения (*ходит*). В обоих случаях в результате действия позиции морф, принадлежащий мотивирующему контексту {xod'}, преобразуется в морф, принадлежащий мотивированному контексту, в данном случае словоформе ({xоʒ}, {xod'}).

Различение дистрибутивной и операционной морфонологической позиции аналогично различению сигнификативной и перцептивной позиции в концепции Московской фонологической школы. Первый тип позиции (дистрибутивный, сигнификативный) характеризуется тем, какие единицы или классы единиц (морфем, фонем) допустимы (реально встречаются) в данной позиции и какие — недопустимы (не встречаются); второй тип (операционный, перцептивный) — тем, как модифицируется (или остается без изменения) морфема или фонема, попадая в данную позицию (при этом предполагается, что модифицируемая единица имела какой-то иной, исходный вид). Соответственно сильной позицией в первом случае (дистрибутивной и сигнификативной позиции) оказывается позиция максимального различения и наименьших ограничений (по тому или иному признаку), а слабой — позиция неразличения, ограничивающая (запрещающая) употребление тех или иных видов морфем или фонем. Во втором случае (операционной и перцептивной позиции) сильной позицией должна быть признана та, которая диктует, предписывает определенные модификации морфем или фонем, а слабой — та, которая оставляет их неизменными². Отсюда как будто следует, что позиция дистрибутивно (сигнификативно) сильная должна быть операционно (перцептивно) слабой, а дистрибутивно (сигнификативно) слабая — операционно (перцептивно) сильной, ибо дистрибутивная (сигнификативная) позиция является продуктом (результатом, эффектом) действия операционной (перцептивной) позиции. В действительности отношения между ними значительно сложнее и не одинаковы для фонологии и морфонологии.

В фонологии считается, что сигнификативная слабость позиции «порождает» перцептивно сильную позицию, например, что слабость позиции конца слова для признака глухости-звонкости согласных (их неразличение, отсутствие звонких) вызывает модификацию фонем (автоматическую замену звонкого на глухой или выбор глухого аллофона звонкой фонемы). В морфонологии, наоборот, дистрибутивно слабая позиция считается продуктом, результатом действия операционно сильной позиции. Например, если операционная позиция требует смягчения твердых согласных (является сильной), то соответствующая (порожденная ею) дистрибутивная позиция будет исключать твердые согласные (является слабой). Однако дистрибутивная и операционная позиции (подобно сигнификативной и перцептивной) могут быть неизоморфными и незеркальными. За одной и той же дистрибутивной позицией может стоять несколько породивших ее операционных позиций. Так, позиция перед суффиксом {ак} является дистрибутивно сильной, допускающей и твердые, и мягкие соглас-

² Очевидно, что понятие перцептивной позиции в фонологии «операционно» (и тем самым морфонологично), ибо объектом действия этой позиции является единица (фонема), принадлежащая другому контексту (сигнификативно сильной позиции), который может быть установлен только на уровне морфемы. Например, констатация перцептивно слабой позиции в слове *пруд* или перцептивно сильной в слове *прут* для конечного согласного (его глухости и звонкости) возможна только через обращение к соответствующим морфемам и их позиционно сильным алломорфам (*пруда*, *прута*). Сама идея модификации (преобразования) фонемы предполагает понятие исходной, стоящей вне данного контекста и «до него» (сильной, «производящей») формы. На эту «морфонологичность» московской концепции фонологии не раз обращалось внимание.

ные, ср. *простак*, но *остряк*. Ей соответствует три разных операционных позиции: 1) сохраняющая неизменным как твердый, так и мягкий согласный производящей основы (*простой* — *простак*, *синий* — *синяк*), 2) смягчающая твердый согласный (*пустой* — *пустяк*, *бедный* — *бедняк*), 3) вызывающая отвердение мягкого согласного (*пять* — *пятак*). Позиция перед глагольной флексией 1 ед. наст. {u} является дистрибутивно сильной по признаку морфонологической палатальности, ибо в ней допустимы (встречаются) как твердые (*беру*, *берегу*, *мету*, *веду*, *несу*, *скребу*, *крикну* и т. д.), так и мягкие (*полю*, *мелю*, *гоню*, *борюсь*) и йотированные (*дремлю*, *пишу*, *скачу*, *хожу* и т. д.) согласные. На операционном уровне эта позиция «расщепляется» на две автономных позиции, одна из которых операционно сильная, т. е. требует преобразования (чередования) корневой морфемы, а другая — слабая, не требующая чередований. Операционно слабой эта позиция является для глаголов так называемого атематического (консонантного) типа и глаголов на {nu} (при этом дистрибутивно для данных глаголов эта позиция тоже слабая, т. к. в ней представлены только твердые согласные), а сильной — для всех остальных глаголов (соответствующая дистрибутивная позиция и здесь слабая, т. к. твердые согласные в ней невозможны).

Обсуждаемые здесь два принципиально различных подхода — реляционный и операционный (применяемые не только в морфонологии, ср. в словообразовании различие между тем, «как сделаны слова», и тем, «как делаются слова») нередко отождествляют с оппозицией «поверхностный» (подход, представление) — «глубинный» (подход, представление). Действительно, объектом реляционного (дистрибутивного, ненаправленного) описания обычно являются «поверхностные» единицы морфонологии — морфы (алломорфы) в их фонемном представлении, а объектом операционного (порождающего, направленного) — «глубинные» единицы (морфемы в их морфонемном представлении), которые преобразуются в «поверхностные» единицы (морфема → морф). Однако эти оппозиции нетождественны. Дистрибутивный подход вполне применим и к единицам глубинного уровня — морфемам, если их распределение не зависит от фонологических признаков морфем (Е. А. Земская говорит в таком случае не о морфонологической, а о грамматической позиции). С другой стороны, операционная модель может устанавливать отношение деривации не только между морфемой и морфом (соответственно морфонемой и фонемой), но и между двумя морфами — производящим и производным (мотивирующим и мотивированным), каждый из которых обусловлен своей позицией. По отношению к поверхностной модели {xоʒ'-u} операционная модель {xod'-u} оказывается глубинным представлением, ибо основной морф {xod'}, во-первых, принадлежит производящему контексту, а во-вторых, он еще не подвергся воздействию новой позиции в производном контексте (словоформе). Но в самом производящем контексте (*ходить*) морф {xod'} является элементом поверхностного представления, отражающим результат (эффект) действия позиции перед тематическим {i} (морфонологически твердые согласные в этой позиции невозможны). Исходным для него, свободным от этого контекста является алломорф {xod}, который хотя и не представлен в системе глагольного словоизменения, вообще у данной морфемы существует (*ход*, *ходок* и т. д.). Таким образом, в позиции перед глаголь-

ной флексией {u} поверхностному для этой позиции морфу {xož} соответствует глубинный морф {xod'} и «еще более глубинный» морф {xod}. В зависимости от того, какая ступень глубины будет избрана для операционного представления, словоформа *хожу* будет передана либо как {xod'-u}, либо как {xod-u} (соответственно будет принято либо чередование $d' \sim \tilde{z}$, либо чередование $d \sim \tilde{z}$), либо, наконец, с учетом всей «деривационной (в морфонологическом смысле) истории» формы *хожу*, — как {(xod')-u} (с чередованием $d \sim d' \sim \tilde{z}$). Как видно из примера, степень глубины представления морфемы определяется и характер позиции, ее механизм, и ее результат.

Решение вопроса об оптимальной глубине морфонологического представления зависит от ответа на более общий (и наиболее дискуссионный в морфонологии) вопрос: должно ли (и в какой степени) морфонологическое описание операционного типа быть ориентировано на грамматическую — словоизменительную и словообразовательную — деривацию, на конкретные морфологические и словообразовательные модели? Должна ли морфонологическая модель, подобно словообразовательной, отражать стадию и отношения непосредственной деривации (актуального деривационного акта), т. е. избирать в качестве исходной формы морфемы ту, которая содержится в производящем слове или словоформе (в нашем примере — {xod'})? Или же представление морфемы в операционной модели должно быть независимым от грамматики (от отношений грамматической деривации) и ориентироваться только на парадигматический ряд ее алломорфов {xož, xod', xod}, из которых в любой позиции в качестве исходного избирался бы тот, который отличается наименьшей контекстуальной обусловленностью (в нашем примере — {xod})? ³

На первый взгляд, второй ответ больше соответствует специфике морфонологии и ее единиц. При таком подходе морфема в каждой позиции выступает в «чистом», «изначальном» виде, освобожденной от своих прежних грамматических контекстов, соотношенной лишь со своей парадигматической репрезентацией и является прямым представителем морфемы как элемента морфемного словаря. Правила позиционных преобразований во многих случаях приобретают более стройный вид и большую регулярность. Вместе с тем, такой подход «уплощает» морфонологическое представление языка, лишает его объемности и иерархичности организации, отражающей грамматическую иерархию форм.

Уже была речь о том, что морфонологические модели словоизменения и словообразования во многом различны ⁴; что морфонология имени и морфонология глагола во многих отношениях организованы по-разному или даже противопоставлены ⁵ (ср. указанное различие между позициями перед аффиксом {i} в словоизменении имени и глагола; различны также морфонологические позиции перед {u} — именной и глагольной флексией и т. п.). Некоторые «про-

³ В данном случае мы отвлекаемся от искусственных (абстрактных) исходных форм морфем, не совпадающих ни с одним реальным контекстным репрезентантом морфемы. В интересующем нас отношении искусственные представления не отличаются от «контекстно обусловленных» (или «наименее обусловленных») реальных репрезентаций.

⁴ См. [Stankiewicz 1962₁].

⁵ См. прежде всего [Трубецкой 1934/1987].

межуточные» виды морфем, будучи производными и позиционно обусловленными, одновременно являются базой дальнейшей развитой системы деривации, в которой они выступают не просто в качестве производящей, но как бы и первичной (немотивированной и необусловленной) формы. Таковы, например, производные глагольные основы. При переходе из системы имени в систему глагола морфема может «забывать» свои именные свойства, отказываться от них. Так, корневая морфема существительного *воля* в системе субстантивного словоизменения и именного словообразования имеет устойчивую палатальность конечного согласного, выступающую в морфонологически сильной позиции (перед флексиями *-a*, *-u*, *-oj*, *-i*). В производной глагольной основе на *-i* эта независимая палатальность, попадая в слабую позицию (перед тематическим *-i*, флексиями 2-го спряжения, в том числе и *-at*, где морфонологически твердые невозможны), начинает вести себя как позиционно обусловленная, и потому легко устраняется в соответствующих позициях, например: *позволить*, *соизволить*, но *произвол*, ср. *ходить*, *приходить*, но *ходок*, *приход*. То же самое можно сказать об именных корнях в словах *тень* (*оттенить*, но *оттенок*), *соль* (*засолить*, но *засол*) и т. п. В системе глагольного словоизменения и отглагольного словообразования они уже не обладают ингерентной, независимой палатальностью конечного согласного (не выступают в морфонологически сильных позициях). Следовательно, такие корневые морфемы как бы раздваиваются и превращаются в две автономные единицы — именную (с независимой мягкостью согласного: {vol', t'en', sol'}) и глагольную (с позиционно обусловленной мягкостью согласного: {vol, t'en, sol}), каждая из которых имеет свою сферу и свою морфонологию деривации; возводить их к одной исходной форме вред ли целесообразно.

Разная глубина репрезентации морфемы обуславливает разную структуру морфонологической позиции. Грамматическая информация, необходимость которой в морфонологическом описании никем не подвергается сомнению, в случае непосредственного (актуального) деривационного представления морфемы (когда исходной формой служит морф производящего, мотивирующего слова) принадлежит самой этой морфеме (морф {xod'}) с мягким конечным согласным идентифицируется как глагольный корень). Напротив, при «парадигматической», единой для всех позиций (безразлично, конкретной или абстрактной) репрезентации морфемы грамматическая информация устраняется из морфемного представления (в записи {xod-u} или {xod-ok} нет никакой отсылки к производящей глагольной основе) и становится элементом (свойством, характеристикой) самой морфонологической позиции. Наиболее адекватным представлением следует, по-видимому, признать такое, в котором объединяются преимущества и того, и другого способа, т. е. такое, где в качестве исходной в данной позиции избирается непосредственная производящая основа, но при этом она берется в ее независимом от позиции виде: {(xod)'-u}, {(xod)'-ok} (или {(xod-i)-u}, {(xod-i)-ok}); ср. [Исаченко 1976, 157–158; Ворт 1973, 384–385]. Главная трудность, однако, состоит в том, что процедура освобождения от позиционной зависимости, снятия контекстно обусловленных признаков, необходимая для реконструкции исходной формы морфемы, должна опираться на исчерпывающее представление о характере действия и свойствах конкретных морфонологических позиций. Пока же такого представления у нас нет.

Структура позиции, кроме отношения субъект — объект, включает признак направления: если субъект позиции линейно предшествует объекту (находится слева от него), мы имеем дело с прогрессивной позицией, если следует за объектом (находится справа от него) — с регрессивной позицией. Как и в фонологии, в морфонологии преобладают регрессивные позиции, т. е. имеет место более сильное воздействие аффиксальных (кроме префиксальных) морфем на предшествующие основы (корни). Актуальные аффиксальные морфемы (т. е. те, с помощью которых «производятся» конкретные словоформы или производные слова) выступают преимущественно в качестве субъекта морфонологической позиции. Им противостоят основы (в частном случае — корни), являющиеся преимущественно объектами морфонологической позиции.

Каждый из компонентов позиции — субъект и объект — характеризуется определенными фонологическими и грамматическими свойствами, однако далеко не все из них релевантны для морфонологической позиции. Так, для основы (объекта позиции) релевантны такие признаки, как открытость — закрытость (наличие в конце гласного или согласного), слоговая структура (наличие беглого гласного), морфонологический класс конечного консонанта закрытой основы (морфонологически твердые, мягкие, йотированные, заднеязычные). Для аффикса (субъекта позиции) релевантны его слоговая структура, прикрытость — неприкрытость (наличие в начале согласного или гласного). Однако такие существенные для морфонологии свойства аффиксов, как их смягчающее или йотирующее действие, прямо не связаны с их фонологической структурой и даже с их грамматическими свойствами. Так, уже упоминалось, что глагольная флексия 1 ед. наст. {u} может быть и йотирующей, и несмягчающей. Следовательно, это свойство правильнее было бы приписывать не аффиксу-субъекту, а самой позиции, ибо оно возникает именно из взаимодействия определенных свойств субъекта (аффикса) с определенными свойствами объекта (основы).

Значит ли это, что каждый конкретный случай сочетания некоторой основы с некоторым аффиксом образует отдельную позицию? Конечно, нет. Морфонологическая позиция обладает регулярностью, проявляющейся двояко. С одной стороны, как уже было сказано, каждый аффикс воздействует не на одну индивидуальную основу, а на класс основ, выделенных по тому или иному признаку (группе признаков). С другой стороны, сам способ воздействия (например, смягчающее или вокализующее воздействие) не является индивидуальным свойством именно данного аффикса, а объединяет его с целым классом аффиксов, отличающихся одним и тем же поведением в качестве субъекта морфонологической позиции. Иначе говоря, все позиции по свойствам их субъекта (актуального аффикса) могут быть разбиты на группы однородных в отношении своего действия на объект позиций. Так, например, среди аффиксов глагольного словоизменения аффиксы {u}, {ut}, {uš'} всегда воздействуют на основу одним и тем же образом (ср. *везу* — *везут* — *везущий*; *пишу* — *пишут* — *пишущий*; *дремлю* — *дремлют* — *дремлющий* и т. д.). То же можно сказать о группе аффиксов {iš, it, im, it'e, it', et', at, aš', a} (*летишь* — *летит* — *летим* — *летите* — *лететь* — *летят* — *летающий* — *летя*; *ходишь* — *ходит* — *ходим* — *ходите* — *ходите* — *ходить* — *ходят* — *ходящий* — (*про*)*ходя*) или группе {oš, ot, om, ot'e} (*берешь* — *берет* — *берем* — *берете*; *бережешь* — *бережет* — *бережем* —

бережете) и др. Следовательно, аффиксы, входящие в одну группу, создают одну и ту же морфонологическую позицию для предшествующего конечного согласного основы.

Однако позиция не может быть отождествлена не только с одним (индивидуальным) аффиксом, но даже и с классом однородных аффиксов-субъектов. Как видно из первого примера, класс аффиксов {u, ut, uš'} в одних случаях вызывает йотацию предшествующего согласного (*писать* — *пишу, пишут, пишущий*), в других — оставляет согласный твердым (*нести* — *несу, несут, несущий*), создавая тем самым две разных позиции. Определяющим для позиции является, таким образом, характер воздействия, оказываемого ею (ее активным членом, субъектом) на составляющие ее единицы (на пассивный член, объект). Если говорить о позиции конечного согласного основы, то следует выделять всего четыре типа позиций: 1) позиции, в которых актуальный аффикс (субъект) безразличен к виду конечного согласного (амбивалентная позиция), 2) позиции, которые требуют палатальной (мягкой) ступени предшествующего согласного, 3) позиции, которые требуют йотированной ступени предшествующего согласного, и 4) позиции, которые требуют твердой ступени согласного⁶. Аффиксы {u, ut, uš'} могут быть субъектами третьей (*хожу, верчу, дремлю, колю*) и четвертой (*веду, несу, засну*) позиции, аффиксы класса {iš, it, im и т. д.} и класса {oš, ot, om, ot'e} — субъектами второй позиции.

При таком подходе механизм позиции понимается не как требование определенной модификации основы (чередования), а как требование определенного вида (определенной морфонологической ступени) ее конечного согласного, причем наличие или отсутствие модификации оказывается производным от типа позиции. Если ступень согласного производящей основы совпадает со ступенью, предписываемой позицией, то никакого чередования не происходит. В противном случае происходит чередование, приводящее конечный согласный основы в соответствие с требованием позиции (например, твердый согласный заменяется мягким или йотированным). При этом, как уже говорилось, характер чередования зависит от способа (степени глубины) репрезентации основы.

Во многих морфонологических описаниях свойства смягчения или йотации приписываются аффиксам, и говорится о несмягчающих, смягчающих и йотирующих аффиксах⁷. Такое обозначение кажется неточным в двух отношениях. Во-первых, смягчающие или йотирующие аффиксы вызывают смягчение или йотацию только в тех основах, где конечные согласные находятся на других ступенях, оставляя без изменения согласные, уже имеющие мягкость или йотацию (если бы их действие было «смягчающим», следовало бы ожидать не только смягчения твердых, но и замену мягких йотированны-

⁶ При определении ступени чередования согласного в русском языке следует учитывать, что губные и переднеязычные различают все три ступени — твердую, мягкую (или палатальную) и йотированную (результат переходного смягчения); у сонорных и заднеязычных и с не различается ступень смягчения и ступень йотации, а у *j* совпадают все три ступени. Подробнее см. Приложение 1.

⁷ В морфонологических описаниях, ориентированных на конкретные деривационные модели, выделяются также аффиксы отвердения, а механизм их действия иногда называется обратным чередованием.

ми⁸). Во-вторых, многие аффиксы, подобно глагольным {u, ut, uš'}, могут иметь разное действие, т. е. создавать несколько разных позиций (ср. суффиксы {ak, enije} и многие другие).

Таким образом, тип позиции — понятие, абстрагированное от свойств (фонологических и грамматических) конкретных взаимодействующих морфем и от самой конкретной позиции и определяемое характерным для позиции способом действия, механизмом приспособления морфемы-объекта к требованиям морфемы-субъекта. Четыре типа позиций, относящихся к морфонологическому признаку палатальности согласных, принадлежат к наиболее регулярным моделям русской словоизменительной и словообразовательной морфонологии. К ним по своему объему и значению приближаются лишь морфонологические механизмы усечения и вокализации (чередования нуля с гласным).

⁸ В. В. Лопатин приводит пример с суффиксом *-ение*, который якобы вызывает смягчение твердых глагольных основ и йотацию мягких (*плету* — *плетение*, но *крутить* — *кручение*; *спасти* — *спасение*, но *просить* — *прошение*) [Лопатин 1977]. Однако различие результатов здесь зависит не от твердости-мягкости согласного в производящей основе, а от класса глагола (от его тематического показателя), ср. отсутствие йотации при мягкой основе у глаголов на *-еть*: *облысеть* — *облысение*, *похудеть* — *похудение*, *гудеть* — *гудение*, *сидеть* — *сидение*, *огрубеть* — *огрубение*, *сопеть* — *сопение* и т. д. См. Приложение 2.

Часть вторая

ОЧЕРК ПОЛЬСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ

Во второй части книги дается обзор морфонологических средств словоизменения и словообразования польского языка, т. е. всего корпуса морфонологических явлений, актуальных для его современного состояния. Целостное описание морфонологии составляет особую теоретическую и методическую проблему, которая в первой части книги специально не обсуждалась. Как уже отмечалось, оптимальные решения отдельных, частных вопросов морфонологического анализа могут не согласовываться друг с другом, требовать разных подходов и не складываться в единую непротиворечивую систему. Следование же одному подходу и единому способу представления морфонологических явлений с неизбежностью приводит к принятию в некоторых частных звеньях неоптимальных решений. Современная морфонология с ее принципиальной грамматичностью видит задачу полного представления морфонологической системы языка в построении динамической модели, соотносящей наиболее простым, непротиворечивым и экономным образом весь набор морфонологических средств (чередований, линейных преобразований и т. д.) со всей сферой их грамматических контекстов (условий, функций). Построение такой динамической модели возможно как на пути от морфонологических явлений к грамматике (условно — морфонологический подход), так и на противоположном пути — от грамматики к морфонологическим явлениям (условно — грамматический подход). Содержательно эти два подхода должны быть идентичны, однако каждый из них имеет свою специфику и свои эвристические преимущества и недостатки.

Среди имеющихся полных морфонологических описаний славянских языков есть примеры обоих типов. Классический труд Н. С. Трубецкого «Морфонологическая система русского языка» [Трубецкой 1934/1987] воплощает первый подход — от морфонологических явлений к грамматике, т. е. последовательно анализирует регулярные типы чередований (заднеязычных с шипящими, гласных с нулем и т. д.) с точки зрения их грамматических функций (контекстов). Этот же подход применительно к польской морфонологии используется в работах [Лясковский 1975] и [Грамматика 1984]. Преимущества такого способа описания в его «морфонологичности», т. е. автономности, независимости самого объекта анализа, а также в том, что каждому «формальному» (субстанциональному) типу чередований (линейные преобразования при желании могут быть переформулированы в правила чередований определенных последовательностей морфемных компонентов с нулем) ставится в соответ-

стве весь круг его грамматических (тем самым и морфонологических) контекстов, что позволяет выявить морфонологический механизм (модель) данного типа чередований. Вместе с тем, такой подход предполагает предварительную процедуру выделения самого корпуса чередований из всех грамматических контекстов, т. е. процедуру, соответствующую другому («грамматическому») подходу, а также предварительную систематизацию (классификацию) чередований по формальным (фонологическим) признакам.

«Морфонологический» подход, таким образом, моделирует отдельные формальные типы чередований, не выявляя их соотношения друг с другом (их «изофункциональности», взаимной дополнителности, альтернативности и т. п.). При этом остаются неучтенными (не охваченными моделью) важные закономерности морфонологической системы, связанные с регулярностью сочетаний разных типов формальных чередований в одних и тех же грамматических контекстах (например, чередований заднеязычных с шипящими и твердых переднеязычных и губных с мягкими и т. п.), т. е. с тем, что в некоторых морфонологических концепциях называется альтернативными рядами (все формальные типы чередований перед той или иной флексией или суффиксом). Теоретически закономерности этого рода могут быть выведены и из сопоставления грамматических контекстов отдельных типов чередований, но это требует весьма сложной процедуры, тогда как при «грамматическом» подходе альтернативные ряды даны исследователю, так сказать, в непосредственном наблюдении. Дело, однако, не только в простоте или сложности процедуры. «Морфонологический» подход, ограничивающийся описанием отдельных формальных типов чередований, затемняет природу и роль морфонологической (грамматической) позиции, не выявляя всех ее морфонологических свойств, обуславливающих, как правило, чередование не одного конкретного типа, а сразу нескольких типов (причем «наборы» этих типов в разных позициях достаточно устойчивы).

По этой причине в предлагаемом ниже описании польской морфонологии избран «грамматический» подход, позволяющий построить морфонологические модели более высокого уровня абстракции, ориентированные не на формальные типы чередований, а на их функциональные типы, т. е. ряды чередований, выступающих в определенных морфонологических (грамматических по содержанию) позициях. Слабой стороной этого подхода считается чрезмерная зависимость морфонологического описания от грамматических категорий и грамматических отношений словоизменительной и словообразовательной производности. Этой зависимостью обусловлен и способ репрезентации морфонологических единиц — подверженных чередованиям основ и вызывающих чередования аффиксов, а именно — ориентация не на абстрактный, «первичный», «словарный» (независимый от контекста) вид морфем, а на их «конкретную», контекстную (часто «вторичную», т. е. уже претерпевшую морфонологические модификации) форму, представленную в словоизменительных парадигмах и словообразовательных моделях. Следствием такого подхода является и «конкретный» характер выявленных чередований, включающих, в частности, чередования диспалатализационного типа, которые при другом (абстрактном, условном, «словарном») способе записи морфем могли бы трактоваться иначе — как отсутствие чередования (или выбор исходной формы морфемы), что, однако,

повлекло бы за собой необходимость «снятия» контекстных модификаций исходного вида морфемы в реальных мотивирующих, производящих основах. Следует, однако, подчеркнуть, что эта особенность «грамматического» подхода не противопоставляет его «морфонологическому», т. к. отдельные формальные («фонологические») типы чередований, являющиеся объектом последнего, также чаще всего вычлняются из конкретных видов морфем, связанных отношением грамматической деривации.

В последней главе этой части работы сделана попытка систематизации и обобщения обслуживающих грамматику морфонологических чередований и выявления собственно морфонологических моделей на основе общности их позиций и функций.

Одну из существенных задач предлагаемого очерка автор видел в том, чтобы, не ограничиваясь анализом механизма отдельных чередований и выявлением морфонологических моделей, очертить по возможности также их «лексическую компетенцию» [Копецкий 1972, Супрун 1984], т. е. реальную сферу их лексического распространения или характерные для них лексические ограничения. Решение этой задачи в значительной степени зависит от имеющихся в распоряжении исследователя источников.

Основным источником настоящего описания послужил наиболее полный свод лексики современного польского языка — 11-томный словарь под редакцией проф. В. Дорошевского [SJPD] и составленный на его базе обратный индекс [Indeks]. Этот словарь включает польскую лексику в достаточно широких границах, т. е. не только общеупотребительные, «актуальные» для современного состояния слова, но и определенный процент устаревших и областных слов, как правило, снабженных соответствующими пометами. Во многих случаях, однако, эти пометы (или их отсутствие) уже не отражают современного узуса, причем это касается не только употребительности отдельных лексем, но и их словоизменительных и словообразовательных форм ([ср. Толстая 1981₁]). В определенной степени эти недостатки SJPD компенсируются орфографическим словарем SPP, в котором тщательно выявлены основные изменения и колебания нормы, а также типичные, наиболее частотные ошибки в грамматическом (в том числе и морфонологическом) оформлении слов.

Благодаря продуманной грамматической концепции (главным автором которой был проф. Я. Токарский) и последовательной системе грамматических помет, SJPD оказалось возможным использовать и как основной источник информации о словоизменительных формах и морфонологических модификациях включенных в словарь слов. Но все же далеко не всегда эта информация была достаточной, и нередко в словаре отсутствовали сведения о виде и употребительности конкретных словоформ тех или иных слов (иногда целых категорий или классов слов), причем их нельзя было извлечь и из других словарей и грамматик. Отчасти этот недостаток компенсировало формальное описание польского субстантивного словоизменения в книге [Груцинский 1989]. В ряде случаев недостающие сведения удавалось получить у носителей польского языка, но, разумеется, все сомнения и все лакуны таким образом устранить было невозможно.

Когда данная работа уже была завершена, вышел из печати чрезвычайно ценный, не имеющий аналогов в славянской лексикографии «Схематический

индекс польских словоформ» [SI], который во многом компенсирует указанные недостатки SJPD. Этот индекс, составленный более четверти века тому назад проф. Я. Токарским и отредактированный и изданный уже после смерти автора проф. Зигмунтом Салони, содержит полную сводку финалей (преимущественно 2–3–4-буквенных) всех типов словоформ польского языка, упорядоченных по принципу обратного словаря. Хотя он и не дает исчерпывающей картины лексической компетенции каждой словоизменительной модели (ибо он содержит не корпус самих словоформ, а перечень их возможных финалей), он все же дает представление о ней, т. к. указывает примерное число реальных лексем, могущих иметь каждую финаль, но, что гораздо важнее, этот индекс гарантирует от неполноты состава самих моделей, и это чрезвычайно существенно для систематического описания морфонологической системы. К сожалению, возможностями, предоставляемыми этим индексом исследователю, для данной работы удалось воспользоваться лишь в самой малой степени.

В качестве источников использовались также специальные исследования по польскому словообразованию: [Винклер-Лещинская 1964; Врубель 1969; Ковалик 1977, 1980; Крея 1969, 1989; Смех 1957, 1962; Цыран 1967; Ядацкая 1955 и др.] Нельзя не упомянуть здесь новейшей работы по польской морфологии Кристины Ковалик [1997], с которой мне довелось познакомиться (благодаря любезности Н. Е. Ананьевой) лишь на стадии корректуры настоящей книги, а также оставшихся мне недоступными книг Я. Струтинского [1991] и Б. Креи [1996].

Глава 1

Морфонология субстантивного словоизменения

1.1. Субстантивная основа

Всякая парадигма (для существительных — падежная парадигма) содержит неизменяемую часть, общую всем составляющим ее словоформам, и изменяемую часть, т. е. часть, отличающую одни словоформы от других. Для одних существительных польского языка неизменяемая часть парадигмы тождественна основе, а изменяемая часть — падежным флексиям; у других — к изменяемой части относится не только флексия, но и часть основы, обычно ее последний слог. Например, в парадигме существительного *teka* к изменяемой части относятся не только флексии *-a*, *-i*, *-e* и т. д., но и элементы основы *ę* и *k*, заменяемые в ряде словоформ соответственно на *q* и *k'* или *s*. Именно эти изменения, относящиеся к основе и сопровождающие образование флективных форм, составляют предмет настоящего описания и служат основанием для выделения морфонологических типов падежных парадигм.

Поскольку модификация основы в парадигме свойственна не всем существительным, прежде всего определяется круг основ, подверженных модификации, и устанавливаются их характерные признаки. Затем выясняются морфонологические позиции, т. е. падежные формы и типы флексий, обуславливающие изменение основы и появление чередований; рассматриваются возможные способы модификации основ в парадигме, т. е. типы морфонологических чередований, обслуживающих парадигмы существительных в польском языке. При этом предполагается известной парадигма каждого отдельного существительного, т. е. набор всех его словоформ. Кроме того, предполагается известным то, как каждая реальная словоформа должна быть разделена на основу и окончание.

Все субстантивные основы в польском языке могут быть разделены на два морфонологических класса: изменяемые и неизменяемые. Первые подвержены морфонологическим модификациям (чередованиям) и представлены в пределах парадигмы несколькими вариантами; вторые — выступают в неизменном виде во всех словоформах парадигмы. Принадлежность основы к одному из этих классов определяется рядом морфонологических признаков основы.

Морфонологическая система польского языка включает следующие единицы: гласные — *a*, *o*, *e*, *q* (фонологически *ɔ*), *ę*, *u*, *i*; согласные — класс *P* — твердые губные *p*, *b*, *f*, *v*, *m*; класс *P'* — мягкие губные *p'*, *b'*, *f'*, *v'*, *m'*; класс *T* — твердые переднеязычные *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *ʧ*; класс *T'* — среднеязычные *ć*, *ź*, *ś*, *ź*, *ń* и *l*; класс *K* — твердые заднеязычные *k*, *g*; класс *K'* — мягкие заднеязычные *k'*, *g'*; класс *C* — свистящие аффрикаты *ç*, *ʒ*; класс *Č* — шипящие аффрикаты *č*, *ž*; класс *Š* — шипящие фрикативные *š*, *ž*; вне классов — *j*, *r*, *x*. На более высоком уровне абстракции выделяются морфемы *ř* и *#* с переменными репрезентациями (соответственно *r/ž* и нуль/гласный).

Нормально существительные в польском языке имеют основу, оканчивающуюся на согласный. В тех единичных примерах, относящихся к сфере иноязычной лексики, где представлена вокалическая основа (основа, оканчивающаяся на гласный), эта основа не подвержена никаким модификациям в пределах парадигмы (например, *kamea*, *statua*). Поэтому в дальнейшем речь будет идти исключительно о консонантных основах.

Зоной морфонологических изменений в консонантных основах является последний слог, всегда имеющий вид C_1VC_2 , где C_1 , C_2 — согласный или группа согласных, а V — гласный или #. Чередование может затрагивать любой компонент последнего слога основы: C_1 {*plut#n* — *plúcen*-}, V {*wąż-* — *węż*}, C_2 {*dłut-* — *dłuc-*}, однако первый согласный слова (C_1) подвержен чередованию только в «словах», содержащих #. Следовательно, основная масса чередований в парадигмах существительных затрагивает последний согласный основы — C_2 . В этой позиции в исходных основах могут выступать: 1) согласные, обязательно чередующиеся с другими согласными в любой парадигме; 2) согласные, подверженные чередованию в одних парадигмах и не подверженные в других; 3) согласные, не чередующиеся с другими согласными ни в одной парадигме.

К первой категории принадлежат согласные классов *P*, *T*, *K*, а также *r*; ко второй — *P'*, *C* и *x*; к третьей — *T'*, *Ć*, *Ś*, *j*. Так же распределяются и вокалические элементы исходной основы: # подлежит чередованию в любой парадигме; *o*, *e*, *a* могут чередоваться с другими гласными в одних случаях и не чередоваться в других; *e*, *a*, *u*, *i* не чередуются с другими гласными ни в одной парадигме существительных. Что касается согласных в позиции C_1 , то, как уже было сказано, их чередования, если они есть, всегда сопровождают чередования # с гласным, и значит, их можно не причислять к признакам изменемости основ.

Таким образом, если основа существительного оканчивается на одну из фонем первой категории или включает #, то она безусловно принадлежит к изменяемым основам; если она имеет в исходе одну из фонем класса *P'* или содержит в последнем слоге *o*, *e* или *a*, то она может быть как изменяемой, так и неизменяемой. Это зависит либо от типа парадигмы, к которой она принадлежит (точнее, от того, содержит ли парадигма соответствующие морфонологические позиции), либо от внешних по отношению к морфонологии факторов (лексических, семантических, стилистических). И, наконец, если основа оканчивается на одну из фонем третьей категории (и при этом не содержит #, *o*, *a*, *e*¹), она принадлежит к неизменяемым основам. Кроме перечисленных признаков, на изменяемость основы указывает наличие так называемой усекаемой группы (типа *-in* в *mieszczanin*, *-um* в *muzeum* и т. п.), однако этот признак следует считать индивидуальной особенностью основы или узкого круга основ, отмечаемой словарем исходных основ.

¹ Строго говоря, эти основы не должны содержать лишь беглого гласного и *o*, поскольку остальные гласные (*e*, *a*), вообще подверженные чередованию, как раз в основах с исходом на фонемы третьей категории чередования не имеют.

1. 2. Позиции и условия чередований в субстантивных парадигмах

Исходные основы с перечисленными выше признаками представляют собой объект морфонологических изменений в парадигме. Однако такие изменения происходят лишь в строго определенных морфонологических условиях, или позициях. В системе склонения польских существительных насчитывается шесть таких позиций, в которых исходные основы претерпевают морфонологические модификации. Это позиции перед следующими падежными флексиями: 1) нулевой флексией $-\emptyset$ И. (В.). ед. муж. и Род. мн. жен. и сред.; 2) $-e_1$ — флексией М. ед. муж. и сред.; 3) $-e_2$ — флексией Зв. ед. муж.; 4) $-i_2$ — флексией И. мн. существительных лично-муж. рода; 5) $-em$ — флексией Тв. ед. муж. и сред.; 6) $-ech$ — архаической флексией М. мн. муж. и сред. Позиция перед $-i_1$ — флексией не лично-муж. рода обсуждается особо.

В первой позиции (перед нулевой флексией $-\emptyset$) происходят чередования нескольких типов: 1) нуль (#) в исходной основе заменяется гласным *e*, *o* или *y*, например, {*p' #s-∅*} → *pies*, {*ptaśiń #c-∅*} → *ptaszyniec*, {*ośuv #k-∅*} → *ośówek*, {*p'osen #k-∅*} → *piosenek*, {*koz #l-∅*} → *koziół* (условия изменения согласного, предшествующего #, рассматриваются в Приложении 3), {*lekc #j-∅*} → *lekcuj*; 2) *o* → *u*: {*głow-∅*} → *główny*, {*bobr-∅*} → *bóbr*; 3) *ę* → *ą*: {*męż-∅*} → *maż*, {*męk-∅*} → *mąk*; и, наконец, 4) консонантное чередование типа $P' \rightarrow P$: {*ziem'-∅*} → *ziemia*, {*gołęb'-∅*} → *gołąb*, а также *ń* → *n*: {*suk #ń-∅*} → *sukien*.

Во второй позиции (перед $-e_1$) происходят консонантные чередования типа $P \rightarrow P'$, $T \rightarrow T'$, $K \rightarrow C$, $x \rightarrow ś$, $r \rightarrow ż$: {*tom-e*} → *tomie*, {*mar-e*} → *marie*, {*głos-e*} → *głosie*, {*drog-e*} → *drodze*, {*cech-e*} → *cesze*, {*por-e*} → *porze* и вокалические: *a* → *e*, *o* → *e*: {*lat-e*} → *lecie*, {*cał-e*} → *cielie*, {*soł-e*} → *siele*.

Перед $-e_2$ в форме Зв. ед. также имеют место чередования $P \rightarrow P'$, $T \rightarrow T'$ и чередования $K \rightarrow Ć$, $C \rightarrow Ć$, $r \rightarrow ż$: {*pan-e*} → *panie*, {*brat-e*} → *bracie*, {*człowiek-e*} → *człowiecze*, {*chłop'#c-e*} → *chłopcze*, {*profesor-e*} → *profesorze* и в отдельных случаях вокалические чередования *o* → *e* и *a* → *e*, аналогичные чередованиям в форме местного падежа: {*añoł-e*} → *aniiele*, {*sąśad-e*} → *sąsiedzie*.

Перед $-i_2$ в форме И. мн. существительных лично-муж. рода наблюдаются консонантные чередования типа $P \rightarrow P'$, $T \rightarrow T'$, $K \rightarrow C$, $x \rightarrow ś$, $r \rightarrow ż$, а также вокалические чередования *o* → *e* и *a* → *e*: {*chłop-i*} → *chłopi*, {*poet-i*} → *poeci*, {*rolnik-i*} → *rolnicy*, {*Włoch-i*} → *Włosi*, {*redaktor-i*} → *redaktorzy*; {*sąśad-i*} → *sąsiedzi*, {*añoł-i*} → *anieli*.

Перед $-em$ и $-i_1$ происходит только чередование типа $K \rightarrow K'$: {*ptak-em*} → *ptakiem*, {*rog-em*} → *rogciem*; {*ptak-i*} → *ptaki*, {*drog-i*} → *drogi*.

Характер чередований перед флексией $-ech$, по-видимому, аналогичен характеру чередований перед $-e_2$: *w Niemczech*, *na Węgrzech*, *we Włoszech*, устар. *w Prusiech* (соврем. *w Pruszech*), *niebiesiech*.

Перечисленные чередования, имеющие место в словоизменении существительных, представлены в табл. 2.

Таблица 2

1	2	-∅	-e ₁	-e ₂	-i ₁	-i ₂	-em	-ech
#	e, o, y							
o	u	e	e			e		e
ę	ą							
a		e	e			e		
P		P'	P'			P'		-
P'	P							
T		T'	T'			T'		T'
T' (ń)	n							
K		C	Č	K'	C	K'		-
K'								
C		-	Č		-			Č
Č								
Ś								
x		ś	-		ś			ś
r		ź	ź		ź			ź
j								

1 морфонологические признаки исходной основы;

2 флексии, перед которыми имеет место чередование;

- отсутствие соответствующей флексии у основ с данным исходом.

Рассмотрим более подробно условия и характер этих чередований.

1. Чередования нуля с гласными *e*, *o*, *y* перед нулевой флексией носят фонологический характер только в случае неслоговости исходной основы, например, *ps-*, *dn-* *pn-*, *tb-* в сочетании с последующим ∅ невозможны, отсюда *pies*, *dzień*, *pień*, *teb* и т. д. Если же исходная основа слоговая, то обусловленность чередования зависит от того, возможно ли соответствующее консонантное сочетание в исходе слова². Если такое сочетание невозможно, то появление гласного между его составляющими следует признать фонологически обусловленным. Так, сочетание *-cj* на конце слова не известно польскому языку, следовательно, чередование {*lekcyj-∅*} → *lekcyj* является фонологическим³. Если же консонантное сочетание возможно в исходе слова, то квалификация чередования зависит от того, возможно ли оно, кроме того, в той же морфонологической позиции. Так, сочетание *-st* вообще допустимо перед паузой (ср. *smysł*) и сверх того, оно допустимо в словоформах Род. мн. (ср. *rzemiosł*), и это заставляет считать чередование # → *e* в случае *krzesło* — *krzeset* позици-

² Перечень допустимых в польском языке консонантных сочетаний см. [Баргелувна 1950].

³ Заметим, что вставка гласного — не единственный способ избежать недопустимых сочетаний. Другой способ состоит в том, что вместо нуля избирается другая падежная флексия, ср. более распространенный вариант той же формы Род. мн. *lekcji*.

онно не обусловленным. Примером морфонологического чередования может служить $\# \rightarrow e$ в случаях типа *główka — główek*, ибо сочетание [-vk] фонологически не запрещено (ср. *tomahawk*), однако в позиции перед нулевой флексией Род. мн. оно отсутствует. Если же рассматривать чередование гласных с нулем в обратном направлении, т. е. $e, o, y \rightarrow \text{нуль}$ перед ненулевой (вокалической) флексией, то очевидно, что во всех случаях оно окажется необусловленным. Подробнее см. в Приложении 3.

2. Чередование $o \rightarrow u$ перед нулевой флексией не связано с какими бы то ни было фонологическими или морфологическими условиями, поскольку в этих позициях равно возможны словоформы с o , ср. *ogród* и *epizod*; *droga — dróg*, *moda — mód* и *metoda — metod*, *piroga — pirog*. Принятие обратного направления также приводит к необусловленному чередованию.

3. Чередование $\epsilon \rightarrow q$, имеющее место в тех же грамматических позициях, что и предыдущее, также не зависит ни от фонологических, ни от морфологических условий⁴. Ср. *ręka — rąk*, но *szczeka — szczęk*. Независимость от позиции сохраняется и при противоположном направлении чередования (*wzgląd — względu*, но *wygląd — wyglądu*).

4. Чередование $o \rightarrow e$, всегда сопровождающее чередование согласных в позициях перед $-e_1, -e_2, -i_2, -ech$ при условии мягкости предшествующего согласного основы, представлено в очень ограниченном числе существительных: *popiół*, исходная основа {pořoł-}, *aniół*, *archaniół*, *półaniół*, *kościół* {kořcoł-}, *przyjaciół* {přyjaćoł-}, *niebiosa* (архаическая форма местного падежа — *niebiesiech*)⁵. Независимость этого чередования от фонетических и морфологических условий очевидна из сравнения форм *aniół — aniele* и *żywiół — żywióle*.

5. Чередование $a \rightarrow e$ выступает в тех же позициях и в тех же условиях, что и предыдущее, но охватывает большее число случаев: существительные мужского рода *świat* (а также *zaświat*, *wszechświat*, *mikroświat*, но не *poświat*, *okpiświat*), *powiat*, *sąsiad*, *obiad*, *las*, *wiatr* (а также *odwiatr*, *przywiatr*, *półwiatr*), *kwiat* (а также *okwiat*, *nibykwiat*, *miodokwiat*, *złotokwiat*), отлагольные образования с корнем $-jazd$ (*rozjazd*, *najazd*, *zajazd*, *objazd*, *odjazd*, *podjazd*, *przejazd*, *dojazd*, *pojazd*, *wjazd*, *wyjazd*, *przyjazd*, *zjazd*); существительные среднего рода *lato*, *miasto*, *ciasto*, *gniazdo*, *ciąto*, *przeciwciąto*, *światło*; существительные женского рода *jazda*, *wiara*, *niewiara*, *miara*, *ofiara*, *samoofiara*, *gwiazda* (а также *pragwiazda*, *protogwiazda*, *radiogwiazda*, *rozwiazda*), *niewiasta*. В ряде существительных формы с чередованием сохранились как устаревший вариант при нормальном отсутствии чередования: *udział — udziale*, уст. *udziele*; *oddział — oddziale*, уст. *oddziele*. Необусловленный характер этого чередования подтверждается многочисленными примерами отсутствия чередования в тех же позициях, ср. *sąsiad — sąsiedzie*, но *przysiad — przysiadzie*, *zaświat — zaświecie*, но *poświat — poświacie* и *oświata — oświacie*; *ofiara — ofierze*, но *siara — siarze*; *ciąto — ciele*, но *dziąto — dziale*.

⁴ Подробный анализ этого чередования на обширном материале художественных текстов первой половины XIX в. см. [Вестфал 1956].

⁵ Однако в других категориях имен это чередование оказывается вполне регулярным, ср. *uczony — uczeni*, *zaginiony — zaginieni* и т. д.

6. Чередования согласных $P \rightarrow P'$ перед $-e_1, -e_2, -i_2$ не могут быть объяснены фонологической позицией, ибо как перед e , так и перед i в польском свободно выступают твердые губные: *petny, wejście, becinka, mecz; pytać, wyjaśnić, być, myśl*. Что касается морфонологической обусловленности, то она бесспорно имеет место в чередованиях перед $-e_1, -e_2$, где твердые губные невозможны, ср. *głowie*. Однако чередования твердых губных с мягкими перед i — флексией И. мн. не могут считаться морфонологически обусловленными, ср. *snopy, dęby, wpływy, systemy*. При противоположном направлении чередования ($P' \rightarrow P$) во всех случаях отсутствует какая бы то ни было зависимость от позиции (кроме форм с нулевой флексией, где мягкие губные фонологически недопустимы).

7. Чередования типа $P' \rightarrow P$ перед нулевой флексией носят фонологический характер, однако при ином направлении ($P \rightarrow P'$) они окажутся необусловленными, поскольку твердые губные фонологически возможны перед любыми фонемами, начинающими падежные флексии, и действительно представлены в соответствующих словоформах. Эти чередования имеют место в форме И. ед. (или И. В.) у нескольких десятков существительных мужского рода с основой на мягкий губной: *gotąb, korab, kiełb, jastrząb, jedwab, wab, żreb, drób; karp, Kurp, gap, kump, zap (zomp), ślep, drop, skarp (szkarp); cietrzew, paw, żuraw, żółw, tułów, nów, ołów, modrzew, zatutów, śródutów, przedutów, głowotutów, czerw, szczaw; Wrocław, Jarosław (топоним), Radom, Oświęcim*; у существительных *białodrzew, srebrnodrzew, kosodrzew, złotogłów* и *potraw* мягкость конечного согласного и, следовательно, чередование факкультативны: Род. ед. *białodrzewia* и *białodrzewu, srebrnodrzewia* и *srebrnodrzewu, kosodrzewia (kosodrzewiu)* и *kosodrzewu, złotogłowi* и *złotogłowu [SPP], potrawiu* и *potrawu [KJP, 172]*. Согласно индексу Токарского-Салони, к этому же типу относятся и существительные *krąp, rząp, żąp, ślep, ślip, żup, rup* и даже *ostrów* (последнее слово имеет и другие образцы склонения — без чередования; см. [SI, 328]).

Среди существительных женского рода мягкий губной в исходе основы имеют три десятка слов (из них одно на $-b'$ и остальные на $-v'$): *w głąb (w głębi), marchew, panew, konew, brew, Narew, krew, łagiew, żagiew, stagiew, krokiew, cerkiew, Żółkiew, warząchew, chorągiew, rzodkiew, brzoskiew, bukiew, brukiew, rukiew, ostrew, płatew, kotew, mątew, ostew* и два существительных могут иметь как мягкий, так и твердый губной в основе: *gązew — gązwi (= gązwa — gązwy)*, устар. *brzytew — brzytwi (= brzytwa — brzytwy)*. SI добавляет к этому списку *małgiew, driakiew, jątrew, Omulew*. В форме Род. мн. перед нулевой флексией чередование $P' \rightarrow P$ отмечено лишь у трех существительных: *ziemia — ziem, przystowie — przystów, przedstowie — przedstów* (но *postowie — postowi* и т. д.).

8. Чередование $\acute{n} \rightarrow n$ перед нулевой флексией Род. мн. в отличие от предыдущего не связано с фонологической позицией, так как \acute{n} на конце слова вполне допустимо в польском, ср. *dzień, kwiecień* и т. п. Это чередование не зависит также от морфонологической позиции, ср. *kawiarnia — kawiarni* (наряду с *kawiarni*), *księgarnia — księgarń* (наряду с *księgarni*). Оно имеет очень малую распространенность и касается лишь устаревших форм следующих

существительных: *suknia, studnia, stajnia, kuchnia, wiśnia, czereśnia, głownia, taźnia*, (в SI форма Род. мн. *tazien* дана под вопросом); во всех случаях ему сопутствует чередование $\# \rightarrow e$. Это чередование отмечено также у существительных с суффиксом *-anin*: *mieszczanin, Słowianin, parafianin* и т. д. (где ему сопутствует усечение основы), однако условия его совершенно иные — оно имеет место не только перед нулевой флексией, но и перед другими флексиями: *Słowianach, mieszczanami*.

9. Морфонологическая характеристика чередования $T \rightarrow T'$ совпадает с характеристикой чередования $P \rightarrow P'$, а именно: фонологической обусловленности нет ни в одной позиции (ср. *te, ty*). Что же касается морфонологических условий, то они определяют чередование перед флексиями $-e_1$ и $-e_2$, где твердые зубные невозможны, тогда как в позиции перед $-i$ в форме И. мн. такой предопределенности нет, ср. *kwiaty*, но *poeci*. Точно такой же характер носит чередование $r \rightarrow \dot{z}$: *siostra — siostrze, pióro — piórze, profesor — profesorze, doktor — doktorzy*.

10. Для того, чтобы определить характер чередований заднеязычных согласных, следует уточнить их фонологический статус. Несомненной фонологической самостоятельностью в польском языке обладают твердые заднеязычные *k, g*, свободно употребляющиеся перед гласными заднего ряда и перед согласными. Что же касается мягких *k', g'*, то их фонологическая значимость обычно вызывает сомнение, поскольку в большинстве случаев они выступают в позициях, где их твердые корреляты невозможны. Прежде всего это относится к позиции перед $-i$, в которой представлены исключительно мягкие *k', g'*: *ptak — ptaki, droga — drogi*. Однако в позиции перед $-e$ твердые заднеязычные в отдельных, хотя и достаточно редких случаях употребительны, ср. *keks, kelner, kemping, generał, geniusz*. Тем более возможны твердые *k, g* перед $-\dot{e}$: *gęsty, gęba, gęś*, В. ед. *drogę, kępa, kęs, kędzierzawy*, В. ед. *rzekę* и т. д. Таким образом, позиция перед $-e, -\dot{e}$ должна быть признана различительной для твердых и мягких заднеязычных, откуда следует фонологическая самостоятельность мягких *k', g'*. Такое решение имеет самые серьезные последствия для морфонологической интерпретации чередований заднеязычных. Оно требует считать морфонологическим чередование $K \rightarrow K'$ перед флексией Тв. ед. $-em$: *człowiek — człowiekiem, oko — okiem*. В то же время чередования $K \rightarrow K'$ перед флексией $-i_1$ должны интерпретироваться как фонологически обусловленные.

В отличие от других серий согласных, имеющих во всех видах чередований единый тип изменения («смягчения»), серия заднеязычных согласных, неоднородных по своим морфонологическим признакам, обнаруживает более сложную картину. Заднеязычные взрывные претерпевают три вида «смягчения»: $K \rightarrow C$ перед $-e_1$ и $-i_2$ (*ręka — ręce, robotnik — robotnicy*), $K \rightarrow \check{C}$ перед $-e_2$ (*Bóg — Boże, człowiek — człowiecze*) и $K \rightarrow K'$ перед $-em$ (*oko — okiem*) и $-i_1$ (*droga — drogi*).

Характер обусловленности этих чередований различен. Чередование $K \rightarrow C$ перед $-e_1$, не определяемое фонологической позицией (ибо фонологическое сочетание $K + e$ допустимо), носит морфологически обусловленный характер, поскольку в данной грамматической форме сохранение K невозможно. Зна-

чительно сложнее оказывается интерпретация того же чередования $K \rightarrow C$ перед $-i$. Хотя фонологически сочетание $K + i$ недопустимо (возможно лишь $K' + i$), все же чередование $K \rightarrow C$ нельзя считать фонологически обусловленным. Дело в том, что фонологическая позиция в данном случае определяет невозможность K и сам факт чередования, и в этом смысле чередование $K \rightarrow C$ фонологически обусловлено. Но результат этого чередования, т. е. альтернант C , не зависит от фонологического соседства $-i$, поскольку в этой же позиции возможно появление другого согласного — K' , ср. *ptak — ptaki, droga — drogi*. В чередовании $K \rightarrow C$ как бы совмещены два последовательных этапа: чередование $K \rightarrow K'$, которое перед $-i$ носит фонологический характер, и затем, чередование $K' \rightarrow C$, фонологически не обусловленное (ибо $K' + i$ допустимо), но и морфонологически не обусловленное, потому что в тех же грамматических формах возможно отсутствие чередования $K' \rightarrow C$ и сохранение K' . Таким образом, чередование $K \rightarrow C$ перед $-i$ принадлежит к типу необусловленных чередований.

Чередование $K \rightarrow \check{C}$ перед $-e_2$, не зависящее от фонологической позиции, обнаруживает морфонологическую обусловленность, поскольку ни K , ни K' перед $-e_2$ невозможны.

Чередование $K \rightarrow K'$ перед $-em$ также носит морфонологический характер.

Заднеязычный фрикативный x по своим фонологическим и морфонологическим признакам отличен от взрывных k, g . Фонологическое отличие состоит в том, что в позиции перед i одинаково возможно и твердое x , и мягкое x' : *chylić się, chyba* и *chichotać, chiński*, тогда как в серии взрывных в этой позиции возможны лишь мягкие k', g' . Наоборот, в позиции перед e представлен лишь твердый x . В морфонологическом плане для x характерно наличие двух типов (ступеней) «смягчения»: $x \rightarrow \check{s}$ перед $-e_1, -ech$ (*strzecha — strzesze, Włochy — Włoszech*) и $x \rightarrow \acute{s}$ перед $-i_2$ (*mnich — mnisi*⁶).

Поскольку сочетания $x + e$ для польского языка являются нормальными, хотя и сравнительно редкими (*chetbotać, chemia, bochenek*), чередование $x \rightarrow \check{s}$ перед $-e_1, -ech$ должно интерпретироваться как морфонологически обусловленное: в данных грамматических формах при наличии данных флексий оно обязательно.

Чередование $x \rightarrow \acute{s}$ перед $-i_2$ не зависит ни от фонологической (ср. *chylić, chyba*), ни от морфонологической позиции (ср. *cecha — cechy, bebecz — bebeczy, tłuścioch — tłuściochy*) и потому трактуется как необусловленное чередование.

11. Чередование $C \rightarrow \check{C}$ отмечается в позиции перед $-e_2$ (*chtopiec — chtopcze, ksiądz — księżę*) и перед $-ech$ (*Niemcy — Niemczech*) и носит морфонологический характер, поскольку фонологическое сочетание $C + e$ в польском допустимо: *cecha*, М. ед. *drodze*.

⁶ У существительных это один из редких примеров чередования $x \rightarrow \acute{s}$ (возможно также *Włoch — Włosi, Czech — Czesi, pastuch — pastusi* наряду с *pastuchy*), ибо прочие существительные с исходом на $-ch$, даже если они относятся к названиям людей, не имеют в И. мн. чередования, благодаря пренебрежительному или шутливому характеру выражаемого ими значения: *tłuścioch — tłuściochy, lekkoduch — lekkoduchy, uparciuch — uparciuchy, maluch — maluchy*. В остальных случаях (при нейтральном значении) они имеют окончание $-owie$: *fellach — fellachowie, szach — szachowie*. Однако у прилагательных с таким исходом чередование регулярно: *gluchy — głusi*.

12. Помимо рассмотренных выше чередований, модифицирующих основы существительных в падежной парадигме, в польском склонении имеется еще два вида изменения основы, о которых следует говорить особо. Это чередование непоследнего согласного основы и усечение (либо наращение) основы. Первое из них всегда сопутствует чередованию нуля с гласными *e*, *o*: *ptótno* — *ptócien*, *kotta* — *kociot*. Это чередование не связано в большинстве случаев ни с фонологическими, ни с морфонологическими условиями, поскольку в тех же грамматических формах оно может отсутствовать, ср. *krosno* — *krosien*, но *wiosna* — *wiosen*; *kozta* — *koziot*, но *węzta* — *węzet*. Исключения составляют чередования *k* → *k'* и *g* → *g'*, потому что сохранение твердых *k*, *g* перед беглым *e* невозможно: *iskra* — *iskier*, *igta* — *igiet*, а также чередование твердого согласного с мягким перед суффиксом *-#c*, которому всегда предшествует «мягкий» согласный: *fachowca* — *fachowiec*, *Niemca* — *Niemiec*, *dworca* — *dworzec*. При противоположном направлении многие из этих чередований (в частности все чередования губных типа *P' → P*) оказываются фонологически обусловленными последующими согласными.

Усечение основы представлено в нескольких компактных группах существительных: в названиях молодых животных типа *żrebię*, *cielę* перед нулевой флексией И. В. ед.; в группе имен на *-ę* типа *imię*, *strzeмиę* перед нулевой флексией И. В. ед.; у существительных с суффиксом *-anin*: *mieszczanin*, *Stowianin* во мн. числе; у существительных на *-um*: *akwarium*, *kryterium*, *muzeum* в формах мн. числа. Очевидно, что никакой позиционной обусловленности здесь нет.

Таким образом, описанные выше чередования, выступающие в склонении польских существительных, обнаруживают различную морфонологическую природу и различную степень регулярности. Одни из них оказываются обусловленными фонологической позицией, и в таком случае встает вопрос о правомерности их включения в морфонологическое описание. Решение этого вопроса зависит от того, является ли данное чередование во всем его объеме фонологически обусловленным и сохраняется ли эта обусловленность при изменении направления чередования. Так, чередование нуля с гласными *e*, *o*, *u* перед нулевой флексией И. ед. и Род. мн. фонологически обусловлено только в случае неслоговости основы или фонологической недопустимости соответствующего консонантного сочетания на конце слова: {*p'í-ø*} → *pień*, {*kr-ø*} → *kier*, {*značk-ø*} → *znaczek*; в остальных же случаях это чередование оказывается морфонологически обусловленным или позиционно не обусловленным. Что касается фонологически обусловленного чередования *P' → P* в позиции перед нулевой флексией, то оно утрачивает фонологическую обусловленность при противоположном направлении чередования (*P → P'* перед ненулевой флексией позиционно не мотивировано). Поэтому, как кажется, из морфонологического описания могут быть исключены лишь те чередования, которые во всем их объеме и при любом избранном направлении обнаруживают зависимость от фонологической позиции. К таким чередованиям относится, например, чередование *K → K'* перед *-i*. Однако даже и с этим случаем вопрос не столь очевиден. Отказ от рассмотрения чередования *K → K'* перед *-i* с необходимостью влечет за собой отождествление основы с исходом *K'* и основы

с исходом *K*: в парадигме существительного *ptak* основа *И. Зв. мн.* {*ptak'-i*} должна быть отождествлена не с основой *Тв. ед.* {*ptak'-em*}, что казалось бы совершенно естественным, а с основой остальных падежей {*ptak-a, -u*} и др., что, конечно, нелепо. Этот пример показывает, что даже чисто фонологические явления могут быть значимыми на морфонологическом уровне, и морфонологическое описание не вправе ими пренебрегать. Следовательно, и фонологический, и морфонологический анализ словоформ типа *ptaki* должен привести к выделению в составе основы мягкого согласного *K'* на том основании, что в других позициях (других словоформах), например, в форме *ptakiem*, эта мягкость оказывается фонологически и морфонологически релевантной.

Не вполне очевидно даже исключение из состава чередований чередования звонких и глухих согласных в исходе основы в зависимости от нулевой или ненулевой флексии. Оно может быть оправдано лишь тем, что по целому ряду других соображений словоформы с нулевой флексией всегда рассматриваются как «морфонологически слабые» (ср. фонологически слабые позиции), т. е. не как исходные формы основы, а как производные, в которых чередование звонкого согласного с глухим перед нулевой флексией оказывается фонологически обусловленным.

К типу морфонологически обусловленных чередований в склонении существительных относятся следующие: 1) чередование нуля с гласным (преимущественно *e*) перед нулевой флексией, если сочетание согласных, разделенных нулем, вообще возможно на конце слова, но в данной грамматической позиции недопустимо, ср. {*gluvk-ø*} → *glówek*; 2) чередование *P* → *P'* перед *-e₁*, *-e₂*; 3) чередование *T* → *T'* перед *-e₁*, *-e₂*, *-ech*; 4) чередование *r* → *ż* перед *-e₁*, *-e₂*, *-ech*; 5) чередование *K* → *K'* перед *-em*; 6) чередование *K* → *C* перед *-e₁*; 7) чередование *K* → *Ć* перед *-e₂*; 8) чередование *x* → *ś* перед *-e₁*, *-ech*; 9) чередование *C* → *Ć* перед *-e₂*, *-ech*.

К типу необусловленных чередований принадлежат чередования: 1) нуля с гласным (главным образом *e*) перед нулевой флексией при условии, что соответствующее консонантное сочетание в исходе основы возможно на конце слова не только фонологически, но и в данной грамматической форме, ср. {*kšesł-ø*} → *krzeset* при *rzemiosło* — *rzemiosł*); 2) *o* → *u* перед *ø*; 3) *e* → *a* перед *ø*; 4) *o* → *e* перед *-e₁*, *-e₂*, *-i₂*, *-ech*; 5) *a* → *e* перед *-e₁*, *-e₂*, *-i₂*; 6) *P* → *P'* перед *-i₂*; 7) *n̄* → *n* перед *ø*; 8) *T* → *T'* перед *-i₂*; 9) *r* → *ż* перед *-i₂*; 10) *K* → *C* перед *-i₂*; 11) *x* → *ś* перед *-i₂*; 12) усечение основы.

Хотя регулярность (обязательность) чередования очевидным образом зависит от характера его обусловленности (фонологически и морфонологически обусловленные чередования абсолютно обязательны), так называемые необусловленные чередования могут быть вполне регулярными при некоторых дополнительных (но не морфонологических, а семантических, стилистических и т. п.) условиях. Так, например, чередование согласных перед *-i₂* в форме *И. мн.* обязательно для существительных лично-мужского рода (*doktorzy*); отсутствие же чередования используется как средство передачи пренебрежительного отношения (*doktory*). Что касается необусловленных чередований гласных, то в сущности их не удается связать с устойчивыми лексическими

или фонологическими признаками основ и потому в большинстве случаев сведения о наличии или отсутствии чередования должны фиксироваться словарем как индивидуальная характеристика основы. Тем более не связаны прямой зависимостью регулярность и лексическая мощь чередования. Абсолютно регулярное, не знающее исключений отверждение губных перед нулевой флексией имеет малую сферу распространения из-за ограниченности круга основ с исходом на мягкие губные; столь же обязательные чередования согласных перед флексией *-ech* в М. мн. или флексией *-e₂* в звательной форме основ на заднеязычный отличаются малой частотой из-за крайне редкой употребительности самих флексий.

1.3. Морфонологические типы субстантивных парадигм

Перейдем теперь к вопросу о морфонологической структуре субстантивных парадигм. Под морфонологической структурой мы будем понимать такие характеристики парадигмы, как число разных видов основы и их распределение по падежам.

Существительные в польском языке могут иметь от одной до четырех разновидностей основы в пределах одной парадигмы. Например, существительное *rzecz* имеет во всех словоформах один и тот же вид основы {*žeč-*}; существительное *mąż* — два вида: {*mąż-*} и {*męż-*}; существительное *wóz* — три вида: {*vus-*}, {*voz-*} и {*voź-*}; существительное *źrebię* — четыре вида: {*źreb'ę-*}, {*źreb'ęc-*} (фонетически [*źreb'eńć*]), {*źreb'ęt-*} (фонетически [*źreb'ent-*]) и {*źreb'ąt-*} (фонетически [*źreb'ont-*]). Кроме того, различным может быть распределение этих разновидностей основ в парадигме: у существительных с двумя основами в одних случаях основа И. ед. может быть противопоставлена основе всех остальных словоформ (например, у существительного *mąż*), в других — основа Род. мн. противопоставлена основе остальных словоформ (например, у существительного *ziemia*) и т. д. Таким образом, выделяются четыре морфонологических типа парадигм: I — парадигмы с одной основой, II — парадигмы с двумя основами, III — парадигмы с тремя основами и IV — парадигмы с четырьмя основами, а внутри II, III, IV типа — еще подтипы, отличающиеся друг от друга конфигурацией распределения разных видов основ по падежам. При этом мы будем исходить из 14-членной парадигмы: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный и звательный⁷ падежи в единственном и множественном числе. Для удобства представления и сопоставления парадигм мы будем придерживаться следующей схемы:

⁷ Как известно, вопрос о наличии звательного падежа является дискуссионным. Однако сомнения в интерпретации звательной формы как падежной покоятся исключительно на синтаксических соображениях. Что же касается морфологической интерпретации, то здесь, как представляется, нет оснований для сомнений, ибо звательная форма является одной из регулярных форм словоизменения и потому может быть включена в словоизменительную парадигму наряду с другими словоформами.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							
Мн.							

I. Парадигмы с одной основой

Огромное количество субстантивных основ в польском языке не претерпевает никаких изменений в пределах парадигмы: *śmierć, część, koszula, znaczenie, krzyż, krtan, gosposia, gęś, piec, pisarz, grosz* и т. д. Выше уже были указаны признаки неизменяемости основ. К ним принадлежат конечные согласные классов *T'* (*ć, ź, ś, ź, ń, l⁸*), *Ć* (*ć, ź*), *Ś* (*ś, ź*) и *j* при отсутствии в последнем слове # и *o*. Наличие # в последнем слове всегда связано с чередованием # → *e*, ср. *stopnia — stopień*; тогда как наличие *o* предполагает чередование *o* → *u* лишь в небольшой части случаев, ср. *gwoździa — gwoźdź*, но *gościa — gość, jakości — jakość*.

Из основ с другими консонантными исходами к неизменяемым принадлежит значительное число основ, оканчивающихся на мягкий губной, в парадигмах которых не представлена нулевая флексия, обуславливающая чередование *P' → P*. Речь идет прежде всего о существительных среднего рода, у которых либо отсутствуют вообще формы множ. числа: *zdrowie, obuwie, mrowie, pogłowie, prawostawie*; либо во множественном числе Род. падеж имеет флексию *-i*: *zagłebie, przyzębie, podziemie, przedstopie, nastupie, zarękawie, zarzewie, wezglowie, ogłowie, postowie* и т. п. Сюда же относятся и существительные, не имеющие форм ед. числа, причем форма Род. мн. у них также образуется с помощью флексии *-i*: *drzwi, trzewia, konopie, szarpie* и т. д. Среди существительных женского рода вообще очень мало таких, которые оканчиваются на

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							
Мн.							

I.1

мягкий губной, однако и они, как правило, имеют неизменяемую основу, благодаря флексии *-i* в Род. мн.: *głębia, stutbia, skrobia* (исключение составляет *ziemia — Род. мн. ziem*). Из существительных мужского рода с исходом на мягкий губной неизменяемую основу имеют лишь несколько слов, относящихся к смешанному субстантивно-адъективному склонению: *hrabia, wicehrabia, gograbia, margrabia, burgrabia*.

Субстантивные основы всех трех родов с исходом на *-c* могут относиться и по большей части относятся к неизменяемым: *szkic, miejsce, potoc, praca*. Исключение составляет довольно обширная группа слов с суффиксом *-ec*,

⁸ Исключение составляют основы с исходом *-ń*: *suknia, studnia, stajnia, wiśnia* и др., в которых *ń* чередуется с *n*, а также одна основа с исходом на *-l*: *przyjaciel*, где в ряде форм *l* чередуется с *ł*.

для которых характерно чередование $\# \rightarrow e$, а также в ряде случаев чередование $C \rightarrow \check{C}$ в звательной форме: *głupiec — głupcze, cudzoziemiec — cudzoziemcze, Niemiec — Niemcze* (и *Niemcu*), *plugawiec — plugawcze* и т. д. Кроме того, не относится к неизменяемым основам существительное *Niemcy* (название страны), имеющее в М. архаическую форму *Niemczech* с чередованием $c \rightarrow \check{c}$, а в Род. — *Niemiec* с чередованием $\# \rightarrow e$.

И наконец, к неизменяемым относится значительная часть субстантивных основ с исходом на $-x$, поскольку условиям возможных для них чередований $x \rightarrow \check{s}$ и $x \rightarrow \acute{s}$ удовлетворяют лишь существительные женского рода, где чередование нормально в Д. и М. ед., и единичные существительные мужского рода, имеющие либо лично-мужскую форму И. мн., либо архаическую форму М. ед. на $-ech$ (см. выше).

II. Парадигмы с двумя основами

Парадигмы, в которых противопоставлены две разновидности основ, образуют большое число различных типов, каждый из которых имеет особое распределение этих разновидностей между падежными формами.

1. Парадигмы, в которых И. ед. (флексия \emptyset) имеет основу, отличную от всех других падежей. К этому типу относятся парадигмы одушевленных существительных мужского рода (у неодушевленных с формой И. ед. совпадает форма В. ед.) со следующими морфонологическими признаками: 1) с мягким губным в исходе основы, который в И. ед. чередуется с твердым ($P' \rightarrow P$) перед нулевой флексией, например, $\{rav'-\emptyset\} \rightarrow raw$, $\{karp'-\emptyset\} \rightarrow karp$ и т. д.; 2) с другими морфонологически мягкими согласными в исходе основы, т. е. с согласными классов T' , C , \check{S} , j , если они содержат одновременно в последнем слове основы беглый гласный ($\#$), o или e , например, $\{u\check{c}\#\acute{n}-\emptyset\} \rightarrow ucze\acute{n}$, $\{vrub\#\acute{l}-\emptyset\} \rightarrow wr\acute{o}bel$; $\{voz-\emptyset\} \rightarrow w\acute{o}dz$, $\{kozodoj-\emptyset\} \rightarrow kozod\acute{o}j$, $\{sobol-\emptyset\} \rightarrow sob\acute{o}l$; $\{me\check{z}-\emptyset\} \rightarrow m\acute{a}\check{z}$, $\{ve\check{z}-\emptyset\} \rightarrow w\acute{a}\check{z}$, $\{go\check{t}\acute{e}b'-\emptyset\} \rightarrow go\check{t}\acute{a}b$. Из существительных, удовлетворяющих перечисленным признакам, не относятся к данному типу названия лиц с суффиксом $-ec$, имеющие в звательной форме флексию $-e$ и чередование $c \rightarrow \check{c}$ (*młodziemiec — młodziemcze*), а также существительные, содержащие в последнем слове основы o или e , не чередующиеся соответственно с u и q .

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙	⊙					
Мн.							

II.2

морфонологическими признаками, что и предыдущая группа: *stopie\acute{n}*, *łokie\acute{c}*, *n\acute{o}\check{z}*, *gw\acute{o}źdź*, *tu\acute{t}\acute{o}w*, *jedwab*, *szczaw*; *ł\acute{o}dź*; *s\acute{o}l*, *uprz\acute{a}\check{z}*, *g\acute{t}\acute{a}b*, *brew*, *wie\check{s}*, *wesz*. К этому же типу относится парадигма существительного *tydzie\acute{n}* — *tygodnia*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙						
Мн.							

II.1

2. Парадигмы, в которых основа И. В. ед. (флексия \emptyset) противопоставлена всем остальным падежным формам. Сюда относятся неодушевленные существительные мужского рода и существительные женского рода с теми же

3. Основа Род. мн. (флексия *o*) противопоставлена основе всех остальных падежей. К данному типу относятся существительные женского и среднего рода, содержащие морфонологически мягкий согласный в исходе основы и беглый гласный *o* или *e* в последнем слове (то есть существительные с теми же морфонологическими признаками, что и две предыдущие группы): *ziemia* — *ziem*, *suknia* — *sukien*, *owca* — *owiec*, *lekcja* — *lekcuj*, *pole* — *pól*, *morze* — *mórz*, *skrzypce* — *skrzypiec*, *przystawie* — *przystów*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							
Мн.			⊙				

II.3

4. Основа М. ед. противопоставлена основе остальных падежных форм. К этому типу принадлежат существительные среднего рода с твердым согласным в исходе основы (кроме заднеязычных *k*, *g*). Твердый согласный сохраняется неизменным во всей парадигме и только в М. ед. он подвергается смягчению $T \rightarrow T'$, $P \rightarrow P'$, $r \rightarrow \dot{z}$: *dtuto*, *stado*, *dzieło*, *kolano*, *czasopismo*, *drzewo*, *pióro*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		
Мн.							

II.4

bioder. В отдельных случаях к рассматриваемому типу парадигм могут относиться существительные мужского рода, если они имеют, вопреки норме, форму Зв. ед., отличную от М. ед., например, *kot* — М. *kocie* — Зв. *kot* наряду с *kocie*.

5. Основа М. ед. и Зв. ед. противопоставлена основе остальных падежных форм (тип II.5). К этому типу принадлежат существительные мужского рода с теми же морфонологическими признаками, что и существительные среднего рода, относящиеся к предыдущему типу, поскольку нормально звательная форма у этих существительных мужского рода совпадает с формой М. ед., например, *kwiat* — М. *kwiecie* — Зв. *kwiecie*, *ocean* — *oceanie* — *oceanie*, *rząd* — *rządzie* — *rządzie* и т. д.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		⊙
Мн.							

II.5

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							⊙
Мн.							

II.5a

У ряда существительных, имеющих нерегулярную форму М. ед. на *-u* (*pan*, *dom*, *syn* — *panu*, *domu*, *synu*) и И. мн. на *-owie* или *-y* (*panowie*, *synowie*, *domy*) парадигма имеет несколько отличный от нормального вид (тип II.5a).

Не относятся, однако, к данному типу парадигмы существительных мужского рода, имеющих лично-мужскую форму в И. мн. и совпадающую с ней форму Зв. мн. Эта категория существительных составляет следующий тип субстантивных парадигм.

6. Основа М. и Зв. ед., И. Зв. мн. противопоставлена основе остальных падежных форм. Парадигма данного типа характерна, например, для существительных *sąsiad*, *aniot* (чередование согласных здесь сопровождается чередованием гласных *a* → *e* и *o* → *e*); *bohater* (*bohaterzy*), *chłop*, *ataman*, *facet* и др.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		⊙
Мн.	⊙						⊙

II.6

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.						⊙	
Мн.							

II.7

редки, ср. *tango*): *tyko*, *stanowisko*, *nazwisko* и т.д. Сюда, однако, не относится большинство образований с продуктивным суффиксом *-#k-*, поскольку они содержат беглый гласный, вокализирующийся в форме Род. мн.: *biurko* — *biurkiem* — *biurek*. И все же эта категория оказывается достаточно распространенной за счет входящих в нее дериватов с суффиксом *-isko*, не имеющих беглого гласного в своем составе. Этот же тип парадигмы характерен для обширного массива существительных лично-мужского рода с исходом основы *-k*, *-g* в тех допускаемых нормой вариантах парадигм, где И. Зв. мн. образуется посредством флексии *-owie* (а не *-i₂*): *filolog* — *filologowie*, *pedagog* — *pedagogowie*, *klerk* — *klerkowie*, *prawnuk* — *prawnukowie*. В большинстве случаев формы с *-owie* являются факультативными вариантами форм с *-i₂*, однако существительные с исходом на *-k*, как правило, образуют И. мн. посредством флексии *-i₂* и не знают вариантов с *-owie*; те же редкие слова этого типа, которые имеют форму И. мн. на *-owie*, обычно не образуют форм с *-i₂* (сопровождающимся чередованием согласных), ср. *filolog* — *filologowie* или *filolodzy*, но *klerk* — только *klerkowie*, а *prawnik* — только *prawnicy*.

8. Основа Тв. ед., И. В. Зв. мн. противопоставлена основе остальных падежных форм. Такого рода парадигма характерна для существительных мужского (но не лично-мужского) рода с исходом основы *K*: *ptak*, *składnik*, *pociąg*, *śnieg* и т.д. Эта категория оказывается весьма многочисленной благодаря дериватам с такими продуктивными суффиксами, как *-ik*, *-nik*, *-ak*. К ней, однако, не относится обширный разряд основ с суффиксом *-#k-*, так же как и другие основы, включающие беглый гласный или гласные *o*, *e*, чередующиеся с *u*, *q*, поскольку эти чередования приводят к образованию еще одной разновидности основы. То же самое касается лично-мужских существительных с исходом на *-k*, *-g*, которые имеют особую разновидность в формах И. Зв. мн.

9. Основа Д. М. ед. противопоставлена основе других падежей. Этот тип парадигмы характерен для очень большого класса именных основ — основ существительных женского рода, оканчивающихся на твердый согласный (кроме *k*, *g*): *osoba*, *rada*, *szafa*, *zima*, *strzecha*, *strzała*, *rana*, *lampa*, *litera*,

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.						⊙	
Мн.	⊙	⊙					⊙

II.8

rzęsa, kobieta, trawa, faza, mucha. К нему могут относиться также существительные мужского рода, изменяющиеся по женскому склонению, если они не имеют в И. Зв. мн. лично-мужской формы с флексией *-i*, ср. *starosta* — И. мн. *starostowie, gazda* — *gazdowie*, но *faszysta* — *faszyści*. Чередование согласных может сопровождаться у существительных женского рода чередованием гласных *a* → *e*: *wiara* — *wierze, gwiazda* — *gwieździe*.

К данному типу не относятся существительные, включающие беглый гласный или гласные *o, e*, чередующиеся с *u, a*, поскольку они имеют три разновидности основы, например, *wiosna* — *wiośnie* — *wiosen, woda* — *wodzie* — *wód, gęba* — *gębie* — *gąb*.

К данному типу не относятся существительные, включающие беглый гласный или гласные *o, e*, чередующиеся с *u, a*, поскольку они имеют три разновидности основы, например, *wiosna* — *wiośnie* — *wiosen, woda* — *wodzie* — *wód, gęba* — *gębie* — *gąb*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.				⊙	⊙		
Мн.	⊙						⊙

II.10

10. Упомянутые выше существительные мужского рода с твердым согласным в исходе основы, которые изменяются по женскому склонению, но имеют в И. Зв. мн. лично-мужскую форму на *-i*, составляют особую категорию субстантивных парадигм, у которых в Д. М. ед. и И. Зв. мн. представлена основа, отличающаяся от основы остальных падежных форм. Примеры: *mężczyzna* — *mężczyźnie, mężczyźni; fatalista* — *fataliście, fataliści; poliglota* — *poliglocie, poligloci*.

11. Следующий тип парадигмы образуют существительные, у которых основа всех словоформ единственного числа противопоставлена основе всех словоформ множественного числа. Сюда относятся: 1) достаточно многочисленная группа интернациональных слов среднего рода на *-um* типа *muzeum, kryterium*, которые в ед. числе не изменяются, а во мн. числе имеют усеченную основу без *-um*: *muzea, kryteria* и т. д.; 2) существительные *zielo, nasienie*, имеющие в формах мн. числа отвердение конечного согласного основы: *ziota, nasiona*; 3) существительное *ucho*, образующее формы мн. числа от основы *usz-* (тип II.11).

12–13. Два существительных мужского рода *brat* (тип II.12) и *ksiądz* (тип II.13) также противопоставляют основу единственного и множественного числа, однако, кроме того, они имеют в ед. числе отдельные формы, образуемые от той же основы, что и формы мн. числа.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		⊙
Мн.	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙

II.12

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.				⊙	⊙		
Мн.							

II.9

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							
Мн.	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙

II.11

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							⊙
Мн.	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙

II.13

III. Парадигмы с тремя основами

1. Основа И. В. ед. — основа М. Зв. ед. — основа остальных падежных форм. К данному типу относится обширный класс существительных мужского, но не лично-мужского, рода с основой, оканчивающейся твердым согласным (который чередуется в М. и Зв. ед. с морфологически мягким согласным), и с #, *o* или *ę* в последнем слого основы (которые чередуются в И. ед. соответственно с *e*, *u* или *q*): *sen* — *snu* — *śnie*, *sweter* — *swetra* — *swetrze*, *węzeł* — *węzła* — *węzle*; *dwór* — *dworu* — *dworze*, *wóz* — *wozu* — *wozie*, *powrót* — *powrotu* — *powrocie*; *dąb* — *dębu* — *dębie*, *wzgląd* — *względu* — *względzie*, *wyrąb* — *wyrębu* — *wyrębie*. Можно сказать, что этот тип парадигмы представляет собой объединение двух основных типов парадигм, а именно — типов II.2 и II.5.

2. Основа И. В. ед. — основа Тв. ед., И. В. Зв. мн. — основа остальных падежей. К этому типу относятся неодушевленные существительные мужского рода с основой на *k*, *g*, имеющие #, *o* или *ę* в последнем слого основы. Существительных с такими признаками в польском языке очень много, среди них самую большую группу составляют уменьшительные существительные с суффиксом *-#k-*. Примеры: *zegarek* — *zegarka* — *zegarkiem*, *zegarki*, *przystanek* — *przystanku* (*przystanka*) — *przystankiem*, *przystanki*; *róg* — *rogu* — *rogiem*, *rogi*, *stóg* — *stogu* — *stogiem*, *stogi*; *krąg* — *kręgu* — *kręgiem*, *kręgi*, *wyląg* — *wylęgu* — *wylęgiem*, *wylęgi*.

3. Одушевленные существительные с теми же морфологическими признаками, что и предыдущая группа, принадлежат по существу к тому же самому типу; отличие касается, как и во всех парадигмах одушевленных существительных мужского рода, лишь формы В. ед. и В. мн., которые в данном случае имеют основу, совпадающую с формой Род. Примеры: *biedaczek*, *dzieciaczek*.

4. Тот же самый тип основ имеет иную парадигму в случае, если форма И. Зв. мн. образуется с флексией *-owie*: *staruszek*, *kochanek*.

5. Основа Тв. ед. — основа И. Зв. мн. — основа остальных падежей. Данный тип включает большой разряд существительных лично-мужского рода с *k*, *g* в исходе основы (при условии, что И. Зв. мн. образуется у них с флексией *-i₂*, а не *-owie*): *robotnik* — *robotnikiem* — *robotnicy*, *liryk* — *lirykiem* — *liryicy*, *Chińczyk* — *Chińczykiem* — *Chińczycy*, *ideo*

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙	⊙			◇		◇
Мн.							

III.1

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙	⊙				◇	
Мн.	◇	◇					◇

III.2

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙					◇	
Мн.	◇						◇

III.3

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙					◇	
Мн.							

III.4

log — ideologiem — ideolodzy, chirurg — chirurgiem — chirurdzy, psycholog — pshichologiem — psycholodzy.

6. Большой класс существительных мужского рода с суффиксом *-#с-* отличается, как уже отмечалось, специфической для своего морфонологического типа звательной формой на *-e*, в которой *с* чередуется с *ć*. Поскольку, кроме того, этот суффикс содержит беглый гласный, то эти два чередования (*с* → *ć* и *#* → *e*) создают три вида основы у каждого из существительных с суффиксом *-#с-* со следующим распределением по падежам: И. ед. противопоставлен Зв. ед. и всем остальным падежам. Примеры: *starzec, chłopiec, ojciec, mędrzec, młodzieniec.*

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙						◆
Мн.							

III.6

го согласного основы (кроме *k, g*), 3) наличие *#, o* или *e*, чередующихся соответственно с *e, u, a*, в последнем слого основы. Примеры: *skrzydło, koto, święto.*

8. В тех же самых условиях существительные среднего рода с исходом на *-k, -g* имеют парадигму III.8. Примеры: *piórko, jabłko, skrzydetko.*

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		
Мн.			◆				

III.7

9. Существительные женского рода с твердым согласным (кроме *k, g, x*) в исходе основы и с чередующимся гласным в последнем слого основы противопоставляют основу Д. М. ед. основе Род. мн. и основе всех остальных падежей. Примеры: *miotła, królowna, głowa, stopa, broda, gęba.* Существительные с *k, g* в исходе основы имеют в склонении четыре разновидности основы (см. ниже), а существительные с основой на *-x* — две разновидности (см. выше, тип II.9).

10. Существительные женского рода с исходом основы на *-k, -g*, не имеющие вокалических чередований в последнем слого, составляют особый тип парадигмы, в котором основа Род. ед., И. В. Зв. мн. противопоставляется основе Д. М. ед. и основе остальных падежных форм. Примеры: *droga, war-ga, rzeka, sroka, tąka, nauka.*

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.			⊙	◆	◆		◆
Мн.	⊙	⊙					⊙

III.10

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.						⊙	
Мн.	◆						◆

III.5

7. Основа М. ед. — основа Род. мн. — основа остальных падежей. Признаками принадлежности существительных к данному типу парадигм являются: 1) средний род, 2) твердость конечно-

го согласного основы (кроме *k, g*), 3) наличие *#, o* или *e*, чередующихся соответственно с *e, u, a*, в последнем слого основы. Примеры: *skrzydło, koto, święto.*

8. В тех же самых условиях существительные среднего рода с исходом на *-k, -g* имеют парадигму III.8. Примеры: *piórko, jabłko, skrzydetko.*

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.						⊙	
Мн.			◆				

III.8

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.				⊙	⊙		
Мн.			◆				

III.9

11–13. Существительные мужского рода, изменяющиеся по типу женского склонения и имеющие в исходе

основы *-k*, *-g*, относятся к трем морфонологическим типам в зависимости от того, какую флексию принимают они в форме И. Зв. мн.: *-i₁*, *-i₂* или *-owie*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.			⊙	◇	◇		
Мн.	⊙						⊙

III.11

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.			⊙	◇	◇		
Мн.	◇						◇

III.12

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.			⊙	◇	◇		
Мн.							

III.13

В парадигмах существительных типа *niedotęga*, *hulaka*, *dziadyga*, образующих И. Зв. мн. с флексией *-i₁*, противопоставляется основа Род. ед., И. Зв. мн. основе Д. М. ед. и основе остальных падежей (тип III.11). К этому же типу могут относиться существительные *stuga*, *włóczęga*, *kaleka*, допускающие в И. Зв. мн. формы на *-i₁*, наряду с формами на *-i₂*, т. е. *stugi* и *studzy*, *włóczęgi* и *włóczędzy*, *kaleki* и *kalecy*. Во втором случае, т. е. при флексии *-i₂* в И. Зв. мн., их парадигма имеет такой же вид, как и у существительных, допускающих только лично-мужскую форму, например, *kolega* (тип III.12). В отличие от предыдущего типа, здесь противопоставляются основы Род. ед. — Д. М. ед., И. Зв. мн. — остальных падежей. И наконец, если И. Зв. мн. образуется с флексией *-owie*, как у существительного *aga*, то противопоставляются основа Род. ед. основе Д. М. ед. и основе остальных падежей (тип III.13).

14. Три вида основы имеют существительные среднего рода на *-ę*: *imię*, *ramię*, *przedramię*, *strzemię*, *wymię*, *dwuimię*, *znamię*, *siemię*, *plemię*, *brzemię*, *ciemię*, *ślemię*, *nadślemię*. В ед. числе В. и Зв. падежи совпадают с формой И., а остальные образуются от основы на *-eń*: *imienia*, *ramienia* и т. д. Все падежные формы во мн. числе образуются от основы на *-on*: *imiona*, *ramiona* и т. д.

15–16. Особую основу во мн. числе имеют также существительные среднего рода *niebo*, *oko*, *dziecko*, причем в ед. числе у них тоже противопоставлены две разновидности основы: см. *niebo* — *niebiosa* — тип III.15, *oko* — *oczy*, *dziecko* — *dzieci* — тип III.16.

Парадигма типа III.16 характерна также для существительных мужского рода *rok* и *człowiek*, отличающихся супплетивными основами: *rok* — *lata*, *człowiek* — *ludzie*. Последнее принадлежит к данному типу при условии, что оно имеет в звательной форме *człowieku* (а не *człowiecze*).

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		
Мн.	◇	◇	◇	◇	◇	◇	◇

III.15

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙	⊙					⊙
Мн.	◇	◇	◇	◇	◇	◇	◇

III.14

17. Индивидуальный тип парадигмы характерен для существительного *przujaciel*: основа всех падежей ед. чис-

ла и Им. Зв. мн. противопоставляется основе Род. В., Тв. мн. и основе Д. М. мн. — *przyjaciel-*, *przyjaciół-*, *przyjaciot-*.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.						⊙	
Мн.	◇	◇	◇	◇	◇	◇	◇

III.16

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.							
Мн.		◇	◇	⊙	⊙	◇	

III.17

IV. Парадигмы с четырьмя основами

Парадигм такого рода сравнительно немного, из них массовым может считаться лишь один тип.

1. Существительные женского рода с исходом основы на *-k*, *-g*, имеющие вокалические чередования в последнем слого основы (*e* → *o*, *o* → *u*, *#* → *e*), противопоставляют основу Род. ед.,

И. В. Зв. мн. основе Д. М. ед., основе Род. мн. и основе остальных падежей. Например, для существительного *noga* характерны следующие четыре разновидности основы: {*nog-*, *nog'-*, *poz-*, *nuk-*}. К этому типу относятся такие существительные, как *ręka*, *taśka*, *księga*, и многочисленные дериваты с суф. *-k*- типа *su-kienka*, *kropka*, *głoska*, *kolejka*, *taksówka*, *właścicielka*, *księżka* и т. д.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.			⊙	◇	◇		
Мн.	⊙	⊙	■				⊙

IV.1

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.					⊙		⊙
Мн.	■	◇	◇	◇	◇	◇	■

IV.2

2. Из существительных мужского рода четыре разновидности основы имеют названия лиц с суффиксом *-anin*: *mieszczanin*, *Słowianin*, *parafianin*, *luteranin*, *chrześcijanin*, *warszawianin* и т. д. В ед. числе для них характерны два варианта основы — с твердым и мягким конечным *-n*: {*m'ęścānin-*, *m'ęścāńń-*}, во множ. числе те же два варианта представлены у усеченной основы: {*m'ęścān-*, *m'ęścāń-*}.

Несколько существительных мужского рода с исходом на заднеязычный могут иметь четыре варианта основы, если звательную форму они образуют посредством флексии *-e*, а не более регулярной *-u*: например, *Kozak* (Тв. ед. *Kozakiem*, Зв. ед. *Kozasze*, И. Зв. мн. *Kozacy*), *człowiek* (Тв. ед. *człowiekiem*, Зв. ед. *człowiecze*, все формы мн. числа от другой основы: *ludzie* и т. д.).

3. Существительные среднего рода на *-ę*, обозначающие детенышей животных и имеющие в ед. числе основу на {*-enć*}, а во мн. числе — на {*-ent*, *-ont*}, противопоставляют основу И. В. Зв. ед. основе остальных падежей мн. числа. Примеры: *źrebię* — *źrebięcia* — *źrebięta* — *źrebiąt*; *źwierzę*, *cielę*, *szczenię*, *jagnię*, *prosię* и т. д.

	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.
Ед.	⊙	⊙					⊙
Мн.	◇	◇	■	◇	◇	◇	◇

IV.3

Рассмотренные выше морфонологические типы субстантивных парадигм отличаются различной лексической и структурной нагрузкой: одни из них охватывают крупные массивы субстантивных основ (типы I.1; II.4, 5, 8, 9; III.1, 2, 5, 6, 7, 8, 9; IV.1), другие — ограниченные словообразовательные, семантические или структурные классы (типы II.1, 2, 3, 6, 10, 11; III.2, 10, 11, 12, 14; IV.2, 3), третьи — небольшие группы или даже отдельные, единичные лексемы (типы II.12, 13; III.4, 13, 15, 16, 17). Если исключить последние, то общая картина распределения основ в преобладающих типах субстантивных парадигм в польском языке может быть представлена следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение вариантов основ в субстантивных парадигмах

Количество основ	Тип парадигмы	Ед. число							Мн. число						Примеры		
		И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.	И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.			
		И.	В.	Р.	Д.	М.	Т.	Зв.	Зв.	В.	Р.	Д.	М.	Т.			
I	1															<i>noc, grosz</i>	
II	1	⊙														<i>karp, mąż</i>	
	2	⊙	⊙													<i>nóż, wieś</i>	
	3										⊙					<i>suknia</i>	
	4					⊙										<i>stado</i>	
	5					⊙		⊙								<i>kwiat</i>	
	6					⊙		⊙	⊙							<i>chłop</i>	
	7						⊙									<i>nazwisko</i>	
	8						⊙		⊙	⊙						<i>ptak</i>	
	9				⊙	⊙										<i>kobieta</i>	
	10				⊙	⊙			⊙							<i>mężczyzna</i>	
	11								⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	⊙	<i>muzeum</i>	
III	1	⊙	⊙			◇		◇								<i>sen, dąb</i>	
	2	⊙	⊙					◇	◇							<i>zegarek</i>	
	3	⊙						◇	◇							<i>biedaczek</i>	
	4	⊙						◇								<i>robotnik</i>	
	6	⊙						◇								<i>starzec</i>	
	7					⊙					◇					<i>skrzydło</i>	
	8						⊙				◇					<i>piórko</i>	
	9				⊙	⊙					◇					<i>głowa</i>	
	10			⊙	◇	◇			⊙	⊙						<i>droga</i>	
	11			⊙	◇	◇			⊙							<i>hulaka</i>	
	12			⊙	◇	◇			◇							<i>kolega</i>	
	14	⊙	⊙					⊙	◇	◇	◇	◇	◇	◇	◇	<i>imię</i>	
	IV	1			⊙	◇	◇		⊙	⊙	□						<i>głoska</i>
		2				⊙		⊙	□	◇	◇	◇	◇	◇	◇	◇	<i>Ślowianin</i>
3		⊙	⊙				⊙	◇	◇	□	◇	◇	◇	◇	◇	<i>ciele</i>	

Глава 2

Морфонология субстантивного словообразования. Суффиксальные модели

В словообразовании существительных суффиксация играет главную роль, а суффиксальные дериваты (включая префиксально-суффиксальные образования) составляют подавляющую массу производных слов. В данной главе рассматриваются морфонологические свойства основного корпуса субстантивных суффиксов, образующих существительные от субстантивных, адъективных и глагольных основ и вызывающих морфонологические модификации производящей основы или оставляющих ее без изменения. Характер воздействия суффикса на производящую основу в определенной степени зависит от фонологической структуры суффикса (например, суффиксы, начинающиеся с гласного переднего ряда, обычно вызывают смягчение конечного согласного основы), однако эта зависимость отнюдь не абсолютна, и аффиксы с одним и тем же составом и порядком фонем могут оказывать разное влияние на производящую основу (при тождестве грамматических и морфонологических характеристик последней). Так, суффиксы *-Ø*, *-ak*, *-arka*, *-arńa*, *-ař* могут как вызывать палатализацию согласного основы (чередование *С ~ С'*), так и оставлять ее неизменной, поэтому каждый из них приходится «расщеплять» на два самостоятельных суффикса с разными морфологическими свойствами. В целом морфонологические преобразования, сопровождающие образование субстантивных суффиксальных дериватов, обнаруживают меньшую регулярность и больший процент нестандартных чередований, чем в словоизменении. Наиболее последовательно действует здесь модель палатализации и «нейтральная» (амбивалентная) модель, не требующая никаких изменений; значительно слабее представлена модель диспалатализации и практически отсутствует «йотация», столь характерная для системы глагола. Напротив, линейные преобразования производящей основы (усечение суффиксальных и квазисуффиксальных морфов) в субстантивном словообразовании представлены весьма широко.

-Ø-

Нулевой суффикс *-Ø* образует существительные мужского (флексия *И. ед. -Ø*) и женского (флексия *-a*) рода.

Производящие основы: глагольные первичные и вторичные, редко — адъективные. Дериваты муж. рода образуются от глагольных основ разных типов и прежде всего от *a-*, *aj-*, *i-*, *С*-основ (в ряде случаев дериват соотносится одновременно с двумя и даже тремя глагольными основами): *pogwizd* (*pogwizdać*), *wygląd* (*wyglądać*), *rozdział* (*rozdzielić*), *podbieg* (*podbiec*), *zaprząg* (*zaprząć*, *zaprzęgnąć*, *zaprzęgać*), *wykrzyk* (*wykrzyknąć*), *namysł* (*namyśleć się*), *zabój* (*zabić*), *wydruk* (*wydrukować*), *występ* (*występować*), *zwiad* (*zwiadzić*, *zwiadzieć*) и т. д. Дериваты женского рода, вообще не столь многочисленные, образуются преимущественно от *i*-основ: *jazda* (*jeździć*), *zastona* (*zastonić*), *wystawa* (*wystawić*), а

также — *nazwa* (*nazwać*), *przyłga* (*przyłgnąć*), *zapora* (*zaprzec*), *przebudowa* (*przebudować*), *pokrywa* (*pokryć*, *pokrywać*) и т. д.

Модификации основы: 1. Общее для глагольных основ всех классов усечение тематических показателей и вторичных суффиксов; 2. При усечении тематических показателей *-i-*, *-e-*, *-ej-* (т. е. передних гласных) происходит диспалатализация:

- ż(ř) ~ r*: *-warzyć* → *-war* (*na*, *ob*, *od*, *wy*, *s*), *-mierzyć* → *-miar* (*na*, *za*, *ob*, *nad*, *do*, *po*, *u*, *wy*, *przy*), *-tworzyć* → *-twór* (*za*, *prze*, *o*, *po*, *s*, *u*, *wy*, *roz*); примеров с *e-* и *ej-* основами нет;
- l ~ ł*: *-bielić* → *-biał* (*na*, *za*, *pod*), *-dzielić* → *-dział* (*na*, *nad*, *od*, *pod*, *prze*, *po*, *wy*, *roz*), *-palić* → *-pał* (*za*, *pod*, *u*, *o*, *wy*), *-walić* → *-wał* (*na*, *prze*, *za*, *ob*, *po*, *z*), *-chwalić* → *-chwał* (*samo*, *s*), *-strzelić* → *-strzał* (*za*, *ob*, *od*, *w*, *prze*, *po*, *wy*, *roz*), *-spolić* → *-spół* (*w*, *z*), *-myśleć* → *-mysł* (*na*, *za*, *prze*, *u*, *w*, *z*, *roz*); женский род: *-wała* (*na*, *za*, *po*), *-chwała* (*po*, *u*);
- ń ~ n*: *-mienić* → *-mian* (*z*, *prze*), *-gonić* → *-gon* (*za*, *przed*, *pod*, *prze*, *o*, *wy*, *z*), *-kłonić* → *-kłon* (*u*, *wy*), *-schronić się* → *-schron*; женский род: *-miana* (*za*, *od*, *prze*, *wy*, *z*), *-cena* (*prze*, *o*, *wy*), *-słona* (*za*, *od*, *prze*, *o*, *przy*), *obrona*, *ochrona*;
- m' ~ m*: *-gromić* → *-grom* (*po*, *roz*), *-karmić* → *-karm* (*po*, *wy*); примеров женского рода нет;
- u' ~ u*: *-jawić* → *-jaw* (*ob*, *prze*, *po*, *wy*), *-pławić* → *-pław* (*s*, *w*, *po*), *-stawić* → *-staw* (*za*, *z*, *po*, *w*, *roz*), *-tławić* → *-tłów* (*od*, *po*, *u*, *wy*); женский род: *-bawa* (*za*, *o*), *-prawa* (*na*, *za*, *od*, *pod*, *prze*, *o*, *do*, *po*, *w*, *wy*, *przy*, *roz*), *-stawa* (*za*, *ob*, *nad*, *od*, *pod*, *o*, *do*, *po*, *u*, *w*, *wy*, *roz*);
- f' ~ f*: *-trafić* → *-traf*;
- p' ~ p*: *-czepić* → *-czep* (*za*, *o*, *u*, *w*, *przy*), *-krzepić* → *-krzep* (*za*, *s*), *-topić* → *-top* (*za*, *prze*, *po*, *wy*, *roz*), *-wygtupić się* → *-wygtup*; женский род: *-lepa* (*na*, *po*, *przy*), *-czepa* (*na*, *przy*);
- b' ~ b*: *-robić* → *-rób* (*nie*, *prze*, *do*, *wy*), *-lubić* → *-lub* (*samo*); женский род: *ozdoba*, *rozdoba* (редк.), *zguba*.
- ć ~ t*: *-świecić* → *-świat* (*nad*, *po*), *-strącić* → *-strął*, *-kręcić* → *-kręł* (*o*, *za*, *po*, *s*, *w*, *wy*, *roz*), *-wrócić* → *-wrót* (*na*, *po*, *prze*, *wy*), *-puścić* → *-pust* (*za*, *od*, *prze*, *do*, *s*, *u*, *w*, *wy*), *-rzucić* → *-rzut* (*na*, *za*, *ob*, *pod*, *prze*, *w*, *wy*, *z*, *roz*); женский род: *-świata* (*o*, *po*), *-płata* (*nad*, *przed*, *od*, *o*, *s*, *w*, *wy*, *za*), *-trata* (*s*, *u*);
- ź ~ d*: *-sadzić* → *-sad* (*na*, *o*, *w*, *wy*), *-rządzić* → *-rząd* (*na*, *za*, *ob*, *nad*, *pod*, *samo*, *u*, *roz*), *-pędzić* → *-pęd* (*na*, *za*, *od*, *prze*, *po*, *s*, *u*, *w*, *roz*), *-chodzić* → *-chód* (*za*, *ob*, *pod*, *do*, *samo*, *s*, *wy*, *roz*), *-rodzić* → *-ród* (*na*, *za*, *ob*, *po*, *roz*), *ogrodzić* → *ogród*, *-wodzić* → *-wód* (*za*, *ob*, *od*, *prze*, *do*, *po*, *wy*), *-jeździć* → *-jazd* (*na*, *za*, *ob*, *od*, *pod*, *prze*, *do*, *po*, *w*, *wy*, *przy*, *z*, *roz*); женский род: *-głada* (*za*, *o*), *-rada* (*na*, *ob*, *do*), *-sada* (*na*, *za*, *ob*, *od*, *prze*, *o*, *do*, *po*, *roz*), *-goda* (*po*, *u*, *wy*, *przy*, *z*), *przeszkoda*, *ochłoda*, *ostoda*, *-groda* (*na*, *za*, *od*, *prze*), *-roda* (*u*, *przy*), *-garda* (*po*, *wz*);
- ś ~ s*: *-kwaśnić* → *-kwas* (*za*), *-kosić* → *-kos* (*za*, *od*, *po*, *s*, *u*), *-głosić* → *-głos* (*na*, *od*, *prze*, *do*, *wy*, *roz*); примеров женского рода нет;
- ź ~ z*: *-razić* → *-raz* (*na*, *ob*, *u*, *w*, *wy*), *-łazić* → *-łaz* (*prze*, *w*, *wy*), *-mrozić* → *-mroz* (*za*, *przy*, *po*), *-wozić* → *-wóz* (*na*, *do*, *po*, *w*, *wy*, *roz*); женский род: *-raza* (*za*, *ob*, *od*, *prze*, *u*);

- č - k: *-skoczyć* → *-skok* (*za, ob, od, pod, prze, do, wy, z*), *-kroczyć* → *-krok* (*wy, roz*), *-krzyczec* → *-krzyk* (*po, wy, o*)¹; однако без чередования: *kurczyć* → *kurcz*; женский род: *-tłoka, -mroka* (*o, po*), *nauka*;
- ž - g: *-łożyć* → *-łóg* (*na, za, ob, od, po, wy, z, roz*); женский род: *-łoga* (*za, ob, pod, u, roz*), *-stuga* (*za, ob, do, po, u, przy*);
- š - x: *pośpieszyć* → *pośpiech*; женский род: *-ciecha* (*po, u*).

Производящие основы других типов не имеют консонантных чередований:

-ślizgać, -ślizgnąć → *-ślizg* (*z, prze, po, u, w, wy*), *-glądać* → *-gląd* (*prze, o, do, po, w, wy, wz*), *-pisać* → *-pis* (*na, o, za, od, pod, prze, o, po, s, wy, przy*), *-chwytac* → *-chwyt* (*na, za, po, u, wy*), *-pływać* → *-pływ* (*na, od, prze, o, do, s, ws, u, w, wy, przy, roz*), *-kazać* → *-kaz* (*na, za, prze, o, po, ws, u, wy, roz*), *-pić* (*pij-*) → *-pój* (*na, o, u*), *-bić* (*bij-*) → *-bój* (*na, za, od, pod, prze, u, wy, przy*), *-kłaść, -kładać* → *-kład* (*na, za, ob, od, pod, prze, o, po, s, u, w, wy, przy, roz*) и т. д.

Глаголы с йотовой основой могут образовывать производные от имперфективной основы, в которой *j* → *w*:

-lać (*lej-*) → *lewać* → *-lewa* (*za, po*); *-kryć* (*kryj-*) → *krywać* → *-krywa* (*na, o, po, przy*), *-kryw* (*na*); *-myć* (*myj-*) → *mywać* → *-myw* (*z, na*). Однако от йотовых основ: *-bój* (*na, za, od, pod, prze, wy, u, przy*), *-pój* (*na, o, u*), *-wój* (*na, za, od, pod, roz*), *-rój* (*wy*), *-stój* (*pod, za, prze, po*).

Чередования гласных в основе:

o - u: *wód* (*wodzić*), *chód* (*chodzić*), *ród* (*rodzić*), *wóz* (*wozić*), *twór* (*tworzyć*), *strój* (*stroić*), *stój* (*stać, stoj-*) и т. д;

ę - q: отмечено всего лишь два примера, с колебанием между наличием и отсутствием чередования: *przęgać* → *-przqg* и *-przęg*, *-sięgać* → *-sięg* и реже *-siqg*. В остальных случаях сохраняется вокализм производящей основы, несмотря на закрытый слог: *obręb* (*obrębić*), *-pęd* (*-pędzić*), *-kręć* (*-kręcić*), *-dźwięk* (*-dźwiękać*), *-klek* (*-klekać*), *-brzęk* (*-brzękać* [и *brzqkać*]), *-przęd* (*-przqśc* [-*przęd-*]), *-stęp* (*-stępować*), *-raqb* (*-raqbać*), *-gląd* (*-glądac*), *-ciąg* (*-ciągać*), *-trząs* (*-trząsać*), *opląt* (*oplątać*), *-sqd* (*-sqdzic*), *-strąć* (*-strącić*); ср., однако, «обратное» чередование в *sprzęt* (*sprzqtać*);

e - a: *-jazd*, *-jazda* (*-jeździć*), *-biał* (*-bielić*), *-dział* (*-dzielić*), *-mian*, *-miana* (*-mienić*), *-miar* (*-mierzyć*), *-świat*, *świata* (*-świecić*), *-wiad* (*-wiedzieć*);

e - o (→ u): *-piór* (*-pierać*), *-biór* (*-bierać*), *włok* (*wlec*), *lot* (*lecieć*). Ср. дериваты женского рода *-przeć* → *pora* (*za, pod, o, przy, ws*), *wrzeć* → *-wora* (*za, z, roz*);

#~ e в неслоговых корнях: *zwać* → *-zew* (*od, po*), ср. *nazwa*, *-tchnąć* → *dech*;

i - u (o) в йотовых корнях: *bić* (*bij-*) → *-bój*, *pić* (*pij-*) → *-pój*, *ryć* (*ryj-*) — *-rój*, *-wić* (*wij-*) — *-wój*.

От адъективных основ образуются абстрактные имена типа *dobro* (*dobry*), *zły* (*zły*) и т. п. (чередования согласных отсутствуют).

- 'φ-

Смягчающий вариант нулевого суффикса оформляет субстантивные и адъективные производящие основы.

¹ Возможно, от *krzyknąć*.

Чередования:

r - Ź: pióro — pierze, góra — podgórze; t - l: gardło — podgardle, biały — biel; n - ń: czarny — czerni, ciemny — ciemni; p - p': stóp — nadstúpie; b - b': gęba — podgębie; v - v': zdrowy — zdrowie, słowo — wielosłowie; m - m': zima — przedzímie; t - ć: kwiat — kwiecie, lato — pięćciolecie²; d - ź: obiad — przedobiedzie, woda — bezwodzie; [s - ś нет примеров]; k - ć: rzeka — porzeczce, wiek — średniowiecze; g - ż: droga — bezdroże, noga — ponoże; x - ś: dach — poddasze, brzuch — nadbrzusze; c - ć: plecy — zaplecze. Нестандартно łoś — łosza (ś - ś).

-#с-

Перед вокализованной формой суффикса регулярно происходит чередование типа С - С':

r - Ź: mądry — mędrzec, mędrca; t - l: diabeł — diabelec, diabelca; n - ń: zielony — zieleniec, zieleńca, młyn — młyniec, gnać — goniec, gónca; p - p': skąpy — skąpiec, skąpsca; b - b': ząb — zębiec, zębca; v - v': leniwy — leniwiec, leniwca; m - m': taśma — tasiemiec; t - ć: krótki — króciec; d - ź: udo — udziec; [s - ś, z - ź примеров нет]; g - ż: stóg — stożec, długi — dłużec.

Смягчение конечного согласного основы следует считать независимым от эпентетического *-e-*, поскольку оно сохраняется и при выпадении гласного в косвенных падежах, за исключением основ с губными согласными, которые автоматически (фонологически) утрачивают мягкость перед согласным, а также *ż(ř)*, регулярно чередующегося с *r* в косвенных словоформах: *starzec — starca* и т. п.

-#k-

1. Палатализирующее действие суффикса.

К - Ć. Перед суффиксом *-#k-* производящие основы с исходом на заднеязычную регулярно имеют чередования *k - ć, g - ż, x - ś*: *krok — kroczek, chłopak — chłopaczek, ręka — rączka, apteka — apteczka, mleko — mleczko, oko — oczko, majtki — majteczki, sanki — saneczki, brzeg — brzeżek, próg — prożek, droga — dróżka, księga — książka, dach — daszek, orzech — orzeszek, mucha — muszka, blacha — blaszka, ucho — uszko; zg - żż: różga — różdżka, drobiazg — drobiażdżek (примеров сред. рода нет); sk - ść: tuska — tuszczka, wosk — woszczek (примеров сред. рода нет).*

с - ć. Чередование этого типа носит нерегулярный характер. Последовательно оно представлено лишь в дериватах от существительных женского рода на *-ca*: *owca — owieczka, świeca — świeczka, kaplica — kapliczka, ulica — uliczka, gruźlica — gruźliczka, spódnica — spódniczka, dzielnica — dzielniczka, tajemnica — tajemniczka* и т. д. В дериватах муж. рода: *miesiąc — miesiącek, tydzień — tydzieczek, zajac — zajaczek*. Сред. род: *lico — liczko*. *Pluralia tantum*: *nożyce — nożyczki*. В большинстве случаев, однако, чередование отсутствует: *kłoc — klocek, owoc — owocek, szpic — szpicek, noc — nocka, taca — tacka, heca — hecka, piec — zapiecek, nad-*

² Приводимые Р. Гжегорчиковой [1974] *nomina collectiva* типа *wóbcia, muzykancia* в [Indeks] не зафиксированы.

piecек, podpiecек, przypiecек, тасаć — таска, распаć — раска, кусаć — куска, плесу — плески.

з ~ ж. Единственным примером такого чередования является *pieniądz — pieniądze*.

2. Диспалатализирующее действие суффикса.

ž(ř) ~ r. Характерно для существительных муж. рода: *gęsiarz — gęsiarek, koniarz — koniarek* (устар.), *koźlarz — koźlarek, młynarz — młynarek, owczarz — owczarek, pisarz — pisarek* (устар.), *świniarz — świniarek, pacierz — paciarek, tchórz — tchorek, węgorz — węgorek* (исключения: *kierz — kierzek, wieprz — wieprzek*), а также существительных жен. рода, производных от названий лиц муж. рода: *garnrcarz — garnrcarka, owocarz — owocarka, rzeźbiarz — rzeźbiarka, modniarz — modniarka, narciarz — narciarka* и т. д. Примеров сред. рода и pl. tantum нет.

ń ~ n. Диспалатализация этого типа непоследовательна. У существительных муж. рода она представлена в *dzień — dzionek, jeleń — jelonek, korzeń — korzonek, pierścień — pierścionek, promień — promionek* (устар.), *ogień — ogienek* (и *ogienieк*), *okoń — okonek* (и *okoniek*), однако без чередования: *dureń — dureniek, stopień — stopieniek, pień — pieniek*. У существительных женского рода нормальным можно считать наличие диспалатализации: *suknia — sukienka, głownia — głowienka, kawiarnia — kawiarenka, Słowianin — Słowianka*. Отсутствие чередования: *bania — bańka, czereśnia — czeresieńka* (редк.), *gunia — guńka, lutnia — luteńka, matunia — matuńka, niania — niańka, niunia — niuńka, pustynia — pustyńka, świętynia — świętyńka, darń — dareńka* (редк.). Формы типа *kawiareńka, studentka, drukareńka* приводятся в SJPД как редкие и региональные к нормальным *kawiarenka, studzienka, drukarenka*. Палатальное *ń* перед *k* сохраняется в суффиксе *-eńk-*, присоединяемом к субстантивным основам, содержащим суффикс или квазисуффикс *-#k-*, который при этом усекается: *chatka — chateńka, córka — córeńka, główka — głoweńka, gwiazdka — gwiazdeńka, kopka — kopeńka, koszulka — koszuleńka, lipka — lipeńka, matka — mateńka, pszeniczka — pszeniczeńka, rybka — rybeńka, sierotka — sieroteńka*³.

Существительные среднего рода, как правило, имеют чередование *ń ~ n* перед *-#k-*: суффиксальным производящим на *-anie* соответствуют диминутивы на *-anko* (*śniadanie — śniadanko, ubranie — ubranko*, от существительных на *-enie* диминутивы имеют исход *-onko* (*spojrzanie — spojrzonko, nasienie — nasionko*). Диспалатализация характерна также для диминутивов от существительных на *-ę* (основа на *-eń-*): *ramię — ramionko, imię — imionko, znamię — znamionko, strzemię — strzemionko*. В ряде случаев, однако, чередование отсутствует: *pytanie — pytańko* (наряду с

³ То, что суффикс *-eńk-* присоединяется к диминутивам на *-ka*, а не непосредственно к производящим неуменьшительным основам, т. е. *chata — chatka — chateńka*, а не *chata — chatka/chateńka*, подтверждается сохранением в производном огласовки, характерной именно для диминутива в отличие от исходного субстантива, например, *głoweńka < główka* при ином вокализме исходного имени: *głowa*, от которого следовало бы ожидать **głoweńka*.

pytanko), *zadanie* — *zadańko* (наряду с *zadanko*), *zabudowanie* — *zabudowańko* (редк.), *rusztowanie* — *rusztowańko* (редк.), *kazanie* — *kazańko* (редк.), *naczyynie* — *naczyńko*, *wrażenie* — *wrażańko* (редк.). Палатальное *ń* перед *k* сохраняется также в суффиксе *-eńk-*: *cudo* — *cudeńko*, *serce* — *serdeńko*. Pluralia tantum: *sanie* — *sanki*, *spodnie* — *spodenki* (и *spodeńki*).

b' ~ b. Чередование представлено в двух уменьшительных существительных муж. рода: *gotąb*, *gotębia* — *gotąbek*; *jastrzęb*, *jastrzębia* — *jastrzębek*, и несколько дериватах от глагола *-robić*: *zarobić* — *zarobek*, *odrobić* — *odrobek*, *dorobić* — *dorobek*, *urobić* — *urobek*. Существительные жен., сред. рода и мн. числа в данном случае не показательны, ибо чередование *b' ~ b* в позиции перед согласным носят фонетически обязательный характер и поэтому не имеет морфонологического значения.

ś ~ s. Муж. род: *karas* — *karasek*, *gęś* — *półgęsek*, *obkosić* — *obkosek*, *oś* — *podosek*, однако без чередования: *jaś* — *jasiek*, *miś* — *misiek*, *dzidziuś* — *dzidziusiek*, *byś* — *bysiek*. Жен. род: *wieś* — *wioska*, *gęś* — *gąska*, *oś* — *oska* (и *oska*), *zakwasić* — *zakwaska*, *zakąsić* — *zakąska*, *podnosić* — *podnoska*, *przenosić* — *przenoska*; однако без чередования: *babusia* — *babuśka*, *tamusia* — *tamuśka*, *modnisia* — *modniśka*, *Basia* — *Baśka*, *Zosia* — *Zośka*. Примеров сред. рода нет.

ź ~ z: *gałąź* — *gałązka*, *zawozić* — *zawózka*, *wywozić* — *wywózka*, *rozwozić* — *rozwozka* и т. п. образования от глаголов *-wozić*. Диспалатализация отсутствует в *bazie* — *bażki*, *buzia* — *bużka*.

ć ~ t. Муж. род: *jegomość* — *jegomostek* (устар.), *kmieć* — *kmiotek*, *tokieć* — *tokietek* (редк.), *rapieć* — *raputek*, *paznokieć* — *paznokietek*, *placheć* — *plachetek*, *wiecheć* — *wiechetek*, *liść* — *listek*, *Wojciech* — *Wojtek*. Этому правилу диспалатализации противоречат лишь несколько не вполне ясных примеров: *Maciej* — *Maciek*, *bocian* — *bociek*, *kręciek* (?). Жен. род: *ciocia* — *ciotka*, *mać* — *matka*, *powieść* — *powiastka*, *część* — *częstka*, *kość* — *kostka*, *całość* — *całostka*, *grzeczność* — *grzecznostka*, *zazdrość* — *zazdrostka*, *przykrość* — *przykrostka*, *garść* — *garstka*, *przepuścić* — *przepustka*. Можно указать лишь на одно исключение из этого правила: *ciucia* — *ciućka*, объяснимое, быть может, экспрессивным характером диминутива. Неясно *paćka*. Сред. род: диспалатализация *ć ~ t* соблюдается последовательно при образовании диминутивов от существительных на *-ę* (основа оканчивается на *-ęć-*) — *gotębieć* — *gotębiątko*, *jagnię* — *jagniątko*, *gawronię* — *gawroniątko*, *głupię* — *głupiątko*, *lisieć* — *lisiątko*, *diabieć* — *diablątko*, *bydlę* — *bydlątko* и т. д. Исключений нет.

ź ~ d. Муж. род: *niedźwiedź* — *niedźwiadek*, *rozsądzić* — *rozsądek*, (*porządzić*) — *porządek*, *wypędzić* — *wypędek*, *-rodzić (się)* — *żyworodek*, *samorodek*, *wyrodek*. Жен. род: *tódź* — *tódka*, *żerdź* — *żerdka*, *czeladź* — *czeladka*, *kadź* — *kadka*, *-budzić* — *pobudka*, *-sadzić* — *nasadka*, *obsadka*, *odsadka*, *przesadka*, *osadka*, *posadka*, *przysadka*, *wsadka*, *rozsadka*. Сохранение *ź* перед суффиксом *-#k-* отмечено лишь в одном случае: *pójdźka* (название птицы). Примеров сред. рода нет.

l ~ ł. Муж. род. Отсубстантивные дериваты с суффиксом *-#k-* не знают чередования *l ~ ł*: *motyl* — *motylek*, *węgiel* — *węgielek*. Наличие диспалатали-

зации отмечается в ряде отглагольных образований: *-palić* — *niedopatek*, *wypatek*, *-tulić* — *przytutek*, *bezprzytutek*; *-chylic* — *zachytek*, *schytek*, *uchytek*. Жен. род. Нормально конечное *l* сохраняется перед *-#k(a)* без чередования: *topola* — *topolka*, *cebula* — *cebulka*, *rola* — *rolka*, *obywatel* — *obywatelka*, *rodziciel* — *rodzicielka*. Б. Крея приводит следующие случаи с чередованием *l* - *t*: *kądział* — *kądziałka* (диал.), *kąpiel* — *kąpielka* (редк.), *kobiel* (устар.) — *kobiątka*, *pościel* — *pościółka* (диал.), *(nie)przyjaciół* — *(nie)przyjaciółka*. К ним могут быть добавлены, вероятно, *ściel* (редк.) — *ściółka* и отглагольные образования *-palić*, *-palać* — *zapątka*, *podpątka*, *niedopątka*, *-chylić*, *chyłać* — *odchyłka*, *zachyłka* (? название растения), *-mylić*, *-mylać* — *omyłka*. Не вполне ясны формы *podściółka* и *wyściółka*, поскольку чередование *l* - *t* имеет место в пределах самих глагольных основ, могущих служить производящими для этих форм: *-ścielić* — *-ścietać*⁴.

3. Остальные согласные в исходе производящей основы не претерпевают изменений перед суффиксом *-#k-*:

(j) *stryj* — *stryjek*, *olej* — *olejek*; *aleja* — *alejka*, *kolacja* — *kolacyjka*; *jajo* — *jajko*, *radio* — *radujko*; (r) *pazur* — *pazurek*, *rower* — *rowerek*; *chmura* — *chmurka*, *góra* — *górką*; *futro* — *futerko*, *pióro* — *piórko*; (ł) *aniół* — *aniółek*, *osiół* — *osiółek*; *pszczota* — *pszczółka*, *żyła* — *żyłka*; *koto* — *kótko*, *mydło* — *mydetko*; (n) *dzwon* — *dzwonek*, *ogon* — *ogonek*; *godzina* — *godzinka*, *piana* — *pianka*; *okno* — *okienko*, *ziarno* — *ziarnko*; (m) *tłum* — *tłumek*, *dym* — *dymek*; *brama* — *bramka*, *guma* — *gumka*; *pismo* — *pisemko*; (p) *dowcip* — *dowcipek*, *stóp* — *stopek*; *lipa* — *lipka*, *matra* — *matpka*; примеров сред. рода нет; (f) *kilof* — *kilofek*; *lufa* — *lufka*, *szafa* — *szafka*; примеров ср. р. нет; (v) *rękaw* — *rękawek*, *szew* — *szewek*; *krowa* — *krówka*, *grzywa* — *grzywka*; *drzewo* — *drzewko*, *słowo* — *słówko*; (t) *kot* — *kotek*, *most* — *mostek*; *cnota* — *cnotka*, *reszta* — *resztką*; *śloto* — *śloto*⁵, *ciasto* — *ciastko*; (d) *dziad* — *dziadek*, *obiad* — *obiadek*, *broda* — *bródka*, *gwiazda* — *gwiazdka*; *gniazdo* — *gniazdko*, *stado* — *stadko*; (s) *owies* — *owiesek*, *pies* — *piesek*; *kietbasa* — *kietbaska*; *mięso* — *mięsko*; (z) *wyraz* — *wyrazek*, *wóz* — *wozek*; *brzoza* — *brzózka*, *bluza* — *bluzka*; *żelazo* — *żelazko*; (c) *kłoc* — *kłoczek*; *noc* — *nocka*; *ptaco* — *ptucko*; (ż) *przechadzać się* — *przechadzka*, *schadzka*; *zasadzka*, *obsadzka*, *odsadzka*, *podszadzka*, *odprowadzka*, *przeprowadzka*, *wyprowadzka* (примеров муж. и сред. рода нет); (ś) *geniusz* — *geniuszek*, *skarabeusz* — *skarabeuszek*; *kasza* — *kaszka*, *mysz* — *myszka*; примеров сред. рода нет; (ź) примеров муж. рода нет; *dzieża* — *dzieżka*, *kałuża* — *kałużka*; *toże* — *tóżko*; (ć) *kudłacz* — *kudłaczek*, *kołacz* — *kołaczek* (и *kołaczyk*); *kucza* — *kuczka* (редк.), *onucza* — *onuczka*; примеров сред. рода нет.

⁴ Случаи аномального отвердения *l* перед суффиксом *-#k-* в русском языке (*ель* — *елка*, *телка*, *колыбель* — *колыбелочка*) рассмотрены А. А. Реформатским, см. [Реформатский 1975, 119-124, «Альтернатива <л> и <л'> при словообразовании»].

⁵ Однако возможна и форма с чередованием *t* - *c*: *śloto* - *śloto*.

4. Чередование *o* ~ *u* перед суффиксом *-#k-*.

Общее правило, определяющее условия чередования *o* ~ *u* в последнем слоге производящей основы перед суффиксом *-#k-*, следующее: чередование имеет место в дериватах жен. и сред. рода, если производящая основа оканчивается на звонкий согласный *b, d, v, z, ź, g* (примеров на конечное *z* нет):

(*b*) *choroba* — *choróbka*, *wątroba* — *wątróbka*, *osoba* — *osóbka*, *wyrobić* — *wyróbka* (исключение: *snob* — *snobka* и основы, оканчивающиеся на группу согласных: *kolba* — *kolbka*, *bomba* — *bombka*, *korba* — *korbka*, *skrobać* — *skrobka*); (*d*) *ktoda* — *któdka*, *broda* — *bródka*, *zagroda* — *zagródka*, *woda* — *wódka*, *-rodzić się* — *żyworódka*, *pierworódka*; *-wodzić* — *obwódka*, *przewódka* (исключения: *oda* — *odka*, *lebioda* — *lebiodka*, *soda* — *sodka*, *żyworodka* и *żyworódka*, *spośrodką*); (*v*) *gtówa* — *gtówka*, *czotowy* — *czotówka*, *jałowy* — *jałówka*, *wizytowy* — *wizytówka*, *słowo* — *słówko* (исключений нет); (*z*) *toza* — *tózka*, *brzoza* — *brzózka*, *-wozić* — *-wózka* (*za, ob, od, do, po, wy, przy, z, roz*) (исключение: *wirtuoz* — *wirtuozka*); (*ź*) *rogoża* — *rogózka*, *łoża* — *lózka*, *toże* — *tózko*, *obtożyć* — *obtózka*, *rozmnożyć* — *rozmnózka* (исключение: *Bóg, Boga* — *bożka*). Помимо этого чередование *o* ~ *u*, как правило, бывает в основах с конечным *t*, ср. *stodółka*, *gótką* (и *gotka*), *przyjaciółka*, *ściółka*, *obściółka*, *podściółka*, *wyściółka*, *ciesiółka* (и *ciesiotka*), *jaskółka*, *dwukółka*, *szkółka*, *gomółka*, *smółka*, *zasmółka*, *półka*, *spółka*, *pospółka*, *biatoczőłka*, *pszczółka*, *kółko*, *czółko*, *ziółko*, но *kręciółka*, *kąpiółka*, *apostółka*.

В остальных случаях чередование в принципе отсутствует, хотя отклонения от этого принципа наблюдаются и подчас довольно многочисленные:

(*j*) *bójka*, *grzybóbójka*, *dójka*, *skójka*, *gnójka*, *wodopójka*, *spójka*, *rójka*, *trójka*, *sójka*, *stójka*, *dwójka*, *powójka*, *zwójka*; (*r*) *obórka*, *córka*, *wybiórka*, *zbiórka*, *rozbiórka*, *komórka*, *podpórka*; (*l*) *rółka* и *rolka*, *topółka* и *topolka*, (*n*), (*m*) — в этих условиях чередования абсолютно исключены; (*p*) — *stópka* (и *stopka*), *gęsiostópka*, (*t*) *robótka* (и *robotka*), *sobótka*, *poztótka*, *stokrótką*, (*s*) — примеров с чередованием нет; (*c*) *mtocka* и *mtócka*; (*ć*), (*ś*) — примеров с чередованием нет.

Б. Крея [1969] приводит несколько примеров с чередованием в дериватах мужского рода: *gród*, *grodu* — *gródek*; *ogród*, *ogrodu* — *ogródek*; *otów*, *otowia* — *otówek*; *wóz*, *wozu* — *wózek* и ряд случаев с параллельными дериватами: *kosciół*, *kościota* — *kościółek* и *kościótek*; *dziób*, *dziobu* — *dzióbek* и *dziobek*; *żtób*, *żtobu* — *żtóbek* и *żtobek*. К ним можно добавить: *wysiółek*, *przysiółek*, *okótek*, *naczótek*, *przyczótek*, *osóbek*; *dochówek*, *pochówek*, *schówek*, *przychówek*, *nagtówek*, *zagtówek*, *podgtówek*, *pótgtówek*, *złotogtówek*, *przystówek*, *przednówek*, *przednózek*, *podnózek*, *trójnozek*, *podwózek*.

5. Чередование # ~ V перед суффиксом *-#k-*.

Чередование нуля с гласным перед суффиксом *-#k-* подчиняется следующим правилам.

1) Если производящая основа содержит #, чередующийся с гласным (*e, o, i/y*) в словоизменении перед нулевым суффиксом, то в производящей основе перед суффиксом *-#k-* всегда представлен вокализированный (полный) вариант производящей основы:

жен. род: *gra, gier* — *gierka, iskra, iskier* — *iskierka, brew, brwi* — *brewka, suknia, sukien* — *sukienka, kropła, kropel* (и *kropli*) — *kropelka, książka, książek* — *książeczka, stacja, stacyj* (и *stacji*) — *stacyjka*;

сред. род: *szkło, szkiele* — *szkietko, okno, okien* — *okienko, piórko, piórek* — *pióreczko, źródło, źródle* — *źródetko, płótno, płócien* — *plócienko*;

муж. род: *bęben, bębna* — *bębenek, pień, pnia* — *pieniek, ogień, ognia* — *ogieniek, koper, kopru* — *koperek, kotek, kotka* — *koteczek*.

2) Если производящая основа не содержит *-#k*, то завершающая ее консонантная группа не вокализуется в словах мужского рода: *garb* — *garbek, uszczerb* — *uszczerbek, fatd* — *fatdek, pojazd* — *pojazdek, gwizd* — *gwizdek, kosm* — *kosmek, bóbr* — *bobrek, żubr* — *żubrek, wójt* — *wojtek, żart* — *żartek, list* — *listek, świst* — *świstek, most* — *mostek, pomost* — *pomostek, wilk* — *wilczek, szynk* — *szynczek, kark* — *karczek, jarmark* — *jarmarczek, park* — *parczek, folwark* — *folwarczek, pisk* — *piszczek, wosk* — *woszczek, zysk* — *zyszczek, wieprz* — *wieprzek, drobiazg* — *drobiażdżek, mózg* — *móżdżek*, а также *chytry* — *chytrek, żółty* — *żółtek, czwarty* — *czwartek, ostry* — *ostrek, garść* — *nadgarstek, jutro* — *dojutrek*; исключения: *wiatr* — *wiaterek, litr* — *literek, -dobry* — шутл. *dzieńdoberek* и *trefl* — *trefelek*.

В существительных женского и среднего рода конечная консонантная группа вокализуется путем вставки эпентетического гласного (*e, i/y*) при следующих условиях:

если производящая основа завершается тремя и более согласными: *karczma* — *karczemka, kółdra* — *kołderka, pluskwa* — *pluskiewka* (исключения: *garść* — *garstka* и *sierść* — *sierstka*); *gardło* — *gardetko, kłamstwo* — *kłamstewko, lustro* — *lusterko*;

если производящая основа завершается двумя согласными, причем второй согласный представлен сонорным (*j, r, ł, l, n, ń, m, v*) или *k*:

j — *filozofia* — *filozofijka, harmonia* — *harmonijka, poezja* — *poezyjka, konspiracja* — *konspiracyjka; radio* — *radyjko*;

r — *cyfra* (Род. мн. *cyfr*) — *cyferka, katedra* (Род. мн. *katedr*) — *katederka, srebro* (только ед.) — *sreberko*;

l — *czapla* (Род. мн. *czapli*) — *czapelka, pętla* (Род. мн. *pętli*) — *pętelka, budowla* (Род. мн. *budowli*) — *budowelka, strucla* (Род. мн. *strucli*) — *strucelka, trufla* (Род. мн. *trufli*) — *trufelka, butla* (Род. мн. *butli*) — *butelka, frędzla* (Род. мн. *frędzli*) — *frędzelka, szła* (Род. мн. *szli*) — *szelka*; примеров ср. рода нет;

ł — примеров жен. рода нет; *bydło* (только ед.) — *bydetko, ciepło* (только ед.) — *ciepetko, sadło* (только ед.) — *sadetko*;

n — *kolumna* (Род. мн. *kolumn*) — *kolumienka, blizna* (Род. мн. *blizn*) — *blizenka*; примеров ср. рода нет; аномальное отсутствие вокализации — в *ziarnko* наряду с вокализованной формой *ziarenko* (*ziarno*, Род. мн. *ziaren* и *ziarn*), *pijwiosnka*;

ń — *dźwignia* (Род. мн. *dźwigni*) — *dźwigenka, głownia* (Род. мн. *głowni*) — *głowienka, warownia* (Род. мн. *warowni*) — *warowienka, kaźń* — *kazienka, kuźnia* (Род. мн. *kuźni*) — *kuzienka, łaźnia* (Род. мн. *łaźni*) — *łazienka, patelnia* (Род. мн. *patelni* или редко *patelń*) — *patelienka, księgarnia* (Род. мн. *księgarni* или *księgarń*) — *księgarenka, kawiarnia* (Род. мн. *kawiarni* и редко *kawiarnń*) — *kawiarenka, kwiaciarnia* (Род. мн. *kwiaciarni* и редко *kwia-*

ciarń) — *kwiaciarenka*, *winiarnia* (Род. мн. *winiarni* и редко *winiarń*) — *winiarenka*, *piekarnia* (Род. мн. *piekarni* и редко *piekarń*) — *piekarenka*, *piwiarnia* (Род. мн. *piwiarni* и редко *piwiarń*) — *piwiarenka*, *tokarnia* (Род. мн. *tokarni* и редко *tokarń*) — *tokarenka*, *drukarnia* (Род. мн. *drukarni* и редко *drukarń*) — *drukarenka*, *latarnia* (Род. мн. *latarni* и редко *latarń*) — *latarenka*, *antykwarnia* (Род. мн. *antykwarni* и редко *antykwarń*) — *antykwarenka*, *spizarnia* (Род. мн. *spizarni* и редко *spizarń*) — *spizarenka*, *cukiernia* (Род. мн. *cukierni* и редко *cukierń*) — *cukierenka*, *wytwornia* (Род. мн. *wytwórni*) — *wytworenka*, *pieśń* — *piosenka* (и устаревшая форма без вокализации *piosnka*), *jutrznia* (Род. мн. *jutrzni* ?) — *jutrzenka*; примеров ср. рода нет. Аномально отсутствие гласного в устар. *piosnka* при современном *piosenka*, *tarń* — *tarnka*;

m — *palma* (Род. мн. *palm*) — *palemka*, *forma* (Род. мн. *form*) — *foremka*, *siódmy* — *siodemka*, *ósmu* — *ósemka*, *taśma* (Род. мн. *taśm*) — *tasiemka*; *pismo* (Род. мн. редко *pism*) — *pisemko*;

v — *sakwa* (Род. мн. *sakw*) — *sakiewka*, *kurwa* — *kurewka*, *kuropatwa* (Род. мн. *kuropatw*) — *kuropatewka*, *klątwa* (Род. мн. *klątw*) — *klątewka*, *pletwa* (или *pletwa*, Род. мн. *pletw* или *pletw*) — *pletewka* (или *pletewka*), *modlitwa* (Род. мн. *modlitw*) — *modlitewka*, *warstwa* (Род. мн. *warstw*) — *warstewka*; *księstwo* (Род. мн. *księstw*) — *księstewko*, *bóstwo* — *bóstewko*; исключение — без вокализации *larwa* — *larwka*;

k — абсолютное большинство существительных жен. и ср. рода с исходом на *-Sk-* содержат # (*lalka* — *lalek*; *jajko* — *jajek*) и, следовательно, в дериватах с суффиксом *-#k-* имеют вокализованный вариант в соответствии со сформулированным выше правилом 1 (*laleczka*, *jajeczko*). Единственным примером вокализации группы *Sk*, не содержащей #, может служить *kalka* (Род. мн. *kalk*) — *kaleczka*. Аномально без вокализации — *tuska* — *tuszczka*.

Субстантивные основы, оканчивающиеся на консонантные группы других типов, как правило не подвержены вокализации перед суффиксом *-#k-*:

Cb: *strzelba* — *strzelbka*, *kolba* — *kolbka*, *bomba* — *bombka*, *farba* — *farbka*, *korba* — *korbka*, *wierzba* — *wierzbka*;

Cd: *gajda* — *gajdka*, *znajda* — *znajdka*, *pajda* — *pajdka*, *niedojda* — *niedojdka*, *fatda* — *fatdka*, *hałda* — *hałdka*, *weranda* — *werandka*, *agenda* — *agendka*, *sekunda* — *sekundka*, *rotunda* — *rotundka*, *kokarda* — *kokardka*, *mansarda* — *mansardka*, *petarda* — *petardka*, *żerdz* — *żerdka*, *morda* — *mordka*, *gwiazda* — *gwiazdka*, *bruzda* — *bruzdka*; ср. также без вокализации *komunard* — *komunardka*; *randka*; *gniazdo* — *gniazdko*, *rondo* — *rondko*;

Cp: *knajpa* — *knajpka*, *matpa* — *matpka*, *lampa* — *lampka*, *pompa* — *pompka*, *lump* — *lumpka*, *trampka*;

Ct: *szpalta* — *szpaltka*, *banta* — *bantka*, *karta* — *kartka*, *koperta* — *kopertka*, *sterta* — *stertka*, *furta* — *furtka*, *kurta* — *kurтка*, *niewiasta* — *niewiastka*, *powieść* — *powiastka*, *opowieść* — *opowiastka*, *przypowieść* — *przypowiastka*, *pięść* — *piąstka* или *pięstka*, *część* — *cząstka*, *wieść* — *wiestka*, *kiść* — *kist-*

ka, ość — ostka, słabość — słabostka, błahość — błahostka, kość — kostka, całość — całostka, małość — małostka, miłość — miłostka, czułość — czułostka и др. дериваты с суф. *-ość, garść — garstka, sierść — sierstka, usta — ustka, chusta — chustka, kapusta — kapustka, baszta — basztko, reszta — resztko; palto — paltko, ciasto — ciastko, miasto — miastko*. Вокализация регулярно отсутствует в дериватах женского рода, соотносительных с названиями лиц мужского пола на *-ant, -ent, -ista, -asta* и др.: *architekt — architekttka, elegant — elegantka, adept — adeptka, ekspert — ekspertka, entuzjasta — entuzjastka, służbista — służbistka, turysta — turystka* и т. п.;

Cč: *pomarańcza — pomarańczka, tarcza — tarczka;*

Cg: *roźga — roźdzka.*

-acja

Присоединяется к интернациональным глагольным (с суффиксом *ova*) и субстантивным основам: *habilitować — habilitacja, normalizować — normalizacja, sufiks — sufiksacja, idea — ideacja*. Чередований нет. Усечение *ova*.

-ać (-acz)

Присоединяется к глагольным (Vb) и субстантивным (S) основам, не вызывая чередований.

Производящие глагольные основы в большинстве случаев относятся к *a-* и *aj-*основам, но возможны и дериваты от *i-*основ и консонантных основ:

Vb(-aj-): *badacz, gadacz, przewracacz, zakładacz, oglądacz, opowiadacz, ostrzegacz, szukacz, osłabiacz, przerabiacz, zaganiacz, ochraniacz, wymieniacz, wyjaśniacz, opóźniacz, usypiacz;*

Vb(-a-): *tkacz, oracz, brzechacz, grzebacz;*

Vb(-i-): *palacz;*

Vb(-ej-): *siewacz (j → v);*

Vb(-C-): *pracz, miotacz;*

S: *zębacz, trębach (< trąba, a → ę), rogacz, targacz, brzuchacz, gardłacz, kudłacz, siłacz, głowacz, wąsacz.*

-ada

Присоединяется к иноязычным субстантивным основам, не вызывая чередований: *arkada, fanfaronada, klownada* и т. п.

-adło

Присоединяется к субстантивным, глагольным и адъективным основам, не вызывая чередований: *dziwadło, ruchadło, trzymadło, widziadło, strzygadło, mokradło, naukowadło.*

-ak

Производящие основы — субстантивные (S), адъективные (A) и глагольные (Vb) с твердыми консонантными исходами:

S: *zębak, rybak, biadak, cudak, literak, skrzydłak, chłopak;*

A: *tępak, jedynak, siódmak, ósmak, modrak, chytrak, ponurak, piątak, dziesięćtak, pospolitak, czwartak, prostak, pustak, lewak, dziwak, martwak, krzywak*;
 Vb: *trzymak, odcinak, zabierak, docierak, opierak, zdzierak, wstrząsak, odmotak, dep-
 tak, chwytak, śpiewak, usuwak, pływak, zmywak, wytłaczak, rzezak, petzak.*

Чередований нет.

Особо: *cedrak (cedzić), chodak (chodzić ?), toszak (toś).*

-'ak

Смягчающий суффикс *-'ak* присоединяется к субстантивным и адъективным основам, вызывая консонантные чередования типа С ~ С':

r ~ ż: modrzak, skórzak; t ~ l: szkolak, smolak, wioślak, ciepłak, bydłak, skrzydłak, straszylak, krąglak, opuchlak; n ~ Ń: biedniak, maliniak, wetniak, krośniak, drobniak, zieleniak, powszechniak; m ~ m': plamiak, słotmiak, taśmiak; v ~ v': warszawiak, defensywiak, kresowiak, martwiak; t ~ ć: kwieciak, kociak, poeciak, druciak; d ~ ź: młodziak, chudziak; s ~ ś: koksiak, psiak; z ~ ż: żelaziak, łobuziak; k ~ ć: brodawczak, pajęczak, jabłczak; g ~ ż: śniezak, nadbrzezak; x ~ ś: straszak, uszak, głuszak, suszak; c ~ ć: walczak (walec).

-al

Присоединяется к субстантивным, глагольным и адъективным основам.

Чередования отсутствуют.

S: *drągal, brzuchal, góral, wąsal, nosal, pletwał, brzązał*;

Vb: *kopal, kowal*;

A: *brzydal (brzydki).*

Финаль *-al* характерна также для многих иноязычных существительных типа *chloral, hydronal, kwintal* и т. п.

-alna

Присоединяется к глагольным и субстантивным основам, не вызывая чередований:

Vb: *raǳalnia, skubalnia, zarabialnia, topialnia, wyprawialnia, poczekalnia, tkalnia, kopalnia, ucieralnia, pralnia, pakowalnia, pływalnia, zmywalnia, doświadczalnia, zmiękczałnia, wykończalnia, oczyszczalnia, ujeżdżalnia* и т. д.;

S: *komedialnia, amoniakalnia.*

-alnik

Присоединяется к глагольным основам:

wzbogacalnik, wymagalnik, odbieralnik, pralnik, rozgrzewalnik, rozpuszczalnik, oczyszczalnik, powiększalnik, doświadczalnik.

Чередований нет.

-anin

Суффикс относится к смягчающим и вызывает консонантные чередования типа С ~ С'. Присоединяется к субстантивным и адъективным основам:

- S: *niebianin, warszawianin, ziemianin, grodzianin, powodzianin (powódź), przed-
szkolanin*;
A: *grubianin, kresowianin, okoliczanin, piwniczianin, swietliczanin, mieszczanin,
gdańszczanin, dworzanin, nadbrzeżanin, zabużanin*.

-anina

Присоединяется к глагольным основам:

gadanina, grzebanina, gwazdanina (редк.), *bieganina, dzianina, puka-
nina, szukanina, łamanina, pisanina, latanina, czytania, mieszanina*.

Чередований нет.

-ant

Присоединяется к субстантивным и глагольным основам:

- S: *katastrofant, intrygant, komediant, religiant, policjant, praktykant, konkur-
sant, muzykant, paszkwylant*;

Vb: *kwalifikant, komunikant, ryzykant, manipuland, debiutant, obserwant*.

Чередований нет.

-arka, -'arka

Выделение двух разновидностей (смягчающей и несмягчающей) данного суф-
фикса обусловлено двояким воздействием его на твердые согласные в исходе
производящей основы: сохранение их неизменными в одних дериватах и смяг-
чение их по типу С - С' — в других, ср. *młyn — młynarka* и *beton — betoniarka*,
dłuto — dłutarka и *narty — narciarka*, *wędką — wędkarka* и *bajka — bajczarka*.

Дериваты от основ с палатальными консонантными исходами могут быть истол-
кованы как образования с любым вариантом суффикса: *-arka* или *-'arka*, посколь-
ку ни тот, ни другой не должен вызывать модификации палатальных исходов.

Ниже приводятся дериваты с несмягчающим (под цифрой 1.), со смягча-
ющим (под цифрой 2.) и амбивалентным (под цифрами 1-2.) вариантом суф-
фикса для разных консонантов в исходе производящей основы:

r 2. *pierzarka, kotłdrzarka*

ř 1-2. *odkurzarka*

ł 2. *mydlarka, szklarka, cieplarka*

l 1-2. *malarka, meblarka, kartoflarka*

n 1. *obcinarka, młynarka, zaginarka*; 2. *włókniarka, wełniarka, betoniarka*

ń 1-2. *zbrodniarka, rdzeniarka, świniarka*

m 1. *karczmarka, wyżymarka*; 2. *taśmiarka, kilimiarka*

m' примеров нет

p 1. *czerparka, trzeparka, koparka*; 2. *wyspiarka*

p' 1-2. *kopiarka, wczepiarka*

b 1. *rębarka, skubarka*; 2. *farbiarka, żłobiarka, wróżbiarka, rzeźbiarka*

b' 1-2. *zarabiarka, gotębiarka, pogłębiarka*

f: 1. *szafarka*; 2. *torfiarka, harfiarka*

f' примеров нет

v 1. *snowarka, odlewarka*; 2. *lichwiarka, barwiarka, tyżwiarka*

v' 1-2. *zaprawiarka*

- t* 1. *zagniatarka, punktarka, dłutarka*; 2. *kwiaciarka, gazeciarka, narciarka, parkieciarka*
- d* 1. *składarka, miodarka*; 2. *owadziarka, windziarka*
- s* 1. *wstrząsarka, pisarka, adresarka*; 2. *psiarka, papierosiarka*
- ś* 1–2. *gęsiarka*
- z* 1. *wiązarka, frezarka, pełzarka*; 2. *koziarka (?)*
- ź* примеров нет
- c* 1. *garncarka, owocarka*; 2. *spódniczarka*
- ć* 1–2. *szczęściarka, liściarka*
- ż* 1–2. *nędzarka, rydzarka*
- ź* 1–2. *lodziarka, gładziarka, krawędziarka*
- š* 1–2. *mieszarka*
- ž* 1–2. *świeżarka, nawilżarka*
- č* 1–2. *zataczarka, moczarka*
- ž* примеров нет
- k* 1. *wędkarka, wycinankarka, piosenkarka, plotkarka*; 2. *mleczarka, kamizelczarka, bajczarka*
- g* 1. *wyciągarka, dźwigarka*; 2. *drobiażdżarka, strzyzarka*
- x* 1. *dmucharka, spycharka*; 2. *pończoszarka, muszarka*
- j* 1–2. *tramwajarka, zbrojarka*

Особого внимания заслуживает отглагольный дериват *gładzarka*, который формально должен быть возведен к глаголу *gładzić*, что означало бы констатацию чередования $\zdot{\z}$ ~ \z (не стандартного для данного типа словопроизводства и вообще не характерного для субстантивного словообразования). Однако наличие приставочных производных от того же глагола: *dogładzarka, wygładzarka*, как и аналогичных с морфонологической точки зрения дериватов с другими корнями — *narzucarka, nasycarka, ochładzarka, sadzarka, osadzarka, sprawdzarka*, соотносительных с имперфективными основами *wygładzać, narzucać, nasycać* и т. д., позволяет и в данном случае видеть имперфективную основу *gładza-* и, следовательно, отсутствие чередования.

-arńa, -'arńa (-arnia)

Морфонологическая характеристика этой пары суффиксов тождественна характеристике предыдущей пары, т. е. твердые консонантные исходы производящих субстантивных и глагольных основ имеют ту же двойственную репрезентацию — со смягчением по типу *C ~ C'* и без смягчения:

ananas — *ananasarnia* и *koks* — *koksiarnia, mozaika* — *mozaikarnia* и *burak* — *buraczarnia* и т. п.

Дериваты от основ с палатальным исходом могут быть истолкованы как образования с любым из вариантов суффикса: *topić* — *topiarnia* (суф. *arnia* или *'arnia*). Материал может быть представлен в следующей таблице:

- r* 2. *saletrzarnia*
- ř* примеров нет
- ł* 2. *krochmalarnia, siodlarnia, mydlarnia*
- l* 1–2. *chmielarnia, kaflarnia*

- n* 2. *winiarnia, betoniarnia*
ń 1-2. *rdzeniarnia*
m 1. *rymarnia*; 2. *szlamiarnia, palmiarnia*
m' примеров нет
v 2. *kawiarnia, drzewiarnia, chlewiarnia*
v' примеров нет
f 2. *torfiarnia*
f' примеров нет
p 2. *lampiarnia, kopiarnia*
p' 1-2. *topiarnia*
b 1. *garbarnia, skubarnia*; 2. *farbiarnia, śrubiarnia*
b' 1-2. *gotębiarnia*
t 1. *zwierzętarńia*; 2. *herbaciarnia, nafcarnia*
d 1. *rudarnia*; 2. *czekoladziarnia, lodziarnia*
s 1. *ananasarnia*; 2. *koksiarnia, psiarnia*
ś 1-2. *gęsiarnia*
z примеров нет
ź примеров нет
c 1. *garncarnia, owocarnia*; 2. *owczarnia*
ć 1-2. *sieciarnia, dzieciarnia*
ż примеров нет
ź 1-2. *łabydziarnia, narzędziarnia*
š 1-2. *kaszarnia, mieszarnia*
ż 1-2. *spizarnia*
č 1-2. *moczarnia, tłoczarnia*
š 1-2. *drożdżarnia*
k 1. *porządkarnia, ciastkarnia*; 2. *buraczarnia, zapalcarnia*
g 1. *księgarnia, strugarnia*
x 1. *blacharnia, sztycharnia*; 2. *pończoszarnia*
j 1-2. *klejarnia, zbrojarnia*

Особую категорию составляют дериваты от бесприставочных глаголов типа *sycarnia, młóciarnia, gładzarnia, pędzarnia, wędzarnia, kwaszarnia*. Если считать производящими основами соответствующие глаголы на *-i* (*sycić, młócić, gładzić, pędzić, wędzić, kwasicć*), то для данных образований придется признать чередования *ć - c, ź - ż, ś - š* (ср. стандартность таких чередований в глагольном словоизменении). Альтернативная трактовка этих производных как содержащих имперфективные варианты соответствующих глагольных основ (ср. *nasycić — nasucać*) кажется в данном случае менее убедительной.

-ař, -'ař (-arz)

Присоединяется к субстантивным основам, в редких случаях — к адъективным и глагольным.

Морфонологическая характеристика противоречива: производящие основы с морфонологически мягкими согласными не имеют консонантных чередований в исходе основы, например, *gotąb (gotęb'-)* — *gotębiarz, kosić* — *kosiarz*, однако *wędzić* — *wędzarz*, тогда как основы с твердым исходом могут иметь че-

редование по типу С ~ С' и не иметь его, ср. *młyn* — *młynarz*, *arenda* — *arendarz*, но *wetna* — *wetniarz*, *winda* — *windziarz*; *plotkarz*, но *mleczarz* и т. д. Возможны и колебания: *gwiazda* — *gwiazdacz* и *gwiazdździarz*, *legenda* — *legendarz* и *legendziarz*. Иначе говоря, по существу следует говорить о двух морфологических вариантах суффикса: *-ař* не смягчающем и *-'ař* смягчающем.

Ниже приводятся иллюстрации к обоим вариантам образований с разными консонантными исходами производящей основы.

- r* 1. *murarz*, *bimbrarz*, *torarz*, *pierarz*; 2. *futrzarz*;
ř 1–2. *wnętrzarz*;
ł 2. *mydlarz*, *siodlarz*, *popielarz*, *iglarz*, *szklarz*, *smolarz*, *kręglarz*;
l 1–2. *pantoflarz*, *chmielarz*, *modelarz*;
n 1. *młynarz*, *bednarz*, *terminarz*; 2. *wetniarz*, *włókniaz*, *wagoniaz*, *gówniaz*;
ń 1–2. *kamieniaz*, *zbrodniarz*, *świniarz*;
m 1. *dymarz*, *rymarz*, *karczmarz*; 2. *reklamiaz*, *filmiaz*, *ramiaz*, *tasmiaz*;
m' примеров нет;
p 2. *dowcipiaz*, *knajpiaz*, *małpiaz*, *wyspiaz*, *skapiaz*;
p' 1–2. *kpiarz*, *topiaz*;
b 1. *grabarz*, *herbarz*; 2. *rybiarz*, *grzybiarz*, *rzeźbiarz*, *wróźbiarz*, *farbiarz*;
b' 1–2. *gotębiarz*, *wabiarz*;
f 1. *szafarz*, *kanafarz*; 2. *arfiarz/harfiarz*, *torfiarz*;
f' примеров нет;
v 2. *drzewiaz*, *źniwiaz*, *piwiaz*, *lichwiaz*, *chlewiaz*;
v' 1–2. *chorągwiarz*;
t 1. *parlamentarz*, *elementarz*, *krętarz*, *sitarz*; 2. *kwiaciarz*, *sałaciarz*, *łopaciarz*, *krawaciarz*, *bufeciarcz*, *parkeciarz*, *moneciarcz*, *gazeciarcz*, *nafciarcz*;
d 1. *arendarz*, *budarz*, *włodarz*, *gwiazdacz* (и *gwiazdździarz*), *legendarz* (и *legendziarz*); 2. *windziarz*, *wodziarz*, *paskudziarz*, *gwiazdździarz* (и *gwiazdacz*), *legendziarz* (и *legendarz*);
s 1. *pisarz*, *bokszarz*, *kredensarz*, *kosarz* (устар. от *kosa*); 2. *kasiarz*, *mięsiarz*, *lisiarz*, *koksiarz*, *papierosiaz*, *psiaz*, *gipsiaz*, *kaktusiaz*;
ś 1–2. *kosiaz* (*kosić* ?);
z 1. *łazarz* (?); 2. *gaziarz*, *koziarz*, *dewiziaz* (*dewiz*);
ź примеров нет;
c 1. *graczarz*, *walczarz*, *pieczarz*, *poczarz*; 2. *owczarz*;
ć 1–2. *śmieciarz*, *dzieciarz*, *rupieciarz*, *niciaz*;
ż 1. *nędzarz*, *bryndzadz*;
ź 1–2. *łodziarz*, *gwóźdzdziarz*, *narzędziarz*, но *wędzadz* (*wędzić*);
š 1. *rykšzadz*, *wszadz*;
ž примеров нет;
č 1. *zatarczadz*;
š 1. *droždžadz*;
k 1. *dzikarz*, *słownikarz*, *aptekarz*, *piekarz*, *bibliotekarz*, *taksówkacz*, *lekarz*;
 2. *mleczarz*, *pajęczarz*, *wilczarz*, *buraczadz*;
g 1. *pstrągadz* (редк.), *księgaz*, *łgadz*, *jazgadz*;
x 1. *suchadz*, *strychadz*, *blachadz*, *dachadz*.

-as

Единичные образования с этим суффиксом содержат субстантивные (*dzióbas, dowcipas, zakrętas*) и адъективные (*grubas, golas*) основы. Морфонологическая характеристика противоречива: твердые губные производящей основы сохраняются, тогда как *t ~ l*: *goty — golas*.

-at, -ariat

Большое число образований с этим суффиксом содержит исключительно интернациональные основы: *teoremat, dziekanat, seniorat, doktorat, rezerwat*. Производящие основы на *-uś* испытывают усечение этого суффикса (или финали): *wikariusz — wikariat, proletariusz — proletariat, notariusz — notariat* и т. п. Консонантных чередований нет. В словах типа *bakalariat, komisariat*, соотносимых с *nomina agentis* на *-arz* *bakalarz, komisarz*, следует выделять суффикс *-ariat*, о чем говорит чередование *t ~ l* в *bakalariat*, возможное лишь на морфемной границе. В отношении морфонологического типа этот суффикс, вероятно, тождествен суффиксу *-ař*, но ввиду малочисленности дериватов такого рода это невозможно подтвердить.

-ata

Финаль *-ata* характерна для нескольких десятков иноязычных слов, однако лишь в единичных случаях ей может быть придан статус суффикса:

dyplom — dyplomata, mandolina — mandolinata, koordynować — koordynata, prenumerować — prenumerata.

Чередований нет.

-ator

Продуктивный суффикс, свободно образующий *nomina agentis* от глагольных основ с суффиксами *-ova-, -izova-* при усечении *-ova-* или от субстантивных основ с усечением суффикса *-acja*:

likwidator, kwalifikator, kodyfikator, regulator, numerator, normalizator, tryumfator, innowator и т. д.

Консонантных чередований нет.

-aź (-aź)

Образует производные от иноязычных субстантивных и глагольных основ:

bombaź, sondaź, damaskinaź, tonaź, kartonaź, metraź, arbitraź, litraź, pilotaź, montaź (montować).

Усечение *ova*. Нестандартно: *instrukcja — instruktaź* с усечением *j* и чередованием *c ~ t*.

-ba

Немногочисленные производные с этим суффиксом включают производящую глагольную основу с мягким или шипящим консонантом в исходе: *siejba, chwiejba, palba, strzelba, melba, gońba, kośba, groźba, więźba, służba, družba*, — что не позволяет определить морфонологический тип суффикса. И только один пример, соотносимый с глагольной основой, имеющей твердый консонантный исход — *rzeźba*, свидетельствует о палатализирующем характере суффикса.

-ca

Присоединяется преимущественно к глагольным основам, в редких случаях к субстантивным отглагольным основам — суффиксальным: *grabież* — *grabieżca*, *tupież* — *tupieżca*, бессуффиксальным: *-bór* — *-borca* (*za, po, wy*). Глагольные производящие основы могут быть как перфективными, так и имперфективными, причем возможны параллельные дериваты от соотносительных по виду глаголов: *-sadzić* — *-sadźca* и *-sadzać* — *-sadzca*, *-brać* — *-biorca* и *-bierać* — *-bierca*.

Модификации основы: глагольные основы с исходом на твердый согласный не испытывают консонантных чередований перед *-ca*:

-chlebać — *-chlebca*, *-kładać* — *-kładca*, *-władać* — *-władca*, *-kłamać* — *-kłamca*, *-bierać* — *-bierca*, *-żerać* — *-żerca*, *-brać* — *-biorca*, *-dawać* — *-dawca*, *-znawać* — *-znawca*, *-śmiewać* — *-śmiewca*, *-piewać* — *-piewca*, *-lewać* — *-lewca*, *-śladować* — *-śladowca*, *-kierować* — *-kierowca*, *-ładować* — *-ładowca*, *-hodować* — *-hodowca*, *-użytkować* — *-użytkowca*, *-bywać* — *-bywca*, *-krywać* — *-krywca*, *-spożywać* — *-spożywca*, *-osadzać* — *-osadzca*, *-naleźć* — *-nalazca*.

Глагольные *i*-основы, имеющие в исходе мягкий согласный, ведут себя не последовательно: 1) в случае губных мягкость закономерно утрачивается перед консонантом суффикса — *-tomić* — *-tomca*, *-stąpić* — *-stąpca*, *-kupić* — *-kupca*, *-prawić* — *-prawca*, *-stawić* — *-stawca*, *-łowić* — *-łowca*, *-mówić* — *-mówca*; 2) сонорные *l, ń* сохраняют мягкость — *-dzielić* — *-dzielca*, *-chwalić* — *-chwalca*, *-bronić* — *-brońca*, *-czynić* — *-czyńca*; 3) *ż(ř) ~ r*: *-tworzyć* — *-twórcza*, *-burzyć* — *-burca*; 4) переднеязычные зубные могут сохранять мягкость: *-nosić* — *-nośca*, *sadzić* — *sadźca*, *chodźić* — *chodźca*, *-jeździć* — *-jeźdźca*, но могут и утрачивать мягкость: *radzić* — *radca*, *rządzić* — *rządca*, *wodzić* — *wódca*. Однако последние примеры с диспалатализацией могут быть интерпретированы и как отсубстантивные: *rada* — *-radca*, *rząd* — *rządca*, *dowód* — *dowódca*, но *przywódca* не соотносится с отглагольным существительным, хотя и с глаголом *przywódzić* оно не связано семантически (видимо, это образование, аналогичное *dowódca*).

На базе суффикса *-ca* сформировались сложные суффиксы с расширителями: *-awca* (*wykonać* — *wykonaawca*, *-chować* — *-chowawca*, *-wca* (*znać* — *-znawca*), *-owca* (*wykładać* — *wykładowca*, *-wiadywać* — *-wiadowca* с закономерным усечением вторичного глагольного суффикса *-ywa-*); *-erca* (*mordować* — *morderca*), *-lca* (*opić się* — *opilca*).

-ć (-cia, -cio)

Суффикс присоединяется к субстантивным основам, вызывая усечение суффиксального *k*: *córka* — *córcia*, *t: liliput* — *lilipucio*, *kot* — *kocio* (правда, в последних случаях можно видеть не усечение, а конденсацию: *t + ć → ć*). Консонантные чередования не наблюдаются: *babcia*, *matcia*, *kumcia*, *matuncia*, *kawcia*, *córcia*, *wujcio*, *stryjcio*, *ramolcio*, *domcio*, *syncio*, *parcio*, *kocio*, *szarcio*.

На базе этого суффикса образовался вторичный суффикс *-uńć*: *wariatuńcio*, *skarbuńcio*, *kawuńcia*.

-ćyk (-czyk)

Производящие основы весьма пестры по своему словообразовательному составу:

S: *skarbczyk, lekarczyk, gospodarczyk, malarczyk, karabińczyk, ogonczyk, proletariaczek*;

A (ski): *olimpijski — olimpijczyk, europejski — Europejczyk, pilsudczyk, hebrajczyk, nordyjczyk, Aryjczyk, epikurejczyk, pitagorejczyk*.

Чередования нестандартны: 1) *ż(ř) - r*: *gospodarczyk*; 2) *n - ń*: *karabińczyk*. В адъективных основах — усечение *sk*.

-dło

Этот суффикс выделяется всего лишь в двух отглагольных существительных: *szydło, mydło*. Чередований нет. В остальных существительных с финалью *-dło* представлены суффиксы *-adło, -idło*.

-ent

Присоединяется к глагольным основам иноязычного происхождения с суффиксом *-ova-*, который при этом усекается: *korespondować — korespondent, reagować — reagent, dyrygować — dyrygent* и т. д. Чередования отсутствуют.

Финаль *-ent* характерна для множества иноязычных существительных, синхронно не членимых: *element, atrament, moment, eksperyment, monument* и т. д.

-er

Выделяется в существительных, соотносимых с субстантивными основами иноязычного происхождения: *miliarder, bokser, bileter, pozer*.

Финаль *-er* характерна для множества иноязычных существительных, синхронно не членимых: *spacer, skafander, markier, rower, partner, snajper, trener, reżyser, sweter, numer, pasażer* и т. п.

-eria

Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая чередований: *chuliganeria, donżuaneria, dzentelmeneria, cyganeria, studenteria, wirtuozeria, łobuzeria*.

Финаль *-eria* характерна для большого числа иноязычных (интернациональных) субстантивов: *dysenteria, mizeria, seria, artyleria* и т. д.

-ęć-

Присоединяется к субстантивным основам, вызывая чередования типа С - С':
r - ż: *zubręć; t - l*: *diablę, bydłę, sokolę; n - ń*: *bocianię, jelenię, wronię, sarnię; v - v'*: *sowieć; p - p'*: *małpieć, chłopięć; t - ć*: *czarcieć, kocieć; d - ź*: *wielbłądzieć, Żydzieć; s - ś*: *lisieć, tygrysieć; c - ć*: *owczeć, k - ń*: *wilczeć, wnuczeć, borsuczeć; g - ż*: *Bożeć; x - ś*: *ptaszę*. Нестандартно *mysię (ś - ś)* и *łośze (ś - ś)*.

Без чередования: *konię (ń), wróble (l), żurawię (v'), gąsie (ś), niedźwiedzieć (ż)*.

-ica

Присоединяется к субстантивным и адъективным основам и вызывает чередования типа С - С':

r - ż: *srebrzyca, żubrzyca, iskrzyca; t - l*: *iglica, sokolica, cieplica, karlica; n - ń*: *drobnica, pelikanica; m - m'*: *plamica, tasiemica; v - v'*: *lwica, głowica, nerwica; p - p'*: *skapica, małpica, stupica; b - b'*: *łbica, pasierbica,*

izbica; t - ć: kocica, krócica, czyścica; d - ź: twardzica, wielbłądzica; s - ś: lisica, psica, tygrysica; z - ź: żelazica; c - ć: zajęczyca; k - ć: rączycza, wilczyca, robaczyca; g - ż: śnieżycza, brzeżycza, dłużycza; x - ś: głośzycza.

Без чередования: *zorzyca, pieprzyca (ř), wróblca (l), średnica, kamienica, dłonica (ń), marchwica (v'), gołębica (b'), niedźwiedzica, miedzica (ż), kaszyca (ś), papieżycza (ż).*

-iciel (-iciel)

Суффикс присоединяется преимущественно к глагольным *i*-основам, почему иногда выделяют в таких образованиях суффикс *-ćel*. Однако примеры, где этот суффикс сочетается с иной глагольной основой (ср. *przekazać — przekaziciel*), показывают, что *i* относится не к производящей основе, а к суффиксу, а сам суффикс — к типу смягчающих.

Конечные мягкие и шипящие согласные производящих основ, естественно, сохраняются без изменения перед *-iciel*:

grabiciel (b'), przekształiciel (ć), myśliciel (l), gromiciel (m'), zatrudniciel (ń), tępiciciel (p'), głosiciel (ś), stawiciel (v'), wyraziciel (ż), przywódciciel (ż), dostarczyciel (ć), pomnożyciel (ż), wierzyciel (ř), pocieszyciel (ś).

Нестандартны словообразовательные модели следующих слов: *truciciel, właściiciel, wielbiciel, dzierżyciel*.

-idło

Присоединяется к субстантивным, глагольным и адъективным основам, вызывая смягчение конечного согласного по типу *C ~ C'*:

n - ń: czernidło; m - m': chamidło, pismidło; v - v': barwidło; t - ć: dramacidło, gazecidło; s - ś: trzęsidło, wąsidło, romansidło, farsidło; z - ź: grzędzidło, mazidło; k - ć: sztuczydło; x - ś: ptaszydło.

Без чередований: *kleidło, poidło, kropidło, lepidło, gasidło, kadzidło.*

-ik

Суффикс в большинстве случаев вызывает палатализацию морфологически твердого согласного и (спорадически) *s, ż, ś* в исходе основы (случаи нарушения этого правила будут рассмотрены ниже):

*r - ż: centymetr — centymetrzyk, totr — totrzyk, rejestr — rejestrzyk, teatr — teatrzyk, wiatr — wietrzyk (и устар. wiatrek), żubr — żubrzyk (и устар. żubrek), а также редкие или устаревшие формы: belweder — belwederzyk (при нормальном belwederek), car — carzyk, filar — filarzyk (норм. filarek), kawaler — kawalerzyk, mundur — mundurzyk (норм. mundurek), stary — starzyk (региональная форма). Остальные субстантивные основы на *-r* образуют диминутивы с суффиксом *-#k*;*

t - l: kwartał — kwartalik, pedał — pedalik;

n - ń: wagon — wagonik, fortepian — fortepianik;

m - m': film — filmik, tom — tomik; однако без палатализации kosm — kosmyk;

*p - p': sierp — sierpik, harcар — harcарik (устар.), urlop — urlopik, ustęp — ustępik, wstęp — wstępik, czop — czopik (редко при норм. czopek), sklep — sklepik (и sklepek). Остальные субстантивные основы на *-p* образуют диминутивы с суффиксом *-#k*;*

b ~ b': *dytyramb — dytyrambik, głąb (муж.) — głąbik*;

f ~ f': *paragraf — paragrafik, sztof — sztofik*;

v ~ v': *motyw — motywik (редк.), staw — stawik (и stawek)*;

t ~ ć: *żart — żarcik, krawat — krawacik*;

d ~ ź: *samochód — samochodzik, wykład — wykładzik*;

s ~ ś: *koks — koksik, romans — romansik*;

z ~ ź: *raz — razik, mróz — mrozik (и mrozek)*;

c ~ ć: *chłopiec — chłopczyk, sprzedawca — sprzedawczyk*. Чередование, однако, отсутствует, если конечному *c* предшествует гласная: *pałac — pałacyk, piec — piecyk*;

ż ~ ź: *ksiądz — księżyk*, однако *rydz — rydzik* без чередования;

ś ~ ś: *grosz — grosik, kapelusz — kapelusik*. Исключения: *koszyk, mariaszki, wierszyk, rauszyk, kłoszyk (и kłosik, редк.)* без чередования;

k ~ ċ: единственный пример *hak — haczyk*. Все остальные основы с исходом на заднеязычный согласный (*k, g, x*) образуют диминутивы с суффиксом *-#k*.

Субстантивные основы с исходом на остальные согласные образуют производные на *-ik* без чередования:

(*j*) *klej — kleik, stół — stoik*; (*l*) *fotel — fotelik, szpital — szpitalik*; (*r*) *talerz — talerzyk, kalendarz — kalendarzyk*; (*p'*) *karp, karpia — karpik*; (*v'*) *szczaw, szczawiu — szczawik, żółt, żółwia — żółwik*; (*s*) *łosoś — łososik, karaś — karasik*; (*ż*) *paź — pazik*; (*ć*) примеров нет; (*ź*) *gwóźdź — gwoździk, tabędź — tabędzik*; (*ż*) *bagaż — багаżyк, nóż — nożyк*; (*ż*) *brydź — brydżyк*; (*ć*) *deszcz — deszczyк, klucz — kluczык*.

При образовании диминутивов от существительных с основой на *-eń* anomalно происходит усечение *-eń* и диспалатализация *m' ~ m* и *b' ~ b*:

kamień — kamык, krzemień — krzemyк, płomień — płомык, promień — promык, rzemień — rzemyк, strumień — strумык, (jęczmień) — jęczyк, grzebień — grzeбык.

Отсутствие палатализации перед *-ik* — суффиксом лица наблюдается при образовании производных от иноязычных основ:

podagra — podagрык, metafora — metaforyк, satyra — satырык, rachityzm — rachityк (с усечением -izm), dogmat — dogматык (если не dogматыка — dogматык подобно dyplomatyka — dyplomатык, metodyka — metodyк).

Выбор между суффиксами *-ek (-#k)* и *-ik* в дериватах муж. рода

Морфонология субстантивных диминутивов с суффиксами *-ek* и *-ik* обстоятельно изучена Богуславом Креей в его монографии о словообразовании экспрессивных существительных в польском языке [Крея 1969]⁶. Материалы этой монографии, почерпнутые главным образом из SJPД, убедительно демонстрируют зависимость выбора одного из этих суффиксов от качества конечного согласного производящей субстантивной основы. Так, от существительных муж. рода с исходом на *r* и заднеязычные (*k, g, x*) образуются диминутивы почти исключительно посредством суффикса *-ek*, от существительных с исходом на дентальные *t, d, s, z*,

⁶ См. также [Сятковская 1967] и [Аванесов 1968].

и *c, ś, ź, ċ* — преимущественно с суффиксом *-ik*. В таблице 4 приведены количественные соотношения диминутивов с *-ek* и с *-ik* от субстантивных основ с исходом на разные согласные (по материалам Б. Крей). В ряде случаев преобладание дериватов с одним из этих суффиксов не столь велико, но это чаще всего относится к таким группам существительных, которые вообще представлены малым числом лексем, тогда как в многочисленных группах существительных преобладание одного из словообразовательных типов оказывается несомненным. С другой стороны, отклонения от закономерного для существительных с данным консонантным исходом способа образования диминутивов, как правило, представлены устаревшими, редкими или окказиональными примерами. Дополнительными признаками, влияющими на выбор диминутивного суффикса в пределах указанной выше закономерности, оказываются следующие признаки: 1) наличие консонантной группы в исходе основы, 2) наличие беглого гласного в последнем слоге основы, 3) наличие гласного *i (y)* в последнем слоге основы, а также признаки, относящиеся к словообразовательной структуре производящей основы или к ее семантике. Так, первый из перечисленных признаков определяет появление диминутивов на *-ik* от тех существительных с основой на *-r*, у которых это *r* выступает в составе консонантной группы, в отличие от прочих существительных с исходом на *-r*, для которых характерны диминутивы на *-ek* (т. е. *rejestr — rejestrzyk, teatr — teatrzyk* в противоположность *dwór — dworek, humor — humorek, mundur — mundurek*). Наличие беглого гласного в последнем слоге основы обуславливает выбор суффикса *-ek* при образовании диминутивов от основ с исходом на *-n*, например, *bęben, bębna — bębenek, bochen, bochna — bochenek*, но *basen, basenu — basenik, refren, refrenu — refrenik*; с исходом на *-s*, напр. *owies, owsa — owiesek, pies, psa — piesek*, но *adres, adresu — adresik, proces, procesu — procesik*; с исходом на *-ń*: *ogień, ognia — ogieniek, stopień, stopnia — stopieniek*, но *cień, cienia — cienik, deseń, desenia — desenik*. При образовании уменьшительных от существительных с основой на *n* и *l* выбор суффикса зависит помимо прочего от качества гласного в последнем слоге основы — гласный *i (y)* обуславливает выбор суффикса *-ek*, гласный другого качества — суффикса *-ik* (принцип расподобления): *pingwin — pingwinek, magazyn — magazynek*, но *balkon — balkonik, dywan — dywanik; motyl — motylek, badyl — badylek*, но *hotel — hotelik, parasol — parasolik*. Примером зависимости выбора суффикса от словообразовательной структуры производящей основы, точнее — от вида содержащегося в ней суффикса или квазисуффикса — может служить образование с помощью суффикса *-ek* диминутивов от субстантивных основ с суффиксами *-as* и *-us* (*grubas — grubasek, catus — catusek*) при нормальных для основ с исходом на *-s* диминутивах на *-ik*: *adres — adresik, koks — koksik, atlas — atlasik*. Этот же принцип обуславливает свободное образование вторичных диминутивов с суффиксом *-ek* от первичных диминутивов на *-ek* (*cukier — cukierek — cukiereczek*) и крайне ограниченное образование вторичных диминутивов от уменьшительных на *-ik* (типа *sklep — sklepik — sklepiczek, portret — portrecik — portreciczek*). И наконец, семантическими причинами может быть объяснен факт аномального образования диминутивов на *-ek* от основ, регулярно дающих дериваты на *-ik*, в целом ряде случаев, когда производящая основа имеет значение лица мужского пола, напр. *baron — baronek, pan — panek* при *balkon — balkonik, ekran — ekranik*.

Таблица 4

Исход основы	-ek	-ik	-ek — -ik
<i>j</i>	10	15	—
<i>r</i>	140	6	—
<i>ř</i>	12	35	—
<i>ł</i>	36	25	8
<i>l</i>	42	25	9
<i>n</i>	46	65	2
<i>ń</i>	5	—	—
<i>m</i>	9	13	2
<i>m'</i>	—	—	—
<i>p</i>	20	4	—
<i>p'</i>	—	2	—
<i>b</i>	12	12	4
<i>b'</i>	2	3	—
<i>f</i>	1	4	1
<i>f'</i>	—	—	—
<i>v</i>	12	1	3
<i>v'</i>	—	4	—
<i>t</i>	16	200	9
<i>d</i>	16	25	10
<i>s</i>	23	63	8
<i>z</i>	—	14	5
<i>c</i>	8	36	—
<i>ż</i>	1	2	—
<i>ś</i>	4	3	—
<i>ź</i>	—	1	—
<i>ć</i>	7	—	—
<i>ź</i>	—	—	—
<i>ś</i>	—	7	—
<i>ż</i>	—	15	—
<i>ć</i>	(2)	20	—
<i>ź</i>	—	1	—
<i>k</i>	480	2	—
<i>g</i>	25	—	—
<i>x</i>	45	—	—

-ina

Производные основы могут принадлежать к любому из трех классов: S, A, Vb. Суффикс вызывает смягчение предшествующего согласного по типу C - C':

r ~ *ż*: *kołdrzyna*, *pierzyna*, *aktorzyna*; *t* ~ *ł*: *skrzydlina*, *hotelina*, *puchlina*;
n ~ *ń*: *słonina*, *ziarnina*, *równina*; *m* ~ *m'*: *albumina*; *v* ~ *v'*: *trawina*, *kawina*, *drzewina*; *p* ~ *p'*: *knajpina*, *lipina*, *chatupina*; *b* ~ *b'*: *zębina*, *dębina*, *izbina*;
t ~ *ć*: *grzbiecina*, *herbacina*, *studencina*; *d* ~ *ź*: *twardzina*, *budzina*;
s ~ *ś*: *psina*, *wąsina*, *tysina*; *z* ~ *ź*: *brzezina*, *rogozina*, *łozina*; *c* ~ *ć*: *spód-*

niczyna, chłopczyna, krawczyna; k - ċ: chustczyna, sukieneczyna, rączyna; g - ż: krążyna, śnieżyna; x - š: orzeszyna, czeremszyna, ptaszyna.

Нестандартно: *kapelusina (š - s).*

Остальные консонантные исходы не изменяются:

*pisarzyna (ř), nauczycielina (l), tarnina (ń), żurawina (v'), głębina (b'), gęsi-
na (s), dzieciina, gościna (ć), morżyna (ż), morszczyna (č), wygładzina (ż).*

-ini (-yni)

Присоединяется к субстантивным основам. Морфонологическая характеристика противоречива: конечные заднеязычные сохраняются без смягчения, а *c - ċ* регулярно в дериватах от *nomina agentis* с суффиксом *-ca*:

pochlebczyni, władczyni, nadradczyni, doradczyni, zarządczyni, przywódczyni, zdradczyni, winowajczyni, zabójczyni, krajczyni, chwalczyni и т. д.

Без изменения:

bogini, monarchini, potomkini, członkini, prorokini, gospodyni, mistrzyni.

-iny

Присоединяется к глагольным и субстантивным основам. Образований с этим суффиксом немногим более десятка, но некоторые из них свидетельствуют о смягчающем характере суффикса, ср. *mydliny, włosiny, pokładziny, oględziny*; остальные — *urodziny, zaprosiny, imieniny, osiedliny, wymoczyny, zaręczyny, wytłoczyny* — без чередования.

-iradło

Отмечено всего лишь два слова с этим суффиксом: *skapiradło < skapy (p ~ p')* и *czupiradło (?)*.

-isko

Присоединяется ко всем типам основ. Вызывает чередования по типу *C - C'*. Ниже приводятся иллюстрации к каждому возможному консонантному исходу производящей основы.

(*r*) *pierzysko, igrzysko, jeziorzysko; (ř) morzysko, żołnierzysko; (t) diabli-
skrzydlisko, źródli-isko; (l) mebli-isko, kąpielisko, pantofli-isko; (n) okni-isko, zim-
ni-isko, mężczyźni-isko; (ń) płomieni-isko, ramieni-isko, ogni-isko; (m) bramisko,
karczmisko; (m')* примеров нет; (*v*) *chlewisko, rękawisko, nazwisko; (v')* *march-
wisko, łowisko; (f) lufisko; (f')* примеров нет; (*p*) *chłopisko, skupisko, wysypi-
sko; (p')* *konopisko, wytopisko; (b) zębisko, wyrąbisko, łbisko; (b')* *zrobisko; (t)*
*sołdacisko, wariacisko, kobiecisko; (d) wędzisko, brodzisko, kłodzisko; (s) ob-
casisko, wąsisko, głosisko; (z) żelazisko; (c) zajęczy-isko, pszeniczny-isko, chłop-
czy-isko; (ż) примеров нет; (ś) piersisko; (ź) złazisko; (ć) kościsko; (ż) niedz-
wiedzisko; (š) kapelusisko (аномально *š - s*); (ż) męży-isko, noży-isko; (č) desz-
czy-isko; (ż) примеров нет; (*k*) *wilczy-isko, córczy-isko, nieboraczy-isko, piaszczy-isko;*
*(g) śnieży-isko, noży-isko; (x) ptasz-isko, uszy-isko, muszy-isko, kożusz-isko.**

На базе этого суффикса существуют вторичные суффиксы *-ovisko (mrozo-
wisko), -nisko (wrotnisko, hotnisko, błotnisko).*

-ista

Морфонологическая характеристика суффикса нестандартна и противоречива. Присоединяется к субстантивным основам. Последовательно смягчаются перед этим суффиксом губные и *t, n*: *b ~ b'*: *stuzbista, trqbista*; *p ~ p'*: *papista, linotypista*; *v ~ v'*: *rezerwista, kolektywista*; *f ~ f'*: *telegrafista, harfista*; *m ~ m'*: *islamista, programista, psalmista*; *t ~ l*: *finalista, idealista, kapitalista*; *n ~ n'*: *organista, higienista, telefonista*. Заднеязычные либо вовсе не подвержены смягчению и испытывают лишь автоматические чередования перед *i*: *k ~ k'*, *g ~ g'*, *x ~ x'*, либо испытывают нестандартное смягчение (*k ~ c*): *k ~ k'*: *blankista, frankista*; *k ~ c*: *mozaicysta, klinicysta, praktycysta, gotycysta*; *g ~ g'*: *czotgista, spinningista, falangista, sztangista*; *x ~ x'*: *szachista, monarchista*.

Наиболее противоречиво ведут себя переднеязычные консонантные исходы *t, d, s, z, r*, которые могут иметь двоякую репрезентацию перед суффиксом *-ista*: со смягчением и без него (нередко в одних и тех же словах допустимы параллельные варианты: *propagandzista* и *propagandysta*):

t ~ é: *plakacista, kuplecista, portrecista*; *t* без чередования: *schema-tysta, esperantysta, bonapartysta*; *d ~ ź*: *brygadzista, balladzista, propagandzista, rekordzista, tałmudzista*; *d* без чередования: *balladysta, encyklopedysta, propagandysta, tałmudysta*; *s ~ ś*: *kontrabasista, drugoklasista, rasista*; *z ~ ź*: *parafrazista, trapezista*; *z* без чередования: *peryfrazysta*; *r ~ ż*: *fanfarzysta, gitarzysta, rowerzysta, chorzysta, miniaturzysta*; *r* без чередования: *metaforysta, kulturysta*.

Без чередования: *fetyszysta (ś), witrzysta, reportażyста (ż), brydżyста (ź)*.

Следует отметить, что отсутствие смягчения характерно прежде всего для иноязычных основ, тогда как исконные или хорошо адаптированные слова обнаруживают смягчение. Колебания в одном и том же слове отражают разные этапы адаптивования слова.

-iś, -iśa (-isia)

Присоединяется к адъективным основам с суффиксом *-n-*, вызывая чередование *n ~ n'*. Приводим список дериватов с этим суффиксом:

porządniś, wybredniś, wygodniś, modniś, strojniś, pięknīś, potulniś, skromniś, koniś, dowcipniś, wytworniś, delikatniś, wykwinniś, psotniś, zabawniś, rozmowniś, żartowniś, grzeczniś, porucniś, nabożniś, pobożniś, ostozniś; porządnia, wygodnia, modnia, strojnia, skromnia, wytwornia, wykwinnia, zalotnia, żartownia, nabożnia, pobożnia.

-iwo

Присоединяется к субстантивным, глагольным и адъективным основам. О том, что суффикс относится к типу смягчающих, свидетельствуют такие примеры, как *szkliwo (szkło), krzesiwo (krzesać), żelaziwo (żelazo), przedziwo (prząć, przęde), młodziwo (młody)*. Чередование *ś ~ ś'* представлено в *grosiwo (grosz)*.

-izm

Продуктивный суффикс, оформляющий дериваты преимущественно от интернациональных субстантивных и адъективных основ. Для дериватов с этим суффиксом характерно:

1) усечение финалей производящих интернациональных основ:

- ja: *biografia* — *biografizm*, *magia* — *magizm*;
- ista: *altruista* — *altruizm*, *pacyfista* — *pacyfizm*;
- ny: *okazjonalny* — *okazjonalizm*, *uniwersalny* — *uniwersalizm*;
- ski: *europaeski* — *europaizm*;
- ika: *pragmatyka* — *pragmatyzm*;

2) последовательное смягчение губных, *n*, *t*:

- b* ~ *b'*: *sylaba* — *sylabizm*, *snobizm*, *kaszubizm*;
- p* ~ *p'*: *papizm*;
- v* ~ *v'*: *warszawizm*, *aktywizm*;
- m* ~ *m'*: *totemizm*, *atomizm*;
- n* ~ *n*: *brachmanizm*, *demonizm*, *szamanizm*, *ukrainizm*;
- t* ~ *l*: *feudalizm*, *rytualizm*;

3) двоякая репрезентация заднеязычных: *K* ~ *K'* и *k* ~ *c*:

- k* ~ *k'*: *lamarkizm*;
- g* ~ *g'*: *magizm*, *frazeologizm*;
- x* ~ *x'*: *czechizm*, *anarchizm*;
- k* ~ *c*: *katolicyzm*, *stoicyzm*, *klasycyzm*, *praktycyzm*, *sceptycyzm* (от производящих основ с суфф. *-yka*);

4) отсутствие смягчения переднеязычных *t*, *d*, *s*, *r*:

- t*: *poetyzm*, *patriotyzm*, *bandytyzm*;
- d*: *legendyzm*, *metodyzm*, *freudyzm*;
- s*: *rusyzm*; *r*: *barbaryzm*, *caryzm*, *gwaryzm*, *hitleryzm*, *koloryzm*.

Не имеют чередования *š*, *ž*: *fetyszyzm*, *rewanżyzm*.

Морфонологическая характеристика этого суффикса близка к характеристике суффикса *-ista*, но в отличие от последнего здесь совсем не представлены варианты с палатализацией *t*, *d*, *s*, *r*.

-izna

Основная масса дериватов с этим суффиксом содержит адъективную производящую основу (в том числе и причастную). Для образований с суфф. *-izna* характерно усечение адъективной финали *-k*, следующей за согласным: *rzadki* — *rzadzizna*, *wąski* — *węzizna*, а также *n*: *podobny* — *podobizna*.

Суффикс вызывает стандартные чередования типа *C* ~ *C'*:

- r* ~ *ž*: *starzyzna*, *szarzyzna*; *t* ~ *l*: *bielizna*, *wścieklizna*; *n* ~ *ń*: *spalenizna*, *zielenizna*; *m* ~ *m'*: *stromizna*; *v* ~ *v'*: *łaskawizna*, *siwizna*, *łatwizna*; *p* ~ *p'*: *tępizna*; *b* ~ *b'*: *grubizna*, *stabilizna*, *szwabizna*; *t* ~ *ć*: *garbaczizna*, *kosmacizna*, *żółcizna*, *robocizna*; *d* ~ *ź*: *rzadzizna*, *młodzizna*, *twardzizna*; *z* ~ *ż*: *węzizna*; *c* ~ *ć*: *obczyzna*, *zagranicznyzna*, *niemczyzna*; (*s*)*k* ~ (*š*)*č*: *dalczyzna*, *dziczyzna*, *wysoczyzna*; *łaszczyzna*, *kaszubszczyzna*, *polszczyzna*, *ruszczyzna*; *g* ~ *ż*: *tężyzna*, *drożyzna*, *dłużyzna*; *x* ~ *š*: *ciszyzna*, *pososyzna*, *susyzna*.

-jer

Суффикс оформляет дериваты от иноязычных основ: субстантивных — *brygadier*, *kaskadier*, *medalier*, *emalier*, *karabinier*, *magazynier*, *kasjer* и глагольных — *bombardier*, *balansier*. Эта финаль характерна для множества «непроизводных» иноязычных существительных: *portier*, *grenadier*, *pionier*, *kurier* и т. п.

Суффикс не изменяет конечных согласных производящей основы, за исключением *n*, которое в сочетании с последующим *j* дает *ń*; подобный конденсированный вариант представлен и в случае исходного *l*: $l + j \rightarrow l$.

-to

Образования с этим суффиксом единичны: *ciągtło, jadło, padło, piekło, tartło* (глагольные основы). Чередования отсутствуют.

Не вполне ясна производящая основа в *światło* (*świat* или *świecić*).

-nik (-nica, -niczka)

Дериваты с этим суффиксом обнаруживают сложную морфонологическую картину, не позволяющую однозначно квалифицировать суффиксы как смягчающие или несмягчающие. Губные представлены здесь только твердыми вариантами, поскольку мягкие губные закономерно утрачивают мягкость в позиции перед согласным: *gotębnik*. Твердые *t, d* сохраняются без изменения: *wodnik, ogrodnik, namordnik, herbatnik, kwietnik, kątnik*. Палатальные *ć, ż* чередуются с *t, d*: *czeladnik, natokietnik, śmietnik*. Регулярному смягчению подвержены *s, z, n*: *głośnik, papierośnik, gaźnik, rozkaźnik, cennik, włókiennik*. Двойные результаты могут иметь заднеязычные *k, g, x, c* и *r, ł* — палатализованные: *mlecznik, piasecznik, katorżnik, krążnik, ptasznik, sosznik, świecznik, ulicznik, wietrznik, igielnik, popielnik* и непалатализованные: *wykrzykunik, gorzknik, ciągnik, dźwignik, zwierznik, owocnik, rotocnik, cukiernik, piernik, nawałnik*. Неоднозначно проявляют себя также основы на *ż(ř)*, ср. *pancernik* (с диспалатализацией $ż(ř) \rightarrow r$) и *pieprznik* (без диспалатализации). Прочие консонантные исходы производящих основ, т. е. *j, l, ń, p, b, f, v, t, d, z, ś, ź, ŝ, ż, ć, ż*, не подвержены чередованиям. Ниже приводятся примеры на каждый тип консонантного исхода производящей основы:

(*r*) *cukiernik, piernik, górnik*, но *wietrznik, pierznik*; (*ř*) *pancernik*; (*t*) *igielnik, popielnik, nadczolnik*, но *nawałnik, petnik*; (*l*) *szpitalnik, myślnik, chmielnik*; (*n*) *cennik, włókiennik, sennik, malinnik*; (*n*) *naramiennik*; (*m*) *gromnik, dymnik*; (*m'*) примеров нет; (*v*) *prawnik, pokrzywnik, drzewnik*; (*v'*) *mrównik, obuwnik*; (*f*) примеров нет; (*f'*) примеров нет; (*p*) *mapnik, rzepnik, słupnik*; (*p'*) примеров нет; (*b*) *dębник, ziębnik*; (*b'*) *gotębnik, wyrobник*; (*t*) *herbatnik, kątnik, kwietnik*; (*d*) *składnik, kolędник, młodник*; (*s*) *grymasnik, papierośnik, głośnik*; (*z*) *gaźnik, rozkaźnik*; (*c*) *ptucnik, owocnik, pomocnik — świecznik, ulicznik, miesięcznik*; (*z*) *nędzник*; (*ć*) *natokietnik, śmietnik*; (*ż*) *czeladnik*; (*ś*) *miłośnik, nieszcześnik*; (*ź*) *gałęźnik*; (*ŝ*) *kapelusznik*; (*ż*) *bagażник*; (*ć*) *łączник*; (*ż*) примеров нет; (*k*) *wykrzykunik, gorzknik — mączник, mlecznik, piasecznik*; (*g*) *ciągnik, biegnik, dźwignik — krążник, nabieżник, mnożник, katorżник*; (*x*) *zwierzchnik — ptaszник, sosznik, kożusznik*; (*j*) *rodzajnik, czajnik, gnojnik*.

-oba

Зафиксировано всего лишь три слова с финалью *-oba*: *choroba, żałoba, wątroba*.

-ox (-och)

Немногочисленные образования с этим экспрессивным суффиксом демонстрируют палатализирующий характер суффикса: *tluścioch* (*tlusty*), *czyścioch*

(*czysty*), *śpioch* (*spać*); *czervioch*. Не вполне ясна производящая основа для *pieszczoch* (*pieścić* или *pieszczota*).

-oć

Присоединяется к адъективным основам, не вызывая чередований: *wilgoć* (усеч. *ł*), *ptaskoć*, *gotoć*, *marztoć*, *podobnoć*, *dobroć*.

-ość

Присоединяется к адъективным основам, не вызывая никаких консонантных чередований:

(*r*) *starość*, *szarość*, *mądrość*; (*ł*) *całość*, *białość*, *śmiałość*, *nagłość*; (*n*) *ładność*, *błądność*, *cudność*; (*ń*) *taniość*, *dostatniość*; (*m*) *uprzejmość*, *stromość*; (*m'*) *olbrzymiość*; (*v*) *plugawość*, *rdzawość*, *stosunkowość*; (*p*) *skąpość*, *tępość*; (*b*) *stabość*, *grubość*; (*t*) *bogatość*, *obfitość*, *jednolitość*; (*d*) *bladość*, *młodość*, *twardość*; (*c*) *obcość*, *kobiecość*; (*ś*) *młodszość*, *mniejszość*; (*ż*) *świeżość*, *dużość*; (*ć*) *zbrodniczość*, *badawczość*; (*k*) *gibkość*, *szybkość*, *literackość*, *rzadkość*, *gładkość*; (*g*) *nagość*, *tęgość*, *srogość*; (*x*) *suchość*, *kruchość*; (*h*) *błahość*.

-ot

В современном языке многие образования с этим суффиксом оказываются нечленимыми — *trzpiot*, *szczebiot*, *chichot*, *grzechot*, *świergot*, *chrobot*, *bełkot*. В ряде случаев может быть выявлена глагольная производящая основа: *gęgot* (*gęgać*), *grzmot* (*grzmieć*), *chrapot* (*chrapać*), *chlupot* (*chlupać*). Ограниченность материала не позволяет установить морфонологический тип суффикса.

-ota

Присоединяется к адъективным и реже — к глагольным основам:

A: *biedota*, *brzydota*, *duchota*, *gluchota*, *gotota*, *ciepłota*, *marzłota*, *tęsknota*, *ciemnota*, *okropnota*, *wspólnota*, *ślepotota*, *ciasnota*, *głupota*, *mizerota*, *kwasota* (не исключается и деривация от S *kwasi*), *istota*, *drętwota*, *martwota*;

Vb: *psota*, *ciągota*, *bazgrotota*, *pieszczota*.

Для части адъективных основ характерно усечение конечного консонантного суффикса: *brzydota* (*brzydki*), *mizerota* (*mizerny*). Наблюдаемые здесь sporadически чередования *p' ~ p*: *sepi* — *sępota*, *głupi* — *głupota*, *ś* ~ *s*: *kwaśny* — *kwasota*, *ś* ~ *x*: *duszny* — *duchota*, *śc* ~ *śc*: *pieścić* — *pieszczota* заставляют определить морфонологический тип суффикса как диспалатализационный.

-ov' #c (-owiec)

Вторичный суффикс, возникший на базе адъективного суффикса *-ov(y)* и субстантивного суффикса *-#c (-ec)*. Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая консонантных чередований (аналогично адъективному *-ov*):

wątrobowiec, *torbowiec*, *sercowiec*, *rajdowiec*, *dżdowiec*, *brzegowiec*, *drogowiec*, *usługowiec*, *fachowiec*, *wapniowiec*, *konwojowiec*, *narzędziowiec*, *związkowiec*, *hotelowiec*, *kotłowiec*, *programowiec*, *salonowiec*, *gestapowiec*, *hitlerowiec*, *biurowiec*, *remontowiec*, *żelazowiec*, *korytarzowiec*, *montażowiec*, *bydźowiec* и т. п.

-ova (-owa)

Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая консонантных чередований:

(r) *bankierowa, ambasadorowa, (ř) piekarczowa, aptekarzowa, malarzowa, (t) generałowa, (l) nauczycielowa, królowa, (n) bocianowa, dziekanowa, (f) szefowa, (t) bratowa, adwokatowa, (s) mecenasowa, prezesowa, (c) kupcowa, szewcowa, (z) księdzowa, (č) królewiczowa, (ž) krzyżowa, (k) naczelnikowa, pułkownikowa.*

-ovca (-owca)

Единичные образования с этим суффиксом содержат глагольную основу: *wykładowca, wywiadowca, zawiadowca, zwiadowca.* Чередований нет.

-ov'ić (-owicz)

Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая консонантных чередований:

(r) *karierowicz, spacerowicz, (t) karnawałowicz, generałowicz, (l) kapelowicz, (n) talonowicz, (m) pielgrzymowicz, (p) urlopowicz, autostopowicz, (b) klubowicz, (t) projektowicz, protestowicz, (d) obiadowicz, weekendowicz, (s) wczasowicz, konkursowicz, (z) obozowicz, (ž) plażowicz, (k) strajkowicz, dwójkowicz, kółkowicz, (g) noclegowicz, drobiazgowicz, (x) zamachowicz.*

-ovńa (-ownia)

Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая консонантных чередований:

(r) *lakierownia, cukrownia, (t) ciepłownia, kotłownia, (l) stalownia, modelownia, węglownia, (n) wagonownia, betonownia, (m) formownia, (p) lampownia, pompownia, (b) kadłubownia, (t) octownia, cementownia, (d) karbidownia, lodownia, (s) prasownia, koksownia, głosownia, (z) gazownia, brązownia, (c) piecownia, (z) widzownia, (ž) bagazownia, montazownia, (ž) miedzownia, narzędziownia, (k) blokownia, cynkownia, piaskownia, (g) noclegownia, ługownia, (x) cechownia, prochownia, (j) zbrojownia, gnojownia.*

-ownik, -ownica (-ownik, -ownica)

Производящие основы — субстантивные. Чередований нет:

(r) *cukrownik, iskrownik, (t) siłownik, (l) węglownik, stemplownik, (n) mianownik, (m) tasmownik, (v) warstwownik, (p) łapownik, (b) trybownik, szymbownik, (t) kształtownik, listownik, (d) hołdownik, gniazdownik, (s) koksownik, czasownik, (z) gazownik, (c) miejscownik, (š) wierszownik, (ž) nożownik, węzownik, (č) rzeczownik, tłuszczownik, (k) kietkownik, siarkownik, (g) morgownik, (x) cechownik, (j) gnojownik.*

-uwna (-ówna)

Имеющиеся примеры дериватов с этим суффиксом содержат субстантивную основу с неизменным конечным согласным:

(r) *bankierówna, doktorówna, (ř) aptekarówna, pisarówna, (ł) generaówna, (n) dziekanówna, kapitanówna, (m) ekonomówna, (d) lordówna, (s) prezesówna, sołtysówna, (c) kupcówna, dozorcówna, (č) królewiczówna, (k) pułkownikówna, marszałkówna*. Однако пример *kmiotówna* < *kmieć* свидетельствует о возможном диспалатализирующем воздействии суффикса.

-stvo (-stwo)

Присоединяется преимущественно к субстантивным основам, реже к адъективным: *skapy — skapstwo, bogaty — bogactwo, powinowaty — powinowactwo, leniwy — lenistwo*; в единичных случаях — к глагольным: *śledzić — śledztwo, kłamać — kłamstwo*. Модификации производящей основы определяются преконсонантной позицией исходного согласного и сводятся к нескольким регулярным чередованиям ($t \sim l, n \sim \acute{n}, r \sim \acute{z}$) и упрощению консонантных групп на стыке основы и суффикса за счет усечения *g, ś, z, v* или объединения (конденсации) сочетаний *k, t, c, č + s → c; d, ʒ, ź + s → ʒ*. Чередования: $t \sim l$ (*diabeł - diabelstwo, nachał - nachalstwo, prowincjał - prowincjalstwo*), $n \sim \acute{n}$ (*cygan - cygaństwo, dziekan - dziekanaństwo, pan - państwo, epigon - epigoństwo*), $\acute{z}(\acute{ř}) \sim r$ (*figlarz - figlarstwo, sekretarz - sekretarstwo*). Автоматическую диспалатализацию претерпевают мягкие губные: (*g*) *margrabia — margrabstwo, głupi — głupstwo*. Усечения: *przysięgać — krzywoprzysięstwo, bóg — bóstwo, ubogi — ubóstwo, mnogo — mnóstwo*; (*ś*) *towarzysz — towarzysztwo*; (*ź*) *papież — papieństwo, książę — księstwo*; (*v*) *obrzydlivy — obrzydlistwo, leniwy — lenistwo, myśliwy — myślistwo*, однако *sprawa — sprawstwo, chciwy — chciwstwo* без усечения.

Конденсация консонантных последовательностей:

$k + s \rightarrow c$ (*rybak — rybactwo, poradnik — poradnictwo, wodniak — wodniactwo*); $t + s \rightarrow c$ (*wariat — wariactwo, brat — bractwo, bogaty — bogactwo*); $c + s \rightarrow c$ (*jeniec — jeniectwo, dziedzic — dziedzictwo, kupiec — kupieństwo*); $\acute{c} + s \rightarrow c$ (*krzykacz — krzykactwo, ciutacz — ciutactwo, zbieracz — zbieractwo*); $d + s \rightarrow ʒ$ (*inwalida — inwalidztwo, wojewoda — województwo, ohyda — ohydztwo* или *ohydny — ohydztwo* с усечением *n*, однако *paskudny — paskustwo* с усечением *n*, и *d*); $ʒ + s \rightarrow ʒ$ (*krótkowidz — krótkowidztwo, władza — władztwo*); $ź + s \rightarrow ʒ$ (*śledzić — śledztwo, ludzie — odludztwo*, но без изменения: *chodzić — wychodźstwo, uchodźstwo*).

Остальные консонантные исходы не подвержены модификации перед этим суффиксом: (*b*) *babstwo, snobstwo, (j) plebejstwo, zabójstwo, (l) kowalstwo, obywatelstwo, (m) kłamstwo, takomstwo, (ń) świństwo, (p) skapstwo, chłopstwo, (r) bohaterstwo, kelnerstwo*.

На базе суффикса *-stvo* путем переразложения возникли вторичные сложные суффиксы *-actwo, -nictwo, -estwo, -ostwo, -arstwo, -erstwo, -alstwo, -ictwo*. В большинстве случаев для дериватов со сложными, вторичными суффиксами сохраняется и альтернативное членение с выделением первичного суффикса, например, *zbieractwo* может быть интерпретировано 1) как производное от глагольной основы *zbierać* с суффиксом *-actwo* и 2) как производное с суффиксом *-stvo* от субстантивной основы *zbieracz* (с соответствующим преобразованием стыка). Но все же постулирование каждого из таких сложных суффиксов опирается на примеры, которые формально не допускают альтернативных члене-

ний: (-*actvo*) *brzydki* — *brzydactwo* (альтернативная деривация от субстантивной основы на *-ak*, *-ač* здесь исключается), (-*nictvo*) *wydawac* — *wydawnictwo* (альтернативная деривация от субстантивной основы с суффиксом *-nik* исключается), (-*estvo*) *królestwo*, *jestestwo*, *nicesstwo* (альтернативного членения нет), (-*eństwo*) *starszeństwo*, *pierwszeństwo*, *wdowieństwo*, *zakupieństwo*, *przekleństwo* (соответственно от *starszy*, *pierwszy*, *wdowa*, *zakupić*, *przekląć*; альтернативного членения нет); (-*ostvo*) *modniosstwo*, *gapiostwo*, *sędziostwo*, *hrabiosstwo*, *włóczęgostwo*, *lordostwo* (от *modniś*, *gap*, *sędzia*, *hrabia*, *włóczęga*, *lord*; альтернативная деривация от адъективных основ на *-ouy* исключается; единственный случай с чередованием: *wnętrze* — анатом. *wnętrostwo*); (-*arstvo*) *buntarstwo* (*bunt*, *buntować*); (-*erstvo*) *braterstwo* (*brat*), *wirtuozerstwo* (*wirtuoz*), *falszerstwo* (*falsz*), *łobuzerstwo* (*łobuz*); (-*alstvo*) *bestialstwo* (*bestia*), *zapominalstwo* (*zapominac*), *szużalstwo* (*szużyć*); (-*ictvo*) редк. *cieślictwo* (*cieśla*), *kopalnictwo* (*kopalnia* ?).

-*tva* (-*twa*)

Существительные с финалью *-twa* обнаруживают три разных суффикса: *-tva* (*klątwa*, *bitwa*, *brzytwa*, *witwa*, *sitwa*), *-itva* (*rybitwa*, *modlitwa*, *gonitwa*, *żyrytwa*) и *-atva* (*dratwa*). Скудость материала не позволяет установить морфонологический тип суффикса.

-*ux* (-*uch*)

Морфонологические свойства суффикса неоднозначны: он может вызывать палатализацию твердого конечного согласного основы (чередования *t - l*, *t - ć*, *d - ź*, *st - ść*, *k - ċ*, *c - ċ*: *gnieciuch*, *pleciuch*, *brylanciuch*, *pociuch*, *uparciuch*, *niewiesciuch*, *prosciuch*, *nieporządziuch*, *maluch*, *niedbaluch*, *mieszczuch* соответственно от *gnieść/gniotę*, *pleść/plotę*, *brylant*, *uparty*, *niewiasta*, *prosty*, *nieporządny*, *mały*, *niedbały*, *mieszkać/mieszkanie*), а может оставлять твердый согласный неизменным (*znajduch*, *staruch*, *wycieruch*, *siwuch*, *lizuch* соответственно от *znaleźć/znajdę*, *stary*, *wycierać*, *siwy*, *lizać*).

-*ula*, -*ulo*, -*ulek*

Имеющиеся примеры дериватов с названными суффиксами содержат субстантивную и — реже — адъективную основу с неизменным конечным согласным производящей основы:

babula, *grabula*, *gębula*, *zgadula*, *biedula*, *brzydula*, *smarkula*, *damula*, *matula*, *kampanula*, *żonula*, *czarnula*, *dziewula*, *krzywula*, *jedzula*; *dziadulo*, *tatulo*, *księżulo*, *mężulo*; *księżulek*, *dziadulek*, *tatulek*, *mężulek*, *garnulek*.

Однако с чередованием: *ojciec* — *ojczulo*, *ojczulek*; *ciocia* — *ciotula* (или *ciotka* — *ciotula* без чередования, но с усечением суффиксального *k*).

Ниже приводится таблица 5, в которой суммируются морфонологические свойства субстантивных суффиксов.

Таблица 5

Суффикс	Класс производящих основ	Модификации основы		Примеры
		Стандартные	Нестандартные	
-∅	Vb A	C' - C		<i>jazda</i> <i>dobro</i>
-'∅	A S	C' - C		<i>biel</i> <i>pierze</i>
-#c	A S Vb	C' - C	r - Ź только перед вокализ. формой суф.	<i>skąpiec</i> <i>ząbiec</i> <i>goniec</i>
-#k-	S A Vb	K - Č, c - č, ż - ź, sk - śč, zg - źż, T' - T		<i>książka</i> <i>śmiałek</i> <i>przepustka</i>
-acja	S Vb(<i>ovać</i>)	усечение <i>ova</i>		<i>ideacja</i> <i>normalizacja</i>
-ač	Vb S			<i>badacz</i> <i>głowacz</i>
-ada	S			<i>arkada</i>
-adto	S Vb A			<i>dziwadto</i> <i>trzymadto</i> <i>mokradto</i>
-ak	S A Vb			<i>biadak</i> <i>chytrak</i> <i>deptak</i>
-'ak	S A	C - C'		<i>druciak</i> <i>młodziak</i>
-al	S Vb A	усечение <i>k</i>		<i>góral</i> <i>kowal</i> <i>brzydal</i>
-alnia	Vb S			<i>wyprawialnia</i> <i>komedialnia</i>
-alnik	Vb			<i>rozgrzewalnik</i>
-anin	S A	C - C'		<i>niebianin</i> <i>grubianin</i>
-anina	Vb			<i>czytanina</i>
-ant	S Vb	усечение <i>ova</i>		<i>muzykant</i> <i>kwalifikant</i>

Продолжение таблицы

Суффикс	Класс производящих основ	Модификации основы		Примеры
		Стандартные	Нестандартные	
-arka	S Vb			<i>młynarka</i> <i>wsrząsarka</i>
-'arka	S A Vb	C - C'		<i>mydlarka</i> <i>cieplarka</i> <i>farbiarka</i>
-arnia	S Vb			<i>rudarnia</i> <i>skubarnia</i>
-'arnia	S Vb	C - C'	ć - c, ź - ż, ś - ś	<i>kawiarnia</i> <i>kopiarnia</i>
-ař	S Vb A			<i>dacharz</i> <i>pisarz</i> <i>dzikarz</i>
-'ař	S A Vb	C - C'	ź - ż	<i>mydlarz</i> <i>skąpiarz</i> <i>wędzarsz</i>
-as	S A	t - l		<i>dziobas</i> <i>golas</i>
-at	S			<i>doktorat</i>
-ata	S Vb			<i>dyplomata</i> <i>koordynata</i>
-ator	Vb(<i>ovać</i>) S(<i>acja</i>)	усечение <i>ova</i> , <i>acja</i>		<i>likwidator</i> <i>innovator</i>
-aź	S Vb	усечение <i>ova</i>		<i>kartonaż</i> <i>montaż</i>
-ba	Vb	C - C'		<i>rzeźba</i>
-ca	Vb S (редк.)	r - ż (ź - d послед.)		<i>twórca</i> <i>pogromca</i>
-ć(a,o)	S	усечение конечного t, суффикса k		<i>kogucio</i> <i>córcia</i>
-ćyk	S Vb(<i>ski</i>)	усечение sk	ż(ř) - r, n - Ń	<i>karabińczyk</i>
-dło	Vb			<i>mydło</i> , <i>szydło</i>
-ent	Vb(<i>ovać</i>)	усечение <i>ova</i>		<i>korespondent</i>

Продолжение таблицы

Суффикс	Класс производящих основ	Модификации основы		Примеры
		Стандартные	Нестандартные	
-er	S			<i>bokser</i>
-erja	S			<i>studenteria</i>
-ęć	S	C - C'	š - ś	<i>matpię</i>
-ica	S A	C - C'		<i>wilczyca</i> <i>skąpica</i>
-iciel	Vb	C - C'		<i>nauczyciel</i>
-idło	S Vb A	C - C'		<i>chamidło</i> <i>kropidło</i> <i>czernidło</i>
-ik	S	C - C', c - ċ, ż - ź	(š - ś)	<i>tomik, razik</i>
-ina	S A Vb	C - C'	š - ś	<i>skrzydlina</i> <i>twardzina</i> <i>wyglądzina</i>
-ini	S		c - ċ	<i>zabójczyni</i>
-iny	Vb S	t - l, d - ź, s - ś		<i>zaprosiny</i> <i>włosiny</i>
-iradło	A	p - p'		<i>skąpiradło</i>
-isko	S Vb A	C - C'	š - ś	<i>diablisko</i> <i>wysypisko</i> <i>skupisko</i>
-ista	S	(T - T') K - K'	(k - c)	<i>finalista</i>
-iś-	A(ny)	n - ñ		<i>delikatniś</i>
-iwo	S Vb A	C - C'	š - ś	<i>ogniwo</i> <i>nosiwo</i> <i>młodziwo</i>
-izm	S A	усечение адъект. n, sk, P - P'; K - K' (k - c), n - n', t - l		<i>snobizm</i> <i>uniwersalizm</i>
-izna	A S	усечение адъект. k, n, C - C'		<i>obczyzna</i> <i>niemczyzna</i>
-jer	S Vb	n + j → n'	l + j → l	<i>karabinier</i> <i>bombardier</i>
-to	Vb			<i> tarto, piekto</i>

Продолжение таблицы

Суффикс	Класс производящих основ	Модификации основы		Примеры
		Стандартные	Нестандартные	
-nik, -nica, -nička	S Vb A	P' - P; ć, ź - t, d; s, z, n - ś, ź, Ń; k, g, x, c, r, ł - k, g, x, c, r, ł/ ć, ź, ś, č, ž, l; ź(ř) - ž/r		skarbnik biegnik gorzknik
-oba	A			choroba
-ox	A Vb S	st - ść, p - p'		tłuszcioch śpioch czerwioch
-oć	A			ptaskoć
-ość	A			rzadkość
-ot	Vb		?	chlupot
-ota	A Vb	усечение адъект. k, n; p' - p, ś - s, ś - x ść - śč		ciemnota duchota psota
-ov' #c	S			centrowiec
-ova	S			aptekarzowa
-ovca	Vb			wykładowca
-ovič	S			konkursowicz
-ovńa	S			lakierownia
-ovník, -ovníca	S			cukrownik
-uvna	S	ć - t		doktorówna
-stvo	S A	усечение g, n, ś, ź; ł - l, n - Ń ź(ř) - r		sekretarstwo ubóstwo
-tva	Vb			klątwa
-ux	S A Vb			klamczuch siwuch skarżuch

Глава 3

Морфонология глагольного словоизменения

Морфонологическая модель глагольного словоизменения включает сведения о морфонологических признаках и типах глагольных основ и глагольных аффиксов, правила выбора аффикса для каждой основы или типа основ (если некоторая грамматическая форма обслуживается более чем одним аффиксом) и правила преобразования полученных цепочек морфем в фонологически правильные последовательности морфов. Трудность, однако, состоит в том, что ни набор основ, ни набор аффиксов не дан исследователю в чистом виде. Исследователь имеет дело лишь с целыми словоформами, которые он расчленяет на морфы (нередко произвольно), получая в результате (после объединения алломорфов) искомый набор основ и аффиксов. То, что проблема сегментации глагольной словоформы достаточно сложна и далеко не всегда решается однозначно, очевидно хотя бы из сравнения разных описаний одного языка, в которых постулируются разные наборы морфем. Так, при описании польского спряжения могут постулироваться единые для всех классов глаголов флексии наст. времени *-š*, *-my*, *-će*, но может быть предложен и список, содержащий втрое больше флексий: *-š*, *-eš*, *-iš*; *-my*, *-emy*, *-imy*; *-će*, *-eće*, *-iće*. Аналогично для форм страдат. причастий прош. времени постулируются либо только суффиксы *-n-*, *-t-*, либо также и суффиксы *-an-*, *-en-*, *-on-*, *-et-* и т. п. Очевидно, что при разных исходных наборах морфем получаются разные правила их сочетаемости. И хотя в какой-то степени такая произвольность неизбежна, некоторые формальные критерии сегментации глагольных словоформ позволяют ее существенно ограничить. Известно, что сигналом морфемной границы служат некоторые виды фонемных чередований, в частности, консонантные чередования. Наличие консонантного чередования *s ~ š* в словоформе {p'išeš}, выявляемого из сопоставления ее с другими словоформами глагольной парадигмы (*pisać*, *-pisaný* и т. д.), однозначно указывает на морфемную границу {p'iš-eš}, независимо от того, членится ли далее часть {-eš} на {-e-š} или нет и какие значения приписываются выделенным морфемам. В противном случае, т. е. при членении {piše-š}, мы получили бы консонантное чередование *s ~ š*, происходящее в нестандартных условиях внутри морфемы. Другим формальным критерием может служить сам характер предполагаемых данной сегментацией морфонологических преобразований: безусловно, следует предпочесть сегментацию, приводящую к регулярным преобразованиям, в частности, к чередованиям, представленным не в уникальных или изолированных примерах, а в целой серии форм. Точно так же при прочих равных условиях следует предпочесть такую сегментацию, которая предполагает морфонологические преобразования в естественных и стандартных условиях.

3.1. Структура глагольной парадигмы

Термин *парадигма* употребляется в нескольких разных значениях, даже если речь идет только о словоизменительной парадигме, т. е. о парадигме в традиционном смысле слова (о возможности применения этого понятия к словообразовательной системе в связи с задачами морфонологического описания см. [Ворт 1975, 57–58]). При самом широком понимании этого термина имеют в виду совокупность всех флективных форм одного слова, независимо от того, как определяются для них отношения грамматической производности, т. е. являются ли они непосредственными параллельными образованиями от некоторой общей исходной формы (основы), как, например, падежные словоформы одного существительного; образованы ли они от разных основ, как, например, падежные словоформы прилагательного в положительной и в сравнительной или превосходной степени (ср. польск. *mtodego* и *mtodszeo*); или же эти словоформы образованы одна от другой, как, например, форма 3 ед. прош. времени и та же форма сослагат. наклонения (*robił* и *robiłby*). Такую парадигму называют *полной*.

Самым узким значением слова *парадигма* следовало бы считать совокупность словоформ одного слова, отличающихся друг от друга только флексиями (и соответствующими грамматическими значениями) какой-либо одной словоизменительной категории, например, падежа, числа, рода, наклонения и т. п. Парадигму в этом значении можно назвать *минимальной* или *подпарадигмой*.

Глагол отличается наиболее сложной структурой полной парадигмы. Полная глагольная парадигма распадается на ряд личных глагольных парадигм (парадигм спряжения): 1) настоящего времени, 2) повелительного наклонения, 3) прошедшего времени и 4) сослагательного наклонения; ряд именных парадигм (парадигм склонения) адъективного типа — 1) парадигма действит. причастия наст. времени и 2) страдат. причастия прош. времени и субстантивного типа — 3) парадигма отглагольного имени (герундия); ряд «нулевых» парадигм, т. е. форм, не имеющих словоизменительных флексий: 1) инфинитив, 2) деепричастие наст. времени, 3) деепричастие прош. времени.

Нетрудно видеть, что перечисленные подпарадигмы неоднородны. Одни из них, за которыми может быть оставлено название минимальных, представляют собой совокупность словоформ, идентифицируемых одинаковым набором грамматических различительных признаков и различающихся по значению только одного признака или нескольких «связанных» признаков, имеющих общую форму выражения, например, лица и числа или падежа и числа. К таковым в польской глагольной системе относятся подпарадигмы настоящего времени, повелительного наклонения, герундия и «нулевые» подпарадигмы инфинитива, деепричастия наст. и прош. времени, а также личные парадигмы муж., жен. и сред. рода прошедшего времени и сослагат. наклонения, действит. причастия наст. времени и страдат. причастия прош. времени.

Другие подпарадигмы, помимо специфического набора формальных флективных показателей, противопоставляющих входящие в них словоформы друг другу, имеют еще и специфический показатель нефлективного характера (который условно можно назвать основообразующим или формообразующим суф-

фиксом), противопоставляющий данную подпарадигму другим подобным подпарадигмам. Подпарадигмы такого типа могут быть названы частными. Они представляют собой ряд минимальных подпарадигм, противопоставленных по некоторому признаку, например, по признаку рода. Частными подпарадигмами, в пределах которых минимальные подпарадигмы противопоставлены по признаку рода, в польской глагольной системе являются подпарадигмы прошедшего времени, сослагательного наклонения, действит. причастия наст. времени и страдат. причастия прош. времени.

В понятие глагольной парадигмы входит, кроме того, система отношений между частными и минимальными парадигмами. Как трактовать эти отношения (как словообразовательные или словоизменительные) и на уровне каких единиц их устанавливать (на уровне целых парадигм или каких-то репрезентативных для каждой из них форм или, наконец, на уровне абстрактных «основ» каждой парадигмы)? С одной стороны, поскольку любая словоформа любой частной парадигмы признается формой одного глагола, речь должна идти несомненно о единой словоизменительной парадигме. С другой стороны, очевидно, что отношения между словоформами внутри одной частной или минимальной парадигмы (например, между словоформами парадигмы настоящего времени) совершенно иные, чем отношения между членами разных подпарадигм (например, между формой 1 ед. наст. и формой Тв. ед. действит. причастия наст. времени). Эти последние отношения и с содержательной, и с формальной точки зрения оказываются явно более сложными. Между словоформами разных подпарадигм устанавливается, можно сказать, родство второй ступени. Разумно считать, что между ними нет непосредственной связи, эта связь опосредована отношением одной парадигмы к другой (например, всей подпарадигмы наст. времени в целом ко всей парадигме действит. причастия наст. времени).

3. 2. Система глагольных основ

Иерархической структуре глагольной парадигмы (минимальная парадигма — частная парадигма — полная парадигма) соответствует система глагольных основ. Каждая минимальная и каждая частная парадигма имеет свою особую основу, устанавливаемую путем отделения флексий. Так, минимальная парадигма наст. времени глагола *robić* имеет основу {rob'-}, парадигма действит. причастия наст. времени — основу {rob'ac-}, частная парадигма прош. времени — основу {rob'il-} и т. д. Вместе с тем, регулярный характер связи между подобными основами отдельных подпарадигм позволяет говорить о единой первичной исходной глагольной основе, из которой может быть получена присоединением суффиксов и тематических элементов каждая индивидуальная (вторичная) основа, а затем и любая словоформа полной парадигмы.

Возможность описания полной глагольной парадигмы на основании единой исходной основы впервые была показана в знаменитой работе Р. О. Якобсона о русском спряжении [Якобсон 1948]. Ориентация на две глагольные основы (настоящего времени и инфинитива), характерная для русской грамматиче-

ской традиции, может быть оправдана стремлением исходить в описании глагольной системы из какой-то реальной (т. е. выделяемой дескриптивной процедурой) глагольной основы, при том что ни основа настоящего времени, ни основа инфинитива не может быть оптимальной (наиболее информативной) для всех глаголов: для одних глаголов наиболее информативной (предсказывающей вид других основ) оказывается основа настоящего времени, для других — основа инфинитива. Только отказ от поиска реальной исходной основы в пользу некоторой условной, абстрактной конструкции, по отношению к которой и основа настоящего времени, и основа инфинитива, как и все прочие основы, оказываются производными (выводимыми с помощью ряда стандартных преобразований), позволил Р.О.Якобсону предложить описание русской глагольной системы исходя из единой основы. В польской грамматической традиции представлены различные подходы к описанию глагольной системы (основные направления связаны с именами А. Лескина, С. Шобера, Я. Токарского), однако все они ориентированы на дескриптивный, а не предсказывающий тип грамматики и потому не содержат специальных попыток описать глагольную систему на базе единой основы. Из работ предсказывающего типа, в которых на польском материале развивается предложенный Р. Якобсоном подход, можно указать [Шенкер 1954], [Гладней 1963 и 1971], [Лясковский 1975, 135–137].

Собственно говоря, система глагольных основ, манифестирующих отдельные «подпарадигмы», сама может быть истолкована как своего рода парадигма, в которой в качестве неизменяемой (постоянной) части выступает первичная, или исходная, основа, в качестве членов парадигмы (т. е. в качестве «словоформ») — вторичные основы, а в качестве изменяемых частей («флексий») — основообразующие суффиксы вторичных основ. Если вторичная основа образуется непосредственно от исходной, она может быть названа вторичной основой первой степени; если же она образована от другой вторичной основы, ее можно назвать вторичной основой второй степени (такова, например, вторичная основа сослагат. наклонения, образуемая от вторичной основы прош. времени). Иначе говоря, вторичная основа первой степени принадлежит минимальной парадигме, непосредственно входящей в состав полной парадигмы, а вторичная основа второй степени принадлежит минимальной парадигме, входящей сначала в частную, а затем в полную парадигму.

Разумеется, применение термина *парадигма* к ряду основ, связанных отношением производности, не должно затемнять принципиального отличия такой парадигмы от парадигмы в традиционном и узком смысле слова, т. е. словоизменяющей, флективной парадигмы, так же как и от словообразовательной «парадигмы», т. е. ряда деривационных основ одного словообразовательного гнезда. Парадигма в собственном смысле слова (т. е. минимальная) объединяет «конечные» словоформы, не допускающие дальнейшего производства форм; словообразовательная парадигма объединяет основы, каждая из которых служит базой для собственной полной парадигмы, тогда как парадигма словоизменяющих (глагольных) основ занимает промежуточное положение между ними, ибо каждый ее член служит исходной позицией для некоторой подпарадигмы, входящей в свою очередь в полную парадигму.

Таким образом, каждый отдельный глагол в системе словоизменения представлен одной первичной (исходной) основой и рядом вторичных основ, отличающихся от первичной и друг от друга основообразующим суффиксом. Первичная основа может иметь в составе вторичных основ морфонологические варианты, выступающие в строго определенных условиях. Именно эти модификации первичных основ, наряду с закономерностями сочетания формообразующих и словоизменяемых глагольных морфов, создают сложную морфонологическую характеристику глагольного словоизменения.

Первичная основа представляет собой исходную, базовую единицу глагольного словоизменения, не допускающую значимого морфологического членения на уровне глагольной парадигмы, хотя и подверженную определенным морфонологическим модификациям в составе вторичных основ и индивидуальных словоформ. Вместе с тем, при выходе за пределы глагольной парадигмы (в область внутриглагольной и внеглагольной деривации) легко обнаруживается сложность, членимость первичной основы. Речь идет прежде всего о возможности выделения глагольных префиксов, а затем и других словообразовательных элементов в составе первичной основы (ср. строение первичной основы глагола *zużytkowywać*: {z-u-ży-t-k-ov-ywa-}). Однако эти аффиксы, отражающие деривационную историю первичной глагольной основы, не оказывают никакого влияния на морфонологическое поведение основы в составе парадигмы. Единственным морфонологически значимым элементом первичной основы является завершающий ее так называемый тематический показатель, выделяемый на основании синхронно-морфонологического признака усекаемости и не обязательно совпадающий с историческими оформителями глагольных основ. В качестве тематических показателей могут выступать *a, e, i, a, j, n* и нуль, например, {p'isa-, v'izę-, chożi-, źv'igną-, czytaj-, kradn-, mog-}. Тематическими показателями определяется выбор тех или иных присоединяемых к основе аффиксов.

Морфонологически значимым является также вид корня, а именно такие его признаки, как слоговость/неслоговость и фонемный состав (качество корневого гласного и конечного согласного).

3.3. Типы глагольных основ

Первичные глагольные основы делятся на три класса: 1. вокалические, или открытые основы, т. е. основы, оканчивающиеся на гласный, или имеющие вокалический тематический показатель (V-основы), 2. консонантные, или закрытые основы, т. е. основы, оканчивающиеся на согласный, или основы с нулевым тематическим показателем или показателем *n* (C-основы) и 3. йотовые основы, т. е. основы, оканчивающиеся на *j*, или основы с тематическим показателем *j* (*j*-основы). Выделение последних в особый класс связано с их специфическим морфонологическим поведением, отличным от поведения других консонантных основ (усечением *j*).

Вокалические (открытые) основы могут оканчиваться на *i* (*y*), *e*, *a* и *a*: {rob'i-} *robić*, {tvoży-} *tworzyć*, {v'izę-} *widzieć*, {p'isa-} *pisać*, {źv'igną-} *dźwignąć*.

Особый разряд в этом классе составляют открытые основы на *-va-* (*-iva-*, *-yva-*, *-ova-*): {хогова-} *chorować*, {p'isyva-} *pisywać*, претерпевающие специфические чередования при усечении основ (подробнее об этом ниже).

К консонантным (закрытым) основам принадлежат сравнительно немногочисленные, но весьма употребительные глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-c* или согласный + *ć*: {v'od-} *wieść*, {g'iot-} *gnieść*, {pas-} *paść*, {lez-} *leźć*, {mog-} *móc*, {vlok-} *wlec*, {b'egn-} *bec*, а также глаголы с неслоговыми корнями {tr-} *trzeć*, {ml-} *mleć*, {-dm-} *-dąć*, {gn-} *-giąć*, {jm-} *-jąć*, {-kln-} *-kłać*, {-mn-} *-miać*, {-pn-} *-piać*, {-tn-} *-ciać*, {-žm-} *-żać*, {-žn-} *-żać*, {vezm-} *-wziąć*, {-čn-} *-cząć*.

Йотовые основы могут оканчиваться на *-aj* ({čytaj-} — *czytać*), *-ej₁* ({rozum'ej-} — *rozumieć*), *-ej* ({šalej-} — *szaleć*), *-oj* ({boj-} — *bać się*), *-ij* ({b'ij-} — *bić*), *-uj* ({čuj-} — *czuć*).

Вокалические первичные основы совпадают с реальной для данных типов глаголов основой прошедшего времени и инфинитива ({rob'i-} — *robił, robić*, {p'isa-} — *pisał, pisać*), йотовые основы — с реальной основой повелительного наклонения ({čytaj-} — *czytaj, czytajmy*, {rozum'ej-} — *rozumiej, rozumiejmy*), т. е., по традиционной трактовке, с одной из разновидностей презентной основы, а консонантные основы — с реальными основами форм 1 ед. и 3 мн. наст. времени ({nos-} — *niosę, niosą*; {v'od-} — *wiodę, wiodą*) и в большинстве случаев совпадают также с реальными основами прошедшего времени. Именно эти названные формы являются для глаголов каждого типа наиболее информативными, т. е. такими, от которых переход ко всем остальным формам (основам) оказывается простейшим и в то же время наиболее регулярным, стандартным.

Разным типам глагольных основ соответствуют разные морфонологические модели словоизменения. Различия могут касаться либо выбора альтернативных аффиксов (например, *a*-основы и *e*-основы используют суффикс страдат. причастия *-an-*, а *i*-основы — суффикс *-on-* и т. п.), либо характера морфонологических модификаций основы — правил консонантных и вокалических чередований, правил усечения основы (например, перед суффиксом герундия *-eń* конечные согласные корня *ś, ź* в глаголах с *ej*-основой не испытывают чередований, ср. *tysieć* — *tysienie*, а в глаголах с *i*-основой они чередуются с *š, ž*, ср. *nosić* — *noszenie, wozić* — *wożenie*). Вместе с тем, эти различия никогда не влекут за собой полного разграничения парадигм с разными основами. В значительной степени парадигмы разных основ сохраняют общность словоизменительной модели и прежде всего за счет тех фрагментов парадигмы, где происходит усечение специфических (тематических) показателей отдельных типов основ, нивелирующее различия между ними. Эта общность в ряде случаев столь велика (например, между парадигмами *a*-основ и *aj*-основ), что она может приводить и нередко приводит к относительно свободному перемещению отдельных глаголов из одного типа основ в другой. Если же еще учесть, что разные типы глагольных основ и соответственно разные образцы парадигм спряжения неравноценны по своей лексической мощности и отличаются разной продуктивностью, то становится понятным факт влияния одних типов основ (наиболее массовых и наиболее продуктивных) на другие типы.

Таким образом, распределение глаголов по типам основ не является абсолютно четким и может нарушаться за счет 1) глаголов, колеблющихся между какими-либо двумя типами во всей парадигме, т. е. фактически имеющих по две парадигмы, 2) глаголов, совмещающих в своей парадигме морфологические особенности разных типов основ. Укажем наиболее регулярные случаи взаимодействия основ.

Взаимодействие между *a*-основами и *aj*-основами особенно сильно отразилось на глаголах на *-otać*, многие из которых имеют двойные парадигмы, ср. *chtostać*: *chtoszczę* и *chtosta*, *chtoszcz* и *chtostaj* при совпадающих формах прош. времени: *chtostał*.

Взаимодействие между *q*-основами и консонантными основами носит двусторонний характер. Часть глаголов на *-nąć* образует формы прош. времени по образцу консонантных основ, т. е. присоединяет суффикс *-t-* непосредственно к корню (*schnąć* — *schła*, *blednąć* — *bladł*), а в ряде случаев усечение затрагивает и форму инфинитива (*łać się* наряду с *łęgnąć się*, *ugrząć* при *grzęznąć*). С другой стороны, глаголы, изменяющиеся по типу консонантных основ, могут иметь формы, характерные для *q*-основ, ср. *paść*: *padnę*, *padnij*, *(na)padnięty*, *padnięcie*, но *padł*, *padłszy*, *paść*; *biec* — *biegnę*, *biegnij*, *biegł*. Провести границу между такими глаголами очень трудно. Поэтому мы в дальнейшем условно квалифицируем их по форме инфинитива: к типу *q*-основ относим глаголы на *-nąć*, к консонантным основам — глаголы без суффикса *-ną-* в инфинитиве.

Приведенные выше случаи перекрещивания глагольных основ закреплены литературной нормой и опираются на традицию. Вместе с тем процесс взаимодействия основ остается живым до настоящего времени — об этом с очевидностью свидетельствуют материалы орфографического словаря [SPP], допускающего во многих случаях варьирование типов основы. Кроме того, формы, отвергаемые словарем как не соответствующие норме, — это чаще всего образования, нормальные для другого типа основ. Для глаголов с *a*-основой считаются ошибочными формы, типичные для *aj*-основ, ср. *orać* — *órz*, не *oraj*; *karać* — *karze*, не *kara*; *kłamać* — *kłam*, не *kłamaj*. Для глаголов на *-nąć* в словаре регулярно даются предостережения типа: *dźwignąć* — *dźwignąłem*, не *dźwigłem*; *dźwignęła*, не *dźwigła*; *rąbnąć* — *rąbnąłem*, не *rąbłem*; *rąbnęła*, не *rąbła*; *kopnąć* — *kopnąłem*, не *kopłem*; *kopnęła*, не *kopła* и т. п. И, наоборот, у глаголов с консонантной основой не допускаются формы прош. времени, соответствующие образцу *q*-основ, ср. *kraść* — *kradł*, не *kradnął*; *kradziony*, не *kradnięty* при нормальных для этих глаголов формах наст. времени по типу *q*-основ: *kradną*, *kradnie*, не *kradę*, *kradzie*. Словарь фиксирует также ошибки в области консонантных чередований, объясняемые влиянием других образцов спряжения. Так, в формах 1 ед. и 3 мн. наст. времени глаголов с консонантной основой нередко ошибочно появляются чередования, свойственные в этих формах *aj*-основам: *drzeć* — *drę*, не *drzę* (ср. *orać* — *orzę*), *drą*, не *drzą* (ср. *orzą*). И наоборот, в глаголах с *a*-основами не допускаются формы без чередования: *rąbać* — *rąbię*, не *rąbę*; *kłamać* — *kłamię*, не *kłamię*.

Лексическая мощьность глагольных основ разных типов неодинакова, она может колебаться от нескольких глаголов (такова численность *ej*₁-основ:

umieć, -rozumieć, śmieć) до многих тысяч (такова численность глаголов с *i*-основами или *aj*-основами). Лишь в немногих случаях основа глагола может быть однозначно определена по форме инфинитива: так, однозначно определяется тип основы для глаголов, имеющих инфинитив на *-ić*. Особенно сложно определить основу для глаголов с инфинитивом на *-ać* и *-eć*, каждая из которых допускает по четыре возможности: глаголы на *-ać* могут иметь *a*-основу, *aj*-основу, *ej*-основу и *oj*-основу; глаголы на *-eć* — *e*-основу, *ej*₁-основу, *ej*-основу и консонантную основу. В таблице 6 суммируются данные о соотношении глагольных основ и форм инфинитива (словарных форм).

Таблица 6

Соотношение глагольных основ и словарных форм глагола

Форма инфинитива		<i>-ać</i>	<i>-eć</i>	<i>-ić</i> (<i>-yć</i>)	<i>-ąć</i>	<i>-uć</i>	<i>-ść</i> (<i>-źć</i>)	<i>-c</i>
Вид основы								
Вокалические основы	<i>a</i> -основы	+						
	<i>e</i> -основы		+					
	<i>i</i> -основы			+				
	<i>ą</i> -основы				+			
Йотовые основы	<i>aj</i> -основы	+						
	<i>ej</i> ₁ -основы		+					
	<i>ej</i> -основы	+	+					
	<i>ij</i> -основы			+				
	<i>uj</i> -основы					+		
<i>oj</i> -основы	+							
Консонантные основы с исходом на	<i>t, d, s, z</i>						+	
	<i>k, g</i>							+
	<i>r, l</i>		+					
	<i>n</i>				+		+	+
	<i>m</i>		+		+			

Кроме тематического показателя, определяющего тип основы, важным морфологическим признаком глагольной основы является характер последнего согласного основы (полной или усеченной), который может в сочетании с неприкрытыми и вокалическими флексиями и суффиксами подвергаться чередованиям: у вокалических глагольных основ после усечения конечной (тематической) гласной, у консонантных основ непосредственно при присоединении неприкрытых и вокалических аффиксов. Йотовые основы испытывают консонантные изменения только в одном случае, а именно при образовании герундия от *ej*-основ с помощью суффикса *-eń-*, присоединяемого после усечения *-ej* к согласному основы. В табл. 7 приводятся образцы глаголов на каждый возможный для данного типа основ консонантный исход.

Таблица 7

Консонантные исходы глагольных основ

Тип основы	а-основы	е-основы	і-основы	q-основы	ej-основы	консон. основы
Согласный						
j	<i>krajać</i>		<i>stroić</i>			
r	<i>orać</i>					<i>trzeć</i>
t	<i>stać</i>					<i>mteć</i>
l	<i>mamlać</i>	<i>myśleć</i>	<i>palić</i>		<i>szaleć</i>	
n				<i>dźwignąć</i>		<i>biec, piąć</i>
ń		<i>pomnieć</i>	<i>cenić</i>		<i>istnieć</i>	
m	<i>drzemać</i>					<i>dąć</i>
m'		<i>brzmieć</i>	<i>karmić</i>		<i>zdumieć</i>	
f						
f'			<i>trafić</i>		<i>storfieć</i>	
w	<i>zwać</i>					
w'			<i>dziwić</i>		<i>posiwieć</i>	
p	<i>kopać</i>					
p'		<i>cierpieć</i>	<i>kupić</i>		<i>głupieć</i>	
b	<i>rqbać</i>					
b'		<i>zaświerbieć</i>	<i>robić</i>		<i>grubieć</i>	
t	<i>szeptać</i>					<i>pleść</i>
d	<i>gwizdać</i>					<i>kłaść</i>
s	<i>pisać</i>					<i>nieść</i>
z	<i>wiązać</i>					<i>gryźć</i>
c						
ż						
ś		<i>musieć</i>	<i>prosić</i>		<i>łysieć</i>	
ź			<i>łazić</i>		<i>francuzieć</i>	
ć		<i>lecieć</i>	<i>rzucić</i>		<i>żółcieć</i>	
ź		<i>siedzieć</i>	<i>sądzić</i>		<i>zatwardzieć</i>	
ś		<i>słyszeć</i>	<i>cieszyć</i>		<i>polepszeć</i>	
ż		<i>leżeć</i>	<i>ważyć</i>		<i>zwilżeć</i>	
ć		<i>milczeć</i>	<i>liczyć</i>		<i>spolszczeć</i>	
ż						
k	<i>skakać</i>					<i>piec</i>
g	<i>strugać</i>					<i>strzec</i>
x	<i>brechać</i>					
ść			<i>puścić</i>		<i>tłuścieć</i>	
źż			<i>jeździć</i>			

В таблице 7 не учтены йотовые основы (кроме *-ej-*основ), всегда имеющие йотовый исход, а также некоторые виды консонантных основ. Как видно из таблицы, каждый тип глагольных основ характеризуется особым набором консонантных исходов: в основах на *-a* возможны только твердые согласные

и *j* (не считая двух колеблющихся глаголов с *l*), в основах на *-e*, *-i* и *-ej*, наоборот, — только мягкие и шипящие. Эти ограничения могут служить дополнительным признаком при установлении основы по форме инфинитива: так, например, мягкость согласного перед *-ać* инфинитива автоматически исключает принадлежность глагола к *a*-основам (он может относиться либо к основам на *-aj*, либо к узкому кругу основ на *-ej*).

3. 4. Структура глагольной словоформы

Возможность членения отдельной глагольной словоформы на парадигматически значимые части (морфы) определяется ее положением в иерархической структуре полной глагольной парадигмы, т. е. ее последовательным вхождением в состав минимальной парадигмы, частной парадигмы и полной парадигмы. В соответствии с этим может быть и проведено последовательное членение словоформы на морфы.

Сравнение словоформ в пределах минимальной парадигмы позволяет выделить глагольную флексию-1, которая в зависимости от типа минимальной парадигмы может иметь следующие грамматические значения:

1. Лица и числа (парадигмы наст. времени, повелит. наклонения, прош. времени муж. рода, прош. времени жен. рода, прош. времени сред. рода, сослагат. наклонения муж. рода, жен. рода, сред. рода);
2. Падежа и числа (субстантивная парадигма герундия);
3. Падежа, числа и рода (парадигмы действит. причастия наст. времени муж. рода, жен. рода и сред. рода; страдат. причастия прош. времени муж. рода, жен. рода, сред. рода).

Сравнение минимальных парадигм в пределах одной частной парадигмы позволяет выделить глагольную флексию-2 со значениями рода и числа (парадигмы прошедшего времени в целом, парадигма сослагат. наклонения в целом). В частных парадигмах действит. причастия наст. времени и страдат. причастия прош. времени специальный показатель рода и числа отсутствует — в них представлена синкретическая флексия рода, числа и падежа. Показатель рода и числа в личных глагольных словоформах относится к флексиям с некоторыми оговорками, ибо он может занимать неконечное положение в словоформе, обычно флексиям не свойственное. Вместе с тем, этот показатель личных глагольных форм и генетически, и структурно тождествен показателю рода и числа в адъективном склонении, где из-за синкретизма значений рода, числа и падежа он несомненно принадлежит флексии¹.

Остальные глагольные словоформы выделяются путем сопоставления отдельных частных парадигм друг с другом, объединения однородных (т. е. тождественных по составу форм) частных или минимальных парадигм и их различной группировки. Однородными можно считать частные парадигмы прош. времени и сослагат. наклонения, из сопоставления которых выделяется суффиксальная

¹ Во всех случаях, где ради краткости говорится о флексии рода и числа, имеется в виду также и значение личности/неличности для форм множественного числа.

морфема сослагат. наклонения *by*. Аналогичным образом из сопоставления парадигмы настоящего времени и повелительного наклонения выделяются суффиксы повелительного наклонения. Из сравнения других частных и минимальных парадигм выводятся остальные глагольные суффиксы: действит. причастия наст. времени, деепричастия наст. времени, герундия, страдат. причастия прош. времени, инфинитива, прош. времени и сослагат. наклонения (*t*), деепричастия прош. времени. Наличие в словоформах сослагат. наклонения одновременно двух суффиксов (*t* и *by*) заставляет различать суффикс-1 и суффикс-2 (последний может стоять после флексии-2).

Глагольная словоформа может включать, таким образом, до пяти значимых частей (морфем): первичная основа, суффикс-1, флексия-2, суффикс-2, флексия-1. Из них только первичная основа обязательно присутствует в каждой словоформе. Суффикс-1 отсутствует в формах наст. времени (иначе говоря, он представлен нулем). Флексия-2 (рода и числа) присутствует в формах прош. времени и сослагат. наклонения. Суффикс-2 входит в состав форм сослагат. наклонения. Флексия-1 (лица и числа) выступает в словоформах наст. времени, прош. времени и сослагат. наклонения, флексия-1 со значением числа и падежа — в формах действит. причастия наст. времени, страдат. причастия прош. времени и адъективного причастия на *-t*. Наименьшее число морфем в глагольной словоформе равно двум (словоформы наст. времени, деепричастия наст. времени, инфинитива), наибольшее — пяти (словоформы сослагат. наклонения). Всего может быть выделено пять различных типов глагольных словоформ по составу морфем (см. табл. 8).

Таблица 8

Типы глагольных словоформ по составу морфем

Тип	Первичная основа	Суф.-1	Флексия-1	Суф.-2	Флексия-2	Число морфем	Парадигмы
1	+	-	-	-	+	2	наст. вр.
2	+	+	-	-	-	2	деепр. наст. деепр. прош. инфинитив
3	+	+	-	-	+	3	герундий дейст. прич. наст. страд. прич. прош. адъект. прич.
4	+	+	+	-	+	4	прош. вр.
5	+	+	+	+	+	5	сослагат. накл.

3.5. Инвентарь глагольных аффиксов

Флексии — 1. А. Флексия со значением лица и числа. К ним относятся 1) личные окончания наст. времени, 2) личные окончания повелит. наклонения, 3) личные окончания прош. времени и сослагат. наклонения.

(1) В парадигме наст. времени выступают три серии личных окончаний: 1. *-m, -ś, -ø, -my, -će, -ą* (серия \emptyset), 2. *-ę, -eś, -e, -emy, -eće, -ą* (серия *e*) и 3. *-ę, -iś, -i, -imy, -iće, -ą* (серия *i*).

(2) В парадигме повелит. наклонения используются флексии: 2 ед. *-ø, 1 мн. -my, 2 мн. -će*.

(3) В парадигмах прош. времени и сослагат. наклонения: *-m, -ś, -ø, -śmy, -śće, -ø*.

В. Флексии со значением числа и падежа (герундий). В парадигме герундия представлены только формы ед. числа со следующими окончаниями: *-e, -a, -u, -em*.

С. Флексии со значением рода, числа и падежа (действит. причастие наст. времени, страдат. причастие прош. времени и адъективное причастие на *-t*). Флексии в парадигмах 1. муж. рода ед. числа: *-y, -ego, -emi, -ym*; 2. жен. рода ед. числа: *-a, -ej, -ą*; 3. в парадигмах сред. рода ед. числа: *-e, -ego, -emi, -ym*; 4. 5. 6. в парадигмах множ. числа муж., жен., сред. рода: *-e, -i, -yx, -ym, -ymi*.

Флексии — 2 (рода и числа). Представлены в различных парадигмах прош. времени и сослагат. наклонения: окончание муж. рода *-ø*, жен. рода *-a*, сред. рода *-o*, мн. числа *-i(y)*.

Суффиксы — 1: *-Ø, -ij-* (повелит. наклонение), *-ąс* (действит. причастие наст. времени, деепричастие наст. времени), *-ań, -eń, -eć, -ć, -ń* (герундий), *-an, -on, -ęt, -t, -n* (страдат. причастие прош. времени), *-ć* (инфинитив), *-t* (прош. время, сослагат. наклонение, адъективное причастие), *-všy, -šy* (деепричастие прош. времени).

Суффикс — 2: *-by* (сослагат. наклонение).

Перечисленные аффиксы распределяются по следующим морфологическим типам: вокалические (*ę, q, a, o, i, e, u*), консонантные (*m, ś, t, n, ć, ń, ł, j, ś*), нулевой суффикс (\emptyset) и флексия (\emptyset), неприкрытые аффиксы (*-eś, -emy, -eće, -iś, -imy, -iće, -em, -ego, -emi, -ym, -yx, -ymi, -ej, -ąс, -an, -on, -ęt, -ań, -eń, -ęć*), прикрытые аффиксы (*-my, -će, -śmy, -śće, -by, -všy, -šy*).

Нулевые аффиксы могут иметь как вокалическую, так и консонантную природу. Так, нулевая флексия 3 ед. наст. ведет себя как согласный, т. е. перед ней усекается *j* в йотовых основах, как перед всяким иным согласным консонантно-го или прикрытого аффикса: 3 ед. наст. {*çytaj- + -ø*} → {*çyta*}, ср. 1 ед. наст. {*çytaj- + -m*} → {*çytam*}. Нулевой суффикс повелит. наклонения, напротив, обнаруживает свойства, характерные для вокалических и неприкрытых аффиксов, т. е. перед ним усекается конечный гласный вокалических основ и происходят консонантные чередования: {*šępta- + -Ø*} → {*šępć*}, {*šępta- + -e*} → {*šępće*}.

3.6. Правила выбора альтернативных аффиксов

Мы рассмотрели типы глагольных основ и состав аффиксальных глагольных морфов, т. е. все элементы, из которых может складываться реальная

глагольная словоформа в польском языке. Ниже эти сведения суммируются в таблице 9.

Таблица 9

Аффиксы глагольного словоизменения

Тип морфемы	Инвентарь морфов (или их классов)
Первичная основа	1. вокалические основы, 2. консонантные основы, 3. йотовые основы
Суффикс-1	1. \emptyset / <i>-ij</i> , 2. <i>-qc-</i> , 3. <i>-ań/-eń/-ęć/-ć/-ń-</i> , 4. <i>-an/-on/-ęt/-t/-n-</i> , 5. <i>-ć</i> , 6. <i>-t</i> , 7. <i>-všy/-šy</i>
Флексия-2	1. \emptyset , 2. <i>-a</i> , 3. <i>-o</i> , 4. <i>-i</i>
Суффикс-2	<i>-by-</i>
Флексия-1	A1 <i>-m, -ś, -ø, -my, -će, -q; -ę, -eś, -e, -emy, -eće, -q;</i> <i>-ę, -iś, -i, -imy, -iće, -q</i> A2 <i>-ø, -my, -će</i> A3 <i>-m, -ś, -ø, -śmy, -śće, -ø</i> B <i>-e, -a, -u, -em</i> C1,4 <i>-y, -ego, -emi, -ym, -e/-i, -yx, -ymi</i> C2,5 <i>-a, -ej, -q, -e, -yx, -ym, -ymi</i> C3,6 <i>-e, -ego, -emi, -ym, -e, -yx, -ymi</i>

Примечание: морфы, разделенные косой чертой, выступают в одной и той же грамматической форме, например, *-ań/-eń/-ęć/-ć/-ń-* — в формах герундия, \emptyset /*-ij* — в формах повелит. наклонения и т. п.

Соединение глагольных аффиксов друг с другом и с основами разного рода регулируется двумя типами правил: правилами выбора морфов и правилами сочетания морфов. Правила выбора необходимы в случае, когда в одной и той же грамматической форме возможны разные аффиксы или в одной и той же подпарадигме возможны разные наборы флексий. При этом правила могут быть морфологического типа, т.е. определяющими выбор на основе грамматического значения, и морфонологического типа, т.е. определяющими выбор в зависимости от морфонологической структуры сочетающихся элементов. В польской глагольной парадигме проблема выбора возникает в следующих случаях: 1) при образовании словоформ настоящего времени — между тремя сериями личных окончаний, 2) при образовании форм повелительного наклонения — между суффиксами \emptyset и *-ij*, 3) при образовании словоформ И. мн. в адъективной парадигме действит. и страдат. причастий — между флексиями *-e* и *-i*, 4) при образовании форм герундия — между суффиксами *-ań-*, *-eń-*, *-ęć-*, *-ń-*, *-ć-*, 5) при образовании форм страдат. причастий — между

суффиксами *-an-*, *-on-*, *-ęt-*, *-n-*, *-t-*, 6) при образовании формы деепричастия прош. времени — между суффиксами *-všy* и *-šy*. Из всех перечисленных случаев только третий относится к сфере грамматической обусловленности: выбор между *-e* и *-i* в парадигме причастий зависит от категории личности-неличности. Во всех остальных случаях выбор между альтернативными аффиксами определяется морфологическими закономерностями.

(1) Выбор из трех серий окончаний наст. времени подчиняется следующему правилу: йотовые основы на *-aj* и *-ej₁* присоединяют флексии нулевой серии, остальные йотовые основы, все консонантные основы и вокалические основы на *-a* и *-q* присоединяют окончания серии *e*, вокалические основы на *-i* и *-e* — окончания серии *i*. См. табл. 10.

Таблица 10

Выбор окончаний настоящего времени

Основы	Окончания
<i>-aj, -ej₁</i>	<i>-m, -š, -ø, -my, -će, -q</i>
<i>-ej, -oj, -ij, -uj, -a, -q</i> консонантные	<i>-ę, -eš, -e, -emy, -eće, -q</i>
<i>-i, -e</i>	<i>-ę, -iš, -i, -imy, -iće, -q</i>

(2) Выбор между суффиксами повелительного наклонения \emptyset и *-ij* осуществляется в соответствии с правилом: суффикс *-ij* присоединяется 1) к вокалическим или консонантным основам, имеющим в последнем слове основы сочетание согласный + *n*: *dźwignij* (основа {*źv'igną-*}), однако, *plyń* (основа {*plyną-*} без согласного перед *n*), *kradnij* (основа {*kradn-*}), *potnij* (основа {*potnie-*}); 2) к неслоговым консонантным основам и односложным вокалическим основам, например, *trzyj* (основа {*tr-*}), *brzmij* (основа {*bźm'e-*}), *źnij* (основа {*źn-*}). Остальные основы выбирают нулевой суффикс повелит. наклонения.

(3) Выбор между суффиксами страдат. причастия прош. времени *-an-*, *-on-*, *-ęt-*, *-n-*, *-t-* определяется следующим правилом: 1) суффикс *-an-* присоединяется к вокалическим основам на *-a* и на *-e*, 2) суффикс *-on-* присоединяется к вокалическим основам на *-i* и консонантным основам с исходом не на *-r*, *-n*, 3) *-ęt-* присоединяется к вокалическим основам на *-q* и к консонантным основам на согласный + *n*, 4) *t* — к консонантным основам с исходом на *-r* и йотовым на *-ij*, *-uj*, 5) *n* — к йотовым основам на *-aj*, *-ej₁*, *-oj*.

(4) Выбор между суффиксами герундия: 1) *-ań-* выбирают вокалические основы на *-a*, 2) *-eń-* — вокалические основы на *-e*, *-i*, *-ej* и консонантные с исходом не на *-r*, *-n*, 3) *-ęć-* — вокалические основы на *-q* и консонантные на *-n*, 4) *ć* — йотовые на *-ij*, *-uj* и консонантные на *-r*, 5) *ń* — йотовые на *-aj*, *-ej₁*, *-oj*.

(5) Из двух суффиксов деепричастия прош. времени *-všy* и *-šy* (орфографически *-tšy*) последний присоединяется к консонантным основам. См. табл. 11.

Таблица 11

Выбор альтернативных аффиксов

Тип основы	Исход основы	Флексии наст. вр.	Суфф. повел. накл.	Суфф. страд. прич.	Суфф. герундия	Суффикс дееприч.	
вокалические	-i	серия i	-∅/-ij	-оп-	-eñ-	-všy	
	-e			-ап-	-añ-		
	-a	серия e		-eť-	-eć-	-šy	
	-q			-оп-	-eñ-		
консонантные	-m, -n	серия e		-∅	-t-	-ć-	-všy
	-T, -k, -g				-	(-eñ-)	
	-r				-n-	-ñ-	
йотовые	-ij	серия ∅					
	-uj						
	-ej						
	-oj						
	-ej ₁						
-aj							

Примечание: распределение суффиксов -∅ и -ij не может быть отражено в таблице, поскольку оно зависит от других признаков основы, а именно — от наличия сочетаний согласный + n в исходе основы и от слоговости/неслоговости основы (см. выше).

3.7. Соотношение между правилами выбора и правилами чередования

Наличие альтернативных аффиксов, т. е. ряда флексий или суффиксов, обслуживающих одну и ту же грамматическую форму, предопределяет необходимость выбора между ними для каждой словарной (исходной) глагольной основы или класса основ. Если рассмотреть отдельные наборы таких грамматически тождественных аффиксов, то легко заметить, что отношения между ними внутри каждого набора неодинаковы: одни из них представляют собой, действительно, самостоятельные альтернативные аффиксы, различие между которыми не зависит от способа выделения основ, к которым они присоединяются. Таковы флексии -e и -m 1 ед. наст., суффиксы -∅ и -ij повелит. наклонения, суффиксы -n- и -t- страдат. причастий, суффиксы -ñ- и -ć- герундия. В других случаях выбор осуществляется между материально сходными аффиксами, представляющими собой как бы морфонологические варианты одного аффикса. Таковы флексии -š/-iš/-eš 2 ед. наст., -my/-imy/-emy 1 мн. наст., -će/-íce/-eće 2 мн. наст., суффиксы -ап-/-оп-/-n- и -t-/-eť- страдат. причастий прош. времени, -ñ-/-eñ- и -ć-/-eć- герундия. Необходимость выбора между такими морфонологическими вариантами зависит от того, как определяется исходный вид основы и соответственно — как проводится граница между осно-

вой и аффиксом. Совершенно очевидно, что наблюдаемые в этих вариантах различия при ином представлении структуры словоформы могли бы быть отнесены к основе, для которой пришлось бы определять дополнительные чередования исходного гласного и соответственно — большее число вариантов. Например, можно было бы весь ряд альтернативных суффиксов страдательных причастий, имеющий в нашем описании вид *-an/-on/-n/-et/-t-*, редуцировать за счет объединения морфонологических вариантов до альтернативы *-n/-t-*. Последствием такого решения должны быть правила, предписывающие для *i*-основ нестандартное чередование *i* → *o* с сопутствующим ему консонантным чередованием (*wozić* — *wożony*: {wozi-} + *n* → {wożon-}, *nosić* — *noszony*: {nosi-} + *n* → {pożon-}); для *e*-основ — чередование *e* → *a* (*styszeć* — *styszany*, *widzieć* — *widziany*); для *q*-основ — чередование *q* → *ę* с одновременным консонантным чередованием (*dźwignąć* — *dźwignięty*), т. е. существенное усложнение морфонологических правил преобразования основы. Еще труднее было бы переформулировать правила выбора между сериями презентных флексий в правила чередований исходных гласных полной или усеченной основы, в особенности если учесть глаголы с консонантными основами, где вообще нет такого гласного, вследствие чего присоединение флексий *-eś*, *-e*, *-emy*, *-eće* все равно должно быть постулировано.

Таким образом, устранение сложности в системе аффиксов неизбежно ведет к усложнению морфонологической характеристики исходной основы или правил преобразования основы и наоборот. Стремление строго и последовательно провести какую-то одну линию описания, например, стремление к максимальной простоте и однозначности представления основы или к минимальному набору аффиксов или, наконец, к минимальному числу наиболее регулярных чередований неизбежно приводит к громоздкости и неестественности представления морфонологической системы, и потому задача исследователя, видимо, состоит в том, чтобы найти разумное равновесие между тремя механизмами, регулирующими структуру и взаимоотношение глагольных морфем в составе словоформ парадигмы: морфонологической организацией исходной основы, инвентарем и морфонологическими свойствами присоединяемых к ней аффиксов и, наконец, характером правил, преобразующих стыки между основой и аффиксами внутри словоформ.

Вместе с тем, нельзя не признать, что в некоторых случаях альтернативные (в указанном выше смысле) решения об организации отдельных форм оказываются с точки зрения простоты описания как бы равнозначными. Тогда выбор между такими решениями может определяться какими-то дополнительными соображениями, например, соображениями экономии, простоты и последовательности описания всей системы в целом, а не только данного ее фрагмента. Руководствуясь этим принципом, исследователь бывает вынужден в каком-то частном случае избирать не оптимальное для этого частного случая решение. Так, например, формы страдат. причастий прош. времени и формы герундия от основ на *-a* (*pisać* — *pisany* — *pisanie*) могут трактоваться как содержащие соответственно суффиксы *-an-*, *-ań-* и как содержащие суффикс *-n-*, *-ń-*. В первом случае присоединение неприкрытых суффиксов к вокалической основе должно вызвать по общему правилу усечение конечного гласного основы (подробнее об усечении см. ниже): {p'isa-} + *-an-* →

{p'is-} + -an- → {p'isan-}; {p'isa-} + -ań- → {p'is-} + -ań- → {p'isań-}, т. е. усечению подвергается тот самый гласный, который затем присоединяется к основе уже в качестве первого элемента суффикса. Второе решение, несомненно, отличается большей естественностью и простотой, т. к. в этом случае вокалическая основа выбирает консонантный суффикс (-n-, -ń-), не требующий никаких преобразований основы: {p'isa-} + -n- → {p'isan-}, {p'isa-} + -ń- → {p'isań-}. И тем не менее первое решение оказывается предпочтительнее, ибо оно позволяет единообразно описать структуру всех форм страдат. причастий прош. времени и герундия, образуемых от глаголов с любой вокалической основой. Дело в том, что у глаголов с другими вокалическими основами суффиксы страдат. причастий и герундия, во-первых, содержат гласный, отличающийся от конечного гласного основы (например, *i*-основы выбирают суффикс причастия -on-, герундия — -eń-), а во-вторых, перед этими суффиксами последний согласный основы может быть подвержен чередованию (ср. *nosić* — *noszony*, *chodzić* — *chodzenie*). Оба этих факта с несомненностью указывают на то, что морфемная граница в формах страдат. причастия и герундия проходит после последнего согласного основы, т. е. основа выступает в усеченном, а не в полном виде (в полной вокалической основе не могло бы быть консонантного чередования), следовательно, суффиксы этих форм должны иметь неприкрытый вид.

3.8. Сочетаемость глагольных морфов в словоформе

Если правила выбора альтернативных морфов немногочисленны и сравнительно просты, то правила, относящиеся к сочетаемости глагольных морфов в составе словоформ, и многочисленнее, и сложнее. Зона наибольших ограничений и вызываемых ими преобразований в пределах словоформы — это граница между первичной основой и следующим за ней аффиксом (флекссией или суффиксом), тогда как присоединение друг к другу аффиксов осуществляется более свободно. Первичная основа подвергается трансформации двух видов — усечению и фонемным чередованиям, притом в строго указанной последовательности, т. е. сначала действуют правила усечения основы, а затем правила чередований.

Первичная глагольная основа, как уже было сказано, может оканчиваться либо на гласную (открытая основа), либо на согласную (закрытая основа). Следующий за ней аффикс может быть в свою очередь либо вокалическим или начинающимся с гласной (неприкрытым), либо консонантным или начинающимся с согласной (прикрытым). На границе основы и следующего за ней аффикса возникают, таким образом, четыре возможных комбинации: 1. вокалический исход основы + вокалический аффикс или вокалическое начало аффикса (...V + V...), 2. вокалический исход основы + консонантный аффикс или консонантное начало аффикса (...V + C...), 3. консонантный исход основы + вокалический аффикс или вокалическое начало аффикса (...C + V...), и, наконец, 4. консонантный исход основы + консонантный аффикс или консонантное начало аффикса (...C + C...). Из них только вторая комбинация (V + C) может считаться нормальной, поскольку она не вызывает никаких

преобразований основы. Во всех остальных случаях такие преобразования наблюдаются и носят более или менее обязательный характер.

Общее правило, которому подчиняется организация стыка основы и последующего аффикса, состоит в том, что открытая основа нормально сочетается с прикрытым (или консонантным) аффиксом, а закрытая основа — с неприкрытым или вокалическим аффиксом. На это требование ориентированы в значительной степени и правила выбора, рассмотренные выше. Во всех случаях, где это требование нарушено на стадии выбора, включаются в действие правила усечения основы, т. е. устранения вокалического исхода перед вокалическим (неприкрытым) аффиксом и консонантного исхода перед прикрытым аффиксом. Рассмотрим эти случаи.

Усечение гласных перед гласными

- (1) Перед неприкрытыми и вокалическими флексиями наст. времени *-ę, -eš, -e, -emy, -eće, -ć, -iś, -i, -imy, -iće* усекаются гласные *a, e, i, q* в исходе вокалических основ: {p'isa-} + *-eš* → {p'is-} + *-eš* → *piszesz*, {v'iže-} + *-iś* → {v'iż-} + *-iś* → *widzisz*, {xożi-} + *-iś* → {xoż-} + *-iś* → *chodzisz*, {żv'igną-} + *-eš* → {żv'ign-} + *-eš* → *dźwigniesz*.
- (2) Перед неприкрытым суффиксом действит. причастия и деепричастия наст. времени *-qc* усекаются гласные *a, e, i, q* в исходе основы: {p'isa-} + *-qc* → {p'is-} + *-qc* → *pisząc*, {v'iže-} + *-qc* → {v'iż-} + *-qc* → *widząc*, {xożi-} + *-qc* → {xoż-} + *-qc* → *chodząc*, {żv'ign-} + *-qc* → {żv'ign-} + *-qc* → *dźwignąc*.
- (3) Перед нулевым и неприкрытым суффиксом повелит. наклонения *-Ø* и *-ij* усекаются гласные *a, e, i, q* в исходе вокалических основ: {p'isa-} + *Ø* → {p'is-} + *Ø* → *pisz*, {żv'igną-} + *-ij* → {żv'ign-} + *-ij* → *dźwignij*.
- (4) Перед неприкрытыми суффиксами страдат. причастий прош. времени *-an-, -on-, -ęt-* и герундия *-ań-, -oń-, -ęć-* усекаются гласные *a, e, i, q* в исходе вокалических основ: {p'isa-} + *-an-* → {p'is-} + *-an-* → *pisany*, {p'isa-} + *-ań-* → {p'is-} + *-ań-* → *pisanie*, {v'iže-} + *-an-* → {v'iż-} + *-an-* → *widziany*, {v'iže-} + *-eń-* → {v'iż-} + *-eń-* → *widzenie*, {rob'i-} + *-on-* → {rob'} + *-on-* → *robiony*, {rob'i-} + *-eń-* → {rob'} + *-eń-* → *robienie*, {żv'igną-} + *-ęt-* → {żv'ign-} + *-ęt-* → *dźwignięty*, {żv'igną-} + *-ęć-* → {żv'ign-} + *-ęć-* → *dźwignięcie*.

Усечение согласных перед согласными

- (5) Перед консонантными, прикрытыми и нулевой флексиями наст. времени *-m, -ś, -ø, -my, -će* усекается конечный *-j* йотовых основ: {čytaj-} + *-ś* → {čyta-} + *-ś* → *czytasz*, {rozum'ej-} + *-m* → {rozum'e-} + *-m* → *rozumiem*.
- (6) Перед консонантными суффиксами страдат. причастия и герундия *-n-, -t-* и *-ń-, -ć-* усекается *-j* йотовых основ: {b'ij-} + *-t-* → {b'i-} + *t* → *bity*, {b'ij-} + *-ć-* → {b'i-} + *-ć-* → *bicie*, {čytaj-} + *-n-* → {čyta-} + *-n-* → *czytany*, {čytaj-} + *-ń-* → {čyta-} + *-ń-* → *czytanie*.
- (7) Перед суффиксом инфинитива *-ć* усекается *-j* йотовых основ: {čytaj-} + *-ć* → {čyta-} + *-ć* → *czytać*, {kuj-} + *-ć* → {ku-} + *-ć* → *kuć*.
- (8) Перед суффиксом инфинитива *-ć* усекается *-n* консонантных основ: {kradn-} + *-ć* → {krad-} + *-ć* → *kraść*.

- (9) Перед суффиксом *-t-* прош. времени и суффиксом *-všy* и *-šy* деепричастия прош. времени усекается *-j* йотовых основ: {čyta_j-} + *-t* → {čyta-} + *-t* → *czytał*, {pšęcyta_j-} + *-všy* → {pšęcyta-} + *-všy* → *przeczytawszy*, а также *-n* у консонантных основ: {pad_n-} + *-t* → {pad-} + *-t* → *padł* и *-nq-* у части вокалических основ на *-q*: {rosn_q-} + *-t* → {ros-} + *-t* → *róśł*.
- (10) Особый случай усечения составляет устранение *j* вместе с предшествующей гласной у основ на *-ej* при образовании форм герундия с суффиксом *-eń-* (то, что морфемная граница проходит именно здесь, подтверждается наличием консонантного чередования, например, *zótcieć* — *zótlenie*), ср. отсечение *-nq-* у части вокалических основ на *-q* при обычном усечении одного лишь конечного элемента основы (у йотовых основ — *j*, у вокалических основ — гласного). В обоих случаях аномальные правила усечения могут быть объяснены взаимодействием и скрещением разного типа глагольных основ. Усечение *-ej-* у глаголов с *ej*-основой в формах герундия связано с влиянием более продуктивных параллельных глаголов на *-ić*, ср. *kosmacenie* как форма герундия одновременно от глаголов *kosmacieć* и *kosmacić*. У глаголов с *q*-основой усечение *-nq-* происходит под воздействием консонантных основ, ср. *rosn_{qć}* и редк. *róść* (SPP).

Усекаемость является важным морфонологическим свойством глагольных основ, обеспечивающим двухвариантность каждой отдельной основы: если полная основа имеет закрытый вид и в силу этого свободно сочетается с вокалическими и неприкрытыми аффиксами, то усеченная основа имеет вокалический исход, свободно сочетающийся с консонантными и прикрытыми аффиксами, и наоборот — усечение полных открытых основ, свободно присоединяющих консонантные и прикрытые аффиксы, превращает их в закрытые и облегчает их сочетание с вокалическими и неприкрытыми аффиксами. Вне этой двухвариантности остаются только собственно консонантные (т. е. нейотовые) основы, всегда выступающие в закрытом виде, в которых усечению может подвергаться лишь конечное *n*: *b'egn-*, *padn-*, *kradn-*, что, однако, не делает основу открытой: *b'eg-*, *pad-*, *krad-*. В глаголах с такими основами присоединение аффиксов регулируется иными средствами, прежде всего фонемными чередованиями.

С другой стороны, многие грамматические формы обслуживаются несколькими аффиксами с одинаковым значением (ср. суффиксы страдат. причастий *-an-*, *-on-*, *-ęt-*, *-n-*, *-t-* или три серии презентных окончаний), среди которых есть как неприкрытые, так и прикрытые, т. е. приспособленные к сочетанию и с открытыми, и с закрытыми основами. Казалось бы, такая двойственность, двойная взаимная морфонологическая ориентация сочетающихся морфов (со стороны основ и со стороны аффиксов) избыточна. Однако двухвариантность или многовариантность аффиксов, в отличие от двухвариантности основ, не имеет внешней морфонологической мотивировки и не подчинена морфонологическому распределению в зависимости от открытости/закрытости основы. Выбор одного из альтернативных аффиксов для каждой отдельной словоформы определяется другими признаками основы (см. выше правила выбора альтернативных аффиксов). В табл. 12 суммируются перечисленные выше правила усечения.

Таблица 12

Усекаемые части глагольных основ

Аффиксы		Вокалические или неприкрытые				Консонантные или прикрытые				
		наст. вр.	повел. накл.	прич. деепр. наст.	страд. прич. герун.	наст. вр.	страд. прич. герун.	инф.	прош. вр. деепр.	
		Основы с исходом на		-e, -es, -e -is, -i, -ą -emy -imy -eće -iće	∅ ij	-ąс	-an-, -on- -ęt- -ań-, -oń- -ęć-	-m -ś -ø -my -će	-n -ń- -t- -ć-	-ć
V	-a		a	a	a	a				(nq)
	-e		e	e	e	e				
	-i		i	i	i	i				
	-ą		ą	ą	ą	ą				
C	Cn								n	n
	C									
j	-aj					j	j	j	j	
	-ej ₁				(ej)	j	j	j	j	
	-e							j	j	
	-oj						j	j	j	
	-ij						j	j	j	
	-uj						j	j	j	

Таким образом, в глагольных словоформах путем усечения устраняются практически все случаи на границе первичной основы и следующих за ней флексий или суффиксов, противоречащие основному принципу сочетаемости морфов. Нежелательные сочетания сохраняются лишь в трех категориях морфемных стыков, где вопреки общему правилу не устраняются консонантные исходы основ перед консонантными или прикрытыми аффиксами. К ним относятся: 1) сочетания всех видов консонантных основ с суффиксом инфинитива -ć: {pas-} + -ć → *paść*, {p'ok-} + -ć → *piec*, {v'od-} + -ć → *wieść*, {kradn-} + -ć → *kraść*; 2) сочетания всех консонантных основ и усеченной вокалической основы на -ą с суффиксами прош. времени -t- и деепричастия прош. времени -śy: {pas-} + -t- → *past*, {pśyńos-} + -śy → *przyniółszy* {pśyńusśy}, {sxudną-} + -t- → *schudł*, {sxudną-} + -śy → *schudłszy* {sxudśy}; {tr-} + -t- → *tart*; 3) сочетания консонантных основ с исходом на -r с консонантными суффиксами страдат. причастия -t- и герундия -ć-: {dr-} + -t- → *darty*, {dr-} + -ć- → *darcie*.

Так обстоит дело на границе первичной основы и следующего за ней аффикса. Рассмотрим теперь с этой точки зрения остальные морфемные стыки в глагольных словоформах, т. е. границы между следующими друг за другом суффиксами и флексиями. При этом мы, естественно, исключим из даль-

нейшего рассмотрения присоединяемые непосредственно к глагольной основе терминальные аффиксы, т. е. аффиксы, завершающие словоформу (суффиксы-1 дееспричастия наст. времени *-qc*, инфинитива *-ć* и дееспричастия прош. времени *-všy*, *-šy*; флексии-1 серии А, т. е. флексии наст. времени), поскольку за ними не могут следовать другие аффиксы.

Нетерминальные аффиксы (суффиксы-1: повелит. накл. *-Ø*, *-ij*, действит. причастия наст. времени *-qc*, страдат. причастия прош. времени *-an-*, *-on-*, *-qt-*, *-n-*, *-/t-*, герундия *ań-*, *eń-*, *-ęć-*, *-ńć-*, прош. времени *-t*) занимают в глагольной словоформе положение между основой и флексиями. Перечисленные суффиксы представлены согласным (*n*, *ń*, *t*, *ć*), нулем (*Ø*) или оканчиваются на согласный (все остальные), а присоединяемые к ним флексии, кроме флексий повелит. накл., начинаются с гласного (именные флексии герундия, адъективные флексии причастий и родовые флексии прош. времени и сослагат. наклонения, кроме нулевой флексии муж. рода), следовательно, на морфемной границе во всех этих случаях представлено нормальное сочетание «согласный + гласный», не подверженное преобразованию. Флексии повелит. наклонения *-ø*, *-my*, *-će* присоединяются всегда к консонантному исходу (закрытых основ или усеченных открытых основ или же основ повелит. наклонения с суффиксом *-ij*), однако возникающие здесь сочетания «согласный + гласный» никак не преобразуются: {p'isa} + *-Ø* + *-ø*, *-my*, *-će* → *pisz*, *piszmy*, *piszće*; {žv'igną-} + *-ij* + *-ø*, *-my*, *-će* → *dźwignij*, *dźwignijmy*, *dźwignijcie*.

Из всех участвующих в этих сочетаниях флексий нетерминальными оказываются только флексии-2 (родовые флексии прош. времени и сослагат. наклонения), за которыми могут следовать либо глагольные флексии серии А₃ (*-m*, *-ś*, *-śmy*, *-śće*), либо суффикс-2 *-by-*. Как видим, и в этих случаях на границе морфем возникает сочетание, не подходящее под правила усечения: «гласный (родовые флексии) + согласный (глагольные флексии или *-by-*)». И только в словоформах муж. рода с нулевым аффиксом образуется сочетание «согласный + согласный»: {čytał-} + *-Ø* + *-m*, *-ś*, *-ø*, *-śmy*, *-śće* и {čytał-} + *-by*. Второе из этих сочетаний сохраняется, вопреки общему правилу (*czytałbym*, *czytałbyś* и т. д.), что связано, конечно, и с особым характером данного морфемного стыка: суффикс *-by-*, как известно, может свободно перемещаться из этой позиции за пределы словоформы. Что же касается первого, то оно преобразуется, но не посредством усечения (ибо дело касается не исхода основы, а суффиксального консонанта), а путем вставки гласного *e*: {čytał-} + *-Ø* + *-m* → {čytał-e-m} → *czytałem*. Наконец, нетерминальный суффикс сослагат. наклонения присоединяет к себе личные глагольные окончания *-m*, *-ś*, *-ø*, *-śmy*, *-śće*, в результате чего вновь получается сочетание «гласный + согласный», не требующее никаких преобразований. См. табл. 13.

Итак, на стыках парадигматических (словоизменительных) аффиксов в составе глагольной словоформы представлены в абсолютном большинстве случаев сочетания консонантного исхода с вокалическим началом (С-V) или вокалического исхода с консонантным началом (V-C). Из трех случаев, в которых морфемная граница имеет вид «согласный + согласный» (1, 2 мн. повелит. наклонения, формы муж. рода ед. числа прош. времени и сослагат. наклонения), только в одном эта последовательность перебивается вставкой гласного (прош.

время: {*choǰil*} + *-m* → {*choǰilem*}, {*paśl*} + *-m* → {*paślem*}), в остальных случаях она сохраняется (здесь, разумеется, не идет речь о позиционно обусловленных фонологических преобразованиях).

Таблица 13

Сочетание глагольных аффиксов друг с другом

Предшествующие аффиксы	Последующие аффиксы	Вид морфемной границы
Суффиксы повел. накл. <i>-Ø, -ij</i>	Флексии повел. накл. <i>-Ø, -my, -će</i>	C — C
Суффиксы причастий <i>-ac-, -an-, -on-, -ęt-, -n-, -t-</i>	Адъективные флексии причастий <i>-y, -ego, -emi, -ym, -e, -i, -yx, -ymi, -a, -ej, -ą</i>	C — V
Суффикс прош. вр. и сослагат. накл. <i>-t-</i>	Родовые флексии <i>-Ø, -a, -o, -i</i>	C — V
Родовые суфф. прош. вр. и сослагат. накл. <i>-Ø, -a, -o, -i</i>	Глагольные флексии <i>-m, -ś, -Ø, -śmy, -ście</i> суфф. сослагат. накл. <i>-by-</i>	C — C V — C
Суффикс-2 сослагат. накл. <i>-by-</i>	Глагольные флексии <i>-m, -ś, -Ø, -śmy, -ście</i>	V — C

Суммируя все, что было сказано выше об организации морфемных стыков в пределах глагольной словоформы, следует отметить, что из четырех возможных на границе морфов комбинаций: C-V, V-C, C-C, V-V только комбинация V-V является абсолютно недопустимой и подлежит обязательному устранению. Комбинация C-C избегается на границах основы и суффикса посредством выбора, где это возможно, неприкрытого или вокалического аффикса; устранение же такого сочетания происходит регулярно лишь в случае йотовых основ.

* * *

В части глагольных основ при усечении тематического показателя происходят морфонологические модификации, вызываемые самим усечением и независимые от морфонологических признаков присоединяемых к основе аффиксов: 1) у глаголов с основой, оканчивающейся на *-ova, -yva, -iva*, при усечении показателя *a* элементы *-ov-, -yv-, -iv-* замещаются через *-uj-* ({*xorova* → *xorov* → *xoruj*}, {*rozpatryva* → *rozpatryv* → *rozpatruj*}, {*nasłuxiva* → *nasłuxiv* → *nasłuxuj*})². У глаголов *stawać, -dawać, -znawać* при усечении *a* происходит че-

² Согласно SPP, глаголы *przestrzeliwać, rozstrzeliwać, wystrzeliwać* аномально имеют усеченную основу {*-stšeliwuj-*} вместо ожидаемой {*-stšeluj-*} (ср. *przestrzeliwać* — *przestrzeliwuję* или *przestrzeliwam*, не: *przestrzeluję, rozstrzeliwać* — *rozstrzeliwuję*, не: *rozstrzeluję, wy-*

редование $v \rightarrow j$: {stava- \rightarrow stav \rightarrow staj}; 2) у десяти глаголов с неслоговой основой: {-dm-, -žm-, -žn-, -tn-, -gn-, -mn-, -pn-, -(ve)zm-, -jm-, -kln-} (-dqć, -žqć₁, -žqć₂, -ciqć, -giqć, -miqć, -piqć, -wziqć, -jqć, -klqć) носовой сонант n или m заменяется на q : {-dq-, -žq₁-, -žq₂-, -ćq-, -g'q-, -m'q-, -p'q-, -(v)žq-, -jq-, -klq-} с одновременным чередованием согласных в ряде основ: $t \rightarrow ć$ {-tn- \rightarrow -ćq-}, $m \rightarrow m'$ {-mn- \rightarrow -m'q-}, $p \rightarrow p'$ {-pn- \rightarrow -p'q-}, $z \rightarrow ź$ {-(ve)zm \rightarrow -(v)žq-}; 3) у глаголов, основа которых оканчивается на $-oj$, при усечении j имеет место чередование $o \rightarrow a$: {stoj- \rightarrow sto- \rightarrow sta-} (stac, stat, stanie и т. д.); 4) у глаголов {-xv'ać, -ž'ać, -gžać, -lać, -p'ać, -ś'ać, -śm'ać, -v'ać}, основа которых оканчивается на $-ej$, при усечении j происходит чередование $e \rightarrow a$: {gzej- \rightarrow gže- \rightarrow gža-} (grzac, grzali и т. д.).

3.9. Чередования в глагольной парадигме

3.9.1. Чередование согласных в исходе глагольной основы (корня)

Если полная или усеченная глагольная основа оканчивается на согласный, а следующий за ней аффикс (флексия или суффикс) начинается с гласного (т. е. морфемная граница имеет вид $C - V$), то в ряде случаев согласный основы подвергается чередованию. Консонантный исход основы возможен в следующих случаях: 1) в усеченных вокалических основах, 2) в полных консонантных основах, 3) в полных йотовых основах, 4) в йотовых основах при усечении $-ej$ (см. табл. 14). Полные йотовые основы в данном случае могут быть исключены из рассмотрения, поскольку вокалические и неприкрытые аффиксы присоединяются к ним свободно, не вызывая никаких модификаций.

Непосредственно за глагольной основой (полной или усеченной) могут следовать такие вокалические или неприкрытые аффиксы: 1) флексии наст. времени 1 ед. и 3 мн. $-ę$ и $-q$, 2) флексии наст. времени серии e : $-eš$, $-e$, $-etu$, $-eće$ и серии i : $-iš$, $-i$, $-imy$, $-iće$, 3) суффикс действит. причастия и деепричастия наст. времени $-qc$, 4) суффиксы повелит. наклонения $-Ø$ и $-ij$, 5) суффиксы страдат. причастий прош. времени $-an-$, $-on-$, $-ęt-$, 6) суффиксы герундия $-ań-$, $-eń-$, $-ęć-$. При этом суффиксы $-an-$ и $-ań-$ присоединяются к любому консонантному исходу основы, не требуя никаких изменений. Остальные из перечисленных аффиксов могут оказывать различное (неодинаковое) воздействие на предшествующий согласный основы. Могут быть выделены следующие группы морфонологически однородных аффиксов (т. е. аффиксов, вызывающих одни и те же модификации согласного основы): 1) флексии наст. времени $-ę$, $-q$ и суффикс причастия и деепричастия $-qc$, 2) флексии наст. времени $-eš$, $-e$, $-etu$, $-eće$, $-iš$, $-i$, $-imy$, $-iće$ и суффиксы повелит. наклонения $-Ø$ и $-ij$, 3) суффикс страдат. причастия $-on-$, 4) суффикс страдат. причастия $-ęt-$ и суффикс герундия $-ęć-$, 5) суффикс герундия $-eń-$.

strzeliwać — *wystrzeliwuje*, не: *wystrzeliwywuje*, *wystrzeliwa*, хотя это обстоятельство в слове не оговорено, и при указанных глаголах поставлена помета регулярного класса VIII, требующего чередования $-iv-$ \rightarrow $-uj-$: *podstuchiwać* — *podstuchuje* и т. п.

Чередования согласных в исходе глагольной основы

Перед Согл.	-e, -q, qc	-eš, -e, -emy, -eće, -iš, -i, -imy, -iće; -Ø, -ij	-on-	-ęt-, -ęć-	-eń-
j	j	j	-	j	-
r	r ž	ž	-	-	-
t	l	l	l	-	l
l	l	l	l	l	l
n	n	ń	-	ń	ń
ń	ń	ń	ń	-	-
m	m m'	m'	-	-	-
m'	m'	m'	m'	m'	m'
f	-	-	-	-	-
f'	f'	f'	f'	-	f'
v	v	v'	-	-	v'
v'	v'	v'	v'	-	v'
p	p'	p'	-	-	-
p'	p'	p'	p'	p'	p'
b	b'	b'	-	-	-
b'	b'	b'	b'	-	b'
t	t ċ	ć ċ	ć	-	ć
d	d ź	ź ź	ź	d	ź
s	s ś	ś ś	ś	-	ś
z	z ź	ź ź	ź	-	ź
c	-	-	-	-	-
ż	-	-	-	-	-
ś	ś	ś	ś	-	ś ś
ź	ź	ź	ź	ź	ź ź
ć	c	ć	c	ć	c
ź	ż	ź	ż	-	ż
ś	ś	ś	ś	-	ś
ź	ź	ź	ź	ź	ź
ć	ć	ć	ć	-	ć
ż	ż	ź	ż	-	ż
k	k ċ	ć	ć	-	ć
g	g ź	ź	ź	g	ź
x	ś	ś	-	-	-
ść	ść	ść	ść	-	ść ść
źź	źź	źź	źź	-	źź

Глагольная парадигма обнаруживает большое разнообразие фонемных модификаций: одни и те же согласные, завершающие основу, могут испытывать неодинаковые изменения в зависимости от 1) морфологической по-

зиции, т. е. от типа и фонемного состава следующего аффикса (см. табл. 14, где в рамку заключены альтернативные виды одних и тех же конечных согласных исходной основы в позиции перед одними и теми же аффиксами) и 2) принадлежности к тому или иному типу основы (одни и те же финалы перед одними и теми же аффиксами имеют разные чередования в составе основ разного типа, например, твердые согласные в составе *a*-основ и в консонантных основах). Полное представление об этом дает табл. 15, где приводятся все альтернанты конечных согласных для всех типов основ.

Прежде всего отметим, что согласные *f*, *c*, *z* не встречаются вообще в позициях чередования. Это не значит, что они не бывают в исходе глагольной основы, — они возможны в глаголах с йотовой основой *-aj*, которые вообще не подвержены фонемным преобразованиям (ср. *ufać*, *rzucać*, *sprawdzać*). Из остальных согласных значительная часть не подвержена никаким изменениям: *j*, *l*, *ń*, *m'*, *f'*, *v'*, *p'*, *b'*, *š*, *ž*, *č*, *ž*. Согласные *t*, *p*, *b* и *x* имеют по одному альтернанту, выступающему во всех рассмотренных позициях чередования: *l'*, *p'*, *b'*, *š*. Согласные *r*, *n*, *m*, *v*, *ś*, *ź*, *ć*, *ź*, *k*, *g* в позициях чередования могут быть представлены либо своей исходной формой, либо альтернантами *ž*, *ń*, *m'*, *v'*, *š*, *ž*, *č*, *ž*, *č*, *ž* соответственно. У твердых согласных (*r*, *n*, *m*, *v*, *k*, *g*) исходная форма характеризует позицию перед флексиями *-ę*, *-ą* и суффиксом *-ąс*; если в той же позиции отмечен и другой альтернант, то распределение альтернантов зависит от типа основы: консонантные основы, а также вокалические основы с неслоговыми корнями имеют в указанной позиции исходную форму (*r*, *m*, *k*, *g*), а прочие — соответственно альтернанты *ž*, *m'*, *č*, *ž*. В случае мягких согласных (*ś*, *ź*, *ć*, *ź*) противопоставление основ разного типа наблюдается в позиции перед суффиксом герундия *-eń-*, где *ej*-основы имеют альтернанты *ś*, *ź*, а *i*-основы и *e*-основы — *š*, *ž*. В остальных случаях тип основы не играет роли, а выбор альтернанта зависит от позиции, т. е. от следующего аффикса: перед *-ę*, *-ą*, *-ąс*; перед *-on-* и *-eń-* (кроме *ej*-основ с исходом *ś*, *ž*) выступают альтернанты *š*, *ž*, *č*, *ž*; перед флексиями наст. времени *-eš*, *-e*, *-emy*, *-eće*, *-iš*, *-i*, *-ity*, *-iće* и суффиксами императива *-Ø*, *-ij* — исходные *ś*, *ź*, *ć*, *ź*.

Наиболее сложной морфонологической характеристикой отличаются основы на *t*, *d*, *s*, *z*. Как уже отмечалось, твердые зубные *t*, *d*, *s*, *z* могут принадлежать основам только двух типов: вокалическим основам на *-a* и консонантным основам. В морфонологическом отношении эти два типа основ резко противопоставлены друг другу во всех позициях: в позициях перед *-on-*, *-ęt-*, *-ęć-* и *-eń-* возможны консонантные основы и невозможны вокалические с теми же исходами (ибо они выбирают в соответствующих формах другие аффиксы: *-an-*, *-ań-*, не вызывающие чередования предшествующего согласного); в остальных двух позициях, т. е. перед *-ę*, *-ą*, *-ąс* и перед остальными флексиями наст. времени и суффиксами повелит. наклонения, где возможны основы обоих типов, они имеют разные ступени чередования согласных в исходе основы. Консонантные основы перед *-ę*, *-ą*, *-ąс* сохраняют без изменения исходные *t*, *d*, *s*, *z*, а перед второй группой аффиксов наст. времени имеют альтернанты *ć*, *ź*, *ś*, *ž*, тогда как вокалические основы в обеих позициях представлены альтернантами *č*, *ž*, *š*, *ž*.

Конечные согласные глагольных основ в позициях чередования

Тип основы	Позиция согл.	В исходе полной или усеченной основы	Перед -ѣ, -а, ѣс	Перед -еѣ, -е, -ету, -еѣ -іѣ, -і, -іту, -іѣ -Ѡ, -іј	Перед -оп-	Перед -ѣт-, -ѣс-	Перед -еѣ-
a-основы		<i>ј, г, л, л м', в', р, б т, д, с, з к, г, х</i>	<i>ј, г/з, л, л м', в', р', б' ѣ, ѣ, ѣ, ѣ ѣ, ѣ, ѣ</i>	<i>ј, з, л, л м', в', р', б' ѣ, ѣ, ѣ, ѣ ѣ, ѣ, ѣ</i>	—	—	
i-основы		<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>	<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>	<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>	<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>	—	<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>
e-основы		<i>л, ѣ м', р', б' с, ѣ, ѣ с, з, ѣ</i>	<i>л, ѣ м', р', б' с, ѣ, ѣ с, з, ѣ</i>	<i>л, ѣ м', р', б' с, ѣ, ѣ с, з, ѣ</i>	—	—	<i>л, ѣ м', р', б' с, ѣ, ѣ с, з, ѣ</i>
q-основы		<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п'</i>	—	<i>п</i>	—
eј-основы		<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣѣ</i>	—	—	—	—	<i>л, ѣ м', ф', в', р', б' с, з, ѣ, ѣ с, з, ѣ, ѣѣ, ѣѣ</i>
консонантные основы		<i>г, т, п, м т, д, с, з к, г</i>	<i>г, л, п, м т, д, с, з к, г</i>	<i>з, л, ѣ, м' ѣ, ѣ, ѣ, ѣ ѣ, ѣ</i>	<i>— л — ѣ, ѣ, ѣ, ѣ ѣ, ѣ</i>	—	<i>— л — с, з, ѣ, з ѣ, ѣ</i>

* * *

Обобщая все сказанное выше о консонантных чередованиях в глагольной парадигме, подчеркнем еще раз, что наличие или отсутствие таких чередований определяется тремя главными условиями: 1. типом основы, 2. видом следующего за ней аффикса и 3. качеством согласного в исходе основы.

Из всех выделяемых в данной работе типов глагольных основ следующие шесть типов могут иметь консонантные чередования: вокалические *a*-основы, *i*-основы, *e*-основы, *q*-основы, йотовые *ej*-основы и консонантные основы. Остальные типы, т. е. йотовые основы на *-aj*, *-ej₁*, *ij*, *-oj*, *uj* не испытывают консонантных чередований.

Из всех аффиксов, присоединяемых непосредственно к основе (полной или усеченной), следующие группы аффиксов могут вызывать консонантные чередования в основе: 1) флексии 1 ед. наст. *-ε* и 3 мн. *-q*, суффиксы действит. причастия наст. времени *-qc-* и деепричастия наст. времени *-qc-*; 2) флексии наст. времени *-eš*, *-e*, *-etu*, *-eše*, *-iš*, *-i*, *-ituy*, *-íce*, суффиксы повелит. наклонения *-Ø* и *-ij*; 3) суффикс страдат. причастия прош. времени *-on-*; 4) суффиксы страдат. причастия прош. времени *-εt-* и герундия *-εć-*; 5) суффикс герундия *-eñ-*. Остальные суффиксы не вызывают консонантных чередований основы; к ним относятся неприкрытые суффиксы *-ap-* (суффикс страд. причастия прош. времени) и *-añ-* (суффикс герундия) и все прикрытые и консонантные флексии и суффиксы: *-m*, *-š*, *-ø*, *-tu*, *-če* (флексии наст. времени), *-t-*, *-n-* (суффиксы страдат. причастия прош. времени), *-ć-*, *-ñ-* (суффиксы герундия), *-t-* (суффикс прош. времени и сослагат. накл.), *-všy*, *-šy* (суффиксы деепричастия прош. времени), *-ć* (суффикс инфинитива).

Наличие чередования в каждом конкретном глаголе зависит, помимо типа его основы и вида следующего аффикса, от качества согласного в исходе основы. Следующие согласные вообще не испытывают чередований: *j*, *l*, *ñ*, *m'*, *f'*, *v'*, *p'*, *b'*, *š*, *ž*, *ć*, *ž*. Остальные согласные, т. е. *r*, *t*, *n*, *m*, *v*, *p*, *b*, *t*, *d*, *s*, *z*, *š*, *ž*, *ć*, *ž*, *k*, *g*, *x*, имеют то или иное число чередований в соответствующих позициях. Согласные *f*, *c* и *ž* не зафиксированы в тех типах основ, которые подвержены чередованиям.

Следовательно, объектом консонантных чередований в глагольной парадигме являются твердые сонорные согласные *r*, *t*, *n*, твердые губные *m*, *v*, *p*, *b*, твердые зубные *t*, *d*, *s*, *z* и заднеязычные *k*, *g*, *x*, а также среднеязычные *š*, *ž*, *ć*, *ž*, выступающие в исходе основ определенных типов (все вокалические, все консонантные и один тип йотовых основ) в строго определенных позициях (перед неприкрытыми и вокалическими аффиксами, кроме аффиксов, начинающихся с *a*: *-ap-* и *-añ-*).

Если само наличие чередований зависит от трех названных условий (тип основы, морфонологическая позиция, или вид следующего аффикса, и качество согласного), то и выбор ступени чередования в свою очередь определяется теми же условиями: типом основы, морфонологической позицией и качеством согласного.

Качеством согласного обусловлено число возможных для него ступеней чередования, или число его альтернатив: чередующиеся согласные могут иметь от двух до четырех (ср. в русском языке — до трех) ступеней чередования,

при этом можно считать, что нечередующиеся согласные имеют всего одну, исходную ступень). Согласные *t, r, n, m, v, p, b, k, g, x, ś, ź, ć, ż* в пределах глагольной парадигмы помимо данной, исходной ступени, могут выступать еще и в виде альтернантов *l, ǰ, ñ, m', v', p', b', ċ, ǰ, ś, ź, c, ż*. Согласные *s, z* имеют три ступени: *s, z; ś, ź* и *ś, ź*. И, наконец, согласные *t, d* имеют четыре ступени чередования: *t, d; ć, ż; ċ, ǰ* и *c, ż*. См. табл. 16.

Таблица 16

Ступени чередования согласных в глагольных основах

(Исключены *f, c, ż*, не отмеченные в глагольных основах, подверженных чередованиям)

I ступень	II ступень	III ступень	IV ступень
<i>j</i> <i>l</i> <i>ñ</i> <i>m'</i> <i>f'</i> <i>v'</i> <i>p'</i> <i>b'</i> <i>ś</i> <i>ź</i> <i>ć</i> <i>ż</i>			
<i>t</i> <i>r</i> <i>n</i> <i>m</i> <i>v</i> <i>p</i> <i>b</i> <i>k</i> <i>g</i> <i>x</i> <i>ś</i> <i>ź</i> <i>ć</i> <i>ż</i>	<i>l</i> <i>ǰ</i> <i>ñ</i> <i>m'</i> <i>v'</i> <i>p'</i> <i>b'</i> <i>ċ</i> <i>ǰ</i> <i>ś</i> <i>ź</i> <i>c</i> <i>ż</i>		
<i>s</i> <i>z</i>	<i>ś</i> <i>ź</i>	<i>ś</i> <i>ź</i>	
<i>t</i> <i>d</i>	<i>ć</i> <i>ż</i>	<i>ċ</i> <i>ǰ</i>	<i>c</i> <i>ż</i>

Морфонологическая позиция обуславливает выбор альтернанта (ступени чередования) для консонантных исходов у основ одного типа. Так, у *i*-основ в позициях перед *-ę*, *-ą*, *-ąс*, перед *-он-* и перед *-еń-* выступают альтернанты II ступени (для согласных, различающих I и II ступень), т. е. в данном случае для *ś*, *ź*, *ć*, *ź* — альтернанты *š*, *ž*, *с*, *з*, а перед прочими флексиями настоящего времени — альтернанты I ступени, т. е. совпадающие с видом исходного консонанта на конце основы. То же распределение характерно для *e*-основ. В консонантных основах с исходом на зубной *t*, *d* альтернанты I ступени (*t*, *d*) представлены в позиции перед *-ę*, *-ą*, *-ąс*, альтернанты второй ступени (*ć*, *ź*) — в позиции перед остальными флексиями наст. времени и перед *-он-*, а альтернанты IV ступени (*с*, *з*) перед суффиксом герундия *-еń-*. У остальных согласных в составе консонантных основ (*r*, *t*, *n*, *s*, *z*, *k*, *g*) в позиции перед *-ę*, *-ą*, *-ąс* выступают альтернанты I ступени, а во всех остальных позициях — альтернанты второй ступени (соответственно *ž*, *l*, *ń*, *ś*, *ź*, *ć*, *ź*).

В одной и той же морфонологической позиции (т. е. перед одним и тем же аффиксом) одни и те же согласные могут выступать на разных ступенях чередования, если они принадлежат к разным типам основ. К случаям такого рода расхождений относятся: 1) III ступень согласных *t*, *d*, *s*, *z* перед *-ę*, *-ą*, *-ąс* у глаголов с *a*-основой (*ć*, *ź*, *ś*, *ź*) и I ступень тех же согласных в той же позиции у глаголов с консонантной основой (*t*, *d*, *s*, *z*), ср. {*septa* → *šerće*} (*szeptać*), но {*m'ot-* → *m'ote*} (*mieść*), 2) III ступень для *t*, *d*, *s*, *z* перед остальными флексиями наст. времени у глаголов с *a*-основой (*ć*, *ź*, *ś*, *ź*) и II ступень — у консонантных основ (*ć*, *ź*, *ś*, *ź*), ср. {*septa* → *šerćeš*}, но {*m'ot-* → *m'ecęš*}, 3) I ступень для согласных *ś*, *ź* перед суффиксом герундия *-еń-* у глаголов с *ej*-основой и II ступень тех же согласных — у глаголов с *i*-основой, ср. {*łysej-* → *łyseńe*} (*tysiąc*), но {*prosi-* → *prosieńe*} (*prosić*), 4) I ступень *m* перед *-ę*, *-ą*, *-ąс* в основах на сонорный и II ступень (*m'*) в *a*-основах, ср. *dmę*, но *drzemię*.

Наконец, в качестве дополнительного фактора, обуславливающего ступень чередования, может выступать признак неслоговости корня. Такого рода зависимость обнаружена в некоторых вокалических *a*-основах в позиции перед *-ę*, *-ą*, *-ąс*, где неслоговые корни имеют I ступень (*r*, *v*, *s*), а слоговые — II или III ступень (*ž*, *v'*, *š*), ср. *piorę* (основа *pra-*, усеченная основа и корень *pr-*), но *orzę* (основа *ora-*, усеченная основа и корень *or-*), *zwę* (основа *zwa-*, усеченная основа и корень *zw-*), однако устар. *zowię*; *ssę* (основа *ssa-*, усеченная основа *ss-*), но *piszę* (основа *p'isa-*, усеченная основа *p'is-*).

3.9.2. Чередование согласных в аффиксах

В глагольных аффиксах — суффиксе прош. времени и сослагат. наклонения *-t-* и суффиксах страдат. причастий *-an-*, *-on-* и *-t-*, *-ęt-*, *-n-* наблюдаются чередования *t* → *l*, *n* → *ń*, *t* → *ć* перед следующей флексией лично-мужской формы мн. числа *-i*: *nosił*, *nosiła* — *nosili*, *nosiliśmy*; *zdecydowany* — *zdecydowani*, *zniszczony* — *zniszczeni* (о чередовании гласных в аффиксе будет специально сказано ниже), *zabity* — *zabici*, *rozwinięty* — *rozwinięci*.

3.9.3. Чередование гласных в исходе глагольной основы

Глагольная основа имеет открытый вид, т. е. завершается гласным в следующих двух случаях: 1) если это полная вокалическая основа (на *-a*, *-e*, *-i*, *-q*), выступающая перед прикрытыми или консонантными аффиксами, 2) если это усеченная йотовая основа, выступающая также перед прикрытыми или консонантными аффиксами (см. табл. 17). Из всех гласных, способных завершать основу в указанных позициях, чередованию могут быть подвержены только гласные *q* в исходе *q*-основ и *e* в исходе *e*-основ и усеченных *ej*-основ. Чередования этих гласных наблюдаются в позиции перед суффиксом прошедшего времени *-všy*; перед остальными прикрытыми суффиксами чередования отсутствуют. Однако грамматические формы, в которых имеют место чередования *q* и *e*, не совпадают. В исходе глагольной основы *q* чередуется с *ę* перед *ł*, за которым следуют родовые флексии женского и среднего рода (*-a*, *-o*) и флексии мн. числа (*-i*, *-y*), ср. *dźwignęłam*, *dźwignęły*, *dźwignęlibyście* и т. д. Чередование отсутствует, если за суффиксом *ł* следует нулевая флексия мужского рода: *dźwignąłem*, *dźwignąłeś*, *dźwignął*, *dźwignąłbym*, *dźwignąłbyś*.

В отличие от *q*, *e* в исходе *e*-основ и усеченных *ej*₁- и *ej*-основ чередуется с *a* перед *ł*, за которым следует любая родовая флексия, кроме флексии лично-мужского рода, например, основа на *-e*: {*v'izę*} → *widziałem*, *widział*, *widziałyście*, *widziałbyś*, *widziałoby*, но: *widzieliśmy*, *widzieli*, *widzieliby*; основа на *-ej*₁: {*rozum'ej*-} → *rozumiałem*, *rozumiałaś*, *rozumiałyby*, но: *rozumieliliśmy*, *rozumielibyście* и т. п. Кроме того, чередование *e* → *a* наблюдается перед суффиксом деепричастия прош. времени *-všy* и суффиксом страдат. причастия прош. времени *-n-*: *-rozumiałwszy*, *-rozumiany*. Таким образом, чередование *q* → *ę* противопоставляет в парадигме глаголов с *q*-основой формы мужского рода ед. числа прош. времени и сослагат. наклонения всем остальным личным формам прош. времени и сослагат. наклонения, а чередование *e* → *a* в парадигме глаголов на *-eć* противопоставляет лично-мужские формы прош. времени и сослагат. наклонения всем остальным формам прош. времени и сослагат. наклонения. См. табл. 17.

Таблица 17

Распределение гласных в исходе глагольной основы

Гласный	Позиция перед	<i>-łp-</i>	<i>-ła</i>	<i>-li-</i>
		<i>-všy-</i>	<i>-ty</i>	
		<i>-n-</i>	<i>-to</i>	
<i>q</i>		<i>q</i>	<i>ę</i>	<i>ę</i>
<i>ę</i>		<i>a</i>	<i>a</i>	<i>e</i>

Предложенная здесь трактовка модификаций гласных *q* и *e* в исходе основы вполне убедительно объясняет распределение форм с разными алтернативами в пределах частных парадигм прош. времени и сослагат. наклонения и

отличается сравнительной простотой. Однако она может вызвать возражение по крайней мере в одном отношении. Она предполагает чередования $q \rightarrow \xi$ и $e \rightarrow a$, в которых оба исходных члена (q и ξ) являются в большей степени позиционно обусловленными, чем соответствующие им альтернанты ξ и a , поэтому обратное направление чередования, т. е. $\xi \rightarrow q$, $a \rightarrow e$, должно быть признано более оправданным. В самом деле, чередования $\xi \rightarrow q$ и $a \rightarrow e$ широко распространены и за пределами глагольного словоизменения, в частности, в именных и адъективных парадигмах, где их позиционная обусловленность выступает совершенно отчетливо, ср. *dąb — dębu, dębie*, где q замещает ξ в позиции перед нулевой флексией, т. е. в закрытом слоге; *lato — lecie*, где e замещает a в позиции перед следующим мягким согласным. Нетрудно заметить, что анализируемые здесь глагольные формы также удовлетворяют этим условиям: q характеризует формы с последующим нулевым аффиксом, а ξ — с ненулевым аффиксом; a характеризует формы с последующим морфонологически твердым согласным (t), а e — с мягким согласным (l). Правда, такое распределение не является абсолютным ни для именных парадигм (ср. *szczęka — szczęk, wygląd — wyglądu, siara — siarze, dziato — dziale*), ни для глаголов (ср. *grzązłem, no przędłem* при допустимости регион. *prządłem — SPP*), но все же оно действительно для значительного числа случаев.

Если рассматривать интересующие нас глагольные формы независимо от остальных зон глагольной парадигмы, то ничто не препятствует принятию чередований $\xi \rightarrow q$ и $a \rightarrow e$ с теми же условиями, что и в именных парадигмах. Но поскольку здесь все описание глагольного словоизменения исходит из единой глагольной основы, это решение потребовало бы переформулировки принятых в данной работе типов глагольных основ: q -основы следовало бы в таком случае обозначить как ξ -основы, e -основы как основы с исходом a или 'а (т. е. a с предшествующим морфонологически мягким согласным) и e_j -основы — как aj -основы или 'aj-основы. В принципе такая переформулировка могла бы быть сравнительно легко произведена без ущерба для всей системы описания (в особенности легко для q -основ и e -основ; несколько сложнее с e_j -основами, где этот исход не усекается в формах настоящего времени и императива), однако это нарушило бы простоту отношений между выделенными типами глагольных основ и словарными формами глагола (инфинитивом), что, по нашему мнению, крайне нежелательно. Поэтому мы рассмотрим еще одно, компромиссное решение вопроса, при котором появляется возможность совместить более естественное направление чередований ($\xi \rightarrow q$, $a \rightarrow e$) с принятой формулировкой типов глагольных основ.

Это решение состоит в том, чтобы ввести вместо одного правила распределения исходных гласных основы q и e два последовательных правила. Первое правило предусматривает чередования $q \rightarrow \xi$ и $e \rightarrow a$ перед любыми консонантными или прикрытыми аффиксами, т. е. перед суффиксом прош. времени и сослагат. накл. $-t$, перед суффиксом деепричастия прош. времени $-všy$ и суффиксом инфинитива $-ć$: { $\xi v'igną + -t \rightarrow \xi v'ignę-t$ }, { $kip'e + -t \rightarrow kip'a-t$ }, { $rozum'e + -t \rightarrow rozum'a-t$ }, { $\xi v'igną + -všy \rightarrow \xi v'ignę-všy$ }, { $kip'e + -všy \rightarrow kip'a-všy$ }, { $rozum'e + -všy \rightarrow rozum'a-všy$ }, { $\xi v'igną + -ć \rightarrow \xi v'ignę-ć$ }, { $kip'e + -ć \rightarrow kip'a-ć$ }, { $rozum'e + -ć \rightarrow rozum'a-ć$ }.

Второе правило применяется вслед за первым уже к полученным основам с исходом на *-ę* и *-a* и предусматривает два вида чередования:

1) *ę* → *q* перед *t*, за которым следует нулевая флексия муж. рода, перед *-všy* и *-ć*: {*żv'ignę* + *-l* + *-ø* → *żv'igną-l*} (*dźwignątem*, *dźwignąłeś*, *dźwignął*, *dźwignąłbym*, *dźwignąłbyś*, *dźwignąłby*), {*żv'ignę* + *-všy* → *żv'igną-všy* (*dźwignąwszy*), {*żv'ignę* + *-ć* → *żv'igną-ć*} (*dźwignąć*).

В SPP при глаголах на *-q* последовательно дается форма 1 ед. прош., например, *cofnąć* — *cofnąłem* ([cofnołem], не: [cofnełem]), *wrzasnąć* — *wrzasnąłem* ([vżasnołem], не: [vżasnełem]) и т. п. Это значит, что в живом произношении нередки отступления от интересующего нас правила чередования *ę* → *q* перед *t* во всех формах муж. рода и стремление ограничить их только закрытым слогом, т. е. формой 3 ед. (*wrzasnął*, *cofnął*).

2) *a* → *e* перед следующим морфонологически мягким согласным, т. е. перед *l* (вариант суффикса *-t-* в позиции перед лично-мужской флексией *-i*) и перед *-ć*: {*kip'a* + *-l* → *kip'e-l*} (*kipieliśmy*, *kipieliście*, *kipieli*, *kipielibyśmy*, *kipielibyscie*, *kipieliby*), {*kip'a* + *-ć* → *kip'e-ć*} (*kipieć*), {*rozum'a* + *-l* → *rozum'e-l*} (*rozumieliśmy*, *rozumieliście*, *rozumieli*, *rozumielibyście*, *rozumielibyśmy*, *rozumieliby*), {*rozum'a* + *-ć* → *rozum'e-ć*} (*rozumieć*).

Исключение составляют глаголы *-grzać*, *-siać*, *-lać*, *-wiał*, *-dział*, *-chwał*, *-śmiać się*, *-piał*, *-ział*.

Предложенные решения, таким образом, противоположны в отношении направления предусматриваемых ими чередований (в первом *q* → *ę*, *e* → *a*, во втором — *ę* → *q*, *a* → *e*), однако они оказываются совершенно идентичными, если отвлечься от направления чередований, т. е. описывать условия распределения альтернантов *ę* ~ *q* и *a* ~ *e* независимо от процессов порождения соответствующих глагольных форм. Следует заметить, что эти условия распределения в целом соответствуют условиям распределения тех же гласных за пределами глагольной парадигмы, хотя распределение гласных *ę* и *q* в исходе глагольных основ отличается большей «морфонологичностью», ибо *q* характерно не только для закрытых слогов, как в имени, но и для открытых слогов, если за ними следует нулевая флексия, ср. *dąb* (закрытый слог) и *dźwignąłem* (открытый слог).

3.9.4. Чередование *o* → *u* в корне

Чередование *o* → *u* в глагольных корнях имеет место в следующих трех грамматических формах в пределах глагольной парадигмы: 1. в формах повелит. наклонения перед нулевым суффиксом (но не суффиксом *-ij*): *tworzyć* — *twórz*, 2. в формах причастия прош. времени муж. рода ед. числа и совпадающих с ними формах 3 ед. муж. рода личной парадигмы прош. времени и сослагат. наклонения: *nieść* (корень *ńos*) — *niósł* и в формах деепричастия прош. времени: *niósłszy*, 3. в некоторых формах инфинитива: *móc*, *bóść*.

Общим для всех перечисленных форм морфонологическим признаком является положение корневого *o* в закрытом слого — либо на конце словоформы, либо перед следующим прикрытым аффиксом (в формах 1 и 2 мн. повелит. накл. — перед флексиями *-tu*, *-će*, в формах деепричастия прош. времени — перед

суфф. *-šy*). В формах прош. времени и инфинитива указанная позиция корневого гласного возможна только у глаголов с консонантными основами, присоединяющих суффиксы *-t-* и *-ć-* непосредственно к корню, а также у нескольких глаголов с *q*-основой, усекающих *-nq-* перед *-t-* и *-ć-*: *chtodnqć* — *chtódt-*. Ввиду малочисленности консонантных основ и тем более консонантных основ с корневым *o*, лексическая мощность чередования *o* → *u* в этих формах очень невелика. Собственно говоря, в прош. времени это чередование представлено лишь в консонантных основах (= корнях): {*bod-*} (*bóść* — *bódt*), {*grńot-*} (*grńeść* — *grńiótt*, *grńióttszy*), {*mog-*} (*móć* — *mógł*), {*m'ot-*} (*mieść* — *miótt*, *mióttszy*), {*ńos-*} (*nieść* — *nióśt*, *nióśtszy*), {*plot-*} (*pleść* — *plótt*, *plóttszy*), {*vlok-*} (*wlec* — *wlókt*, *wlóktszy*), {*v'od-*} (*wieść* — *wiódt*, *wiódtszy*), {*v'oz-*} (*wieźć* — *wiózt*, *wióztszy*) и в вокалических основах на *-q*: *chtodnqć* — *chtódt* (и *chtodt*), *rosnqć* — *róst*, *moknqć* — *mókt* (наряду с *moknqł*). В формах инфинитива вступает в действие дополнительное ограничение, обусловленное мягкостью инфинитивного суффикса *-ć*: чередованию *o* → *u* не подлежат корни с мягким согласным перед *o*, поскольку между двумя мягкими согласными *o* чередуется с *e* ({*grńot-*} — *grńieść*, {*plot-*} — *pleść* и т. д.). В результате чередование *o* → *u* в инфинитиве касается всего двух корней: {*mog-*} (*móć*) и {*bod-*} (*bóść*), к которым мог бы быть добавлен устаревший вариант инфинитива *róść*, вытесненный *q*-основой *rosnqć*.

Единственной зоной глагольной парадигмы, где чередование носит систематический характер и охватывает большое число глагольных корней, остается, таким образом, подпарадигма императива, точнее та часть императивных словоформ, которые образованы посредством нулевого суффикса (в отличие от форм с суффиксом *-ij*, где этого чередования нет).

В самом общем виде условия чередования *o* ~ *u* в императиве были определены С. Шобером [1953, 36], указавшим, что оно имеет место перед этимологически звонкими согласными, кроме носовых, и отсутствует перед глухими согласными: *robić* — *rób*, но *tropić* — *trop*. Это правило, однако, определяет лишь круг глагольных корней, в которых чередование *o* ~ *u* возможно, но не тип корней, для которых оно является обязательным, поскольку во многих случаях чередование и перед звонкими согласными отсутствует, ср. *wodzić* — *wódź*, но *szkodzić* — *szkodź*. Поэтому более точной была бы формулировка: чередование *o* ~ *u* не происходит перед глухими и носовыми согласными, — предполагающая дальнейшее уточнение условий, в которых это чередование имеет место. Выяснение этих условий представляется тем более необходимым, что в отношении интересующего нас чередования в литературном языке наблюдаются большие колебания, о чем свидетельствуют, в частности, регулярные предостережения нормативных словарей, например, *chodź*, не: *chódź*, *orz*, не: *órz* и наоборот — *zagój*, не: *zagoj*, *odmłódź*, не: *odmłódt* и т. п., и допускаемые нормой варианты форм с чередованием и без него: *przeszkódź* и *przeszkodź*, *stódź* и *stodź*, *tagodź* и *tagódt*, *wóź*, редк. *woź*, *nagródź*, редк. *nagrodź* и т. д. Эти колебания отражают, помимо различных нормативных установок составителей словарей, изменения, происходящие в литературном языке в последние десятилетия, о чем можно судить, сопоставляя материалы книги Я. Токарского [1951] с данными новых орфографических и иных нормативных словарей, прежде всего SPP и SO (соответственно — 1973 и 1975).

Так, например, Я. Токарский относит глаголы *-chłodzić*, *-głodzić*, *-godzić*, *-gwoździć*, *-łagodzić*, *-młodzić*, *-mrozić*, *obwozić*, *obwozić*, *-płodzić*, *przeszkodzić*, *rozwozić*, *-stodzić* к типу глаголов, не знающих чередования в императиве, тогда как SPP рекомендует как единственно правильные, либо допускает как параллельные формы императива от этих глаголов с чередованием *o ~ u*.

Все эти обстоятельства побуждают нас заново рассмотреть весь относящийся к этой проблеме материал и попытаться обнаружить какие-то закономерности в появлении или отсутствии чередований *o ~ u* в формах императива. Итак, нас будут интересовать такие глаголы с корневым *o*, которые образуют формы императива посредством нулевого суффикса, присоединяемого прямо к корню. Поэтому из рассмотрения могут быть исключены все глаголы с йотовыми основами на *-aj*, *-ej*, *-uj*, ибо нулевой суффикс императива присоединяется у них к неусеченной, полной основе (единичные основы на *-oj* имеют чередование *o ~ u*: *-stój*, *-bój się*). В дальнейшем не будут также рассматриваться глаголы с вокалическими *q*-основами, поскольку они либо образуют императив с суффиксом *-ij* (*rosnąć — rośnij*), либо оканчиваются в императиве на *-ń*, перед которым чередование отсутствует (*zionać — zioń*). Можно исключить из рассмотрения также глаголы с *e*-основами, среди которых обнаружено лишь пять корней, содержащих *o*: *-boleć*, *skomleć*, *spodleć*, *zagorzeć*, *zwiątceć*, однако глагол *-boleć* и его приставочные производные не употребляются в повелительном наклонении, глаголы *skomleć* и *spodleć* образуют императив с суффиксом *-ij*, а последние два глагола в большинстве случаев изменяются по типу *-ej*-основ, а тип *e*-основ является для них редким и архаическим. Остаются, следовательно, вокалические основы на *-a* и *-i* и консонантные основы. Рассмотрим их подробнее.

Среди глаголов с корневым *o* абсолютно преобладают глаголы, оформленные по типу *i*-основ. В исходе таких корней могут быть следующие согласные: *j*, *l*, *ń*, *m'*, *p'*, *b'*, *ć*, *ź*, *ś*, *ź*, *ć*, *ś*, *ź* (глаголов, имеющих корневое *o* и конечное *f'*, не обнаружено). В полном соответствии с правилом Шобера чередование *o ~ u* отсутствует в корнях, оканчивающихся на носовой или глухой согласный, т. е. на *ń*, *m'*, *p'*, *ć* (*ść*), *ś*, *ć*, *ś*: *-bronić — broń*, *-ruchomić — ruchom*, *-nosić — noś*, *-skoczyć — skocz* и т. д. В словарях лишь в редких случаях и весьма непоследовательно приводятся формы императива для глаголов с носовым или глухим согласным в исходе корня, и это вполне объяснимо регулярностью правила, по которому корни такой структуры не подвержены чередованию *o ~ u*. Это правило обладает абсолютной силой и не знает ни одного исключения.

Перейдем теперь к корням с конечным звонким согласным, в которых, по правилу Шобера, должно быть представлено чередование *o ~ u*. Уточним прежде всего, что чередование наблюдается также и в корнях, оканчивающихся, помимо звонких шумных, на *j* и *l*.

Корни на *-j*. В корнях этой структуры чередование *o ~ u* имеет обязательную силу. Тем не менее в большинстве случаев SPP приводит форму повелительного наклонения для глаголов этого типа, а в нескольких случаях еще и предостерегает против употребления императива без чередования: *zagoić — zagój* (не: *zagoj*), *wystroić — wystrój* (не: *wystroj*).

Корни на *-l*. Глаголы этого типа обнаруживают большие колебания в отношении чередования *o ~ u*: *biadolić — SO biadol*; *dyndolić — SO dyndol*; *golić —*

SPP *gol* (обл. *gól*), SO *gol* (и *gól*); *ogolić* — SPP *ogól*, SO *ogol* (и *ogól*); *wygolić* — SPP *wygól* (обл. *wygot*), SO *wygot* (и *wygól*); *zgotić* — SPP *zgot*, SO *zgot* (и *zgot*); *gramolić* (*się*) — SO *gramol się*; *wgramolić się* — SO *wgramol się*; *wygramolić się* — SO *wygramol się*; *gryzmoić* — SO *gryzmoć*; *modlić się* — SPP, SO *módl się*; *pomodlić się* — SO, SJPД *pomódl się*; *wymodlić* — SPP *wymódl* (не: *wymodlij*), SO *wymódl*; *mozolić się* — SPP *mozól się*, редк. *mozol się*, SO *mozól się* (и *mozol się*); *namozolić się* — SO *namozól się* (и *namozol się*); *smolić* — SPP, SO *smól* и *smol*; *osmolić* — SPP, SO *osmól* и *osmol*; *posmolić* — SPP, SO *posmól* и *posmol*; *usmolić* — SPP, SO *usmól* и *usmol*; *zasmolić* — SO *zasmol* и *zasmól*, SJPД *zasmól* и *zasmol*; *solić* — SPP, SO *sól*; *dosolić* — SO *dosól*; *osolić* — SO, SJPД *osól*; *posolić* — SPP *posól* (не: *posol*), SO *posól*; *przesolić* — SPP, SO *przesól*; *przysolić* — SO *przysól*; *wsolić* — SO, SJPД *wsól*; *zasolić* — SO, SJPД *zasól*; *swawolić* — SPP *swawol* (не: *swawól*), SO *swawol*; *rozswawolić się* — SO *rozswawol się*; *szkolić* — SPP, SO *szkol* и *szkól*; *przeszkolić* — SPP, SO *przeszkol* и *przeszkól*; *wyszkolić* — SPP *wyszkol* (не: *wyszkól*), SO *wyszkol* и *wyszkól*; *niewolić* — SPP, SO *niewól*; *zniewolić* — SPP *zniewol*, редк. *zniewól*, SO *zniewól*; *zadowolić* — SPP, SO *zadowól*; *dozwolić* — SPP, SO *dozwól*; *pozwolić* — SPP, SO *pozwól*; *przyzwolić* — SO, SJPД *przyzwól*; *zezwoić* — SPP, SO *zezwoić*; *wyzwolić* — SPP, SO *wyzwól*; *zespolić* — SPP, SO *zespól*.

Как видно из примеров, характерные для глаголов этого типа расхождения отражаются: 1) в большом числе двояких форм (с чередованием и без него), допускаемых каждым отдельным словарем, ср. *-smolić*, *-szkolić*, 2) в различиях между рекомендациями разных словарей, ср. *zniewolić*, *ogolić*, *zgotić*, *wyszkolić*, 3) в различном морфонологическом виде приставочных производных с общим корнем, ср. *golić* и *wygolić*.

Корни на *-v'*. Корни этого типа последовательно соблюдают чередование *o ~ u*: *-tłowić* — *-tłów*, *-nowić* — *-nów*, *-stanowić* — *-stanów*, *umiędzynarodowić* — SO *umiędzynarodów*, *uprzemysłowić* — SO *uprzemysłów* и т. д.

Корни на *b'*. Столь же последовательно происходит чередование в корнях с конечным *-b'*: *-drobić* — *-drób*, *-robić* — *-rób*, *-sposobić* — *-sposób*, *-zdobić* — *-zdób*, *-żłobić* — *-żłób*.

Корни с конечным *-ż*. Корни этого типа подвержены наибольшему колебанию, и одновременно они отличаются наибольшей изменчивостью во времени. Об этом с очевидностью свидетельствует сопоставление данных, приводимых в книге Я. Токарского, с показаниями новых словарей (см. табл. 18, 19).

Сплошной просмотр материала приводит к выводу об отсутствии какой бы то ни было закономерности в чередовании *o ~ u* у глаголов с конечным *-ż* в корне. Современная норма допускает во многих случаях двоякие формы — с чередованием и без него. Приставочные глаголы с общим корнем не всегда имеют в императиве одинаковый вид, ср. *rodzić* — *rodź* (не: *ródź*), но *urodzić* — *uródź*, хотя сравнение данных SPP и SO с материалами Токарского обнаруживает именно такую унифицирующую тенденцию современной нормы, ср., например, единообразное оформление в императиве многочисленных приставочных глаголов с корнем $\{xoz\}$, не отличавшихся прежде, судя по книге Токарского, таким единообразием.

Таблица 18

Verba	Токарский 1951	SPP	SO
<i>nadchodzić</i>	<i>nadchódź</i>	<i>nadchodź</i>	<i>nadchodź</i>
<i>nachodzić</i>	<i>nachódź</i>	<i>nachodź</i>	<i>nachodź</i>
<i>podchodzić</i>	<i>podchódź</i>	<i>podchodź</i> (не: <i>odchódź</i>)	<i>podchodź</i>
<i>przechodzić</i>	<i>przechódź</i>	<i>przechodź</i> (не: <i>przechódź</i>)	<i>przechodź</i>
<i>rozchodzić się</i>	<i>rozchódź się</i>	<i>rozchodź się</i>	<i>rozchodź się</i>
<i>schodzić</i>	<i>schódź</i>	<i>schodź</i> (не: <i>schódź</i>)	<i>chodź</i>
<i>wychodzić</i>	<i>wychódź</i>	<i>wychodź</i> (не: <i>wychódź</i>)	<i>wychodź</i>
<i>zachodzić</i>	<i>zachódź</i>	<i>zachodź</i> (не: <i>zachódź</i>)	<i>zachodź</i>
<i>głodzić</i>	<i>głódź</i>	<i>głódź</i> и <i>głódź</i>	<i>głódź</i> и <i>głódź</i>
<i>przegłodzić</i>	<i>przegłódź</i>	<i>przegłódź</i> и <i>przegłódź</i>	<i>przegłódź</i> и <i>przegłódź</i>
<i>godzić</i>	<i>godź</i>	<i>gódź</i>	<i>gódź</i>
<i>dogodzić</i>	<i>dogodź</i>	<i>dogódź</i>	<i>dogódź</i>
<i>ugodzić</i>	<i>ugodź</i>	<i>ugódź</i>	<i>ugódź</i>
<i>odmłodzić</i>	<i>odmłódź</i>	<i>odmłódź</i> (не: <i>odmłódź</i>)	<i>odmłódź</i>
<i>ptodzić</i>	<i>ptódź</i>	<i>ptódź</i>	<i>ptódź</i>
<i>rodzić</i>	<i>ródź</i>	<i>rodź</i> (не: <i>ródź</i>)	<i>rodź</i> и <i>ródź</i>
<i>szkodzić</i>	<i>szkódź</i>	<i>szkodź</i> (не: <i>szkódź</i>)	<i>szkodź</i>
<i>obwodzić</i>	<i>obwódź</i>	<i>obwódź</i>	<i>obwódź</i>
<i>odwodzić</i>	<i>odwódź</i>	<i>odwódź</i>	<i>odwódź</i>

Корни на *-ź*. Корней такой структуры очень немного, и они обнаруживают ту же неупорядоченность чередований, что и корни на *-ź*:

Таблица 19

Verba	Токарский	SPP	SO	MSJP
<i>grozić</i>	<i>gróź</i>	<i>groź</i> , редк. <i>gróź</i>	<i>groź</i> (и <i>gróź</i>)	—
<i>pogrozić</i>	<i>pogróź</i>	<i>pogroź</i> , редк. <i>pogróź</i>	<i>pogroź</i> (и <i>pogróź</i>)	—
<i>zagrozić</i>	<i>zagróź</i>	<i>zagroź</i> , редк. <i>zagróź</i>	<i>zagroź</i> (и <i>zagróź</i>)	—
<i>mrozić</i>	<i>mroź</i>	—	<i>mroź</i>	<i>mróź</i>
<i>przemrozić</i>	<i>przemroź</i>	<i>przemroź</i>	<i>przemroź</i> (и <i>przemroź</i>)	—
<i>wymrozić</i>	<i>wymroź</i>	<i>wymroź</i>	—	<i>wymroź</i>
<i>zamrozić</i>	<i>zamroź</i>	<i>wymroź</i>	<i>zamroź</i> (и <i>zamroź</i>)	—

Продолжение таблицы

Verba	Токарский	SPP	SO	MSJP
<i>zmrozić</i>	<i>zmroź</i>	—	<i>zmróź</i> (и <i>zmroź</i>)	—
<i>wozić</i>	<i>wóź</i>	<i>wóź</i> , редк. <i>woź</i>	<i>woź</i> и <i>wóź</i>	—
<i>dowozić</i>	<i>dowóź</i>	—	<i>dowóź</i> и <i>dowoź</i>	—
<i>nawozić</i>	<i>nawóź</i>	<i>nawoź</i> и <i>nawóź</i>	<i>nawoź</i> и <i>nawóź</i>	<i>nawoź</i> и <i>nawoź</i>
<i>obwozić</i>	<i>obwoź</i>	<i>obwoź</i> и <i>obwóź</i>	<i>obwoź</i> и <i>obwóź</i>	—
<i>odwozić</i>	<i>odwoź</i>	<i>odwoź</i>	<i>odwoź</i> и <i>odwóź</i>	<i>odwoź</i>
<i>podwozić</i>	<i>podwóź</i>	<i>podwoź</i> и <i>podwóź</i>	<i>podwoź</i> и <i>podwóź</i>	<i>podwóź</i>
<i>powozić</i>	<i>powóź</i>	<i>powoź</i> и <i>powóź</i>	<i>powoź</i> и <i>powóź</i>	—
<i>przewozić</i>	<i>przewóź</i>	<i>przewóź</i> и <i>przewoź</i>	<i>przewoź</i> и <i>przewóź</i>	<i>przewóź</i>
<i>przywozić</i>	<i>przywóź</i>	<i>przywoź</i> (не: <i>przywóź</i>)	<i>przywoź</i> и <i>przywóź</i>	<i>przywóź</i>
<i>rozwozić</i>	<i>rozwoź</i>	<i>rozwoź</i> , редк. <i>rozwóź</i>	<i>rozwoź</i> и <i>rozwóź</i>	<i>rozwóź</i>
<i>uwozić</i>	<i>uwoź</i>	<i>uwóź</i>	<i>uwoź</i> и <i>uwóź</i>	<i>uwóź</i>
<i>wwozić</i>	<i>wwóź</i>	<i>wwoź</i> и <i>wwóź</i>	<i>wwoź</i> и <i>wwóź</i>	<i>wwóź</i>
<i>wywozić</i>	<i>wywóź</i>	—	<i>wywoź</i> и <i>wywóź</i>	—
<i>zawozić</i>	<i>zawóź</i>	<i>zawóź</i> и <i>zawoź</i>	<i>zawoź</i> и <i>zawóź</i>	—
<i>zwozić</i>	<i>zwóź</i>	<i>zwoź</i> и <i>zwóź</i>	<i>zwoź</i> и <i>zwóź</i>	—

Корни на *-ź*. Наиболее распространенные из корней этого типа регулярно имеют чередование в формах императива в составе любых приставочных дериватов: *-tożyć* — *-tóź*, *-mnożyć* — *-mnóź*, *-trwożyć* — *-trwóź*, *-tworzyć* — *-twórz*. Остальные глаголы с этим исходом в книге Я. Токарского тоже определены как имеющие чередование *o - u* в императиве: *chędożyć*, *korzyć (się)*, *morzyć*, *przysporzyć*, *srożyć (się)*, *nasrożyć (się)*, *rozstrożyć (się)*, *ukorzyć (się)*, *umorzyć*, *wdrożyć*, *wychędożyć*, *wymorzyć*, *zabatożyć*, *zamorzyć*, *zmorzyć*, *zubożyć*. Однако новейшие словари показывают для этих слов гораздо менее единую картину. Так, SO фиксирует отсутствие чередования у глаголов *-srożyć się*, *ukorzyć (się)*, *zabatożyć*, *zubożyć* и факультативные формы без чередования для глаголов *korzyć (się)*, *przysporzyć*, *wdrożyć*.

Итак, можно заключить, что в формах императива от *i*-основ чередование *o* ~ *u* регулярно имеет место в корнях с конечными *j*, *v'*, *b'*, непоследовательно оно отмечается у корней с конечными *l*, *ź*, *ż*, *ż* и вовсе отсутствует у корней, оканчивающихся на *p'*, *ć*, *ś*, *ć*, *ś*, а также *ń* и *m'*. Это значит, что если сама возможность чередования *o* ~ *u* в императиве связана с такими признаками конечного согласного корня, как глухость — звонкость и назальность (при глухих и назальных чередование отсутствует), то регулярность чередования в корнях, где оно в принципе возможно, т. е. в корнях с конечными звонкими и *j*, зависит, по-видимому, кроме прочего, от твердости — мягкости конечного согласного: перед твердыми конечными согласными в целом чередование *o* ~ *u* почти не имеет ограничений (при этом следует учитывать, что мягкие губные *-b'* и *-v'* в словоформах императива автоматически заменяются соответствующими твердыми *-b* и *-v*), тогда как в корнях с мягкими конечными согласными чередование выступает крайне непоследовательно.

Обратимся теперь к глаголам с корневым *o*, относящимся к вокалическим *a*-основам. Отметим прежде всего, что в количественном отношении они значительно уступают *i*-основам с корневым *o*. Можно было бы ожидать, что в отношении чередования *o* ~ *u* эти глаголы подчиняются тем же закономерностям, что и глаголы с *i*-основой. Однако подробный анализ материала обнаруживает, что глагольные корни, оформленные по типу *a*-основ, независимо от качества конечного согласного корня, вообще не знают чередования *o* ~ *u*: *-orać* — *orz* (не: *órz*), *przeorz*, *rozorz* (не: *rozórz*), *wyorz* (не: *wyórz*), *zorz* (не: *zórz*); *-dziobać* — *dziob*, *wydzioć* (формы императива *dziób*, *wydzioć* относятся к глаголу *dziobać*); *-skrobać* — *oskrob*, *obskrob*, *naskrob* (не: *naskrób*), *wyskrob*, *zeskrob*; *-kopać* — *podkop*; *chlupotać* — *chlupocz*; *-chrobotać* — *zachrobocz*; *-chichotać* — *chichocz*, *zachichocz*; *klekotać* — *klekocz*; *kłopotać* — *kłopocz*; *-taskotać* — *taskocz*, *zaťaskocz*; *rechotać* — *rechocz*; *trajkotać* — *trajkocz*; *migotać* — *migocz*.

Среди консонантных основ только глаголы с корнями *mog-* и *bod-* имеют чередование *o* ~ *u*: *dopotóć*, *potóć*, *wspotóć*, *wymóć*, *wzmóć*; *przebóć*, *ubóć* (не: *ubodź*). Во всех остальных консонантных основах с корневым *o* препятствием к чередованию является мягкость согласного, предшествующего *o*: между двумя мягкими согласными происходит чередование *o* ~ *e*: *gnieć* (*gńot-*) — *gnieć*, *mieć* (*m'ot-*) — *mieć*, *pleć* (*plot-*) — *pleć*, *wieć* (*v'od-*) — *wieź*, *wieź* (*v'oz-*) — *wieź*, *nieć* (*ńos-*) — *nieś*.

Итак, что же представляет собой рассмотренное чередование *o* ~ *u* в императиве с точки зрения его репрезентации и условий функционирования? Есть ли это признак, релевантный для какого-то грамматического (морфологического) класса глаголов и противопоставляющий его другим классам? Или это признак, характеризующий определенную морфонологическую позицию, т. е. в данном случае определенный класс консонантов, следующих за корневым *o*? Или же, наконец, это постоянный признак некоторого круга глагольных корней, противопоставляющий их другим корням? Приведенный здесь материал свидетельствует, как кажется, о том, что и тот, и другой, и третий принцип имеет место. Действительно, сопоставление форм императива от *i*-основ и *a*-основ служит убедительным подтверждением первого принципа, т. е. того, что чередование в императиве имеет прежде всего морфологическую (не позиционную) обусловлен-

ность, будучи приметой лишь определенного класса глагольных корней и не затрагивая корней той же структуры, относящихся к другому типу основ, ср. *wyżłobić* — *wyżłób*, но *wyskrobać* — *wyskrob*.

С другой стороны, у глаголов с *i*-основой несомненно действует отмеченная Шобером зависимость чередования от качества (прежде всего глухости — звонкости и назальности) конечного согласного корня, ср. *złożyć* — *złóż*, но *-płoszyć* — *-płosz*. И наконец, в одном и том же типе глагольных основ и в тождественной морфонологической позиции чередование может наличествовать у одних корней и отсутствовать у других, например, *modlić się* — *módl się*, но *-gramolić się* — *gramol się*. Или, что встречается гораздо чаще, чередование может быть характерно для одной группы приставочных дериватов с данным корнем и не характерно для другой, ср. *odrodzić* — *odrodź*, но *przerodzić* — *przeródź*. Наличие же во многих случаях допускаемых нормой параллельных форм (с чередованием и без него) у одного и того же глагола, например, *stodzić* — *stodź* и *stódź*, вообще может поставить под сомнение значимость всех отмеченных критериев. Тем не менее, по нашему мнению, все эти факторы (морфонологический — тип основы, позиционный — качество конечного согласного, «этимологический» — индивидуальный вид корня), безусловно, влияют на чередование *o* ~ *u*, но их действие носит не одновременный, а последовательный и иерархический характер. Наиболее сильным оказывается признак типа основы, который сразу очерчивает корпус глаголов, имеющих, могущих иметь чередование *o* ~ *u* в императиве (*i*-основы и консонантные основы), и отделяет глаголы, не знающие этого чередования (*a*-основы). Затем, уже в пределах *i*-основ, действует правило Шобера с теми уточнениями, которые были предложены выше, и суживает круг имеющих чередование глаголов рамками корней с некоторыми конечными согласными, определяя дополнительно по этому же признаку (качеству конечного согласного) степень регулярности (обязательности) чередования у глаголов с каждым конкретным исходом корня. И наконец, по отношению к тем корневым структурам, для которых чередование *o* ~ *u* носит факультативный характер, действуют уже индивидуальные, опирающиеся на традицию правила, предписывающие отдельным глагольным корням или индивидуальным приставочным глаголам наличие или отсутствие чередования. В этих случаях самая общая закономерность состоит, по-видимому, в том, что глаголы менее употребительные, периферийные чаще уклоняются от чередования, сохраняя, таким образом, тождественный для всех форм своего корня, а наиболее употребительные и наименее специальные по значению глаголы чаще всего воспринимают модель чередования. Соответственно указанной иерархии признаков, нет никаких индивидуальных отступлений у глаголов, которые по признаку конечного консонанта не должны иметь чередования, так же, как не играет никакой роли качество согласного у глаголов иных типов основ, кроме основ на *i*- и консонантных.

3.9.5. Чередование $\epsilon \rightarrow a$

Чередование $\epsilon \rightarrow a$ в глагольных корнях по своим условиям совпадает с чередованием *o* → *u*, однако оно не является столь регулярным и представлено лишь в немногих глаголах. К ним относятся те корни, содержащие ϵ ,

которые оформлены по типу консонантных основ, т. е. присоединяют консонантные и прикрытые аффиксы непосредственно к последнему согласному корня (например, {tšęs-}: {tšęs- + -l} → *trząst*, {tšęs- + -a} → *trząśc*). Кроме них, чередование $\epsilon \rightarrow q$ возможно в ряде корней, оформленных по типу q -основ, если эти основы усекают *-nq-* перед консонантными аффиксами (например, {v'ędną- + -l} → {v'ęd- + -l} → *wiądł*), т. е. образуют соответствующие формы по типу консонантных основ. Некоторые глаголы обнаруживают колебание между обоими типами основ и образуют параллельные формы, напр., *ląc się* и *łągnąc się*; *łągnął się* и *lągł się*, *łągł się* [SPP].

Из глаголов остальных типов, содержащих корневое ϵ (большая часть их относится к i -основам — 50 бесприставочных глаголов), только в двух случаях отмечено чередование $\epsilon \rightarrow q$ в форме императива: *wgłębić się* — *wgłqb się* (при *połąb*, *złąb*) и *skłębić* — *skłqb*.

Чередование $\epsilon \rightarrow q$ может иметь место в следующих грамматических формах: 1) в императиве, например, *uprzędź* (корень {pšęd-}), 2) в 1, 2 лице ед. числа муж. рода прош. времени и сослагат. наклонения, например, *trząstem*, *trząsteś*, *trząstbym*, *trząstbyś* (корень {tšęs-}), 3) в 3 лице ед. числа муж. рода прош. времени и сослагат. наклонения, например, *rozprzągł*, *rozprzągłby* (корень {pšęg-}), 4) в форме деепричастия прош. времени, например, *trząstwszy*, 5) в инфинитиве, например, *prząść* {pšęd-}, *ląc się* {łęg-}, *przysiąc* {śęg-}. Однако чередование происходит непоследовательно. Вполне регулярно оно лишь в инфинитиве, где не отмечено ни одного отклонения; с небольшим числом отклонений это чередование представлено в формах 3л. ед. числа муж. рода прош. времени и сослагат. наклонения и в формах деепричастия; большое число колебаний между формами с чередованиями и без них наблюдается в 1 и 2л. ед. числа муж. рода прош. времени и сослагат. наклонения, и, наконец, в императиве чередование возможно только у консонантных основ, поскольку a -основы образуют эти формы без усечения.

Нормы современного литературного языка допускают для некоторых глаголов достаточную свободу в отношении чередования $\epsilon \rightarrow q$, ср. *lągł* и *łągł*, *ugrzązłem* и *ugrzęzłem*; в других случаях строго предписывается одна из форм: *natrzęs* (не: *natrząś*), *potrząstem* (не: *potrzęstem*).

Из 14 глагольных корней с ϵ {gręz-, klęk-, łęg-, lęk-, m'ęk-, pęk-, pšęd-, pšęg-, śęg-, tęż-, tšęs-, v'ęd-, v'ęz-, żęb-} три корня вообще не испытывают чередования $\epsilon \rightarrow q$: {m'ęk-, pęk-, tęż-}. Для остальных корней чередование отмечено во всех или в некоторых приставочных образованиях (например, корень {śęg-} в бесприставочном глаголе не имеет чередования, точнее, не имеет условий для чередования, а в приставочных глаголах чередование имеет место). Приставочные дериваты от одного и того же корня могут различаться в отношении чередования $\epsilon \rightarrow q$, ср. *odprzęgłem*, но *wyprzągłem*, *zaprzągłem* (не: *zaprzęgłem*); *natrzęs* (не: *natrząś*), но *przetrząś*, *roztrzęś* и *roztrząś*. Весьма многочисленны параллельные формы одного и того же глагола с чередованием и без него: *ugrzązłem* и *ugrzęzłem*; *lągł się* и *łągł się*, *ułągł się* и *ułągł się*, *zalałągł się* и *zalałągł się*, *oprządz* и *oprzędz*, *sprzędz* и *sprządz*, *trząś* и *trzęś*, *potrząś* и *potrzęś*, *roztrzęś* и *roztrząś*; *ziębł* и *ziąbł*, *ziębłem* и *ziąbłem* и т. д.

3.9.6. Чередование *o* → *e* в глагольных корнях

Это чередование характерно для семи консонантных основ, имеющих в корне последовательность *C'oC* (мягкий согласный + *o* + твердый согласный): {g'ńot-} (-*gnieść*), {m'ot-} (-*mieść*), {ńos-} (*nieść*), {plot-} (*pleść*), {vlok-} (-*wlec*)³, {v'od-} (*wieść*), {v'oz-} (*wieźć*). Чередование *o* → *e* имеет место в следующих грамматических формах: 1) в парадигме наст. времени перед флексиями *-eš*, *-e*, *-emy*, *-eće* (*wiedziesz*, *wiedzie*, *wiedziemy*, *wiedziecie*), 2) в формах повелит. наклонения (*wieź*, *wieźmy*, *wieźcie*), 3) в формах страдат. причастия (*wiedziony*, *wiedzeni*), 4) в форме герундия (*wiedzenie*), 5) перед суффиксом *-t-* (*-l-*) в формах лично-мужских мн. числа прош. времени и сослагат. наклонения (*wiedliśmy*, *wiedliście*, *wiedli*), 6) в формах инфинитива (*wieść*). Как показывают лично-мужские формы прош. времени и сослагат. наклонения, чередование *o* → *e* не обязательно связано с чередованием твердого согласного в исходе корня⁴: *gnietliśmy*, *mietliśmy*, *pletliśmy*, *wlekleliśmy*, *wiedliśmy* (чередование же *s* → *ś* и *z* → *ź* носит позиционный характер и обусловлено следующим *l*: *nieśliśmy*, *wieźliśmy*).

Помимо перечисленных глаголов чередование *o* → *e* представлено в формах наст. времени глаголов *brać* и *prać* перед *e*-флексиями (*bierzesz*, *bierze*, *bierzemy*, *bierzecie*; *pierzesz*, *pierze*, *pierzemy*, *pierzecie*) и в формах повелит. наклонения этих двух глаголов (*bierz*, *pierz*).

3.9.7. Чередование *e* → *a*

Это чередование, широко распространенное в исходе глагольных основ, имеет очень ограниченное употребление внутри глагольного корня. Собственно говоря, оно затрагивает лишь несколько корней: {lez-/laz-} (*leźć*), {bled-/blad-} (*blednąć*) и {je(d)-/jad-} (*jeść*). Распределение вариантов корня зависит и от чисто морфологических условий, и от твердости/мягкости следующего согласного в словоформе. Варианты с *a* представлены перед суффиксом прош. времени *-t-* (*laztęm*, *lazt*, *lazta*, *bladtęm*, *bladt*, *bladta*, *jadtęm*, *jadt*, *jadta*) и суффиксом деепричастия прош. времени *-šy*, варианты с *e* — перед *-t-*, за которым следует флексия *-i* лично-мужских форм (*leźliśmy*, *bledli*, *jedli*), и во всех формах настоящего времени, повелительного наклонения и в инфинитиве (*leże*, *jedzą*, *leź*, *leźć*, *jeść* и т. д.).

3.9.8. Чередование гласных с нулем в корнях глаголов

Чередование этого типа имеет ограниченное распространение в глагольных корнях в системе глагольного словоизменения и касается нескольких компактных групп глаголов.

1. Глаголы с основами на *-a stać*, *brać* и *prać* в словоформах, где это *a* усекается, вокализуют корень: {sł- + -e, -eš...} → *ściełę*, *ścielesz* и т. д.; {br + -ę, -eš...} → *biorę*, *bierzesz* и т. д., {pr- + -ę, -eš...} → *piorę*, *pierzesz* и т. д. Вокализация

³ Этот глагол может выступать (редко) и с корнем {vlek-}.

⁴ Ср.: [Лясковский 1975, 88, 89].

осуществляется во всех случаях посредством гласного *o* (в *ściele* это *o* дополнительно чередуется с *e* перед следующим мягким согласным), смягчающего предшествующий согласный (*st* → *śc*, *b* → *b'*, *p* → *p'*). То, что это чередование носит сугубо морфонологический характер, доказывается отсутствием вокализации других неслоговых корней: {*sl-*} (*stać* — *śle*), {*ss-*} (*ssać* — *ssę*), {*rv-*} (*rwać* — *rwę*) и др.

2. Глаголы консонантного типа с неслововыми корнями {*-tr-*} (*-trzeć*), {*-dr-*} (*-drzeć*), {*-mr-*} (*mrzeć*), {*-pr-*} (*-przeć*), {*-vr-*} (*-wrzeć*), {*-żr-*} (*-żreć*) вокализируются перед консонантными аффиксами (кроме суффикса инфинитива) посредством *a*: *-tart*, *-dart*, *-(z)mart*, *-part*, *-żart*, сохраняя неслоговые корни перед вокалическими и неприкрытыми аффиксами (*trę*, *trzyj*, *trący* и т. д.), а также перед суффиксом инфинитива: *-trzeć*, *-drzeć*, *-mrzeć* и т. д. Глаголы *mleć* и *pleć* имеют вокализацию посредством *e* и иное распределение слоговых и неслоговых вариантов: неслоговые варианты представлены только в инфинитиве; вокализованные варианты со смягчением предшествующего согласного (*miel-*, *piel-*) — в формах наст. времени и повелит. наклонения, страдат. причастия и герундия (*miele*, *piele*, *miel*, *piel*, *mielony*, *pielony*), а вокализованные корни без смягчения предшествующего согласного (*met-*, *peł-*) — перед суффиксом *-t-*.

3. Глагол *schnąć*, подвергающийся усечению в формах прош. времени и сослагат. наклонения перед *-t-* {*sxną-* → *sx-*}, вокализует корень посредством *e* в форме 3 ед. муж. рода и в формах муж. рода ед. числа сослагат. наклонения (*secht*, *sechtbym*, *sechtbyś*, *sechtby*).

4. В формах прош. времени и сослагат. наклонения глагола *iść*, имеющих неслоговой супплетивный корень {*-š(d)-*}, происходит чередование # - *e* в подпарадигме муж. рода ед. числа (*szedłem*, *szedłeś*, *szedt*, *szedtbym*, *szedtbyś*, *szedtby* при *szłam*, *szła*, *szli* и т. д.).

5. Чередование слоговой и неслоговой форм глагола характерно также для группы глаголов: *-dqć* {*-da-*, *-dę-/dm-*}, *-giqć* {*-g'a-*, *-g'e-/gn-*}, *-jqć* {*-ja-*, *-ję-/jm-*}, *-klqć* {*-kla-*, *-klę-/kln-*}, *-miqć* {*-m'a-*, *-m'e-/mn-*}, *-piqć* {*-p'a-*, *-p'e-/pn-*}, *-ciqć* {*-c'a-*, *-c'e-/tn-*}, *-żqć I* {*-ż'a-*, *-ż'e-/żm-*}, *-żqć II* {*-ż'a-*, *-ż'e-/żn-*}, *wziqć* {*-v'z'a-*, *-v'z'e-/vezm-*}, *-czqć* {*-č'a-*, *-č'e-/čn-*}, при условии, что они трактуются как принадлежащие не к *q*-основам (ибо в этом случае корень представлен только неслововыми вариантами, а *-q* не входит в состав корня, будучи тематическим элементом), а к консонантным основам (см. выше). Но и при таком решении соотношение слогового и неслогового вариантов корня не может быть описано простым правилом вокализации неслогового варианта, как это было возможно во всех предыдущих группах глаголов. Для данной группы глаголов с неслововым исходным видом корня следует предполагать два последовательных этапа, приводящих к вокализованному слоговому варианту: 1) вокализацию неслогового корня посредством вставки эпентетического *e* между двумя составляющими его согласными: {*dm* → *dem*, *g'n* → *g'en*, *jm* → *jem*, *kln* → *klen*, *m'n* → *m'en*, *p'n* → *p'en*, *tn* → *ćen*, *žm* → *žem*, *žn* → *žen*, *čn* → *čen*}, 2) последующую «монофтонгизацию» *em*, *en* → *e* перед консонантными и прикрытыми аффиксами в {*dę-*, *g'e-*, *ję-*, *klę-*, *m'e-*, *p'e-*, *će-*, *žę-* (ср. *-dęty*, *-gięty*, *-jęty*, *-klęty*, *-mięty*, *-pięty*, *-cięty*, *-żęty* и т. д.). Это корневое *e* подвергается чередованию с *q* в тех же условиях, что и в исходе основы (см. выше),

т. е. перед *-t-*, за которым следует нулевая флексия муж. рода, перед суффиксом деепричастия и суффиксом инфинитива: *-dą́t, -gią́t, -cią́t; -dą́wszy, -gią́wszy, -cią́wszy; -dą́ć, -gią́ć, -cią́ć*.

3. 9. 9. Чередование гласных с нулем на морфемных границах (вокализация морфемных стыков)

В глагольном словоизменении случаев чередования гласных с нулем немного, они исчерпываются следующими тремя категориями:

1. Глаголы, чередующие в своей парадигме неслоговую и слоговую формы корня (*-stać, -brać, -pracć, -trzeć, -drzeć, -mrzeć, -przeć, -wrzeć, -źreć, -schnąć; -dąć, giąć, -jąć, -kłąć, -miąć, -piąć, -ciąć, -żąć I, -żąć II*) и включающие префиксы закрытого типа (*nad-, ob-, od-, pod-, roz-, w-, z-*), вокализуют стык приставки и корня посредством *e* во всех грамматических формах, где корень выступает в своем неслоговом виде: *rozebrał, rozebrać, но rozbioreę, rozbierz; rozedreć, rozedreę, rozedryj, но rozdarł, rozdarty; rozepnę, rozepnij, но rozpiął, rozpiąć*. Исключение составляют префиксальные дериваты с неслоговой приставкой *wz-*, которые в данных формах претерпевают вокализацию не морфемного стыка, а самой приставки: *wspiąć, wspiął, но wespnę, wespnij; wesprzeć, wesprzę, wesprzyj, но wsparł, wsparty*.

2. В глаголах с неслововыми корнями, оканчивающимися плавным *r* или *l* (*-tr-, -dr-, -mr-, pr-, -żr-, -ml-, -pl-*), между корнем и консонантным суффиксом инфинитива вставляется эпентетическое *'e* (*-trzeć, -drzeć, -mrzeć, -przeć, wrzeć, -mleć, -pleć*) или *e* (*źreć*) (перед остальными прикрытыми и консонантными аффиксами происходит вокализация самого корня: *-tar-, -dar-* и т. д.).

3. В подпарадигмах муж. рода ед. числа прош. времени глаголов всех типов между суффиксом *-t-* и личными консонантными флексиями *-m* и *-ś* вставляется эпентетическое *e*: *czytałem, czytałeś; rozumiałem, rozumiałeś; dźwignąłem, dźwignąłeś* и т. д.

3. 9. 10. Чередование гласных в аффиксах

К данному типу чередования относятся: 1) чередование *o* → *e* в суффиксе страдат. причастия *-on-* перед лично-мужской флексией мн. числа: *tropiony — tropieni, pasiony — pasieni, czczony — czczeni* (о чередованиях в этих формах см. выше), 2) упомянутое выше чередование *#* → *e* в префиксе *wz-* перед неслововым вариантом корня: *wziąć — wezmę, wzdąć — wezdmę, wspiąć — wespnij*.

3. 10. Морфонологические типы глагольных парадигм

Морфонологический облик парадигмы каждого отдельного глагола определяется морфонологическими признаками входящих в ее состав словоформ, а именно такими признаками, как полный или усеченный вид основы и тип фонемных чередований. Грамматические формы, в которых представлен тот или иной вид основы и тот или иной тип чередований, различны для разных глаголов или разных

групп (классов) глаголов. Однако для сравнения морфонологических характеристик индивидуальных парадигм не обязательно оперировать парадигмами в их полном объеме, поскольку морфонологические признаки обычно служат приметой не какой-нибудь отдельной словоформы, а целого ряда словоформ. Так, например, во всех парадигмах совпадают морфонологические признаки словоформ 2 и 3 лица ед. числа наст. времени (*piszesz — píše, śpisz — śpi, czytasz — czyta, dźwigniesz — dźwignie*) или словоформ 3 лица мн. числа наст. времени и действит. причастия наст. времени (*rusują — rusujący, wiążą — wiążący*) и др. Устойчивость таких исторически мотивированных совпадений позволяет сгруппировать словоформы парадигмы по общности их морфонологических особенностей и представить всю парадигму следующими одиннадцатью группами словоформ:

- 1) словоформы 3 мн. наст. времени, действит. причастия и деепричастия наст. времени (*rwą, rwący, rwąc; więdną, więdnący, więdnąc*);
- 2) словоформа 1 ед. наст. времени (*więdnę, czytam*);
- 3) словоформы 2, 3 ед., 1, 2 мн. наст. времени (*rwiesz, rwie, rwiemy, rwiecie; więdziesz, więdnie, więdniemy, więdnicie*);
- 4) словоформы повелит. наклонения (*rwij, rwijmy, rwijcie; więdnij, więdnijmy, więdnijcie*);
- 5) словоформа герундия (*rwanie, więdnięcie*);
- 6) словоформа страдат. причастия прош. времени (*rwany, -więdnięty*);
- 7) словоформа инфинитива (*rwać, więdnąć*);
- 8) словоформы 3 ед. муж. рода прош. времени, 1, 2, 3 ед. муж. сослагат. наклонения, деепричастия прош. времени (*wiądtł, wiądtłbym, wiądtłbyś, wiądtłby; wiądtłszy*);
- 9) 1, 2 ед. прош. времени муж. рода (*grzązłem, grzążeś*);
- 10) остальные словоформы прош. времени и сослагат. наклонения (*więdłtam, więdłtaś, więdłta, więdłto, więdłyśmy, więdłyście, więdły; więdłtabym, więdłtabyś, więdłtaby, więdłtoby, więdłybyśmy, więdłybyście, więdłyby*);
- 11) лично-мужские формы прош. времени мн. числа и сослагат. наклонения (*grzęźliśmy, grzęźliście, grzęźli; grzęźlibyśmy, grzęźlibyście, grzęźliby*).

Все словоформы, входящие в одну и ту же из перечисленных одиннадцати групп, имеют тождественные морфонологические характеристики (тип основы и характер чередований) в любой индивидуальной глагольной парадигме. Однако ни в одной парадигме не могут быть противопоставлены друг другу все 11 названных групп словоформ, т. е. ни один реальный польский глагол не представлен одиннадцатью вариантами основы.

Глагольная основа может быть представлена в парадигме числом вариантов от двух до пяти. Например: *łapać*: 1. {łapa-}, 2. {łap'-}; *leżeć*: 1. {lez-}, 2. {leż-}, 3. {laz-}; *chudnąć*: 1. {xudną-}, 2. {xudn-}, 3. {xudń-}, 4. {xud-}; *kraść*: 1. {kradn-}, 2. {kradń-}, 3. {krad-}, 4. {kraż-}, 5. {kraż-}.

Отсюда следует, что в каждой парадигме какие-то из одиннадцати групп словоформ объединяются по своим морфонологическим свойствам, но в разных парадигмах это объединение затрагивает разные группы словоформ. Этим и определяется морфонологическая характеристика глагольной парадигмы, учитывающая следующие признаки: 1. количество вариантов основы; 2. рас-

пределение вариантов основы по грамматическим формам; 3. морфонологические особенности, противопоставляющие эти варианты друг другу. Для наглядности мы воспользуемся следующей схемой представления парадигмы:

1		8
2	5	9
3	6	10
4	7	11

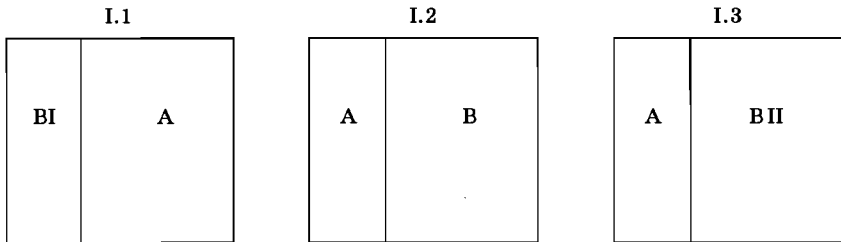
где цифры обозначают перечисленные выше группы словоформ. К одному морфонологическому типу будут отнесены парадигмы, имеющие одинаковое число одинаково распределенных вариантов основ, а в пределах одного типа могут быть выделены подтипы, различающиеся по характеру соотношения между вариантами, т. е. по характеру чередований. При этом мы будем применять следующие обозначения вариантов основы:

- А — полная глагольная основа;
 В — усеченная глагольная основа;
 ВВ — дважды усеченная глагольная основа, т. е. усеченная основа с дополнительной редуцией (например, полная основа *blednā-*, усеченная основа *bledn-*, дважды усеченная *bled-*).
- АI } основа (соответственно полная, усеченная или дважды усеченная)
 ВI } с чередованием согласных в исходе (например, АI {kradń-} при А
 ВВI } {kradn-}; ВI {kraǰ-} при В {krad-}; ВВI {gźęź-} при ВВ {gźęz-}). Если
 в исходе основы выступает несколько различных консонантных
 чередований, то они обозначаются дополнительными арабскими
 цифрами (например, В {krad-}, ВI.1 {kraǰ-}, ВВI.2 {kraǰ-}).
- АII } основа с чередованием гласных в исходе (например, АII {leća-} при
 ВII } А {leće-}; ВII {rozum'a-} при В {rozum'e-} и А {rozum'ej-}).
- АIII } основа с чередованием гласного в корне (например, АIII {laz-} при
 ВIII } А {lez-}; ВIII {b'or-} при А {bra-}, В {br-}; ВВIII {v'ad-} при А
 ВВIII } {v'ędna-}, В {v'ędn-}, ВВ {v'ęd-}).

Если в одном варианте основы совмещено несколько чередований, то применяется соответственное сложное обозначение, например, АI, II {muż-} при АI {moż-}, АII {mug-}, А {mog-} — глагол *móc*; ВI, II {b'eż-} при А {bra-}, ВIII {b'or-} — глагол *brać*.

Парадигмы с двумя вариантами основ

Тип I. К этому типу относятся глаголы, противопоставляющие формы настоящего времени и повелительного наклонения всем остальным формам. В зависимости от того, какой вариант основы выступает в каждой из двух противопоставленных групп форм, выделяются три разновидности (подтипа) этого типа:

В типе I.1 в наст. времени и повелит. наклонении представлена усеченная основа с чередованием согласных, а в остальных формах — полная основа. Сюда относятся все глаголы с *a*-основой: *tarać*, *szeptać*, *spać*, *wiązać*, *stać* (*śle*), *czytywać*, *traktować* и т. д., за исключением глаголов с неслоговыми корнями, у которых в первых двух группах форм (3 мн. наст., действит. прич. наст. и дееприч. наст., 1 ед. наст.) выступает усеченная основа без консонантного чередования (*rwać*, *zwać*, *brać*), а также глаголов, усеченная основа которых оканчивается на *j*, *l* (*krajać*, *mamlać*). Чередования в основе VI: 1) *r* - *ż*, *t* - *l*, *b* - *b'*, *m* - *m'*, *p* - *p'*, *t* - *ć*, *d* - *ż*, *s* - *ś*, *z* - *ż*, *k* - *ć*, *g* - *ż*, *x* - *ś*, 2) *ov*, *yv*, *iv* → *uj* в исходе усеченных основ на *-ova*, *-yva*, *-iva*.

В глаголе *stać* (*ściele*) вместо основы VI представлена основа VI, II, т. е. основа с чередованием согласного *t* - *l* и нуля с гласным в корне (*st-* ~ *ścel-*).

К типу I.2 принадлежат глаголы с основой на *-ij* и *-uj* (*bić*, *pić*, *kuć*, *czuć*), у которых в наст. времени и императиве выступает полная основа {*b'ij-*, *p'ij-*, *kuj-*, *čuj-*}, а в остальных — усеченная без чередования {*b'i-*, *p'i-*, *ku-*, *ču-*}.

К типу I.3 относятся следующие глаголы с основой на *-ej*: *-chwiać*, *-dziać*, *-grzać*, *-lać*, *-piać*, *siać*, *śmiać*, *-wiać* (A {*xv'ej-*, *źej-*, *gżej-*, *lej-*, *p'ej-*, *šej-*, *śm'ej-*, *v'ej-*}; BII {*xv'a-*, *źa-*, *gża-*, *la-*, *p'a-*, *śa-*, *śm'a-*, *v'a-*}). Чередование: *e* - *a*⁵.

Тип II. К данному типу относятся глаголы *-stawać*, *-znawać*, *-dawać*, образующие формы императива от полной основы посредством суффикса *-j* (A {*stava-*, *znava-*, *dava-*}, BI {*staj-*, *znaj-*, *daj-*}). Чередования: *v* - *j* при усечении основы.

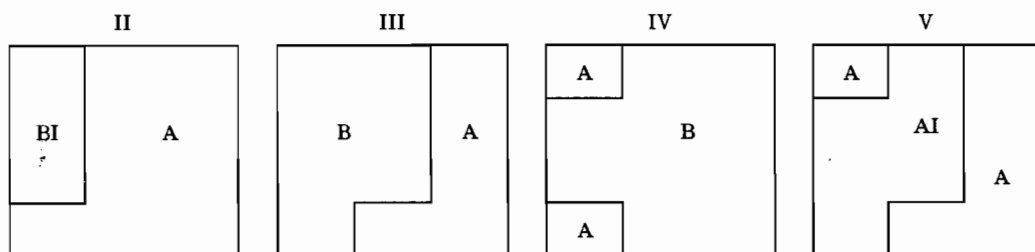
Тип III. В парадигмах этого типа формы прош. времени, сослагат. наклонения и инфинитива, в которых выступает полная основа, противопоставлены остальным формам, имеющим усеченную основу без чередований. Такого вида парадигмы характерны для всех глаголов с *i*-основами (*tropić*, *ważyć*, *śnić*, *patrzyć*), кроме тех, которые имеют в исходе усеченного варианта основы *ś*, *ź*, *ć*, *ź*, *ść*, *źź* (*nosić*, *wodzić*, *rzucić*, *chodzić*, *puścić*, *jeździć*) и/или содержат корневое *o*, чередующееся с *u* в императиве (*tworzyć* — *twórz*).

Тип IV. В этом типе парадигмы полная основа характерна только для формы императива и 3 мн. наст., причастия и деепричастия наст.; остальные

⁵ Еще сравнительно недавно литературной нормой допускались для этих глаголов усеченные основы без чередования в лично-мужских формах прошедшего времени и сослагательного наклонения: *grzeli*, *wieli*, *śmieli*, *się*. См. [Токарский 1951; MSJP], однако SPP [1973] уже квалифицирует их как региональные формы.

формы имеют усеченную основу. Так организованы парадигмы всех глаголов, принадлежащих к массовому и продуктивному типу основ на *-aj*: {*čytaj-* ~ *čyta-*}. Распределение полного и усеченного вариантов основы — дополнительно и зависит от прикрытости-неприкрытости следующего аффикса.

Тип V. Формы прош. времени, сослагат. наклонения, инфинитива и 1 ед., 3 мн. наст., причастия и деепричастия наст. имеют полную основу без чередований, а прочие формы — полную основу с чередованием согласных. Сюда относятся глаголы консонантного типа с основой на *t, d, s, z* и заднеязычный, не знающие чередований корневого гласного: {*pas-* ~ *paś-*} (*paść*), {*tłuk-* ~ *tłuc-*} (*tłuc*).

Глаголы с исходом на заднеязычный в инфинитиве претерпевают автоматическое преобразование $g, k + \acute{c} \rightarrow c$ (*piec, tłuc, strzec*). Чередования в основе: AI: $t \sim \acute{c}, d \sim \acute{z}, s \sim \acute{s}, z \sim \acute{z}, k \sim \acute{c}, g \sim \acute{z}$.

Парадигмы с тремя вариантами основ

Тип VI. Этот тип представляет собой усложнение парадигмы I.1 за счет дополнительного противопоставления формы 1 ед., 3 мн. наст., причастия и деепричастия наст. остальным формам настоящего времени и императива. Здесь также возможны две разновидности.

Тип VI.1 включает глаголы с *a*-основой, имеющие невокализуемый неслоговой корень: *zwać, rwać, ssać*. (A {*zva-*, *rva-*, *ssa-*}; B {*zv-*, *rv-*, *ss-*}; BI {*zv'-*, *rv'-*, *śś-*}).

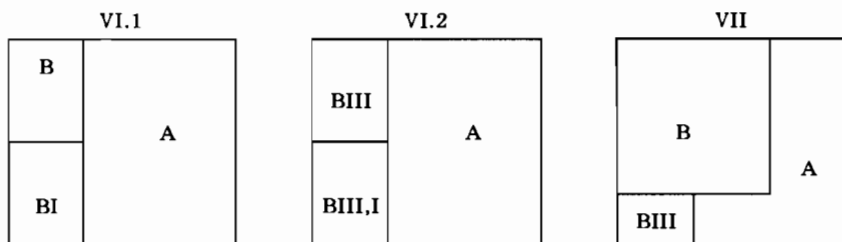
Чередования: $v \sim v', s \sim ś$.

Тип VI.2 включает того же типа глаголы с вокализуемым неслововым корнем: *brać, prać* (A {*bra-*, *pra-*}, BIII {*b'or-*, *p'or-*}, BIII, I {*b'eż-*, *p'eż-*}).

Чередования: $\# \sim 'o, 'o \sim e, r \sim ż$.

Тип VII. Представляет собой усложнение типа III: полная основа характерна для форм прош. времени, сослагат. наклонения и инфинитива, усеченная — для остальных форм, с дополнительным противопоставлением форм императива, имеющих чередование $o \sim u$ в корне, остальным формам с усеченной основой. К данному типу принадлежат глаголы *i*-основ с корневым *o*: *robić* (A {*robi-*}, B {*rob'-*}, BIII {*rub-*}), *tworzyć* {*tvoży-*, *tvoż-*, *tvuż-*}.

Чередование: $o \sim u$.

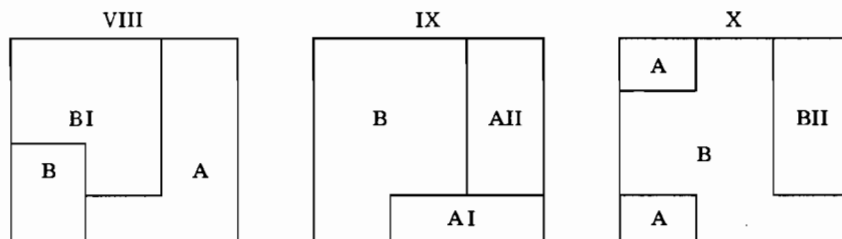

Тип VIII. Также представляет собой усложнение парадигмы III: полная основа выступает в тех же формах прош. времени, сослагат. наклонения и инфинитива, усеченная — в остальных, с дальнейшим разграничением форм императива, 2, 3 ед., 1, 2 мн. наст. и остальных форм с усеченной основой. Сюда относятся глаголы *i*-основ, завершающиеся в усеченной форме на *ś, ź, ć, ż, ść, źź*: *nosić, wozić, rzucić, chodzić, puścić, jeździć* (A {nośi-, voźi-, żuci-, choźi-, puści-, jeźzi-}, B {noś-, voź-, żuc-, choź-, puśc-, jeźź-}), B I {noś-, voź-, żuc-, choź-, puśc-, jeźź-}).

Чередования: *ś - ś, ź - ź, ć - c, ż - ż, ść - ść, źź - źź*.

Тип IX. Структура данной парадигмы тоже восходит к парадигме III, однако ее усложнение происходит за счет зоны полных вариантов основ, где вводится противопоставление инфинитива и лично-мужских форм прош. времени и сослагат. наклонения (полные варианты основ без чередования) остальным формам прош. времени и сослагат. наклонения (полные варианты основ с чередованием конечного гласного). Так организованы парадигмы всех основ на *-e* (кроме тех, которые в усеченном виде оканчиваются на *ś, ź, ć, ż, ść, źź*): *kipieć, drzeć, słyszeć, brzmieć* (A {kip'e-, drze-, słyše-, bźm'e-}, A II {kip'a-, drża-, słyša-, bźm'a-}, B {kip'-, drż-, słyś-, bźm'-}).

Чередования: *e ~ a* в исходе полной основы.

Тип X. Парадигма этого типа строится на том же основном противопоставлении форм с полным и с усеченными вариантами основы, что и парадигма IV, а в пределах форм с усеченными основами разграничиваются формы с чередованием гласного *e ~ a* (не лично-мужские формы прош. времени и сослагат. наклонения) и без чередования: A {rozum'ej-}, B {rozum'e-}, B II {rozum'a-}.

Тип XI. Парадигма этого типа представляет собой усложнение парадигмы I.2, по сравнению с которой здесь дополнительно противопоставляются усеченные основы с чередованием конечного согласного (в не лично-мужских формах прош. времени и сослагат. наклонения) и без чередования. Так организована парадигма глаголов с *ej*-основами: *szaleć* (A {śalej-}, B {śale-}, B II {śala-}).

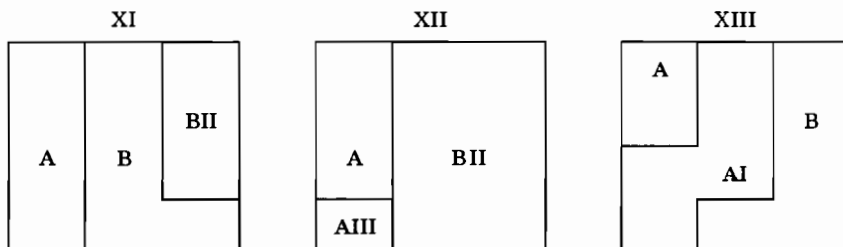
Чередование: *e ~ a*.

Тип XII. Данная парадигма, производная от типа I.3, характерна для глаголов *stać*, *bać się* с *oj*-основой (A {staj-, boj-}, AIII {stuj-, buj-}, BII {sta-, ba-}).

Чередования: *o* ~ *u*, *o* ~ *a*.

Тип XIII. Структура этой парадигмы может быть сопоставлена с типом V, где представлена сходная конфигурация, но с иным распределением основ. В данном случае имеются в виду глаголы консонантного типа, содержащие в исходе основы усекаемое *-n*: *biec*, *paść* (A {b'egn-, padn-}, AI {b'egń-, padń-}, B {b'eg-, pad-}).

Чередование: *n* ~ *ń*.

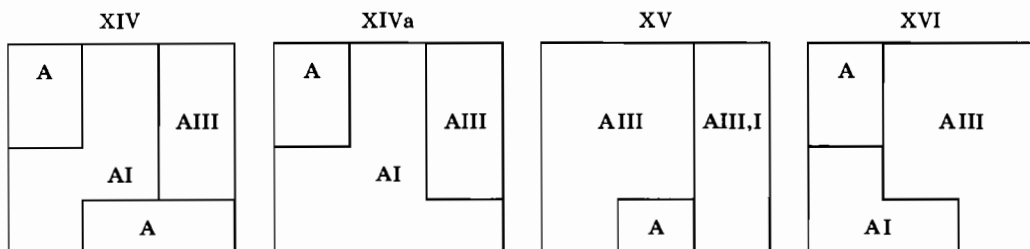
Тип XIV. Парадигма этого типа характерна для глагола *leźć* (A {lez-}, AI {leź-}, AIII {laz-}). Чередования: *z* ~ *ź*, *e* ~ *a*. Формы инфинитива *leźć* и лично-муж. формы прош. времени и сослагат. наклонения *leźli* допускают двоякую интерпретацию: как содержащие основу A и как содержащие основу AI, ибо чередование *z* ~ *ź* перед *ć* и *l* носит фонетически обусловленный характер. В последнем случае парадигма принимает следующий вид: тип XIVa.

Тип XV. Так организованы парадигмы глаголов *mleć* и *pleć* (A {ml-, pl-}, AIII {m'el-, p'el-}, AIII,I {meł-, peł-}).

Чередования: # ~ 'e, # ~ e, l ~ ł.

Тип XVI. В парадигме данного типа противопоставляются три варианта полных основ: без чередования (A), с чередованием согласного (AI) и с чередованием корневого гласного (AIII). К этому типу принадлежат глаголы с консонантной основой на *-r*: *-drzeć*, *-mrzeć*, *-przeć*, *-trzeć* (A {dr-, mr-, pr-, tr-}, AI {dź-, mź-, pś-, tś-}, AIII {dar-, mar-, par-, tar-}).

Чередования: *r* ~ *ź*, # ~ *a*. Глагол *źreć* отличается от перечисленных тем, что не имеет варианта с консонантным чередованием, т. е. относится к двухвариантным основам с противопоставлением A {źr-} и AIII {żar-}.

Тип XVI. В парадигме данного типа противопоставляются три варианта полных основ: без чередования (A), с чередованием согласного (AI) и с чередованием корневого гласного (AIII). К этому типу принадлежат глаголы с консонантной основой на *-r*: *-drzeć*, *-mrzeć*, *-przeć*, *-trzeć* (A {dr-, mr-, pr-, tr-}, AI {dź-, mź-, pś-, tś-}, AIII {dar-, mar-, par-, tar-}).

Чередования: *r ~ ź*, *# ~ a*. Глагол *źreć* отличается от перечисленных тем, что не имеет варианта с консонантным чередованием, т. е. относится к двухвариантным основам с противопоставлением A {żr-} и AIII {żar-}.

Парадигмы с четырьмя вариантами основ

Тип XVII. Данный тип парадигмы представляет собой дальнейшее усложнение типов III и VIII. К нему относятся глаголы *i*-основ с исходом в усеченном виде на *ś*, *ź*, *ć*, *ź*, *ść*, *źź* и с корневым *o*, чередующимся с *u* в императиве: *-wodzić* (A {voźi-}, B {voź-}, BI {voz-}, BIII {vuź-}), *-wozić*, *-chtodzić*, *-głodzić*, *-godzić*, *-grodzić*, *-młodzić*, *-płodzić*, *-rodzić*.

Тип XVIII. Глаголы: *-lecieć*, *-siedzieć*, *-widzieć* (A {leće-, seże-, viże-}, AII {leća-, seża-, viża-}, B {leć-, seż-, viż-}, BI {lec-, seż-, viż-}).

Чередования: *e ~ a*, *ć ~ c*, *ź ~ ż*.

Тип XIX. В данном типе различаются два подтипа, имеющие тождественную конфигурацию, но различное распределение основ. К подтипу XIX.1 относятся глаголы *-dźwignąć*, *-płynąć* и все остальные глаголы на *-ą*, не знающие усечения *n* в парадигме и чередования корневых гласных: A {żvigną-, płyną-}, AII {żvignę-, płynę-}, B {żvign-, płyn-}, BI {żvignń-, płynń-}.

Чередования: *ą ~ ę*, *n ~ ń*.

К подтипу XIX.2 относятся глаголы: *-grząźć* (A {gżęzn-}, AI {gżęźń-}, B {gżęz-}, BIII {gżąz-}).

Чередования: *n ~ ń*, *ę ~ ą* и автоматическое, фонологически обусловленное чередование *z ~ ź* в исходе усеченной основы перед *-l*- лично-мужских форм.

XVII	XVIII	XIX.1	XIX.2																																		
<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px; text-align: center;">BI</td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px; text-align: center;">B</td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px; text-align: center;">BIII</td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; text-align: center; vertical-align: middle;">A</td> </tr> </table>	BI		B		BIII			A	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px; text-align: center;">BI</td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px; text-align: center;">B</td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; height: 40px;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; text-align: center; vertical-align: middle;">A</td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 50%;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 50%; text-align: center; vertical-align: middle;">AII</td> </tr> </table>	BI		B			A		AII	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px; text-align: center;">B</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">A</td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">BI</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">AII</td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">A</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%;"></td> </tr> </table>	B		A		BI	AII		A		<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px; text-align: center;">A</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">BIII</td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">AI</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%;"></td> </tr> <tr> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; height: 40px;"></td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">BIII</td> <td style="border: 1px solid black; width: 33%; text-align: center;">B</td> </tr> </table>	A		BIII		AI			BIII	B
BI																																					
B																																					
BIII																																					
	A																																				
BI																																					
B																																					
	A																																				
	AII																																				
B		A																																			
	BI	AII																																			
	A																																				
A		BIII																																			
	AI																																				
	BIII	B																																			

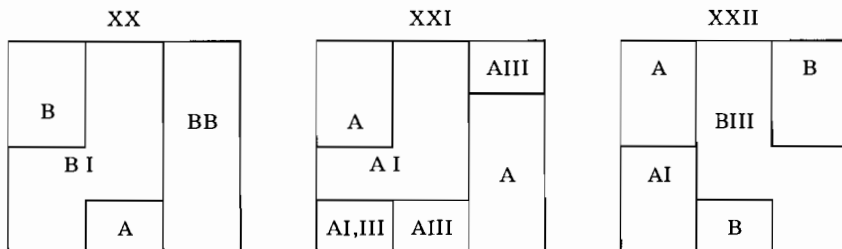
Тип XX. Глаголы типа *chudnąć* (A {xudną-}, B {xudn-}, BI {xudń-}, BB {xud-}), *gorzknąć*, *-kwitnąć* и т. п., усекающие *n* в словоформах прошедшего времени и сослагат. наклонения.

Чередования: *ą ~ ę*, *n ~ ń*.

Тип XXI. Глагол *móc* (A {mog-}, AI {moż-}, AIII {mug-}, AI, III {muż-}).

Чередования: *o ~ u*, *g ~ ż*.

Тип XXII. Глаголы: *-daqć*, *-ciaqć*, *-giaqć*, *-jaqć*, *-klqć*, *-miqć*, *-piqć*, *-wziqć*, *żaqć*_{1,2} (A {dm-, tn-, gn-, jm-, kln-, mn-, pn-, vezm-, žn-, žm-}, AI {dm'-, tn', gń-, jm'-, kln', mń-, pn', veźm'-, žń-, žm'-}, B с заменой *m* или *n* на *q*: {daq-, ца-, g'a-, ja-, kla-, m'a-, p'a-, vza-, ža-}, BIII {dę-, ćę-, g'ę-, je-, kle-, m'ę-, p'ę-, vze-, że-}). Чередования: *n ~ n̄*, *m ~ m'*; *m ~ q*, *n ~ q* вместе с *m ~ m'*, *p ~ p'*, *t ~ ć* и *z ~ ź* перед консонантными аффиксами.

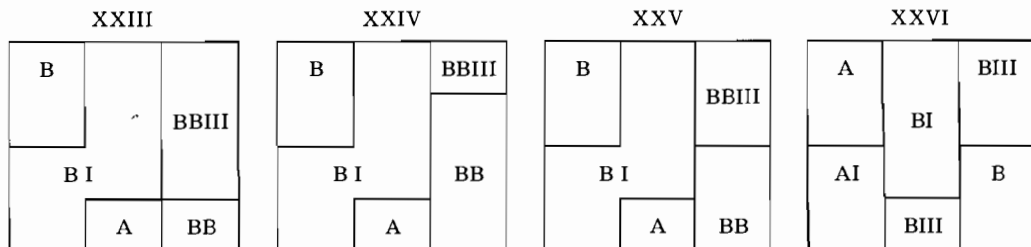

Глаголы с пятью вариантами основ

Тип XXIII. Глагол *blednać* (A {bledna-}, B {bledn-}, BI {bledń-}, BB {bled-}, BBIII {blad-}). Чередования: *e ~ a*, *n ~ n̄*.

Тип XXIV. Глаголы: *wiednać*, *schnać* (A {v'edna-, sxna-}, B {v'edn-, sxn-}, BI {v'edń-, sxń-}, BB {v'ed-, sx-}, BBIII {v'ad-, sex-}). Чередования: *q ~ e*, *# ~ e*, *n ~ n̄*.

Тип XXV: *zaprzęgnąć* (A {zapšęgna-}, B {zapšęgn-}, BI {zapšęgń-}, BB {zapšęg-}, BBIII {zapšąg-}) и **Тип XXVI:** *zaprząć* (A {zapšęgn-}, AI {zapšęgń-}, B {zapšęg-}, BI {zapšęż-}, BIII {zapšąg-}). Чередования: *e ~ q*, *n ~ n̄*, *g ~ ż*. Схема XXV почти полностью совпадает с типом XXIV. Отличие касается только распределения варианта BBIII: здесь он охватывает всю серию форм муж. рода ед. числа прош. времени: *zaprzągłem* в отличие от *więdłem*.

Тип XXVII: *wieść* (A {v'od-}, AIII.1 {v'ed-}, AIII.2 {v'ud-}, AI, III.1 {v'eź-}, AI, III.2 {v'eż-}). Чередования: *o ~ e*, *o ~ u*, *d ~ ź*, *d ~ ż*.

Тип XXVIII: *kraść* (A {kradn-}, AI {kradń-}, B {krad-}, BI.1 {kraź-}, BI.2 {kraż-}). Чередования: *n ~ n̄*, *d ~ ź*, *d ~ ż*.

Тип XXIX: *rosnąć* (A {rosna-}, B {rosn-}, BI {rośń-}, BB {ros-}, BBIII {rus-}). Чередования: *n ~ n̄*, *o ~ u*.

Кроме того, в глаголах этого типа (с исходом дважды усеченной основы на *s*, *z*) происходит автоматическое фонологически обусловленное чередование *s*, *z* ~ *ś*, *ź* перед *-l-* лично-мужских форм: *rośliśmy*, *rośli*.

XXVII

A	AI, III.2	AIII.2
AI, III.1		A
		AIII.1

XXVIII

A	BI.2	B
AI	BI.1	

XXIX

B		BIII
	BI	BB
	A	

Приведенные выше типы парадигм охватывают основную массу польских глаголов. За пределами этих типов остаются парадигмы нестандартных глаголов: *dać*, *jeść*, *mieć*, *wiedzieć*, *chcieć*, *iść*, *jechać*, *siąść*, *znaleźć*, *wrzeć*, *być*. При этом лексическая нагрузка разных типов парадигм различна — одни из них включают большие массивы глаголов (например, типы I.1, III, IV, VIII, IX, XI, XIX), другие — замкнутые группы или единичные глаголы. В таблице 20 обобщаются все сведения о распределении вариантов основ во всех выделенных типах парадигм.

Таблица 20

Распределение вариантов основы в глагольных парадигмах

Группа словоформ												Образец
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
2	I.1	BI			A							<i>wiązać</i>
	I.2	A			B							<i>bić</i>
	I.3	A			BII							<i>grzać</i>
	II	BI		A								<i>stawać</i>
	III	B					A					<i>kupić</i>
	IV	A	B		A	B					<i>czytać</i>	
V	A		AI				A				<i>paść</i>	
3	VI.1	B	BI		A						<i>rwać</i>	
	VI.2	BIII		BIII, I		A					<i>brać</i>	
	VII	B		BIII		B			A			<i>robić</i>
	VIII	BI		B		BI		A				<i>nosić</i>
	IX	B					A	AII		A		<i>słyszeć</i>
	X	A	B		A	B			BII		B	<i>rozumieć</i>
	XI	A			B			BII		B		<i>szaleć</i>
	XII	A		AIII		BII					<i>stać</i>	
	XIII	A	AI				B					<i>biec</i>
	XIV	A	AI				A	AIII		A		<i>leżeć</i>
	XV	AIII					A	AIII, I				<i>mleć</i>
	XVI	A	AI		AIII		A	AIII				<i>trzeć</i>
4	XVII	BI	B	BIII		BI		A				<i>wodzić</i>
	XVIII	BI	B			BI	B	A	AII		A	<i>lecieć</i>
	XIX.1	B	BI				A				AII	<i>dźwignąć</i>
	XIX.2	A	AI				BIII				B	<i>grząźć</i>
	XX	B	BI				A	BB				<i>chudnąć</i>
	XXI	A	AI	AI, III		AI			AIII		A	<i>móc</i>
	XXII	A	AI		BIII			B		BIII		<i>dąć</i>
5	XXIII	B	BI				A	BBIII		BB		<i>blednąć</i>
	XXIV	B	BI				A	BBIII	BB			<i>wieźć</i>
	XXV	B	BI				A	BIII		BB		<i>zapręgnąć</i>
	XXVI	A	AI		BI		BII			B		<i>zaprząć</i>
	XXVII	A	AI, III.1		AI, III.2	AI, III.1	AIII.1	AIII.2	A	AIII.1	<i>wieźć</i>	
	XXVIII	A	AI		BI.2	BI.1	B				<i>kraść</i>	
	XXIX	B	BI				A	BBIII		BB		<i>rosnąć</i>

Примечание: Цифры в первой колонке указывают число вариантов основы в парадигме.

Глава 4

Морфонология глагольного словообразования

4. 1. Первичные и вторичные глаголы. Словообразовательные глагольные аффиксы

Показатели типов глагольных основ, как они были определены в главе о словоизменении, т. е. *-a*, *-e*, *-i*, *-q*, *-aj*, *-ej*, *-oj*, *-ij*, *-uj*, *-C*, не являются словообразовательными суффиксами, хотя могут и совпадать с ними. Таковы *a*, *i*, *e*, *aj* и *ej*, однако *a* и *aj* не во всех глаголах представляют собой суффикс, а могут быть завершающим элементом соответственно суффиксов *-iva-* (*-yva-*), *-ova-* и *-vaj-*, *-evaj-*. Показатель *q* входит в состав суффикса *-nq-*, *j* — в *oj-*, *ij-* и *uj-* основах принадлежит корню, так же, как и *C* в консонантных основах, где суффиксом является \emptyset (нуль). Таким образом, инвентарь глагольных словообразовательных суффиксов выглядит следующим образом: *-a-*, *-iva-* (*-yva-*), *-ova-*, *-e-*, *-i-* (*-y-*), *-nq-*, *-aj-*, *-vaj-*, *-evaj-*, *-ej-*, \emptyset . Суффиксы *-a-*, *-e-*, *-i-* (*-y-*), *-ej-*, \emptyset принадлежат первичным глаголам, т. е. глаголам, образованным не от глагольных основ (*pisac*, *widziec*, *ksztalcic*, *drobniec*, *kraśc*); суффиксы *-iva-* (*-yva-*), *-vaj-*, *-evaj-* — вторичным, т. е. образованным от глагольных основ (*-ciosywać* от *ciosać*, *-śmiewać* от *śmiać się*, *-wątprawać* от *-wątpric*); остальные суффиксы могут входить как в первичные, так и во вторичные глаголы: *-ova-* — *gatunkowac* и *kupowac* (от *kupic*); *-nq-* — *slabnac*, *tonac* и *cofnac* (от *cofac*); *-aj-* — *korzystac*, *czytac* и *-praszac* (от *-prosic*). Все суффиксы, обслуживающие внутривглагольное словообразование (вторичную глагольную деривацию), имеют значение имперфективности, за исключением *-nq-*, который образует вторичные однократные глаголы.

4. 2. Имперфективные суффиксы

К имперфективным суффиксам относятся *-aj-*, *-vaj-*, *-evaj-*, *-ova-*, *-iva-* (*-yva-*). Производные имперфективные глаголы с этими суффиксами принадлежат всего лишь к двум типам основ: *aj-* основам (с суффиксами *-aj-*, *-vaj-*, *-evaj-*) и *a-* основам (с суффиксами *-ova-*, *-iva-*), тогда как исходные, или мотивирующие глаголы могут принадлежать ко всем типам основ.

Соотношение между исходными и производными типами основ представлено в таблице 21, где в клетках указаны суффиксы производных глаголов.

Как видно из таблицы, между типами исходной и производной основы нет однозначного соответствия, так же как нет строгого соответствия между исходной основой и суффиксом имперфективации. Вместе с тем образования с альтернативными суффиксами от одного и того же типа основ как правило не бывают равнозначными в количественном отношении, и для каждого типа основ преоб-

ладающим оказывается один из конкурирующих суффиксов, например, *a*-основы в абсолютном большинстве случаев выбирают суффикс *-iva-* (*-yva-*), а производные с суффиксом *-aj-* представлены лишь единичными глаголами.

Таблица 21

Тип производной основы \ Тип исходной основы	<i>a</i> -основы	<i>aj</i> -основы
<i>a</i> -основы	<i>-iva-</i> (<i>-yva-</i>)	<i>-aj-</i>
<i>i</i> -основы	<i>-ova-</i> , <i>-iva-</i>	<i>-aj-</i> , <i>-evaj-</i>
<i>e</i> -основы	<i>-iva-</i> (<i>-yva-</i>)	<i>-aj-</i> , <i>-evaj-</i>
<i>q</i> -основы	—	<i>-aj-</i> , <i>-vaj-</i>
<i>aj</i> -основы	<i>-iva-</i> (<i>-yva-</i>)	<i>-aj-</i>
<i>ej</i> -основы	—	<i>-vaj-</i>
(<i>o</i> -, <i>u</i> -, <i>i</i> -) <i>j</i> -основы	—	<i>-aj-</i> , <i>-vaj-</i>
<i>C</i> -основы	<i>-iva-</i> (<i>-yva-</i>)	<i>-aj-</i>

Ниже рассматриваются морфологические правила образования имперфективных глаголов с разными суффиксами.

-aj-

Этот суффикс является наиболее универсальным средством имперфективации, ибо он присоединяется к наибольшему числу исходных основ (не присоединяется лишь к *ej*-основам). Однако регулярно образуются имперфективы с этим суффиксом только от *i*-основ и *C*-основ; остальные типы представлены слабо. Суффикс требует усечения открытых исходных основ.

a-основы: *-bierać* (*-brać*), *-syłać* (*-stać*), *-zywać* (*-zwać*), *-rywać* (*-rwać*), *-syplić* (*-sprać*), *-sysać* (*-ssać*), т. е. исходные основы с неслоговыми корнями (однако *-tgiwać* ← *-tgać*). Чередования: # ~ *e*, # ~ *y* в корне; *p* ~ *p'* в *-syplić* (*-sprać*).

i-основы: *-stąbiać* (*-stąbić*), *-rabiać* (*-robić*), *-bawiać* (*-bawić*), *-tapiać* (*-topić*), *-trafiać* (*-trafić*), *-skłaniać* (*-skłonić*), *-walać* (*-walić*), *-wiadamiąć* (*-wiadomić*), *uspokajać* (*uspokoić*), *-płacać* (*-płacić*), *-wracać* (*-wrócić*), *-tłaczać* (*-tłoczyć*), *-puszczać* (*-puścić*), *-gadzać* (*-godzić*), *-budzać* (*-budzić*), *powtarzać* (*powtórzyć*), *-praszać* (*-prosić*), *-mrazać* (*-mrozić*), *-gwiazdzać* (*-gwieździć*). Чередования: *ć* ~ *c*, *ść* ~ *šč*, *ź* ~ *ż*, *źź* ~ *żż*, *ś* ~ *š*, *ź* ~ *ž* в исходе усеченной основы; *o* ~ *a*, *u* ~ *a*, *e* ~ *a* в корне.

e-основы: *wspominać* (*wspomnieć*). Чередования: # ~ *i* в корне, *ń* ~ *n* в исходе основы.

q-основы: 1) *-gasać (-gasnąć)*, *-wisać (-wisnąć)*, *-ciągać (-ciągnąć)*, *-legać (-legnąć)*, *-mijać (-minąć)*. Чередования: усечение *nq*; появление интервокального *j* (*mi-nq-ć* → *mi-ać* → *mijać*). 2) *-tykać (-tknąć)*, *-mykać (-mknąć)*, *-sychać (-schnąć)*, *-tykać (-tknąć)*, *-rzynać (-rznąć/rźnąć)*. Чередования: усечение *nq*, вокализация неслогового корня # ~ *y*. 3) *-chłaniać (-chłonać)*, *-garniać (-garnąć)*. Чередования: усечение тематического *q*, *n* ~ *ń*, *o* ~ *a* в корне.

aj-основы: *zaruchać (zaruchać)* (# ~ *i* в корне).

oj-, uj-, ij-основы: *-bijać (-bić)*, *-pijać (-pić)*, *-wijać (-wić)*. Чередований нет.

C-основы: *-kładać (-kłaść)*, *-padać (-paść)*, *-pasać (-paść)*, *-kradać (-kraść)*, *-biegać (-biec)*, *-magać (-móc)*, *-legać (-lec)*, *-strzegać (-strzec)*, *-sięgać (-siąć)*, *-łęgać (-ląć)*, *-przegać (-prząc)*, *-piekać (-piec)*, *-platać (-pleść)*, *-siekać (-siec)*, *obliekać (oblic)*, *-wlekać (-wlec)*, *-rzekać (-rzec)*, *-miotąć (-mieść)*, *-gniotąć (-gnieść)*, *-trząsać (-trząść)*, *-mierać (-mrzeć)*, *-cierać (-trzeć)*, *-dzierać (-drzeć)*, *-pierać (-przeć)*, *-ciekać (-ciec)*, *powytlukać (-tłuc)*, *-strzygać (-strzyc)*, *-żegać (-żec)*, *wyżerać (wyżreć)*, *-bodać (-bóść)*, *-grzyzać (-grzyźć)*, *-siadać (-siąść)*, *-jadać (-jeść)*; *-dymać (-dąć)*, *-cinać (-ciąć)*, *-ginać (-giąć)*, *-czynać (-cząć)*, *-żynać (-żąć)*, *-żynać (-żąć)*, *-kлинаć (-kłąć)*, *-pinać (-piąć)*, *-minać (-miąć)*. Чередования: *o* ~ *a*, # ~ *e*, # ~ *i(y)* в корне.

-vaj-

Этот суффикс регулярно присоединяется к *ej*-основам, причем конечный *j* отсекается: *-śmiewać*, *zdumiewać*, *rozumiewać*, *rozedniewać* (от *rozednieć*), *-siewać*, *-wiewać*, *-dziewać*, *-ziewać* (при условии соотношения с *ziać*), *-lewać*, *omdlewać* (от *odmleć*), *-bolewać* (от *boleć₂*), *-grzewać*. Суффикс *-vaj-* образует также имперфективы от глаголов с суффиксами *-nq-*, если их корень оканчивается на гласный; *-nq-* при этом отсекается: *ptywać (ptynać)*, *fruwać (frunąć)*, *suwać (sunąć)*, *spluwać (splunąć)*. От основ на *-ij (-yj)*, *-uj*: *-mywać*, *-gniwać*, *-krywać*, *-wuwać*, *-szywać*, *-żywać*; *-kuwać*, *-truwać*, *-sniwać*, *-czuwać*, *-żuwać*. Конечный *j* корня отсекается.

-evaj-

Присоединяется к *e-* и *i-*основам, вызывая усечение конечных гласных: *-chciewać (-chcieć)*, *-brzmiewać (-brzmieć)*, *-grzmiewać (-grzmieć)*, *przejrzewać (przejrzeć)*; *-ćmiewać (-ćmieć)*, *-lśniewać (-lśnieć)*, *powątpiewać (-wątpić)*, *-tlewać (-tlic)*.

-ova-

Присоединяется только к глаголам с *i-*основами. Требуется усечения гласного и диспалатализации конечного согласного: *kipować (kupić)*, *-stępować (-stąpić)*, *-darować (-darzyć)*, *-głosować (-głosić)*, *-dziwować (-dziwić)*. Чередования: *p' ~ p*, *v' ~ v*, *ż (ř) ~ r*, *ś ~ s*.

-iva- (-yva-)

Требуется усечения открытой основы. Вариант *-iva-* избирают исходные основы, оканчивающиеся в усеченном виде на *k*, *g*, *x*, *l*, *ń*; вариант *-yva-* может присоединяться как к основам с твердым согласным в исходе (*b*, *d*, *v*, *t*, *m*, *n*, *p*, *r*, *s*, *t*, *c*), так и к основам с мягким согласным или шипящим, который

перед суффиксом *-yva-* претерпевает диспалатализацию: *-widywać* (*-widzieć*, $\dot{z} \sim d$), *-patrywać* (*-patrzeć*, *-patrzyć*, $\dot{z}(\dot{r}) \sim r$), *zagrabywać* (*zagrabiąć*, $b' \sim b$), *-kupywać* (*-kupić*, $p' \sim p$), *postugiwać* (*postużyć*, $\dot{z} \sim g$).

Суффикс регулярно образует имперфективы от глаголов с *a-* и *aj-* основами: *-skubywać*, *-trąbywać*, *zaniedbywać*, *-badywać*, *-gadywać*, *-siadywać*, *-padywać*, *-gwizdywać*, *-cofywać*, *-działywać*, *-wikływać*, *-woływać*, *-tamywać*, *-trzymywać*, *-jednywać*, *-rownywać*, *-kapywać*, *-tapywać*, *-grywać* (от *-grać*), *-crywać* (от *-orać*), *-kąsywać*, *-pisywać*, *-ciosywać*, *-pamiętywać*, *-chwytywać*, *-czytywać*, *-macywać*, *-migiwać*, *-czotgiwać*, *-strugiwać*, *-machiwać*, *-kochiwać*, *-stuchiwać*, *-skakiwać*, *-ptakiwać*, *-czekiwać*, *-szukiwać*, *-strzeliwać*.

*e-*основы: *-legiwać* (*leżeć*), *-siadywać* (*-siedzieć*), *stychiwać* (*styszeć*), *-krzykiwać* (*krzyczeć*), *-widywać* (*widzieć*), *-gorywać* (*-gorzeć*), *-patrywać* (*patrzeć*), *-wiadywać* (*wiedzieć*), *-latywać* (*-lecieć*), *-cierpiwać* (*-cierpieć*), *-skrzypywać* (*-skrzypieć*), *kaszliwać* (*kaszleć*). Чередования: диспалатализация $\dot{z} \sim g$, $\dot{s} \sim x$, $\dot{c} \sim k$, $\dot{z} \sim d$, $\dot{z}(\dot{r}) \sim r$, $\acute{c} \sim t$, $p' \sim p$; *e* ~ *a* в корне; аномально отсутствие диспалатализации в *-cierpiwać* (*-cierpieć*).

*i-*основы: *-stugiwać* (*-stuzzyć*), *-skakiwać* (*-skoczyć*), *-mgliwać* (*-mglić*), *-śniwać* (*-śnić*), *kpiwać* (*kpić*), *-drwiwać* (*-drwić*), *-kupywać* (*-kupić*), *-patrywać* (*-patrzeć*). Чередования: диспалатализация $\dot{z} \sim g$, $\dot{c} \sim k$, $p' \sim p$, $\dot{z}(\dot{r}) \sim r$; аномально отсутствие диспалатализации в имперфективах *kpiwać* (*kpić*), *-drwiwać* (*drwić*); *o* ~ *a* в корне.

Таким образом, к самым регулярным принадлежат имперфективы с суффиксом *-aj-* (от *i-*основ и *C-*основ) и с суффиксом *-iva-* (*-yva-*) (от *a-* и *aj-*основ), остальные же типы производных малочисленны. Консонантные чередования, возникающие при присоединении суффикса *-aj-* к *i-*основам, касаются только среднеязычных \acute{c} , \dot{z} , \acute{s} , \dot{z} и групп $\acute{s}\acute{c}$ и $\dot{z}\dot{z}$, замещаемых соответственно через *s*, \dot{s} , \dot{s} , \dot{z} и $\acute{s}\acute{c}$, $\dot{z}\dot{z}$ (*-ptać* — *-ptać*, *-budzić* — *-budzać*, *-prosić* — *-praszać*, *-mrozić* — *-mrażać*, *-puścić* — *-puszczać*, *-gwieździć* — *-gwiaźdźać*), тогда как остальные согласные в исходе основ, присоединяющих *-aj-*, как правило остаются без изменения. Суффикс *-iva-* (*-yva-*), сочетаясь с основами, оканчивающимися на твердый согласный, не вызывает никаких модификаций, а на мягкие и шипящие исходы он может производить диспалатализирующее действие: $\dot{z} \sim g$, $\dot{z}(\dot{r}) \sim r$, $\dot{c} \sim k$, $\dot{s} \sim x$, $\dot{z} \sim d$, $\acute{c} \sim t$, $p' \sim p$ (*-stuzzyć* — *-stugiwać*, *-gorzeć* — *-gorywać*, *krzyczeć* — *-krzykiwać*, *styszeć* — *-stychiwać*, *widzieć* — *-widywać*, *kupić* — *-kupywać*), однако возможно и сохранение мягких в отдельных глаголах (*kpić* — *kpiwać*, *cierpieć* — *cierpiwać*, *kaszleć* — *kaszliwać*).

Диспалатализационными свойствами обладает и суффикс *-ova-*; остальные суффиксы имперфективации не вызывают консонантных чередований.

Вокалические чередования характерны прежде всего для дериватов с суффиксом *-aj-*. Они затрагивают, во-первых, неслоговые корни, в которых происходит чередование # ~ *y* (*i*): *-rywać*, *-sytać*, *-zywać*, *-sypiąć*, *-sysać*, *-tykać*, *-sychać*, *-tykać*, *-klinać*, *-mykać*, *-pinać*, *-rzynać*, *-cinać*, *-ginać*, *-żynać*, *-dymać*, *-puchać*, *-rominać* или # ~ *e* с палатализацией предшествующего согласного:

-bierać, -mierać, -cierać, -dzierać, -żegać; во-вторых, в имперфективах с суффиксом *-aj-* происходит чередование корневого *o* (в нескольких примерах *u*) с *a*: *-robić — -rabiać, -topić — -tapiać, uspokoić — uspokajać, godzić — gadzać, powtórzyć — powtarzać, móc (mog-) — -magać*, а также *wrócić — -wracać, -krócić — -kracać, obrócić — obracać*. Чередования гласных в имперфективах других типов не носят регулярного характера: *e ~ a* (*-lecieć — -latywać, -wiedzieć — -wiadywać*), *q ~ ę* (*-stąpić — -stępować*), *o ~ a* (*-skoczyć — -skakiwać*).

4.3. Суффикс однократного действия *-ną-*

Суффикс *-ną-* образует вторичные глаголы от глагольных *a-, aj-, C-* и *e-*основ. Требуется усечения первичных суффиксов *-a-, -aj-, -e-*.

От *a-* и *aj-* основ: *-rąbnąć, -dziobnąć, -skrobnąć, -skubnąć, -macnąć, -kucnąć, -gadnąć, -władnąć, -glądnąć, -gwizdnąć, -cofnąć, -ścignąć, -mignąć, -dźwignąć, -stygnąć, -śliznąć, -wahnąć, -machnąć, -kichnąć, -pchnąć, -buchnąć, -dmuchnąć, -kwaknąć, -szczeknąć, -szepnąć, -kopnąć, -sprzątnąć, -kwitnąć, -skowytnąć, -liznąć, -pełznąć, -śliznąć, -maznąć*.

От *C-* основ: *-bodnąć (-bóść), -sięgnąć (-siąć), -biegnąć (-biec), -legnąć (-lec), -przeznąć (-przać), -cieknąć (-ciec), -rosnąć (-rósć)*.

От *e-* основ: *-śmierdnąć (-śmierdzieć), -kaszlnąć (-kaszleć), kwiknąć (kwiczeć), -milknąć (milczeć), krzyknąć (krzyczeć)*.

Чередования: диспалатализация среднеязычных и шипящих *ż ~ d, ċ ~ k*.

4.4. Первичные глагольные суффиксы

К первичным глагольным суффиксам, т. е. суффиксам, образующим глаголы не от глагольных основ, относятся: *-a-, -ova-, -i-, -e-, -ną-, -aj-, -ej-, -Ø-*.

-a-

Этот суффикс встречается в сочетании с собственно глагольными корнями, т. е. в составе «немотивированных» глаголов (*-brać, -orać, -stać, -drzemać, -kłać, -łamać, -łamać, -kolebać, -skubać, -grzebać, -kapać, -kopać, -spać, -sypać, -trzepać, -pisać, -ciosać, -ssać, -krześcić, -kazać, -wiązać, -mazać, -lizać, -rzezać, -płakać, -skakać, -tgać, -strugać, -brechać* и т. д.) и реже — в составе производных глаголов, образованных от основ существительных: *dziobać* и *dzióbać* (*dziób*), *-pasać* (*pas*), *-świstać* (*świst*), *-chichotać* (*chichot*), *-szczebiotać* (*szczebiot*), *-turkotać* (*turkot*) и т. п. Чередования отсутствуют.

-ova-

С помощью этого суффикса образуются глаголы от основ существительных: *biedować* (*bieda*), *łądować* (*łąd*), *szkodować* (*szkoda*), устар. *tańcować* (*taniec*), *zabarykadować* (*barykada*), *kierownikować* (*kierownik*), *gatunkować* (*gatunek*), *podróżować* (*podróż*), *farbować* (*farba*), *planować* (*plan*), *opiniować* (*opinia*), *rdzeniować* (*rdzeń*), *stopniować* (*stopień*), *świadkować* (*świadek*).

Благодаря большой продуктивности этого способа деривации, глаголов такого типа насчитывается больше шести тысяч. В редких случаях суффикс *-ova-* присоединяется к основе прилагательного: *obcować (obcy)*, *miłować (miły)*, *pilnować (pilny)*, *próżnować (próżny)*, *mędrować (mądry)*, *chorować (chory)*. К немотивированным глаголам принадлежит такие, как *kierować*, *ratować*, *traktować*, *pasować*, *fasować*, *dyktować*, *notować* и большое число других, главным образом, заимствованных глаголов. На базе суффикса *-ova-* сформировались сложные суффиксы *-izova-* (*idealizować*, *racjonalizować*, *formalizować*, *naturalizować* и т. д.), присоединяющийся к усеченным адъективным основам (*racjonalny — racjonalizować*), и *-ifikova-* (*klasyfikować*, *falsyfikować*).

Суффикс *-ova-* сочетается с любыми консонантными исходами субстантивных основ: *farbować (farba)*, *pracować (praca)*, *sąsiedzować (sąsiad)*, *triumfować (triumf)*, *blagować (blaga)*, *stogować (stóg)*, *cechować (cecha)*, *postaciować (postać)*, *dziegciować (dziegieć)*, *garściować (garść)*, *parodiować (parodia)*, *zumiować (mumia)*, *-cieniować (cień)*, *rdzeniować (rdzeń)*, *opiniować (opinia)*, *stopniować (stopień)*, *miedziować (miedź)*, *kotwiować (kotew)*, *bojować (bój)*, *fantazjować (fantazja)*, *smakować (smak)*, *świadkować (świadek)*, *profilować (profil)*, *sitować (sita)*, *tytułować (tytuł)*, *zimować (zima)*, *filmować (film)*, *panować (pan)*, *telefonować (telefon)*, *blaznować (blazen)*, *mapować (mapa)*, *galopować (galop)*, *ofiarować (ofiara)*, *wichrować (wicher)*, *adresować (adres)*, *rysować (rysa)*, *biletować (bilet)*, *akcentować (akcent)*, *dziwować (dziwo)*, *syntezować (synteza)*, *kluczować (klucz)*, *deszczować (deszcz)*, *sekretarzować (sekretarz)*, *talerzować (talerz)*, *fatšować (fatš)*, *afiszować (afisz)*, *szantażować (szantaż)*, *krzyżować (krzyż)*. При этом регулярно происходит выпадение беглого гласного в составе именной основы: *walcować (walec)*, *tańcować (taniec)*, *stopniować (stopień)*, *świadkować (świadek)*, *kawatковать (kawatek)*, *blaznować (blazen)*, *puďrować (puďer)*, *wichrować (wicher)*, *psować (pies)*.

-i- (-y-)

Глаголов, содержащих этот суффикс, согласно обратному словарю, — более шести тысяч. Из них сравнительно небольшое число (хотя и наиболее употребительных) глаголов можно считать немотивированными: *-lubić*, *-grabić*, *-rzucić*, *-chwycić*, *-palić*, *-modlić*, *-lepić*, *-topić*, *-kupić*, *-gasić*, *-miesić*, *-nosić*, *-prosić*, *-bawić*, *-łazić*, *-gładzić*, *-budzić*, *-wodzić*, *-wozić*, *-liczyć*, *-baczyć*, *-tączyć*, *-toczyć*, *-tworzyć*, *-uczyć*, *-ruszyć*, *-cieszyć* и др. Остальные глаголы относятся либо 1) к отсубстантивным дериватам, либо 2) к производным от основ прилагательных:

- (1) *hańbić*, *źłobić*, *poślubić*, *-rybić*, *rzeźbić*, *-kwiecić*, *-kształcić*, *gwatcić*, *pocić*, *zaszczycić*, *krochmalicć*, *krzystalicć* (устар.), *-mydlicć*, *-silić*, *-szkolicć*, *-myślicć*, *wyświećlicć*, *-zwierciedlicć* (и *-zwierciadlicć*), *plamicć*, *ćmicć*, *tłumicć*, *baćganicć*, *chuliganicć*, *ranicć*, *przyjaźnicć*, *kwasicć*, *-kaprysicć*, *głowicć się*, *sądzić*, *nudzić*, *brudzić*, *gwoźdicć*, *-stydzić*, *-gałęzić*, *-mrozić*, *czudaczyć*, *znaczyć*, *męczyć*, *graniczyć*, *walczyć*, *uczestniczyć*, *niemczyć*, *wieńczyć*, *kończyć*, *kroczyć*, *troszczyć*, *bednarzyć*, *mierzyć*, *wierzyć*, *cukrzyć*, *iskrzyć*, *tchórzycć*, *straszyć*, *grzeszyć*, *towarzyszyć*, *równoważyć*, *krążyć*, *dźdźycć*, *śnieżyć*, *odwilżyć*, *baćłozycć*, *trwożyć*;

(2) *ostabić, -bogacić, kudłacić, żółcić, zgęścić, tłuszczyć, doskonalić, znaglić, łakomić, umocnić, uwidocznąć, skąpić, ślepić, wygłupić się, łzawić, dziurawić, umożliwić, ułatwić, krzywić, trzeźwić, odchudzić, twierdzić, ostrzyć, przykrzyć, ciszyć, głuszyć, mnożyć, polszczyć, zmiękczyć.*

Суффикс *-i-* (*-y-*) оказывает палатализирующее воздействие на твердый конечный согласный субстантивной и адъективной основы и вызывает следующие чередования:

b - b': *ślubić (ślub), słabić (słaby)*; *p - p'*: *zagrypić się (grypa), -głupić (głupi)*; *m - m'*: *tłumić (tłum), łakomić (łakomy)*; *v - v'*: *głowić (głowa), łzawić (łzawy)*; *n - n'*: *bałaganić (bałagan), wyjaśnić (jasny)*; *t - l*: *silić (siła), znaglić (nagły)*; *r - ż (ř)*: *wierzyć (wiara), przykrzyć (przykry)*; *t - ć*: *kształcić (kształt), tłuszczyć (tłusty)*; *d - ź*: *sądzić (sąd), -chudzić (chudy)*; *s - ś*: *kaprysić (kaprys)*; *z - ź*: *mrozić (mróz)*; *c - ć*: *graniczyć (granica)*; *k - ć*: *znaczyć (znak), zmiękczyć (miękki)*; *g - ż*: *równoważyć (równowaga), mnożyć (mnogi)*; *x - ś*: *straszyć (strach), głuszyć (głuchy)*; *sk - śc*: *troszczyć (troska), polszczyć*; *a - e*: *odzwierciedlić (zwierciadło, наряду с odzwierciedlic); o - e*: *zelenić (zielony), weselić się (wesoty).*

-e-

Немотивированные глаголы: *skomleć, dudnieć, -pomnieć, brzmieć, grzmieć, cierpieć, chrypieć, kipieć, -świerbieć, -słyszeć, patrzeć, dyszeć, -jrzeć, drzeć, leżeć, rzeć, -gorzeć, leczeć, -buczeć, burczeć, dulczeć, fuczeć, furczeć, kawęczeć, kwęczeć, milczeć, mruczeć, skowyczeć, -terczeć, słęczeć, warczeć, -wiotczeć, musieć, wisieć, lecieć, siedzieć, widzieć.*

Отсубстантивные глаголы: *boleć (ból), myśleć (myśl), szumieć (szum), skrzypieć (skrzyp), skorupieć (skorupa), błyszczeć (błysk), brzęczeć (brzęk), dźwięczeć (dźwięk), huczeć (huk), jęczeć (jęk), klęczeć (klęk), krzyczeć (krzyk), piszczeć (pisk), miauczeć (miauk), ryczeć (ryk), skwierczeć (skwierk), trzeszczeć (trzask), wrzeszczeć (wrzask), śmierdzieć (śmród).*

Отадъективные глаголы: *spodlec (podły), przemądrzeć (mądry).*

Чередования те же, что и в глаголах с суффиксом *-i-*.

-nq-

Первичных образований с суффиксом *-nq-* немного, и большинство из них являются немотивированными: *ziębnać, gibnać, więdnąć, pragnąć, ginąć, -minąć, -winąć, wionąć, zionąć, ptonąć, tonąć, sunąć, płynąć, schnąć, garnąć, wilgnąć.*

Следующие глаголы образованы от основ прилагательных (с усечением суффикса *-k-*): *stąbnąć (staby), błędnąć (błady), chłodnąć (chłodny), chudnąć (chudy), brzydnąć (brzydki), ślepnąć (ślepy), krzepnąć (krzepki).* Хотя некоторые глаголы и соотносятся с другими глагольными основами: *gasnąć (gasić), ciągnąć (ciągać), kisać (kisić), lgnąć (lec),* они не принадлежат к продуктивному классу вторичных «однократных» глаголов с суффиксом *-nq-*.

От субстантивных основ образований нет, если не считать *dźwięknąć (dźwięk)* и, возможно, *puchnąć (puch).*

-aj-

Непроизводные глаголы: *kochać, kichać, pchać, szturchać, dmuchać, szukać, pękać, stękać, fikać, tkać, ciskać, iskać, mieszkać, wołać, trzymać, gnać, żegnać, znać, stapać, ćpać, starać się, grać, tyrać, dąsać się, łać, szastać, dbać, badać, gadać, żądać, gwazdać, cofać, ufać, ciągać, migać, dźwigać, tgać, targać, szargać, drgać, dziergać, mrugać, dygać, drygać, ślizgać, machać, wachać, wataścać się, krzątać się, -przątać, witać, pytać, czytać, pęzać.*

Отсубстантивные глаголы: *biadać (biada), uzdać (uzda), uśmiechać (śmiech), kaszlać (kaszel), kietznać (kietzno), opasać (pas), bratać się (brat), swatać (swat), dźwiękać (dźwięk), szmerać (szmer), susać (sus).* Однако во многих случаях наличие субстантивных соответствий глаголам на *-ać* не означает производности глагольной основы, ибо такой параллелизм в равной степени допускает возможность противоположного направления деривации — от глагола к существительному: *stuchać ↔ słuch, niuchać ↔ niuch, ćwikać ↔ ćwik, stukać ↔ stuk, hukać ↔ huk, szurać ↔ szur* и т. д.

Отадъективных образований с суффиксом *-aj-* очень немного: *uci-chać (cichy), dorównać (równy), jednać (jedny), sprostać (prosty).*

Чередования отсутствуют.

-ej-

Основная масса глаголов с этим суффиксом представляет собой образования от основ прилагательных:

grubieć (gruby), garbacieć (garbaty), bogacieć (bogaty), kosmacieć (kosmaty), lodowacieć (lodowaty), chrząstkowacieć (chrząstkowaty), itowacieć (itowaty), pospolicieć (pospolity), wypryzwoicieć (przyzwoity), żółcieć (żółty), złocieć (złoty), krócieć (krótki), niebieścieć (niebieski), skiepscieć (kiepski), tłuscieć (tłusty), puścieć (pusty), czyścieć (czysty), srebrzyścieć (srebrzysty), przejrzyscieć (przejrzysty), płycieć (płytki), niemieć (niemy), nieruchomieć (ruchomy), łakomieć (łakomy), olbrzymieć (olbrzymi), tanieć (tani), krnąbrnieć (krnąbrny), drobnieć (drobny), mocnieć (mocny), ładnieć (ładny), gładnieć (gładki), biednieć (biedny), zeskapieć (skąpy), tępieć (tępy), głupieć (głupi), tysieć (tysy), dziurawieć (dziurawy), rdzawieć (rdzawy), chciwieć (chciwy), surowieć (surowy), twardzieć (twardy), rudzieć (rudy), ocaleć (cały), zmaleć (mały), mdleć (mdły), bieleć (biały), weseleć (wesoty), pociepleć (ciepły), dorosleć (dorosty), szczupleć (szczupły), wątleć (wątky), niszczeć (niszczy), spolszczeć (polski), schińszczeć (chiński), starzeć się (stary), szarzeć (szary), chytrzeć (chytry), polepszeć (lepszy), ubożeć (ubogi), drożeć (drogi), dłużeć (długi).

Отсубстантивные глаголы: *babieć (baba), głąbieć (głąb), dębieć (dąb), skobieć (kobieta), bydłęć (bydła, bydłęta), zwierzęć (zwierzę, zwierzęta), wyelegancieć (elegant), idiocieć (idiota), torfieć (torf), chamieć (cham), szumieć (szum), kapcanieć (kapcan), gałganieć (gałgan), zmużłmanieć (mużłman), tumanieć (tuman), baranieć (baran), bałwanieć (bałwan), mieszczańieć (mieszczanin), skorupieć (skorupa), kłosieć (kłos), orosieć*

(*rosa*), *zepsieć* (*pies*), *dziadzieć* (*dziad*), *francuzieć* (*Francuz*), *skatoliczeć* (*katolik*), *urzędniczeć* (*urzędnik*), *niemczeć* (*Niemiec*), *cudzoziemczeć* (*cudzoziemiec*), *wichrzeć* (*wicher*), *iskrzeć* (*iskra*), *lustrzeć* (*lustro*), *pustoszeć* (*pustosz*), *skożuszeć* (*kożuch*).

К немотивированным могут быть отнесены лишь единичные глаголы: *tleć*, *mleć*, *boleć* (*boleje*), *truchleć* (?), *parcieć* (?).

Чередования:

r - *ż* (*ř*): *starzeć* (*stary*), *lustrzeć* (*lustro*); *ł* - *l*: *bieleć* (*biały*), *karleć* (*karzeł*); *n* - *ń*: *drobnieć* (*drobny*), *tumanieć* (*tuman*); *m* - *m'*: *niemieć* (*niemy*), *chamieć* (*cham*); *p* - *p'*: *głupieć* (*głupi*), *skorupieć* (*skorupa*); *b* - *b'*: *grubieć* (*gruby*), *babieć* (*baba*); *v* - *v'*: *rdzawieć* (*rdzawy*), *osowieć* (*sowa*); *f* - *f'*: *torfieć* (*torf*); (*s*)*t* - (*ś*)*ć*: *kosmacieć* (*kosmaty*), *kobiecieć* (*kobieta*), *tłuścieć* (*tłusty*), *niewieścieć* (*niewiasta*); *d* - *ź*: *twardzieć* (*twardy*), *dziadzieć* (*dziad*); *s* - *ś*: *tyścieć* (*tyisy*), *kłosieć* (*kłos*); *z* - *ż*: *francuzieć* (*Francuz*); *c* - *ć*: *niemczeć* (*Niemiec*); (*s*)*h* - (*ś*)*ć*: *dziczeć* (*dziki*), *katoliczeć* (*katolik*), *polszczeć* (*polSKI*), *chińszczeć* (*chiński*), *niebieszczeć* (*niebieski*), однако также и *niebieścieć*, *skiepscieć* (*kiepski*) — *sk* - *śc*; *g* - *ż*: *ubożeć* (*ubogi*), *sfolżeć* (*folga*); *x* - *ś*: *kożuszeć* (*kożuch*). В основах прилагательных перед суффиксом *-ej-* усекается (суффиксальное) *-k-*: *krócieć* (*krótki*), *ptycieć* (*płytki*).

На базе суффикса *-ej-* сформированы сложные суффиксы *-acej-*: *krasowacieć* (*krasowy* при отсутствии **krasowaty*), *skarbowacieć* (*skarbowy* при отсутствии **skarbowaty*), *cukrowacieć* (*cukrowy* при отсутствии **cukrowaty*), *korkowacieć* (*korkowy* при отсутствии **korkowaty*), и *-nej-*: *twardnieć* (*twardy*), *gładnieć* (*gładki*), *rzadnieć* (*rzadki*), *młodnieć* (*młody*), *gęstnieć* (*gęsty*), *istnieć* (*isty*).

-Ø-

Этот суффикс оформляет консонантные глагольные основы (*piec*, *ttuc*, *móc*, *nieść*, *wieść*, *wieźć*, *kłaść*, *trzeć*, *mrzeć* и т. д.).

4.5. Глагольная префиксация

В области глагольной префиксации существует лишь одно явление морфологического порядка, требующее описания, — это вокализация морфемной границы (вставка эпентетического *e*) между закрытой приставкой и прикрытым корнем, например, *odebrać*, *podestać*, *obetrzeć*. К закрытым приставкам относятся: *ob-*, *od-*, *pod-*, *nad-*, *v-*, *z-*, *roz-*, *vz-*. В глаголах с приставкой *vz-*, в отличие от глаголов с остальными закрытыми приставками, происходит вокализация не морфемного стыка, а самой приставки: *wezbrać* (ср. *wzbierać*), *wesprzeć* (ср. *wspierać*)¹.

Чередование # ~ V на границе префикса и корня (т. е. вокализация стыка) регулярно имеет место в глаголах или словоформах, содержащих неслоговой вариант корня, чередующийся в пределах парадигмы и/или глагольного словообразования (имперфективации) со слоговым (вокализованным)

¹ Исключение — *wzejść* (вызвано чрезмерным скоплением согласных).

вариантом, перед которым чередование на стыке отсутствует, например, *rozbrać* ($\sqrt{br-}$) — *rozbioreę* ($\sqrt{b'or-}$), *rozbierać* ($\sqrt{b'er-}$); *wiezwać* ($\sqrt{zw-}$) — *wzywać* ($\sqrt{zyw-}$). Таким образом, в данном случае действует автоматическая зависимость чередования # - V на стыке префикса и корня от чередования # - V внутри корня: слоговой вариант корня (т. е. содержащий V) требует # на границе с префиксом (т. е. отсутствия вокализации), а неслоговой вариант (т. е. содержащий #) требует вокализованной границы (т. е. V):

стык приставки и корня	
#	V
V	#

Важно еще раз подчеркнуть, что это правило строго выполняется только для глагольных корней, подверженных чередованию # - V в рамках глагольной системы (в словоизменении и/или словообразовании). Глаголы, содержащие невокализованные неслоговые корни, имеющие вокализованные варианты за пределами глагольной системы (например, *-psuć*, *-psieć*, ср. *pies*; *grać* — *gra*, *gier*) или односложные корни, не имеющие неслоговых вариантов (например, *-wlec*, *-wlekać* — $\sqrt{vlok-/-vlek-}$), выполняют сформулированное выше правило непоследовательно, о чем подробнее ниже.

Среди глагольных корней, имеющих чередование # - V, могут быть выделены три категории в зависимости от грамматического распределения слогового и неслогового варианта корня: I — корни, у которых слоговой (вокализованный) вариант выступает в презентной зоне парадигмы (наст. время, повелит. наклонение) и в имперфективных производных, а неслогового — в непрезентной зоне парадигмы (прош. время, инфинитив); II — корни, у которых неслогового вариант выступает только в презентной зоне парадигмы (возможен также и в инфинитиве); III — корни, у которых слоговой вариант выступает только в имперфективных дериватах:

Таблица 22

Распределение слоговых и неслоговых вариантов корня

Категория корней \ Грамматические формы	Презентные формы	Непрезентные формы	Имперфективы
I	V	#	V
II	#	V	
III		#	V

В следующей таблице приводятся глаголы, содержащие корни с чередованием # - V.

Таблица 23

Категория корня	Глаголы	Вид корня		
		Презентные формы	Непрезентные формы	Имперфективы
I	-brać, -bierać -prac, -pierać -stać, -ścetać *	b'or/b'er p'or/p'er s[t]l/ścel	br pr st	b'er p'er śceł
II	-ciąć, -cinać -dąć, -dymać -giąć, -ginać -kłać, -klinać -miać, -minać -piać, -pinać -żąć, -żymać -żąć, -żynać -drzeć, -dzierać -mrzeć, -mierać -przeć, -pierać -trzeć, -cierać -wrzeć, -wierać -żreć, -żerać	tn dm gn kln mn pn żm żn dr mr pr tr vr żr	ćę/ćq dę/dq g'ę/g'q klę/klq m'ę/m'q p'ę/p'q żę/żq żę/żq dar mar par tar var żar	ćin dym gin klin min pin żym żyn żer m'er p'er ćer v'er żer
III	-tkać, -tykać -pchać, -pychać -rwać, -rywać -stać, -sytać -spać, -sypiać -ssać, -sysać -tkać, -tykać -zwać, -zywać -mknąć, -mykać -rznąć, -rzynać (-rźnąć) -schnąć, -sychać -tchnąć, -dychać -tknąć, -tykać	tk px rv st śp' ss tk zv ** mk (r)żn sx tx tk	tk px rv st sp ss tk zv mk (r)żn sx tx tk	tyk pyx ryv sył syp' sys tyk zyv myk żyn syx dyx tyk

Примечания: * возможен также вариант -ścetać ($\sqrt{\text{ścel}}$); ** возможен также ненормативный вариант вокализованного корня в формах наст. вр.: zowię, zowie, zowię ($\sqrt{\text{zov}}$)

В таблице не учтены:

1) глагол *wziąć* (*zawziąć się*, устар. *przewziąć*, *przedsięwziąć*, *powziąć*, *uwziąć się*), имеющий в наст. времени и императиве неслоговой корень и вокализован-

ную приставку (*-weźmę, -weźmie, weź, -weźmij*), подобно глаголам II категории; однако имперфективные производные от глаголов с этим корнем нестандартны: *przedsięwziąć — przedsiębrać, powziąć — podejmować, zawziąć się — zawziąć się* (вместо ожидаемого **zawziąć się*), имперфективы *powziąć, porać* от *powziąć* отмечены в SPP как недопустимые;

2) глагол *-jąć*, имеющий в отличие от глаголов II категории имперфектив с неслоговой основой (*-jować*) и соответственно с вокализованным стыком приставки и корня: *odejtować, obejmować*. Слоговой вариант корня представлен только в непрезентных формах глагола *-jąć*: *odjął, podjął, objął*. Аномалия этого корня состоит также и в том, что приставка *z-* (*ze-*) имеет в сочетании с ним вариант *zd-* (*zde-*): *zdjąć, zdejmę, zdejmować*;

3) глаголы *mleć* и *pleć*, имеющие неслоговой вариант корня и вокализацию стыка приставки и корня только в инфинитиве: *zemleć, rozemleć* (глагол *pleć* не имеет дериватов с закрытыми приставками);

4) глагол *gnać*, который может быть причислен ко II категории (вокализованный корень только в имперфективах — *-ganiać*), однако в отличие от остальных глаголов этой категории имеет в корне чередование # ~ *a*, а не # ~ *y*.

Поскольку не каждый из представленных в таблице глагольных корней имеет производные со всеми закрытыми префиксами, приводим ниже полные списки глаголов и их словоформ с вокализованным стыком приставки и корня:

brać — *nadebrać, odebrać, podebrać, webrać, zebrać, rozebrać, wezbrać* + все словоформы непрезентной зоны парадигмы от этих глаголов (*nadebrał, nadebraliśmy* и т. д.);

prac — *zprac*, но чаще без вокализации: *sprac, sprat* и т. д.;

stać — *obestać, nadestać, podestać, westać, rozestać* и все словоформы прошедшего времени от этих глаголов (*obestał, obestaliśmy* и т. д.);

ciąć — *obciąć, nadciąć, odciąć, podciąć, sciąć, wciąć, rozciąć*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obetnę, obetnił* и т. д.);

dąć — *zdąć, rozdąć, wzdąć*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*zednę, zednił* и т. д.);

giąć — *obgiąć, odgiąć, podgiąć, wgiąć, zgiąć, rozgiąć*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obegnę, obegnił* и т. д.);

kląć — *odkląć* (устар.), *rozkląć się*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*rozeklnę, rozeklnił* и т. д.), однако *skląć* имеет презентные формы без вокализации стыка: *sklnę, sklnił* и т. д.;

miąć — *zmiąć*: *zemnę, zemnie, zemnił* и т. д.;

piąć — *odpiąć, podpiąć, spiąć, wspiąć się, wpiąć, rozpiąć*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*odepnę, odepnił; zepnę, zepnił; wespnę, wespnił* и т. д.);

żąć I — *zżąć*: *zeżnę, zeżnił* и т. д.

żąć II — *obżąć, odżąć, wżąć się, zżąć*: все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obeżnę, obeżnił; zeżnę, zeżnił* и т. д.);

drzeć — *obedrzyć, nadedrzyć, odedrzyć, podedrzyć, wedrzyć, zedrzyć, rozedrzyć* + все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obedrę, obedrzyj* и т. д.);

- mrzeć* — *zembrzeć*: *zembrę*, *zembrzuj* и т. д.;
- przeć* — *odeprzeć*, *podprzeć*, *weprzeć*, *zeprzeć*, *rozprzeć*, *wesprzeć* + все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*odeprę*, *odeprzuj* и т. д.);
- trzeć* — *obetrzeć*, *podetrzeć*, *wetrzeć*, *zetrzeć*, *rozetrzeć* + все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obetrę*, *obetrzuj* и т. д.);
- wrzeć* — *odewrzeć* (устар.); *zewrzeć*, *rozewrzeć* + все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*zewrę*, *zewrzuj* и т. д.);
- źreć* — *obeźreć*, *nadeźreć*, *węźreć*, *zeźreć*, *rozeźreć* + все словоформы презентной зоны парадигмы от этих глаголов (*obeźrę*, *obeźruij* и т. д.);
- tkać* — *rozetkać*: все словоформы этого глагола (*rozetkam*, *rozetkał* и т. д.);
- pchać* — *wepchać*, *rozepchać*: все словоформы этих глаголов (*wepcham*, *wepchaj*, *wepchał* и т. д.);
- rwać* — *oberwać*, *naderwać*, *poderwać*, *oderwać*, *werwać*, *zerwać*, *rozerwać*: все словоформы этих глаголов (*oberwę*, *oberwij*, *oberwał* и т. д.);
- stać* — *obestać*, *nadestać*, *odestać*, *podestać*, *zestać*, *rozestać*: все словоформы этих глаголов (*obesłę*, *obestał* и т. д.);
- spać* — *odespać*, *rozespać*: все словоформы этих глаголов (*odeśpię*, *odespał* и т. д.);
- ssać* — *odessać*, *wessać*: все словоформы этих глаголов (*odessę*, *odessij*, *odessał* и т. д.);
- tkać* — *obetkać*, *odetkać*, *podetkać*, *wetkać*, *rozetkać*: все словоформы этих глаголов (*podetkam*, *podetkał* и т. д.);
- zwać* — *odezwać się*, *wezwać*, *zawezwać*, *zezwać* (устар.): все словоформы этих глаголов (*odezwę*, *odezwał* и т. д.);
- mknąć* — *odemknąć*, *podemknąć* (устар.), *wemknąć*, *zemknąć*, *rozemknąć* (устар.): все словоформы этих глаголов (*odemknę*, *odemknij*, *odemknął* и т. д.);
- rznąć* (*rznać*) — *oberznąć*, *oderznąć*, *poderznąć*, *werznąć*, *zerznąć*, *rozerznąć*: все словоформы этих глаголов (*rozerznąę*, *rozerznij*, *rozerznął* и т. д.);
- schnąć* — *obeschnąć*, *podeschnąć*, *zeschnąć*, *rozeschnąć*: все словоформы этих глаголов (*obeschnę*, *obeschnij*, *obeschnął* или *obeschł* и т. д.);
- tknąć* — *podetknąć*, *wetknąć*, *zetknąć*: все словоформы этих глаголов (*podetknę*, *podetknij*, *podetknął* и т. д.);
- jąć* — *objąć*, *odjąć*, *podjąć*, *zdyąć*: все презентные словоформы от этих глаголов (*obejmę*, *obejmij* и т. д.);
- jmować* — *obejmować*, *odejmować*, *poodejmować*, *podejmować*, *zdejmować*, *rozdejmować* (устар.), *rozejmować* (устар.): все словоформы этих глаголов (*obejmuję*, *obejmował* и т. д.);
- mleć* — *zemleć*, *rozemleć* (все прочие словоформы этих глаголов имеют слоговой корень и не вокализуют стык приставки и корня: *zmielę*, *zmięł*, *zmielonu* и т. д.);
- gnać* — *obegnać* (устар.), *odeгнаć*, *wegnać*, *zegnać* (но также и *zгнаć*), *rozegnać*: все словоформы от этих глаголов (*odegnam*, *odeгнаł* и т. д.).

Вокализация на стыке закрытого префикса и прикрытого корня, помимо рассмотренных выше регулярных случаев (у глаголов, имеющих чередование # ~ V в корне в пределах глагольной системы), наблюдается также у глаголов, не знающих чередования # ~ V в корне в пределах глагольной системы,

т. е. у глаголов, содержащих либо неслоговой невокализуемый корень (например, *-jść*, \sqrt{jd} ; *-jrzeć*, \sqrt{jz} ; *tleć*, \sqrt{tl}), либо неслоговой корень, вокализуемый за пределами глагольной системы (например, *grać*, $\sqrt{g\#r}$, ср. *gra*, *gier*; *-tżawić*, $\sqrt{t\#z}$, ср. *tża*, *tez*; *mgłęć*, *mglić*, $\sqrt{mg\#l}$, ср. *mgła*, *mgieł*), либо даже слоговой корень (*wlec*, *wlekać*, \sqrt{vlo}). В этих случаях чередование # ~ V на границе префикса и корня происходит чаще всего непосредственно, т. е. или не при всех закрытых префиксах (например, *odbrzmieć*, но *rozebrzmieć*; *podegrać*, но *wgrać*, *zgrać*), или факультативно (например, *roześmiać się* и *rozśmiać się*, *odgrać* и *odegrać*, *odegrywać* и *odgrywać*). Ниже приводится список глаголов этого типа, имеющих чередование # ~ V на стыке приставки и корня.

- jść* (\sqrt{jd} -) — *obejść*, *nadejść*, *odejść*, *wejść*, *podejść*, *zejść*, *rozejść*, *wzejść*²;
-jrzeć — *obejrzeć*, *podejrzeć*, *wejrzeć*, *rozejrzeć*;
-znać, *-znawać* — *obeznać*, *zeznać*, *rozeznać*; *obeznawać*, *zeznować*, *pozeznować*, *rozeznować*;
grzać — *odegrzać* (и *odgrzać*), *podegrzać* (устар.) (и *podgrzać*), *rozegrzać* (диал.) (и *rozgrzać*), но *zgrzać*;
grać, *-grywać* — *odegrać* (и устар. *odgrać*), *podegrać* (но *podgrywać*), *rozegrać*, но *wgrać*, *zgrać*; *odegrywać* (и *odgrywać*), *rozegrywać* (и *rozgrywać*), но *podgrywać*, *zgrywać*;
tgać, *-tgiwać* — *obetgać*, *zetgać*, *wetgać* (индив.); *obetgiwać*.
śmiać się — *roześmiać się* (и *rozśmiać się*), но *obśmiać*, *odśmiać* (устар.), ср. также *podśmiewać się*, *obśmiewać*;
chcieć, *-chciewać* — *odechcieć się*, *zechcieć*; *odechciewać*;
brzmieć — *rozebrzmieć*, но *odbrzmieć*;
grzmieć — *odegrzmieć* (но *odgrzmiewać*), *rozegrzmieć* (устар.) (и *rozgrzmieć*);
drgać — *rozedrgać* (и *rozdrgać*);
tleć, *tlić* — *zetleć* (и *stleć*), *rozetleć* (и *roztleć*); *zetlić*, *rozetlić* (и *roztlić*);
dnieć, *dnieć* — *rozednieć* (и устар. *rozdnieć*), *zednieć* (диал.); *rozednić* (устар.);
lgnąć — *odelgnąć*;
mścić — *odemścić* (устар.) (и устар. *odmścić*), *zemścić*;
tżawić — *rozetżawić* (и *roztżawić*), но *ztżawić*;
wlec, *-wlekać* — *wewlec* (и *wwlec*), *zewlec* (устар.) (и *zwlec*), но *obwlec*, *odwlec*, *rozwlec*; *wewlekać* (и *wwlekać*), *zewlekać* (и *zwlekać*), но *odwlekać*;
-smucić — *odesmucić* (и *odsmucić*).

Особо должны быть рассмотрены случаи вокализации в глаголах с приставкой *z-*, где это явление имеет более широкое распространение и охватывает, помимо рассмотренных выше групп глаголов, большое число глаголов, корни которых начинаются на следующие согласные или группы согласных: *kp*, *lż*, *mdl*, *ps*, *pś*, *s*, *ś*, *sx*, *sk*, *skr*, *skw*, *sl*, *st*, *sm*, *sn*, *sp*, *sr*, *st*, *str*, *sw*, *ś*, *śm*, *śn*, *śp*, *śp'*, *śt*, *ść*, *śł*, *śr*, *śv'*, *zł*, *zv*, *zv'*. Приводим перечень этих глаголов.

zekpać (устар.), *zelżeć*, *zelżyć*, *zemdleć*, *zemdlić*, *zepsieć*, *zepsować*, *zepsuć*, *zesadzać*, *zesadzić*, *zeshematyzować*, *zesiąść*, *zesiekać*, *zesiniaczyć*,

² Единственный случай вокализации после приставки *wz* (нормально вокализуется сама приставка — *wez*).

zesinieć, zesiusiać, zeskakiwać, zeskoczyć, zeskalać, zeskalić, zeskąpieć, zeskontować, zeskorupieć, zeskorupić, zeskrobać, zeskromnieć, zeskubać, zeskwarzyć, zeslawizować, zestabiać, zestabieć, zestabnąć, zestowacyzować, zestówiańszczeć, zestówiańszczyć, zestąpić, zestupieć, zesmagać, zesmalić, zesmętnieć, zesmolić, zesmutnieć, zesnuć, zesnuwać, zesolidaryzować się, zespać, zespoić, zespawać, zesrać się, zesromać, zesromoczyć, zesromocić, zesrożyć, zestalać, zestandardyzować, zestarzeć, zestarzyć, zestawiać, zestawić, zestąpić, zestępować, zestokrotniać, zestokrotnić, zestopniować, zestosować, zestrachać, zestraszycь, zestroić, zestrugać, zestrzelić, zestrzyć, zestrzygać, zestudzać, zestudzić, zestygnąć, zesunąć, zesuwać, zesuszyć, zestawać, zeswojszczyć, zesypać, zesypywać, zeszarpać, zeszarzać, zeszmacić, zeszmacieć, zesznurować, zeszpakowacieć, zeszpecić, zeszywnieć, zeszywniać, zeszyć, zeszywać, ześcibiać, ześcibić, ześcibolić, ześlizgiwać, ześliznąć, ześrodkować, ześrodkowywać, ześrubować, ześrubowywać, zeświecczyć, zeświecczać, zeświecczeć, zewstrętnieć, zezłościć, zezwalać, zezwolić, zezwierzęcić, zezwierzęcieć.

Обыкновенно вокализацию у глаголов с приставкой *z-* объясняют причинами фонетического или эфонического характера, что в общем, вероятно, справедливо (в особенности в случае корней с начальными группами согласных), хотя можно привести большое число глаголов, содержащих корни с начальными *s, ś, ś, śl, śl, śń, ź, ą*, у которых чередование *# - e* на стыке префикса и корня отсутствует: *zsanować, zśczać, zśczyć, zśczić, zsemityzować, zsenatorzyć, zserowacieć, zsiać, zsiadać, zsiec, zsinić, zsiwić, zsiwieć, zsobaczyć, zsojuszyć, zsolidaryzować, zsubjektywizować, zsumować, zsumowywać, zsurowieć, zsychać, zsyłać, zsynchronizować, zsyntetyzować, zsyntezować, zszamotać, zszargać, zszczerbić, zszepnąć, zszeregować, zszlachetnieć, zszokować, zszumować, zszlepnąć, zślizgnąć, zśnieżyć*; а также целый ряд параллельных образований с вокализованным стыком и с невокализованным: *zsadzać, zsadzić — zesadzać, zesadzić; zsiąść — zesiąść; zsiekać — zesiekać; zsinić — zesinić; zsiusiać — zesiusiać; zskąpieć — zeskąpieć; zsrnocieć (устар.) — zesrnocieć; zstarzeć (устар.) — zestarzeć się; zstąpić, zstępować — zestąpić, zestępować; zsunąć, zsuwać — zesunąć, zesuwać; zsuszyć — zesuszyć; zsypać, zsypywać — zesypać, zesypywać; zszarpać — zeszarpać; zszarzać — zeszarzać; zszyć, zszywać — zeszyć, zeszywać. Из этих параллельных образований в большей части случаев глаголы с вокализованным стыком снабжены в словаре SJPД пометой «устаревшее», «старое» или «редкое» и отсылкой к соответствующим формам без вокализации, например, *zsadzać*, устар. см. *zsaść*, так же: *zsiekać, zsiąść, zesinieć, zestąpić, zestępować, zesypać, zeszarpać*, однако есть и несколько равно допустимых или равно устаревших параллелей: *zesrnocieć = zsrnocieć; zesiusiać = zsiusiać; zesunąć, zesuwać = zsunąć, zsuwać; zesuszyć = zsuszyć; zeszarzać = zszarzać; zeszyć, zeszywać = zszyć, zszywać.**

Морфонологическая характеристика прилагательных и наречий

5.1. Словоизменение прилагательных

В парадигме прилагательного в морфонологическом отношении заслуживает внимания всего одна форма — форма И. мн. лично-мужского рода, в которой перед флексией *-i* имеют место следующие консонантные чередования:

r - ż — *chory* — *chorzy*, *dobry* — *dobrzy*, *mądry* — *mądrzy*;

t - l — *wesoły* — *weseli*, *stały* — *stali*, *biały* — *biali*;

n - ŋ — *ładny* — *ładni*, *stynny* — *stynni*, *wierny* — *wierni*, *skromny* — *skromni*;

m - m' — *chromy* — *chromi*, *wiadomy* — *wiadomi*, *ruchomy* — *ruchomi*, *niemy* — *niemi*;

p - p' — *tępy* — *tępi*, *skąpy* — *skąpi*, *ślepy* — *ślepi*;

b - b' — *gruby* — *grubi*, *stąby* — *stąbi*, *luby* — *lubi*;

[*f - f'* — нет примеров];

v - v — *nowy* — *nowi*, *zdrowy* — *zdrowi*, *martwy* — *martwi*, *żywy* — *żywi*;

(*s*) *t - (ś)ć* — *tlusty* — *tlusci*, *prosty* — *prosci*, *pusty* — *pusci*, *garbaty* — *garbaci*;

d - ź — *chudy* — *chudzi*, *młody* — *młodzi*, *rudy* — *rudzi*, *rudobrody* — *rudobrodzi*;

s - ś — *tyśy* — *tyśi*, *rudowłosy* — *rudowłosi*, *bosy* — *bosi*;

[*z - ź* — нет примеров];

ś - ś — *pieszy* — *piesi*, *starszy* — *starsi*, *lepsy* — *lepsi*, *tutejszy* — *tutejsi*;

(*ż - ż*) — *duży* — *duzi*, однако без чередования: *świeży*, *boży*, *wraży* и все остальные прилагательные с *ż* в исходе основы;

k - c — *wielki* — *wielcy*, *prędki* — *prędcy*, *lekki* — *lekcy*, *wysoki* — *wysocy*;

g - ż — *tęgi* — *tędzy*, *drogi* — *drodzy*, *srogi* — *srodzy*, *długi* — *dłudzy*;

x - ś — *cichy* — *cisi*, *lichy* — *lisi*, *kruchy* — *krusi*, *płochy* — *płosi*.

Прилагательные с другими согласными в исходе основы не имеют чередований: *obcy* — *obcy*, *cudzy* — *cudzy*, *stanowczy* — *stanowczy*, *ochoczy* — *ochoczy*, *głupi* — *głupi*, *bliźni* — *bliźni*.

В прилагательных с исходом основы на *c*, *ż* встречается ненормативная палатализация *c ~ ć* и *ż ~ ź*: *obci*, *cudzi*; а в прилагательных с *ż* в исходе основы встречается отвергаемое нормой чередование *ż ~ ź*: *świezi*, при этом *duzi* является нормативным (однако в грамматике Шобера последняя форма еще приводится как ненормативная [Шобер 1953, 212]).

Чередования гласных в основе прилагательных в лично-мужских формах И. мн. имеют ограниченный и локализованный характер: *o ~ e* представлено в прилагательных *wesoły* — *weseli* и адъективированных причастиях типа *szalony* — *szaleni*, *rodzony* — *rodzeni*, *spleciony* — *spleceni*; для *zielony* допустима форма с чередованием и без него: *zieleni* и *zieloni*. Наблюдаемое спорадически чередование *a ~ e* в лично-мужских формах отвергается нормой, о

чем свидетельствуют специальные предостережения орфографического словаря: *biały* — *biali* (не: *bieli*), *blady* — *bladzi* (не: *bledzi*).

В кратких формах прилагательных перед нулевым суффиксом имеют место чередования *o ~ u*: *wesoty* — *wesót*, *gotowy* — *gotów*, и *# ~ e*: *petny* — *peten* (без морфонологического смягчения предшествующего согласного), *rewny* — *rewien*, *godny* — *godzien* (со смягчением предшествующего согласного).

5.2. Степени сравнения прилагательных (синтетические формы)

Формы сравнительной и превосходной степени прилагательных образуются посредством суффиксов *-š-* и *-ejš-*, выбор между которыми определяется качеством конечного согласного адъективной основы. Согласно Токарскому [Токарский 1973, 151], прилагательные с конечными *b, p, p', d, g, x, h* присоединяют суффикс *-š-*: *gruby* — *grubszy*, *staby* — *stabszy*, *skapy* — *skapszy* (редко, при более распространенной аналитической форме *bardziej skapy*), *tępy* — *tępszy*, *blady* — *bledszy* (и *bladszy* — реже), *młody* — *młodszy*, *twardy* — *twardszy*, *ubogi* — *uboższy*, *drogi* — *droższy*, *cichy* — *cichszy*, *lichy* — *lichszy*, *łahy* — *łahszy*.

Прилагательные с исходом основы *r, ł, n, ń, m, v, t* выбирают суффикс *-š-*, если конечному согласному основы предшествует гласный, и *-ejš-*, если конечному согласному предшествует согласный: *stary* — *starszy*, *szczerzy* — *szczerwszy*, но *szczodry* — *szczodrwszy*, *chytry* — *chytrwszy*; *miły* — *miłszy*, *stały* — *stałszy*, но *ciepły* — *cieplewszy*, *szczypty* — *szczyplwszy*; *zielony* — *zieleńszy*, *szalony* — *szaleńszy*, но *skromny* — *skromniejszy*, *precyzyjny* — *precyzyjniejszy*; *tani* — *tańszy*, но *przedni* — *przedniejszy*; *wiadomy* — (устар.) *wiadowszy*, но *uprzejmy* — *uprzejmniejszy*; *zdrowy* — *zdrowszy*, *nowy* — *nowszy*, но *łatwy* — *łatwiejszy*, *czerstwy* — *czerstwniejszy*; *obfity* — *obfitszy*, но *pusty* — *puściejszy*. Однако последний разряд прилагательных весьма непоследовательно соблюдает принцип выбора аффиксов, т. е. прилагательные с консонантной группой в исходе основы могут иметь сравнительную степень с суффиксом *-š-*: *prosty* — *prostszy*, *częsty* — *częstszy* или допускать обе формы — с суффиксом *-š-* и с суффиксом *-ejš-*: *czysty* — *czystszy* и *czyściejszy*, *zółty* — *zółtszy* и *zółciejszy*, *gęsty* — *gęstszy* и *gęściejszy*, *tlusty* — *tlustszy* и *tlusciejszy*. Это же относится и к *mądry*: *mądrszy* (редк.) и *mądrwszy*.

Особо следует рассмотреть прилагательные на *-ki*, которые присоединяют суффикс *-š-*, усекая при этом суффиксальные или квазисуффиксальные *-k-*, *-ok-*, *-ek-* (исключение *dziki* — *dziwszy*): *prędky* — *prędwszy*, *miękki* — *miękwszy*, *szybki* — *szybwszy*, *rzadki* — *rzadwszy*, *śladki* — *śladwszy*, *brzydki* — *brzydwszy*, *cieńki* — *cieńwszy*, *giętki* — *giętwszy* (редк.), *krótki* — *krótwszy*, *płytki* — *płytwszy*, *ciężki* — *ciężwszy*, *daleki* — *dalszy*, *głęboki* — *głębszy*, *szeroki* — *szerszy*, *wysoki* — *wyższy*, *niski* — *niższy*, *bliski* — *bliższy*, *wąski* — *węższy*. В последних трех примерах имеет место чередование *z ~ ż* (орфографически *s ~ ź*), в *wysoki* — чередование *s ~ ś* (орфографически также *s ~ ź*; ср. аномальное чередование *s ~ ź* в наречии: *wyso-ko ~ wyżej*).

Таким образом, суффикс *-š-* выступает как смягчающий в случае конечных *t, n, g* основы: *wesoły — weselszy, ukochany — (naj)ukochańszy, długi — dłuższy*; в остальных случаях конечные согласные как полной, так и усеченной основы остаются без изменения. В *gorący — gorętszy* представлено нестандартное чередование *c ~ t*. Суффикс *-ejš-* оказывает палатализирующее действие на все твердые согласные, вызывая чередования: *r ~ ż (szczodry — szczodrzejszy), t ~ l (ciepły — ciepleszy), n ~ ń (skromny — skromniejszy), m ~ m' (uprzejmy — uprzejmiejszy), v ~ v' (łatwy — łatwiejszy), (s) t ~ (ś) ć (pusty — puścieszy)*. Оба суффикса вызывают чередование гласных *a ~ e (błady — bledszy, biały — bielszy, śmiaty — śmieleszy), o ~ e (wesoły — weselszy, szalony — szaleńszy, zielony — zieleńszy)*. Прилагательное *mądry* имеет чередование *a ~ e* перед суффиксом *-š-* (*mędrszy*) и не имеет его перед *-ejš-* (*mądrzejszy*), прилагательное *wąski* имеет чередование *a ~ e* перед *-š-* (*węższy*), ср. отсутствие чередования в *skąpy — skąpszy*.

5.3. Словообразование прилагательных. Суффиксальные модели

Ниже рассматриваются морфонологические свойства адъективных суффиксов, подобно тому, как это было сделано для суффиксального словообразования существительных в главе 2.

-Ø-

Суффикс *-Ø-* имеет два морфонологических варианта — *-Ø₁-* смягчающий и *-Ø₂-* несмягчающий. Первый из них имеет значение притяжательности и присоединяется к субстантивным основам. Второй имеет общее значение качества и оформляет сложные прилагательные с адъективно-субстантивной основой: *długodzioby, ostrodzioby, bladolicy, rudobrody, krótkoudy, ostrodachy, długouchy, długoskrzydły, sztywnostomy, lekkostopy, białokory, białopióry, gruboskóry, siwowsy, złotorzęsy, cienkogłoty, krótkowłoty, siwogłowy*, а также сложные прилагательные с первой основой числительного: *jednouchy, stugłowy* и прилагательные, образованные от предложных конструкций: *bezpalcy, beznosy, beznogi, bezwasy*.

Чередования в прилагательных с суффиксом *-Ø₁-*: *r ~ ż (szczurzy, komorzy, żubrzy), t ~ l (kobyli, anieli, orli, karli), n ~ ń (wroni), p ~ p' (karpi, biskupi), b ~ b' (rybi, żabi, babi), v ~ v' (wdowi, sowi, lwi), t ~ c (kobięcy, dziecięcy, sierocy, zwierzęcy), t ~ ć (roboczy, ochoczy), (s) t ~ (ś) ć (koci, czarci, niewieści, koguci, lilipuci), d ~ ź (gadzi, owadzi, wielbłądzi), s ~ ś (lisi, psi), z ~ ź (płazi), c ~ ć (twórczy ← twórca, zastępczy, ludożерczy), ż ~ ź (księży ← ksiądz), k ~ ć (człowieczy, rajęcy, pijęcy), g ~ ż (boży, buldoży), x ~ ś (mniszy, koniuszy, pastuszy, monarszy, muszy), š ~ ś (mysi ← mysz), ć ~ c (kmięcy ← kmięć)*. Как видно из приведенных примеров, суффикс *-Ø₁-* может оказывать неодинаковое воздействие на конечный согласный производящей основы — это касается в первую очередь производящих основ с конечным *t*, где возможны три различных результата смягчения: *t ~ c, t ~ ć* и *t ~ ć*. «Нормальным» для данного типа образований следует, видимо, считать чередование *t ~ ć* (*koci, lilipuci*;

ср. чередование $d \sim \acute{z}$); тип $t \sim c$ ограничен производными от основ на $-et$: *źrebięcy, dziecięcy, szczenięcy, jagnięcy, sarnięcy, bliźnięcy, (chłopięcy), prosięcy, bydłęcy, cielęcy, piskłęcy, pacholęcy, niemowlęcy, koźlęcy, kurczęcy, dziewczęcy, zwierzęcy, odzwierzęcy, półzwierzęcy, ptaszęcy, księżęcy* — и словами *kobięcy* (\leftarrow *kobieta*) и *sierocy* (\leftarrow *sierota*); тип $t \sim \acute{c}$ представлен в двух словах, не имеющих значения притяжательности: *roboczy* (\leftarrow *robota*) и *ochoczy* (\leftarrow *ochota*). Аномальными являются чередования $k \sim \acute{s}$ (*ptak — ptasi*), а также $x \sim \acute{s}$ в редких образованиях *mnisi, pastusi* при обычном $x \sim \acute{s}$: *mniszy, pastuszy*.

Производящие основы, оканчивающиеся морфонологически мягкими согласными, не имеют чередований перед \emptyset_1 : *gołębi, soboli, kwietni, gęsi, tabędzi, niedźwiedzi*.

-aln(y)

Продуктивный суффикс, образующий прилагательные от глагольных и субстантивных основ, причем исключительно иноязычных субстантивных основ.

Примеры отглагольных дериватов: *rozkładalny (rozkładać), wymagalny (wymagać), zamienialny (zamienić, zamieniać), zestawialny (zestawić, zestawiać), widzialny (widzieć), oswajalny (oswajać), dotykalny (dotykać), mieszkalny (mieszkać), żegnalny (żegnać), zasuwalny (zasuwać), odczuwalny (odczuwać), wykrywalny (wykrywać), wytkumaczalny (wytkumaczyć), powtarzalny (powtarzać), wzruszalny (wzruszyć, wzruszać), słyszalny (słyszeć), zauważalny (zauważać)*.

Примеры отсубстантивных дериватов: *werbalny (verbum с усечением -um), piramidalny (piramida), hybrydalny (hybryda), triumfalny (triumf), katastrofalny (katastrofa), stypendialny (stypendium с усечением -um), maniakalny (maniak), naturalny (natura), teatralny (teatr), sufiksalny (sufiks)*.

Суффикс не изменяет исходного согласного производящей основы.

-an(y)

Суффикс имеет двойную сочетаемость с производящими основами — оформляет отглагольные и отсубстантивные дериваты — и соответственно этому двойственную морфонологическую характеристику. В отглагольных образованиях он присоединяется к основам на $-a$, $-aj$, $-e$ и $-ej$, не вызывая никаких модификаций, кроме усечения перечисленных глагольных формантов: *badany (badać), porozrzucany (porozrzucać), kochany (kochać), rozptakany (rozptakać się), wyszukany (wyszukać), nalany (nalać), łamany (łamać), zasiedziany (zasiedzieć się), widziany (widzieć), zaspany (zaspać), wybrany (wybrać), poszukiwany (poszukiwać), pomazany (pomazać), zrozumiany (zrozumieć)*. В отсубстантивных дериватах суффикс $-an(y)$ оказывает палатализирующее воздействие на конечный согласный производящей основы, вызывая следующие чередования:

$r \sim \acute{z}$: *srebrzany (srebro), futrzany (futro), skórzany (skóra), siostrzany (siostra)*; $\acute{t} \sim l$: *źródłany (źródło), mydlany (mydło), szklany (szkło), maślany (masło)*; $n \sim \acute{n}$: *gliniany (gлина), wełniany (wełna), płótniany (płótno), drewniany (drewno)*; $m \sim m'$: *stomiany (stoma)*; $p \sim p'$: *skorupiany (skorupa), knajpiany (knajpa), ropiany (ropa)*; $b \sim b'$: *garderobiany (garderoba), wątrobiany (wątroba), łubiany (łub)*; $f \sim f'$: *harfiany (harfa)*; $v \sim v'$: *lekarstwiany (lekar-*

stwo), *ubóstwiany* (*ubóstwo*); *t - ć*: *herbaciany* (*herbata*), *nafciany* (*nafta*), *gazeciany* (*gazeta*); *d - ź*: примеров нет, кроме устар. *jagodziany* (*jagoda*); *s - ś*: *kietbasiany* (*kietbasa*), *włosiany* (*włos*), *prosiiany* (*proso*); *z - ż*: *kukuruziany* (производящая основа **kukuruza* в словаре SJPД не отмечена); *c - ć* — примеров нет; *ż - ź*: *kukurydziany* (*kukurydza*), наряду с *kukurydzany* без чередования; других примеров нет; *k - ć*: *zapałczany* (*zapałka*), *rusałczany* (*rusałka*), *jabłczany* (*jabłko*), *ziemniaczany* (*ziemniak*), *ogórczany* (*ogórek*); *g - ż* — примеров нет; *x - ś*: *blaszany* (*blacha*).

В ряде прилагательных выделяется сложный суффикс *-nian(y)*, сформировавшийся на базе суффиксов *-n-* и *-an(y)*: *szpitalniany* (*szpital*), *żytniany* (*żyto*), *kołchozniany* (*kołchoz*).

-at(y)

Присоединяется преимущественно к субстантивным основам, в редких случаях — к глагольным: *jąkaty* (← *jąkać się* ?), *smarkaty* (*smarkać*), *czochraty* (*czochrać*), *chropaty* (← *chropać* ?). Морфонологическая характеристика суффикса противоречива — он может не изменять конечного согласного производящей основы (в большинстве случаев) и — реже — оказывать палатализирующее действие. Отсубстантивные образования без консонантного чередования в основе:

kłębaty (*kłęb*, *kłęb*), *zębaty* (*zęb*, *zęb*), *jarzębaty* (*jarzęb*, *jarzęb*), *dziobaty* (*dziób*), *garbaty* (*garb*), *szczerbaty* (*szczerba*), *czubaty* (*czub*), *palcaty* (*palec*), *kłapciaty* (*kłapieć*), *brodaty* (*broda*), *mordaty* (*morda*), *piegaty* (*piega*), *rogaty* (*róg*), *mechaty* (*mech*), *rosochaty* (*rosocha*), *parchaty* (*parch*), *uchaty* (*ucho*), *puchaty* (*puch*), *brzuchaty* (*brzuch*), *dzieciaty* (*dzieci*), *graniaty* (*grań*), *siemieniaty* (*siemie*, *siemienia*), *dropiaty* (*drop*, *dropia*), *pękaty* (*pęk*), *sękaty* (*sęk*), *perkaty* (*perka*), *pyskaty* (*pysk*), *szablaty* (*szabla*), *tabulaty* (*tabula*), *siodłaty* (*siodło*), *kudłaty* (*kudły*), *żonaty* (*żona*), *wąsaty* (*wąs*), *pejsaty* (*pejs*, *pejsy*), *nosaty* (*nos*), *pryszczaty* (*pryszcz*), *myszaty* (*mysz*), *pyzaty* (*pyza*).

Ч е р е д о в а н и я в основах отсубстантивных дериватов:

r - ż: *iskrzaty* (*iskra*); *ł - l*: *szczudlaty* (*szczudło*), *skrzydlaty* (*skrzydło*), *popielaty* (*popiół*); *p - p'*: *klapiaty* (*klapa*), *strzępiaty* (*strzęp*), *kopiaty* (*kopa* ?); *b - b'*: *jarzębiaty* (*jarzęb*, *jarzęb*) наряду с *jarzębaty* без чередования; *v - v'*: *kwrowiaty* (*kwrowa* ?); *(s) t - (ś) ć*: *kwiaciaty* (*kwiat*), *łaciaty* (*łata*), *krościaty* (*krosta*); *s - ś*: *pasiaty* (*pas* ?); *z - ż*: *mroziaty* (*mróz* ?); *(s) k - (ś) ć*: *wilczaty* (*wilk* ?), *łuszczaty* (*łuska*); *x - ś* или отсутствие чередования: *uszaty* (*ucho* ? *uszy* ?). Особый тип чередования с экспрессивным значением — *s - x* представлен в прилагательных *włochaty* (*włos*), *nochaty* (*nos*), ср. также *nochal*), *włochaty*.

Для следующих прилагательных не удается надежно установить мотивирующих существительных или глаголов: *cyбаты*, *włогаты*, *bогаты*, *sрокаты* (*sroka* ?), *sтрокаты*, *pстрокаты* (ср. *pstry*), *kостропаты*, *szурпаты*. В прилагательном *krupczaty* (к *krupa*) выделяется суффикс *-ćat(y)*.

Приведен полный материал.

-ast(y)

Суффикс присоединяется к субстантивным основам, последовательно в отличие от суф. *-at(y)* смягчая исходный согласный производящей основы, и вызывает следующие чередования:

r - ż: *jądrzasty* (jądro), *biodrzasty* (biodro), *iskrzasty* (iskra), *humorzasty* (humor), *piętrzasty* (piętro), *skórzasty* (skóra); *ł - l*: *mydlasty* (mydło), *skrzydlasty* (skrzydło), *iglasty* (igła), *miotlasty* (miotła); *n - Ń*: *bałwaniasty* (bałwan), *gliniasty* (gлина), *kliniasty* (klin), *wetniasty* (wetna), *dzwoniasty* (dzwon); *m - m'*: *plamiasty* (plama), *bramiasty* (brama), *słomiasty* (słoma), *szumiasty* (szum); *p - p'*: *łapiasty* (łapa), *strzępiasty* (strzęp), *krupiasty* (krupa), *skorupiasty* (skorupa); *b - b'*: *zębiasty* (zęb), *czubiasty* (czub), *grzybiasty* (grzyb); *f - f'*: *szafiasty* (szafa), *torfiasty* (torf), *bufiasty* (bufa); *v - v'*: *głowiasty* (głowa), *grzywiasty* (grzywa), *drzewiasty* (drzewo), *plewiasty* (plewa); *(s) t - (ś) ć*: *kwiaciasty* (kwiat), *łaciasty* (łata), *kanciasty* (kant), *liściasty* (list; liście ?); *d - ź*: *kredziasty* (kreda), *mordziasty* (morda); *s - ś*: *pasiasty* (pas), *forsiasty* (forsa); *z - ź*: *mroziasty* (mróz ?), *kryziasty* (kryza), *wąwoziasty* (wąwóz); *c - ć*: *palczasty* (palec), *szpiczasty* (szpic), *kolczasty* (kolec); *ż - ?* примеров нет; *(s) k - (ś) ć*: *krzaczasty* (krzak), *kablączasty* (kabląk), *mączasty* (mąka), *gąbczasty* (gąbka), *łuszczasty* (łuska); *g - ż*: *ostrożasty* (ostroga); *x - ś*: *mszasty* (mech), *uszasty* (ucho; uszy ?).

-aw(y)

Сочетается с адъективными, субстантивными и реже с глагольными основами, в большинстве случаев не вызывая чередований в исходе производящей основы.

Прилагательные, образованные от основ прилагательных: *ślabawy* (ślaby), *grubawy* (gruby), *śniadawy* (śniady), *bladawy* (blady), *twardawy* (twardy), *chudawy* (chudy), *rudawy* (rudy), *długawy* (długi), *tęgawy* (tęgi), *cichawy* (cichy), *lichawy* (lichy), *głuchawy* (głuchy), *suchawy* (suchy), *średniawy* (średni), *rzadkawy* (rzadki), *śłodkawy* (śłodki), *dzikawy* (dziki), *miękkawy* (miękki), *szerokawy* (szeroki), *cierpkawy* (cierpki), *płatkawy* (płatki), *niebieskawy* (niebieski), *niskawy* (niski), *kiepskawy* (kiepski), *krótkawy* (krótki), *gorzkawy* (gorzki), *ciężkawy* (ciężki), *białawy* (biały), *mdławawy* (mdły), *podławy* (podły), *smagławy* (smagły), *krągławy* (krągły), *miławy* (miły), *goławy* (goły), *cieplawy* (ciepły), *błędnawy* (błędny), *widnawy* (widny), *chłodnawy* (chłodny), *brudnawy* (brudny), *słonawy* (słony), *smutnawy* (smutny), *starawy* (stary), *pustawy* (pusty), *siwawy* (siwy).

Отсубстантивные дериваты: *rtęciawy* (rtęć), *ołowiaawy* (ołów, ołowiu), *miedziawy* (miedź), *zielonkawy* (zielonka), *siarkawy* (siarka), *łaskawy* (łaska), *nikławy* (nikiel, niklu), *kulawy* (kula), *mgławy* (mgła), *ćmawy* (ćma), *fosforawy* (fosfor), *dziurawy* (dziura), *azotawy* (azot), *krwawy* (krew), *drętawy* (drętwa), *żelazawy* (żelazo), *rdzawy* (rdza), *arsenawy* (arsen), *manganawy* (mangan), *jaskrawy* (jaskra ?), *plugawy* (plug ?), *dnawy* (dna), *cisawy* (cis), *niemrawy* (Niemra).

Образования, соотносительные с глаголами: *gęgawy* (gęgać), *czerniaawy* (czernieć), *tykawy* (tykać или tyk ?), *lizawy* (lizać?), *cherławy* (cherlać), *chropawy* (chropać ?), *legawy* (lec, уст. legać ?).

Образования с исходом *-avy*, в которых суффикс не выделяется: *łogawy*, *włodawy*, *ciekawy*, *kławy* (?), *chuderlawy* (к *chudy*), *graślawy*, *koślawy*, *koszlawy*, *blawy*, *prawy*, *kaprawy*, *szpotawy*, *żwawy*.

Случай диспалатализации в прилагательных с суффиксом *-av(y)*: *głupawy* (*głupi*).

Случай палатализации: *kędzierzawy* (*kędzior*).

-avč(y)

Суффикс присоединяется к глагольным *a-* и *aj-*основам, не вызывая никаких модификаций, кроме усечения тематического элемента: *badawczy* (*badac̄*), *opowiadawczy* (*opowiadac̄*), *odwoławczy* (*odwołac̄*), *wywoławczy* (*wywołac̄*), *pojednawczy* (*pojednac̄*), *zjednawczy* (*zjednac̄*), *upominawczy* (*upominac̄*), *wykonawczy* (*wykonac̄*), *porównawczy* (*porównac̄*), *wyrównawczy* (*wyrównac̄*), *porozumiewawczy* (*porozumiewac̄ się*), *poszukiwawczy* (*poszukiwac̄*), *odszkodowawczy* (*odszkodowac̄*), *zachowawczy* (*zachowac̄*), *przechowawczy* (*przechowac̄*), *wychowawczy* (*wychowac̄*), *przystosowawczy* (*przystosowac̄*), *przygotowawczy* (*przygotowac̄*).

-č(y)

Суффикс представляет собой вторичный формант, возникший в результате слияния конечных согласных *k* и *s* производящей основы с нулевым суффиксом в продуктивных прилагательных типа *gospodarczy* (*gospodarka*), *jaskótczy* (*jaskółka*), *robotniczy* (*robotnik*), *czytelniczy* (*czytelnik*), *samczy* (*samiec*), *powstańczy* (*powstaniec*), *morderczy* (*morderca*), *sukienniczy* (*sukiennica*). В качестве самостоятельного суффикса *-č-* вычленяется в таких отсубстантивных дериватах, как *opiekuńczy* (*opiekun*), *wasalczy* (*wasal*), *dzierżawczy* (*dzierżawa*) и в отглагольных прилагательных: *zapalczy* (*zapalić*), *twórczy* (*tworzyć*), *poznawczy* (*poznać*). В ряде случаев прилагательные на *-czy* могут рассматриваться и как отглагольные дериваты с суф. *-č-*, и как отыменные дериваты с суф. *-ø₁-*: *twórczy* (*tworzyć* и *twórcza*), *sudo-twórzczy* (*tworzyć* и *sudo-twórca*). Ввиду малочисленности образований с суффиксом *-č-* трудно определить его морфонологические свойства; отметим лишь, что при конечном *-n* производящей основы наблюдается палатализация (*opiekun* — *opiekuńczy*), при конечном *ž* (*ř*) — диспалатализация (*tworzyć* — *twórczy*).

-eńk(i)

Суффикс присоединяется к основам прилагательных, в том числе и прилагательных с суффиксами *-utk(i)*, *-uś(i)*, причем конечное *-k* в основах, содержащих суффикс *-utk(i)*, усекается точно так же, как и исходное суффиксальное и квазисуффиксальное *-k* в других основах: *naguteńki* (*nagutki*), *cichuteńki* (*cichutki*), *kruchuteńki* (*kruchutki*), *suchuteńki*, *leciuteńki*, *króciuteńki*, *prościuteńki*, *puściuteńki*, *czyściuteńki*, *wszyciuteńki*, *plyciuteńki*, *samiuteńki*, *podobniuteńki*, *drobniuteńki*, *głodniuteńki*, *cieniuteńki*, *spokojniuteńki*, *wolniuteńki*, *pełniuteńki*, *ciemniuteńki*, *skromniuteńki*, *rodzoniuteńki*, *siwiuteńki*, *nowiuteńki*, *zdrowiuteńki*, *gotowiuteńki*, *rozowiuteńki*, *łatwiuteńki*, *wąziuteńki*, *bladziuteńki*, *gładziuteńki*, *młodziuteńki*, *śłodziuteńki*, *każdziuteńki*, *bliziuteńki*, *niziuteńki*, *caluteńki*, *bialuteńki*, *maluteńki*, *bieluteńki*, *goluteńki*, *wesoluteńki*, *swieżuteńki*. Многочисленность дериватов такого типа от вторичных адъективных основ, содержащих суф-

фикс *-utk(i)*, послужила причиной появления сложного суффикса *-uteńk(i)*, присоединяемого непосредственно к первичным адъективным основам, например, *mokrzuteńki* (*mokry* при отсутствии, но потенциальной возможности **mokrzutki*). Об этом сложном суффиксе специально см. ниже.

Дериваты от адъективных основ, содержащих адъективный суффикс *-uś(i)*: *leciusieńki* (*leciusi*), *drobniusieńki* (*drobniusi*), *cienusieńki* (*cieniusi*), *lekusieńki* (*lekusi*), *malusieńki* (*malusi*), *bielusieńki* (*bielusi*), *milusieńki* (*milusi*).

Дериваты от первичных адъективных основ: *stabeńki* (*staby*), *cicheńki* (*cichy*), *tłuscieńki* (*tłusty*), *kochanieńki* (*kochany*), *biednieńki* (*biedny*), *mizernieńki* (*mizerny*), *durnieńki* (*durny*), *chudzieńki* (*chudy*), *nizieńki* (*niski*, с усечением *-k*), *maleńki* (*mały*), *mileńki* (*miły*), *wesoleńki* (*wesoły*), *stareńki* (*stary*).

Морфонологическая характеристика суффикса *-eńk(i)* противоречива, ибо он может смягчать и не смягчать конечный согласный производящей основы: все производные от прилагательных, содержащих суф. *-utk(i)*, не имеют смягчения конечного *-t* (после усечения *-k*), в то время как образования от первичных адъективных основ с исходным *-t* имеют чередования $(s) t - (\acute{s}) \acute{c}$: *tłuscieńki* (*tłusty*), ср. *prościuteńki* (*prościutki*). Чередования отсутствуют также в *stabeńki*, *cicheńki*, *stareńki* (наряду со *starzeńki*), *szareńki*, *chytreńki*, а также, естественно, в дериватах от прилагательных на *-usi*: *drobniusieńki*. Смягчение согласного отмечено в дериватах с исходом производящей основы на *-n*: *biednieńki* (*biedny*) и на *-t*: *wesoleńki* (*wesoły*).

Материал приведен полностью.

-iĉn(y)

Суффикс *-iĉn(y)* — один из самых продуктивных в современном языке. Он оформляет прилагательные, восходящие к иноязычным (интернациональным) субстантивным основам: *dialogiczny* (*dialog*), *dyftoniczny* (*dyftong*), *sylabiczny* (*syłaba*), *telegraficzny* (*telegraf*), *demoniczny* (*demon*), *kanoniczny* (*kanon*), *balladyczny* (*ballada*), *sferyczny* (*sfera*), *alfabetyczny* (*alfabet*); производящие существительные с исходом на *-(i)ja* (графически *-ia*) утрачивают этот суффикс (или квазисуффикс): *ornitologiczny* (*ornitologia*), *fotograficzny* (*fotografia*), *filozoficzny* (*filozofia*), *analogiczny* (*analogia*), *patologiczny* (*patologia*), *chemiczny* (*chemia*), *filologiczny* (*filologia*), *ironiczny* (*ironia*), *kategoryczny* (*kategoria*), *symetryczny* (*symetria*) и т. д.

Морфонологическая характеристика суффикса: суффикс смягчает губные и сонорные (но не *r*) согласные в исходе производящей (полной или усеченной) основы и не смягчает переднеязычные *t*, *d*, *s*, *z* и заднеязычные.

Примеры чередований:

f ~ f': *telegraficzny* (*telegraf*); *m ~ m'*: *islamiczny* (*islam*), *panoramiczny* (*panorama*), *rytmiczny* (*rytm*); *v ~ v'*: *motywiczny* (*motyw*); *p ~ p'*: *tropiczny* (*trop*); *b ~ b'*: *syłabiczny* (*syłaba*); *n ~ n'*: *oceaniczny* (*ocean*), *wulkaniczny* (*wulkan*), *sataniczny* (*satana*), *sceniczny* (*scena*).

Примеры отсутствия чередований:

balladyczny (*ballada*), *metodyczny* (*metoda*), *epizodyczny* (*epizod*); *cylin-dryczny* (*cyłindr*), *sferyczny* (*sfera*), *satyryczny* (*satyra*), *malaryczny* (*malaria*), *motoryczny* (*motor*); *dramatyczny* (*dramat*), *klimatyczny* (*klimat*),

idiomatyyczny (idiom), sympatyczny (sympatia), alfabetyczny (alfabet); dyftongiczny (dyftong), neuralgiczny (neuralgia); oligarchiczny (oligarchia), monarchiczny (monarchia).

-in(y)

Суффикс притяжательных прилагательных: *babciny (babcia), matciny (matcia), ciociny (ciocia), mamin(y) (mama), żoniny (żona), babuniny (babunia), babusiny (babusia), tatusiny (tataś)*. Формы *żoniny, mamin(y)* с чередованием *n - Ń, m - m'* свидетельствуют о палатализирующем характере суффикса.

Материал приведен полностью.

-ist(y)

Присоединяется преимущественно к субстантивным основам. Отглагольные дериваты: *rozwalisty (rozwalać, rozwalić), spoisty (spoić), zawiesisty (zawiesić), obsadzisty (obsadzić ?), odsadzisty (odsadzić), osadzisty (osadzić), przysadzisty (przysadzić), rozsadzisty (rozsadzić), sierdzisty (sierdzić się), powłóczysty (powłóczyć), rozkraczysty (rozkraczyć się), zadzierzysty = zadzierzysty (zadzierać), potoczysty (potoczyć), rozmarzysty (rozmarzyć), przejrzysty (przejrzeć), prószysty (prószyć), miażdżysty (miażdżyć), zbieżysty (zbiec, zbieżeć się), sprężysty (sprężyć), lśnisty (lśnić), mżysty (mżyć), dwoisty (dwoić), troisty (troić)*; для ряда прилагательных с суффиксом *-ist(y)* производящими могут быть как глагольные, так и субстантивные (отглагольные) основы: *posuwisty (posuwać и posuw), poruwisty (poruwać и poruw), obrywisty (obryw и obrywać), wyrazisty (wyrazić и wyraz), spadzisty (spadać и spad), grzęzisty (grzęznąć, grąznąć и grąz), rozłożysty (rozłożyć się и rozłóg), roztozysty (roztoczyć и roztocz)*.

Образования от основ прилагательных: *wodnisty (wodny), błotnisty (błotny)*. Для *swoisty* производящей основой может служить как глагольная (устар. *swoić*), так и местоименная (*swój*).

В прилагательных *oczywisty, rzeczywisty, wiekuisty ist* исторически принадлежит корню; в современном языке они соотносятся лишь с существительными *oczu, rzecz, wiek*.

Суффикс относится к разряду палатализирующих и вызывает следующие чередования:

r - ż: parzysty (para), srebrzysty (srebro), jeziorzysty (jezioro), górzysty (góra); t - ł: skalisty (skała), strzelisty (strzała), szklisty (szkło), smolisty (smoła); n - ń: pienisty (piana), bagnisty (bagno), włóknisty (włókno), wetnisty (wetna), ziarnisty (ziarno); m - m': jamisty (jama), flegmisty (flegma), wydymisty (wydma); p - p': strzępisty (strzęp); b - b': osobisty (osoba), służbisty (służba); f - f' — примеров нет; v - v': barwisty (barwa), nervisty (nerw), narowisty (narów); t - ć: grzbiecisty (grzbiet), kwiecisty (kwiat), błocisty (błoto), złocisty (złoto); (z) d - (ż) ż: fatdzisty (fatda), gwiazdzisty (gwiazda), obsadzisty (obsada); s - ś: wąsisty (wąs), lesisty (las), mięsisty (mięso), rzęsisty (rzęsa), włosisty (włos); z - ż: żelazisty (żelazo), wąwozisty (wąwóz); c - ć: szerokopleczysty (plecy), kolczysty (kolec); ż - ? примеров нет; (s) k - (ś) ć: obłączysty (obłąk), soczysty (sok), siarczysty (siarka), piaszczysty (piasek); g - ż: śnieżysty (śnieg), smużysty (smuga); x - ś: mszysty (mech).

-it(y)

Суффикс *-it(y)* надежно может быть выделен лишь в двух отглагольных прилагательных: *należyty (należeć)*, *pieczołowity (pieczołować)* и, возможно, в отсубстантивном *znamienity* (к *zamię*). В остальных прилагательных с исходом на *-ity* можно говорить в настоящее время лишь о квазисуффиксе: *sowity (?)*, *obfity*, *znakomity*, *wyśmienity*, *przyzwoity*, *pospolity*, *rozmaity*.

-iv(y)

Непродуктивный суффикс, выступающий в отглагольных и отсубстантивных прилагательных. Оказывает палатализирующее действие на консонантный исход производящей основы.

Отглагольные дериваты:

chciwy (chcieć), *mściwy (mścić)*, *pieściwy (pieścić)*, *poczciwy* (устар. *poczcic*), *uczciwy (uczcić)*, *leniwy (lenić się)*, *godziwy (godzić)*, *zelżywy (zelżyć)*, *techciwy* и *techczywy (techtać; techt ?)*.

Отсубстантивные дериваты:

właściwy (устар. *właść*), *boleściwy (boleść)*, *treściwy (treść)*, *miłościwy (miłość)*, *litościwy (litość)*, *mgliwy (mgła)*, *ptaksiwy (ptaksa)*, *beksiwy (beksa)*, *urodziwy (uroda)*, *prawdziwy (prawda)*, *sędziwy (sędzia ?)*, *leciwy (lata)*, *robaczywy (robak)*, *łapczywy (łapka? łapać?)*, *natarczywy (natarcie, natarczka, natrzeć?)*, *uporczywy (uporek)*, *falszywy (fałsz)*, *parszywy (parch)*, *obelżywy (obelga)*.

Чередования: *t ~ l*, *s ~ ś*, *d ~ ź*, *t ~ ć*, *k ~ ć*, *x ~ ś*.

В *zapalczywy* (к *zapalać*) выделяется суф. *-ćivy*; вероятно, этот же суффикс следует усматривать и в *łapczywy* (к *łapać*), *natarczywy* (к *natrzeć*), *uporczywy* (к *uporać się*).

Материал приведен полностью.

-ivn(y)

Суффикс оформляет прилагательные, образованные от иноязычных (интернациональных) существительных: *intuitywny (intuicja)*, *efektywny (efekt)*, *ekspresywny (ekspresja)*. При этом у мотивирующих существительных на *-cja*, *-sja*, *-zja* усекается конечный *j*; у существительных на *-cja*, кроме того, происходит чередование *c ~ t*: *konstytucja — konstytutywny*, *konsultacja — konsultatywny*.

-k(i)

Суффикс присоединяется к глагольным основам: *brzydki (brzydzić)*, *klejki (kleić)*, *miątki (mleć)*, *cierpki (cierpnąć)*, *sypki (sypać)*, *lepki (lepić)*, *grząski (grząść)*, *giętki (giąć)*, прилагательное образовано от основы страд. прич. *gięty*), *rzutki (rzucić)*, *ważki (ważuć)*. Суффикс оказывает диспалатализирующее воздействие на конечный согласный глагольной основы: *l ~ t*, *ź ~ d*, *ć ~ t*, *p' ~ p*.

-liv(y)

Суффикс *-liv(y)* представлен в отглагольных и отсубстантивных образованиях:

1) *wątpliwy (wątpić)*, *wahliwy (wahać się)*, *wnikliwy (wnikać, wnikać)*, *tkliwy (tknąć)*, *ciągliwy (ciągnąć się)*, *rozciągliwy (rozciągnąć się)*, *gęgliwy (gęgać)*,

dolegliwy (dolec, dolegać), zapobiegliwy (zapobiec, zapobiegać), kąśliwy (kąsać), mrugliwy (mrugać), kłótniwy (kłócić), łączliwy (łączyć), tłoczliwy (tłoczyć), życliwy (żyć), podejrzliwy (podejrzewać), tłukiwy (tłuc się), sykliwy (sykać, syknąć), możliwy (móc), kurczliwy (kurczyć się), majaczliwy (majaczyć), straszliwy (straszyć), uciążliwy (устар. uciążzyć, uciążać);

- 2) *gwarliwy (gwar), strachliwy (strach), urokliwy (urok), wrzaskliwy (wrzask), troskliwy (troska), hałaśliwy (hałas), szczęśliwy (szczęście), złośliwy (złość), cnotliwy (cnota), psotliwy (psota), płaczliwy (płacz), tchórzliwy (tchórz), trwożliwy (trwoga), rozpaczliwy (rozpacz), barwliwy (barwa), potliwy (pot).*

Во многих случаях равно возможно предположение о субстантивной и глагольной производящей основе: *świergotliwy (świergot и świergotać), chichotliwy (chichot и chichotać), pamiętliwy (pamięć и pamiętać), piskliwy (pisk и piszczeć), straszliwy (strach и straszyć), płaczliwy (płacz и płakać), potliwy (pot и pocić się)* и др.

Морфонологическая характеристика суффикса осложняется возможностью различной словообразовательной трактовки производных. В самом деле, возведение *пłaczliwy* к глагольной основе *пłakać* предполагает чередование *k - ċ*, что противоречит таким образованиям, не имеющим чередований, как *tłukiwy (tłuc, tłukę), sykliwy (sykać), mrukliwy (mruczeć, mruknąć)*; возведение *piskliwy* к *piszczeć* предполагает чередование *ċ - k*, т. е. обратное тому, что в *пłaczliwy*. Более единообразная картина получается при трактовке обоих прилагательных как отсубстантивных: *pisk — piskliwy, płacz — płaczliwy* (т. е. отсутствие чередований), что согласуется с фактом наличия большого числа несомненных отсубстантивных образований типа *cnotliwy, szczęśliwy*. Но и это решение не устраняет всех морфонологических непоследовательностей, ибо бесспорные отглагольные дериваты с исходным *-g* в производящей основе представлены и с чередованием, и без него: *możliwy (móc, mogę)*, но *dolegliwy (dolec), ciągliwy (ciągnąć)*. В сфере отсубстантивных образований чередование отсутствует при конечном *-k, -x (urokliwy, strachliwy)*, но имеет место при конечном *-g: trwożliwy (trwoga?, trwożyć?)*. Последовательно представлена в отглагольных прилагательных с суффиксом *-liw(y)* диспалатализация *ć - t, ź - d: kłótniwy (kłócić się), krętniwy (kręcić się), chodliwy (chodzić), pobudliwy (pobudzić się)*. Палатализация типа *s - ś* и *z - ź* перед *-liw(y)* фонологически обусловлена и не имеет морфонологического значения (*hałaśliwy, kąśliwy, zgryźliwy*). Следует еще обратить внимание на то, что *ż (ř)* перед *-liw(y)* не испытывает диспалатализации: *burzliwy (burza), tchórzliwy (tchórz)*.

Таким образом, суффикс *-liw(y)* в большинстве случаев оказывает диспалатализирующее действие на конечный согласный производящей основы; в случае с конечным *ż (ř)* диспалатализация отсутствует, а конечное *g* подвергается палатализации: *g - ż*. Группы *śćl* упрощаются в *śl*: *złośliwy (złość), szczęśliwy (szczęście)*.

-n(y)

Адъективный суффикс *-n(y)*, присоединяемый к субстантивным и глагольным производящим основам, отличается сложной морфонологической характеристикой. Он может оказывать тройное воздействие на конечный согласный производящей основы: 1) вызывать палатализацию, 2) вызывать диспалатализацию и 3) не изменять конечный согласный основы. Выбор между указанными

тремя возможностями зависит от фонологических признаков конечного согласного производящей основы: согласные переднеязычные фрикативные *t, s, z* и заднеязычные *k, g, x* подвергаются палатализации и чередуются соответственно с *ł, ś, ź, ć, ż, ś*; в единичных случаях возможны также чередования *c - ć* и *z - ż*; согласные *ż(ř), ń, m', p', b', f', v', ć, ź* подвергаются диспалатализации и чередуются соответственно с *r, n, m, p, b, f, v, t, d*; остальные согласные, т. е. *j, l*, твердые губные и переднеязычные *p, b, f, v, t, d*, аффрикаты *c, z*, среднеязычные *ś, ź* и шипящие *ś, ź, ć* (в отдельных случаях также и *s*) перед суффиксом *-л-* не испытывают чередований, см. табл. 24.

Таблица 24

Модификация согласных перед суффиксом *-л-*

Палатализация	<i>t - ł, (s - ś), z - ź, k - ć, g - ż, x - ś, (c - ć), (z - ż)</i>
Диспалатализация	<i>ř (ż) - r, ń - n, m' - m, p' - p, b' - b, f' - f, v' - v, ć - t, ź - d</i>
Отсутствие изменения	<i>j, l, r, m, p, b, f, v, t, d, (c), (z), ś, ź, ć, ś, ź, (s)</i>

Примечание: в скобках заключены согласные, которые могут иметь и иной, чем указано в таблице, вид изменений.

Ниже приводится иллюстративный материал.

Палатализация: *t - ł: kościelny (kościół), piekielny (piekło), mgielny (mgła), pszczelny (pszczoła), silny (siła); s - ś: kwaśny (kwas), leśny (las), kapryśny (kaprys), głośny (głos), grymaśny (grymas), rośny (rosa)* при старом *rosny*; однако без палатализации: *mięsny (mięso)* при устаревшем *mięśny, wczesny (czas)* при старом *wcześnie; bezrzęśny (rzęsa), bezkresny (kres)*¹; *z - ź: groźny (groza; иначе при возведении прилагательного к глагольной основе — grozić), luźny (luz); k - ć: smaczny (smak), tabaczny (tabak), biblioteczny (biblioteka), skuteczny (skutek), wdzięczny (wdzięk), ręczny (ręka), logiczny (logika), roczny (rok), muzyczny (muzyka), polityczny (polityka), boczny (bok), mroczny (mrok), wieczny (wiek); g - ż: śnieżny (śnieg), brzeźny (brzeg), noźny (noga), droźny (droga), -bieźny (bieg-, bieć), dosięźny (dosięg-, dosiąc), trwoźny (trwoga); x - ś: straszny (strach), śmieszny (śmiech), grzeszny (grzech), uszny (ucho), słuszny (słuchać); c - ć: tysiączny (tysiąc), taneczny (taniec), konieczny (koniec), słoneczny (słońce), serdeczny (serce), miesięczny (miesiąc), maciczny (macica); однако без чередования: mocny (moc), nocny (noc), owocny (owoc), płuczny (płuca);*

¹ Особо следует сказать о прилагательных *radosny (radość)* при устар. *radośny, miłośny (miłość)* при устар. *miłośny, zazdrosny (zazdrość)* при устар. *zazdrośny, bezłitosny (łitość)* при старом *bezłitośny*, где мягкость *s* в производящей основе позиционна перед конечным *ć*, следовательно, производные типа *radosny* сохраняют в современном языке исконную морфонологическую твердость *s*, тогда как прежде в этих дериватах *s* подвергалась палатализации: *radośny*.

ż - ż: *pieniężny* (*pieniądz*), однако *nędzny* (*nędza*) без чередования; других примеров с конечным *ż* в производящей основе не обнаружено.

Диспалатализация: *ż*(*ř*) ~ *r*: *pancerny* (*pancerz*), *rycerny* (*rycerz*), *gospodarny* (*gospodarz*), *cementarny* (*cementarz*), *niezdarny* (*nie zdarzyć*; иначе при возведении к существительному *niezdara*); *ń* ~ *n*: *kamienny* (*kamień*), *jesienny* (*jesień*), *rdzenny* (*rdzeń*), *konny* (*koń*), *promienny* (*promień*), *skłonny* (*skłonić*), *ciepłochronny* (*chronić*), *imienny* (*imię*, *imienia*); *m'* ~ *m*: *ziemny* (*ziemia*), *nierozumny* (*nie rozumieć*); *p'* ~ *p*: *czepny* (*czepić*), *przylepny* (*przylepić*), *przestępny* (*przestąpić*), *kupny* (*kupić*); *b'* ~ *b*: *jedwabny* (*jedwab*, *jedwabiu*), *wgłębny* (*wgłębić*), *drobny* (*drobić*), *samolubny* (*lubić*), *chlubny* (*chlubić się*); *f'* ~ *f*: *trafny* (*trafić*); *v'* ~ *v*: *poprawny* (*poprawić*, *poprawiać*), *podstawny* (*podstawić*), *cerkiewny* (*cerkiew*, *cerkwi*), *krewny* (*krw*, *krwi*), *dziwny* (*dziwić*)²; *ć* ~ *t*: *chętny* (*chęć*), *dziwny* (*dzieci*), *pamiętny* (*pamięć*, иначе при соотнесении с глаголом *pamiętać*), *koszty* (*kość*), *korzystny* (*korzyść*), *niepowrotny* (*powrócić*), *zawistny* (*zawiść*), *pośmiertny* (*śmierć*), *przepastny* (*przepaść*), *przelotny* (*przelecieć*), *skretny* (*skręcić*); *ź* ~ *d*: *widny* (*widzieć*), *godny* (*godzić*), *pochodny* (*pochodzić*), *jezdny* (*jeździć*), *żyworodny* (*rodzić*), устар. *miedny* (*miedź*).

Отсутствие чередований й: основы на: *j* — *czujny* (*czuć*, основа *czuj-*), *szyjny* (*szyja*), *religijny* (*religia*), *derywacyjny* (*derywacja*); *r* — *chmurny* (*chmura*), простореч. *operny* (*opera*), *cholerny* (*cholera*), *karny* (*kara*), *bierny* (*brać*, *bier-/bior-*), *jędrny* (*jądro*), редк. *charakterny* (*charakter*); *l* — *mylny* (*mylić się*), *wolny* (*wola*), *polny* (*pole*), *niedzielny* (*niedziela*), *chmielny* (*chmiel*), *niezapalny* (*zapalić*); *m* — *nadbramny* (*brama*), *tłumny* (*tłum*), *szumny* (*szum*), *dymny* (*dym*), *zimny* (*zima*), *przyjemny* (*przyjąć*, *przyjmę*); *p* — *lipny* (*lipa*), *ropny* (*ropa*), *dowcipny* (*dowcip*); *b* — *grzybny* (*grzyb*), *ślubny* (*ślub*), *żałobny* (*żałoba*), *osobny* (*osoba*); *f* — *ufny* (*ufać*), устар. *cofny* (*cofać*); *v* — *mowny* (*mowa*), *stosowny* (*stosować*), *barwny* (*barwa*); *t* — *szlachetny* (*szlachta*), *trójkątny* (*kąt*), *kompletny* (*komplet*), *robotny* (*robot*), *potny* (*pot*), *psotny* (*psota*), *kopytny* (*kopyto*), *ustny* (*usta*), *listny* (*list*), *istotny* (*istota*); *d* — *gwiazdny* (*gwiazda*), *wodny* (*woda*), *swobodny* (*swoboda*), *modny* (*moda*), *kolędny* (*kolędy*), *dosadny* (*dosada*), *układny* (*układać*); *c* — *mocny* (*moc*), *nocny* (*noc*), *owocny* (*owoc*), *ptuczny* (*ptuca*); *ż* — *nędzny* (*nędza*); *ś* — *rozkoszny* (*rozkosz*), *matoduszny* (*dusza*); *ż* — *przedsprzedażny* (*sprzedaż*), *mężny* (*mąż*), *uprężny* (*uprząż*), *wielmożny* (*wielmoża*), *zależny* (*zależeć*); *ć* — *nieznaczný* (*znaczyć*), *tączny* (*tączyć*), *liczny* (*liczyć*), *tuczny* (*tuczyć*), *zdobyczny* (*zdobycz*); *ś* — *naośny* (*oś*), *kośny* (*kosić*), *nośny* (*nosić*), *odnośny* (*odnosić*); *ź* — *odgałęźny* (*gałąź*), *woźny* (*wozić*), *przewoźny* (*przewozić*); *s* — *mięśny* (*mięso*), *bezzęśny* (*rzęsa*), *bezkresny* (*kres*), однако см. выше чередование *s* ~ *ś*.

² Строго говоря, рассмотренные выше случаи диспалатализации мягких губных выходят за рамки морфонологии, поскольку мягкие губные фонологически недопустимы в положении перед согласным и на конце слова; они рассматриваются здесь условно и лишь потому, что другие палатальные (морфонологически мягкие) согласные претерпевают подобного рода изменения; отношение же мягких губных к категории неизменяемых согласных затемнило бы принцип разбиения всех согласных на три морфонологически различных класса.

Таким образом, принадлежность конечного согласного производящей основы к одному из выделенных (по фонологическому признаку) трех классов однозначно определяет характер его модификации перед суффиксом $-n(y)$, за исключением конечных s , c и z , которые могут испытывать палатализацию или оставаться без изменения, причем для s , видимо, более нормальной следует считать палатализацию, а для c и z — отсутствие изменений.

$-\acute{n}(i)$

Суффикс $-\acute{n}(i)$ в словообразовательном и морфологическом отношении идентичен суффиксу $-n(y)$, т. е. образует прилагательные от субстантивных и глагольных основ, однако прилагательные с этим суффиксом составляют замкнутую и сравнительно немногочисленную группу дериватов, принадлежность к которой не зависит, по-видимому, от каких-либо структурных и морфологических признаков производящих основ, а определяется традиционно — в частности, к ней относится группа прилагательных с пространственным и временным значением: *średni, przedni, poprzedni, uprzedni, zachodni, wschodni, spodni, wierzchni, sobotni, zmierzchni, bliźni, przedobiedni, pośledni, sąsiedni, przechodni, przychodni, przewodni, ostatni, -letni (stoletni)*, а также *odpowiedni*, устар. *przypowiedni, bezpośredni*, редк. *obrzedni*, редк. *przygodni, przyrodni, dodatni*, редк. *chatni, armatni, bratni*, устар. *kwietni, dożywotni, zbytni, żytni*. Некоторым из этих дериватов соответствуют параллельные и более употребительные образования с суффиксом $-n(y)$: *przygodny, chatny*.

$-obliw(y)$

Суффикс вычленяется в нескольких прилагательных: *frasobliwy (frasować, świętobliwy = świętobliwy (к świętować), chorobliwy (к chorować), żartobliwy (żart и żartować), szczodrobliwy (к szczodry)*. В глаголах на $-ować$ усекается $-ow$. Чередований нет.

$-onaln(y)$

Суффикс присоединяется к иноязычным субстантивным основам на $-cja$: *substancjonalny (substancja), funkcjonalny (funkcja), rezydencjonalny (rezydencja), potencjonalny (potencja), prowincjonalny (prowincja), emocjonalny (emocja), proporcjonalny (proporcja), konstytucjonalny (konstytucja)*. Чередований не вызывает.

$-ow(y)$

Один из наиболее продуктивных суффиксов, присоединяющийся к субстантивным основам любого типа и не вызывающий никаких модификаций конечного согласного:

kakaowy (kakaо), ideowy (idea), dębowy (dąb), osobowy (osoba), pałacowy (pałac), szkicowy (szkic), ogrodowy (ogród), ludowy (lud), szafowy (szafa), taryfowy (taryf), szeregowy (szereg), księgowy (księga), fachowy (fach), strzechowy (strzecha), gotębiowy (gotąb, gotębia), grabiowy (grabie), postaciowy (postać), pamięciowy (pamięć), premiowy (premia), zdaniowy (zdanie), tygodniowy (tydzień, tygodnia), karpіowy (karp, karpia), karasiowy (karaś), tatuśowy (tatuś), tułowiowy (tułów, tułowia), drzewiowy (drzewi), krawędziowy

(*krawędź*), *łodziowy* (*łódź*), *gałęziowy* (*gałąź*), *maziowy* (*maź*), *obyczajowy* (*obyczaj*), *kolacjowy* (*kolacja*), *gatunkowy* (*gatunek*), *językowy* (*język*), *lokalowy* (*lokal*), *celowy* (*cel*), *źródłowy* (*źródło*), *tytułowy* (*tytuł*), *kilogramowy* (*kilogram*), *zimowy* (*zima*), *godzinowy* (*godzina*), *ogonowy* (*ogon*), *sklepowy* (*sklep*), *lampowy* (*lampa*), *towarowy* (*towar*), *cyfrowy* (*cyfra*), *kwasowy* (*kwas*), *głosowy* (*głos*), *kwiatowy* (*kwiat*), *zeszytowy* (*zeszyt*), *państwowy* (*państwo*), *warstwowy* (*warstwa*), *żelazowy* (*żelazo*), *wyrazowy* (*wyraz*), *tęczowy* (*tęcza*), *deszczowy* (*deszcz*), *kukurydzowy* (*kukurydza*), *cmentarzowy* (*cmentarz*), *twarzowy* (*twarz*), *afiszowy* (*afisz*), *groszowy* (*grosz*), *witrażowy* (*witraż*), *nożowy* (*nóż*).

-ovat(y)

Присоединяется к субстантивным основам, не вызывая никаких модификаций конечного согласного основы: *grzybowaty* (*grzyb*), *gąsienicowaty* (*gąsienica*), *gniazdowaty* (*gniazdo*), *łodygowaty* (*łodyga*), *orzechowaty* (*orzech*), *gotębiowaty* (*gotąb*, *gotębia*), *liściowaty* (*liście*), *mumiowaty* (*mumia*), *świniowaty* (*świnia*), *gapiowaty* (*gapi*, *gapiów*), *łososiowaty* (*łosoś*), *żurawiowaty* (*żuraw*, *żurawia*), *niedźwiedziowaty* (*niedźwiedź*), *klejowaty* (*klej*), *torebkowaty* (*torebka*), *czaplrowaty* (*czapla*), *karłowaty* (*karzeł*), *taśmowaty* (*taśma*), *wronowaty* (*wrona*), *małpowaty* (*małpa*), *górowaty* (*góra*), *sfinkswowaty* (*sfinks*), *wariatowaty* (*wariat*), *pokrzywowaty* (*pokrzywa*), *mieczowaty* (*miecz*), *brzozowaty* (*brzoza*), *talerzowaty* (*talerz*), *myszowaty* (*mysz*), *łobuzowaty* (*łobuz*), *jeżowaty* (*jeż*). В нескольких случаях суффикс *-ovat(y)* оформляет адъективные дериваты от основ прилагательных: *grubowaty* (*gruby*), *ślepowaty* (*ślepy*), *głupowaty* (*głupi*), *durnowaty* (*durny*)³.

-ovit(y)

Суффикс *-ovit(y)* вычленяется в немногочисленных дериватах от адъективных и субстантивных основ; в нескольких случаях можно предполагать и глагольную производящую основу и соответственно — иной суффикс — *-it(y)*: *stabowity* (*staby*, *stabować* ?), *całkowity* (устар. *całki*), *niesamowity*, устар. *samowity* (*sam*), *chorowity* (*chory*, *chorować* ?), *pracowity* (*praca*, *pracować* ?), *jadowity* (*jad*), *rodowity* (*ród*), *smakowity* (*smak*, *smakować* ?), *jabłkowity* (*jabłko*), *granowity* (*grań*), *prawowity* (*prawo*, менее вероятно *prawy*). Форма *granowity* к *grań* указывает на диспалатализирующий характер суффикса.

Материал приведен полностью.

-own(y)

Суффикс вторичного происхождения: *-ov-* + *-n-*. Присоединяется к субстантивным основам, не изменяя последнего согласного производящей основы: *cudowny* (*cud*), *duchowny* (*duch*), *zyskowny* (*zysk*), *szykowny* (*szyk*), *sensowny* (*sens*), *taktowny* (*takt*), *efektowny* (*efekt*), *gwaltowny* (*gwalt*), *rentowny* (*renta*), *raptowny* (при *raptem*, *raptus*), *listowny* (*list*), *gustowny* (*gust*), *kunstowny* (*kunst*), *rzeczowny* (*rzecz*). В ряде случаев прилагательные на *-own(y)* могут

³ Винклер-Лещинская приводит только одну форму такого типа: *podługowaty* [Винклер-Лещинская 1964, 34].

пониматься и как отсубстантивные с суффиксом *-own(y)*, и как отглагольные с суффиксом *-n-*: *tadowny* (*tad* и *tadować*), *zbytkowny* (*zbytek* и *zbytkować*), *brakowny* (*brak* и *brakować*), *ryzykowny* (*ryzyko* и *ryzykować*), *smarowny* (*smar* и *smarować*), *sterowny* (*ster* и *sterować*), *interesowny* (*interes* и *interesować*), *gruntowny* (*grunt* и *gruntować*), *hartowny* (*hart* и *hartować*), *kosztowny* (*koszt* и *kosztować*). Для слов *powierzchny* и *warowny* нет непосредственно мотивирующих прилагательных или глаголов.

-ovsk(i)

Суффикс *-ovsk(i)* присоединяется к субстантивным основам, не вызывая никаких изменений консонантного исхода основы: *drużbowski* (*drużba*), *pajacowski* (*pajac*), *dziadowski* (*dziad*), *grafowski* (*graf*), *włoczęgowski* (*włóczęga*), *miechowski* (*miech*), *hrabiowski* (*hrabia*), *uczniowski* (*uczeń*), *kurpiowski* (*Kurp*, *Kurpia*), редк. *wsiowski* (*wieś*), *paziowski* (*paź*), *stryjowski* (*stryj*), редк. *potocznikowski* (*potocznik*), *członkowski* (*członek*), *konsulowski* (*konsul*), *szelmowski* (*szelma*), *synowski* (*syn*), *popowski* (*pop*), *szwagrowski* (*szwagier*), *biesowski* (*bies*), *klientowski* (*SJPD*, *klient*), *czartowski* (*czart*), арготизм *warszawowski* (*Warszawa*), *mickiewiczowski* (*Mickiewicz*), *widzowski* (*widz*), *markizowski* (*markiz*), *tchórzowski* (*tchórz*), *notariuszowski* (*notariusz*), *mężowski* (*mąż*).

Материал приведен полностью.

-sk(i)

С этим суффиксом образуются прилагательные от субстантивных основ.

Чередование я. Палатализация: *t ~ l*: *admiralski* (*admiral*), *diabelski* (*diabeł*), *sielski* (*sioto*), *sokolski* (*sokół*); *n ~ ń*: *chański* (*chan*), *atamański* (*ataman*), *żeński* (*żona*), *chiński* (*Chiny*), *drakoński* (*drakon*), *pioruński* (*piorun*), *młyński* (*młyn*). Диспалатализация: *ż (ř) ~ r*: *gospodarski* (*gospodarz*), *morski* (*morze*), *rycerski* (*rycerz*), *bibliotekarski* (*bibliotekarz*), *malarski* (*malarz*). Конечные *t*, *d* производящих основ в сочетании с *sk* дают *ck* (орфографически *ck* и *dzk*): *soldacki* (*sołdat*), *wariacki* (*wariat*), *szlachecki* (*szlachta*), *dyletancki* (*dyletant*), *studencki* (*student*), *sąsiedzki* (*sąsiad*), *ludzki* (*lud*), *wojewódzki* (*wojewoda*), *gromadzki* (*gromada*). Конечные *s*, *z* и *ś*, *ź* производящих основ перед *sk* усекаются: *eskimoski* (*Eskimos*), *pruski* (*Prusy*), *niebieski* (*niebiosa*), *niski* (*niz*), *francuski* (*Francuz*), *towarzyski* (*towarzysz*), *męski* (*mąż*), *paryski* (*Paryż*); это обстоятельство позволяет реконструировать в прилагательных *włoski*, *czeski* чередование *x ~ š* (*Włoch*, *Czech*) с последующим усечением *š* перед *sk*: {*vloχ + sk* → *vloš + sk* → *vlošk-*}, {*čex + sk* → *češ + sk* → *česk-*}. На этом же основании реконструируется чередование *g ~ ž* перед *sk*: *boski* ← *Bóg* {*bog + sk* → *bož + sk* → *bosk-*}, *norweski* ← *Norweg* {*norveg + sk* → *norvež + sk* → *norvesk-*}. Более сложный вопрос — модификация конечного *k* перед *sk*: *katolicki* (*katolik*), *prorocki* (*prorok*), *rybacki* (*rybak*), *cudacki* (*cudak*), *biedniacki* (*biedniak*), *grecki* (*Grek*). Теоретически здесь можно предположить как исходное *k*, так и его палатализованные варианты *č* и *c*, поскольку ни одно из возникающих в этих случаях сочетаний (*ksk*, *čsk*, *csk*) не допускается фонологическими нормами и не может не претерпеть упрощения. Однако более вероятным следует считать чередование *k ~ c* с последующим изменением *csk* → *ck* (аналогично *tsk* → *ck*), хотя че-

редование $g \sim \dot{z}$ как будто указывает на параллельное $k \sim \dot{c}$. В случае исходного s группа csk упрощается в ck : *tużycki* (*Łużyce*), *niemiecki* (*Niemiec*).

В остальных случаях конечные согласные производящих основ перед суффиксом *-sk-* выступают в неизменном виде: *rajski* (*raj*), *plebejski* (*plebej*), *złodziejski* (*złodziej*), *kowalski* (*kowal*), *właścicielski* (*właściciel*), *obywatelski* (*obywatel*), *carski* (*car*), *kelnerski* (*kelner*), *bohaterski* (*bohater*), *aktorski* (*aktor*), *profesorski* (*profesor*), *koński* (*koń*), *słowiański* (*Słowianin*), *mieszczkański* (*mieszczanin*), *damski* (*dama*), *chamski* (*cham*), *żandarmski* (*żandarm*), *rzymski* (*Rzym*)⁴, *chtopski* (*chtop*), *eskulapski* (*eskulap*), *kacapski* (*kacap*), *babski* (*baba*), *arabski* (*Arab*), *kaszubski* (*Kaszuby*), *warszawski* (*Warszawa*), *litewski* (*Litwa*). В *ziemski* (*ziemia*) автоматически устраняется мягкость губного, завершающего производящую основу. Примеров с другими конечными согласными производящей основы перед *-sk-* не найдено.

-us(i)

Суффикс присоединяется к адъективным основам: *leciusi* (*lekki*), *taniusi* (*tani*), *zgrabniusi* (*zgrabny*), *drobniusi* (*drobny*), *ładniusi* (*ładny*), *cieniusi* (*cienki*), *grzeczniusi* (*grzeczny*), *lekusi* (*lekki*), *malusi* (*mały*), *bielusi* (*biały*), *milusi* (*miły*). Суффиксальное и квазисуффиксальное *-k* в исходе производящей основы усекается: *leciusi*, *lekusi*, *cieniusi*. Суффикс вызывает палатализацию предшествующего согласного: $n \sim \acute{n}$, $t \sim l$, $k \sim \dot{c}$, однако k может и сохраняться без изменения: *lekusi* наряду с *leciusi* (ср. *lekutki* наряду с *leciutki*).

Материал приведен полностью.

-uśeńk(i)

Сложный суффикс *-uśeńk-* (*-uś-* + *-eńk-*) вычленяется в следующих прилагательных, образованных от адъективных основ:

nagusieńki (*nagi*), *cichusieńki* (*cichy*), *kruchusieńki* (*kruchy*), *suchusieńki* (*suchy*), *stábiusieńki* (*stáby*), *mięciusieńki* (*miękki*), *króciusieńki* (*krótki*), *prościusieńki* (*prosty*), *puściusieńki* (*pusty*), *czyściusieńki* (*czysty*), *tyciusieńki* (*tyci*), *pijaniusieńki* (*pijany*), *podobniusieńki* (*podobny*), *ładniusieńki* (*ładny*), *wolniusieńki* (*wolny*), *peťniusieńki* (*peťny*), *ciemniusieńki* (*ciemny*), *rodzoniusieńki* (*rodzony*), *czarniusieńki* (*czarny*), *równiusieńki* (*równy*), *próżniusieńki* (*próżny*), *głupiusieńki* (*głupi*), *jednakowiusieńki* (*jednakowy*), *nowiusieńki* (*nowy*), *zdrowiusieńki* (*zdrowy*), *młodziusieńki* (*młody*), *stodziusieńki* (*stodki*), *niziusieńki* (*niski*), *takusieńki* (*taki*), *golusieńki* (*goły*), *szczuplusieńki* (*szczupły*), простореч. *tylusieńki* (*tyli*), *świeżusieńki* (*świeży*).

Конечное суффиксальное или квазисуффиксальное *-k* производящих основ усекается: *króciusieńki* (*krótki*), *cieniusieńki* (*cienki*), *stodziusieńki* (*stodki*), *niziusieńki* (*niski*).

Чередования: $t \sim l$, $n \sim \acute{n}$, $b \sim b'$, $v \sim v'$, $t \sim \dot{c}$, $d \sim \dot{z}$, $z \sim \dot{z}$, $k \sim \dot{c}$, однако без чередования: *nagusieńki* (*nagi*), *cichusieńki* (*cichy*), *kruchusieńki* (*kruchy*), *suchusieńki* (*suchy*), *takusieńki* (*taki*).

Материал приведен полностью.

⁴ Чередования мягких губных с твердыми фонологически обусловлены следующим согласным.

-uśk(i)

Суффикс образует вторичные прилагательные от адъективных основ:

cichuśki (cichy), leciuuśki (lekki), złociuuśki (złoty), wszyściuuśki (wszystki), samiuśki (sam), drobniuuśki (drobny), ładniuuśki (ładny), cieniuuśki (cienki), wolniuuśki (wolny), pećniuuśki (pećny), równiuuśki (równy), nowiuuśki (nowy), gotowiuuśki (gotowy), łatwiuuśki (łatwy), bledziuuśki (blady), młodziuuśki (młody), słodziuuśki (słodki), kaździuuśki (kaźdy), niziuuśki (niski), takuuśki (taki), lekuśki (lekki), caluuśki (cały), maluuśki (mały), bieluśki (biały), miluuśki (miły), голуśki (goły), chytruśki (chytry).

Морфонологическая характеристика совпадает с характеристикой суффиксов *-uś(i)* и *-uśeńk(i)*.

Материал приведен полностью.

-utenk(i)

Сложный суффикс *-uteńk-* (*-utk-* + *-eńk-*) вычленяется в следующих прилагательных, образованных от адъективных основ: *nieruchomiuteńki (nieruchomy), pijaniuteńki (pijany), próźniuteńki (próżny), jednakowiuteńki (jednakowy), trzeźwiuteńki (trzeźwy), takuteńki (taki), mokrzuteńki (mokry)*. Морфонологическая характеристика суффикса совпадает с характеристикой суффикса *-utk(i)*.

Материал приведен полностью.

-utk(i)

С помощью этого суффикса образуются прилагательные исключительно от адъективных основ. В производящих основах конечное суффиксальное или квазисуффиксальное *-k* усекается: *leciutki (lekki), mięciutki (miękki), króciutki (krótki), wszyściutki (wszystek), płyciutki (płytki), cieniutki (cienki), wążciutki (wążski), gładziutki (gładki), rzadziutki (rzadki), prędziutki (prędki), słodziutki (słodki), bliżiutki (bliski), niziutki (niski), lekutki (lekki)*; исключения: *szybcciuti (szybki), niebieściutki (niebieski)*, сохраняющие *k* производящей основы.

В большинстве случаев суффикс оказывает палатализирующее действие на исходный согласный полной или усеченной производящей основы и вызывает следующие чередования:

r - ż примеров нет (без чередования: *starutki ← stary*); *t - l*: *calutki (cały), bialutki (biały), malutki (mały), bielutki (biały), kraglutki (kragły), okraglutki (okragły), milutki (miły), golutki (goły), wesolutki (wesoly), cieplutki (ciepły), szczuplutki (szczipły), wątlutki (wąty); n - ń*: *zgrabniutki (zgrabny), podobniutki (podobny), drobniutki (drobny), ładniutki (ładny), biedniutki (biedny), łagodniutki (łagodny), głodniutki (głodny), cieniutki (cienki), zieleniutki (zielony), pulchniutki (pulchny), siniutki (siny), spokojniutki (spokojny), pięćniutki (pięćny), wolniutki (wolny), pećniutki (pećny), ciemniutki (ciemny), skromniutki (skromny), zieloniutki (zielony), rodziutki (rodzony), marniutki (marny), czarniutki (czarny), mizerniutki (mizerny), pokorniutki (pokorny), ciasniutki (ciasny), jaśniutki (jasny), właśniutki (własny), delikatniutki (delikatny), prywatniutki (prywatny), błękitniutki (błękitny)*

ny), *sprytniutki* (*sprytny*), *zabawniutki* (*zabawny*), *pewniutki* (*pewny*), *naiwniutki* (*naiwny*), *równiutki* (*równy*), *grzeczniutki* (*grzeczny*), *śliczniutki* (*śliczny*), *ostrożniutki* (*ostrożny*), *próżniutki* (*próżny*); *m ~ m'*: *samiutki* (*sam*); *p ~ p'*: *skąpiutki* (*skąpy*); *b ~ b'*: *słabiutki* (*słaby*); *f ~ f'*: примеров нет; *v ~ v'*: *siwiutki* (*siwy*), *nowiutki* (*nowy*), *zdrowiutki* (*zdrowy*), *gotowiutki* (*gotowy*), *różowiutki* (*różowy*), *łatwiutki* (*łatwy*), *żywiutki* (*żywy*); *t ~ ć*: *zółciutki* (*zółty*), *złociutki* (*złoty*), *króciutki* (*krótki*), *prościutki* (*prosty*), *tłuściutki* (*tłusty*), *puściutki* (*pusty*), *czyściutki* (*czysty*), *wszyściutki* (*wszystek*), *plyciutki* (*plytki*); *d ~ ź*: *bladziutki* (*blady*), *gładziutki* (*gładki*), *rzadziutki* (*rzadki*), *bledziutki* (*blady*), *prędziutki* (*prędkie*), *młodziutki* (*młody*), *stodziutki* (*stodki*), *chudziutki* (*chudy*), *każdziutki* (*każdy*); *s ~ ś*: *tysiutki* (*tysy*), *kusiutki* (*kusy*); *z ~ ź*: *wąziutki* (*wąski*), *bliziutki* (*bliski*), *niziutki* (*niski*); *c ~ ?*, *ż ~ ?*: примеров нет; *k ~ ć*: *szybcutki* (*szybki*), *leciutki* (*lekki*), *mięciutki* (*miękki*), *niebieściutki* (*niebieski*), однако *lekutki* (*lekki*) без чередования; *g ~ ż*: *ubożutki* (*ubogi*), однако без чередования *nagutki* (*nagi*); основы на *-x* не имеют чередования: *cichutki* (*cichy*), *lichutki* (*lichy*), *kruchutki* (*kruchy*), *suchutki* (*suchy*). Нестандартная форма: *maciutki* (*mały*).

Производящие основы с исходом на остальные согласные не претерпевают изменений: *taniutki* (*tani*), *głupiutki* (*głupi*), *tyciutki* (*tyci*), *świeżutki* (*świeży*).

Материал приведен полностью.

-ухн(у)

С помощью этого суффикса образуются вторичные прилагательные от адъективных основ. Морфонологическая характеристика — та же, что у суффиксов *-utk(i)*, *-us(i)*, *-uteńk(i)*, *-uśeńk(i)*, *-ušk(i)*, т. е. усечение суффиксального и квазисуффиксального *-k*- и палатализация согласных в исходе производящей основы.

Ч е р е д о в а н и я :

t ~ l: *bialuchny* (*biały*), *maluchny* (*mały*), *bieluchny* (*biały*), *okrągłuchny* (*okrągły*), *miluchny* (*miły*), *wesoluchny* (*wesoły*), *ciepluchny* (*ciepły*), *szczupłuchny* (*szczupły*); *n ~ ń*: *zgrabniuchny* (*zgrabny*), *drobniuchny* (*drobny*), *ładniuchny* (*ładny*), *biedniuchny* (*biedny*), *cieniuchny* (*cienki* с усечением *-k*-), *rumieniuchny* (*rumiany*), *zieleniuchny* (*zielony*), *siniuchny* (*sinie*), *fajniuchny* (*fajny*), *wolniuchny* (*wolny*), *pełniuchny* (*pełny*), *skromniuchny* (*skromny*), *niewinniuchny* (*niewinny*), *zieleniuchny* (*zielony*), *pokorniuchny* (*pokorny*), *uporniuchny* (*uporny*), *ciasniuchny* (*ciasny*), *delikatniuchny* (*delikatny*), *równiuchny* (*rowny*), *śliczniuchny* (*śliczny*), *próżniuchny* (*próżny*); *m ~ m'*: *samiuchny* (*sam*); *b ~ b'*: *słabiuchny* (*słaby*); *p ~ p'*, *f ~ f'*: примеров нет; *v ~ v'*: *siwiuchny* (*siwy*), *nowiuchny* (*nowy*), *różowiuchny* (*różowy*), *łatwiuchny* (*łatwy*), *żywiuchny* (*żywy*); *t ~ ć*: *zółciuchny* (*zółty*), *złociuchny* (*złoty*), *króciuchny* (*krótki* с усечением *-k*-), *tłuściuchny* (*tłusty*), *czyściuchny* (*czysty*), *wszyściuchny* (*wszystek* с усечением *-k*-); *d ~ ź*: *rzadziuchny* (*rzadki* с усечением *-k*-), *bledziuchny* (*blady*), *prędziuchny* (*prędkie* с усечением *-k*-), *młodziuchny* (*młody*), *stodziuchny* (*stodki* с усечением *-k*-), *każdziuchny* (*każdy*); *s ~ ś*: примеров нет; *z ~ ź*: *niziuchny* (*niski* с усечением *-k*-); *c ~ ?*: примеров нет; *k ~ ć*: *leciuchny* (*lekki* с усечением *-k*-), *mięciuchny* (*miękki* с усечением *-k*-), *niebieściuchny* (*niebieski*); *g ~ ż*: *ubożuchny* (*ubogi*).

Таблица 25

Суффикс прилагат.	Тип производящей основы	Морфонологические модификации основы	
		Стандартные	Нестандартные
-Ø ₁ -	S	C - C'	t - c, t - ć, z - ź, ś - ś, ć - c, k - ś, x - ś
-Ø ₂ -	A + S		
-aln-	Vb S		
-an ₁ -	Vb	l a, a j, e, e j	
-an ₂ -	S	C - C'	z - ź
-at ₁ -	S (Vb)	l a	
-at ₂ -	S	C - C'	s - x
-ast-	S	C - C'	c - ć
-av-	A S Vb	r - ż, p' - p	
-avč-	S	l a	
-č-	S Vb	n - Ń, ż(ř) - r	
-eńk-	A	l k	
-ień-	S	l j, n - Ń, P - P'	
-in-	S	n - Ń	
-ist-	S Vb	C - C'	c - ć
-it-	Vb S	C - C' (?)	
-iv-	Vb S	C - C'	
-ivn-	S	l j	t - c
-k-	Vb	C' - C	
-liw-	Vb A	g - ż, T' - T	
-n-	S Vb	C - C' (t, s, z, k, g, x - l, ś, ź, ć, ż, ś) C' - C (ż(ř), Ń, P', T' - r, n, P, T)	c - ć, z - ź
-ń-	S Vb		(z - z')
-obliw-	Vb S A		
-onaln-	S		
-ov-	S Vb A		
-ovat-	S		
-ovit-	A S Vb	ń - n	
-ovn-	S		
-ovsk-	S		
-sk-	S	l s, z, ś, ź, t - l, n - Ń, r - ż	
-uś-	A	l k, t - l, n - Ń	k - ć
-uśeńk-	A	l k, tn - lń, P - P', T - T', S - S'	k - ć
-uśk-	A	l k, tn - lń, P - P', T - T', S - S'	k - ć
-uteńk-	A	l k, n - Ń, P - P', r - ż	k - ć
-uth-	A	l k, tn - lń, P - P', T - T', S - S'	k - ć
-uxn-	A	l k, C - C'	k - ć

Отсутствие чередования: *taniuchny* (*tani*), *głupiuchny* (*głupi*), *lekuchny* (*lekki* с усечением *-k-*), *lekkuchny* (*lekki* без усечения), *szaruchny* (*szary*), *świeżuchny* (*świeży*).

Материал приведен полностью.

В таблице 25 для каждого адъективного суффикса указывается тип производящих основ (S — субстантивные, А — адъективные и Vb — глагольные) и перечень вызываемых данным суффиксом морфонологических модификаций производящей основы (после знака | приводятся усекаемые элементы производящей основы).

5.4. Морфонология наречных суффиксальных образований

Основную массу наречий в польском языке составляют суффиксальные дериваты от основ прилагательных с суффиксами *-o* и *-e*⁵. Вопрос о правилах выбора одного из этих суффиксов неоднократно обсуждался в польской лингвистической литературе. В 1957 г. В. Смахом было высказано утверждение о том, что выбор между суффиксами *-o* и *-e* определяется не характером конечного согласного производящей основы, а прежде всего типом адъективного суффикса, причем между гласным суффиксом производящей основы и наречным суффиксом соблюдается гармоническое соответствие (т. е. при суффиксе, содержащем передний гласный, выбирается наречный суффикс *-e*, а при суффиксе с непредним гласным — наречный суффикс *-o*). Случаи отклонения от этого принципа объясняются, по В. Смаху, стремлением избежать омонимии наречий со словоформами прилагательных или причастий [Смах 1957].

Действительно, в современном польском языке прилагательные с суффиксами *-av-*, *-at-*, *-ast-*, *-ov-*, *-ovat-*, *-uxn-*, как правило, образуют наречия на *-o*, а прилагательные с суффиксами *-n-* (← **bnǫ*), *-it-*, *-ist-*, *-iv-*, *-iǫn-* — преимущественно наречия на *-e*. Вместе с тем множество наречий, в частности образованных от прилагательных с суффиксами *-sk-* (← **bsk*), *-k-* (← **bk*), *-eńk-*, *-ovn-*, *-an-*, *-on-*, *-aln-*, противоречит принципу сингармонизма. В обстоятельной монографии В. Цырана, посвященной наречиям [Цыран 1967] и интерпретирующей историю формирования наречий в польском языке в духе концепции В. Смахы, все отклонения такого рода объясняются распадением с омонимичными формами прилагательных или аналогией к другим, продуктивным типам наречий.

Уже само количество исключений, требующих объяснения через аналогию, свидетельствует, как кажется, о чрезмерной категоричности правила. Если же обратить внимание на то, что основная масса исключений касается адъективных основ с исходом на *-k* (суффиксы *-sk-*, *-k-*, *-eńk-* и др.) и адъективных основ с палатальным конечным согласным (в том числе и с суффиксом **ьль*), которые в современном языке вопреки правилу сингармонизма абсолютно регулярно образуют наречия на *-o*, то придется признать, что по крайней мере в

⁵ Далеко не от каждого прилагательного могут быть образованы наречия. Ограничения, существующие в этом отношении, связаны прежде всего с семантикой прилагательных. Известно, что наречия образуются прежде всего от качественных прилагательных или от относительных прилагательных, употребляемых в значении качественных. Подробнее см. [Гжегорчикова 1974, 180–184].

этих двух случаях выбор наречного суффикса определяется характером конечного согласного производящей основы и не обнаруживает прямой зависимости от вида суффикса. С другой стороны, после работ В. Смеха и В. Цырана невозможно полностью исключать фактор словообразовательной структуры производящей адъективной основы и формулировать правила выбора наречного суффикса как чисто фонетическую зависимость от качества конечного согласного основы⁶. Поэтому кажется вполне оправданным стремление к разумному сочетанию этих двух принципов, которое мы находим в работах Г. Врубеля и Р. Гжегорчиковой [Врубель 1969; Гжегорчикова 1974].

Книга Г. Врубеля, хотя она посвящена наречиям в лужицких языках, содержит ценное синхронное описание польских наречий на *-o*, *-e*, образованных от прилагательных. Автор справедливо возражает против идеи сингармонизма, поскольку, во-первых, этот принцип вообще не характерен для польской морфонологии, а, во-вторых, ему противоречит слишком большое число фактов. Кроме того, Г. Врубель убедительно показал, что стремление избежать омонимии наречий с формами прилагательных не может быть принято как объяснение тех наречных форм на *-o*, где по принципу сингармонизма следовало бы ожидать суффикса *-e*, поскольку наречный суффикс *-e* и флексия *-e* прилагательных не тождественны в морфонологическом отношении, ибо суффикс *-e* регулярно вызывает палатализацию предшествующего согласного основы, тогда как флексия *-e* не оказывает такого действия.

На основании упомянутых выше исследований, посвященных польским наречиям, и анализа суффиксальных наречий, содержащихся в SJPД, правила распределения суффиксов *-o* и *-e* можно сформулировать следующим образом. Выбор между этими суффиксами зависит 1) от качества конечного согласного производящей основы и 2) от вида адъективного суффикса. По первому признаку, т. е. по качеству конечного согласного, выделяются наречия, образованные от прилагательных с морфонологически мягким исходом основы (т. е. с основой на мягкий или *c, ʒ, ś, ź, ć, ś, ź, ć, ź*), и наречия, образованные от прилагательных с исходом на заднеязычный *k, g, x, h*. Все наречия этого типа независимо от словообразовательной структуры производящей основы имеют суффикс *-o*: *tani — tanio, głupi — głupio, ostatni — ostatnio, stojący — stojąco, obcy — obco, kobiecy — kobieco, szczeniacy — szczeniaco, badawczy — badawczo, cudzy — cudzo, pieszy — pieszo, duży — dużo, świeży — świeżo, lilipuci — lilipucio, lisi — lisio, niedźwiedzi — niedźwiedzio; rzadki — rzadko, prędkie — prędko, raniusieńki — raniusieńko, koleżeński — koleżeńsko, ubogi — ubogo, drogi — drogo, srogi — srogo, cichy — cicho, lichy — lichy, błahy — błaho* (исключения: *wielki — wielce, daleki — dalece, wysoki — wysoce*, а также устаревшие *gładce, głąboce, szeroce*).

Второй признак, т. е. словообразовательная структура производящей основы, определяет выбор наречного суффикса во всех остальных случаях, т. е. при образовании наречий от прилагательных с твердым согласным (кроме заднеязычного) в исходе основы. При этом суффикс *-o* характерен для наречий, образованных 1) от бессуффиксальных прилагательных или прилагательных с нулевым

⁶ Примером такого подхода может служить соответствующий раздел книги [Токарский 1973, 149–150].

суффиксом: *maty — mało, skory — skoro, stony — stono, niemy — niemo, śliepy — śliepo, gruby — grubo, pusty — pusto, twardy — twardo, tysy — tyso*; 2) от прилагательных с суффиксами *-ov*⁷, *-av*⁸, *-ovat-*, *-at-*, *-ast*⁹: *jednakowy — jednako-wo, zmysłowy — zmysłowo, chłodnawy — chłodnawo, ciemnawy — ciemnawo, tchórzowaty — tchórzowato, węzłowaty — węzłowato, garbaty — garbato, pękaty — pękato, grzebieniasty — grzebieniasto, groniasty — groniasto*; 3) от вторичных прилагательных с суффиксом *-uchn-*: *cichuchno, leciuchno, raniuchno, króciuchno, skromniuchno, maluchno, ciepłuchno, świeżuchno, bieluchno, wolniuchno*.

Во всех остальных случаях нормой являются наречные дериваты с суффиксом *-e*, вместе с тем наречия на *-o* здесь возможны либо как параллельные образования¹⁰, либо как единственные формы лексикализованного характера. Имеются в виду наречия, образованные от прилагательных со следующими суффиксами:

- n-*: *podobny — podobnie, obecny — obecnie, cudny — cudnie, zwyczajny — zwyczajnie* и т. д. Однако целый ряд прилагательных с суффиксом *-n-* вопреки этому правилу образует наречия на *-o* или наречия с обоими суффиксами: *drobno, osobno, mocno, widno, głodno* (и редк. *głodnie*), *chłodno* (устар. *chłodnie*), *nudno* (и *nudnie*), *brudno, trudno* (устар. *trudnie*), *fajno* (и *fajnie*), *olejno* (устар. *olejnie*), *kolejno* (устар. *kolejnie*), *piękno* (и *pięknie*), *pilno* (и *pilnie*), *ciemno, zimno, szumno* (редко, при обычном *szumnie*), *czarno, srebrno* (и *srebrnie*), *chmurno* (и *chmurnie*), *ciasno, jasno* (устар. *jaśnie*), *kwaśno, głośno* (устар. *głośnie*, ср. *rozgłośnie, bezgłośnie*), *rośno* (редко, при норм. *rośnie*), *błękitno* (и *błękitnie*), *wilgotno* (и *wilgotnie*), *smutno* (и *smutnie*), *dawno* (устар. *dawnie*), *pewno* (и *pewnie*), *dziwno* (устар., при норм. *dziwnie*), *równo* (и *równie*), *szywno* (устар. *szywnie*), *ślیمaczno, mroczno* (и *mrocznie*), *pieprzno* (и *pieprznie*), *wietrzno* (и *wietrznie*), *duszno* (устар. *dusznie*), *groźno* (и *groźnie*), *mroźno* (и *mroźnie*), *późno, próżno* (устар. *próżnie*), *śnieżno* (и *śnieżnie*), *luźno* (и *luźnie*), *tęskno* (и *tęsknie*), *straszno* (и *strasznie*), *skoczno* (и *skocznie*), *tłoczno* (и *tłocznie*), *śpieszno = spieszno* (редко, при норм. *śpiesznie = spiesznie*), *rażno* (и *rażnie*).
- an-*: *zdecydowany — zdecydowanie, podejrzany — podejrzanie*; однако исключения: *wiośniany — wiośniано, różany — różано, rumiany — rumiano*.
- on-*: *szalony — szalenie, nieustraszony — nieustraszenie*, однако: *zmęczony — редк. zmęczono, zamglony — zamglono, osmolony — osmolono*, а также *czzerwono, zielono*.
- aln-*: *globalny — globalnie, terytorialny — terytorialnie, leksykalny — leksykalnie*.
- iĉn-*: *specyficzny — specyficznie, energiczny — energicznie*.
- ovn-*: *cudowny — cudownie, taktowny — taktownie, gustowny — gustownie*.

⁷ Дериваты с суффиксом *-e* от таких прилагательных относятся к архаизмам: *przypadkowie, naukowicie* и т. п. при современном *przypadkowo, naukowo*.

⁸ Однако: *taskawie, łzawie* (редко, при нормальном *łzawo*), *ciekawie, plugawie* (редко, при нормальном *plugawo*).

⁹ Исключение: *bufiaście* (наряду с *bufiasto*).

¹⁰ При наличии параллельных образований с суффиксами *-o* и *-e* нередко наблюдается их семантическое и/или синтаксическое разграничение: *pilno* и *pilnie, równo* и *równie, straszno* и *strasznie* и т. п.

-iv- (-liv-, -obliv-): *uczciwy — uczciwie, żartobliwy — żartobliwie, szkodliwy — szkodliwie, wątpliwy — wątpliwie, bojaźliwy — bojaźliwie, możliwy — możliwie.*

Исключения: *ekliwo* (и *ekliwie*), *tkliwo* (чаще *tkliwie*), *leniwo* (и *leniwie*).

-t-: *skryty — skrycie, otwarty — otwarcie, zwarty — zwarcie* (и *zwarto*).

-it-: *znakomity — znakomicie, rozmaity — rozmaicie*, ср. *obfity — obficie*.

-ist-: *osobisty — osobiście, dwoisty — dwoiście, narowisty — narowiście, oczywisty — oczywiście, wyrazisty — wyraziście*. Однако многие прилагательные с этим суффиксом имеют параллельные наречные дериваты с -o и -e: *jedwabisty — jedwabisto* и *jedwabiście*, *kwiecisty — kwiecisto* и *kwieciście*, *falisty — falisto* и *faliście*, *mglisty — mglisto* и *mgliście*, *szklisty — szklisto* и *szkliście*, *cienisty — cienisto* и *cieniście*, *promienisty — promienisto* и *promieniście*, *ognisty — ognisto* и *ogniście*, *spadzisty — spadzisto* и *spadziście*, *fatdzisty — fatdzisto* и *fatdziście*, *gwiazdzisty — gwiazdzisto* и *gwiazdziście*, *soczysty — soczysto* и *soczyście*, *potoczysty — potoczysto* и *potoczyście*, *barczysty — barczysto* и *barczyście*, *parzysty — parzysto* и *parzyście*, *srebrzysty — srebrzysto* и *srebrzyście*, *przejrzysty — przejrzysto* и *przejrzyście*, *puszysty — puszysto* и *puszyście*, *dżdżysty — dżdżysto* и *dżdżyście*, *rozłożysty — rozłożysto* и *rozłożyście*, *kleisty — kleisto* и *kleiście*, *złocisty — złocisto* и *złociście*. Следующие наречия имеют только формы на -o: *przepaścisto, ziemisto, płomienisto* (редк.), *korzenisto, kłosiso, urwisto, gałęzisto, kraczysto, karczysto, piaszczysto, konarzysto, górzysto, zbieżysto, śnieżysto*.

Прилагательные, оканчивающиеся на -*ry*, -*ły*, образуют наречия с обоими суффиксами:

stary — staro, szary — szaro, modry — modro, mokry — mokro, przykry — przykro, chory — choro, skory — skoro, spory — sporo, ostry — ostro, pstry — pstro, ponury — ponuro, bystry — bystro (и устар. *bystrze*), но *dobry — dobrze, mądry — mądrze, szczodry — szczodrze, szczery — szczerze, chytry — chytrze* (устар. *chytro*); *cały — cało, biały — biało, śmiały — śmiało, mały — mało, obły — obło, mdły — mdło, okrągły — okrągło, rychły — rychło, miły — miło, wesoly — wesolo, ciepły — ciepło, wątkły — wątko* (и реже *wątkle*), но: *nagły — nagle, ciągły — ciągle* (и *ciągło*), *biegły — biegle, oschły — oschle, wściekły — wściekle, zwykły — zwykle, wypukły — wypukło* (и *wypukle*), *czuły — czule, zły — źle, zwięzły — zwięźle, podły — podle, ściśły — ściśle, zajadły — zajadle*.

Прилагательные с суффиксом -*ał-* регулярно образуют наречия на -e:

wspaniały — wspaniale, rozumiały — rozumiale, dbały — dbale, poufały — poufale, doskonały — doskonale, trwały — trwale, dojrzały — dojrzałe.

В морфологическом отношении суффикс -o как несмягчающий противопоставлен суффиксу -e как смягчающему. Чередования перед -e:

r ~ ż: szczery — szczerze, chytry — chytrze; t ~ l: zły — źle, wściekły — wściekle; n ~ Ń: cudowny — cudownie, obecny — obecnie; m ~ m': uprzejmy — uprzejmie; p ~ p': примеров с суффиксом -e нет; f ~ f': примеров нет; v ~ v': możliwy — możliwie; (s) t ~ (ś) ć: osobisty — osobiście; d ~ ż: примеров нет; k ~ c: архаизмы wysoki — wysoce, wielki — wielce, daleki — dalece.

5.5. Степени сравнения наречий

Многие наречия в польском языке вообще не имеют форм сравнительной и превосходной степени, что определяется в первую очередь особенностями их семантики. Если же значение наречия в принципе допускает градацию степени признака, то эта градация может быть передана как синтетическим, так и аналитическим способом. Аналитические формы характерны для наречий, образованных от относительных прилагательных и адъективированных причастий. Существует, однако, целый ряд наречий, образованных от качественных прилагательных, которые также имеют только аналитические формы степеней сравнения, например: *dziko, chybko, gibko, giętko, gorzko, gromko, grzasko, lepko, miatko, mokro, płasko, szorstko, ślisko, wrogo*. Отсутствие синтетических форм у таких прилагательных может, вероятно, в ряде случаев объясняться морфонологическими причинами¹¹, но этот вопрос требует специального изучения, чему препятствует недостаток и в какой-то степени случайность сведений о сравнительных и превосходных формах наречий в SJPD.

Синтетические формы сравнительной и превосходной степени образуются с помощью суффикса *-ej*: *grubo — grubiej, najgrubiej, twardo — twardziej, najtwardziej, ostro — ostrzej, najostrzej, cudownie — cudowniej, najcudowniej*.

Суффикс *-ej* вызывает палатализацию предшествующего согласного.

Чере до ва н и я:

r ~ ż: *przykro — przykrzej, staro — starzej; t ~ l*: *ciepło — cieplej, biało — bielej; n ~ ń*: *trudno — trudniej, drobno — drobniej; m ~ m'*: *stromo — stro-miej (?)*; *p ~ p'*: *tępo — tępiej, skąpo — skąpiej; f ~ f'*: примеров нет; *v ~ v'*: *krzywo — krzywiej; t ~ ć*: *gęsto — gęściej, pusto — puściej; d ~ ź*: *twardo — twardziej, młodo — młodziej; ż ~ ź*: *bardzo — bardziej; g ~ ż*: *tęgo — tężej, drogo — drożej, długo — dłużej, srogo — srożej*¹²; *x ~ ś*: *cicho — ciszej, sucho — suszej*¹³.

Специального внимания заслуживают сравнительные формы от наречий на *-ko*, составляющие немногочисленную, но в морфонологическом отношении весьма разнородную группу. SJPD приводит сравнительные формы лишь для следующих наречий этого типа: *blisko — bliżej, brzydko — brzydziej, cienko — cieniej, ciężko — ciężej, daleko — dalej, gładko — gładziej, głęboko — głębiej, krzepko* (редк.) *— krzepczej, krótko — krócej, lekko — lżej, miętko — miękcej, nisko — niżej, płytko — płycej, prędko — prędszej, rzadko — rzadziej, słodko — słodziej, szybko — szybciej, szeroko — szerzej, wąsko — wężej, wysoko — wyzej*. Не приводится никаких указаний о наличии или отсутствии сравнительных форм у наречий: *chybko, cierpko, dziko, gibko, giętko, gorzko, gromko, grzasko, kiepsko, lepko, miatko, płasko, sypko, szorstko, ślisko, wartko, ważko*, у наречий на *-cko* типа *tajdacko, cudacko, wariacko, kupiecko*, у наречий на *-eńko* (*-usieńko, -uteńko*) ти-

¹¹ С этим предположением, по-видимому, согласуется тот факт, что аналитические формы степеней сравнения, как правило, имеют наречия, образованные от прилагательных, для которых также характерны аналитические формы степеней сравнения, см. [SPP, 729].

¹² Для наречий *nago, błogo, ubogo, wrogo* в SJPD сравнительные формы не приводятся.

¹³ Для *licho, głucho, płocho, krucho* в SJPD сравнительные формы не приводятся.

па *małeńko*, *cichusieńko*, *niziuteńko*. Зафиксированные словарем синтетические формы сравнительной степени наречий на *-ko* отражают три способа их образования: 1) чередование *k - c*: тип *miętko — miękcej*; так же могут быть интерпретированы формы *płytko — płycej*, *krótko — krócej* с чередованием *k - c* и последующим упрощением *tc → c* (*płytko → płytcej → płycej*; *krótko → *krótcej → krócej*) и, вероятно, форма *prędzej* с чередованием *k - c*, прогрессивной ассимиляцией *dc → dz* и упрощением *dz → z* (*prędko → *prędcej → prędzej*); 2) чередование *k - ó*: *krzepko — krzepciej*, *szybko — szybciej* (обратим внимание на то, что в обоих случаях перед *k* стоит губной согласный); 3) усечение конечных *-k*, *-ek*, *-ok* и палатализация предшествующего согласного: *d - ź* (*brzydko — brzydziej*, *gładko — gładziej*, *rzadko — rzadziej*, *śladko — śladziej*), *n - ń* (*cienko — cieniej*), *z - ź* (*wąsko — wężiej*, т. е. {*wąż-ko + ej → wąż + ej → wężiej*}), *b - b'* (*głęboko — głębiej*), *r - ż* (*szeroko — szerzej*), *g - ż* (*lekko — lżej*, т. е. {*leg-ko + ej → leg + ej → lżej*}). В формах *niżej*, *bliżej* представлено чередование *z ~ ż* {*niz-k-o + ej → niz + ej → niżej*; *bliz-k-o + ej → bliz + ej → bliżej*}; в *wyżej* — аномальное чередование *s ~ ż* {*wys-ok-o + ej → wys + ej → wyżej*}; *ciężko — ciężej* и *daleko — dalej* не имеют чередований. Такое состояние является продуктом сложного исторического развития наречий данного типа, подробно рассмотренного в монографии В. Цырана [1967]¹⁴.

¹⁴ См. [Цыран 1967, 145–149]; см. также специальную статью [Смех 1962, 139–140]. Приводимые в этой статье сравнительные формы *gibciej*, *kierpciej*, *miękciej*, *miaczej*, *lekziej* в SJPД не зафиксированы.

Глава 6

Морфонологические модели словообразования в сопоставлении с моделями словоизменения

6.1. Особенности словообразовательной морфонологии

Уже говорилось о том, что морфонология словоизменения и морфонология словообразования представляют собой относительно автономные системы, хотя они являются продуктом одних и тех же исторических процессов фонологических изменений. Прежде всего не тождественны инвентари морфонологических средств в словоизменении и словообразовании. Так, например, консонантные чередования так называемого диспалатализационного типа характерны лишь для словообразовательных моделей и не встречаются в словоизменятельных парадигмах (если не считать лексически ограниченного чередования $\acute{n} \rightarrow n$ в существительных типа *suknia* — *sukien* и фонологически обусловленного отвердения губных на конце слова: *gotębia* — *gotąb*). Общие для словоизменения и словообразования модели и средства могут играть неодинаковую роль в этих системах. Так, в словообразовании шире, чем в словоизменении, используются линейные преобразования основ (усечения). Словообразование располагает более разнообразными средствами морфемного варьирования, чем словоизменение, но в то же время словообразовательные морфонологические модели отличаются меньшей регулярностью и меньшей лексической мощностью. По сравнению с достаточно жесткими морфонологическими правилами словоизменятельных парадигм, морфемное варьирование в словообразовании носит менее обязательный характер, т. е. нередко допускает значительное число отклонений от стандартной морфонологической модели (например, *mtyn* — *mtynarz*, *termin* — *terminarz* без чередования, но *wagon* — *wagoniarz* с чередованием $n \sim \acute{n}$; *portret* — *portrecista*, *plakat* — *plakacista*, но *schemat* — *schematysta*, *Bonaparte* — *bonapartysta*; *rower* — *rowerzysta*, *miniatura* — *miniaturzysta*, но *metafora* — *metaforysta*, *kultura* — *kulturysta* и т. п.) или сосуществование параллельных форм с чередованием и без него (например, *skrzydlak* и *skrzydłak*, *martwak* и *martwiak*, *legendziarz* и *legendarz*, *propagandzista* и *propagandyta* и т. п.). В данном случае речь идет о лексической нерегулярности.

Другое явление может быть названо парадигматической нерегулярностью, т. е. непоследовательностью поведения единиц, принадлежащих одному морфонологическому классу, когда, например, правило смягчения применяется не ко всему классу твердых согласных (как это свойственно большинству словообразовательных моделей), а только к губным и сонорным или только к n , l (ср. *rytuał* — *rytualizm*, *demon* — *demonizm*, *totem* — *totemizm*, *syłaba* — *syłabizm*, *Warszawski* — *warszawizm*, но без чередования *poeta* — *poetyzm*, *bandyta* — *bandytyzm*, *metoda* — *metodyzm*, *ruski* — *rusyzm*, *kolor* — *koloryzm* и т. п.).

Являются ли такие непоследовательности, нерегулярности отклонением от нормы или, напротив, особой, другой нормой, регулярностью, но менее универ-

сальной, подчиняющей себе более дробные классы единиц? Ответ на этот вопрос зависит от того, в какой мере подобные различия системны (или же индивидуальны), «мотивированы» ли они грамматическими (словообразовательными), лексическими, семантическими или иными функциональными признаками (при тождественности формальных признаков) сочетающихся друг с другом морфем. Значимость не только формальных, но и функциональных (грамматических или «структурных») характеристик в морфонологии уже была отмечена при анализе глагольного словоизменения, где наличие или отсутствие консонантных чередований перед одним и тем же аффиксом зависело от морфонологического типа исходной флективной основы глагола (*niosę*, но *piszę*; *miotę*, но *szepczę*; *mieciesz*, но *szepczesz*; *tyśnienie*, но *prośzenie* и т. д. — см. табл. 14). Еще большее значение имеют эти характеристики в морфонологии словообразования.

Морфонологическая модель конкретного словообразовательного типа, т. е. наличие или отсутствие чередований и их характер, определяется, таким образом, не только (хотя и прежде всего) морфонологическими свойствами суффикса, составляющего «позицию» для предшествующего морфа деривативной основы, но и словообразовательными признаками сочетающихся морфем, их грамматическим значением и семантикой. Так, прилагательные с нулевым суффиксом испытывают или не испытывают консонантное чередование в зависимости от того, имеет ли этот суффикс значение притяжательности или относительности (*szczurzy*, *orli*, *wroni*, *wdowi*, *koci*, *niewieści*, *lisi*, *człowieczy*, *twórczy*, *gadzi*, *monarszy* и т. д.) или же оформляет сложные прилагательные со значением качества (*rudobrody*, *ostrodachy*, *gruboskóry*, *siwowsy*, *beznogi*, *jednouchy* и т. д.). Производные с суффиксом *-an(y)* смягчают предшествующий суффиксу согласный основы или не смягчают его, смотря по тому, является ли слово производным от существительного (*skorupiany*, *słomiany*, *skórzany*, *rusałczany*, *blaszany* и т. д.) или девербативом (*zaspany*, *złamany*, *wybrany*, *rozplakany*, *kochany* и т. д.). Один и тот же согласный в исходе основы перед одним и тем же суффиксом может испытывать чередование, если он принадлежит корню (*tlusty* — *tłuścieńki*), и оставаться неизменным, если он относится к суффиксу производящей основы (*prościutki* — *prościuteńki*). Конечное *-k* производящей основы сохраняется перед суффиксами *-ist(a)*, *-izm*, если оно принадлежит корню (*blankista*, *frankista*, *lamarkizm*), но чередуется с *c*, если принадлежит суффиксам *-yk(a)*/*-ik* (*mozaicysta*, *klinicysta*, *katolicyzm*, *klasycyzm* и т. д.). В подобных случаях, когда морфонологическая модель словообразования оказывается «мотивированной» и морфонологические свойства суффиксов обнаруживают зависимость от грамматических значений или определенных структурных функций морфем, вероятно, следует «расщепить» суффиксы с неоднородной морфонологической характеристикой на два различных суффикса, например, *-any₁* и *-any₂*, \emptyset_1 и \emptyset_2 и т. д., каждый из которых будет иметь однородные (последовательные) морфонологические свойства, т. е. одинаково воздействовать на предшествующие морфемы. Более «слабой» должна быть признана мотивировка лексического характера, хотя роль лексического фактора в словообразовании весьма велика. Разное морфонологическое поведение может противопоставлять живые и архаические формы (например, *mięśny* и устар. *mięśny*, *wczesny* и устар. *wcześny*), полностью адаптированные и недостаточно адаптированные заимствования (*kuplecista*, *rencista*, но *esperantysta*; *rekordzista*, *brygadzista*, но *encyklopedysta* и т. п.), а коле-

бания в одном и том же слове — отражать разные этапы его освоения («освоенное» *propagandzista* и сохраняющее знаки иноязычности *propagandysta*).

Далеко не всегда, однако, удается мотивировать нерегулярность словообразовательной морфонологической модели.

6.2. Понятие морфонологической модели

Морфонологическая модель словообразования представляет собой систему правил морфонологических преобразований, совершаемых в акте словообразования, т. е. при соединении производящей основы (основ) со словообразовательным формантом (аналогично этому морфонологическая модель словоизменения понимается как способ модификации формы морфем в акте словоизменения, т. е. при образовании некоторой словоформы). Модель состоит из нескольких относительно автономных блоков: линейных преобразований (усечений или наращений), консонантных чередований, вокалических чередований и акцентных чередований. Например, морфонологическая модель, соответствующая словообразовательному биному *krótki* → *króciutki*, включает правило усечения суффиксального *-k-* и консонантное чередование определенного типа: *t* → *ć*; для притяжательного прилагательного *niewieści* (← *niewiasta*) констатируется то же консонантное чередование *t* → *ć* и вокалическое чередование *a* → *e* и т. п.

Разумеется, морфонологическая модель характеризует не каждое индивидуальное образование в отдельности, и даже не каждый словообразовательный тип или подтип. Морфонологическая модель носит более обобщенный характер, чем словообразовательная или словоизменительная модель, и может характеризовать одновременно большое число словообразовательных или словоизменительных типов. Каждая из грамматических подсистем (словообразование, словоизменение имени и словоизменение глагола, словообразование субстантивное и адъективное и т. д.) характеризуется своим особым набором морфонологических моделей и их специфическим соотношением.

В принципе каждый блок полной морфонологической модели требует отдельного описания, т. е. должны быть сначала предложены модели линейных преобразований, консонантных и вокалических чередований, акцентных чередований, и лишь после этого может быть построена общая морфонологическая модель. Для польского языка задача упрощается в связи с универсальной схемой фиксированного ударения, избавляющей от необходимости построения акцентологической модели. Что касается линейных преобразований, то их «типологию» еще предстоит создать, пока же еще нет даже полной сводки и анализа всех видов усечений и наращений основ при словообразовании¹. Вокалические чередования целесообразно описывать на фоне полной картины консонантных чередований, поскольку они в значительной степени обусловлены последними. Наиболее актуальной задачей поэтому становится моделирование консонантных чередований, тем более, что в польском словообразовании это, безусловно, главное средство модификации морфем.

¹ Существенный вклад в решение этой задачи вносит новая книга К. Ковалик [1997].

6.3. Морфонологические корреляции и морфонологические классы согласных

Существует немало опытов описания и типологии консонантных чередований в разных славянских языках. Чаще всего чередования описываются отдельно для каждого класса согласных (сонорных, твердых переднеязычных, губных и т. д.). Этот способ описания отражает важное свойство морфонологической системы: применимость морфонологических правил не к индивидуальным единицам (морфемам или морфонемам), а к целым классам единиц. Но морфонологическая система проявляет и еще большую регулярность, ибо во многих случаях оказывается предсказуемым не только поведение единиц одного класса, но и поведение согласных других классов. В этих случаях морфонологические правила носят обобщенный характер и относятся сразу к нескольким (или ко всем) классам согласных. Применительно к русскому языку оказалось продуктивным различие так называемого непереходного и переходного смягчения, представляющих собой два главных механизма консонантных модификаций в русском языке. В основе этого разграничения лежит формальный признак: соотносятся ли чередующиеся согласные как фонологические корреляты по твердости/мягкости или нет. При этом оба типа смягчения свойственны не всем согласным, а лишь твердым губным и переднеязычным, а для остальных возможно либо только непереходное ($r, l, n \rightarrow r', l', \acute{n}$), либо только переходное смягчение ($k, g, x, c \rightarrow \acute{c}, \acute{z}, \acute{s}, \acute{c}$ и мягкие переднеязычные \rightarrow шипящие). Подробнее см. Приложение 1.

Очевидно, что к польскому языку подобная схема неприменима по нескольким причинам. Во-первых, русскому непереходному смягчению в польском соответствует как непереходная модель ($n \sim \acute{n}, m \sim m', p \sim p', b \sim b', f \sim f', v \sim v'$), так и переходная ($r \sim \acute{z}, t \sim l, t \sim \acute{c}, d \sim \acute{z}, s \sim \acute{s}, z \sim \acute{z}$), так же, как русскому переходному смягчению в польском соответствуют обе модели (для губных переходное и непереходное смягчение в отличие от русского не различаются).

Во-вторых, в польской морфонологии могут различаться не две, а три степени «смягчения». Так, для переднеязычных t, d возможны не только альтернанты \acute{c}, \acute{z} и \acute{c}, \acute{z} (соответствующие русским t', d' и \acute{c}, \acute{z}), но и c, \acute{z} (например, *kobieta* — *kobiecy*, *sierota* — *sierocy*, *krótki* — *krócej*), для k возможны не только \acute{c} и c , но и \acute{c} (*szybki* — *szybciutki*).

Формальная морфонологическая классификация польских согласных делит их в зависимости от числа возможных модификаций в составе морфемы на

- 1) согласный, имеющий одну ступень, т. е. вообще не знающий чередований: j ;
- 2) согласные, имеющие две ступени (коррелирующие с одним согласным): $r \sim \acute{z}, t \sim l, n \sim \acute{n}, m \sim m', p \sim p', b \sim b', f \sim f', v \sim v'$;
- 3) согласные, имеющие три ступени (коррелирующие с двумя согласными): $g \sim \acute{z}, \acute{z}; x \sim \acute{s}, \acute{s}; s \sim \acute{s}, \acute{s}; z \sim \acute{z}, \acute{z}; \acute{z} \sim z, \acute{z}; \acute{z} \sim d, \acute{z}$;
- 4) согласные, имеющие четыре ступени (коррелирующие с тремя согласными): $t \sim \acute{c}, \acute{c}, c; d \sim \acute{z}, \acute{z}, \acute{z}; k \sim \acute{c}, c, \acute{c}; \acute{c} \sim t, k, c; \acute{z} \sim d, g, \acute{z}; c \sim k, t, \acute{c}; \acute{z} \sim g, d, \acute{z}; \acute{s} \sim s, \acute{s}, x; \acute{s} \sim \acute{s}, s, x; \acute{c} \sim t, c, k$;
- 5) согласный, коррелирующий с пятью другими согласными: $\acute{z} \sim \acute{z}, z, d, g, r$.

Более существенным для польской системы представляется деление консонантных чередований не на переходные и непереходные, поскольку такое деление не соотносится в польском языке с функциональной классификацией чередований, а на чередования, относящиеся к типу, условно говоря, палатализации, и типу йотации. Правомерность такого разграничения подтверждается прежде всего тем, что чередования этих двух типов альтернативны, взаимно исключают друг друга, т. е. чередования, принадлежащие к одному из этих типов, как правило, не сочетаются в одной позиции (в одном альтернативном ряду) с чередованиями другого типа. Иначе говоря, все чередования (кроме серии заднеязычных), наблюдаемые в той или иной позиции (перед тем или иным аффиксом), относятся к одному типу — либо к палатализации, либо к йотации. В русском языке в этом же смысле альтернативны переходные и непереходные чередования.

Формально противопоставление палатализации и йотации в польском характерно лишь для серии переднеязычных t, d, s, z , которые имеют «палатализованные» варианты $\acute{c}, \acute{z}, \acute{s}, \acute{z}$ (что соответствует исторически и функционально русскому непереходному смягчению $t, d, s, z \rightarrow t', d', s', z'$) и «йотированные» варианты $\check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{z}$ (что соответствует русскому переходному смягчению $t, d, s, z \rightarrow \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{z}$). В остальных сериях согласных формально представлен лишь один тип чередований: палатализация у губных ($m, p, b, f, v \rightarrow m', p', b', f', v'$)² и сонорных ($r, \acute{l}, n \rightarrow \check{z}, \acute{l}, \acute{n}$) и йотация у $s, \acute{z}, \acute{c}, \acute{z}$ ($\rightarrow \check{s}, \check{z}, c, \check{z}$). Для серии заднеязычных и c, \acute{z} характерны две возможности чередований — с шипящими: $k, g, x, c, \acute{z} \rightarrow \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{c}, \check{z}$ и со свистящими (кроме x): $k, g, x \rightarrow c, \acute{z}, \acute{s}(\check{s})$, и каждая из них может быть истолкована и как палатализация, и как йотация. Можно было бы отнести $K - C$ (чередование со свистящими) к типу палатализации, поскольку оно чаще всего входит в один альтернативный ряд с чередованиями типа $t, d, s, z \rightarrow \acute{c}, \acute{z}, \acute{s}, \acute{z}$, тогда как $K - \check{C}$ (чередование с шипящими) может входить как в ряды палатализации, так и в ряды йотации. Вообще серия заднеязычных в морфонологическом отношении (как, впрочем, и в фонологическом) занимает особое положение и может быть функционально эквивалентна любым морфонологическим моделям, в том числе и моделям «нулевым», т. е. не требующим никаких других модификаций. Не вполне ясен также статус чередований $t, d \rightarrow c, \acute{z}$, поскольку для t, d оба стандартных типа представлены соответственно \acute{c}, \acute{z} (палатализация) и \check{c}, \check{z} (йотация). Вероятно, этот не очень распространенный тип следует считать разновидностью йотации, как будет далее видно из анализа конкретных словообразовательных типов. Разумеется, эта простая схема распределения чередований на два типа не охватывает всего многообразия морфонологических явлений словообразования (в ней не учитывается прежде всего диспалатализация), но она тем не менее покрывает основной массив наиболее регулярных, стандартных чередований.

Таким образом, мы будем исходить из следующей формальной классификации согласных по характерным для них типам смягчения. См. таблицу 26 (ср. аналогичную таблицу для русского языка в Приложении 1, табл. 28).

² Морфонологически «мягкие» губные, не различающие ступени палатализации и йотации, могут пониматься и как сочетания губных с j : mj, pj, bj, fj, vj , т. е. как (формально) йотированные альтернанты (именно так они трактуются в [Грамматике 1984, 62]).

Таблица 26

Формальная морфонологическая классификация

Формальный класс	исходная ступень C ⁰	ступень палатализации C ¹	ступень йотации C ²	особая ступень
1	<i>j</i> <i>b'</i> <i>l</i> <i>f'</i> <i>ń</i> <i>v'</i> <i>m'</i> <i>č</i> <i>p'</i> <i>ž</i>			
2	<i>ś</i> <i>ź</i>			<i>ś</i> <i>ź</i>
3	<i>r</i> <i>ł</i> <i>n</i>	<i>ż</i> <i>l</i> <i>ń</i>		
4	<i>m</i> <i>p</i> <i>b</i> <i>f</i> <i>v</i>	<i>m'</i> <i>p'</i> <i>b'</i> <i>f'</i> <i>v'</i>		
5	<i>ś</i> <i>ź</i> <i>ć</i> <i>ż</i>		<i>ś</i> <i>ź</i> <i>ć</i> <i>ż</i>	
6	<i>c</i> <i>ź</i>		<i>ć</i> <i>ż</i>	
7	<i>k</i> <i>g</i> <i>x</i>	<i>c</i> <i>ź</i> <i>ś/š</i>	<i>ć</i> <i>ż</i> <i>ś</i>	<i>ć</i> <i>ś</i>
8	<i>t</i> <i>d</i> <i>s</i> <i>z</i>	<i>ć</i> <i>ź</i> <i>ś</i> <i>ż</i>	<i>ć</i> <i>ż</i> <i>ś</i> <i>ź</i>	<i>c</i> <i>ź</i>

При этом на исходной ступени могут выступать любые согласные, способные завершать производящую основу.

Как следует из таблицы, трем (или даже четверем) ступеням смягчения переднеязычных согласных соответствуют три, две или даже одна ступень других классов согласных. Это не значит, однако, что эти последние согласные ограничены, ущемлены в своих возможностях участвовать в тех позициях и альтернативных рядах, которые «требуют» иных, не представлен-

ных у данных согласных, ступеней. Морфонологическому механизму, подобно фонологическому, в большой степени присуща нейтрализация противопоставления по ступеням, когда одна и та же «форма» может выступать на разных ступенях чередования. Так, если позиция предписывает ступень йотации, то для согласных, не имеющих особых средств чередования для этой ступени, используется ступень палатализации, а при ее отсутствии — исходная ступень (например, для губных m' , p' , b' , f' , v'). Но в противоположном направлении, т. е. при переходе от высшей ступени к низшей, такое замещение не действует: если позиция требует ступени палатализации, а у данного согласного имеется лишь исходная ступень и ступень йотации, то в позиции палатализации выступает при отсутствии требуемой низшая по отношению к ней, т. е. исходная, ступень (например, для $ś$, $ž$ — не $š$, $ž$, а $ś$, $ž$). Оставив на время особые случаи (особую ступень) смягчения, получим следующую схему функциональной классификации (табл. 27).

Таблица 27

Функциональная морфонологическая классификация

Формальный класс	исходная ступень C^0	ступень палатализации C'	ступень йотации C''	Функциональный класс
1	$j, l', n', m', p', b', f', v'$			(1)
2	$č, ž, ś, ž$			
3	r, t, n	$ž, l, n$		(2)
4	m, p, b f, v	m', p', b' f', v'		
5		$ś$ $ž$ $č$ $ž$	$š$ $ž$ c $ž$	(3)
6		c $ž$	$č$ $ž$	
7	k g x	c $ž$ $ś/š$	$č$ $ž$ $š$	(4)
8	t d s z	$č$ $ž$ $ś$ $ž$	$č$ $ž$ $š$ $ž$	(5)

Последние два класса, несмотря на формальное сходство (наличие всех трех ступеней смягчения), отнесены к разным функциональным типам не случайно. Морфонологическое поведение заднеязычных вообще не подпадает, как уже не раз отмечалось, под общие правила и должно описываться особо. Несмотря на наличие формальных возможностей для всех ступеней, эти согласные нередко не соблюдают ступени, предписываемой морфонологической моделью; например, в некоторой позиции все согласные могут иметь ступень палатализации, а заднеязычные — исходную ступень, или все согласные — ступень йотации, а заднеязычные — исходную ступень.

Какой реальный смысл имеют выделенные функциональные классы согласных? Принадлежность к одному классу в принципе означает, что в любой морфонологической позиции (перед любым словообразовательным суффиксом) все завершающие производящую основу согласные одного класса ведут себя одинаково, выступают на одной и той же ступени чередования; т. е. если конечное *t* производящей основы замещается на *ć*, то *d*, *s*, *z* замещаются соответственно на *ź*, *ś*, *ź*, но не на *ż*, *š* или *ż*. В некоторых позициях, однако, классы расщепляются на подклассы с разным поведением. Например, *r*, *ł*, *n* могут вести себя иначе, чем губные, с которыми они попали в один класс, или *t*, *d* могут отличаться от *s*, *z*. Наиболее устойчив класс губных согласных, которые всегда, во всех позициях, имеют одинаковую морфонологическую репрезентацию. В классе заднеязычных особые альтернации может иметь *x*, в классе сонорных поведение *r* может отличаться от поведения *ł*, *n* и т. д.

6.4. Состав консонантных чередований

В польском словообразовании консонантные чередования и их типы отличаются разной степенью стандартности, регулярности. Более регулярными являются чередования типа палатализации, чем чередования типа йотации, диспалатализации и дейотации. К стандартным чередованиям типа палатализации относятся:

$$A \downarrow \begin{matrix} m, p, b, f, v \\ m', p', b', f' v' \end{matrix}$$

$$A \downarrow \begin{matrix} r \\ ź \end{matrix}$$

$$A \downarrow \begin{matrix} ł, n \\ l, ñ \end{matrix}$$

$$A \downarrow \begin{matrix} t, d, s, z \\ ć, ź, ś, ź \end{matrix}$$

Условно сюда же может быть отнесено и чередование заднеязычных:

$$A_5 \downarrow \begin{matrix} k, g, x \\ c, ż, š/ś \end{matrix}$$

Вторую группу стандартных чередований составляют альтернации типа йотации:

$$A_6 \downarrow \begin{array}{l} t, d, s, z \\ \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{z} \end{array}$$

$$A_8 \downarrow \begin{array}{l} k, g, x, c, \check{z} \\ \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{c}, \check{z} \end{array}$$

$$A_7 \downarrow \begin{array}{l} \acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{z} \\ \check{s}, \check{z}, c, \check{z} \end{array}$$

И, наконец, к особым типам «смягчения» можно отнести:

$$A_9 \downarrow \begin{array}{l} \check{s}, \check{z} \\ \acute{s}, \acute{z} \end{array}$$

$$A_{11} \downarrow \begin{array}{l} k, x \\ \acute{c}, \acute{s} \end{array}$$

$$A_{10} \downarrow \begin{array}{l} t, d \\ c, \check{z} \end{array}$$

Все перечисленные чередования могут иметь обратное направление, и в этом случае они квалифицируются как чередования типа диспалатализации и дейотации:

$$\forall_1 \uparrow \begin{array}{l} m, p, b, f, v \\ m', p', b', f', v' \end{array}$$

$$\forall_7 \uparrow \begin{array}{l} \acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{z} \\ \check{s}, \check{z}, c, \check{z} \end{array}$$

$$\forall_2 \uparrow \begin{array}{l} t, n \\ l, n \end{array}$$

$$\forall_8 \uparrow \begin{array}{l} k, g, x, c, \check{z} \\ \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{c}, \check{z} \end{array}$$

$$\forall_3 \uparrow \begin{array}{l} r \\ \check{z}(\check{r}) \end{array}$$

$$\forall_9 \uparrow \begin{array}{l} \acute{s}, \acute{z} \\ \check{s}, \check{z} \end{array}$$

$$\forall_4 \uparrow \begin{array}{l} t, d, s, z \\ \acute{c}, \acute{z}, \acute{s}, \acute{z} \end{array}$$

$$\forall_{10} \uparrow \begin{array}{l} t, d \\ c, \check{z} \end{array}$$

$$\forall_5 \uparrow \begin{array}{l} k, g, x \\ c, \check{z}, \check{s}/\acute{s} \end{array}$$

$$\forall_{11} \uparrow \begin{array}{l} k, x \\ \acute{c}, \acute{s} \end{array}$$

$$\forall_6 \uparrow \begin{array}{l} t, d, s, z \\ \check{c}, \check{z}, \check{s}, \check{z} \end{array}$$

6.5. Стандартные модели консонантных чередований

Морфонологическая модель консонантных чередований должна однозначно предписывать в каждой позиции ступень чередования любого согласного, выступающего в исходе производящей основы. Если бы каждая позиция требовала одной, и только одной, ступени для всех согласных (классов согласных), вопрос решался бы просто. Морфонологическая модель исчерпывалась бы указанием на требуемую ею ступень чередования: исходную S° , ступень палатализации S' или ступень йотации S'' , и понятия позиции и ступени практически бы слились (ступень и позиция S° , ступень и позиция S' , ступень и позиция S''). Но в действительности такого рода морфонологическая однородность характерна далеко не для всех позиций. Во многих случаях конк-

ретный словообразовательный тип в морфонологическом отношении характеризуется одной ступенью чередования для одного класса (классов) согласных, другой — для другого (других). В этом случае содержанием морфонологической модели становится указание на поведение каждого типа согласных, а ее выражением — формула типа (1) — C^0 ; (2), (3) — C' ; (4) — C'' ; (5) — C' [читается: согласные первого функционального класса $j, l, \acute{n}, m', p', b', f', v', \acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{z}$ выбирают в данной позиции исходную ступень; согласные второго и третьего класса — ступень палатализации ($r, t, n, m, p, b, f, v \rightarrow \acute{z}, l, \acute{n}, m', p', b', f', v'$); согласные $\acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{z}, c, \acute{z}$ остаются без изменения; согласные четвертого класса k, g, x выбирают ступень йотации $\acute{c}, \acute{z}, \acute{s}$; согласные пятого класса t, d, s, z — ступень палатализации $\acute{c}, \acute{z}, \acute{s}, \acute{z}$] и т. п.

То же содержание может быть записано и с помощью перечня характерных для данной модели альтернатив: $A_1-A_2-A_3-A_4-A_8$. Согласные, не охваченные перечисленными альтернативами, остаются неизменными, т. е. выступают на «исходной» ступени.

Рассмотрим наиболее регулярные модели консонантных чередований в словообразовании и словоизменении.

6.5.1. Модели палатализации

(1)

$M_1: A_1-A_2-A_3-A_4-A_8$

Эта модель предусматривает морфонологическую «палатализацию» сонорных, губных и переднеязычных и чередование заднеязычных и s с шипящими. К ней принадлежат следующие словообразовательные типы:

Существительные с суффиксами

- \emptyset : *góra* — *podgórze*, *biały* — *biel*, *czarny* — *czernń*, *stúp* — *nadstúp*, *gęba* — *podgębie*, *zdrowy* — *zdrówie*, *zima* — *przedzimie*, *kwiat* — *kwiecie*, *obiad* — *przedobiedzie*, *las* — *zalesie*, *rzeka* — *dorzecze*, *droga* — *bezdroje*, *dach* — *poddasze*, *plecy* — *zaplecze*;

-# c : *mądry* — *mądrzec*, *diabeł* — *diabelec*, *zielony* — *zieleniec*, *skąpy* — *skąpiec*, *zęb* — *zębiec*, *leniwy* — *leniwiec*, *taśma* — *tasiemiec*, *krótki* — *króciec*, *udo* — *udziec*, *stóg* — *stożec*, *głuchy* — *głuszec* (нестандартно $x \sim \acute{s}$ в *brzuch* — *brzusiec*).

Морфонологическое смягчение конечного согласного основы следует считать независимым от эпентетического $-e-$ в суффиксе, поскольку оно сохраняется и при выпадении гласного в косвенных падежах (*malce* — *malca*, *czyściec* — *czyścica*, *udziec* — *udźca* и т. д.), за исключением основ с губными, которые автоматически (фонологически) утрачивают мягкость перед последующим согласным, а также \acute{z} (\acute{r}), регулярно чередующегося с r в косвенных словоформах (перед согласным): *skąpiec* — *skąpca*, *starzec* — *starca*, *mądrzec* — *mądrca*.

- ak : *skóra* — *skórzak*, *ciepły* — *cieplak*, *szywny* — *szywniak*, *słoma* — *słomiak*, *Warszawa* — *warszawiak*, *kwiat* — *kwieciak*, *młody* — *młodziak*, *pies* — *psiak*, *łobuz* — *łobuziak*, *pająk* — *pajęczak*, *śnieg* — *śnieżak*, *kolce* — *kolczak*;

-arka: *kołdra* — *kołdrzarka*, *mydło* — *mydlarka*, *włókno* — *włókniarka*, *taśma* — *taśmiarka*, *wyspa* — *wyspiarka*, *wróźba* — *wróźbiarka*, *torf* — *torfiarka*, *tyżwa* — *tyżwiarka*, *gazeta* — *gazeciarka*, *winda* — *windziarka*, *papieros* — *papierosiarka*, *spódnica* — *spódniczarka*, *mleko* — *mleczarka*, *drobiazg* — *drobiażdżarka*, *pończochy* — *pończoszarka*;

-arnia: *mydło* — *mydlarnia*, *wino* — *winiarnia*, *palma* — *palmiarnia*, *kawa* — *kawiarnia*, *lampa* — *lampiarnia*, *farbować* — *farbiarnia*, *herbata* — *herbaciarnia*, *czekolada* — *czekoladziarnia*, *pies* — *psiarnia*, *owca* — *owczarnia*, *burak* — *buraczarnia*, *pończochy* — *pończoszarnia*;

-arz: *futro* — *futrzarz*, *mydło* — *mydlarz*, *wagon* — *wagoniarz*, *reklama* — *reklamiarz*, *dowcip* — *dowcipiarz*, *ryba* — *rybiarz*, *harfa* — *harfiarz*, *drzewo* — *drzewiarz*, *parkiet* — *parkieciarz*, *winda* — *windziarz*, *gips* — *gipsiarz*, *gaza* — *gaziarz*, *owca* — *owczarz*, *mleko* — *mleczarz*.

(Далее ради экономии места производящие слова опущены.)

-ęć-: *zubrę*, *diablę*, *bocianię*, *sowię*, *matpię*, *czarcie*, *wielbłądzie*, *lisię*, *owczę*, *wilczę*, *bożę*, *ptaszę* (нестандартно: *ś* ~ *ś* в *mysz* — *mysię*).

-ica: *iskrzyca*, *iglica*, *drobnica*, *plamica*, *lwica*, *skapica*, *łbica*, *czyścica*, *twardzica*, *tygrysica*, *żelazica*, *zajęczyca*, *wilczyca*, *dłużyca*, *głuszyca*;

-ik: *teatrzyk*, *kwartalik*, *wagonik*, *tomik*, *sierpik*, *głębik*, *sztófik*, *stawik* (и *stówek*), *żarcik*, *samochodzik*, *romansik*, *razik*, *chłopczyk*, *księżyk*, *haczyk* (ср. сохранение твердых в иноязычных основах: *satyra* — *satyryk*, *rachityzm* — *rachityk*; аномально по типу A_9 : *grosz* — *grosik*, *kapelus* — *kapelusik*, редко *klos* — *klosz*);

-ina: *kołdrzyna*, *skrzydlina*, *stonina*, *albumina*, *trawina*, *chałupina*, *dębina*, *herbacycina*, *twardzina*, *łysina*, *brzezina*, *spódniczyna*, *chustczyna*, *krążyna*, *czeremszyna* (аномально: *kapelus* — *kapelusina*);

-isko: *igrzysko*, *źródliko*, *oknisko*, *bramisko*, *chlewisko*, *chłopisko*, *łbisko*, *sołdackisko*, *brodzisko*, *głosisko*, *żelazisko*, *zajęcysko*, *córczysko*, *nożysko*, *kożuszyko* (аномально: *kapelus* — *kapelusisko*);

-izna: *szarzyzna*, *bielizna*, *spalenzna*, *stromizna*, *siwizna*, *tępizna*, *grubizna*, *żółcizna*, *rzadzizna*, *węzizna*, *obczyzna*, *daleczyzna*, *polszczyzna*, *tężyzna*, *ciszyzna*.

Кроме перечисленных, к этой же морфонологической модели относятся словообразовательные типы, имеющие менее регулярный характер и подтверждающие не все, а лишь некоторые из предписываемых моделью альтернатив (не отмеченные при этом чередованиями других типов или отсутствием чередований тех консонантов, которые, согласно модели, должны испытывать палатализацию):

-anin (*dworzanin*, *niebianin*, *grodzianin*, *kresowianin*, *piwniczianin*, *gdańszczanin*, *zabużanin*), -ba (*rzezać* — *rzeźba*), -iciel (*przekazać* — *przekaziciel*), -idło (*czernidło*, *piśmidło*, *barwidło*, *gazecidło*, *farsidło*, *mazidło*, *szuczydło*, *ptaszydło*), -iradło (*skapiradło*), -iś, -isia (*pobożnisia*), -iwo (*szkliwo*, *krzesiwo*, *żelaziwo*, *przędziwo*, *młodziwo*; аномально *grosz* — *grosiwo*), -och (*tuścioch*, *śpioch*, *czewioch*; неясно *pieszczoch*: ← *pieścić* или *pieszczota*?).

Такие модели можно назвать не полными.

Другую категорию случаев составляют словообразовательные типы, в которых неполнота модели обусловлена не ограниченностью релевантных позиций или лексического наполнения, а имеет системный характер, т. е. по существу формирует другую модель, например, *-actwo* с чередованием *n - Ń* (*grzeczniactwo*), но с сохранением твердого *d* (*brzydactwo*). (Такие модели будут рассмотрены ниже.)

Прилагательные с суффиксами

- o*: *szczurzy, kobyli, wroni, biskupi, rybi, wdowi, koci* (аномально *t - c*: *kobiecy, sierocy, dziecięcy, zwierzęcy* и *t - ċ*: *roboczy, ochoczy*), *gadzi, lisi, płazi, twórczy, księży, pijaczy, buldoży, monarszy* (аномально *š - ś*: *mysi, ć - c*: *kmiecy, x - ś*: *mnisi, pastusi* при обычном *mniszy, pastuszy, k - ś*: *ptak - ptasi*);
- any*: *futrzany, szklany, wetniany, słomiany, skorupiany, garderobiany, harfiany, lekarstwiany, nafciany*, устар. *jagodziany, kiełbasiany, ziemniaczany, blaszany*;
- aty*: *iskrzaty, skrzydlaty, jarzębiaty* (и *jarzębaty* без чередования), *kwiaciaty, klapiaty, pasiaty, krowiaty, wilczaty, uszaty* (аномально экспрессивное *s - x*: *włochaty* ← *włos, nochaty* ← *nos*);
- asty*: *skórzasty, miotlasty, gliniasty, plamiasty, krupiasty, czubiasty, szafiasty, głowiasty, kanciasty, mordziasty, pasiasty, wąwoziasty, palczasty, mączasty, ostrożasty, mszasty*;
- isty*: *górzysty, skalisty, bagnisty, jamisty, strzapisty, osobisty, barwisty, błocisty, obsadzisty, wąsisty, żelazisty, szerokopleczysty, siarczysty, smużysty, mszysty*;
- iwu*: *mgliwy, ptaksiwy, prawdziwy, leciwy, robaczywy, obelżywy, parszywy*.

Особую разновидность этой модели представляют адъективные дериваты с суффиксами *-utki, -uteńki, -uchny*, в которых отмечается непоследовательность поведения заднеязычных. Наряду со стандартными для данной модели чередованиями *k, g, x → ċ, ź, ś* здесь выступают чередования *k - ć* или же чередование заднеязычных вообще отсутствует.

- utki*: *calutki, ładniutki, samiutki, skąpiutki, słabiutki, nowiutki, króciutki, młodziutki, kusiutki, bliżutki, szybciutki* (но *lekutki* без чередования), *ubożutki* (но *nagutki* ← *nagi*), *cichutki, lichutki, kruchutki, suchutki* (конечное *x* без чередования);
- uteńki*: *nieruchomiuteńki, pijaniuteńki, próżniuteńki, jednakowiuteńki, trzeźwiuteńki, mokrzuteńki*, но без чередования: *takuteńki*;
- uchny*: *bieluchny, zgrabniuchny, samiuchny, słabiuchny, łatwiuchny, tłuściuchny, bledziuchny, niziuchny, leciuchny* (← *lekki* с усечением *-k*), *ubożuchny* (← *ubogi*). Без чередования также *szaruchny* (← *szary*), *lekuchny* (← *lekki*).

К модели M_1 примыкает также модель производных наречий с суффиксом *-e*: *szczyrze, źle, cudownie, uprzejmie, możliwie, obficie*; от прилагательных на заднеязычные образуются наречия с суффиксом *-o* (аномально архаизмы *wysoki* — *wysoce, wielki* — *wielce, daleki* — *dalece* с чередованием типа A_5 : *k - c*).

В принципе эту же модель M_1 реализуют (с некоторыми отклонениями) сравнительные формы наречий:

-ej: *przykrzej, ciepłej, trudniej, stromiej, skąpiej, krzywiej, gęściej, twardziej, bardziej, tężej, ciszej*. От прилагательных с исходом на *-k* сравнительная форма образуется трояко: 1) с усечением *k* (*ek, ok*) и палатализацией предшествующего согласного — *szeroko — szerzej, cienko — cieniej, głęboko — głębiej, gładko — gładziej, wąsko — wąziej* и т. п.; 2) с чередованием *k ~ ć* (тип A_{11}) — *krzepko — krzepciej, szybko — szybkoj*; 3) с чередованием *k ~ c* (тип A_5) и последующим упрощением группы согласных: *miętko — miękcej, płytko — płycej* (← **płytczej*), *krótko — krócej* (← **krótcej*).

Глаголы с суффиксами

-i-: *wierzyć, silić, winić, tłumić, (o)stabić, głupić, tzawić, kształcić, (od)chudzić, kaprysić, mrozić, graniczyć, znaczyć, mnożyć, głużyć, troszczyć się*;
 -e-: *szumieć, lecieć, widzieć, dźwięczeć, huczeć, milczeć, piszczeć, błyszczeć, leżeć*;
 -ej-: *starzeć, bieleć, tumanieć, chamieć, głupieć, grubieć, rdzawieć, torfieć, kobiecieć, czadzieć, tysieć, francuzieć, niemczeć, katoliczeć, sfolżeć* (← *folga*), *skożuszeć, tłuścieć* (однако *sk* дает двойное чередование — *sk ~ śc*: *polszczeć, niebieszczeć* и *sk ~ śc*: *skiepsćcieć, niebiesćcieć*).

В области словоизменения к этой наиболее продуктивной морфонологической модели (M_1) относятся следующие формы:

- словоформы Зв. ед. существительных муж. рода, имеющие флексию *-e*: *profesorze, generale, panie, astronomie, chłopie, samolubie, szefie, bracie, Żydzie, grubasie, Francuzie, chłopcze, człowiecze, Boże*;
- реликтовые формы М. мн. с флексией *-ech*: *we Włoszech, w Niemczech*;
- личные формы глаголов 2 и 3 ед. и 1, 2 мн. с флексиями серии *-e* и *-i*: *bierze, ściele, ginie, dmie, rwie, śpi, plecie, kładzie, ssie, przywiezie, tłucze, może*;
- страдат. причастия с суффиксом *-on*: *zaginiony, pleciony, ukradziony, przemiesiony, przewieziony, sztuczony, spostrzeżony*.

Формы герундия с суффиксом *-enie* от атематических глаголов и нескольких глаголов на *-nq-* воплощают эту модель с очень существенным отклонением, касающимся консонантных исходов *t, d*, которые, вопреки предписанию модели, имеют чередование типа A_{10} *t, d - c, ż* (а не стандартное *t, d - ć, ź*): *jedzenie, kładzenie, plectenie, wymieszenie*. Эта аномалия, по-видимому, указывает на то, что формы герундия образуются не непосредственно от основы глагола, а от основы страдательного причастия с суффиксом *-on*: *zaginiony → zaginienie, znaleziony → znalezienie* и *pleciony → plectenie*. В этом случае чередование *ć, ź → c, ż* в формах герундия оказывается идентичным чередованию в лично-мужских формах И. мн., происходящему параллельно с вокалическим чередованием *o ~ e*, ср. *zgubiony — zgubieni, znaleziony — znaleźieni, zmczony — zmczeni, zwiedziony — zwiedzeni, zgnieciony — zgniećeni*. Подробнее см. Приложение 2.

(2)

$$M_2: A_1 - A_2 - A_3 - A_4 - A_5$$

Эта модель, отличающаяся от предыдущей лишь типом чередования заднеязычных ($k, g, x \rightarrow c, \check{z}, \check{s}$), вообще не представлена в словообразовании. Она характерна для словоизменительных форм существительных с флексией $-e_1$ (Д. и М. ед.) и с флексией $-i_2$ (лично-мужская форма И. мн.).

$-e_1$: *miara — mierze, stół — stole, wojna — wojnie, stoma — stomie, stup — stupie, strzelba — strzelbie, harfa — harfie, głowa — głowie, student — studentcie, woda — wodzie, prasa — prasie, wóz — wozie, mąka — mące, droga — drodze, mucha — musze;*

$-i_2$: *redaktorzy, anieli (← anioł), atamani, pielgrzymi, chłopci, snobi, poeci, sąsiedzi, sółtysi, Francuzi, politycy, biolodzy, Włosi (← Włoch).*

(3)

$$M_3: A_1 - A_2 - A_3 - A_4 - A_5 - A_9$$

Данная модель дополнительно к предыдущей включает специфический тип чередования шипящих — A_9 : $\check{s}, \check{z} \sim \acute{s}, \acute{z}$. Как и M_2 , она представлена лишь в сфере словоизменения — в лично-мужских формах И. мн. прилагательных.

$-i$: *-chorzy, weseli, stynni, wiadomi, skąpi, stabi, zdrowi, garbaci, młodzi, tysi, piesi (← pieszy), duzi (← duży),* однако без чередования: *świeży, boży, wraży* и все остальные прилагательные с конечным \check{z} в основе, хотя ненормативные формы с \acute{z} употребляются [Шобер 1953, 212]; *wielcy (← wielki), drodzy (← drogi), cisi (← cichy).*

Следующая разновидность модели палатализации редуцирует ряд чередований, устраняя полностью или частично стандартный тип палатализации переднеязычных (t, d и иногда s остаются без чередования соответственно с $\acute{c}, \acute{z}, \acute{s}$). Заднеязычные чередуются с шипящими.

$-ny$: *kościelny, silny, kwaśny, głośny, leśny* (но *mięśny, wczesny* при устар. *mięśny, wcześnie*; *radosny, miłośny, zazdrosny* при устар. *radośny, miłośny, zazdrośny*; *bezzęśny, bezkresny*, устар. *rosny*), *luźny, smaczny (← smak), biblioteczny, wdzięczny, logiczny, śnieżny, nożny, trwożny, straszny, grzeszny (← grzech), słuszny (← słuchać), tysiączny (← tysiąc), serdeczny (← serce), miesięczny (← miesiąc)*, но *mocny (← moc), nocny (← noc), owocny (← owoc), płucny (← płuca); pieniądze (← pieniądz)*, но без чередования *nędzny (← nędza)*.

Этой модели не противоречат формы с мнимой диспалатализацией:

$\check{z} (\check{r}) \rightarrow r$ (*cementarny (← cmentarz), Ń (← jesienny (← jesień), m' (← ziemny (← ziemia), p' (← kupny (← kupić), b' (← drobny (← drobić, jedwabny (← jedwab, jedwabiu), f' (← trafny (← trafić), v' (← poprawny (← poprawić, poprawiać, dziwny (← dziwić)*, поскольку $\check{z} (\check{r})$ и губные автоматически замещаются твердыми перед следующим согласным, а $\check{ń}$ ассимилируется следующему твердому n . По той же причине твердые r, n и губные производящих основ не имеют перед $-ny$ смягчения. Вместе с тем подобным образом нельзя объяснить отсутствие палатализации $t, d \rightarrow \acute{c}, \acute{z}$, которое следует признать системным ограничением (т. е. фактически со-

здающим новую модель): *kompletny, szlachetny, robotny, potny, istotny, wodny, modny, koledny, dosadny, układny* и т. д.

-ni: тот же тип (*sobotni, średni, bratni, stuletni, odpowiedni* и т. д.).

Еще одна модель неполной палатализации характеризуется отсутствием чередования заднеязычных (или нестандартным чередованием $k \sim c$, $k \sim \acute{c}$) и непоследовательным смягчением переднеязычных, т. е. возможным отсутствием звена A_4 (как в предыдущем типе).

(4)

$$M_4: A_1-A_2-A_3-(A_4)$$

-ista: *programista, papista, służbista, telegrafista, rezerwista, finalista, organista, portrecista* (но *schematysta, esperantysta, bonapartysta*), *brygadzysta, rekordzista* (но *encyklopedysta, talmudzista* и *talmudysta, balladzista* и *balladysta, awangardzysta* и *awangardysta*), *kontrabasista, parafrazista* (но *peryfrazysta*), *gitarzysta* (но *metaforysta, kulturysta*). Заднеязычные сохраняются: *frankista, czołgista, szachista*;

-usi, -usieńki, -uśki: *milusi* (← *mily*), *ładniusi, lekusi* (и *leciusi*); *golusieńki, słabi-usieńki, nowiusieńki, prościusieńki, młodziesieńki, niziusieńki, takusieńki* (но *mięciusieńki* ← *miękki*), *nagusieńki, cichusieńki; chytruśki* (← *chytry*), *caluśki* (← *cały*), *równiuśki, drobniuśki, łatwiuski, złociuśki, stodziuśki, lekuśki* (и *leciuśki*), *takuśki, cichuśki*.

(5)

$$M_5: A_1-A_2$$

В этой модели уже последовательно отсутствует звено A_4 (t, d не испытывают чередования), а также звено A_3 (не подвержено палатализации r).

-izm: *atomizm, papizm, snobizm, warszawizm, rytualizm, demonizm*. Последовательно, в отличие от дериватов с суф. -ista, отсутствует смягчение переднеязычных: *poetyzm, patriotyzm, metodyzm, rusyzm, barbaryzm, hitleryzm, koloryzm*. В серии заднеязычных, как и у дериватов с суф. -ista, чередование отсутствует во всех случаях, кроме образований от существительных с суффиксами -ik, -ika (-yk, -yka), где во многих случаях происходит чередование $k \rightarrow c$: *katolicyzm, stoicyzm, klasycyzm, praktycyzm, sceptycyzm* при *lamarkizm, magizm, frazeologizm, czechizm, anarchizm*;

-iczny: *rytmiczny, tropiczny, sylabiczny, telegraficzny, połowiczny, krystaliczny, sceniczny* (но без палатализации: *satyryczny, dramatyczny, metodyczny, klasyczny, dyftongiczny, oligarchiczny*).

Помимо пяти рассмотренных образцов, палатализационную модель частично представляют следующие словообразовательные типы:

-uch ($t \rightarrow l$, $t \rightarrow \acute{c}$, $st \rightarrow \acute{s}c$, $d \rightarrow \acute{z}$, $c \rightarrow \acute{c}$; но без палатализации r, v, z ; могут сохраняться и c, d): *maluch, niedbaluch, gniecuch, brylanciuch, niewieściuch, prościuch, łakomczuch* (← устар. *łakomiec*), но *staruch, wycieruch, znajduch, lizuch* без чередований;

-ejszy (сравнит. степень прилагательных): *szczodrzejszy* (← *szczodry*), *cieplejszy* (← *ciepły*), *skromniejszy* (← *skromny*), *łatwiejszy* (← *łatwy*), *puściejszy* (← *pusty*);

- eńki: $n \rightarrow \acute{n}$ (*biednieńki*), $t \rightarrow l$ (*wesoleńki*), $t \rightarrow \acute{c}$ (*tłuścieńki*), $d \rightarrow \acute{z}$ (*chudzieńki*), $z \rightarrow \acute{z}$ (*nizieńki*), $r \rightarrow \acute{z}$ (*starzeńki*) (но без чередования *stabeńki*, *chytrenki*, *cicheńki*);
- stwo: $t \rightarrow l$, $n \rightarrow \acute{n}$: *diabelstwo*, *nachalstwo*, *cygaństwo*, *epigoństwo* и т. д. (автоматически $\acute{z} (\acute{r}) \rightarrow r$: *figlarz \rightarrow figlarstwo*, *sekretarz \rightarrow sekretarstwo*);
- ski: $t \rightarrow l$, $n \rightarrow \acute{n}$: *sielski*, *admiralski*, *młyński*, *żeński* (автоматическое чередование $\acute{z} (\acute{r}) \rightarrow r$: *morski \leftarrow morze*, *rycerski \leftarrow rycerz*). Относительно заднеязычных *k*, *g*, *x* теоретически можно допустить как их сохранение, так и любой вариант их изменения — замену шипящими (тип A_8) или свистящими (тип A_5), поскольку в обоих случаях получающиеся сочетания согласных претерпевают конденсацию и преобразуются в *-ski* (*czeski*, *włoski*, *boski \leftarrow Bóg*, *norweski \leftarrow Norweg*, *Norwegia*) или *-cki* (*katolicki*, *biedniacki*);
- iny (pluralia tantum): *mydliny*, *włosiny*, *pokładziny*, *ogłędziny*;
- iradło: *skąpiradło*, *czupiradło*;
- iwo: *szkliwo*, *krzesiwo*, *żelaziwo*, *przędziwo*, *młodziwo* (нестандартно $\acute{s} \rightarrow \acute{s}$: *grosiwo*);
- eństwo: *wdowieństwo*;
- unio: *starościunio*, *ojczunio*;
- uś, -usia: *ojcuś* и *ojcuś*, *dziaduś* и *dziadzius*;
- czy: $n \rightarrow \acute{n}$: *opiekuńczy \leftarrow opiekun*;
- czyk: *karabińczyk*, *ogończyk*;
- in, -iny (притяжат. прилаг.): *żoniny* ($\leftarrow \acute{z}ona$), *córczyn* ($\leftarrow \acute{c}órka$), *lalczyn* ($\leftarrow lalka$).

6.5.2. Модели диспалатализации

(6)

$$M_6: \forall_1 - \forall_2 - \forall_3 - \forall_4 - \forall_8$$

Эта модель зеркальна по отношению к наиболее полной модели палатализационного типа M_1 и предусматривает диспалатализацию класса морфонологически мягких губных, сонорных, переднеязычных и заднеязычных. Ее воплощают отглагольные существительные с нулевым суффиксом, менее последовательно — уменьшительные с суффиксом *-#k*, прилагательные с суффиксом *-liwy* и глаголы с суффиксами *-iwać*, *-ywać*.

- $-\emptyset_2$: *-miar* (\leftarrow *-mierzyć*), *-dział* (\leftarrow *-dzielić*), *-gon* (\leftarrow *-gonić*), *-miana* (\leftarrow *-mienić*), *-karm* (\leftarrow *-karmić*), *-jaw* (\leftarrow *-jawić*), *traf* (\leftarrow *trafić*), *-top* (\leftarrow *-topić*), *ozdoba* (\leftarrow *ozdobić*), *-wrót* (\leftarrow *-wrócić*), *-sąd* (\leftarrow *-sądzić*), *ochłoda* (\leftarrow *ochłodzić*), *-głos* (\leftarrow *-głosić*), *-wóz* (\leftarrow *-wozić*), *-skok* (\leftarrow *-skoczyć*), *-tóg* (\leftarrow *-tożyć*), *pośpiech* (\leftarrow *pośpieszyć*);
- #k*: *mtynarek* (\leftarrow *mtynarz*), *garncarka* (\leftarrow *garncarz*), *niedopatek* (\leftarrow *palić*) (отсубстантивные дериваты не знают чередования $l \rightarrow t$: *motyl* — *motylek*, *obywatel* — *obywatelka*³); *pierścionek* (\leftarrow *pierścień*) (но: *dureń* → *dureniek*, *stopień* → *stopieniek*, *pień* → *pieniek*); *sukienka* (\leftarrow *suknia*); *Słowianka* (\leftarrow *Słowianin*) (однако: *bania* → *bańka*, *gunia* → *guńka*, *niania* →

³ Ср. рус. ель — елка, но колыбель — колыбелька (устар. колыбелка, колыбелочка) [Реформатский 1975, 119–124].

niańka, pustynia → *pustyńka* и некот. др.); *śniadanko* (← *śniadanie*) (однако: *pytanie* → *pytanko* и *pytańko*, *zadanie* → *zadanko* и *zadańko*, *naczenie* → *naczynko* и *naczyńko* и некот. др.); *gotąbek* (← *gotąb*, *gotębia*), *jastrzębek* (← *jastrząb*, *jastrzębia*); *dorobek* (← *dorobić*); *karasek* (← *karas*); *podosek* (← *oś*) (однако: *jaś* → *jasiek*, *miś* → *misiek*, *dzidzius* → *dzidziusiek*, *byś* → *bysiek*); *wioska* (← *wieś*); *zakwaska* (← *zakwasić*); *gałązka* (← *gałąź*); *-wózka* (← *-wozić*) (но: *bazie* → *bażki*, *buzia* → *bużka*); *kmiołek* (← *kmieć*); *listek* (← *liść*); *Wojtek* (← *Wojciech*) (но: *Maciej* → *Maciek*, *bocian* → *bociek*); *ciotka* (← *ciocia*); *cząstka* (← *część*) (но: *ciucia* → *ciućka*); *bydlątko* (← *bydlę*, *bydlęcica*); *niedźwiadek* (← *niedźwiedź*); *rozsądek* (← *rozsądzić*). Вопреки модели диспалатализации, заднеязычные испытывают в этих дериватах чередование типа A_8 , т. е. $k, g, x \rightarrow \check{c}, \check{z}, \check{s}$: *rączka* (← *rąka*), *książka* (← *księga*), *brzeżek* (← *brzeg*), *daszek* (← *dach*), *blaszka* (← *blacha*), *spódniczka*, *zajczek*.

-liwy: *któtlivy* (← *któcić się*), *krętlivy* (← *kręcić się*), *chodliwy* (← *chodzić*), *po-budliwy* (← *-budzić*), *pisliwy*, *urokliwy*, *dolegliwy*, *ciągliwy* (но с чередованием *możliwy* ← *móc*, *mogę*), *strachliwy*. Этой модели не противоречат альтернанты \acute{s}, \acute{z} , поскольку их мягкость обусловлена следующим l (*hałaśliwy* ← *hałas*, *zgrzyźliwy* ← *zgrzyźć*);

-iwać, -ywać: *-patrywać* (← *-patrzyć*), *zagrabywać* (← *zagrabiąć*), *-kupywać* (← *-kupić*), *-latywać* (← *-lecieć*), *-widywać* (← *-widzieć*), *-skakiwać* (← *-skoczyć*), *-krzykiwać* (← *krzyceć*), *postugiwać* (← *postużyć*), *-legiwać* (← *-leżeć*), *stychiwać* (← *słyszeć*). Сохранение мягкости возможно у l, \acute{n} и губных: *-mgliwać* (← *mglić*), *-śniwać* (← *-śnić*), *-kpiwać* (← *kpić*), *-drwiwać* (← *drwić*).

Некоторые словообразовательные типы содержат лишь отдельные звенья этой модели, но при этом не включают чередований альтернативного — палатализационного или йотационного типа. Отсутствие диспалатализаций в отдельных сериях согласных не является поэтому системным ограничением, а проистекает из словообразовательных или лексических особенностей соответствующих дериватов. Словообразовательный тип может характеризоваться ограниченным в морфонологическом отношении кругом производящих основ (например, глагольные основы на *-a, -aj, -owaj*, не имеющие в исходе морфонологически палатализованных согласных, или, наоборот, глагольные основы на *-i*, имеющие в исходе такие согласные) или ограниченным кругом лексических единиц, не обеспечивающих всей полноты морфонологических позиций. Морфонологические модели таких словообразовательных (и словоизменяемых) типов должны трактоваться как неполные, фрагментарные. Примером таких неполных моделей могут служить:

-ować, где имеют место чередования $p' \rightarrow p, v' \rightarrow v, \check{z} (\check{r}) \rightarrow r$: *kipować* (← *kupić*), *-stępować* (← *-stąpić*), *-dziwować* (← *-dziwić*), *-darować* (← *darzyć*).

-nąć, где диспалатализация затрагивает лишь два звена — $\acute{z} \rightarrow d$ и $\acute{c} \rightarrow k$: *-śmierdnąć* (← *-śmierdzieć*), *-krzyknąć* (← *krzyceć*), *-milknąć* (← *milczeć*).

-ca, где диспалатализация касается лишь согласных \acute{c}, \acute{z} : *radca* (← *radzić*), *rządca* (← *rządzić*), *-wódca* (← *wodzić*) (но: *chodzić* → *-chodźca*, *-jeździć* → *-jeźdźca*, *sadzić* → *sadźca*), остальные морфонологически палатальные согласные сохраняются без изменения (губные и $\check{z}(\check{r})$ автоматически те-

ряют палатальность перед согласным). Диспалатализация этого вида может трактоваться и как тип \forall_4 : $\acute{c}, \acute{z} \rightarrow t, d$, и как тип \forall_7 : $\acute{c}, \acute{z} \rightarrow c, z$, т. к. позиция перед согласным не дает возможности их разграничить.

-ki, где также имеет место лишь чередование $\acute{c}, \acute{z} \rightarrow t, d$: *rzutki* (\leftarrow *rzucić*), *gładki* (\leftarrow *gładzić*).

-aż, -iwny (-ywny), где представлено изолированное чередование $c \rightarrow t$, относящееся к типу \forall_{10} : *instrukcja* \rightarrow *instruktaż*, *konstytucja* \rightarrow *konstytu-tywny* (продуктивный словообразовательный тип).

6. 5. 3. Смешанная (палатализационно-диспалатализационная) модель

(7)

$M_7: A_2-A_3-(A_4)-(A_8)-(\forall_4)$

Эта модель характерна главным образом для словообразовательных типов с суффиксами, имеющими консонантное начало: *-nik*, *-nica*, *-niczka*.

По сравнению с моделью M_1 здесь отсутствует палатализация губных (ибо она невозможна в слабой для губных позиции перед согласным); непоследовательно представлены звенья A_2 (чередование $t \rightarrow l$ может отсутствовать), A_4 (полностью отсутствует чередование $t, d \rightarrow \acute{c}, \acute{z}$ при сохранении чередования $s, z \rightarrow \acute{s}, \acute{z}$); чередование заднеязычных факультативно; происходит диспалатализация $\acute{c}, \acute{z} \rightarrow t, d$.

pierznik, *wietrznik* (но *górnik*, *cukiernik*), *igielnik*, *popielnik* (но *nawatnik*, *pełnik*), *cennik*, *dymnik*, *prawnik*, *mapnik*, *dębник*, *herbatnik*, *składnik*, *grymasnik*, *głośnik*, *gaźnik*, *rozkaźnik*, *świecznik*, *miesięcznik* (но *ptucnik*, *owocnik*), *nędnik*, *nałokietnik* (\leftarrow *łokieć*), *śmietnik* (\leftarrow *śmiecie*), *czeladnik* (\leftarrow *czeladź*), *mlecznik*, *piasecznik* (но *wykrzykник*, *gorzknik*), *krążnik*, *nabieżnik*, *katorżnik* (но *ciągnik*, *biegnik*, *dźwignik*), *sosznik*, *kozusznik* (но *zwierzchnik*).

6. 5. 4. Йотация

(8)

$M_8: A_6 - A_7$

Данная модель характерна исключительно для глагольного словоизменения и внутриглагольного словообразования:

- личные формы наст. времени *a*-глаголов: *piszę*, *pisze*, *piszą* и т. д., *wiążę*, *wiążą* и т. д., *szerczę*, *szerczą* и т. д., *gwizdzę*, *gwizdzą* и т. д.;
- формы 1. ед., 3. мн. наст. и герундия *i*-глаголов и *e*-глаголов: *proszę*, *wiszę*, *wożą*, *widzę*, *chodzą*, *siedzą*; *proszenie*, *wiszenie*, *wożenie*, *widzenie*, *posiedzenie*, *chodzenie*, а также герундия от *ej*-глаголов: *idiociec* \rightarrow *idiocenie*, *zatwardziec* \rightarrow *zatwardzenie*;
- имперфективы от *i*-глаголов: *-płacać* (\leftarrow *-płacić*), *-wracać* (\leftarrow *-wrócić*), *-puszczać* (\leftarrow *-puścić*), *-gadzać* (\leftarrow *-godzić*), *-budzać* (\leftarrow *-budzić*), *-praszać* (\leftarrow *-prosić*), *-mrazać* (\leftarrow *-mrozić*), *-gwieźdźać* (\leftarrow *-gwieździć*).

6. 5. 5. Амбивалентная (нулевая) модель (M_0)

Эта модель соответствует тем морфонологическим позициям, которые безразличны к виду консонантного исхода производящей основы, т. е. допускают как морфонологически палатальные, так и морфонологически непалатальные согласные. Подобной амбивалентностью отличается большое число словообразовательных типов, исключаящих какие бы то ни было чередования. К ним относятся субстантивные дериваты со следующими суффиксами:

-awca, -owca, -erca, -lca, -ć, -cia, -cio, -uńcio, -acja, -acz, -ada, -adło, -ak₂ (аномально *cedzak* ← *cedzić*, *chodak* ← *chodzić*), *-al, -alnia, -alnik, -anina, -ant, -arka₂, -arnia, -arz, -as* (но *goły* → *golas*), *-at, -ata, -ator, -aż* (нестандартно *instrukcja* → *instruktaż* с чередованием *c* → *t*), *-dło, -ent, -er, -eria, -jer, -ło, -oba, -oć, -ość, -ot, -ota, -owiec, -owa, -owca, -owicz, -ownia, -ownik, -ownica, -ówna, -nictwo, -estwo, -eństwo, -arstwo, -erstwo, -alstwo, -unek, -us, -ycja*;

прилагательные с суффиксами:

-Ø (*dtugodzioby, ostrodachy, białoskóry* и т. д.), *-alny, -any, -aty, -awy* (аномально *głupawy* ← *głupi*, *kędzierzawy* ← *kędzior*), *-awczy, -obliwy, -onalny, -owy, -owaty* (аномально *głupi* → *głupowaty*), *-owity, -owny, -owski*;

глаголы с суффиксами:

-waj, -ewaj, -a, -owa, -ną, -aj.

Некоторые из перечисленных суффиксов имеют «омонимичные» формы с другими морфонологическими свойствами; таковы, например, *-arka, -arnia, -arz, -Ø, -any, -aty* и др.

Рассмотренные морфонологические модели не исчерпывают всего многообразия морфонологических преобразований, характерных для польского языка, но они покрывают основную массу наиболее регулярных образований. За их пределами остаются сравнительно немногочисленные нерегулярные или даже индивидуальные явления, которые при любом способе описания составят плохо поддающуюся упорядочению периферию. Однако значение этой периферии для понимания механизмов морфонологических явлений и их роли в общей структуре плана выражения, как мы пытались показать в предыдущих главах, чрезвычайно велико.

Вместо заключения

Предложенный во второй части книги обзор польской морфонологии сквозь призму грамматики не следует воспринимать как непосредственное воплощение теоретических принципов, выработанных в первой части, и результат их прямого применения к конкретному материалу польского языка. Ни концептуально, ни практически эти два раздела так не соотносились — они писались в определенной степени автономно и параллельно, хотя и в постоянном динамическом взаимодействии. Соединение столь разных и по задачам, и особенно по «жанру» исследований под одной обложкой имело для автора принципиальное значение. Дело не только в том, что теоретические «импульсы» шли от эмпирического языкового материала, а решение относительно каждого конкретного морфонологического явления требовало мобилизации всей системы постулатов, причем не только из области теории морфонологии, но и из области грамматики и даже общей лингвистики. Дело в том, что морфонологическое описание, основанное на всем массиве грамматики и лексики, выдвигало совершенно новые вопросы и высвечивало те внутренние связи морфонологических механизмов с другими структурами языка, которые невозможно разглядеть при выборочном принципе привлечения материала и при ориентации только на стандартные и регулярные модели. Только при «сплошном» подходе появляется шанс объяснения (структурного, типологического, исторического) разного рода исключений, аномалий, нерегулярностей, всего того, что имел в виду А. А. Реформатский, называя морфонологию «штучной». Только в перспективе полного описания можно увидеть в морфонологии не окостеневшие остатки прежних исторических процессов, а динамическую структуру языка, имеющую не только свои «функции», но и свои продуктивные и непродуктивные звенья, свою норму и регулярность, органически вписывающуюся в общую систему уровней языка, «откликающуюся» и на лексическую семантику, и на грамматику, и на звуковую ткань языка, и даже на прагматику и стилистику речи.

Еще больше возможностей для адекватного прочтения морфонологического «кода» славянских языков таят в себе сравнительно-исторические и типологические исследования славянской морфонологии, которым, к сожалению, в данной книге было уделено слишком мало внимания (кроме общих замечаний в первой части, этому посвящено лишь Приложение 2). Начатые в 60-е годы Эдвардом Станкевичем, эти исследования не получили серьезного развития, прежде всего из-за недостатка в систематических описаниях морфонологических систем отдельных славянских языков. «Мода» на морфонологию в 70-е годы имела позитивным следствием устранение многих лакун в этом отношении: для большинства славянских языков появились полные или фрагментарные морфонологические описания и даже выполненные по одному плану очерки морфонологии разных языков (например, описание субстантивного словоизме-

нения в книге «Славянская морфонология» [1987]). Все это как будто открывало реальную возможность создания сопоставительной, сравнительно-исторической и типологической морфонологии славянских языков, но, к сожалению, увлечение морфонологией и вообще «формальной» лингвистикой прошло и оживление интереса к ним может наступить нескоро. Между тем подобные сравнительные исследования способны открыть много нового. Даже самый беглый взгляд на соотносительный материал разных славянских языков ухватывает, кроме закономерных и ожидаемых соответствий, одинаковые, иногда даже в самых мелких деталях, совпадения в разных славянских языках «исключений», отклонений от правил, лексических, грамматических ограничений и прочих аномалий в морфонологическом поведении отдельных языковых единиц. Уже из этих совпадений следует, что нерегулярности и аномалии имеют свою причину, к тому же общую для разных языков и, следовательно, либо типологическую, либо историческую, уходящую иногда корнями в праславянскую древность. Морфонология, таким образом, способна сохранять живую память об исторических звуковых изменениях и их условиях, обнажать механизм этих изменений и «реконструировать» их грамматические функции (например, в морфонологической структуре современных славянских языков в полной мере сохраняется релевантность праславянских типов и показателей глагольных основ, см., в частности, [Комарек 1968, Докулил 1973; Скоумалова 1976, Толстая 1994]). Общеславянская перспектива позволит наиболее убедительным образом представить роль морфонологии в славянских языках не только как некоторой «производной» от фонологии, но прежде всего как механизма, обеспечивающего сопряжение грамматики и лексики и лежащего в основании формальной морфологии. Но все это будет возможно лишь при новом оживлении интереса к славянской морфонологии.

Приложение 1

Морфонологические корреляции согласных в русском языке

Известно, что все регулярные консонантные чередования в русском языке, если их рассматривать не просто как коррелятивные пары согласных, а как замену одного согласного другим в определенных морфологических условиях с учетом направления чередований, сводятся к двум механизмам: смягчения (палатализации) и отвердения (диспалатализации). Исследователи русской морфонологии различают так называемое непереходное и переходное смягчение и соответственно отвердение (диспалатализацию)¹. При этом непереходным смягчением называют чередование типа $t \sim t'$, $s \sim s'$, когда парный твердый согласный замещается соответствующим мягким, а переходным смягчением (или йотацией) — чередование типа $t \sim \check{c}$, $g \sim \check{z}$, когда альтернанты не составляют фонологической корреляции по твердости-мягкости (аналогично понимается непереходная и переходная диспалатализация).

В зависимости от того, какому типу (каким типам) смягчения подвергается каждый согласный, стоящий в исходе основы, согласные русского языка разбиваются на следующие четыре класса: I — согласные, не подверженные смягчению, II — согласные, подверженные только непереходному смягчению, III — согласные, подверженные только переходному смягчению, IV — согласные, подверженные и непереходному, и переходному смягчению (см. табл. 28).

Строго говоря, различие переходного и непереходного смягчения существует только для согласных IV класса, т. е. для твердых губных и переднеязычных: $t \sim t'$ (*возьму — возьмешь*), $t \sim tl'$ (*дремать — дремлю, дремлешь, Рим — римлянин*); $v \sim v'$ (*зову — зовешь*), $v \sim vl'$ (*торговать — торговля, дешевый — дешевле, Киев — киевлянин*); $f \sim f'$ (*графа — графить*), $f \sim fl'$ (*Иосиф — иосифлянин*); $p \sim p'$ (*спать — спит*), $p \sim pl'$ (*капать — капля, спать — сплю, трепать — треплю*); $b \sim b'$ (*гребу — гребет*), $b \sim bl'$ (*гребу — гребля, поколебат — поколеблю, поколеблешь*); $t \sim t'$ (*мету — метешь*), $t \sim \check{c}$ (*крутой — круче, хохотать — хохочу, хохочет*); $d \sim d'$ (*веду — ведешь*), $d \sim \check{z}$ (*пропаду — пропажа, город — горожанин, худой — хуже*); $s \sim s'$ (*несу — несешь*), $s \sim \check{s}$ (*несу — ноша, писать — пишу, пишешь*); $z \sim z'$ (*везу — везешь*), $z \sim \check{z}$ (*вязать — вяжу, вяжешь*). Для всех остальных согласных достаточно было бы говорить просто о смягчении; тот факт, что для согласных II класса это будет означать непереходное смягчение, для согласных III класса — переходное, а для I класса смягчение будет «нулевым» (т. е. согласные останутся без изменения), можно считать незначимым, поскольку общее указание о наличии или отсутствии смягчения однозначно определит вид

¹ Впервые это понятие в строгом морфонологическом смысле употребил Р. О. Якобсон (со ссылкой на русскую традицию) в своем описании русского спряжения [Якобсон 1948]. В том же смысле, но с некоторыми модификациями оно было позже использовано М. Халле [1963] и Д. Вортом [Ворт 1972, 1]. См. также [Вард 1970; Марван 1976].

чередования для всех согласных этих классов. В таком случае следовало бы выделить: 1) согласные, не подверженные смягчению (I класс), 2) согласные, не различающие переходного и непереходного смягчения (II и III классы) и 3) согласные, различающие эти два вида смягчения (IV класс). Или, что то же самое: 1) согласные, имеющие всего одну — исходную (или нулевую) ступень чередования, 2) согласные, имеющие две ступени чередования (исходную и ступень смягчения) и 3) согласные, имеющие три ступени (исходную, ступень непереходного и переходного смягчения).

Таблица 28

Классификация согласных по типам смягчения

Класс	Исходная ступень	Ступень непереходного смягчения	Ступень переходного смягчения (йотации)
I	j r' l' n' s z s' z'		
II	r l n	r' l' n'	
III	m' v' f' p' b' t' d' s' z' k g x c		ml' vl' fl' pl' bl' č (š') ž (žd, žd') š ž č (c) ž š č
IV	m v f p b t d s z	m' v' f' p' b' t' d' s' z'	ml' vl' fl' pl' bl' č ž š č

Однако такой подход, хотя он и был бы вполне оправдан с формальной точки зрения, оказывается неприемлемым, когда речь идет о функциональной морфонологической интерпретации русских консонантных чередований, которые носят не индивидуальный, а системный характер, т. е. являются приметой целых альтернативных рядов, включающих в принципе любые консонантные исходы. Если альтернативный ряд содержит чередования собственно переходного или собственно непереходного типа (согласные IV класса) наряду с чередованиями, для которых это различие несущественно (II и III класс), то очевидно, что морфонологическая характеристика такого альтернативного ряда определяется типом чередования согласных IV класса, для которых различие переходного и непереходного смягчения релевантно. Это значит, что чередования согласных II класса, формально квалифицируемые как непереходные, могут быть функционально истолкованы и как переходные, и как непереходные в зависимости от их совместимости или несовместимости с собственно переходными и непереходными чередованиями согласных IV класса в составе одного альтернативного ряда.

Так, чередования согласных II класса $r \sim r'$, $l \sim l'$, $n \sim n'$, формально относящиеся к непереходному типу, на функциональном морфонологическом уровне могут интерпретироваться и как непереходные, если они входят в альтернативный ряд, содержащий собственно непереходные чередования ($r \sim r'$, $l \sim l'$, $n \sim n' = v \sim v', t \sim t'$ и т. д., ср. *беру* — *берешь*, *толкну* — *толкнешь* = *зову* — *зовешь*, *мету* — *метешь*), и как переходные — в составе альтернативных рядов, содержащих чередования собственно переходного типа ($r \sim r'$, $l \sim l'$, $n \sim n' = m \sim ml'$, $s \sim \check{s}$ и т. д., ср. *пороть* — *порю*, *порет*, *колоть* — *колю*, *колет*, *гнуть* — *гоню*, *гонит* = *дремать* — *дремлю*, *дремлет*, *писать* — *пишу*, *пишет* и т. д.). Точно так же чередования заднеязычных с шипящими $k \sim \check{c}$, $g \sim \check{z}$, $x \sim \check{s}$, которые формально принадлежат к переходному типу, в функциональном отношении могут быть как переходными (*скакать* — *скачу*, *скачешь* = *дремать* — *дремлю*, *дремлешь*, *вязать* — *вяжу*, *вяжешь*, и т. д.), так и непереходными (*пеку* — *печешь* = *гребу* — *гребешь*, *несу* — *несешь*). В подобных случаях можно говорить о формальной нейтрализации функционального противопоставления переходного и непереходного смягчения (для $r \sim r'$, $l \sim l'$, $n \sim n'$ — в пользу формально непереходного типа, а для $k \sim \check{c}$, $g \sim \check{z}$, $x \sim \check{s}$ — в пользу формально переходного типа) или об омонимичных чередованиях: переходном чередовании $r \sim r'$, $k \sim \check{c}$ и т. д. и непереходном чередовании $r \sim r'$, $k \sim \check{c}$ и т. д.

Нужно, однако, сказать, что серия заднеязычных морфем образует совершенно особый фрагмент морфонологической системы русского языка, подобно тому, как совершенно по-особому ведут себя заднеязычные в фонологической системе². Прежде всего, морфонологическая характеристика заднеязычных не может не зависеть от фонологической трактовки мягких k' , g' , x' : недостаточность фонологической самостоятельности не позволяет считать их морфемами русского языка и заставляет относить k' , g' , x' вместе с k , g , x к нулевой ступени чередования. Однако, не имея самостоятельного фонологического статуса, они выступают в некоторых альтернативных рядах парал-

² См. морфонологический анализ заднеязычных в работе [Еськова 1964].

лельно с другими, полноценными морфонемами, ср. *веду* — *веди*, *несу* — *неси* = *пеку* — *пеки*, *берегу* — *береги* или *мама* — *мамин*, *папа* — *папин* = *тетка* — *теткин*, *Ольга* — *ольгин* и т. п.

Кроме того, заднеязычные могут испытывать смягчение в позициях, где согласные других классов остаются несмягченными. В альтернативных рядах, где согласные IV класса не претерпевают смягчения, заднеязычные могут выступать и в своем исходном виде, и в виде шипящих. Например, *пух* — *пуховый* = *дом* — *домовый*, *икать* — *икота* = *зевать* — *зевота*; но: *пух* — *пушок* = *ком* — *комоч*, *прыгаю* — *прыжок* = *скребу* — *скребок*, *сниму* — *снимок*.

Точно так же в альтернативных рядах, где представлены результаты неперегородного смягчения согласных IV класса, заднеязычные могут иметь и не иметь смягчения: *мох* — *мшаный* = *овес* — *овсяный*, *пеку* — *печешь* = *гребу* — *гребешь*, *всякий* — *всячина* = *слабый* — *слабина*, но: *помогу* — *помоги* = *везу* — *вези*, *гребу* — *гребу*; *танк* — *танкист*, *штанга* — *штангист* = *штаб* — *штабист*, *велосипед* — *велосипедист*. Таким образом, если следовать предложенному критерию квалификации чередований, т. е. сопоставлению их с чередованиями согласных IV класса, то для заднеязычных придется признать наличие большего числа ступеней, а именно: нулевой ступени 1 (*k*, *g*, *x*) и нулевой ступени 2 (*č*, *ž*, *š*), ступени неперегородного смягчения 1 (*k*, *g*, *x*, точнее *k'*, *g'*, *x'*) и ступени неперегородного смягчения 2 (*č*, *ž*, *š*), и, наконец, ступени переходного смягчения (*č*, *ž*, *š*). Следует, однако, заметить, что эти отклонения в поведении заднеязычных в обоих случаях могут иметь специальные дополнительные объяснения: наличие чередования в альтернативных рядах, где другие согласные выступают на нулевой ступени, может быть объяснено как следствие соседства морфемы *k* в суффиксе (*клок* + *ок* = *клочок*, при двух исключениях: *мяжок*, *лежок*); отсутствие же смягчения в альтернативных рядах с неперегородным смягчением твердых губных и переднеязычных всегда связано с наличием смягченных вариантов *k'*, *g'*, *x'* (*бабушка* — *бабушкин*, *пеку* — *пеки*, *штанга* — *штангист*). Если же отвлечься от этих случаев, то морфонологическая характеристика заднеязычных на функциональном уровне совпадет с характеристикой класса сонорных *r*, *l*, *n*.

Теперь попытаемся определить функциональный тип чередований парных мягких согласных, принадлежащих вместе с заднеязычными к III классу, для которого характерно формально переходное смягчение (*m' ~ ml'*, *v' ~ vl'*, *s' ~ š* и т. д.). В отглагольных существительных жен. рода на *-а* с нулевым суффиксом мягкие губные и переднеязычные глагольных основ чередуются аналогично твердым согласным, испытывающим в этих дериватах переходное смягчение (*купить* — *купля*, *ловить* — *ловля*, *встретить* — *встреча*, *студить* — *стужа*, *носить* — *ноша* = *капать* — *капля*, *торговать* — *торговля*, *пропаду* — *пропажа*, *пряду* — *пряжа* и т. д.), т. е. в данном случае такие чередования выступают как функционально переходные. Однако можно привести другой альтернативный ряд, образуемый, например, отглагольными производными жен. рода с нулевым окончанием, где интересующие нас согласные III класса в исходе производящих глагольных основ не подвергаются смягчению, тогда как соседящие с ними в данном альтернативном ряду твердые глагольные основы претерпевают неперегородное смягчение: *прорубить* — *про-*

ружь, молвить — мольвь, (из)морозить — изморозь, смешить — смесь, ходить — (ино)ходь, городить — (из)городь = записать — запись, мазать — мазь, исповедать — исповедь и т. п. Следовательно, у данных согласных не различаются исходная ступень и ступень непереходного смягчения (нейтрализация в пользу исходной ступени), тогда как ступени непереходного и переходного смягчения различаются и функционально, и формально.

И, наконец, согласные I класса, не допускающие никаких модификаций, функционально могут быть подвержены обоим типам смягчения: ср. *дарить — дарю, веселить — веселю, помнить — помню, сушить — сушу, дружить — дружу, лечить — лечу, трещать — трещу, визжать — визжу = кормить — кормлю, купить — куплю, крутить — кручу* и т. д. (переходное смягчение), и, с другой стороны, *фонарь — фонарик, ноль — нолик, луч — лучик* и т. д. = *дом — домик, столб — столбик, сад — садик, пес — песик* и т. д. (непереходное смягчение).

Таким образом, все согласные русского языка в принципе могут иметь все три ступени чередования: исходную ступень, ступень непереходного смягчения, ступень переходного смягчения (йотацию), ибо каждый из них может вмещаться в одном альтернативном ряду с согласными IV класса. Различия же между ними определяются тем, сколько ступеней и какие именно различаются формально и соответственно — сколько ступеней и какие нейтрализуются в плане выражения (см. табл. 29). Согласные 1 функционального класса имеют единый вид на всех трех ступенях чередования; согласные 2 класса различают исходную ступень и не различают формально ступени непереходного и переходного смягчения; согласные 3 класса не различают исходной ступени и ступени непереходного смягчения и имеют особую форму выражения для переходного смягчения. И, наконец, согласные 4 класса различают все три ступени чередования, т. е. имеют для каждой из них особое выражение. Можно сказать, что таблица отражает парадигматику консонантных чередований в русском языке, их основные типы, которые реализуются во множестве конкретных альтернативных рядов, характеризующих словоизменительную и деривационную систему русского языка.

Приведенное в табл. 29 распределение консонантных альтернантов по ступеням чередования оказывается действительным для значительного числа наиболее регулярных, т. е. охватывающих многочисленные группы морфов, альтернативных рядов русского языка и позволяет описать их весьма экономным способом — указанием на характерную для каждого из них ступень чередования, избавляя от необходимости описывать поведение каждой отдельной группы консонантных исходов. Вместе с тем для такой морфонологической системы, как русская, это распределение не имеет абсолютной силы и достаточно часто нарушается, ибо альтернативные ряды могут включать одновременно звенья с несовпадающим распределением ступеней (ср. *воз — возок, князь — князек, смех — смешок, голубь — голубок*). Из этого следует, что морфонологическая система русского языка не является строго упорядоченной, а чередования не всегда носят абсолютно регулярный характер, т. е. не являются абсолютно обязательными для всех морфов в определенной морфонологической позиции.

Таблица 29

Функциональная морфонологическая классификация

Формальный класс	Исходная ступень	Степень неперех. смягчения	Степень перех. смягчения	Функциональный класс
I		j r' l' n' š ž š' ž'		1
II	r l n		r' l' n'	2
III	k g x c		č ž š č	
		m' v' f' p' b' t' d' s' z'	ml' vl' fl' pl' bl' č ž š ž	3
IV	m v f p b t d s z	m' v' f' p' b' t' d' s' z'	ml' vl' fl' pl' bl' č ž š ž	4

В принципе эта особенность морфонологической системы русского языка хорошо известна, однако до сих пор по существу не ставился вопрос о степени ее нерегулярности, если не считать, во-первых, случайных указаний на те или иные частные отклонения в отдельных типах чередований и, во-вторых, об-

щих представлений о том, что таких отклонений больше в системе деривации, чем в словоизменении. По-видимому, здесь следовало бы прежде всего определить общие условия, при которых морфонологическую систему можно было бы считать регулярной. Очевидно, что самым первым и вместе с тем самым слабым должно быть условие, определяющее поведение морфов с одинаковыми консонантными исходами в одних и тех же позициях: они должны иметь один и тот же тип чередования, т. е. завершающие их морфемы должны выступать на одной и той же ступени чередования. Например, все основы с исходом *-t'* должны иметь один и тот же вид в любом альтернативном ряду. Если это условие не соблюдается, то, по всей вероятности, вообще нельзя говорить о системе чередований. В русском языке в абсолютном большинстве случаев морфы с одинаковым консонантным исходом имеют тождественные изменения в одних и тех же морфонологических условиях. Можно, однако, указать отдельные случаи нарушения этого правила, причем эти нарушения могут быть двух принципиально различных типов. При одном типе нетождественности морфы с одинаковым консонантным исходом имеют различные результаты чередования, но эти различные результаты относятся к одной и той же ступени чередования и являются как бы вариантами альтернантами. Например, глагольные основы *крутить* и *сократить* имеют различный вид в одном и том же альтернативном ряду: *крутить* — *кручу* — *крутишь* и *сократить* — *сокращу* — *сократишь*, но альтернанты *щ* и *ш* относятся к одной и той же ступени чередования исходного *t'*. При другом типе тождественные исходные согласные претерпевают смягчение различных ступеней, ср. *локоть* — *локоток*, но *зять* — *зятёк*; *простой* — *проста́к*, но *пустой* — *пустя́к*; *Варшава* — *варшавянин*, но *Киев* — *киевлянин*.

Следующее, более сильное условие: в любой морфонологической позиции все согласные одного морфонологического класса должны выступать на одной и той же ступени чередования. То есть, если основы с исходом на *-m* имеют в данной позиции вид *-ml'*, то и основы на *-p, -b, -f, -v, -t, -d, -s, -z* должны иметь соответственно вид *-pl', -bl', -fl', -vl'* и т. д. В принципе система консонантных чередований в русском языке удовлетворяет этому условию однородности изменения согласных, принадлежащих одному и тому же классу, и здесь трудно найти такие исключения, которые противопоставляли бы разные согласные в пределах одного морфонологического класса. Понятно, что речь может идти только об исключениях, поскольку сами морфонологические классы согласных выделяются по признаку общности их морфонологического поведения. Примечателен тот факт, что если такие отклонения от поведения целого класса и обнаруживаются в той или иной морфонологической позиции, то они могут касаться и морфов с одним и тем же консонантным исходом и, следовательно, могут быть истолкованы как нарушения первого условия.

И, наконец, самое сильное условие: в любой морфонологической позиции все согласные всех классов должны иметь одну и ту же ступень чередования.

Очевидно, что эти три условия связаны таким образом, что каждое последующее предполагает соблюдение предыдущих. Поэтому система чередований, удовлетворяющая последнему правилу, может быть признана наиболее строго организованной, или регулярной. Можно сказать, что исследователи русской

морфонологии имплицитно исходят именно из такой полностью упорядоченной системы. Действительно, русская морфонологическая система, будучи продуктом некогда регулярных фонетических изменений (фонетических законов), отличается высокой степенью регулярности. Но она не является в этом отношении однородной. В ней есть фрагменты более регулярные и менее регулярные. В целом абсолютно регулярный характер (в указанном выше смысле) носят морфонологические правила именного и глагольного словоизменения, тогда как в области словообразования можно указать немало позиций, где условия регулярности не выполняются. Это зависит и от меньшей регулярности словообразовательных моделей по сравнению со словоизменительными, и от способа их интерпретации, т.е. избираемого исследователем направления деривации. Например, при образовании уменьшительных существительных с суффиксом *-ok* согласные IV класса выступают на нулевой ступени чередования: *воз — возок, колос — колосок, гриб — грибок* и т.д., тогда как мягкие губные и переднеязычные (III класс) могут иметь в этой позиции отвердение: *голубь — голубок, желудь — желудок, локоть — локоток*, однако у тех же основ может отсутствовать отвердение: *князь — князек, гусь — гусек, зять — зятек*. В случаях, когда один деривационный тип имеет разного рода чередования в пределах одних и тех же основ (ср. *простой — простак, но пустой — пустяк*), исследователь вынужден расчленять его на два различных альтернативных ряда, т.е. исходить из двух омонимичных суффиксов: *-ak₁* (несмягчающий) и *-ak₂* (смягчающий)³. Разумеется, такое решение оправдано лишь тогда, когда примеры одного и другого рода не единичны, т.е. не могут быть истолкованы как простые исключения из одного регулярного типа.

Таким образом, схема распределения консонантных чередований по ступеням может быть принята для русского языка как некоторая система отсчета, по отношению к которой могут быть описаны все реально существующие в русском языке альтернативные ряды в словоизменении и словообразовании. Могут быть выделены морфонологические позиции (и соответствующие им альтернативные ряды), для которых характерно непереходное смягчение, и позиции, для которых характерно переходное смягчение, так же как и позиции, в которых альтернанты выступают на нулевой ступени чередования. И, наконец, особую категорию составят альтернативные ряды, включающие звенья с различным распределением по ступеням чередования.

До сих пор речь шла только о чередованиях, относящихся к типу палатализации, или смягчения. В принципе все виды консонантных чередований могут быть подведены под механизм смягчения при условии, что будет избрано соответствующее направление чередования. Однако реально выбор направления чередований диктуется не принципом удобства описания каждого отдельного чередования (соответствующим в большинстве случаев историческим отношениям между альтернантами), а структурой парадигм и деривационных рядов, каждый из которых может включать звенья с различным распределением ступеней. Отсюда вытекает необходимость понятия диспалатализации, или отвердения. Так, словообразовательные отношения между видовыми глагольными приставочными парами типа

³ Такой подход принят, например, в [Чурганова 1973.]

схватить — *схватывать* заставляют считать исходной бессуффиксальную форму совершенного вида, но тогда окажется, что этот ряд включает, с одной стороны, пары, связанные отношением палатализации (*уплатить* — *уплачивать*, *спросить* — *спрашивать*, *заморозить* — *замораживать*, *придавить* — *придавливать*, *разгладить* — *разглаживать*), а с другой — пары, связанные отношением диспалатализации, при одинаковых консонантных исходах непроеизводных членов (*проглотить* — *проглатывать*, *сбросить* — *сбрасывать*, *надломить* — *надламывать*, *подглядеть* — *подглядывать*) [подробнее см. Толстая 1998]. Даже если признать морфонологически различными суффиксы *-iva₁-*, требующий смягчения исходной глагольной основы, и *-iva₂-*, требующий отвердения исходной глагольной основы, потребность в понятии диспалатализации остается. Диспалатализация характерна для некоторых достаточно регулярных словообразовательных типов, в особенности для разного рода отглагольных существительных (где, как правило, направление деривации не вызывает сомнений): *укорить* — *укор*, *подарить* — *подарок*, *поселить* — *поселок*, *осадить* — *осадок*, *обрубить* — *обруб*, *слепить* — *слепок*, *услужить* — *услуга*, *разлучить* — *разлука* и т. п.

Механизм диспалатализации, естественно, зеркален рассмотренному выше механизму смягчения, однако его описание сопряжено с некоторыми дополнительными трудностями, связанными с тем, что, во-первых, диспалатализация вообще носит менее регулярный характер, а, во-вторых, на нулевой, исходной ступени здесь выступает немало омонимичных морфем, которые имеют различные диспалатализованные альтернанты (например, $\check{s}_1 \sim x$, $\check{s}_2 \sim s' \sim s$; $\check{c}_1 \sim k$, $\check{c}_2 \sim c$, $\check{c}_3 \sim t' \sim t$ и т. п.). Таким образом, на нулевой ступени могут выступать следующие единицы:

- 1) согласные, формально не подверженные диспалатализации: *r, l, n, m, v, f, p, b, t, d, s, z, k, g, x, j*;
- 2) согласные, имеющие только формально непреходную ступень диспалатализации: *r' (r), l' (l), n' (n), m' (m), v' (v), f' (f), p' (p), b' (b), t' (t), d' (d), s' (s), z' (z)*;
- 3) согласные, имеющие только формально переходную ступень диспалатализации: $\check{c}_1 (k)$, $\check{z}_2 (g)$, $\check{s}_1 (x)$, $\check{c}_2 (c)$, *c (k)*;
- 4) морфемы, имеющие две различных ступени формально переходного смягчения: *ml' (m', m), pl' (p', p), bl' (b', b), vl' (v', v), fl' (f', f), \check{s}_2 (s', s), \check{z}_2 (z', z), \check{z}_3 (d', d), \check{c}_3 (t', t)*.

Эта схема, представляющая собой зеркальную проекцию отношений палатализации, в действительности в русском языке реализуется в весьма неполном виде, причем, очевидно, не все лакуны можно объяснить простой случайностью, т. е. лексической незасвидетельствованностью. В частности, нельзя никак счесть случайным отсутствие примеров диспалатализации сложных морфем *ml', pl', bl', vl', fl'*: в видовых парах типа *ущемить* — *ущемлять*, *удивить* — *удивлять* всегда предпочтительнее избрать направление от основы совершенного вида к основе несовершенного, т. е. *m' ~ ml'*, а прочие глагольные и именные основы, включающие альтернанты этого типа, обычно бывают завершающими в альтернативной цепочке и не дают производных. Видимо, так же следует объяснять отсутствие остальных чередований в этой группе морфем: $\check{s}_2 \sim s, s'$; $\check{z}_2 \sim z, z'$; $\check{z}_3 (\check{z}d) \sim d, d'$; $\check{c}_3 \sim t, t'$ (такие пары, как *примечать* — *примета*, *награждать* —

награда, заражать — *зараза*, очевидно, следует считать связанными не непосредственно, а через соответствующие глагольные основы совершенного вида: *приметить, наградить, заразить*). Наоборот, значительной продуктивностью отличаются диспалатализации типа $\check{c}_1 \sim k, \check{z}_1 \sim g, \check{s}_1 \sim x, c \sim k$. В частности, они регулярны в производных глаголах совершенного вида с суффиксом *-ни-*: *кричать* — *крикнуть*, *дрожать* — *дрогнуть*, *дышать* — *дыхнуть*, *бряцать* — *брякнуть*, а также в отглагольных существительных: *соскочить* — *соскок*, *утешить* — *утеха*, *услужить* — *услуга*. В тех же категориях регулярно подвергаются диспалатализации и морфемы второй группы, т. е. парные мягкие согласные, испытывающие непереходное отверждение: *ковырять* — *ковырнуть*, *укорить* — *укор*, *поклониться* — *поклон*, *посолить* — *посол*, *ухмыляться* — *ухмылка* (но перед суффиксом *-ни-* отверждение *l'* не происходит: *ухмыляться* — *ухмыльнуться*), *разгромить* — *разгром*, *скрепить* — *скрепка*, *обрубить* — *обрубок*, *добавить* — *добавка*, *сидеть* — *непоседа*, *осадить* — *осадок*, *приметить* — *примета*, *свистеть* — *свисток*, *хрустеть* — *хрустнуть*, *покосить* — *покос*, *погрузить* — *погрузка*, *заразить* — *зараза* и т. п. Можно указать на подобные примеры из области отсубстантивного образования имен: *рысь* — *рысак*, *клеть* — *клепушка*, *ель* — *еловый*, *корень* — *коренастый* и т. п.

Если же говорить о функциональных отношениях согласных в чередованиях типа диспалатализации, подобно тому как выше рассматривались функциональные отношения при палатализации, то придется признать, что в случае диспалатализации эти отношения значительно менее отчетливы и ожидают еще специального изучения.

* * *

Анализ парадигматики в системе согласных морфоном русского языка приводит к выводу, что эта система состоит из 47 единиц, из которых шесть морфоном вообще не вступают в морфонологические корреляции с другими морфонами ($j, \check{s}_0, \check{z}_0, \check{c}_0, \check{s}', \check{z}'$; причем $\check{s}_0, \check{z}_0, \check{c}_0$ с нулевым индексом и \check{s}', \check{z}' обозначают морфонологически «непроизводные» консонанты, представленные, например, в таких основах, как *каша, нож, меч, вещь, дрожжи*). Согласные r, l, n могут подвергаться только непереходной палатализации и коррелируют с r', l', n' , которые могут подвергаться только диспалатализации непереходного типа. Серия заднеязычных k, g, x может претерпевать только переходное смягчение, коррелируя в этом случае с $\check{c}, \check{z}, \check{s}$. Особый разряд составляет консонант c , подверженный как палатализации (корреляция с \check{c}), так и диспалатализации (корреляция с k) переходного типа. Губные и переднеязычные твердые согласные $m, v, f, p, b, t, d, s, z$ могут быть подвержены обоим видам смягчения и не подвержены диспалатализации. Они коррелируют с серией мягких губных и переднеязычных $m', v', f', p', b', t', d', s', z'$, которые в свою очередь допускают переходное смягчение (коррелируют с $ml', vl', fl', pl', bl', \check{c}_3, \check{z}_3, \check{s}_2, \check{z}_2$) и непереходную диспалатализацию (коррелируют с $m, v, f, p, b, t, d, s, z$). И, наконец, серия $\check{c}_1, \check{s}_1, \check{z}_1, \check{s}_2, \check{z}_2, \check{c}_2, ml', vl', fl', pl', bl', \check{c}_3, \check{z}_3$ может быть подвержена только переходной диспалатализации (см. табл. 30).

Морфологические классы согласных в русском языке

Класс	Палатализация		Диспалатализация		Состав класса
	неперех. ступень	перех. ступень	неперех. ступень	перех. ступень	
I	-	-	-	-	j, š ₀ , ž ₀ , č ₀ , š̄', ž̄'
II	+	-	-	-	r, l, n
III	-	-	+	-	r', l', n'
IV	-	+	-	-	k, g, x
V	-	+	-	+	c
VI	+	+	-	-	m, v, f, p, b, t, d, s, z
VII	-	+	+	-	m', v', f', p', b', t', d', s', z'
VIII	-	-	-	+	š ₁ , ž ₁ , č ₁ , š ₂ , ž ₂ , č ₂ , ž ₃ , č ₃ , ml', vl', fl', pl', bl'

Приложение 2

К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на **-еньје*

В статье «Морфонологические модели *Луцѣ — Лучинѣ* и *Лукѣ — Лукинѣ* в славянских языках» А. А. Зализняк привел группировку славянских языков по признаку наличия/отсутствия результатов второй палатализации в парадигме существительных типа **rǫka, *noga, *tucha* и наличия/отсутствия результатов первой палатализации задненебных в притяжательных прилагательных с суффиксом *-in* от тех же имен. Параллелизм в морфонологическом оформлении этих образований, имеющий семантическую и грамматическую мотивировку, характерен для всех славянских языков, тогда как результаты самих палатализаций представлены в одних языках и по разным причинам отсутствуют в других. Блискую к этому картину обнаруживают известные всем славянским языкам отглагольные имена на **-еньје*. Подобно притяжательным прилагательным, они располагаются на границе словоизменения и словообразования (в польской грамматической традиции, например, их обычно трактуют как парадигматические формы глагола), сохраняя морфонологическую и словообразовательную соотносительность с формами страдат. причастий прош. времени на *-en*: *nomina actionis* на **-еньје* образуются, как правило, от тех же типов глагольных основ и по той же морфонологической модели (с чередованием конечного согласного основы или без него), что и соответствующие причастия, ср. русск. *снабжен — снабжение, но приобретен — приобретение; утомлен — утомление, но произведен — произведение* и т. п. Эта соотносительность, однако, нарушена у производных от глаголов с темой **ě/i*, ср. русск. *терпеть — терпение, но претерпеленный* (устар. *претерпенный* — [ГС]); *сидеть — сидение, но высиженный* и т. п. (исключение составляет *видеть — видение — увиденный*).

Что касается самого чередования, то в данном случае нас будут интересовать результаты пережитой всеми славянскими языками йотации согласных (изменения сочетаний согласных с последующим *j*). В отглагольных именах на **-еньје* йотация имела место только в дериватах от *i*-глаголов, ср. ст.-слав. *покореник, но бореник; кажденик, но паденик, сѣденик; истрѣбленик, но погребеник; оугашеник, но принесеник, вѣскрьсеник* (от *вѣскрьснѣти*) и т. п. В современных славянских языках результаты йотации в производных от *i*-глаголов представлены непоследовательно, ср. с отражением йотации ст.-слав. *хожденик, болг. хождение, др.-рус. хожение, сербскохорв. хођенье, словен. hōjenje, польск. chodzenie, чеш. chogení; и без следов йотации: макед. одење, словац. chodenie*. Причины этой непоследовательности различны: аналогическое выравнивание с устранением йотированных рефлексов (или, наоборот, с их распространением на модели, исконно не знавшие йотации), фонологическая и

фонетическая утрата палатальности согласными, не имевшими специальных рефлексов йотации, и др. Это отличает *deverbativa* на **-enъje* от существительных типа **medja*, **sadja*, **světja*, **zemja*, **zorja*, **volja* и т. п., которые во всех языках сохраняют (хотя и в разном виде) йотированные рефлексы конечных согласных и на которые обычно опираются авторы сравнительных грамматик при анализе йотации.

Наличие или отсутствие йотированных рефлексов в отглагольных именах на **-enъje* позволяет сгруппировать славянские языки следующим образом: I — старославянский, русский и польский языки, в которых *deverbativa* на **-enъje* последовательно сохраняют следы йотации для всех типов согласных (в той степени и в том виде, в каком эти следы представлены в именах на **-ja*); II — белорусский, украинский, сербскохорватский и словенский, где йотированные рефлексы устранены лишь в серии сонорных и частично (т. е. возможны наряду с йотированными рефлексами) в других сериях согласных; III — чешский и болгарский, в которых йотация не отражена у губных и в той или иной степени сохранена в серии переднеязычных и сонорных; IV — словацкий и македонский, для которых характерно полное отсутствие следов йотации в интересующих нас образованиях.

I. В старославянском языке в дериватах от *i*-глаголов на *-еник* (*-кник*) представлено регулярное чередование сонорных, губных и переднеязычных по типу йотации: *r ~ r'*, *l ~ l'*, *n ~ n'*, *m ~ ml'*, *p ~ pl'*, *b ~ bl'*, *v ~ vl'*, *t ~ št'*, *d ~ žd'*, *s ~ š*, *z ~ ž*, *st ~ št'*, *zd ~ žd'*, *sl ~ šl'*, *zn ~ žn'*, *tr ~ štr'*, ср. *покоркник*, *хвалкник*, *чинкник*, *кръмлкник*, *кропкник*, *истрѣблкник*, *правлкник*, *защипкник*, *кажденик*, *оугашеник*, *погржженик*, *крьщеник*, *помышлкник*, *оупражкник*, *обашкркник* (*обаштрити*) на фоне столь же регулярного отсутствия йотации в производных от глаголов других классов: *бореник*, *коленик*, *терпеник*, *погребеник*, *обретеник*, *паденик*, *опасеник*, *принесеник* и т. п. [SA, CC].

Для большинства старославянских существительных на **-enъje* засвидетельствованы производящие глаголы на *-i*, и лишь в отдельных случаях йотация или ее отсутствие не подтверждаются глагольными формами. Так, для *оуныкник*, *оусынкник* не обнаруживаются ожидаемых глаголов **оунынити* (при наличии *оуныти*), **оусынити*, которые бы оправдывали йотированный вид согласного перед **-enъje*. Напротив, *благословеник*, которое принято считать искаженным вариантом закономерной формы с йотированным согласным — *благословлкник* от *i*-глагола *благословити* (аналогично *благословенъ* и *благословлкнъ*), в действительности может быть истолковано и как «правильное» образование, но от другой глагольной основы — *слоути* (в пользу правомерности обоих производных — с йотацией и без нее — говорит и устойчивость обоих вариантов в церковнославянском и русском языках: *благословение* и *благословление*, ср. *воскресение* от *воскреснуть* и *воскрешение* от *воскресить*). Трудно объяснить и морфологию форм *благословественик* и *благословецвеник* — в обоих случаях следовало бы ожидать йотированного рефлекса *-в-* в соответствии с *i*-глаголом *благословествити* (наличие *ц* во втором случае также указывает на исконную йотированность конечного согласного основы). Морфологически немотивированной выглядит и форма *оумръцвеник*: от *оумрътвити* должно быть **оумръцвлкник* (ср. рус. *умерщвление*), от *оумрътвѣти* — **оумрътвѣкник*,

а от *оумръцѣвати* (*оумръцѣвати*) — **оумръцѣваник* (**оумръцѣваник*). Не получает объяснения и этимологически темное *въсхлациник* (вероятно, родственно рус. *выхолощенный*), для которого нет подходящей производящей основы. Неясна также морфонологическая модель без йотации в *кръстеник* при *кръстити* (ср., однако, сербскохорв. *кршѣње* и *крштење*, где последняя форма явно продолжает церк.-слав. *кръченик*); отсутствует требуемая глагольная основа для *гръжденик*.

Русский язык в интересующем нас отношении в принципе не отличается от старославянского, обнаруживая регулярную йотацию (переходное смягчение) согласных в исходе производящей глагольной основы: *стремление, накопление, ограбление, направление, свечение, брожение, приглашение, сражение, оснащение*. Переднеязычные *t* и *d* имеют два вида йотации — собственно русскую (*č, ž*) и церковнославянскую (*š, žd'*), ср. *коптитъ* — *копчение*, но *посетитъ* — *посещение, следить* — *слежение*, но *родитъ* — *рождение* [см. ГС].

Для сонорных результаты йотации совпадают с результатами непереходного смягчения, поэтому в *курение, соление, сочинение*, производных от *i*-глаголов, предшествующие суффиксу сонорные следует считать морфонологически йотированными, а в *горение, обмеление, помутнение*, соотносимых с глаголами на *-еть*, фонологически тождественные им сонорные должны быть признаны не йотированными, а смягченными по типу непереходного смягчения (ср. *гудение, везение, метение*). Как и в старославянском, производные на *-ение* от других классов глаголов не обнаруживают следов йотации, а лишь результаты непереходного смягчения: кроме упомянутого смягчения сонорных, здесь представлены мягкие корреляты губных и переднеязычных, отличные от йотированных, ср. *разумение, полевение, терпение, погребение, кряхтение, худение, трясение, везение, опустение*. Глагольные основы, имеющие в исходе заднеязычный, регулярно отражают результаты первой палатализации: *толк* — *толчение, свергну* — *свержение* (примеров на чередование *x - š* нет).

К трудным или отклоняющимся от нормы случаям в русском языке можно отнести производные с неоправданной йотацией: *верчение* от *вертеть* (морфонологически правильная форма — **вертение*, ср. *кряхтеть* — *кряхтение*; ср., однако, польск. *wiercić*, оправдывающее йотацию), *ржавление* (вместо **ржавение*) от *ржаветь*; *выздоровление* от *выздороветь* (впрочем, для этого глагола вообще характерны колебания в выборе морфологического класса, ср. распространенную в просторечии форму 1 ед. наст. времени *выздоровлю* вместо нормативного *выздоровею*). При наличии однокоренных глаголов разных классов, один из которых (*i*-глагол) требует йотации, а другой ее исключает, не всегда образуются параллельные *nomina actionis* типа *воскресение* (к *воскреснуть*) — *воскрешение* (к *воскресить*), *огрубение* (к *огрубить*) — *огрубление* (к *огрубить*); чаще остается лишь одно образование на *-ение*, которое может соотноситься с обоими глаголами. Например, глаголам *отрезветь, протрезветь* и *отрезвить, протрезвить* соответствует по одному деривату — соответственно *отрезвление, протрезвление*, которые семантически связаны с некаузативными *e*-глаголами, а морфонологически — с *i*-глаголами (наличие йотации). То же можно сказать о случае *охлаждение* к *охлаждать* и *охладеть*; *ослабление* к *ослабеть* и *ослабить* и т. п. Противополож-

ное явление — отсутствие йотации в дериватах от *i*-глаголов — демонстрируют производные *клеяние* к *клеить* (ср. также *заклеймен* вместо ожидаемого **заклеймлен*), *затмение* к *затмить* (о тяготении этого глагола к классу *e*-глаголов свидетельствует имперфектив *затмевать*), *благословение* к *благословить*.

В польском языке, где отсутствуют бифонемные рефлексy йотированных губных, противопоставление морфонологически палатальных (в русском им соответствуют результаты непереходного смягчения) сохраняется только в серии переднеязычных: *t ~ ć ~ c*, *d ~ ź ~ ż*, **s ~ ś ~ ś*, *z ~ ź ~ ż*, *st ~ ść ~ ść*, *zd ~ źź ~ źź* (*źdź*). Для всех остальных согласных ступень палатальности и ступень йотации выглядят одинаково: *r ~ ż*, *t ~ ł*, *n ~ ń*, *m ~ m'*, *b ~ b'*, *p ~ p'*, *v ~ v'*, *f ~ f'*.

В дериватах на *-enie* от глаголов на *-ić* йотация представлена столь же последовательно, что и в именах типа **burja* (*burza*), **volja* (*wola*), **stajnja* (*stajnia*), **glōbja* (*głębia*), **stōpja* (*stępia*), **svētja* (*świeca*), **medja* (*miedza*), **pasja* (*pasza*), **tixja* (*cisza*), **pustja* (*puszcza*), ср. *palenie*, *zwolnienie*, *karmienie*, *gubienie*, *bawienie*, *trafienie*, *płatnienie*, *chodzenie*, *gaszenie*, *mrożenie*, *pomieszzczenie*, *przygwożdżenie* (Индекс).

Любопытной особенностью польского языка является то, что в дериватах на *-enie* от глаголов на *-eć* (праславянские *ě*-глаголы), где по правилу не должно быть йотации (ср. старославянский и русский), производные от глаголов с конечным **t* и **d* показывают йотированные рефлексy согласных: *chcenie*, *idiocenie*, *-siedzenie*, *-wiedzenie*, *-widzenie*, *zatwardzenie* при ожидаемых **chcienie*, **siedzienie* и т. д. (ср. рус. *хотение*, а не **хочение*; *поседение*, а не **посежение*). В случае других конечных согласных йотации не наблюдается: *tyśnienie*, *sfrancuzienie* и даже *zniewieścienie* (конечное **st*). Эта же особенность характерна для глаголов с консонантным исходом «базовой» основы: *-gniecenie*, *-plecenie*, *-kładzenie* (йотированные рефлексy исходных *t*, *d*), но *pasienie*, *niesienie*, *wiezenie*, *gryzienie* (палатализованные рефлексy **s*, **z*).

Общее правило, по которому производные от *i*-глаголов должны иметь йотированные рефлексy, а производные от остальных классов — нейотированные (палатализованные), может нарушаться в польском в обе стороны. Так, ряд дериватов от глаголов на *-ić* вопреки правилу не имеет йотации: *załęśić* — *załęśienie*, *mięśić* — *mięśienie*, *orzęśić* — *orzęśienie*, *włosić* — *włosienie* и т. п., т. е. совпадает по своей морфонологической модели с производными от глаголов на *-eć*: *tyśić* — *tyśienie*. Причина этой аномалии кроется, как кажется, в семантике этих глаголов и отглагольных имен. В принципе в каждом случае могли бы существовать пары глаголов, противопоставленные по каузативности, типа *kosmacieć* и *kosmacić*, причем от каждого из них возможен девербатив: соответственно **kosmacienie* (без йотации) и *kosmacenie* (с йотацией), ср. рус. *огрубеть* — *огрубение* и *огрубить* — *огрубление*. В действительности, однако, имеется лишь один дериват на *-enie*, обслуживающий оба глагола. Но в одних случаях этим дериватом оказывается, независимо от семантики, производное от *i*-глагола, а в другом — производное от *e*-глагола. Например, от глаголов *żółcieć* 'желтеть' и *żółcić* (*się*) '*желтить(ся)' образуется *żółcenie*, формально производное от *żółcić*, а семантически производное от глагола со значением 'желтеть' (*żółcieć*), но соотносительное по значению и с глаголом

на *-ić* благодаря возвратной семантике, привносимой частицей *się*: *złócić się*, ср. рус. *золотиться* при *золотеть* и общий для них девербатив *золочение*, формально соотносительный лишь с *золотить(ся)*. Ср. также *bogacenie* от *bogacieć* и *bogacić się*; *kiszenie* от *kisieć* и *kisić* и т. п.

С другой стороны, в некоторых случаях дериваты на *-enie* без йотации, которым формально и семантически должны соответствовать *e*-глаголы, имеют производящую основу лишь в классе *i*-глаголов: *-lesić* — *-lesienie*, *mięsić* — *mięsienie*, *orzęsić* — *orzęsienie*, *-włosić* — *-włosienie*, *rozgałęzić (się)* — *rozgałęzienie* (ср. «правильные» образования от *i*-основ с йотацией: *kwasić* — *kwaszenie*, *krasić* — *kraszenie*, *wiesić* — *wieszenie*, *wymusić* — *wymuszenie*, *łazić* — *łazenie*, *wozić* — *wożenie* и т. п.). Единственным примером обратного нарушения правила, т. е. использования йотации при производящем *e*-глаголе, является *wisieć* — *wiszenie* (ср. рус. *висение* без йотации).

Белорусский язык сохраняет противопоставление йотированных и палатализованных рефлексов во всех сериях согласных, кроме сонорных (при этом *r* вообще не знает ни того, ни другого вида смягчения): *l - l'*, *n - n'*, *m - m'*, *p - p'*, *b - b'*, *v - v'*, *t - c' ~ č*, *d - ž' ~ dž*, *s - s' ~ š*, *z - z' ~ ž*, *st - s'e' ~ š*. В целом отглагольные имена на *-еньје соблюдают правило йотации в дериватах от *i*-глаголов: *тварэнне*, *хваленне*, *скланенне*, *тамленне*, *усыпленне*, *аграбленне*, *тапленне*, *маўленне*, *пасвячэнне*, *буджэнне*, *запрашэнне*, *заражэнне*, *апрашчэнне*; йотация закономерно отсутствует в большинстве производных от глаголов других классов: *агрубенне*, *пасівенне*, *аняменне*, *цярпенне*, *булькаценне*, *пляценне*, *гудзенне*, *вярзенне*, *палысенне*, *нясенне*, *грызенне*, *шалясценне* и т. п. [SaTJB]. Однако есть немало примеров, где йотация производных от *i*-глаголов отсутствует или где допускаются нейотированные варианты наряду с йотированными: *вабіць* — *вабенне* и *вабленне*, *даўбіць* — *даўбенне*, *кукобіць* — *кукобенне*, *мовіць* — *мовенне*, *лазіць* — *лазенне*, *кляйміць* — *кляйменне* (ср. аналогично без ожидаемой йотации рус. *клеямение*), *зацьміць* — *зацьменне* (ср. рус. *затмение*); *абязлесець* и *абязлесиць* — *абязлесенне* и т. п. Подобные колебания наблюдаются и у страдат. причастий от *i*-глаголов: *обмовены* и *обмовлены* [Носович 1870: 349], *кукобены* и *кукоблены* [Станкевич б/г: 597] и т. п. Значительно меньше отклонений в противоположную сторону, т. е. неоправданной йотации в производных от *e*-глаголов: *пасядзець* — *пасяджэнне*, *вярצעць* — *вярчэнне* (ср. аналогичное отклонение в рус. *верчение*).

II. В украинском языке от глаголов на *-ити*, продолжающих праславянские **i*-глаголы, нормально образуются *nomina actionis* на *-ення* с чередованием предшествующего согласного по типу йотации: *повідомлення*, *захоплення*, *ваблення*, *давлення*, *свічення*, *справдження*, *квашення*, *зниження*, *змещення*, *обіждження* и т. п. (суффикс всегда безударен), в отличие от глаголов на *-ити*, продолжающих праславянские **ě*-глаголы, производные которых на *-іння* (всегда с ударением на суффиксе) йотации не знают: *здуміння*, *сопіння*, *огрубіння*, *терпіння*, *посивіння* и т. п. Ср. *голубити* — *голублення* и *голубити* — *голубіння*. Такое распределение, однако, не является вполне регулярным, поскольку от глаголов на *-ити* нередко образуются дериваты на *-іння*: *дробити* — *дробіння*, *ловити* — *ловіння*, *кадити* — *кадіння*, *щадити* — *щадіння*, *голосити* — *голосіння* и т. д., которые, как правило, следов йотации

не имеют. Ср., однако: *правління, управління, стремління, кормління* при наличии параллельных образований на *-ення*: *правлення, управління, прокормлення*, для которых йотированные рефлексy являются закономерными. Параллельные дериваты на *-ення* и *-іння* от глаголов на *-ити* (но не от глаголов на *-іти*) встречаются достаточно часто: *садити — садіння и садження, крутити — крутіння и кручення, ходити — ходіння и ходження, сушити — сушіння и сушення, щадити — щадіння, но заощадити — заощадження* и т. п. Подобная двойственность (наличие дериватов на *-ення* и *-іння*) наблюдается и в тех случаях, когда «базовая» глагольная основа оканчивается на согласный: *кладення, викрадення, наведення, прядення, плетення, несення* и — *погребіння, падіння, ведіння, бережіння, везіння, спасіння, плетіння, гризіння* и др. Здесь следов йотации не обнаруживается [ІСУМ].

В отличие от русского языка, где для *г, л, п* в дериватах на *-ение* выступают те же йотированные рефлексy, что и в **zorja, *volja, *tonja* и т. д., в украинских дериватах на *-ення* сонорные утратили следы йотации в результате общего отвердения согласных перед *-е*, тогда как в других позициях йотация сонорных сохраняется: *зоря, воля, тоня*. Следовательно, модель с морфологической йотацией (переходным смягчением) характерна в украинском языке лишь для производных от глаголов на *-ити* с губным и переднеязычным конечным согласным производящей основы. В производных на *-іння* независимо от того, соотносятся ли они с глаголами на *-іти* или с глаголами на *-ити*, имеет место непереходное смягчение для всех согласных, вовлеченных в фонологическое противопоставление по палатальности: *варіння, соління, щеміння, свербіння, кипіння, ревіння, шкодіння, воркотіння, косіння, отверезіння*, а в случае глагольной основы с исходом на заднеязычный представлен результат первой палатализации: *бережіння* (то же перед *-ення*: *збереження*).

Сербскохорватский язык хорошо сохраняет следы йотации во всех сериях согласных, утратив лишь йотированное *г*, и соблюдает в целом условия, определяющие наличие йотации. Как и в других языках, йотация характерна для производных от *i*-глаголов: *мољење, храњење, ломљење, искуплење, граљење, прављење, памћење, рођење, прошење, погружење* (при этом, как и в старославянском, *l*-эпентетикум в рефлексах йотированных губных — мягкий). От глаголов на *-стити* образуются двойки йотированные формы — на *-шћење* и на *-штење* (первые отражают йотацию конечного *t* с последующей автоматической йотацией предшествующего *s*, т. е. *st* → *sc̣* → *šč̣*, а вторые — особую судьбу исконных сочетаний **st*, т. е. *st* → *št*): *коришћење и кориштење, овлашћење и овлаштење, кришћење и криштење* и т. п. Аномальное отсутствие йотации имеет место в областной форме *светење* 'освященная еда', наряду с нормативной формой *свећење* при глаголе *светити* (*се*).

Производные от **ě*-глаголов, в отличие от других славянских языков, в сербскохорватском образуются без йотации лишь в нескольких лексикализованных случаях: *бдети — бдење, говети — говење, хтети — хтење, летети — летење и лећење*. В современном языке возобладала модель с йотацией: *видети — виђење, гудети — гуђење, волети (се) — вољење, разумети — разумење, кипети — кипљење, ћутети — ћућење, пламтети — пламћење* и т. д. (то же в екавском варианте: *видјети — виђење, разумјети — разумење* и т. д.). В нор-

мативных словарях иногда приводятся параллельные формы без йотации, которые, однако, снабжены пометой «нелитературное»: *врвеньє* (к *врвльєньє*), *гладньєньє* (к *гладньєньє*), *мрзєньє* (к *мржєньє*).

Многие *-*е*-глаголы в сербскохорватском языке имеют параллели в классе *-*i*-глаголов: *лудети* и *лудити* (*се*), *-грубети* и *-грубити*, *-рудети* и *-рудити*, *-худети* и *-худити*, *-хладети* и *-хладити*, *-пустети* и *-пустити* (приводятся примеры экавского варианта) и т. п., причем для каждой из таких пар имеется лишь один девербатив на *-*е*-*ньје*, образуемый по модели *-*i*-основ, т. е. с йотацией: соответственно *луђєньє*, *грубљєньє*, *руђєньє*, *хуђєньє*, *хлађєньє*, *пушћєньє* и т. д.

В отличие от дериватов *-*ѣ*-глаголов, производные от глаголов с консонантным исходом базовой основы никогда не имеют йотации: *гребєньє*, *скубєньє*, *предєньє*, *бодєньє*, *једєньє*, *тепєньє* (от *тепсти*), *црпєньє* (от *црпсти* и *црпети*), *трєсєньє*, *несєньє*, *пасєньє*, *гњетєньє*, *нарастєньє* и т. п. [RWS, RHSJ].

В словенском языке, где дериваты на *-*е*-*ньје* вообще менее продуктивны, чем в других славянских языках (из-за наличия других продуктивных словообразовательных моделей для оформления абстрактного имени действия, ср. *združitev* от *združiti*, *gonja* от *goniti*, *padec* от *pasti* и т. п.), в производных от *i*-глаголов йотированные рефлексy регулярны для всех предшествующих суффиксу согласных, кроме переднеязычных взрывных *t* и *d*, ср. *govorjenje*, *gospodarjenje*, *goljenje*, *zadovoljenje*, *zvonjenje*, *glumljenje*, *zadimljenje*, *zastrupljenje*, *grabljenje*, *zabubljenje*, *zdravljenje*, *gnjavljenje*, *zanošenje*, *prošenje*, *grošenje*, *voženje*. Конечное *d* глагольной основы может выступать как в йотированном, так и в нейотированном виде, напр., *glajenje* и *gladenje* от *gladiti*, *počejenje* и *počedenje* от *počediti*; *bujenje* от *buditi*, *grajenje* от *graditi*, *hlajenje* от *hladiti*, но *grdenje* от *grditi*, *začudenje* от *začuditi* (*се*), *začadenje* от *začaditi* *се* и т. п. Без йотации остается и конечное сочетание *zd*: *zagozditi* — *zagozdenje*, *gnezditi* — *gnezdenje*, *gozditi* — *goženje* и *gozdenje*. Основы с конечным *t* отличаются последовательным отсутствием йотированных рефлексов: *klatiti* — *klatenje*, *katiti* — *kotenje*, *krotiti* — *krotenje*, *mlatiti* — *mlatenje*, *motiti* — *motenje*, *svetiti* — *svetenje*, *začutiti* — *začutenje* (пример из [Плетершник II: 822]), *pobratiti* *се* — *pobratenje* (пример из [SSHR]) и т. п. Форма с йотацией *gačenje* объясняется наличием наряду с *gatiti* глагола *gačiti*. Конечное *st*, напротив, может иметь йотированный рефлекс: *gostiti* *се* — *goščenje*.

В производных от *-*ѣ*-основ и основ с консонантным исходом йотация последовательно отсутствует: *gorenje* (*goreti*), *gostolenje* (*gostoleti*), *brnenje* (*brneti*), *grmenje* (*grmeti*), *kopnenje* (*kopneti*), *vrtenje* (*vrteti*), *hotenje* (*hoteti*); *bredenje* (*brest*), *gnetenje* (*gnesti*), *godenje* (*gosti*), *grebenje* (*grebsti*), *grizenje* (*gristi*), *pasenje* (*pasti*), *pletenje* (*plesti*) и т. д. [SSHR; Плетершник I, II].

III. В чешском языке полностью лишены следов йотации предшествующие суффиксу губные согласные: *vyrobení*, *zpodobení*, *topení*, *lepení*, *krmení*, *tlumení*, *mluvení*, *stavení*, *oslavení*. Йотированные рефлексy в девербативах на *-*е*-*ньје* от *-*i*-глаголов выступают в случае **r(ř)*, *t(c)*, *d(z)*, *s(š)*, *z(ž)*, *st(št')*, *zd(žd')*: *paření*, *vaření*, *tvoření*, *obvinění*, *plenění*; *placení*, *obracení*, *svěcení*, *nasycení*; *hlazení*, *chlazení*, *nasazení*, *chození*, *buzení*; *kvašení*, *vyhlašeni*, *nošení*, *zkušeni* (*zkusiti*), *ražení* (*raziti*), *čištění*, (*čistiti*), *spuštění* (*spustiti*), *ježdění* (*jezditi*). Для **n* йотация проявляется графически в употреблении *ě*

вместо *e*: *obvinění, plenění* при *obviniti, pleniti*. Что касается *ř*, то его морфонологический статус двойственен, т. к. этот же рефлекс выступает в позициях, где йотации не было, ср. *pařiti, vařiti, tvořiti* и т. п. при *buditi, platiti* и т. п.

В дериватах от **ě*-глаголов согласные обнаруживают морфонологическую палатальность, которая, однако, не тождественна йотации. У переднеязычных, различающих эти два вида смягчения (ср. в русском переходное и непереходное смягчение), здесь выступают не йотированные рефлексы *s, z*, как в дериватах от *i*-глаголов, а мягкие *t', d'*. Для губных отличие носит исключительно графический характер, ср. *vidění, obradění, hřmění, vypravění* (от *vypravěti*), *šumění, sladění, bdění, vrtění, chtění* и т. п. Дериваты от глаголов с консонантным завершением исходной основы следов йотации не обнаруживают: *kladení, napadení, vedení, pletení, čtení, kvetení, hnětení* и т. п. [RSSČ].

Болгарский язык в отношении интересующей нас морфонологической модели производных от **i*-глаголов характеризуется противоречивостью из-за сосуществования в нем книжной (церковнославянской или русской по происхождению) нормы, требующей йотации, и более новой нормы без йотации. Колебания обнаруживают прежде всего производные от глагольных основ на губной. Наряду с *поздравление, направление, представление, удивление, съпротивление, приготовление, явление, закрѣпление, встѣпление, отопление, томление, озлобление, заслепление* и т. п. имеются образования без йотации: *избавение, одушевление, язвение, възстановение, отъждествение, осъществление* и т. п. или параллельные формы: *обновение* и *обновление, заслепление* и *заслепление, употребление* и *употребление, оскръбение* и *оскръбление*. Подобных колебаний, однако, не знают образования от глагольных основ на переднеязычный (*t, st, d, zd, s, z*), для которых нормой является йотация: *прекращение, освещение, запрещение, разхищение, възплъщение, угощение, отъмщение, охлаждение, насаждение, утвърждение, разсѣждение, погашение, превишение, смешение, изкушение, преображение, унижение* и т. д.

Производные от других глагольных основ последовательно выступают без йотации: *погребение, падение, заведение, възведение, наблюдение, почтение, гризение, пълзение, спасение, унесение, угнетение, бдение, видение, кипение, нетърпение, въртение, залустение* и т. д. [ОРБЕ].

IV. Македонский язык полностью устранил следы йотации в рассматриваемых здесь производных от **i*-глаголов: *вабење, дробење, губење, љубење, бавење, правење, готвење, ладење, кадење, следење, цедење, судење, газење, возење, тормозење, грозење, молење, братимење, кумење, поканење, хранење, кипење, апење, крпење, лупење, квасење, гласење, носење, просење, патење, китење, штитење, пустење* и т. д. Естественно, что отсутствует йотация и в производных от **ě*-глаголов: *горење, скрбење, седење, болење, силење, светлење, умење* и т. п., а также в производных от глаголов с основой на согласный: *гребење, скубење, падење, крадење, ведење, предење, везење, гризење, тресење, несење, клатење, гнетење, метење, растење, мелење*. Основы на заднеязычный, как и во всех языках, здесь представлены рефлексами первой палатализации: *течење, сечење, влечење, стрижење, можење* [ОРМЈ].

В словацком языке наблюдается то же полное отсутствие рефлексов йотации в дериватах на **e*-*нье*, ср. производные от **i*-глаголов: *podarenie, ro-*

zjarenie, stvorenje, nachylenie, delenie, odosobnenie, lomenie, prekvapenie, pobavenie, vyplatenie, zvrátenie, stratenie, krutenie, rodenie, ukriúdenie, rozladenie, skusenie, urazenie, vyobrazenie, odpustenie и т. п. (исключение: *prirodzenie*, ср. *prirodzený*, но *urodený*). Дериваты других типов глагольных основ: *oslabenie, svrbenie, bdenie, sedenie, velenie, šumenie, zrozumienie, strpenie, otupenie, horenie, potenie, opustenie; pradenie, vedenie, spasenie, nesenie, mätenie, svátenie* и т. п. [RSS].

* * *

Для наглядного представления рассмотренных рефлексов согласных перед суффиксом *-еньје в производных от *i-глаголов в разных славянских языках воспользуемся таблицей:

Таблица 31

	*r	*l	*n	*m	*p	*b	*v	*t	*d	*s	*z	*st	*zd
ст.-слав.	r'	l'	n'	ml'	pl'	bl'	vl'	št'	žd'	š	ž	št'	
рус.	r'	l'	n'	ml'	pl'	bl'	vl'	č	ž	š	ž	š'	ž̄
польск.	ż	l'	n'	m'	p'	b'	v'	c	ż	ś	ż	śč	żďż
бел.	r	l'	n'	ml'	pl'	bl'	vl'	č	dž	š	ž	š'	žďž
укр.	r	l	n	ml	pl	bl	vl	č	dž	š	ž	šč	žďž
с.-х.	r	l'	n'	ml'	pl'	bl'	vl'	č/t	ž/d	š	ž	šč	
словен.	r'	l'	n'	ml'	pl'	bl'	vl'	t	d/j	š	ž	šč	
чеш.	ř	l	n'	m	p	b	v	c	z	š	ž	št'	
болг.	r	l	n	m/ml	p/pl	b/bl	v/vl	št	ž	š	ž	št	
макед.	r	l	n	m	p	b	v	t	d	s	z	st	zd
словац.	r	l	n	m	p	b	v	t	d	s	z	st	

Как видно из таблицы, наиболее устойчивыми в отношении йотации оказываются согласные s и z, сохранившие йотированные рефлексy перед *-еньје в дериватах от i-глаголов в большинстве славянских языков. Остальные серии согласных обнаруживают меньшую устойчивость. Старославянский, русский и польский языки полностью сохранили следы йотации во всех сериях согласных. В белорусском наблюдаются некоторые колебания, но полностью йотация устранена только в случае *r, что объясняется фонетическими причинами (полным отвердением r). Несколько иной характер носят отклонения от правила йотации для сонорных в украинском: фонетически и фонологически мягкость сонорных не исключается, в том числе и перед e (ср. *полудне, заранне, завтре*), следовательно устранение следов йотации в этой позиции можно считать явлением морфонологическим, которое, однако, охватило все

позиции исконной йотации перед *e*. В сербскохорватском, кроме фонологического устранения йотации (мягкости) у *r*, наблюдаются признаки разрушения модели в случае переднеязычных смычных *t* и *d*, которые имеют параллельные (иногда факультативные) йотированные и нейотированные рефлексy. То же явление отражает словенский, где для *t* йотация устранена полностью, а для *d* допускаются двойные формы. В чешском по фонологическим причинам отсутствуют следы йотации губных; в болгарском в серии губных наблюдаются колебания, причем нейотированные и йотированные (с *l*-эпентиком) рефлексy маркируют генетически разные модели (собственно болгарскую и церковнославянско-русскую). Наконец, в македонском и словацком йотированные рефлексy в образованиях на **-eňje* устранены полностью.

Сравнительно с другими исконными позициями йотации позиция перед суффиксом **-eňje* отличается в целом значительно меньшей сохранностью йотированных рефлексов. Например, в словацком и македонском при отсутствии следов йотации в дериватах на **-eňje* йотированные рефлексy сохраняются в других словообразовательных моделях, ср. словац. *sadza, medza, nudza, sviaca, poša* и т. п., макед. *meša, sveka, sreka, povrača*; в словенском также различаются *teja, saja, sveča*, с одной стороны, и *začudenje, svetenje* — с другой; в украинском в разных словообразовательных типах может быть представлено разное «качество» йотации, ср. *стужа*, но *ходження*. Причиной, обусловившей эти различия, следует, видимо, считать разный морфологический статус соответствующих словообразовательных моделей, а именно близость к словоизменительной парадигме глагола отглагольных имен на **-eňje* и относительную автономность от словоизменения образований типа **medja, *svetja*. В парадигматических (словоизменительных) и близких к ним семантически и по степени регулярности деривативных (словообразовательных) моделях морфонологические характеристики оказываются менее устойчивыми и более подверженными аналогическим выравниваниям, тогда как собственно словообразовательные модели лучше сохраняют свой исконный морфонологический вид.

Приложение 3

К морфологии польского субстантивного словоизменения

1. Чередование гласных с нулем

В главе, посвященной морфологии субстантивного словоизменения, чередование нуля с гласными в субстантивных основах было охарактеризовано с точки зрения его морфонологической значимости и условий, определяющих появление нулевой и полной ступени основы в парадигме. При этом мы отвлекались от задачи выделения самого круга основ, в которых такое чередование происходит, как бы предполагая, что основы с беглыми гласными уже отделены как от основ с устойчивыми (нечередующимися) гласными (*korzeń — korzenia*), так и от основ с устойчивым отсутствием гласного между согласными, завершающими основу (*rzemiosło — rzemiosł*). Между тем, установление признаков, по которым каждую конкретную субстантивную основу, содержащую консонантную группу в исходе, можно было бы определить как вокализирующую эту группу или как не вокализирующую, — представляет собой самостоятельную и достаточно сложную проблему польской морфологии. В самом деле, для того чтобы определить, содержит ли основа беглый гласный, необходимо сопоставить две словоформы: с нулевой и с вокалической флексией. Реально нам даны словарные формы существительных, одни из которых (существительные мужского рода и некоторая часть существительных женского рода) содержат нулевую флексию и, следовательно, имеют вокализованный исход основы (-CVC-), а другие (основная масса существительных женского рода и существительные среднего рода) содержат вокалическую флексию, перед которой беглый гласный не проясняется, т. е. имеют вид -CC-. Легко заметить, что словоформы первого типа совпадают со словарными формами тех существительных, которые содержат в конце основы устойчивую группу CVC, а словоформы второго типа — с формами существительных, имеющих на конце основы невокализуемые консонантные сочетания. Ср. следующую таблицу:

Исходная форма	Словарная форма	
	флексия -ø	флексия -V
-CC	-CC	-CCV
-C#C	-CVC	-CCV
-CVC	-CVC	-CVCV

Таким образом, на уровне словарных словоформ, словоформ И. ед., интересующие нас основы с беглым гласным, т. е. оканчивающиеся на -C#C, совпадают по своему виду либо с основами типа -CVC (перед нулевой флексией), либо с основами типа -CC (перед вокалическими флексиями), следовательно, основы с беглым гласным можно отождествить только по двум раз-

ным словоформам. Так и делается обычно в словарях, где для таких основ указываются, помимо словарных, еще и формы Род. ед. для слов муж. рода и Род. мн. для слов жен. рода. Но очевидно, что подобный способ словарного перечисления приемлем лишь в случае явной невозможности обнаружить какие-то более общие закономерности появления беглых гласных. Попытки выявить эти закономерности предпринимались не раз. Самая удачная и обстоятельная принадлежит Р. Лясковскому [1975].

Если чередование гласного с нулем имеет направление $\# \rightarrow V$, т. е. представляет собой эпентезу гласного внутри завершающей основу консонантной последовательности, то естественно предположить, что сами консонантные последовательности неравнозначны, т. е. вокализуемые должны отличаться какими-то признаками от невокализуемых. Действительно, можно указать такие консонантные сочетания, которые обязательно приобретают эпентетический гласный перед нулевой флексией. Таковы, например, сочетания типа Cj , невозможные в абсолютном исходе слова (*lekcja* — устар. *lekcyj*). Однако подобная жесткая мотивировка эпентезы гласного имеет место лишь в немногих случаях. Как правило, эпентетический гласный разбивает такие консонантные последовательности, которые в принципе допустимы в положении конца слова, более того, нередко консонантное сочетание, вокализуемое перед нулевой флексией в одной основе, остается невокализованным в другой основе того же грамматического класса и в тех же условиях, ср. *fibra* — *fiber*, но *zebra* — *zebr*. Наконец, можно указать немало случаев, когда для одного и того же слова норма допускает двоякие формы — с вокализацией конечной консонантной группы и без вокализации, ср. *wydra* — *wydr* и *wyder*. Это означает, что свойства завершающей основу консонантной группы не могут служить строгим критерием, определяющим наличие или отсутствие вокализации. С характером консонантной группы связано только одно абсолютное правило: если основа завершается консонантной группой, не допустимой в позиции конца слова, то перед нулевой флексией такая консонантная группа вокализуется, хотя недопустимое системой сочетание может избегаться и иными способами, например, выбором другого, синонимичного нулевому, окончания или неупотребительностью формы, требующей нулевой флексии. Если же основа завершается консонантной группой, в принципе допустимой на конце слова, то наличие или отсутствие вокализации в данной основе перед нулевой флексией определяется или может определяться еще и другими факторами: словообразовательными, лексическими (исконное или заимствованное слово), грамматическими и др.

Значение словообразовательного фактора проявляется в том, что могут быть выделены суффиксы, регулярно предпочитающие эпентезу гласного перед нулевой флексией, и суффиксы, не знающие вокализации. К первым относятся, например, $\#k$ - (*przyjaciółka* — *przyjaciótek*, *ranek*, *kótko* — *kótek*), $\#c$ (*ślepiec*), $\#ń$ (*przechodzień*, *sierpień*), $d\#ł$ - (*mydło* — *mydeł*), $ow\#n$ - (*królowna* — *królewien*), $ux\#n$ - (*córuchna* — *córuchen*), $\#é$ (*ptacheć*); ко вторым: izn - (*truczna* — *truczyn*), stv - (*państwo* — *państw*), isk - (*widowisko* — *widowisk*), $alń$ - (*sypialnia* — *sypialń*), $arń$ - (*księgarnia* — *księgarń*), ent - (*student*, *dyrygent*), b - (*prośba* — *prośb*). Лексический фактор определяет отсутствие вокализации и

условиях, где она вообще возможна, у слов, осознаваемых как иноязычные заимствования, т. е. недостаточно адаптированных. И, наоборот, появление в таких заимствованиях эпентезы часто свидетельствует об определенной адаптации чужого слова, ср. *pilaster* наряду с *pilastr*, *koliber* наряду с *kolibr* и т. п. Грамматические признаки и прежде всего род также оказывают определенное воздействие на формирование морфонологической модели существительного. Так, например, вокализация сочетаний шумный + сонорный имеет меньше ограничений в основах мужского рода, чем в основах женского и среднего рода, что, видимо, объясняется различием в морфонологической роли словоформы с нулевой флексией, обуславливающей вокализацию: у существительных мужского рода это словарная форма, т. е. форма И. ед., а у существительных женского и среднего рода — это форма Род. мн., форма менее значимая и нередко вообще малоупотребительная и потому сопротивляющаяся вокализации под давлением словарной невокализированной формы.

Перечисленные выше факторы, влияющие на появление эпентезы в основах существительных, имеют неодинаковую значимость. Решающим все же остается фонологический признак, т. е. характер консонантного исхода основы, который если не с абсолютной силой предписывает или запрещает вокализацию, то в значительной степени предопределяет ее регулярность.

Для того, чтобы сделать более определенные выводы о зависимости эпентезы гласного от качества консонантного сочетания, ниже приводится в систематизированном виде соответствующий лексический материал, представляющий основной корпус субстантивных основ с консонантными группами в исходе, распределенных в пределах каждого грамматического рода по виду консонантных групп — вокализуемых и не вокализуемых.

Мужской род.

Формы с нулевой флексией (И. ед.)

Cj — нет примеров.

Cr —

Вокализация: *chaber, szaber, ceber, kaliber, koliber, kamamber, bimber, comber, bober, cynober, rober, szyber, flader, olęder, świder, oleander, meąnder, skafander, kalander, palisander, holender, Holender, kolender* (или *kolendra*), *tender, cylinder, puder, fajfer, belfer, laufer, kufer, szyfer, wicher, majcher, lagier, szwagier, jegier, ablegier, Węgiel, ugier, lugier, kwakier, ankier, szankier, bunkier, junkier, jaskier, cukier, lukier, kaper, ceper, kliper, kajper, džemper* (Род. ед. *dżempra* или *dżempera*), *koper, kupер, tryper, szyper, sweter, wnęter, arbiter, prezbiter* (-tera или -tra), *gefrajter, diopter, aster, alabaster, kadaster, plaster, kanaster, taster, kataster, ester, poliester, sylwester, magister, register, filister, kanister, tornister, klajster, majster, kuter, szuter, kliwer.*

Отсутствие вокализации: *kandelabr, kambr, tembr, bóbr, żubr, kadr, dekaedr, dodekaedr, tetraedr, heksaedr, oktaedr, cedr, romboedr, matdr, sandr, zandr, cydr, szyfr, wągr, Negr, wicher, teatr, wiatr, getr, metr, blichtr,*

itr, litr, filtr, jesiotr, łotr, kumotr, piastr, rejestr, semestr, trymestr, sekwestr, bistr, blistr, ligustr, lustr.

Параллельные формы: *cząber* или *cząbr*, *koliber* или редк. *kolibr*, *wągier* или *wągr*, *pilaster* или *pilastr*, *raster* или редк. *rastr*.

Cř — примеров нет.

Cł —

Вокализация: *diabeł, kubieł, węgieł, szczygieł, kieł, supieł, posieł, susieł, pawieł, wężeł, karzeł, orzeł, gruzeł, wyżeł, kocioł, osioł, kozioł.*

Отсутствие вокализации: *-myst.*

Cl —

Вокализация: *kabel, bąbel, debel, feldfebel, hebel, mebel, knebel, drebel, szczebel, przerebel, kibel, skobel, wróbel, dybel, tybel, precel, szpicel, farfocel, hycel, sznycel, trznadel, szpadel, knedel, handel, mendel, szpindel, szwindel, rondel, kundel, pudel, strudel, rydel, zydel, gafel, kafel, wafel, szafel, fajel, pantofel, kartofel, kufel, kegel, triangel, singel, kogel-mogel, magiel, żagiel, regiel, ciągiel, pocięgiel, dzięgiel (-glu или -gielu), węgiel, figiel, bajgiel, cyngiel, syngiel, bargiel, margiel, kwargiel, szmergiel, rygiel, tygiel, cakiel, tenakiel, pinakiel, rakiel, dekiel, nikiel, pikiel, żankiel, winkiel, cyrkiel, pukiel, tykiel, stapel, sztapel, grępel, stempel, wimpel, kumpel, rumpel, sopol, kurdupel, cypel, knypel, raszpel, sztaksel, weksel, kapsel, marsel, topsel, trajsel, cetel, kitel, mitel, pytel, tytel, rytel, pędzel, brandzel, kaszel, buszel, dyszel, fuzel, żużel.*

Отсутствие вокализации: *pratykabl, praktykabl, konstabl, debl, trefl, brajl, koktajl, spektakl, sekl, monokl, cykl, bicykl, motocykl, monocykl, sykl, jarl, perl, gęsl, rześl, narośl, odrośl, myśl, pejotl, aksolotl.*

Cп —

Вокализация: *bęben, sen, błazen, rożen, bochen.*

Отсутствие вокализации: *hafn, kombajn, gliwajn, portwajn, alumn, hymn, barn, kamgarn, skarn, koncern, komintern, sotern, litoptern, western, ekstern, sekstern, firn, kaliforn, leghorn, nokturn, koturn.*

Cń —

Вокализация: *kwiecień, przewiercień, ogień, pień, rzepień (-pnia или -pie-nia), ropień, topień, stopień, sierpień, przekupień, łupień, szkartupień, strupień, wrzesień, mięsień, włosień (-śnia или -sienia), rzewień (-wnia или -wienia), słowień, dzień, przechodzień, przychodzień, grudzień, tydzień, więzień, dureń, truteń, łączeń, skoczeń, toczeń, uczeń, tłuczeń, styczzeń, stworzeń, skórzeń, sążeń, ostrożeń.*

Отсутствие вокализации: *warń, ciernń.*

Cm —

Отсутствие вокализации: *kadm, uhm, obejm, sejm, rozejm, malm, palm, napalm, psalm, film, holm, kulm, hełm, żandarm, karm, pokarm, wykarm, alarm, ferm, perm, uniform, sztorm, szturm, styrm, chiasm, osm, kosm, rytm, algorytm, entuzjizm, sarkazm* и т. д. все слова на *-zm, -izm*.

- Cv** —
 Вокализация: *pozew, szew*.
 Отсутствие вокализации: *żółw (-w')*, *nerw, serw, czerw (-w')*.
- Cf** —
 Отсутствие вокализации: *fajf, sejf, elf, dydelf, szelf, golf, sylf, triumf, tymf, tynf, biomorf, alomorf, torf, turf, szurf*.
- Cp** —
 Вокализация: *pótwysep*.
 Отсутствие вокализации: *skalp, klamp, tramp, wamp, żomp, kump, lump, karp, skarp, szkarp, sierp, werp, czerp, torp, kurp*.
- Cb** —
 Вокализация: *teb*.
 Отсутствие вокализации: *stilb, chełb, kietb, jamb, dytyramb, nimb, klomb, kulomb, romb, katakumb, rumb, garb, wygarb, karb, skarb, erb, herb, pasierb, terb, iterb, świerb*.
- Ct** —
 Вокализация: *ocet, oset, poczet*.
 Отсутствие вокализации: *haft, sztyft, jacht, pacht, jucht, fajt, wójt, akt, pakt, trakt, takt, efekt, aspekt, insekt, alt, asfalt, kult, kształt, rybatt, gwatt, bant, fant, elegant, student* и т. д. все слова на *-nt*; *start, flirt, żart, bort, kort, port, piast, gest, post, wist, świst, list, chwoist, wyrost, spust, chtyist, kaszt, arezt, koszt* и т. д. все слова на *-st, -szt*.
- Cd** —
 Отсутствие вокализации: *szmaragd, rajd, rejd, slojd, skald, herold, sold, szyld, fatd, hotd, żołd, jazzband, skand, trend, korund, pond* (и остальные слова на *-nd*), *bard, miliard, jard, kard, leopard, nard, hazard, akord, rekord, mord, wężymord* (и др. слова на *-rd*).
- Cs** —
 Вокализация: *pies, owies*.
 Отсутствие вокализации: *pejs, rejs, relaks, indeks, refleks, afiks* (и др. слова на *-ks*), *puls, impuls, gzyms, bims, seans, aliens, romans, gips, pers, mors, tors, konkurs* и др.
- Cz** —
 Вокализация: *bez*.
- Cc** —
 Вокализация: *zębiec, Niemiec, mieszkaniiec, ślepiec, fachowiec* и т. д. (все слова на *-ec, -niec, -owiec*).
 Отсутствие вокализации: *lejc, falc, walc, felc, szmelc, filc, miglanc, pepanc, kranc, szrenc, szprync, potańc, harc, karc, kwarc, szwarc, herc, sesterc, szewc*.
- Cz̄** — нет примеров.

Cš —

Вокализация: *wesz*.Отсутствие вокализации: *zamsz, czynsz, wiersz, marsz*.

Cž —

Отсутствие вокализации: *spichrz, mistrz, pieprz*.

Cč —

Отсутствие вокализации: *karcz, stercz, kurcz, podkurcz, skurcz, płaszcz, gąszcz, chrząszcz, moszcz*.

Cž̃ — примеров нет.

Cś̃ — примеров нет.

Cż̃ — примеров нет.

Cć —

Вокализация: *placheć, splacheć, wiecheć, kapeć, kłapeć, kopeć, pypeć*.Отсутствие вокализации: *teść*.

Cź —

Отсутствие вокализации: *gwóźdź*.

Ck —

Вокализация: все существительные с исходом *-ek*: *klębek, świadek, pie-niek, zaimek, posilek, ranek* и т. д.Отсутствие вокализации: *dajk, strajk, szejk, katafalk, talk, wilk, hulka, pułk, bank, blank, tank, szwank, cynk, szynk, bark, kark, park, ćwierk, klerk, cyrk, szpyrk, blask, klask, mlask, plask, trzask, kłask, pisk, -prysk, -trysk, -zysk*.

Cg —

Отсутствие вокализации: *cajg, czotg, Belg, bumerang, mustang, ring* (и т. д. все иноязычные слова на *-ng*), *targ, chirurg, demiurg* (и т. д. все слова на *-rg*), *-ślizg, wizg, mózg, bluzg, -bryzg*.

Cx —

Вокализация: *dech, mech*.Отсутствие вокализации: *pilch, anarch, parch, eparch, zmierzch, wierzch*.

Женский род.

Формы с нулевой флексией (Род. мн. или II. ед.)

Cj [1] * —

Вокализация: *fobia — fobij, komedia — komedyj, monografia — monografij, religia — religij, monarchia — monarchij, makia — makij, regalia — rega-lij, antynomia — antynomij, kampania — kampanij, kopia — kopij, seria — seryj, partia — partyj, kwestia — kwestyj, relikwia — relikwij, lekcja — lek-cyj, wersja — wersyj, iluzja — iluzyj*.

* Цифры в квадратных скобках указывают номер примечаний, помещенных ниже.

Cr [2] —

Вокализация: *kotdra* — *kotder*, *klamra* — *klamer*, *flądra* — *fląder*, *iskra* — *iskier*, *fibra* — *fiber*, *febra* — *feber* [3], *salamandra* — *salamander*, *bindra* — *binder*, *łachudra* — *łachuder*, *gra* — *gier*, *czochra* — *czochoer* [4], *kra* — *kier*, *skra* — *skier*, *centra* — *center*, *hajstra* — *hajster*.

Отсутствие вокализации: *umbra* — *umbr*, *katedra* — *katedr*, *cyfra* — *cyfr*, *tundra* — *tundr*, *zebra* — *zebr*, *libra* — *libr*, *watra* — *watr*, *kobra* — *kobr*, *adra* — *adr*, *kadra* — *kadr*, *kwadra* — *kwadr*, *eskadra* — *eskadr*, *klepsydra* — *klepsydr*, *ochra* — *ochr*, *masakra* — *masakr*, *dioptra* — *dioptr*, *orkiestra* — *orkiestr*, *siostra* — *sióstr*, *cytra* — *cytr*, *przywra* — *przywr*.

Параллельные формы: *wydra* — *wydr* и *wyder*, *mutra* — *mutr* и редк. *muter*, *zadra* — *zadr* и *zader*.

Cř — нет примеров.

Cł —

Вокализация: *wobła* — *wobęł*, *jodła* — *jodęł*, *modła* — *modęł*, *szkudła* — *szkudęł*, *jagła* — *jagięł*, *cegła* — *cegięł*, *igła* — *igięł*, *mgła* — *mgięł*, *mygła* — *mygięł*, *pchła* — *pchęł*, *truchła* — *truchęł*, *ćwikły* — *ćwikięł*, *kukła* — *kukięł*, *pęta* — *peręł*, *ciosta* — *cioseł*, *miotła* — *miotęł*.

Cl [6] —

Вокализация: *szabla* — *szabel* (и *szabli*), *przerębla* — *przerębel*, *grobla* — *grobel* (и *grobli*), *tafla* — редк. *tafel* (норм. *tafli*), *szufla* — редк. *szufel* (норм. *szufli*) *szpachla* — *szpachel* (и *szpachli*), *chochla* — *chochel* (и *chochli*), *kropla* — *kropel* (и *kropli*).

Cn [7] —

Вокализация: *wojna* — *wojen*, *wetna* — *weten*, *trumna* — *trumien*, *panna* — *panien*, *wanna* — *wanien*, *rynna* — *rynien*, *wiosna* — *wiosen*, *sosna* — *sosen*, *bezdna* — *bezden*, *jadwichna* — *jadwichen*, *wiochna* — *wiochen*, *rybuchna* — *rybuchen*, *morduchna* — *morduchen*, *paniuchna* — *paniuchen*, *buziuchna* — *buziuchen*, *tamuchna* — *tamuchen*, *matuchna* — *matuchen*, *ciotuchna* — *ciotuchen*, *kotuchna* — *kotuchen*, *kaczuchna* — *kaczuchen*, *szwaczuchna* — *szwaczuchen*, *rączuchna* — *rączuchen*, *flaszuchna* — *flaszuchen*, *druhna* — *druhen*, *królowna* — *królewien* [8], *kupcówna* — *kupcówien* [8], *pisarżówna* — *pisarżówien* [8], *grzywna* — *grzywien*, *moszna* — *moszen*.

Отсутствие вокализации: *kolumna* — *kolumn*, *blizna* — *blizn*, *żołna* — *żołn*, *brytfanna* — *brytfann*, *fontanna* — *fontann*, *sutanna* — *sutann*, *sawanna* — *sawann*, *dziewanna* — *dziewann*, *donna* — *donn*, *lucerna* — *lucern*, *cyster-na* — *cystern*, *urna* — *urn*, *trucizna* — *trucizn* [9], *mielizna* — *mielizn*, *mężczyzna* — *mężczyzn*.

Параллельные формы: *sarna* — *sarn* и *saren*.

Cń [10] —

Вокализация: *kuchnia* — *kuchen* (и *kuchni*), *studnia* — *studzien* (и *studni*), *stajnia* — *stajen* (и *stajni*), *suknia* — *sukien* (и *sukni*), *wiśnia* — *wisien* (и *wiśni*), *lutnia* — *luten* (и *lutni*).

Отсутствие вокализации: *kopalnia* — *kopalń* (и *kopalni*), *krajalnia* — *krajalń* (и *krajalni*), *kotelnia* — *kotelń* (и *kotelni*), *zatapialnia* — *zatapialń* (и *zatapialni*), *zmywalnia* — *zmywalń* (и *zmywalni*), *zmiękczałnia* — *zmiękczałń* (и *zmiękczałni*), *topialnia* — *topialń* (и *topialni*), *wialnia* — редк. *wialń* (норм. *wialni*), *sypialnia* — *sypialń* (и *sypialni*), *spiekalnia* — *spiekalń* (и *spiekalni*), *szarpalnia* — *szarpalń* (и *szarpalni*), *spawalnia* — *spawalń* (и *spawalni*), *hydrokopalnia* — *hydrokopalń* (и *hydrokopalni*), *odsiarczałnia* — *odsiarczałń* (и *odsiarczałni*), *oczyszczalnia* — *oczyszczalń* (и *oczyszczalni*), *patroszałnia* — *patroszałń* (и *patroszałni*), *przymierzalnia* — *przymierzalń* (и *przymierzalni*), *przędzalnia* — *przędzalń* (и *przędzalni*), *patelnia* — редк. *patelń* (норм. *patelni*), *księgarnia* — *księgarn* (и *księgarni*), *kwiaciarnia* — *kwiaciarń* (и *kwiaciarni*), *winiarnia* — *winiarń* (и *winiarni*), *kawiarnia* — *kawiarń* (и *kawiarni*), *piwiarnia* — *piwiarń* (и *piwiarni*), *piekarnia* — *piekarń* (и *piekarni*), *tokarnia* — *tokarń* (и *tokarni*), *drukarnia* — *drukarń* (и *drukarni*), *latarnia* — *latarń* (и *latarni*), *antykwarnia* — *antykwarń* (и *antykwarni*), *spizarnia* — *spizarń* (и *spizarni*), *cukiernia* — *cukierń* (и *cukierni*), *graciarnia* — *graciarń* (и *graciarni*), *figiarnia* — *figiarń* (и *figiarni*), *gelbrynarnia* — *gelbrynarń* (и *gelbrynarni*), *waltornia* — *waltorń* (и *waltorni*); *darń*, *tarń*, *ściern*, *czerń*, *baśń*, *waśń*, *cieśń*, *pieśń*, *pleśń*, *pilsń*, *opilsń*, *jaźń*, *bojaźń*, *przyjaźń*, *kaźń*.

Cm [11] —

Вокализация: *ćma* — *ciem*, *karczma* — *karczem*.

Отсутствие вокализации: *wydma* — *wydm*, *drachma* — *drachm*, *palma* — *palm*, *szelma* — *szelm* (и *szelmów*), *farma* — *farm*, *ferma* — *ferm*, *oferma* — *oferm* (и *ofermów*), *terma* — *term* (и *termów*), *firma* — *firm*, *forma* — *form*, *reforma* — *reform*, *platforma* — *platform*, *norma* — *norm*, *surma* — *surm*, *kosma* — *kosm*, *taśma* — *taśm*, *przyzma* — *przyzm*, *wiedźma* — *wiedźm*.

Параллельные формы: *ciźma* — *cizm* и *cizem*.

Cv [12] —

Вокализация: *pluskwa* — *pluskiew*, *płatwa* — *płatew*, *kotwa* — *kotew*, *listwa* — *listew*, *gązwa* — *gązew* (и *gązwi*), *podeszwa* — *podeszew*, *poszwa* — *poszew*, *przyszwa* — *przyszew*.

Отсутствие вокализации: *pigwa* — *pigw*, *makolągwa* — *makolągw*, *brzechwa* — *brzechw*, *żachwa* — *żachw*, *żuchwa* — *żuchw*, *sakwa* — *sakw*, *pokląskwa* — *pokląskw*, *tykwa* — *tykw*, *strzykwa* — *strzykw*, *kanwa* — *kanw*, *malwa* — *malw*, *barwa* — *barw*, *larwa* — *larw*, *przerwa* — *przerw*, *konserwa* — *konserw*, *rezerwa* — *rezerw*, *prezerwa* — *prezerw*, *kurwa* — *kurw*, *morwa* — *morw*, *świdwa* — *świdw*, *kuropatwa* — *kuropatw*, *klątwa* — *klątw*, *salwa* — *salw*, *pletwa* (*pletwa*) — *pletw* (*pletw*), *strętwa* — *stręt*, *modlitwa* — *modlitw*, *opłatwa* — *opłatw*, *warstwa* — *warstw*, *drętwa* — *dręt*, *kutwa* — *kutw* (и *kutwów*), *rybitwa* — *rybitw*, *zerwa* — *zerw*, *bulwa* — *bulw*, *witwa* — *witw*, *ulwa* — *ulw*, *krakwa* — *krakw*, *mykwa* (*mikwa*) — *mykw* (*mikw*), *warwa* — *warw*, *wyrwa* — *wyrw*, *nazwa* — *nazw*, *gonitwa* — *gonitw*, *odezwa* — *odezw*, *sitwa* — *sitw*.

Параллельные формы: *pardwa* — *pardw* и *pardew*, *pochwa* — *pochew* и редк. *pochw*, *dratwa* — *dratw* и *dratew*, *tratwa* — *tratw* и *tratew*, *mą-*

wa — *mątw*, редк. *mątew*, *bitwa* — *bitew* и редк. *bitw*, *brzytwa* — *brzytw* или *brzytew*, *tyżwa* — *tyżew*, редк. *tyżw*.

Cv' [13] —

Вокализация: *marchew* (Род. ед. *marchwi*), устар. *tagiew* (*tagwi*), *chorągiew* (*chorągwi*), *rzodkiew* (*rzodkwi*), *krokiew* (*krokwi*), *cerkiew* (*cerkwi*), *panew* (*panwi*), *konew* (*konwi*), *brew* (*brwi*), *ostrew* (*ostrwi*), *płatew* (*płatwi*), *kotew* (*kotwi*), *kwew* (*krwi*), *mątew* (*mątwi*), *ostew* (*ostwi*), *gązew* (*gązwi*).

Cf [14] —

Отсутствие вокализации: *nimfa* — *nimf*, *harfa* (*arfa*) — *harf* (*arf*), *morfa* — *morf*.

Cp [15] —

Отсутствие вокализации: *małpa* — *małp*, *rampa* — *ramp*, *pompa* — *popm*, *karpa* — *karp*, *zasp* — *zasp*, *wyspa* — *wysp*.

Cb [16] —

Отсутствие вокализации: *strzelba* — *strzelb*, *bomba* — *bomb*, *plomba* — *plomb*, *katakomba* — *katakomb*, *farba* — *farb*, *szczyrba* — *szczyrb*, *prośba* — *prośb*, *liczba* — *liczb*, *izba* — *izb*, *wierzba* — *wierzb*, *groźba* — *grózb*, *wróżba* — *wrózb*, *stuzba* — *stuzb*.

Параллельные формы: *torba* — *toreb*, редк. *torb* [SPP].

Ct [17] —

Отсутствие вокализации: *wachta* — *wacht*, *brechta* — *brecht*, *szychta* — *szycht*, *katarakta* — *katarakt*, *korekta* — *korekt*, *sekta* — *sekt*, *szpalta* — *szpalt*, *kwinta* — *kwint*, *recepta* — *recept*, *szczypta* — *szczypt*, *karta* — *kart*, *wiorsta* — *wiorst*.

Cd [18] —

Отсутствие вокализации: *klechda* — *klechd*, *bajda* — *bajd*, *ciamajda* — *ciamajd* (и *ciamajdów*), *gamajda* — *gamajd* (и *gamajdów*), *znajda* — *znajd* (и *znajdów*), *kusajda* — *kusajd* (и *kusajdów*), *niedojsda* — *niedojsd* (и *niedojsdów*), *mulda* — *muld*, *fałda* — *fałd*, *banda* — *band*, *girlanda* — *girland*, *sekunda* — *sekund*, *morda* — *mord*, *gwiazda* — *gwiazd*.

Cs [19] —

Отсутствие вокализации: *ptaksa* — *ptaks* (и *ptaksów*), *beksa* — *beks* (и *beksów*), *girlsa* — *girls*.

Cz [20] —

Вокализация: *gza* — *giez*, *łza* — *łez*.

Отсутствие вокализации: *łajza* — *łajz* (и *łajzów*), *zotza* — *zotz*, *zenza* — *zenz*.

Cc [21] —

Отсутствие вокализации: *sztanca* — *sztanc*.

Cz [22] —

Отсутствие вокализации: *twierdza* — *twierdz*.

Cś [23] —

Отсутствие вокализации: *gejsza — gejsz, riksza — riks.*

Cż [24] —

Вокализация: *komza — komez (и komzy).*

Отсутствие вокализации: *szarza — szarz.*

Cć [25] —

Отсутствие вокализации: *potarańcza — potarańcz (и potarańczy), tarzka — larcz, paszcza — paszcz.*

Cź — примеров нет.

Cś —

Отсутствие вокализации: *piers.*

Cż — примеров нет.

Cć —

Вокализация: *ptec.*

Cź [26] —

Отсутствие вокализации: *dziumdzia — dziumdź (и dziumdzi), dziamdzia — dziamdź (и dziamdzi, -ów).*

Ch [27] —

Основы с таким исходом нормально имеют вокализацию (*czapka — czapek, rączka — rączek* и т. п.). Особо ведут себя существительные с исходом основы на *-lk, -rk, -sk*, которые могут как иметь вокализацию, так и не иметь ее.

Вокализация: *falka — falek, sypialka — supialek, lalka — lalek, woalka — woalek, palka — palek, westalka — westalek, salka — salek, celka — celek, belka — belek, kowalka — kowalek, Angielka — Angielek, szelka — szelek, milka — milek, szpulka — szpulek.*

Отсутствие вокализации: *alka — alk, walka — walk, arka — ark, taska₁ — task* (при *taska₂ — tasek*), *klęska — klęsk, troska — trosk.*

Параллельные формы: *kalka — kalk и kalek, barka — barek*, редк. *bark.*

Ch [28] —

Отсутствие вокализации: *obelga — obelg, felga — felg, wywielga — wywielg, falanga — falang, skarga — skarg, warga — warg, morga — mórg.*

Параллельные формы: *drzazga — drzazg и drzazeg, różga — różg и różeg.*

Ch [29] —

Отсутствие вокализации: *koncha — konch.*

Примечания

- [1] Все существительные с исходом на *-Cj*, согласно SJPD, имеют в Род. мн. двойные формы — с флексией *-ø* и с флексией *-i*, например, *fobia — fobii*

и *fobij, lekcja* — *lekcji* и *lekcuj*. Однако SPP уже приводит для всех существительных этого типа только формы с флексией *-i*, перед которой сочетание *Sj*, естественно, не вокализуется. Перед флексией *-o* вокализация сочетаний *Sj* обязательна и не знает исключений. Выше приведены только формы с нулевой флексией (выборочно).

- [2] Для многих существительных этого типа словари не дают сведений о форме Род. мн.: *abrakadabra, makabra, celebra, czadra, eksedra, zendra, hydra, miazdra, mizdra, zadychra, mojra, dintojra, sakra, świekra, kopra, szatra, saletra, tetra, mitra, pentra, kontra, rekontra, makutra, kastra, rostra, gawra*. Отсутствие сведений означает либо неупотребительность формы, либо отсутствие вокализации. Для ряда слов словари дают помету об употреблении их только в ед. числе: *algebra, ambra, chandra, odra, podagra, pelagra, ikra, mimikra, lepra, hatastra, palestra, mustra, musztra*.
- [3] Обычно только в ед. Однако SJPД в иллюстрации к слову *abrakadabra* приводит форму *feber*.
- [4] *czoche* или *czochrów*.
- [5] Нет сведений: *prostopadła, tatta*.
- [6] Большая группа слов этой категории образует Род. мн. с флексией *-i*: *hotobla, strucla, jedla, rafla, mufla, trufla, krągla, sprzągla, dzungla, uhla, sakla, szakla, przepękla, bernikla, dukla, brykla, drumla, papla, czapla, ampla, hopla, dziupla, kupla, raszpla, merla, kapsla, cieśla* (редк. *cieślów*), *basetla, pętla, butla, hodowla, budowla, frędzla, trzęzla, szla, tekszla, muszla*. Только в ед. числе: *ziębla, szerchla, marla, niemowla, zimowla*. Нет сведений: *dubla, pomuchla, jakla, takla, mąkla, pąkla, kłomla, kwadrupla, burla, cyrla, szpachtla, kitla*.
- [7] Только ед.: *dna, maligna, właduchna, bawetna, henna, moderna, interna*. Нет сведений: *kiecuchna, córuchna, setuchna, ćwiartuchna, dajna, chłajna, ferajna, lamna, kanna, alkalna, manna, sanna, kwarantanna, mazanna, nowenna, gorzonna, sunna, lukarna, hiberna (hyberna), lacerna, sempiterna, kawerna, tawerna, kneżna, mrzeżna, jałmużna*.
- [8] Вокализированные формы Род. мн. имеют все существительные с исходом *-ówna*: *dozorcówna, szewcówna, lordówna, putkownikówna* и т. д.
- [9] Основная масса существительных с суффиксом *-izna* (*-yzna*) не имеет форм мн. числа и, следовательно, не знает вокализации конечной консонантной группы *zn* (*stabilizna, podobizna, golizna, tanizna, zótcizna, siwizna, wolnizna, kulawizna, nowizna, obczyzna, wysoczyzna, słowiańszczyzna, aktorszczyzna* и т. д.). Впрочем, те редкие существительные, для которых употребление во мн. числе возможно, образуют форму Род. мн. также без вокализации: *truczna* — *truczni*.
- [10] Все существительные с исходом *-nia* имеют Род. мн. с флексией *-i*. У части этих существительных в качестве параллельных возможны формы Род. мн. с нулевой флексией. К последним относятся приведенные выше формы с вокализацией конечных консонантных сочетаний (список исчерпывающий) и формы некоторых существительных на *-lnia* и *-rnia*, причем для существительных на *-lnia* приведен полный список слов, могущих иметь нулевую флексию в Род. мн. (все случаи без вокализации), остальные (око-

ло 150 слов) этого вида образуют Род. мн. только с флексией *-i*. Для существительных на *-rnia* (всего около 300 слов) приведен неполный список слов, могущих иметь нулевую флексию.

Существительные с исходом на *-bnia*, *-cnia*, *-dnia*, (кроме *studnia*), *-gnia*, *-chnia* (кроме *kuchnia*), *-jnia* (кроме *stajnia*), *-knia* (кроме *suknia*), *-śnia* (кроме *wiśnia*), *-tnia* (кроме *lutnia*), *-wnia* (около 200 слов), *-cznia*, *-rznia*, *-sznia*, *-źnia*, *-żnia* образуют Род. мн. с флексией *-i*: *zasobnia* — *zasobni*, *owocnia* — *owocni*, *zbrodnia* — *zbrodni*, *dźwignia* — *dźwigni* и т. д.

- [11] Только ед.: *zaćma*, *magma*, *flegma*, *ujma*, *matma*, *astma*, *chiazma*. Нет сведений: *oćma*, *ciućma*, *rozedma*, *odma*, *niedodma*, *diafragma*, *syntagma*, *obejma*, *przejma*, *halma*, *nelma*, *karma*, *kazarma*, *derma*, *-derma*, *herma*, *sperma*, *hurma*, *plazma*, *-plazma*, *schizma*. Отсутствие указания на форму Род. мн., по всей вероятности, свидетельствует об отсутствии вокализации.
- [12] Только ед.: *lichwa*, *werwa*, *gęstwa*, *mierzwa*. Нет сведений: *boćwa*, *strzechwa*, *prukwa*, *trukwa*, *antykwa*, *molwa*, *sylwa*, *chaćwa*, *rwa*, *parwa*, *gardopćwa*, *żyryćwa*.
- [13] Перечисленные существительные имеют нулевую флексию в И. ед., причем консонантное сочетание в исходе основы регулярно вокализуется.
- [14] Только ед.: *limfa*. Нет сведений: *alfa*, *halfa*, *elfa*, *szarfa*, *orfa*, *izomorfa*.
- [15] Только ед.: *osra*. Случаев вокализации сочетаний типа *Sp* не обнаружено. Нет сведений: *hucpa*, *salpa*, *felpa*, *pulpa*, *sztylpa*, *lampa*, *patpa*, *sztampa*, *trompa*, *skarpa* (*szkarpa*), *warpa*, *nerpa*.
- [16] Только ед.: *chwiejba*, *hańba*, *ciźba*. Нет сведений: *tajba*, *siejba*, *lejba*, *alba*, *dalba*, *chwalba*, *palba*, *melba*, *kolba*, *bulba*, *gamba*, *limba*, *marimba*, *gekatomba*, *rumba*, *tumba*, *drymba*, *gońba*, *korba*, *hurba*, *kośba*, *dzierzba*, *przyzba*, *ględźba*, *rzeźba*, *więźba*.
- [17] Все существительные с исходом *St* имеют в форме Род. мн. перед \emptyset невокализованную консонантную группу. Материал приведен выборочно. SJPD, как правило, форм Род. мн. от таких существительных не приводит.
Существительные муж. рода на *-sta* в форме Род. мн. имеют флексию *-ów*: *artysta* — *artystów*, *militarysta* — *militarystów*.
- [18] Материал приводится выборочно, ибо во всех случаях перед \emptyset отсутствует вокализация.
- [19] Материал выборочный. Случаев вокализации нет.
- [20] Нет сведений: *kabza*, *kobza*, *rajza*, *giemza*, *fanza*.
- [21] Абсолютное большинство существительных с исходом *-ca* представляют собой *nomina agentis* мужского рода и, следовательно, не имеют и своей парадигме позиций для вокализации. Нет сведений: *dwójca*, *trójca*, *romansa*, *lanca*.
- [22] Нет сведений: *bryndza*. Других существительных с основой на *-Cz*: нет.
- [23] Нет сведений: *olsza* (*olcha*), *awalansza*, *plansza*, *transza*, *samopsza*, *szansza*, *wiersza*.
- [24] *dźdźa* — Род. мн. *dźdźy*.
Нет сведений: *branża*, *lonża*, *marża*.
- [25] *szarańcza* — Род. мн. *szarańczy*, *orończa* — Род. мн. *orończy*.
Нет сведений: *czesuńcza*, *ogończa*, *gąszcza*, *gęszcza*, *tłuszcz*, *puszcza*.

- [26] Существительные с исходом основы на *ś, ź, ć, ź* имеют, как правило, в Род. мн. флексию *-i*: *kawcia — kawci*.
- [27] Абсолютное большинство существительных женского рода на *-Ck* содержат эпентетический гласный в форме Род. мн. Без эпентезы могут выступать только основы с исходом *-lk, -rk, -sk*.
- [28] Словари не дают сведений о следующих словах (в большинстве случаев иноязычных): *tajga, alga, belga, hanga, bramstenga, czuringa, wilga, tamga, przylga, fanga, feldszlanga, flagsztenga, forminga, ranga, stenga, sztanga, szelina, szponga, junga, klinga, klipina, merenga, syrynga, wimperga, purga, erzerga, igra, katorga, mozga*.
- [29] Нет сведений: *wajcha, olcha, czeremcha, percha, pascha, ircha, kircha*.

Средний род.

Формы с нулевой флексией (Род. мн.)

Cj [1] — примеров нет.

Cr [2] —

Вокализация: *futro — futer, srebro — sreber, wiadro — wiader, żebro — żeber, jadro — jader, jądro — jąder, biodro — bioder, chuchro — chucher, puzdro — puzder, lustro — luster, piątro — piąter, olstro — olster*.

Отсутствие вокализации: *dobro — dóbr*.

Параллельные формы: *piątro — piątr и piąter*.

Cř [3] —

Отсутствие вокализации: *wnętrze — wnętrz*.

Cł [4] —

Вокализация: *ździebło — ździebeł (źdźbło — źdźbeł), webło — webeł, zgrzebło — zgrzebeł, cło — ceł, abecadło — abecadeł, skrzydło — skrzydeł, mydło — mydeł (и т. д. все существительные на *-dło*, около 150 слов), ciągło — ciągieł, ciągło — ciągieł, mygło — mygieł, sprzęgło — sprzęgieł, śmigło — smigieł, truchło — truchet, dziakło — dziakieł, piekło — piekieł, szkło — szkiet, grępło — grępet, gopło — gopet, tarto — tareł, trzósło — trzósset, berto — beret, szurło — szureł, hasło — haset, krzesło — krzeset, powrósto — powróset, przewiąsto — przewiąset, przęsto — przęset, wiosło — wioset, koromysto — koromysset, tło — tet, światło — światet, pomietto — pomietet, wiertło — wiertet, zło — zet*.

Отсутствие вокализации: *rzemiosto — rzemieost*.

Параллельные формы: *obto — obet и obt*.

Cl [5] — примеров нет.

Cn [6] —

Вокализация: *dno — den, bezdno — bezden, bagno — bagien, ciągno — ciągien, ściągno — ściągien, rozciągno — rozciągien, próchno — próchen, tajno — tajen, okno — okien, włokno — włokien, sukno — sukien, czótno — czóten, gumno — gumien, gówno — gówien, krosno — krosien, płótno — płócien, drewno — drewien*.

Отсутствие вокализации: *piętno — piętn, tętno — tętn.*

Параллельные формы: *ziarno — ziaren и ziarn.*

Cń [7] — примеров нет.

Cm [8] —

Отсутствие вокализации: *widmo — widm, pismo — pism, czasopismo — czasopism, piźmo — piźm.*

Параллельные формы: *pasmo — pasm и pasem, jarzmo — jarzm и jarzem.*

Cv [9] —

Отсутствие вокализации: *bogactwo — bogactw, wydawnictwo — wydawnictw, prorocstwo — prorocstw, hrabstwo — hrabstw, księstwo — księstw, samobójstwo — samobójstw, poselstwo — poselstw, kłamstwo — kłamstw, państwo — państw, przestępstwo — przestępstw, carstwo — carstw.*

Cú — примеров нет.

Cf — примеров нет.

Cp — примеров нет.

Cb —

Отсутствие вокализации: *szambo — szamb.*

Ct —

Отсутствие вокализации: *miasto — miast, ciasto — ciast.*

Cd —

Отсутствие вокализации: *saldo — sald, rondo — rond, gniazdo — gniazd.*

Cs [10] — примеров нет.

Cz — примеров нет.

Cc —

Отсутствие вокализации: *serce — serc, miejsce — miejsc, drzewce — drzewc (и drzewców).*

Cż — примеров нет.

Cš — примеров нет.

Cź — примеров нет.

Cč [11] — примеров нет.

Cž — примеров нет.

Cś [12] — примеров нет.

Cź — примеров нет.

Cć [13] — примеров нет.

Cź — примеров нет.

Ck [14] —

Вокализация: *lusterko — lusterek, biurko — biurek, pudełko — pudełek, okienko — okienek, ciastko — ciastek, słówko — słówek, miasteczko — miasteczek, łózko — łózek, uszko — uszek.*

Отсутствие вокализации: *zjawisko — zjawisk, lotnisko — lotnisk, nazwisko — nazwisk, wykopalisko — wykopalisk.*

Cg — примеров нет.

Cx — примеров нет.

Примечания

- [1] Слова с исходом -Cj, будучи заимствованными, либо не склоняются вообще, либо не имеют форм мн. числа, либо имеют форму Род. мн. с флексией -ów: *radio* (допустима форма *radiów* — SPP), *studio* (*studiów* или несклон. — SPP), *medio*, *adagio* (*adagiów* или несклон. — SPP), *solfeggio*, *arpeggio*, *folio*, *tunio*, *impresario* (*impresariów* — SPP), *patio* (*patiów* — SPP).
- [2] Слова с таким исходом чаще всего не склоняются или не имеют форм мн. числа: *gabro*, *bistro*, *allegro*, *maestro* (-ów), *metro*, *jutro*.
- [3] Существительные с этим исходом либо не имеют форм мн. числа, либо образуют форму Род. мн. с флексией -y: *ostrze*, *podżebrze*, *międzyzebrze*, *nozdrze* — *nozdrzy*, *najądrze* — *najądrzy*, *świętopiętrze*, *powietrze*, *półpiętrze* — *półpiętrzy*, *przypiętrze* — *przypiętrzy*.
- [4] Некоторые из существительных этого типа либо не имеют форм мн. числа (*żarto*, *masto*), либо образуют форму Род. мн. с флексией -ów (таковы существительные с суф. -ajto: *ręбайto*, *rzęбайto*, *wykidajto*, *zapiewajto*, *strachajto*, *poszturchajto*, *popychajto*).
- [5] Существительные этого типа имеют форму Род. мн. с флексией -i: *osiedle* — *osiedli*, *podgardle* — *podgardli*, *naskrzydle* — *naskrzydli*, *przedpiekle* — *przedpiekli*, *zarośle* — *zarośli*, *porośle* — *porośli*, *naświetle* — *naświetli*.
- [6] Ряд существительных этого типа не имеет форму мн. числа: *sedno*, *ciemno*, *zimno*, *kupno*, *falerno*. Для некоторых слов в словарях нет указания на форму Род. мн.: *kopno*, *podziarno*, *terno*, *cetno*, *kietzno*.
- [7] Существительные этого типа имеют форму Род. мн. с флексией -i: *popotudnie* — *popotudni*, *oboknie* — *obokni*, *nadoknie* — *nadokni*.
- [8] Неясные формы от существительных *bielmo*, *obielmo*, *chryzmo*, *krzyźmo*.
- [9] Многие существительные с исходом -ctwo не имеют форм мн. числа. Существительные с суффиксом -stwo регулярно сохраняют невокализованный исход основы перед нулевой флексией Род. мн.
- [10] Существительные *serso*, *korso* не склоняются.
- [11] Немногочисленные существительные этого типа (*przedzarcze*, *podzarcze*, *zanercze*, *pranercze*, *nadnercze*, *przednercze*, *wodonercze*, *półkucrze*), вероятно, не имеют форм мн. числа, а если бы и имели, то ожидалась бы флексия -y.
- [12] Единственное слово с таким исходом: *podpiersie*.
- [13] Существительные этого типа, как правило, не имеют форм мн. числа: *darcie*, *rozdarcie*, *wyjście*.
- [14] Деминутивы на -ko регулярно имеют вокализацию перед нулевой флексией Род. мн., кроме существительных с суффиксом -isko.

Прежде всего обращает на себя внимание диспропорция между обилием основ с одними консонантными группами в исходе и бедностью основ с другими финалями. Так, основы, завершающиеся последовательностями типа шумный + сонорный, имеют наибольшее распространение во всех трех грамматических родах; затем идут основы с исходом на заднеязычный согласный; несравненно слабее представлены основы с другими шумными согласными. В значительной степени такое распределение отражает общеязыковое соотношение консонантных последовательностей разного типа, ср. [Толстая, 1974], помимо этого, оно обусловлено фонемным составом наиболее продуктивных суффиксов, обслуживающих субстантивное словообразование, таких, как *-#k-*, *-#c-*, *-stw-*, *-izn-* и т. д.

Консонантные последовательности типа *Cj*, являющиеся специфической особенностью основ женского рода, подвержены обязательной вокализации перед нулевой флексией. В основах мужского рода финали этого типа отсутствуют. В среднем роде основы, завершающиеся группой *Cj*, не сочетаются с нулевой флексией и потому не имеют возможностей вокализации.

Тип основ на *Cr* особенно распространен в мужском роде. Вокализация таких сочетаний перед нулевой флексией характерна для существительных всех трех родов, однако число невокализованных сочетаний, относящихся, правда, прежде всего к заимствованным словам, достаточно велико. Примерное соотношение вокализуемых и невокализуемых основ в мужском роде 87:44, в женском 16:20, в среднем — 12:1.

Сочетания типа *Ct* в исходе субстантивных основ отличаются наибольшей последовательностью — они регулярно требуют эпентезы гласного в позиции перед нулевой флексией. Среди существительных мужского рода на 19 случаев эпентезы приходится одна невокализуемая морфема (корень *-myst*), среди существительных среднего рода на большое количество вокализуемых основ (около 200) приходится одно исключение (*rzemioŝto* — *rzemioŝt*) и один случай параллельных форм: *obto* — *obet* и *obt*.

Финали типа *Cl* известны исключительно в сфере основ мужского рода, где они, как правило, испытывают вокализацию (более 100 основ с эпентезой на 35 основ без эпентезы).

В отношении основ типа на *Cn* и *Cń* наблюдается различная картина в сфере мужского и женского рода. Среди основ мужского рода большая часть не вокализует *Cn* (21:5), но вокализует *Cń* (38:2), а среди слов женского рода, наоборот, сочетания типа *Cń* преимущественно сохраняются (51 случай без эпентезы к 6 случаям эпентезы). Что касается среднего рода, то финаль *Cn* здесь, как правило, вокализуется (18:2), а финаль *Cń* отсутствует.

Основы с исходом на губные согласные, как правило, не знают эпентезы гласного перед нулевой флексией, хотя исключения встречаются и в мужском, и особенно в женском роде, где есть целая компактная группа основ на *-C#v'*, регулярно вокализуемая.

Для всех остальных типов основ, оканчивающихся на другие шумные согласные, по-видимому, нормой следует считать отсутствие эпентезы и сохране-

ние сочетаний согласных перед нулевой флексией, поскольку все (достаточно многочисленные) случаи отклонения от этого правила касаются основ, содержащих продуктивные вокализуемые суффиксы: это основы муж. рода с суффиксами *-#c-* и *-#k-*, женского и среднего рода с суффиксом *-#k-*, среднего — с суффиксом *-dt-*.

Таким образом, в современном языке чередования гласных с нулем, имеющие хорошо известные и вполне прозрачные исторические корни, регулируются совершенно иным механизмом морфонологической организации субстантивных основ — механизмом, основанном на закономерностях фонологической структуры конечных консонантных последовательностей и приспособленном к традиционно сложившейся морфонологической структуре наиболее продуктивных суффиксов (ср. факт эпентезы гласного в суффиксе *-dt-*: *skrzydło* — *skrzydeł*, исторически не содержавшем редуцированного).

2. Чередование согласных внутри основы

Данное чередование всегда выступает как сопутствующее чередованию нуля с гласным и вне этого последнего не встречается. Каждый из консонантов, окружающих беглую гласную, может быть палатальным (в морфонологическом смысле) в обоих видах основы, т. е. в полном и нулевом (например, *wrzesień* — *września*), палатальным в одном из них и непалатальным в другом (*dworzec* — *dworca*, *studnia* — *studzien*) или непалатальным в обоих видах (*mydło* — *mydeł*). Таким образом, между нулевой и полной ступенью теоретически возможны следующие 16 типов соотношений в зависимости от палатальности/непалатальности каждого из двух согласных, окружающих беглую гласную:

нулевая ступень \ полная ступень	$C_1 \# C_2$	$C_1 \# C'_2$	$C'_1 \# C_2$	$C'_1 \# C'_2$
$C_1 \# C_2$				
$C_1 \# C'_2$				
$C'_1 \# C_2$				
$C'_1 \# C'_2$				

Это значит, что теоретически для каждой реальной основы осуществляется (при образовании от нее формы с другой ступенью чередования) выбор из четырех возможностей. Однако реально представлены не все 16 указанных типов соответствий, а значительно меньше. Это сокращение достигается за счет двух жестких ограничений: твердому C_1 в консонантной группе нулевой основы может со-

ответствовать как твердый, так и мягкий C_1 в полной основе, но мягкому C_1 нулевой основы может соответствовать только мягкий C_1 полной основы. Или, что то же самое, мягкому C_1 полной основы может соответствовать как мягкий, так и твердый C_1 нулевой основы, но твердому C_1 полной основы может соответствовать только твердый C_1 нулевой основы. Обратное положение со вторым согласным (C_2): мягкому C_2 в нулевой основе может соответствовать как мягкий, так и твердый C_2 в полной основе, но твердому C_2 может соответствовать только твердый. Или, что то же самое, твердому C_2 в полной основе может соответствовать как твердый, так и мягкий C_2 в нулевой основе, а мягкому C_2 — только мягкий. То есть отношения таковы:

полная ступень		
нулевая ступень	C_1	C'_1
C_1	+	+
C'_1	-	+

полная ступень		
нулевая ступень	C_2	C'_2
C_2	+	-
C'_2	+	+

Фонологический смысл этих ограничений совершенно ясен: в нулевой словоформе первый из двух согласных (C_1) находится в слабой позиции (перед согласным), где отсутствует противопоставление по глухости-звонкости и в некоторых сериях согласных по палатальности (губные, заднеязычные), следовательно твердость согласного C_1 в этой позиции может быть позиционно обусловленной следующим согласным, а в сильной позиции (перед гласным), т. е. в полной основе, она может «восстанавливаться». Мягкость C'_2 в нулевой основе (перед согласным) теоретически тоже может быть позиционной ($s + \acute{e} \rightarrow \acute{s}\acute{e}$ или $s + \acute{n} \rightarrow \acute{s}\acute{n}$), но практически нам пока не встретилось таких примеров (типа **bašnia* — **baseń* или **basen*). Что касается второго согласного (C_2), то он, наоборот, в нулевой основе находится в сильной позиции (перед гласным флексии), а в полной основе — в слабой позиции конца слова. Т. е. интересующие нас согласные основы находятся в следующих позициях:

	нулевая основа	полная основа
C_1	перед согласным	перед гласным
C_2	перед гласным	перед # (паузой)

Значит, C_2 , если он тверд перед гласным (нулевая основа), будет оставаться твердым и на конце слова (мягкости «неоткуда взяться»). Но если он мягок перед гласным (нулевая основа), то в слабой позиции на конце слова он может быть и мягким, и твердым (губные, \acute{n}).

Рассмотренные ограничения сокращают число теоретических возможностей с 16 до 9, устраняя 7 из них:

полная ступень / нулевая ступень	полная ступень				
	C_1C_2	$C_1C'_2$	C'_1C_2	$C'_1C'_2$	
C_1C_2	+	-	+	-	2
$C_1C'_2$	+	+	+	+	4
C'_1C_2	-	-	+	-	1
$C'_1C'_2$	-	-	+	+	2
	2	1	4	2	

Теперь для разных видов нулевых и полных основ остается соответственно по 2, 4, 1, 2 возможности. Наиболее неопределенны, то есть менее всего предсказывают противоположный вид основы, нулевые основы вида $C_1C'_2$ со вторым палатальным согласным и полные основы с первым палатальным (C'_1C_2), допускающие все четыре вида противоположной основы. Наоборот, наиболее определены, т. е. однозначно предсказывают вид противоположной основы, нулевая основа с первым палатальным (C'_1C_2) и полная основа со вторым палатальным согласным ($C_1C'_2$).

Остаются, таким образом, следующие типы соотношений (слева нулевая ступень, справа — полная):

- $C_1C_2 \leftrightarrow C_1C_2$ (*otówka — otówek, mydło — mydeł*);
- $C_1C_2 \leftrightarrow C'_1C_2$ (*dworca — dworzec, gumno — gumien*);
- $C_1C'_2 \leftrightarrow C_1C_2$ (*marchwi — marchew*);
- $C_1C'_2 \leftrightarrow C_1C'_2$ (*knedla — knedel, kropla — kropel*);
- $C_1C'_2 \leftrightarrow C'_1C_2$ (*krokwi — krokiew, studnia — studzien*);
- $C_1C'_2 \leftrightarrow C'_1C'_2$ (*sierpnia — sierpień, ognia — ogień*);
- $C'_1C_2 \leftrightarrow C'_1C_2$ (*końca — koniec, niańka — nianieł*);
- $C'_1C'_2 \leftrightarrow C'_1C_2$ (*wiśnia — wisien или wiśni*);
- $C'_1C'_2 \leftrightarrow C'_1C'_2$ (*września — wrzesień*)

Из перечисленных девяти типов четыре (подчеркнутые) имеют тождественные относительно палатальности согласные в обоих видах основы, т. е. в них попросту отсутствуют чередования согласных. Это типы 1, 4, 7, 9, занимающие диагональные клетки таблицы:

полная ступень / нулевая ступень	C_1C_2	$C_1C'_2$	C'_1C_2	$C'_1C'_2$
C_1C_2	1	—	2	—
$C_1C'_2$	3	4	5	6
C'_1C_2	—	—	7	—
$C'_1C'_2$	—	—	8	9

Поскольку тип 4 для полной основы вида $C_1C'_2$ (вертикальная графа), а тип 7 для нулевой основы вида C'_1C_2 (горизонтальная графа) воплощают единственную для них возможность выбора соответствующего вида противоположной основы (т. е. в данном случае выбирается вид, тождественный исходному), то уже на этом этапе можно сформулировать два правила, касающихся этих типов:

- [I] Если нулевая основа имеет вид C'_1C_2 , то соответствующая ей полная основа также имеет вид C'_1C_2 (тип 7: *końca* → *koniec*, *niańka* → *nianieł*).
- [II] Если полная основа имеет вид $C_1C'_2$ то соответствующая ей нулевая основа также имеет вид $C_1C'_2$ (тип 4: *knedel* → *knedla*, *kropel* → *kropla*).

Что касается типов 1 и 9, то поскольку они должны быть еще отграничены от типов соответственно 2, 3 и 6, 8, правила, определяющие их поведение, будут даны после рассмотрения последних и в зависимости от них (негативно по отношению к ним). В оставшихся пяти типах (2, 3, 5, 6, 8) при переходе от нулевой основы к полной отвердевает конечный согласный основы (C_2) или смягчается неконечный (C_1), но не наоборот. При переходе от полной основы к нулевой, наоборот, отвердевает C_1 или смягчается C_2 :

- (2) $C_1 \sim C'_2$
 (3) $C'_2 \sim C_2$
 (5) $C_1 \sim C'_1$ и $C'_2 \sim C_2$
 (6) $C_1 \sim C'_1$
 (8) $C'_2 \sim C_2$

Эти пять чередований могут быть сведены к трем видам: I. $C_1 \sim C'_1$ [чередование «превокалического» твердого согласного с мягким при нечередующемся C_2 твердом (тип 2) и нечередующемся C'_2 мягком (тип 6)]; II. $C'_2 \sim C_2$ [чередование «поствокалического» мягкого согласного с твердым при нечередующемся C_1 твердом (тип 3) и нечередующемся C'_1 (тип 8)] и III. $C_1 \sim C'_1$ и $C'_2 \sim C_2$ (чередование обоих видов одновременно — тип 5).

Рассмотрим последовательно характер чередований I, II и III вида.

I. Чередование $C_1 - C'_1$ (типы 2, 6)

Здесь могут быть выделены предварительно шесть групп чередований, четыре из которых относятся к типу 2 (т. е. второй согласный неизменно твердый), одно — к типу 6 (т. е. второй согласный мягкий) и одно к обоим типам (т. е. чередование имеет место как при C_2 твердом, так и при C'_2 мягком).

1) Чередования $C_1 - C'_1$ перед C_2 (c): $r - \dot{z}$ (*dworca — dworzec*), $n - \dot{n}$ (*garnca — garniec*), $m - m'$ (*Niemca — Niemiec*), $v - v'$ (*owca — owiec*), $f - f'$ (*hufca — hufiec*), $p - p'$ (*chtopca — chtopiec*), $b - b'$ (*skarbcza — skarbiec*).

Определим характер этого чередования в зависимости от направления. При переходе от нулевой основы к полной чередования $r - \dot{z}$, $n - \dot{n}$, $m - m'$, $v - v'$, $f - f'$, $p - p'$, $b - b'$ перед e в полной основе оказываются позиционно (фонологически) не обусловленными ввиду допустимости сочетаний [re] (*regotać*), [ne] (*wtasne, nektar*), [me] (*mech*), [we] (*wetna*), [fe] (*febra*), [pe] (*pełny*), [be] (*beczeć*). При переходе от полной основы к нулевой чередования $\dot{z} - r$, $\dot{n} - n$, $m' - m$, $v' - v$, $f' - f$, $p' - p$, $b' - b$ перед c нулевой основы могут быть признаны автоматическими только для губных (палатальные губные перед согласными невозможны), но они не являются автоматическими для $\dot{z} - r$, $\dot{n} - n$, ср. *na późce, jeńca*. Следовательно, при обоих направлениях исключается трактовка этого чередования как автоматического фонологического чередования (для губных должно быть сформулировано особое правило автоматического чередования). Попытаемся тогда найти менее абсолютную обусловленность. Предположим, что причиной чередования является последующее c . Тогда в первом варианте (при переходе от нулевой основы к полной) правило звучало бы так: C_1 заменяется на C'_1 при C_2 (c). Такая морфонологическая обусловленность, по-видимому, не противоречит фактам. Заметим, что обратное направление не допускает соответствующего правила: правило $C'_1 \rightarrow C_1$ при C_2 (c) противоречит таким примерам, как *jeniec — jeńca, bodziec — bodźca, palec — palca*, где мягкость C_1 сохраняется перед c .

Таким образом, для первой группы чередований, фонологически не обусловленных, должно быть избрано направление от нулевой основы к полной, а соответствующее ему чередование $C_1 - C'_1$ следует считать морфонологически обусловленным качеством C_2 (именно c).

2) Чередование $C_1 - C'_1$ перед C_2 (t). Сюда относятся пять слов мужского рода: $r - \dot{z}$ (*forta — orzet, karta — karzet*), $t - \acute{c}$ (*kotta — kociot*), $s - \acute{s}$ (*osta — osiot*), $z - \acute{z}$ (*kozła — koziot*).

В этой группе при первом направлении, т. е. при переходе от нулевой основы к полной чередования $r - \dot{z}$, $t - \acute{c}$, $s - \acute{s}$, $z - \acute{z}$ перед e/o полной основы тоже не могут быть признаны фонологически обусловленными, ср. [re] (*regotać*), [to] (*to*), [so] (*sobie*), [zo] (*zostać*), т. е. они являются непозиционными. При другом направлении (от полной основы к нулевой) чередования $\dot{z} - r$, $\acute{c} - t$, $\acute{s} - s$, $\acute{z} - z$ перед t нулевой основы тоже не могут считаться позиционно обусловленными во всех случаях, ср. [źl] (*źtob*). Для остальных трех чередований t в какой-то мере можно считать фонологическим условием для соответствующего чередования (отвердения). (В перечне консонантных сочетаний, составленном М. Баргелувной [1950], двухэлементные сочетания *ćt*,

śt, *źt* не зафиксированы, хотя одно из них фонологически допустимо на стыке морфем сложного слова: *ćwierćtokciowy*.)

Если говорить о морфонологической обусловленности чередования качеством C_2 (в данном случае *t*), то при первом направлении (от нулевой основы к полной) ее явно нет, ср. отсутствие палатализации в *mydło — mydeł*, *hasło — haseł*, *krzesło — krzeseł*, *kubła — kubeł*, *węzła — węzeł*. При втором направлении (от полной основы к нулевой) она может быть принята.

Таким образом, для этой группы чередований, фонологически не обусловленных, предполагается направление от полной основы к нулевой, а чередование $C'_1 \rightarrow C_1$ считается морфонологически обусловленным качеством C_2 (*t*). (Конечно, если учесть, что речь идет всего лишь о пяти словах, для трех из которых допустимо принятие автоматического чередования, то, по-видимому, целесообразнее считать это чередование автоматическим, а существительные *orzet* и *karzet* трактовать как исключения.)

3) Чередование $C_1 - C'_1$ перед C_2 (*n*): *n - ń* (*panna — panien*, *rynna — ry-nien*), *m - m'* (*gumno — gumien*), *v - v'* (*grzywna — grzywien*, *królowna — królewien*), *t - ć* (*płatno — płócien*), *s - ś* (*krosno — krosien*). В этой группе чередований первое направление (от нулевой основы к полной) заставляет отвергнуть для чередований *n - ń*, *m - m'*, *v - v'*, *t - ć*, *s - ś* перед *e* полной основы фонологическую обусловленность, т. к. каждая из перечисленных твердых согласных сочетается с последующим *e* (*ne*, *me*, *we*, *te*, *se*). Второе направление (от полной основы к нулевой) предусматривает чередование мягких *ń*, *m'*, *v'*, *ć*, *ś* с твердыми перед *n* нулевой основы. Если исключить губные и *n*, для которых такое чередование может считаться автоматическим, то окажется, что *ć* и *ś* фонологически в принципе допускают сочетание с последующим *n*: *ćwierćnuta*, *kwaśna mina*, *głośny*, и это не позволяет считать данное чередование фонологически обусловленным. Однако в пределах основ существительных с беглыми гласными можно говорить о морфонологическом правиле, определяющем чередование $C'_1 \rightarrow C_1$ (при направлении от полной основы к нулевой) в зависимости от следующего *n*. Заметим, что при обратном направлении *n* не обеспечивает чередования $C_1 - C'_1$, ср. *snu — sen*, *wiosna — wiosen*, *dno — den*, *bębna — bęben*, *czótno — czóten*. Таким образом, здесь следует предпочесть направление от полной основы к нулевой и объяснять чередование $C'_1 \rightarrow C_1$ как морфонологически обусловленное последующим *n*.

4) Чередование $C_1 - C'_1$ перед C_2 (*s*): *v - v'* (*owsa — owies*), *p - p'* (*psa — pies*). В этой группе чередований пока отмечены только два примера, в которых чередующиеся согласные — губные. Как уже говорилось, в случае с губными следует избрать второе направление (от полной основы к нулевой), дающее автоматическое чередование мягких губных с твердыми перед следующим согласным нулевой основы независимо от его качества.

5) Чередование $C_1 - C'_1$ перед C_2 (*ń*): *v - v'* (*rzewnia — rzewień*), *p - p'* (*pnia — pien*), *d - ź* (*dnia — dzień*), *t - ć* (*kwietnia — kwiecień*). В этой группе чередований, если отвлечься от чередований губных согласных, для которых формулируется общее для всех групп правило позиционного фонологического чередования (при направлении от полной основы к нулевой), речь идет о чередованиях *d - ź* и *t - ć*. Эти два чередования лишены фонологической

обусловленности перед *e* при направлении от нулевой основы к полной, поскольку фонологические последовательности [de], [te] допустимы, ср. *deptać*, *terkot*. Противоположное направление предполагает чередование $\acute{z} \sim d$ и $\acute{c} \sim t$ перед *ń*, которое следует признать позиционным, ибо сочетания [źń], [ćń], судя по перечню М. Баргелувны [1950], в польском языке отсутствуют. Как раз примеры рассматриваемых чередований могут быть доводом в пользу того, что это отсутствие не случайно.

К этой же группе можно присоединить фонологически обусловленное чередование мягкого губного с твердым перед следующим *ś* полной основы: *wieś* — *wsi*.

б) Чередование $C_1 \sim C'_1$ перед C_2 , безразлично мягким или твердым. В данном случае имеются в виду чередования заднеязычных *k*, *g* с соответствующими мягкими *k'*, *g'*, имеющие место независимо от качества C_2 : *k \sim k'* (*iskra* — *iskier*, *tokcia* — *tokieć*), *g \sim g'* (*igła* — *igieł*, *ognia* — *ogień*, *kręgła* — *kręgiel*). При обоих направлениях эти чередования обусловлены, хотя и по-разному: чередования *k' \sim k*, *g' \sim g* (от полной основы к нулевой) фонологически обусловлены последующим согласным нулевой основы (перед согласными мягкие заднеязычные недопустимы); чередования же *k \sim k'*, *g \sim g'* перед *e* полной основы могут быть признаны морфонологически обусловленными, поскольку фонологические последовательности [ke], [ge] допустимы исключительно в словоформах В. ед. существительных женского рода типа *sroka*, *groga* (*srokę*, *drogę*).

Таким образом, для чередований превокалического согласного (C_1) почти во всех случаях оказалось предпочтительнее направление от полной основы к нулевой, и это соответствует тому, уже фонологически значимому обстоятельству, что в полной основе согласный C_1 находится в сильной позиции. Из шести рассмотренных групп в трех чередования можно трактовать как морфонологически обусловленные, а в остальных трех — как фонологически обусловленные, однако при одном направлении. Особый разряд составляют чередования губных и заднеязычных *k*, *g*, твердость которых перед следующим согласным нулевой основы всегда фонологически обусловлена.

II. Чередования типа $C'_2 \sim C_2$ (типы 3, 8)

Здесь выделяются две достаточно определенные группы.

1) Чередования губных согласных на конце основы: *marchew* — *marchwi*, *brew* — *brwi*, *krew* — *krwi*. Как и в предыдущих случаях с чередованиями губных, здесь возможно фонологическое объяснение чередования $v' \sim v$, но лишь при направлении от нулевой основы к полной, поскольку речь идет уже о поствокалическом согласном, для которого сильную позицию обеспечивает нулевая основа, сочетающаяся с ненулевой флексией, а слабую — полная основа, за которой следует нулевая флексия, т.е. фонологически — пауза. При направлении от полной основы к нулевой чередование $v \sim v'$ перед гласными флексий косвенных падежей фонологически и морфонологически не мотивировано.

2) Чередование $\acute{n} \sim n$. Это чередование имеет место в нескольких основах женского рода: *wiśnia* — *wisien*, *kuchnia* — *kuchen*, *stajnia* — *stajen*. Ни при

одном направлении это чередование не может быть признано фонологически обусловленным: как на конце слова (полная основа), так и перед гласными падежных флексий (нулевая основа) одинаково возможны и *п*, и *ń*. Таким образом, мы имеем дело с чередованием, несомненно, непозиционным, для которого трудно сформулировать даже морфонологические условия.

III. Одновременное чередование $C_1 - C'_1$ и $C'_2 - C_2$ (тип 5)

Этот случай имеет место в тех основах, которые сочетают в себе признаки основ с чередованием превокалического согласного и основ с чередованием поствокалического согласного: *krokiew — krokwi, sukien — suknia, studzien — studnia*.

В случае, когда C_1 — заднеязычный, а C_2 — губной (*krokiew*), чередования, обнаруживаемые при переходе от нулевой основы к полной (*krokwi* → *krokiew*), оказываются позиционно обусловленными (фонологически — для конечного губного и морфонологически — для превокалического заднеязычного в позиции перед беглым *e*). При переходе от полной основы к нулевой для заднеязычного чередование $k' - k$ перед согласным фонологически обусловлено, а чередование губного $v - v'$ перед *i* и тем более перед другими гласными флексий следует признать не зависящим от условий.

Чередования, присутствующие в остальных двух примерах, еще меньше определяются условиями: обусловленными можно считать лишь чередование $k' - k$ (фонологическая обусловленность следующим согласным нулевой основы) и $ź - d$ перед следующим *п* нулевой основы, поскольку сочетание [źп] в польском отсутствует.

Из всех рассмотренных групп чередований наиболее регулярными случаями оказываются чередования превокалических и поствокалических губных (первые фонологически обусловлены при переходе от полной основы к нулевой, т. е. в положении перед согласным нулевой основы, а вторые, наоборот, фонологически обусловлены при переходе от нулевой основы к полной, т. е. конечным положением в полной основе), а также чередования превокалических заднеязычных, которые фонологически определяются последующим согласным нулевой основы, поскольку мягкие заднеязычные перед согласными недопустимы. При противоположных направлениях те же чередования оказываются в меньшей степени мотивированными — в лучшем случае их следует признать морфонологически обусловленными ($k, g \rightarrow k', g'$ перед беглым *e*, твердые превокалические губные → мягкие превокалические губные при поствокалическом *с*). Поствокалические губные при направлении от полной ступени к нулевой испытывают необусловленное чередование по палатальности.

Остальные чередования, касающиеся других согласных, носят еще менее регулярный характер, принадлежа иногда единичным основам.

Литература

- БСИ — Балто-славянские исследования. Москва.
ГС — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Kraków.
ІСУМ — Інверсійний словник української мови. Київ, 1985.
IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague.
Indeks — Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1973.
KJP — D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. Warszawa, 1973.
MSJP — Mały słownik języka polskiego. Warszawa, 1969.
OPBE — Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.
OPMJ — Обратен речник на македонскиот јазик. Сост. В. Миличиќ. Скопје, 1967.
RES — Revue des Études Slaves. Paris.
SA — L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
SaTJB — F. Bartoszewicz, I. Komendacka. Słownik a tergo współczesnego języka białoruskiego. T. 1–4. Warszawa, 1988–1989.
SI — J. Tokarski. Schematyczny indeks a tergo polskich form wyrazowuch / Opracowanie i redakcja Z. Saloni. Warszawa, 1993.
SJPД — Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
SO — Słownik ortograficzny języka polskiego wraz z zasadami pisowni i interpunkcji / pod red. M. Szymczaka. Warszawa, 1975.
SPP — Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 1973.
SSHR — Š. Škerlj, R. Aleksić, V. Latković. Slovenačko-srpskohrvatski rečnik. Beograd; Ljubljana, 1964.
RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976, d. 1–23.
RSS — J. Mistrík. Retrográdný slovník slovenčiny. [Bratislava], 1976.
RSSČ — M. Těšitelová, J. Petr, J. Králík. Retrográdní slovník současné češtiny. Praha, 1986.
RWS — J. Matešić. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Bd. 1, 2. Wiesbaden, 1965–1967.
TCLP — Travaux de Cercle linguistique de Prague. Praha.
TLP — Travaux linguistiques de Prague. Praha.

Аванесов 1968 — Р. И. Аванесов. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском // Славянское языкознание. Доклады советской делегации к VI Международному съезду славистов. М., 1968, с. 3–18.

Аронсон 1968/1974 — H. J. Aronson. Bulgarian inflectional morphonology. The Hague; Paris, 1968; рус. пер.: Г. Аронсон. Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974.

Баргелувна 1950 — M. Bargielówna. Grupy fonemów spółgłoskowych współczesnej polszczyzny kulturalnej // BPTJ, 1950. z. X, s. 1–25.

- Бернштейн 1968 — С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию // Вопросы языкознания, 1968, № 4, с. 43–59.
- Бернштейн 1970 — С. Б. Бернштейн. Очерки славянской морфонологии (чередование в парадигме настоящего времени) // Вестник Московского университета, 1970, № 3, с. 3–18, № 4, с. 45–58.
- Бернштейн 1974 — С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Блумфильд 1939 — L. Bloomfield. Menomini morphophonemics // TCLP, 1939, 8, p. 105–115.
- Бодуэн де Куртене 1963 — И. А. Бодуэн де Куртене. Опыт теории фонетических альтернатив // И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по языкознанию. Т. I. М., 1963, с. 265–347.
- Бромлей 1974 — С. В. Бромлей. Морфонология и грамматика // Общеславянский лингвистический атлас, 1972. М., 1974, с. 25–48.
- Булыгина 1975 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории и практики морфологического описания // Известия АН СССР, Серия лит. и яз., 1975, т. 34, № 4, с. 328–340.
- Булыгина 1977 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Ван Кэмпен 1963 — J. A. Van Campen. The phonetic feature approach in the descriptions of the morphology of the Slavic languages // American Contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 33–40.
- Ван Кэмпен 1968 — J. A. Van Campen. A basic-stem approach to Ukrainian verbal flexion // Glossa, 1968, 2, p. 17–27.
- Ван Схонефельд 1959 — Van Schooneveld. Serbo-Croatian conjugation // IJSLP, 1959, 1/II, p. 55–69.
- Варбот 1984 — Ж. Ж. Варбот. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Вард 1970 — D. Ward. Softening in the morphophonemics of Russian // The Slavic word. The Hague, 1970, p. 215–231.
- Веннеманн 1974 — Th. Vennemann. Restructuring // Lingua, 1974, 33, p. 137–156.
- Вестфал 1956 — St. Westfal. Ę : A alternation in modern Polish noun declension // The Slavonic and East European Review, 1956, v. 34/83, p. 460–484.
- Винклер-Лещинская 1964 — J. Winkler-Leszczyńska. Sufiksy przymiotnikowe *-ity*, *-isty*, *-aty*, *-asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław, Ossolineum, 1964.
- Ворт 1967 — D. S. Worth. On cyclical rules in derivational morphophonemics // Phonologie der Gegenwart. Wien, 1967, p. 173–186; перепечатано в: Ворт 1977.
- Ворт 1968₁ — D. S. Worth. The notion of 'stem' in Russian flexion and derivation // To Honor Roman Jakobson, III. The Hague, 1968, p. 2269–2288; перепечатано в: Ворт 1977.
- Ворт 1968₂ — D. S. Worth. Vowel-zero alternation in Russian derivation // IJSLP, 1968, XI, p. 110–123; перепечатано в: Ворт 1977.
- Ворт 1968₃ — D. S. Worth. «Surface structure» and «deep structure» in Slavic morphology // American Contributions to the VI International Congress of Slavists, v. I. The Hague, 1968, p. 395–427; перепечатано в: Ворт 1977.
- Ворт 1970 — D. S. Worth. On the morphophonemics of the Slavic verb // Slavia, 1970, 39, p. 1–9.
- Ворт 1972₁ — Д. Уорт. Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании // Вопросы языкознания, 1972, № 6, с. 76–84.
- Ворт 1972₂ — Д. С. Ворт. Морфотактика и морфофонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972, с. 397–403.
- Ворт 1973 — Д. С. Ворт. Морфонология славянского словообразования // American Contributions to the VII International Congress of Slavists. V. I. Linguistics and Poetics. The Hague, 1973, p. 377–391.

- Ворт 1975 — *D. S. Worth*. О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975, с. 53–68.
- Ворт 1976 — *D. S. Worth*. О нерегулярностях (фактических и мнимых) // *Russian Linguistics*, 1976, v. 3, № 2, p. 109–120.
- Ворт 1977 — *D. S. Worth*. On the Structure and History of Russian. Selected Essays. München, 1977 [= *Slavistische Beiträge*. Bd. 10].
- Врубель 1969 — *H. Wróbel*. Słowotwórstwo przysiówków odprzymiotnikowych w językach łużyckich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
- Гаджиева 1992 — *С. Г. Гаджиева*. Морфология глагольных основ в старославянском языке. Канд. дисс. М., 1992.
- Гард 1978 — *P. Garde*. Essai de classification formelle des suffixes russes // *RES*, 1978. 51/1–2, p. 107–113.
- Гжегорчикова 1974 — *R. Grzegorzczukowa*. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Warszawa, 1974.
- Гладней 1963 — *F. J. Gladney*. Próba ekonomicznego opisu morfologii czasowników w języku polskim // *BPTJ*, 1963, z. XXII, s. 55–61.
- Гладней 1971 — *F. Gladney*. Toward economy in the description of Polish morphology // *BPTJ*, 1971, z. XXVIII, s. 29–37.
- Глисон 1955/1959 — *E. A. Gleason*. An introduction to descriptive linguistics. New York, 1955; рус. пер.: *Г. Глисон*. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика 1979 — Русская грамматика. I. Praha, 1979.
- Грамматика 1982 — Русская грамматика, т. 1. М., 1982.
- Грамматика 1984 — *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia* / Pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. Warszawa, 1984.
- Грамматика 1986 — *Mluvnice češtiny. I. Fonetika. Fonologie. Morfologie a morfemika. Tvořené slov*. Praha, 1986.
- Грущинский 1989 — *W. Gruszczyński*. Fleksja rzeczowników pospolitych we współczesnej polszczyźnie pisanej. Na materiale «Słownika języka polskiego» PAN pod redakcją W. Doroszewskiego. Wrocław, Ossolineum, 1989.
- Докулил 1973 — *M. Dokulil*. Status a funkce tzv. kmenotvorné přípony slovesné v slovanském tvoření slov (v pohledu diachronním a synchronním) // *Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů*. Praha, 1973, s. 241–249.
- Дунай 1979 — *B. Dunaj*. Zarys morfologii współczesnej polszczyzny. Kraków, 1979.
- Дундайте 1975 — *А. И. Дундайте*. Проблемы диахронической морфологии производных слов русского языка (обзор) // Уровни языка. Проблемы фонологии и морфологии. Обзоры. М., 1975, с. 183–202.
- Дыбо 1981 — *В. А. Дыбо*. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982–1987 — *В. А. Дыбо*. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). I–V // *БСИ*. 1981. М., 1982, с. 205–261; *БСИ*. 1982. М., 1983, с. 3–67; *БСИ*. 1984. М., 1986, с. 112–134; *БСИ*. 1985. М., 1987, с. 181–209.
- Дюрович 1973 — *Л. Дюрович*. Типология флективной основы в славянских языках // *Scando-Slavica*, 1973, XIX, p. 225–243.
- Еськова 1964 — *Н. А. Еськова*. О некоторых морфологических явлениях современного русского языка (на материале образований с суффиксом *-ец* от географических названий с основой на задненебные согласные) // *Топонимастика и транскрипция*. М., 1964, с. 65–81.
- Зализняк 1977 — *А. А. Зализняк*. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*. М., 1977, с. 71–119.

- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1991 — А. А. Зализняк. Морфонологические модели *Луць — Лучин* и *Лукъ — Лукин* в славянских языках // *Studia Slavica. Языкознание. Литературоведение. История. История науки.* К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991, с. 153–160.
- Земская 1973 — Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Земская 1975₁ — Е. А. Земская. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975, с. 69–88.
- Земская 1975₂ — Е. А. Земская. О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975, с. 14–25.
- Ильина 1980 — Н. Е. Ильина. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.
- Исаченко 1964 — A. V. Isačenko. The morphology of the Slovak verb // *TLP*, 1964, 1, s. 183–201.
- Исаченко 1969 — A. V. Isačenko. Morpheme classes, deep structure and the Russian indeclinables // *IJSLP*, 1969, v. XII, p. 48–72.
- Исаченко 1970 — A. V. Isačenko. East Slavic morphophonemics and the treatment of the jers in Russian: a revision of Havlík's law // *IJSLP*, 1970, v. XIII, p. 73–124.
- Исаченко 1972 — А. В. Исаченко. Роль усечения в русском словообразовании // *IJSLP*, 1972, v. XV, p. 95–125.
- Исаченко 1974 — А. В. Исаченко. Иноязычные основы на *-e*, *-i* в русском языке // *Russian Linguistics*, 1974, v. 1, № 3, p. 277–293.
- Исаченко 1975 — A. V. Issatschenko. Morphologische Merkmale. Zur Morphologie der sog. femininen *i*-Stämme im Russischen // *Phonologica* 1972. Akten der zweiten Internationalen Phonologie-Tagung. München, Salzburg, 1975, S. 335–349.
- Исаченко 1976 — А. В. Исаченко. Глагольные основы и структура отглагольного слова (по поводу статьи В. В. Лопатина) // *Russian Linguistics*, 1976, v. 3, № 2, p. 157–161.
- Касевич 1986 — В. Б. Касевич. Морфонология. Л., 1986.
- Ковалик 1977 — K. Kowalik. Budowa morfologiczna przymiotników polskich. Wrocław, Ossolineum, 1977.
- Ковалик 1980 — K. Kowalik. Z morfotaktyki tematów rzeczownikowych współczesnego języka polskiego // *Polonica*, 1979. Ossolineum, 1980, s. 24–57.
- Ковалик 1997 — K. Kowalik. Struktura morfonologiczna współczesnej polszczyzny. Kraków, 1997.
- Комарек 1964 — M. Komárek. Sur l'appréciation fonctionnelle des alternances morphologiques // *TLP*, 1964, I, 145–161.
- Комарек 1968 — M. Komárek. K vývoji morfémové stavby českého slovesa // *Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů*. Praha, 1968, s. 27–35.
- Копецкий 1972 — Л. В. Копецкий. О лексической компетенции грамматического правила // *Filologické studie*. III. Praha, 1972, s. 31–37.
- Коутс, Лайтнер 1975 — H. S. Coats and T. M. Lightner. Transitive softening in Russian conjugation // *Language*, 1975, v. 51, p. 338–341.
- Крея 1969 — B. Kreja. Słowotwórstwo rzeczowników ekspresywnych w języku polskim. Gdańsk, 1969.
- Крея 1989 — B. Kreja. Z morfonologii i morfotaktyki współczesnej polszczyzny. Wrocław, Ossolineum, 1989.
- Крея 1996 — B. Kreja. Studia z polskiego słowotwórstwa. Gdańsk, 1996.
- Кржижкова 1964 — Е. Кржижкова. Морфемный анализ русского глагола // *Československá rusistika*, 1964, № 4, S. 207–212.
- Кубрякова 1974 — Е. С. Кубрякова. Основы морфологического анализа. М., 1974.

- Кубрякова, Панкрац 1983 — *Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац*. Морфонология в описании языков. М., 1983.
- Курилович 1938/1960/1962 — *J. Kuryłowicz*. Struktura morfemu // BPTJ, 1938, 7, s. 10–28; перепечатано в: *J. Kuryłowicz*. Esquisses linguistiques. Wrocław; Kraków, 1960, p. 51–65; рус. пер. *Е. Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 71–91.
- Курилович 1967 — *J. Kuryłowicz*. Phonologie und Morphonologie // Phonologie der Gegenwart. Graz; Wien; Köln, 1967, S. 158–172.
- Лайтнер 1965 — *Т. М. Лайтнер*. О циклических правилах в русском спряжении // Вопросы языкознания, 1965, № 2, с. 45–54.
- Лайтнер 1966 — *Т. М. Lightner*. On the phonology of the Old Church Slavonic conjugation // IJSLP, 1966, X, p. 1–28.
- Ленчек 1966 — *R. Lenček*. The verb pattern of contemporary standard Slovene. With an attempt at a generative description of the Slovene verb by H. G. Lunt. Wiesbaden, 1966.
- Лефельдт 1978 — *W. Lehfeldt*. Formenbildung des russischen Verbs. Versuch einer analytisch-synthetisch-funktionellen Beschreibung der Präsens- und der Präteritumflexion. München, 1978.
- Лефельдт 1985 — *W. Lehfeldt*. Спряжение украинского глагола. Аналитико-синтетически-функциональный анализ образования словоформ настоящего времени, повелительного наклонения и прошедшего времени в современном украинском литературном языке. München, 1985.
- Лопатин 1977 — *В. В. Лопатин*. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Лясковский 1973₁ — *R. Laskowski*. Struktura formalna a struktura słowotwórcza rzeczowników słowotwórczo podzielnych // Studia Semiotyczne, 1973, 4, s. 251–274.
- Лясковский 1973₂ — *R. Laskowski*. Budowa morfonologiczna polskich przyrostków rzeczownikowych // Język polski, 1973, 53, s. 132–141.
- Лясковский 1975 — *R. Laskowski*. Studia nad morfonologią współczesnego języka polskiego. Wrocław, Ossolineum, 1975.
- Лясковский 1978 — *R. Laskowski*. Struktury fonotaktyczne // Polonica, 1978, IV, s. 5–13.
- Лясковский 1980 — *R. Laskowski*. Semiotyczne funkcje alternacji morfonologicznych // Polonica, 1980, V.
- Лясковский 1981 — *Р. Лясковский*. Какую морфонологию выбрать? // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981, с. 5–35.
- Макаев, Кубрякова 1969 — *Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова*. О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 87–119.
- Марван 1976 — *J. Marvan*. Мягкость — категория формообразовательная // Russian Linguistics, 1976, v. 3, № 1, p. 19–33.
- Маслов 1968 — *Ю. С. Маслов*. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Советское славяноведение, 1968, № 4, с. 48–62.
- Маслов 1972 — *Ю. С. Маслов*. Понятие основы и формата в дериватологии и парадигматике // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972, с. 7–13.
- Миклезен 1972 — *L. R. Micklezen*. The structure of the Russian verb stems // The Slavic Word. The Hague; Paris, 1972, p. 261–276.
- Найда 1949 — *Е. А. Nida*. Morphology. The descriptive analysis of words. 2. ed. Ann Arbor, 1949.
- Носович 1870 — Словарь белорусского языка, составленный И. И. Носовичем. СПб., 1870.
- Оливерус 1970 — *З. Ф. Оливерус*. Основы описания морфемных альтернатив в современном русском языке // Československá rusistika, 1970, XV, № 2, s. 49–55.

- Оливериус 1976 — *Зденек Ф. Оливериус*. Морфемы русского языка. Частотный словарь. Praha, 1976.
- Основы 1990 — *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии / под ред. В. А. Дыбо. М., 1990.
- Панов 1959 — *М. В. Панов*. О грамматической форме // Ученые записки МГПИ им. Потемкина, т. 73, вып. 6. М., 1959, с. 5–39.
- Панцер 1978 — *B. Panzer*. Struktur und Entwicklung des Slavischen Verbalstammklassensystems [Slavistische Beiträge. Bd. 119. Referate und Beiträge zum VIII Internationalen Slavistenkongress]. München, 1978.
- Плестершич I–II — *М. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljuljana, 1894–1895.
- Поливанова 1975₁ — *А. К. Поливанова*. Принципы морфологического анализа производных основ // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975, с. 142–151.
- Поливанова 1975₂ — *А. К. Поливанова*. Классификация именных основ современного русского языка // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975, с. 136–141.
- Поливанова 1976 — *А. К. Поливанова*. Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД. М., 1976.
- Попова 1975 — *Т. В. Попова*. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975.
- Постал 1968 — *Р. М. Postal*. Aspects of phonological theory. New York, 1968.
- Реформатский 1974 — *А. А. Реформатский*. О типах позиций // Теория и история языкознания, вып. III. Проблемы фонологии и морфонологии. Рефераты. Обзоры. М., 1974, с. 7–24; перепечатано в: Реформатский 1987.
- Реформатский 1975 — *А. А. Реформатский*. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // *А. А. Реформатский*. Фонологические этюды. М., 1975, с. 98–133.
- Реформатский 1987 — *А. А. Реформатский*. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Русак 1990 — *В. П. Русак*. Морфонология глагола в белорусском языке. Канд. дисс. Минск, 1990.
- Скоумалова 1976 — *Z. Skoumalová*. Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvlášť v ruštině. Praha, 1976.
- Скоумалова 1978 — *Z. Skoumalová*. K formálně třídění atribuci ruských sloves // Studie ze slovanské jazykovědy I. Praha, 1978, s. 77–149.
- Славянская морфонология 1987 — Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1987.
- Смех 1957 — *W. Śmiech*. O polskich przysłówkach odprzymiotnikowych na -o, -e // Rozprawy Komisji językowej, t. V. Łódź, 1957.
- Смех 1962 — *W. Śmiech*. Stopień wyższy przysłówków polskich z sufiksami *-oko, *-oko // Rozprawy Komisji językowej, t. VIII. Łódź, 1962.
- Смиренский 1972 — *В. Б. Смиренский*. Историко-типологическая характеристика морфонологии русского спряжения // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972, с. 287–301.
- Смиренский 1975₁ — *В. Б. Смиренский*. О роли морфонологических средств в языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 2, с. 166–174.
- Смиренский 1975₂ — *В. Б. Смиренский*. Варьирование морфемы в свете морфонологического анализа (К проблеме алломорфии) // Филологические науки, 1975, № 1.
- Станкевич 1960 — *E. Stankiewicz*. The consonantal alternations in the Slavic declensions // Word, 1960, v. 16, № 2, p. 183–203.
- Станкевич 1962₁ — *E. Stankiewicz*. Interdependence of inflectional and derivational patterns // Word, 1962, v. 18, p. 1–22.

- Станкевич 1962₂ — *E. Stankiewicz*. The singular/plural opposition in Slavic languages // IJSLP, 1962, V, p. 1–15.
- Станкевич 1963 — *E. Stankiewicz*. Unity and variety in the morphophonemic patterns of the Slavic declensions // American contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 263–286.
- Станкевич 1964 — *E. Stankiewicz*. Trubetzkoy and Slavic morphophonemics // Wiener slavistisches Jahrbuch. [1964], Bd. 11, S. 79–90.
- Станкевич 1966 — *E. Stankiewicz*. Slavic morphophonemics in its typological and diachronic aspects // Current trends in linguistics, III. The Hague, 1966, p. 495–520: перепечатано в: Станкевич 1979.
- Станкевич 1967 — *E. Stankiewicz*. Opposition und hierarchy in morphophonemic alternations // To Honor Roman Jakobson, 1967, p. 1895–1905: перепечатано в: Станкевич 1979.
- Станкевич 1976 — *E. Stankiewicz*. Prague school morphophonemics // Sound, Sign and Meaning. Michigan Slavic contributions. Ann Arbor, 1976, v. 6, p. 101–118: перепечатано в: Станкевич 1979.
- Станкевич 1979 — *E. Stankiewicz*. Studies in Slavic morphophonemics and accentology. Ann Arbor, 1979.
- Станкевич б/г — *Я. Станкевич*. Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь / Беларуско-расійскі (Вяліколитовско-расійскі) слоўнік / Byelorussian-Russian (Greatlitvan-Russian) Dictionary by Dr. J. Stankevich. New York [без года].
- Струтинский 1991 — *J. Strutyński*. Podstawy morfonologii polskiej. Kraków, 1991.
- Супрун 1984 — *А. Е. Супрун*. О лексической компетенции грамматического правила // Слово в грамматике и словаре. М., 1984, с. 38–41.
- Сятковская 1967 — *E. Siatkowska*. Deminutywa rzeczownikowe we współczesnych literackich językach zachodniosłowiańskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1967, t. 6, s. 157–170.
- Телин 1973 — *N. B. Thelin*. On stem formation, conjugation and accentuation of the Russian verb // Scando-Slavica, 1973, t. XIX, p. 83–100.
- Токарский 1951 — *J. Tokarski*. Czasowniki polskie. Formy, typu, wyjątki. Warszawa, 1951.
- Токарский 1973 — *J. Tokarski*. Fleksja polska. Warszawa, 1973.
- Толстая 1971 — *С. М. Толстая*. О некоторых трудностях морфонологического описания. // Вопросы языкознания, 1971, № 2, с. 37–43.
- Толстая 1975 — *С. М. Толстая*. Морфонологические корреляции согласных в русском языке // Вопросы языкознания, 1975, № 6, с. 99–108.
- Толстая 1976 — *С. М. Толстая*. Морфонологические типы субстантивных парадигм в польском языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976, с. 85–113.
- Толстая 1977 — *С. М. Толстая*. К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках // Советское славяноведение, 1977, № 1, с. 83–88.
- Толстая 1981₁ — *С. М. Толстая*. Условия чередования *o* - *u* в польском императиве // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1981, t. 18, s. 45–51.
- Толстая 1981₂ — *С. М. Толстая*. Морфонологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981, с. 268–277.
- Толстая 1982 — *С. М. Толстая*. Морфонология. Морфемика // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974–1977 гг. Словообразование. Материалы для обсуждения. М., 1982, с. 89–139.
- Толстая 1994 — *С. М. Толстая*. К сопоставительному изучению славянских языков на уровне морфонологии: глагольные основы в польском и русском язы-

- ках // Теоретические и методические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994, с. 232–240.
- Толстая 1996 — *С. М. Толстая*. К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на *-enъje // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996, с. 584–597.
- Толстая 1998 — *С. М. Толстая*. Из русской глагольной морфонологии: имперфективы и итеративы с суф. -iva- // В печати.
- Трубецкой 1929 — *N. S. Trubetzkoy*. Sur la «morphologie» // TCLP, 1929, № 1, p. 85–88.
- Трубецкой 1930 — *N. S. Trubetzkoy*. Polabische Studien // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Kl. Wien, 1930, Bd. 211. Abh. 4.
- Трубецкой 1931/1967 — *N. S. Trubetzkoy*. Gedanken über Morphologie // TCLP, 1931, IV, p. 160–163; рус. перевод: Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 115–118.
- Трубецкой 1934/1987 — *Trubetzkoy*. Das morphonologische System der russischen Sprache // TCLP, 1934, V, № 2, p. 2–91; рус. перевод в: Трубецкой 1987, с. 67–142.
- Трубецкой 1954/1968 — *N. S. Trubetzkoy*. Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Wien, 1954; 2 Aufgabe. Graz; Wien; Köln, 1968.
- Трубецкой 1987 — *Н. С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Улашин 1931 — *Н. Улашин*. Laut, Phonema, Morphonema // TCLP, 1931, IV, p. 53–61.
- Улуханов 1975 — *И. С. Улуханов*. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975, с. 95–113.
- Халле 1963 — *М. Халле*. О правилах русского спряжения // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 363–382.
- Хоккет 1961 — *Ch. F. Hockett*. Linguistic elements and their relations // Language, 1961, 37, p. 29–53.
- Хомский, Халле 1968 — *N. Chomsky, M. Halle*. The sound pattern of English. New York, 1968.
- Цыран 1967 — *W. Cyran*. Przysłówki polskie. Budowa słowotwórcza. Łódź, 1967.
- Чурганова 1973 — *В. Г. Чурганова*. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Шапиро 1974 — *M. Shapiro*. Phonological aspects of the Russian morphophonemic component // Topics in Slavic phonology. Cambridge, Mass., 1974, p. 203–222.
- Шенкер 1954 — *A. M. Schenker*. Polish conjugation // Word, 1954, v. X, p. 469–481.
- Шенкер 1964 — *A. M. Schenker*. Polish declension. A descriptive analysis. London; The Hague; Paris, 1964.
- Шобер 1953 — *S. Szober*. Gramatyka języka polskiego. Wyd. 3. Warszawa, 1953.
- Ядацкая 1995 — *Н. Ядацка*. Rzeczownik polski jako baza derywacyjna. Opis gniazdowy. Warszawa, 1995.
- Якобсон 1948 — *R. Jakobson*. Russian conjugation // Word, 1948, v. IV, № 3, s. 155–167.
- Янко-Триницкая 1971 — *Н. А. Янко-Триницкая*. Основа и флексии в русском глаголе // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971, с. 301–311.
- Янко-Триницкая 1975 — *Н. А. Янко-Триницкая*. Межморфемные чередования в современном русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975, с. 89–94.

Значения используемых символов

- — дефис, знак морфемной границы
- # — нулевая морфонема с переменной фонологической репрезентацией (нуль или гласный)
- ø — нулевая флексия
- ∅ — нулевой суффикс
- √ — корень слова

- ↔ — знаки преобразования форм (символов)

- + — знак присоединения
- | — знак усечения (редукции) следующего за ним сегмента
- ~ — знак чередования (альтернации); подразумевается, что левый символ заменяется правым
- / — знак, разделяющий альтернативные формы (символы)

- { } — морфонологическая запись
- [] — фонологическая запись

- C — любая согласная (в формуле C - C' и в специально оговоренных случаях — морфонологически твердая согласная)
- C' — морфонологически мягкая (палатализованная, палатальная) согласная
- C'' — морфонологически йотированная согласная
- C⁰ — согласная на исходной (нулевой) ступени чередования
- V — любая гласная

- P — класс твердых губных
- P' — класс мягких губных
- T — класс твердых переднеязычных
- T' — класс мягких переднеязычных
- K — класс твердых заднеязычных
- K' — класс мягких заднеязычных
- C — класс свистящих аффрикат
- Č — класс шипящих аффрикат
- Š — класс шипящих фрикативных

- S — субстантивная основа
- Vb — глагольная основа
- A — адъективная основа
- ДО — деривативная основа
- ФО — флективная основа

- A₁₋₁₁ — типы морфонологической палатализации и йотации
- V₁₋₁₁ — типы диспалатализации и дейотации
- M₀₋₈ — типы морфонологических моделей

Научное издание

С. М. Толстая
Морфонология
в структуре славянских языков

Утверждено к печати
Институтом славяноведения РАН

Наборщик *М. Толстая*
Корректор *Р. Агеева*
Редактор *Н. Стахеева*
Верстка *Л. Коритынской*

Оригинал-макет выполнен в издательстве «Индрик»

Издательство «Индрик»
Директор *С. Григоренко*
Главный редактор *Н. Волочаева*
Выпускающий редактор *О. Климанов*

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100^{1/16}. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
20,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 3524
Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии «Наука» РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

